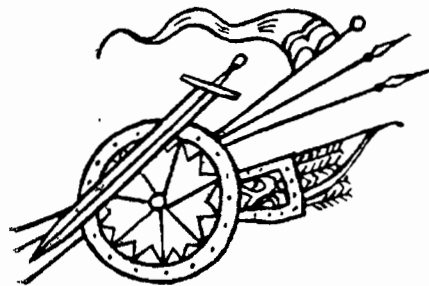

СКАЗАНИЯ
И ПОВЕСТИ
О КУЛИКОВСКОЙ
БИТВЕ

СКАЗАНИЯ И ПОВЕСТИ О КУЛИКОВСКОЙ БИТВЕ

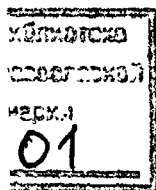
**Издание подготовили
Л. А. ДМИТРИЕВ и О. П. ЛИХАЧЕВА**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1982**

*М. П. Алексеев, Н. И. Балашов, Г. П. Бердников, Д. Д. Благой,
И. С. Брагинский, А. С. Бушмин, М. Л. Гаспаров, А. Л. Гришунин,
А. Дмитриев, Н. Я. Дьяконова, Б. Ф. Егоров (заместитель председателя),
Д. С. Лихачев (председатель), А. Д. Михайлов,
Д. В. Ознобишин (ученый секретарь), Д. А. Ольдерогге,
Б. И. Пуришев, А. М. Самсонов (заместитель председателя),
М. И. Стеблин-Каменский, Г. В. Степанов, С. О. Шмидт*

Ответственный редактор

Д. С. ЛИХАЧЕВ

СОДЕРЖАНИЕ

ДРЕВНЕРУССКИЕ ТЕКСТЫ

Задонщина (подготовил Л. А. Дмитриев)	7
Краткая летописная повесть (подготовил Л. А. Дмитриев)	14
Пространная летописная повесть (подготовил Л. А. Дмитриев)	16
Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция (подготовили В. П. Бударагин и Л. А. Дмитриев)	25
Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция (подготовила О. П. Лихачева)	49
Сказание о Мамаевом побоище. Распространенная редакция (подготовили Л. А. Дмитриев и Л. А. Чуркина)	73
Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция, печатный вариант (подготовила Л. А. Чуркина)	103

ПЕРЕВОДЫ

Задонщина (перевод Л. А. Дмитриева)	131
Краткая летописная повесть (перевод Л. А. Дмитриева)	138
Пространная летописная повесть (перевод Л. А. Дмитриева)	140
Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция (перевод В. В. Колесова)	149
Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция (перевод О. П. Лихачевой)	174
Сказание о Мамаевом побоище. Распространенная редакция (перевод О. П. Лихачевой)	198
Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция, печатный вариант (перевод О. П. Лихачевой)	228

ПРИЛОЖЕНИЯ

Д. С. Лихачев. Мировое значение Куликовской победы	255
В. Т. Пашуго. Историческое значение Куликовской битвы	262
А. Н. Кирпичников. Великое Донское побоище	291
Л. А. Дмитриев. Литературная история памятников Куликовского цикла	306
Р. П. Дмитриева. Об авторе Задонщины	360
Текстологический комментарий (В. П. Бударагин, Л. А. Дмитриев, О. П. Лихачева, Л. А. Чуркина)	369
Историко-литературный комментарий (Л. А. Дмитриев и О. П. Лихачева)	379
Именной указатель (составила Л. А. Чуркина)	410
Список условных сокращений	421

ДРЕВНЕРУССКИЕ ТЕКСТЫ

ЗАДОНЩИНА

Слово о великом князе Дмитрее Ивановиче и о брате его князе Владимире Андрѣевиче*, яко побѣдили супостата своего царя Мамаю**

Князь великий Дмитрий Ивановичъ с своим братом, с княземъ Владимиром Андрѣевичем, и своими воеводами были на пиру у Микулы Васильевича:* «Вѣдомо намъ, брате, что¹, у быстрого Дону царь Мамай пришел на Рускую землю, а идет к намъ в Залѣскую землю».*

Пойдем, брате, тамо в полунощную страну — жребия Афетова,* сына Ноева, от него же родися русь православная.² Взыдем на горы Киевския и посмотрим славного³ Непра и посмотрим по всей земли Руской. И оттоля на восточную страну — жребий Симова,* сына Ноева, от него же родися хиновя* — поганые татаровя, бусормановя.* Тѣ бо на рекѣ на Каялѣ* одолѣша родъ Афѣтов. И оттоля Руская земля сѣдитъ невесела; а от Калатьския рати* до Мамаева побоища тугою и печалию покрывшася, плачущися, чады своя поминаючи⁴ — князи и бояря и удалые люди, иже оставиша вся дома своя и богатество, жены и дѣти и скот, честь и славу мира сего получивши, главы своя положиша за землю за Рускую и за вѣру християньскую.⁵

Преже восписахъ жалость земли Руские и прочее отъ кних приводя, потом же списахъ жалость и похвалу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его, князю Владимиру Андрѣевичю.

Снидемся, братия и друзи и сынове рускии, составим слово к слову, возвѣселим Рускую землю и возвѣрзем печаль на восточную страну — в Симов жребий и воздадим поганому Момаю побѣду, а великому князю Дмитрею Ивановичю похвалу и брату его, князю Владимиру Андрѣевичю. И рцем таково слово: лудчи бо нам, брате, начати повѣдати иными словесы о⁶ похвальных сихъ о⁷ нынешних повѣстех⁸ о полку⁹ великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андрѣевича, а внуки святаго великаго князя Владимира Киевскаго.* Начаша¹⁰ ти повѣдати по дѣлом и по былинам. Не проразимся мыслию по землями, помянем первых лѣт времена, похвалим вѣщаго¹¹ Бояна,¹² горазна гудца* в Киеве. Тот¹³ бо вѣщій Боянъ¹⁴ воскладоша горазная своя персты на живыя струны, пояше¹⁵ руским князем славы:¹⁶ первую славу великому князю киев-

скому Игорю Рюриковичю,* 2 — великому князю Владимиру Святославичю Киевскому, третью¹⁷ — великому князю Ярославу Володимировичю.*

Аз же помяну резанца Софония,* и восхваляю пѣснями и¹⁸ гусленными буйными¹⁹ словеса сего великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, а внуки святаго великаго князя Владимира Киевскаго. И пѣние князем руским за вѣру христианскую!

А от Калатские рати до Момаева побоища 160²⁰ лѣт.*

Се бо князь великий Дмитрей Ивановичъ и братъ его, князь Владимиръ Андрѣевичъ, помолися богу и пречистой его матери, истезавше ум свой крѣпостию,²¹ и поостриша сердца свои мужеством, и наполнишася²² ратного духа, оставиша собѣ храбрыя полъкы²³ в Руской землѣ и помянуша прадеда своего, великаго князя Владимира Киевскаго.

Оле жаворонок, лѣтняя птица, красных дней²⁴ утѣха, возлѣти под²⁵ синие облака,²⁶ посмотри к сильному граду Москвѣ, воспой славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его, князю Владимиру Андрѣевичю! Ци буря соколи зонесет²⁷ из земля Залѣския в полѣ Половецкое!^{28*} На Москвѣ кони ржут, звѣнит слава по всей земли Руской, трубы²⁹ трубят на Коломнѣ,* бубны³⁰ бьют в Серпугове,* стоят стязи у Дону³¹ великаго на brezѣ.

Звонять колоколы³² вѣчныя в Вѣликом Новгородѣ, стоят мужи нагородские у³³ святыя Софии,* а ркучи³⁴ тако: «Уже нам, брате, не поспѣтъ на пособе³⁵ к великому князю Дмитрею Ивановичю?». И как слово изговаривают, уже аки орли слѣтѣшася. То ти были не орли слѣтѣшася — выехали посадники из Великаго Новагорода,*³⁶ а с ними³⁷ 7 000 войска* к великому князю Дмитрею Ивановичю и к брату его, князю Владимиру Андрѣевичю,³⁸ на пособе.³⁹

К славному граду Москвѣ съехалися вси князи руские а ркучи⁴⁰ таково слово: «У Дону⁴¹ стоят татаровя поганые, и Момай царь на реки на Мечи, между Чюровым и Михайловым,* брѣсти хотят, а предати живот свой нашей славѣ».

И рече⁴² князь великий Дмитрей Ивановичъ: «Брате, князь Владимиръ Андрѣевичъ, поидем⁴³ тамо, укупим животу своему славы,⁴⁴ учиним землям диво,⁴⁵ а старым повесть, а молодым память!⁴⁶ А храбрых своих испытает, а реку Дон кровью прольем за землю за Рускую и за вѣру крестьянскую!».

И рече⁴⁷ им князь великий Дмитрей Иванович: «Братия и князи руские, гнѣздо есмя великаго князя Владимира Киевскаго! Не в обиде есми были по роженію⁴⁸ ни соколу,⁴⁹ ни ястребу, ни крѣчату, ни черному ворону, ни поганому сему Момаю!».

О соловей, лѣтняя птица, что бы ты, соловей, выщекотал⁵⁰ славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимиру Андрѣевичю, и земли Литовской дву братом Олгордовичем, Андрѣю и брату его Дмитрею,* да Дмитрею Волянскому!* Тѣ бо суть сынове храбры, крѣчаты в ратном времени и вѣдомы полководцы,⁵¹ под трубами повити,⁵²

под шелома възлелѣаны,⁵³ ⁵⁴конецъ копия вскормлены, с востраго меча поены⁵⁵ в Литовской земли.

Молвяше Андрѣй Олгордович своему брату: «Брате Дмитрей, сами есмя собѣ два браты, сынове Олгордовы, а внуки ⁵⁶есмя Едимантовы,⁵⁷ а правнуки есми Сколомендовы.* Збѣрем, брате, милые пановя удалые Литвы, храбрых удальцов, а сами сядем на ⁵⁸свои борзи комони⁵⁹ и посмотрим быстрого Дону, испиемъ⁶⁰ ⁶¹шеломом воды,^{62*} испытаем мечев своих литовских о шелома татарские, а сулицъ* немецких о боеданы бу-сорманские!».*

И рече ему Дмитрей: «Брате Андрѣй, не пощадим живота своего за землю за Рускую и за вѣру крестьяньскую и за обиду великаго князя Дмитрея Ивановича! Уже бо, брате, стук стучит и⁶³ гром грѣмит в каменом граде Москвѣ. ⁶⁴То ти, брате, не стукъ стучить, ни гром гремит⁶⁵ — стучит силная⁶⁶ рать великаго князя ⁶⁷Дмитрия Ивановича,⁶⁸ гремят⁶⁹ удальцы руские злачеными доспѣхи и черлеными щиты.^{70*} Сѣдлай, брате Андрѣй, свои ⁷¹борзи комони, а мои готови — напреди твоих осѣдлани.⁷² Выедем, брате, в чистое полѣ и посмотрим своих полковъ, колько, брате, с нами храбрые литвы. А храбрые литвы с нами ^{70 000}⁷³ окованые рати. Уже бо, брате, ⁷⁴возвеша сильнии вѣтри⁷⁵ ⁷⁶с моря⁷⁷ на усть Дону и Непра, прилелѣяша⁷⁸ великия⁷⁹ тучи на Рускую землю, из них⁸⁰ выступают⁸¹ кровавые зори, а в них трепещут⁸² синие⁸³ молнии.⁸⁴ Быти стуку⁸⁵ и грому⁸⁶ великому на речке Непрядвѣ,^{87*} между Доном и Непром, пасти трупу человеческому на поле Куликовѣ, пролится крови на речьке Непрядвѣ!».⁸⁸

Уже бо възкрипѣли⁸⁹ телеги⁹⁰ между Доном и Непром, идут⁹¹ хинове⁹² ⁹³на Рускую землю!⁹⁴ И притѣкоша сѣрые волцы от усть Дону и Непра и ставши воют на рекѣ, ⁹⁵на Мечи, хотят наступати на⁹⁶ Рускую землю. ⁹⁷То ти⁹⁸ были не сѣрые волцы — приидоша поганые татаровя, хотят пройти воюючи всю Рускую землю.

Тогда⁹⁹ гуси возгоготаша¹⁰⁰ и лѣбѣди II. ¹крылы възплескаша.² *То ти не гуси возгоготаша, ни лѣбѣди крылы възплескаша,⁴ но поганый Момай пришел на Рускую землю и вои⁵ своя привел. А уже бѣды их пасоша птицы крылати, под облакы⁶ летают,⁷ вороны часто грают, а галицы своею рѣчью говорят, орли хлѣкчют, а волцы грозно воют, а лисицы на кости⁸ брешут.⁹

Руская земля, то первое еси как за царем за Соломоном побывала.*

А¹⁰ уже ¹¹соколи и кречати,* белозерские ястреби¹² рвахуся¹³ от златых колодиць ис камена града Москвы, ¹⁴обриваху шевковья опутины,* возвиваючися под синия небеса, звонечи¹⁵ злачеными колоколы* на быстром Дону, ¹⁶хотят ударити на многие стады гусинья и на лебединья, а богатыри руския удальцы хотат ударити на великия силы поганого царя Мамаю.¹⁷

Тогда князь великий Дмитрей Ивановичь воступив во златое свое стрѣмя, ¹⁸всѣдъ на свой борзый конь¹⁹ и взял свой мечь в правую руку, и помолился богу и пречистой его матери. Солнце ему ясно²⁰ на вѣстоцы²¹

сияет и путь повѣдает, а Борисъ и Глѣбъ молитву воздают за сродники своя.*

Что шумит и что грѣмит рано пред зорями? Князь Владимиръ Андрѣевичъ полки пребирает и ведет к Великому Дону. И молвяше брату своему, великому князю Дмитрею Ивановичю: «Не ослабляй,²² брате, поганым татаровям — уже бо поганые поля руские наступают и вотчину нашу²³ отнимают!».

И рече²⁴ ему князь великий Дмитрей Ивановичъ: «Брате Владимиръ Андрѣевичъ! ²⁵Сами себѣ еси два брата,²⁶ а внуки великаго князя Владимира Киевскаго. А воеводы у нас уставлены — 70²⁷ бояринов, и крѣпцы бысть князи бѣлозѣрстии Федор Семеновичъ, да Семен Михайловичъ,* да Микула Васильевичъ, да два брата Олгордовичи, да Дмитрей Волинской, да Тимофей Волуевичъ,* да Андрѣй Серкизовичъ,* да Михайло Ивановичъ,* а вою с нами триста тысящ окованные рати. А воеводы у нас крепкия,²⁸ а дружина свѣдома,²⁹ а под собою имѣем ³⁰боръзья комони,³¹ а на собѣ злаченны доспѣхи, а шеломы черкаские, а щиты московские, а сулицы немѣцкие, а кинжалы фряские,* а мѣчи булатные; ³²а пути им сведоми, а перевозки им изготовлены,³³ но еще хотят сильно головы своя положить за землю за Рускую и за вѣру крестьянскую.³⁴ Пашут бо ся аки живи хоругови,* ищут собѣ чести и славного имени».

Уже бо тѣ ³⁵соколи и крчати, бѣлозерскыя ястреби,³⁶ за Дон борзо перелѣтѣли и ударилися на³⁷ многие стада ³⁸на гусиные и на лѣбѣдиные.³⁹ ⁴⁰То ти быша ни соколи ни крчеть,⁴¹ то ти наехали руские князи на силу татарскую. И удариша ⁴²копия харалужныя^{43*} о доспѣхи татарские, возгрѣмѣли мечи булатные о шеломы хиновские на полѣ Куликове на рѣчке Непрядвѣ.⁴⁴

Черна земля под копыты, а костми татарскими поля насѣяша, а кровью ихъ земля пролита бысть. А сильны полки ступишася вмѣсто и протопташа холми и луги, и возмутишася рѣки и потоки и озера. ⁴⁵Кликнуло Диво* в Руской земли, велит послушати грознымъ землям. Шибла слава⁴⁶ к Желѣзным Вратам,* и⁴⁷ къ Караначи,* к Риму, и к⁴⁸ Кафе^{49*} по морю, и к Торнаву,^{50*} и оттолѣ ко Царюграду* на похвалу руским князем: ⁵¹Русь великая⁵² одолѣша рать татарскую на полѣ Куликове на речке Непрядвѣ.⁵³

На том полѣ сильны тучи ступишася, а из них часто сияли молыньи и гремѣли⁵⁴ грома велицыи. То ти ступишася руские сынове⁵⁵ с погаными татарами за свою великую обиду. А в них сияли доспѣхы⁵⁶ злаченые, а гремѣли князи руские мечьми булатными о шеломы хиновские.

А билися из утра до полудни в субботу на Рожество святѣй бѣгородицы.*

Не тури возрыкали⁵⁷ у Дону⁵⁸ великаго на полѣ Куликове. ⁵⁹То ти⁶⁰ нѣ тури побѣждени у Дону⁶¹ великаго, но посѣчены князи руские и бояры и воеводы великаго князя Дмитрея Ивановича. Побѣждени князи бѣлозерстии от поганых татаръ, Федор Семеновичъ да Семен Михайловичъ, да Тимофѣй Волуевичъ, да ⁶²Микула Васильевич,⁶³ да Андрѣй Серкизовичъ, да Михайло Ивановичъ и иная многая дружина.

Пересвѣта* чернеца, брянскаго боярина, на суженое мѣсто при-

вели.* И рече Пересвѣтъ чернец великому князю Дмитрею Ивановичю: «Лутчи бы нам потятым быть, нежели полоненым быти⁶⁴ от поганных татар!». Тако бо Пересвѣтъ поскакивает на своем борзом⁶⁵ конѣ, а злаченым доспѣхом посвѣчивает,⁶⁶ а иные лѣжат посечены у Дону⁶⁷ великого на брезѣ.

И в то время стару надобно помолодѣти, а удалым людям плечь своих попытать. И молвяше Ослябя чернец* своему брату Пересвѣту старцу: «Брате Пересвѣте, вижу на телѣ твоём раны великия, уже, брате, лѣтѣти главе твоей на траву ковыль, а чаду моему⁶⁸ Иякову* лѣжати на зелѣнѣ ковылѣ траве на полѣ Куликове на речке Непрядве⁶⁹ за вѣру крестьянскую, и за землю за Рускую, и за обиду великого князя Дмитрея Ивановича».

И в то время по Резанской земле около Дону ни ратаи, ни пастухи в полѣ не кличут, но ⁷⁰только часто⁷¹ вороны грают трупы⁷², ради человеческого,⁷³ грозно ⁷⁴бо бѣше и жалостно⁷⁵ тогда слышати; занеже трава кровию пролита бѣсть, а дрѣвеса тугою к земли приклонишася.

И воспѣли бѣше птицы жалостныя пѣсни — восплакашася вси княгини и боярыни и вси воеводскіе жены о избіенных. ⁷⁶Микулина жена Васильевича Марья⁷⁷ рано плакаша у Москвы града на забралах,^{78*} а ркучи⁷⁹ тако: «Доне, Доне, быстрая река, прорыла еси ты каменные горы и течеша в землю Половецкую. Прилѣлѣй моего господина Микулу Васильевича ко мнѣ!». ⁸⁰А Тимофѣева жена Волуевича Федосья⁸¹ тако же ⁸²плакашася, а ркучи⁸³ тако: «Се уже веселие мое пониче во славном граде Москве, и уже не вижу своего государя Тимофея Волуевича в животѣ!». ⁸⁴А Ондрѣева жена Марья* да Михайлова жена Оксинья* рано плакашася: «Се уже обѣмъ нам солнце померкло в славном граде Москвѣ, припахнули⁸⁵ к нам⁸⁶ от быстрого Дону полоняныя⁸⁷ вѣсти, носяще⁸⁸ великую бѣду: и выседоша⁸⁹ удальцы з борзыхъ⁹⁰ коней на суженое мѣсто на полѣ Куликове на речке Непрядве!». ⁹¹

⁹²А уже Диво кличет под саблями татарскими, а тѣм рускымъ богатырем под ранами. ⁹³

⁹⁴Туто щурове* рано воспѣли жалостныя пѣсни у Коломны на забралах, на воскресение, на Акима и Аннинъ день.* То ти было не щурове рано воспѣша жалостныя пѣсни,⁹⁵ восплакалися жены коломенскіе, а ркучи⁹⁶ тако: «Москва, Москва, быстрая река, чему еси залелѣяла мужей наших от насъ в землю Половецкую?». ⁹⁷А ркучи⁹⁸ тако: «Можеши ли, господине князь великий, веслы Нѣпръ зградити,⁹⁹ ¹⁰⁰а Донъ шоломы вычръпати, а Мечу рѣку трупы татарскими запрудити?¹⁰¹». ¹Замкни, государь князь великий, Окѣ рекѣ ворота, чтобы потом поганые татарова к нам не ѣздили. Уже мужей нашихъ рать трудила».

Того же дни в субботу на Рожество святая богородицы исекша христиани поганые полки на полѣ Куликове на речке Непрядвѣ.²

И нюкнув князь³ Владимиръ Андрѣевичъ гораздо, и скакаше⁴ по рати⁵ во полцех поганных в татарских, а злаченым шеломом посвѣчиваючи.⁶ ⁷Трѣмят мечи булатные⁸ о шеломы хиновскіе.

И восхвалит брата своего, великого князя Дмитрея Ивановича: «Брате Дмитрей Ивановичь, ⁹ты еси¹⁰ у зла тошна времени ¹¹желѣзное зобороло.¹² Не оставай, ¹³князь великий, с своими великими полкы, не потакай крамольником!¹⁴ Уже бо поганые татары ¹⁵поля наша¹⁶ наступают а храбрую дружину у нас истеряли, а в трупѣи челоувѣчье борзи кони не могут скочити, а в крови по колѣно бродят. А уже бо, брате, жалостно видети кровь крестьяньская. ¹⁷Не уставай, князь великий, съ своими бояры».¹⁸

И князь великий Дмитрей Ивановичь рече своим боярам: «Братия бояра и воеводы и дѣти боярьские, то ти ваши московские слаткие мѣды и великие мѣста! Туто добудѣте себѣ мѣста и своим женам. Туто, брате, стару помолодѣть, а молодому чести, добыть».

И рече князь великий Дмитрей Ивановичь: «Господи боже мой, на тя уповахъ, да не постыжуся в вѣк, ни да посмѣют ми ся враги моя мнѣ».* И помолися богу и пречистой его матери и всѣм святым его, и прослезися горко, и утер слезы.

И тогда аки соколы борзо ¹⁹полѣтѣша на быстрый Донь. То ти не соколи полѣтѣша;²⁰ поскакивает князь великий Дмитрей Ивановичь с своими полки ²¹за Дон²² со всею силою. И рече: «Брате князь Владимир Андрѣевичь, тут, брате, испити ²³медовыа чары повѣденые,²⁴ наеждаем, брате, своими полки силными на рать татарь поганых».

Тогда князь великий ²⁵почалъ наступати.²⁶ Гремят²⁷ мѣчи булатные о шеломы хиновские. И поганые²⁸ покрыва главы своя руками своими. Тогда поганые борзо вспять²⁹ отступиша. И от великого князя Дмитрея Ивановича стези ревут, а поганые бѣжать, а руские сынове³⁰ широкие поля кликом огородиша и злачеными доспѣхами осветиша. Уже бо ста тур на оборонь!

Тогда князь великий Дмитрей Ивановичь и брат его, князь Владимиръ Андрѣевичь, полки поганых вспять поворотили и нача ихъ³¹ бити и сечи горазно,³² ³³тоску имъ подаваше.³⁴ И князи их падоша с коней,³⁵ а трупми татарскими поля насеяша и кровию ихъ реки протекли. Туто поганые разлучишася розно и побѣгше неуготованными дорогами в лукоморье, скрегчюще зубами своими, и деруци³⁶ лица своя, а ркуче³⁷ такъ: «Уже нам, брате, в земли своей не бывати³⁸ и дѣтей своих не видати,³⁹ ⁴⁰а катушь своих не трепати, а трепати намъ сырая земля, а цѣловати намъ зелена мурова,⁴¹ а в Русь ратию нам не хаживати⁴² а выхода нам у руских князей⁴³ не прашивати».⁴⁴* Уже бо въстонала⁴⁵ земля татарская, бѣдами и тугою покрывашася;⁴⁶ ⁴⁷уныша бо царемъ их хотѣние и княземъ похвала на Рускую землю ходити.⁴⁸ Уже бо веселие их⁴⁹ пониче.

Уже бо руские сынове разграбиша татарские узорочья, и доспѣхи, и кони, и волы, и верблуды, и вино, и сахар, и дорогое узорочие, ⁵⁰камкы,* насычеве* везут женам своимъ.⁵¹ Уже жены руские восплескаша татарским златом.

Уже бо по Руской земле простресе веселие и буйство. Вознесесе⁵² слава руская ⁵³на поганых хулу.⁵⁴ Уже бо вержено Диво на землю,⁵⁵ и уже грозы великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андрѣевича по всем землям текутъ.⁵⁶ ⁵⁷Стрѣляй, князь великий, по

всѣмъ землямъ, стрѣляй, князь великий, с своею храброю дружиною поганого Мамаю хиновина за землю Рускую, за вѣру христьянскую.⁵⁸ Уже поганые оружия своя повергоша,⁵⁹ а главы своя подклониша под мечи руские. И трубы их не трубят, и уныша гласи их.

И отскочи⁶⁰ поганый Мамай от своея дружины серым волком⁶¹ и при-тече к Кафе⁶² граду. Молвяше же ему фрязове: * «Чему ты, поганый Мамай, посягаешь на Рускую землю? То ты била орда Залѣская.* А не бывати тобѣ в Батя* царя: у Батя царя было чотыреста тысящ окованные рати, а воевал всю Рускую землю от востока и до запада. А казил богъ Рускую землю за своя согрѣшения. И ты пришел на Рускую землю, царь Мамай, со многими силами, з дѣвятью ордами и 70 князьями. А нынѣ ты, поганый, бѣжишь сам-девят в лукоморье, не с кем тебѣ зимы зимовати в полѣ. Нѣшто тебя князи руские горазно подчивали: ни князей с тобою, ни воевод! Нѣчто гораздо упилися* у быстрого Дону на полѣ Куликовѣ на травѣ ковылѣ! Побѣжи ты, поганый Мамай, от насъ ⁶³по задлѣшью!».⁶⁴

⁶⁵Уподобилася еси земля Руская милому младенцу у матери своей: его же мати тешить, а рать лозою казнит, а добрая дѣла милуютъ его.⁶⁶ Тако господь богъ помиловал князей русских, великого князя Дмитрея Ивановича и брата его, князя Владимира Андрѣевича, меж Дона и Непра, ⁶⁷на полѣ Куликовѣ, на рѣчки Непрядвѣ.⁶⁸

И стал великий князь Дмитрей Ивановичъ съ своим братом, с князем Владимиром Андрѣевичем, и со остальными своими воеводами на костѣхъ* на полѣ Куликове на речке Непрядвѣ.⁶⁹ Грозно бо и жалосно, брате, в то время посмотри, иже лѣжат трупи крестьянские ⁷⁰аки сѣнныи стоги⁷¹ у Дона⁷² великого на брѣзе, а Дон река три дни кровию текла. И рече князь великий Дмитрей Ивановичъ: «Считайтесь, братия, колько у нас воевод нѣт и колько молодых людей нет».

Тогда говорит⁷³ Михайло Александровичъ,* московский боярин, князю Дмитрѣю Ивановичю: «Господине⁷⁴ князь великий Дмитрѣй Ивановичъ! Нету, государь, у нас 40 бояринов московских, 12 князей бѣлозѣрских, 30 новгородских посадников, 20 бояринов коломенских, 40 бояр серпуховских, 30 панов литовских, 20 бояр переславских, 25 бояр костромских, 35 бояр володимеровских, 50⁷⁵ бояръ суздаских, 40 бояръ муромских, 70 бояр рѣзаньских, 34 бояринов ростовских, 23 бояр дмитровских, 60 бояр можайских, 30 бояр звенигородских, 15 бояр углецкихъ. А посечено от бѣзбожнаго Мамаю полтретья ста тысящ и три тысячи. ⁷⁶И помилова богъ Рускую землю, а татаръ пало безчислено многое множество».⁷⁷

И рече князь великий Дмитрей Ивановичъ: «Братия, бояра и князи и дѣти боярские, то вам сужено мѣсто меж Доном и Непром, на полѣ Куликове на речке Непрядвѣ.⁷⁸ И положили есте головы своя за святыя церькви, за землю за Рускую и за вѣру крестьянскую. Простите мя, братия, и благословите в сем вѣце и в будущем. И пойдем, брате, князь Владимир Андрѣевичъ, во свою Залескую землю к славному граду Москве и сядем, брате, на своем княжение, а чести еси, брате, добыли и славного имени!».

Богу нашему слава.

КРАТКАЯ ЛЕТОПИСНАЯ ПОВЕСТЬ

¹О великом побоищи, иже на Дону.²

Того же лѣта безбожный³ злочестивый⁴ ординский князь,⁴ Мамай* поганый, собравъ рати многы и всю землю Половечьскую* и Татарьскую, и рати понаимовавъ, фрязы и черкасы и ясы,* и со всѣми сими⁵ поиде на великаго князя Дмитриа Ивановича* и на всю землю Русскую. И бысть мѣсяца августа, приидоша отъ Орды* вѣсти къ князю к⁶ великому Дмитрию Ивановичю, аже въздвизается рать татарьскаа на христианы, поганый родъ измалтеский.* И Мамай нечестивый лютѣ гнѣвашеся на великаго князя Дмитриа о своихъ друзѣх и любовницѣх и о князѣх, иже побиени бысть⁷ на рѣцѣ на Вождѣ,* подвижася силою многою, хотя плѣнити землю Русскую. Се же слышавъ князь великий Дмитрей Ивановичь, собравъ воя многы, поиде противу их, хотя боронити своя отчины и за святаы церкви и за правовѣрную вѣру христианьскую и за всю Русьскую землю. И переехавъ Оку, прииде ему паки ⁸другыя вѣсти,⁹ повѣдаша ему Мамаея за Дономъ собравшася, въ полѣ стояща и ждуща к собѣ Ягайла* на помощь, рати литовскыя.

Князь же великий поиде за Донъ, и бысть поле чисто и велико зѣло, и ту срѣтошася погании половци,* татарьстии плѣци, бѣ бо поле чисто на усть Непрядвы.^{10*} И ту изоплѣчишася¹¹ обои и устрѣмишася на бой, и соступишася обои, и бысть на длъзѣ часѣ брань крѣпка зѣло и сѣча зла. Чресъ весь день сѣчахуся, и падоша мертвыхъ множество бесчислено отъ обоихъ. И поможе богъ князю великому Дмитрию Ивановичю, а Мамаевы плѣци погании побѣгоша, а наши послѣ, биючи, сѣкуще поганыхъ безъ милости. Богъ бо невидѣмою силою устраши сыны агаряны,* и побѣгоша обрати плечи свои на язвы, и мнози оружиемъ падоша, а друзии в рѣцѣ истопоша. И гнаша ихъ до рѣкы до Мечи* и тамо множество ихъ избиша, а друзии погрязоша в водѣ и потопоша¹² иноплѣменници же, гоними гнѣвомъ божимъ и страхомъ одръжими суще. И убѣжа Мамай в малѣ дружинѣ въ свою землю Татарьскую.

Се¹³ бысть побоище мѣсяца сентября въ 8 день, на Рожество святаы богородица, въ субботу, до обѣда.

И ту убиени быша на суимѣ: князь Феодоръ Романовичъ Бѣлозерский,

сынъ его князь Иванъ Феодоровичъ,* Семень Михайловичъ,* Микула Василевичъ,* Михайло Иванович Окинѳовичъ,* Андрей Серкизовъ,* Тимофѣй Волуй,* Михайло Бренковъ,* Левъ Морозовъ,* Семень Меликъ,* Александръ Пересвѣтъ* и инии мнози.

Князь же великий Дмитрей Иванович съ прочими князи¹⁴ русскими и съ воеводами, и с бояры, и с велможами, и со¹⁵ остаточными плѣки русскими, ставъ на костех, благодари бога и похвали похвалами дружину свою, иже крѣпко бишася съ иноплѣменники и твердо за нь брашася, и мужьскы храброваша¹⁶ и дрѣзнуша по бозѣ за вѣру христианьскую.

И возвратися оттуду на Москву, въ свою отчину с побѣдою великою, одолѣ ратным, побѣдивъ врагы своя. И мнози вои его возрадовашася, яко обрѣтающе користь многу: погна бо с собою многа стада кони, и вельблюды, и волы, им же нѣсть числа, и dospѣх,¹⁷ и порты, и товаръ.

Тогда повѣдаша князю великому, что князь Олегъ Рязаньскый* послалъ Мамаю на помощь свою силу а самъ на рѣках мосты перемѣталъ. Князь же великий про то въсхотѣ на Олга послати рать свою. И се внезапно, в то врѣмя, приехаша к нему бояре¹⁸ рязаньстии и повѣдаша ему, что князь Олегъ повергъ свою землю, да сам побѣжалъ и со княгинею, и з дѣтми, и с бояры, и з¹⁹ думцами своими. И молиша его о сем, дабы на них рати не слал, а сами биша ему²⁰ челом и рядишася у него в ряд. Князь же великий, послушавъ их и прим²¹ челобитие их,²² не остави их слова, рати на них не посла,²³ а сам поиде въ свою землю, а на Рязанском княжене посади свои намѣстници.

Тогда же Мамай не во мнозѣ утече съ Доньского побоища и прибѣже въ свою землю въ малѣ дружинѣ. Видя себе бита и бѣжавша и посрамлена и поругана, паки гнѣвашася,²⁴ неистовяся, яряся и сѣмущася, и, собраша²⁵ останочную свою силу, еще въсхотѣ ити изгоном паки на великаго князя Дмитрея Ивановича и на всю Русскую землю. Сиче же ему умысльшу,²⁶ и се прииде ему вѣсть, что идет на него нѣкый царь со Востока, именованъ Токтамышъ изъ Синее Орды.* Мамай же, еже уготовал на ны рать, с тою ратию готовою поиде противу его, и срѣтошася на Калках.* Мамаевы же князи, спешше съ коней²⁷ своих, и биша челомъ царю Токтамышу и даша ему правду по своей вѣрѣ, и пиша к нему роту, и яшася за него, а Мамай оставиша, яко поругана.

Мамай же, то видѣвъ, и скоро побѣжа со своими думцами и съ единомысленики. Царь же Токтамышъ посла за ним в погоню воя своя, и убиша Мамай. А сам шед взя Орду Мамаеву и царици его и казны его и улусъ* весь поима, и богатство Мамаево²⁸ раздѣли дружинѣ своей. И оттуду послы своя отпусти на Русскую²⁹ землю ко князю великому Дмитрию Ивановичу и ко всѣм княземъ русским повѣдая им свой приход и како въцарися, и како супротивника своего и их врага Мамай побѣди, и самъ шед сѣде на царствѣ Волжьском.* Князи же русстии пословъ его отпустиша съ честью и с дары, а сами на зиму ту и на ту весну, за ними, отпустиша кождо³⁰ своих киличеевъ* со многими дары ко царю Токтамышю.

ПРОСТРАННАЯ ЛЕТОПИСНАЯ ПОВЕСТЬ

О побоищи,¹ иже на Дону, и о том, князь великий како бился съ Ордою.²

Той же осени прииде ордынський князь Мамай* съ единомысленики своими и съ всѣми прочими князми ордынскими и съ всею силою тотарскою и половецкою,³ и еще к тому рати понаимовавъ: бессермены, и армены, и фрязи, черкасы, и ясы,⁴ и буртасы.* Тако же с Мамаемъ вкупѣ, въ единомыслии, въ единой думѣ, и литовський Ягайло* съ всѣю силою литовскою и лятскою, с ними же въ одиначестве Олегъ Иванович князь рязаньский,* съ всѣми сими свѣтници, поиде на великаго князя Дмитрея Ивановича* и на брата его Володимера Андрѣевича.* Но хотя чловѣколюбивый богъ спасти и свободити род крестьяньский молитвами пречистыя его матере отъ работы измалтескиа,* от поганаго Мамаа и от сонма — нечестиваго Ягайла и отъ велѣречиваго и худаго Олга Рязаньскаго, не снабдевшему своего крестьянства. И прииде ему день великий господень в судъ аду и ехидну.

Оканный же Мамай, разгордѣвся мнѣвъ себѣ аки царя,* начатъ ⁵злый свѣтъ⁶ творити, тѣмныя своа князи поганыя звати.* И рече имъ: «Поидемъ на рускаго князя и на всю силу рускую, яко же при Батыи* было — крестьянство потяраемъ, и церкви божиа попалимъ, и кровь ихъ прольемъ, и законы ихъ погубимъ». Сего ради⁷ нечестивый лютѣ гнѣвавшеса о своихъ друзѣх и любовницѣх,⁸ о князѣхъ избьеных на рѣцѣ на Вожѣ.* И⁹ нача свѣрѣпо и напрасно сылы своя сбирати, съ яростию подвижеса¹⁰ силою многою, хотя пленити крестьянъ. И тогда двигнушаса вся колѣна тотарьскаа.¹¹

И нача посылати к Литвѣ, к поганому Ягайлу, и къ лстивому¹² сътонщику, дьяволу свѣтнику, отлученному¹³ сына божиа, помраченному тмою грѣховною и не хотѣ разумѣти, Олгу Рязаньскому, поборнику бессерменскому, лукавому сыну. Яко же рече Христось: «От нас изидоша и на ны быша».* И учини собѣ старий злодѣй Мамай свѣтъ нечестивый с поганою Литвою и съ душегубивым Олгом, стати им у рѣкѣ у Окѣ на Семень¹⁴ день* на благовѣрнаго князя. Душегубивый же Олегъ нача зло къ злу прикладати: послалаше къ Мамаю и къ Ягайлу своего си боярина единомысленаго, антихристова предтечу, именем Епифана Корѣва, веля имъ

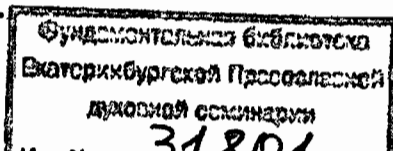
быти ¹⁵на той же¹⁶ срокъ и, той же съвѣтъ съвѣща, стати у Окѣ с треглавными звѣрми сыроядци,* а кровь прольяти.

Враже, измѣнниче Олже! Лихоимства открываеши образы, а не вѣси, яко мечъ божий острится на тя! Яко же пророкъ рече: «Оружие извлекоша грѣшници и напрягоша лукъ стрѣляти въ мракъ правыхъ сердцемъ, и оружиа ихъ внидутъ въ сердца ихъ, и люди ихъ съкрушатся».*

И бысть мѣсяца августа,¹⁷ приидоша от Орды таковыя вѣсти къ христоролюбивому князю, оже въздвигается на крестьяны измалтеский род. Олгу же, уже отпадшему сана своего от бога, иже злый съвѣтъ сътвори с погаными,¹⁸ и пославъ къ князю Дмитрею вѣсть лестную, что: «Мамай идетъ съ всѣмъ своимъ царствомъ в мою землю Рязанскую на менѣ и на тебѣ. А и то ти буди свѣдомо — и литовский идетъ на тебѣ Ягайло съ всею силою своею». Дмитрий же князь, се слыша, ¹⁹въ невеселую²⁰ ту годину, что идутъ на него вся царства, творящей безаконие,²¹ а глаголюще: «Еще²² наша рука высока есть!». Иде къ зборней церкви²³ матери божии Богородици* и, прольа слезы, и рече: «О, господи,²⁴ ты — всемогущий и всемогущий, крѣпкий въ бранехъ, вѣистинну еси царь славы, сътворивый небо и землю, помилуй ны пресвятая ти матери молитвами, не остави насъ, егда²⁵ унываем. Ты бо еси богъ нашъ, и мы люди твои, пошли руку твою свыше и помилуй ны, и посрами враги наша и оружиа ихъ притупи. Силенъ еси, господи, кто противится тебѣ? Помяни, господи, милость свою, иже от вѣка имаши на роду крестьянскомъ.* О, многоименитая дѣво, госпоже, царице небеснымъ чиномъ, госпоже присно всея вселенныя и всего живота чловѣчскаго кормителнице, въздвигни, госпоже, руцѣ свои пречистаа, има же носила еси бога воплощенна, не презри²⁶ крестьянъ сихъ и избави насъ от сыроядецъ сихъ и помилуй мя!».

Въставъ от молитвы, изидѣ изъ церкви и посла по брата своего Володимера и по всехъ князей русскихъ и по воеводы великия. И рече брату своему Володимерю и къ всемъ княземъ рускимъ и воеводамъ: «Поидемъ противу сего оканнаго и безбожнаго, нечестиваго и темнаго сыроядца Мамаа за правую вѣру крестьянскую, за святая церкви и за вся младенца и старьци и за вся крестьяны суцаа и не суцаа; възьмемъ съ собою скипетръ царя небеснаго, непобѣдимую побѣду, и въсприимемъ Аврамлю доблесть». И нарекъ бога и рече: «Господи, в помощь мою вонми! Боже, на помощь мою подтщися! И да постыдятся и посрамляются,* и познаютъ, яко имя тебѣ — господь, яко ты еси единъ вышній по всей земли».

И, съвокупився съ всеми князми рускими и съ всею силою, и поиде противу ихъ вборзе с Москвы, и хотя боронити своа отчины, и прииде на Коломну* и събравъ вой своихъ 100 000 и 50 000,²⁷ опрочно рати князей и воевод мѣстныхъ. И от начала миру не бывала такова сила русскихъ князей и воеводъ мѣстныхъ, яко же при семъ князи. Бѣаше всеа силы и всехъ ратей числомъ с полтораста²⁸ тысячь или съ двѣсте. Еще же к тому прислѣша в той чинъ рагозны издавеча велиции князи Олгердовичи* поклонитися и послужити: князь Ондрѣй Полочкой и съ плесковици, братъ его князь Дмитрий Брянский съ всеми своими мужи.

В то время Мамай ста за Доном, възбуявся и гордяся и гнѣваяся, съ всѣмъ своимъ царствомъ, и стоа 3 недѣли. Паки прииде князю Дмитрию другая²⁹ вѣсть. Повѣдааше ему³⁰ Мамаа за Дономъ събравшеся, в полѣ стояще, ждуще к собѣ на помощь Ягайла с литвою, да егда сберутся вкупѣ, и хотять побѣду сътворити съединого.

И нача Мамай слати къ князю Дмитрию выхода просити, како было при Чанибѣ цари,* а не по своему докончанию. Христолюбивый же князь, не хотя кровопролитья, и хотѣ ему выход дати по крестьяньской силѣ и по своему докончанию, како с ним докончалъ. Он же не възхотѣ, но высокомысляше, ожидаше своего нечестиваго свѣта литовьскаго. Олег же, отступникъ нашъ, приединивыйся ко зловѣрному и поганому Мамаю и нечестивому Ягайлу, нача выход ему давати и силу свою слати к нему на князя Дмитриа.

Князь же Дмитрий увѣдавъ леть лукаваго Олга, кровопивца крестьяньскаго, новаго Иуду предателя, на своего владыку бѣсится, Дмитрий же князь въздохнувъ из глубины сердца своего, и рече: «Господи, свѣты неправедныхъ разори, а зачинающихъ рати погуби. Не азъ почаль кровь проливати крестьяньскую, но онъ, Святополкъ* новый. И въздай же ему, господи, седмь седмерицею, яко въ тьмѣ ходитъ и забы благодать твою. Поострю,³¹ яко молнию, мечъ мой, и приметъ судъ рука моа: въздамъ мечь врагомъ, и ненавиждащимъ мя въздамъ, и упою стрелу мою от кровѣ ихъ, да не ркут невѣрнии: „Гдѣ есть богъ ихъ?“.* Отврати, господи, лице свое от нихъ, и покажи имъ, господи, вся злаа, на послѣдокъ, яко родъ развращенъ есть³² и нѣсть вѣри в нихъ твоеа, господи, и пролий на нихъ гнѣвъ твой, господи, на языки, не знающаа тебѣ, господи, и имени твоего святаго не зваша. Кто богъ велий, яко богъ нашъ? Ты еси богъ, творяй чудеса, — единъ!».*

И скончавъ молитву, иде къ Пречистѣй и къ епископу Герасиму,* и рече ему: «Благослови мя, отче, поити противу оканнаго сего сыроядца Мамаа, и нечестиваго Ягайла и отступника нашего Олга, отступившаго³³ от свѣта въ тму». Святитель же Герасимъ благослови князя и вся воя его поити противу нечестивыхъ агарянь.

И поиде с Коломны с великою силою противу безбожныхъ татаръ, мѣсяца августа 20, а уповая на милосердие божие и на пречистую его мать богородицю, на приснодѣвицю Марию, призываа на помощь честный крестъ. И, прошедъ свою отчину и великое свое княжение, ста у Окѣ на усть Лопастны,* переимаа вѣсти от поганыхъ. Ту бо наѣхаль Володимерь, братъ его, и великийъ его воевода Тимофей Васильевичъ* и вси вои остачныи, что были оставлени на Москвѣ. И начаша возитися за Оку, за недѣлю до Семеня дни,* въ день недѣльный. Переѣхавше за рѣку, внидоша в землю Рязаньскую. А самъ князь в понедѣльникъ перебрѣде своимъ дворомъ, а на Москве остави воеводъ своихъ у великой княгинѣ у Евдокѣи* и³⁴ у сыновъ своихъ, у Василья и у Юрья и у Ивана* — Феодора Ондрѣвича.*

Слышавше въ градѣ на Москвѣ, и въ Переяславли, и на Костромѣ, и въ Володимѣре, и въ всѣхъ градѣхъ великаго князя и всѣхъ князей рускихъ,

что пошолъ за Оку князь великий, и бысть въ градѣ Москвѣ туга велика и по всѣмъ граду его приделомъ плачь горекъ³⁵ и глас и ридание, и слышано бысть сиречь высокихъ Рахиль же есть рыдание³⁶ крѣико:* плачущися чадъ своихъ и великимъ рыданиемъ, въздыханиемъ, не хотя утѣшиться, зане пошли с великимъ княземъ за всю землю Рускую на остраа копыа. Да кто уже не плачется женъ онѣхъ рыдания и горкаго ихъ плача, зряще убо ихъ? Каяждо к собѣ глаголаше: «Увы мнѣ, убогаа наша чада! Уне бы намъ было, аще бы ся есте не родили, за сиа, злострастныя и горкиа печали вашего убийства не подняли быхом. Почто быхом повиннѣ пагубѣ вашей?».

Великий же князь прииде к рѣцѣ к Дону за два дни до Рожества свята богородица.* И тогда приспѣла грамота от преподобнаго игумена Сергия* — и от святаго старца благословение. В ней же написано благословение таково, веля ему битися с тотары: «Чтобы еси, господинѣ, таки пошел, а поможет ти богъ и святаа богородица». Князь же рече: «Сии на колѣсницахъ, а сии на конѣхъ, мы же во имя господа бога нашего призовемъ:* побѣды дай ми, господи, на супостаты и пособи ми, оружьемъ крестнымъ низложи враги³⁷ наша, на тя бо уповаючи, побѣждаемъ, молящися прилѣжно къ пречистѣй ти матере». И сиа изрекше, нача полци ставити, и устраяше и во одѣжду ихъ мѣстную, яко великии ратници, и воеводы ополчиша свои полки. Придоша к Дону и сташа ту, и много думавше, овии глаголаше: «Поиде, княже, за Донъ», а друзии рѣша: «Не ходи ти, бо понеже умножишася врази наши — не токмо тотарове, но и литва, и рязанци».

Мамай же, слышавъ приход княжь къ Дону и сеченыя свои видѣвъ, и възъярився зраком и смутися умомъ и распалися лютою яростию, аки аспида нѣкаа, гнѣвомъ дышуще. И рече Мамай: «Двигнитесь силы моя темныя и власти и князи. И поидемъ и станем у Дону противу князя Дмитрия доколѣ приспѣть к намъ свѣтникъ нашъ Ягайло съ своею силою».

Князю же слышавшу хвалу Мамаеву, и рече: «Господи, не повѣлѣлъ еси в чюждѣ придѣлъ ступати, аз же, господи, не приступих. Сии же, господи, преступааше, аки змиа къ гнѣзду; оканный Мамай, нечестивый сыроядецъ на крѣстьянство дръзнулъ еси, кровь мою хотя прольяти, и всю землю осквернити, и святаыя божия церкви разорити». И рече: «Что есть великое свѣрьпство Мамаево? Аки нѣкаа ехидна прискающе пришедше от нѣкиа пустыни, пожрети ны хочет. Не предай же менѣ, господи, сыроядцю сему Мамаю. Покажи ми славу своего божества, владыко. Гдѣ ти ангелстии лица? И гдѣ ти хѣрувимское предстояние? Гдѣ серафимское шестокрильное служение? Тебѣ трепещетъ вся тварь, тебѣ поклоняются небесныя силы, ты солнце и луну сътвори, и землю украси всеми лѣпотами,* яви ми, боже, славу свою, и нынѣ, господи, преложи³⁸ печаль мою на радость и помилуй мя, яко же помиловал еси слугу своего Моисеа, в горести душа възпивша к тебѣ, и столпу огненому повѣлѣлъ еси ити пред ним, и морьския глубины на сушу преложи,^{39*} яко владыка сый господь страшное възмушение на тишину преложилъ⁴⁰ еси». И си вся изрекше, брату своему и всѣмъ княземъ и воеводамъ великимъ и рече: «Приспѣ, братие, время брани нашеа; и прииде праздникъ.

царици Марии, матере божии богородици, и всѣх небесных чиновъ госпожи и всеа вселѣнна и честнаго еа Рожества. Аще оживем — господеве есмы, аще ли умрем за миръ сий — господеве есмы».

И повелѣ мосты мостити на Дону и бродовъ пытати ⁴¹тоа ноци,⁴² в канун пречистыа матере божиа богородица. Заутра в субботу порану, мѣсяца септября 8 день в самый праздникъ — Огоспожинъ день,* въсходящю солнцю, бысть тма велика по всей земли: мъглане бо было бѣаше того от утра до третьяго часа.* И повели тмѣ уступити, а пришествие свѣту дарова. Князь же исполчи свои полки великии, и вся его князи рускиа свои полци устроивше, и велиции его воеводы облачишася во одѣжди мѣстныа. И ключа смертныа растерзахуся, трусь бѣ страшень, и ужасъ събранным чадом издалеча, от востокъ и западъ. Поидоша за Донъ, в дальняя части земля и, преидоша Дон въскорѣ, люто и свѣрепо и напрасно, яко основанию земному подвизатися от множества силъ.

Князю же перешедшу за Донъ в полѣ чисто, в Мамаеву землю, на усть Непрядвы,* господь богъ единъ въжааше его, нѣ бѣ с ними богъ чюдъ. О, крѣпкыа и твердыа дерзости мужество! О, како не убояся, ни усумняся толика множества народа ратных? Ибо въсташа на нь три земли, три рати: первое — тотарьскаа, второе — литовьскаа, третье — рязаньскаа. Но обаче всѣх сих не убояся, никако же не устрапился, но, еже к богу вѣроу въоружився, и креста честнаго силоу укрѣпився, и молитвами пресвятыа богородица оградився, и богу помолися, глагола: «Помози ми, господи боже мой, и спаси милости твоеа ради, виждь враги моа, яко умножишася на мя. Господи, что ся умножишася стужающии мнѣ? Мнози въсташа на мя, мнози борющися съ мною, мнози, гонящеи мя, стужающии ми, вси языци обидоша мя. Именемъ господнимъ противляхся им».*

И бысть въ шестую годину дни, начаша появливатися погании измалтянѣ* в полѣ, бѣ бо полѣ чисто и велико зѣло. И ту исполчашася тотарьстии полци противу крестьянъ. И ту сретошася полци.⁴³ И, велиа силы узревше, поидоша, и земля тутняше, горы и холми трясахуся от множества вой бесчисленных, извлекоша оружие обоюду остри в руках их. И орли събирахуся, яко же есть писано: «Гдѣ трупи, ту и орли».* Пришедшемъ роком, прежде бо начаша ся съѣждати⁴⁴ сторожевыи полки и рускии с тотарьскими. Самъ же великий князь наѣха наперед въ сторожевых полцѣх на поганаго царя Теляка,* нареченаго плотнаго дьявола, Мамаа; таче потомъ, не долго⁴⁵ попустя, отѣха князь въ великий полкъ. И се поиде великаа рать Мамаева и вся сила тотарьскаа, а отселѣ великий князь Дмитрий Иванович съ всеми князи рускими, изрядивъ полки, поиде противу поганных половець и съ всѣми ратми своими. И възрѣвъ на небо умилнима очима, въздохнувъ⁴⁵ изъ глубины сердца, рече слово псаломское: «Братъе, богъ намъ — прибѣжище и сила».*

И абие сступишася обои ⁴⁶силы велицѣи⁴⁷ их на долгъ час вмѣсто, и покрыша полки полѣ, яко на десяти версть, от множества вой. И бысть сеча зла и велика и брань крѣпка, трусь великъ зѣло, яко же от начала миру сѣча не была такова великим княземъ руским, яко же сему великому

князю всеа Руси. Бьющим же ся им от 6-го часа до 9, прольяша кровь, аки дождева туча, обоих — русских сынов и паганных; множество бесчисленное падоша трупья мертвых обоих: и много руси побьени быша от татарь, и отъ руси тотари, паде трупъ на трупе, и паде тѣло тотарьское на тѣлеси крестьяньском. Инди видѣти бѣаше русинъ за тотарином ганяшеся, а тотаринъ сии настигаше. Смятоша бо ся и размѣсиша, коиждо бо своего супротивника искааше побѣдити.

И рече к собѣ Мамай: «Власи наши растерзаются, очи наши не могут огненныхъ слѣз истачати, языци наши связаются, и гортан ми присыхает, и сердце⁴⁸ раставает, чресла ми растерзаются, колѣни ми изнемогают, а ружѣ очипѣнивают».

Что нам рещи или глаголати, видяще пагубную смерть? Инии бо мечь пресѣкаеми бывааху, инии же на копья взимаеми. Да тѣм же рыданиемъ исполнишася москвици мнози небывалци, то видѣвше, устрашишася, и живота отчаявшеся, и на бѣги обратившеся, и побѣгоша, а не помянуша, яко мученици глаголаху друг къ другу: «Братие, потерпим мало: зима яра, но рай сладокъ, и страстен меч, но сладко вѣнчание».* А ины сыны⁴⁹ агаряны* на бѣгъ възвратишася от крича велика, зряще злаго убийства.

И по сих же, въ 9 час дни, призри господь милостивыма очима на вси князи русии и на крѣпкия воеводы и на вся крестьяны и дръзнувше за крестьянство и не устранившеся, яко величии ратници. Видиша бо вѣрнии, яко въ 9 часъ бьющеся ангели помагаютъ крестьяном и святыхъ мученикъ полкъ, воина Георгия⁵⁰ и славнаго Дмитриа* и великихъ князей тезоименитыхъ Бориса и Глѣба,* в них же бѣ воевода свѣршеннаго полка небесныхъ вой архистратиг Михаил.* Двои воеводы видѣша полци, тресолнечный полкъ и пламенныа ихъ стрѣлы, яже идут на них. Безбожнии же тотарове от страха божиа и от оружья крестьяньскаго падаху. И възнесе богъ нашего князя на побѣду иноплеменникъ.⁵¹

А Мамай съ страхомъ въстрепетавъ и велми въстонавъ, и рече: «Великъ богъ крестьяньский и велика сила его: братья измаиловичи, незаконнии агаряне, побѣжите неготовыми дорогами». А самъ, вдавъ плещи свои, и побѣже скоро паки къ Ордѣ.* И, то слышавше, вси его тѣмныа власти и князи побѣгоша. И то видѣвше, и прочьи иноплеменници, гоними гнѣвомъ божиимъ, и страхомъ божиимъ одръжими суще, от мала и до велика на бѣгъ устремишася. Видѣвше⁵² крестьяне, яко тотарове с Мамаемъ побѣгоша, и погнаша за ними, бьюще и сѣкуще поганыхъ безъ милости. Богъ бо невидимою⁵³ силою устраши полки тотарьскыи,⁵⁴ и побѣждени обратиша плещи свои на язвы. И в погони той овии же тотарове от крестьянъ язвени и оружиемъ падоша, а друзии в рѣцѣ истопоша. И гониша ихъ до речѣ до Мѣчи,* и тамо бѣжащихъ бесчисленное множество погибоша. Княжии же полци гнаша содомьянъ,* бьюще, до стана ихъ, и полониша богатства много и вся имѣния ихъ содомьскаа.

Тогда же на томъ побоищи убьени быша на съступѣ: князь Феодоръ Романовичъ Белозѣрьский, сынъ его Иванъ,* князь Феодоръ Торусский⁵⁵* и братъ его Мъстиславъ,* князь Дмитрий Монастыревъ,* Семен Михай-

лович,* Микула, сынъ Васильевъ* тысячкого, Михайло ⁵⁶Ивановъ, сынъ Анкифович,⁵⁷* Иванъ Александрович,* Андрѣй Серкизовъ,* Тимофей Васильевичъ Акатьевичъ,* нарѣчаеми Волуй, Михайло Бренков,* Левъ Мозыревъ,* Семень Меликов,* Дмитрей Мининич,* Александръ Пересвѣт,* бывый преже боляринъ брянский, и⁵⁸ инии мнози, их же имена не суть писана въ книгах сих. Сии же писана быша князи токмо, и воеводы, и нарочитых и старѣйших боляръ имена, а прочьих боляръ и слугъ оставих имена и не писах ихъ множества ради именъ, яко число превосходить ми: мнози бо на той брани побѣдени быша.

Самому же князю великому бѣаше видѣти весь доспѣхъ его битъ и язвен, но на тѣлеси его не бѣше язвы ни коея же, а бился с тотары в лице, ставъ напреди, на первом суимѣ. О сем убо мнози князи и воеводы многожды глаголаше ему: «Княже, господинѣ! Не ставися напреди битися, но назади, или крилѣ, или нѣгдѣ въ опришнѣмь мѣстѣ». Он же отвѣщѣваше им: «Да како азъ възглаголю: „Братьяа моа, да потягнем вси съ единого“, а самъ лице свое почну крыти и хоронитися назади? Не могу в том быти, но хошу яко же словом, такожде и дѣлом напреди всѣх и пред всеми главу свою положити за свою братью и за вся крестьяны, да и прочьи, то видѣвше, примут съ усердием дръзновение». Да яко же рече, и тако сътвори: бѣяшеся с тотары тогда, ставъ напреди всѣх. А елико одѣсную и ошюю его, дружину его биша, самого же въкругъ оступиша около, аки вода многа обаполы, и многа ударения ударишася по главѣ его и по плещема его и по утробѣ его, но от всѣх сих богъ заступил его въ день брани щитом истинным и оружием благоволения⁵⁹ осѣнилъ есть над главою его, десницею своею защитил⁶⁰ его, и рукою крѣпкою и мышцею⁶¹ высокою* богъ избавилъ есть, укрѣпивый его, и тако промежи ратными многими цѣл съхраненъ бысть. «Не на лукъ бо мой уповаю, и оружие мое не спасеть менѣ, яко же рече Давыдъ пророкъ, — вышняго положилъ еси прибѣжище твое; не придет к тебѣ зло и раны не приблизится к телѣси твоему, яко ангелом своимъ заповѣсть о⁶² тебѣ съхранит тя въ всѣх путех твоих, и не убоишися от стрѣлы, лѣтяща въ день».*

Се же бысть грѣх ради наших: въоружаются на ны иноплеменници, да быхом ся отступили от своих неправдъ, от братоненавидения, и от сребролюбиа, и в неправду судящих, и от насилья. Нъ милосердъ бо есть богъ чловѣколюбець: не до конца прогнѣвается на ны, ни въ вѣки враждуеть.*

А отселѣ, от страны литовския, Ягайло, князь литовский, прииде съ всею силою литовскою Мамаю пособляти, тотаром поганым на помощь, а крестьяном на пакость, но и от тѣх богъ избавил: не поспѣша бо на срок за малымъ — за едино днище или меньши. Но точю слышавъ Ягайло Олгердович⁶³ и вся сила его, яко князю великому с Мамаемъ бой был, и князь великий одолѣ, а Мамай побѣжденъ побѣже,⁶⁴ и без всякого пождания литва съ Ягайлом⁶⁵ побѣгоша назад съ многою скоростию, ни ким же гоними. Не видѣша бо тогда князя великаго, ни рати его, ни оружья его, токмо имени его Литва бояхуся и трепетаху.⁶⁶ А не яко при нонешних временех — литва над нами⁶⁷ издѣваются и поругаются. Но мы сию бѣсѣду оставлеше и на⁶⁸ подлежащее възвратимся.

Князь же Дмитрий съ братом своим с Володиміром, и съ князми рускими, и с воеводами, и с прочьми боляри, и съ всѣми вои оставшемися, ставъ той ноци на поганых обѣдищихъ,⁶⁹ на костех тотарьских, утеръ поту своего и отдохнувь от труда своего, велико⁷⁰ благодарение принесе к богу, давшему такову на поганыа побѣду, избавляющему раба своего от оружіа люта: «Помянулъ еси, господи, милость свою, избавил ны еси, господи, от сироядецъ сих, от поганаго Мамаа и от нечестивых измаилович и от незаконных агарянь, подаваа честь, яко сынъ своей матере. Уставилъ еси стремление страстное, яко же еси уставил служѣ своему Моисею, и древнему Давыду, и новому Костянтину,* и Ярославу,* сроднику великих князей, на оканнаго и на проклятаго братоубийцю, безглавнаго звѣря Святополка.* И ты, богородице, помиловала еси милостию своею нас, грѣшных рабъ своих, и весь род крестьяньскій, умолила еси безлѣтнаго сына своего». И мнози князи рустии и воеводы прехвалными похвалами прославиша пречистую мать Божию богородицю.

И паки христоролюбивый князь похвали дружину свою, иже крѣпко бишася съ иноплеменники, и твердо бравшеся,⁷¹ и мужески храброваша, и дерзнуша по бозѣ за вѣру крестьяньскую.

И възвратися оттуду въ богохранимый град на Москву, въ свою отчину, с побѣдою великою, одолѣвъ ратным, побѣди врагы своа. И мнози вои его възрадовашася, яко обрѣтающе користь многу: пригна бо съ собою многа стада коней, и велблуды, и волю, им же нѣсть числа, и доспѣх, и порты, и товаръ.

Повѣдаша князю великому, что князь Олегъ Рязаньскій посылалъ Мамаю на помощь свою силу, а самъ на рѣкѣ перѣмѣталъ мостъ, а кто поѣхалъ с Доновьскаго побоища домов сквозѣ⁷² его отчину, Рязаньскую землю, боляре или слуги, а тѣх велѣлъ имати и грабити и нагих пущати. Князь же Дмитрий про то възсхотѣ на Олга рать послати свою. И се внезапно приѣхаше к нему боляри рязаньскіи и повѣдаше, что князь Олегъ повергъ свою землю да самъ побѣжалъ, и съ княгинею и с дѣтми и зъ боляри. И молиша его много о семь, дабы на них рати не слалъ, а сами биша ему челом и рядишася у него в рядъ. Князь же послуша их, прим челобие ихъ, рати на них не посла, а на Рязаньскомъ княженіи посади свои намѣстники.

Тогда же Мамай не въ мнозѣ⁷³ убѣжа и прибѣжа въ свою землю въ малѣ дружинѣ. Видя себѣ бита и бѣжавша, посрамлена и поругана, паки гнѣваашася и яряся, зѣло смущашеся,⁷⁴ и събра остаточною свою силу, еще възсхоте ити изгоном* на Русь. Сиче же ему умыслившу, и се прииде ему вѣсть, что идет на него царь нѣкый съ Вѣстока, Тахтамышъ, из Синѣй Орды.* Мамай же иже⁷⁵ уготовалъ рать на ны,⁷⁶ с тою ратью готовою поиде противу его, и сретошася на Калках,* и бысть имъ бой, и царь Тахтамышъ побѣди Мамаа и прогна его. Мамаевы же князи, спедше⁷⁷ с коней своих, и биша челом царю Тахтамышю, и даша ему правду по своей вѣрѣ, и яшася за него, а Мамай оставиша поругана.

Мамай же то видѣвъ, и скоро побѣжа съ своими единомысленики. Царь же Тахтамышъ посла за ними въ погоню воа своа. Мамай же, гонимъ

сый, и бѣгаа предъ Тахтамышевыми гонители, и прибѣжа близъ града Кафы* и съслася с кафинци по докончанию и по опасу, дабы его прияли на избавление, дондеже избудет от всѣх гонящих его. И повелѣша ему. И прибѣже Мамай в Кафу съ множеством имѣннѣа, злата и сребра. Кафинци же, свѣщавшеся, и сътвориша над ним⁷⁸ облесть и ту от них убьенъ бысть. И тако бысть конецъ Мамаю.

А самъ Тахтамышь шедъ взя орду Мамаеву, и царицю его, и казны его, и улусъ* весь поима, и богатство Мамаево раздѣли дружинѣ своей. И тутю послы своа отпусти къ князю Дмитрию и къ всѣм княземъ руским, повѣдаа имъ свой приход, и како въцарися, како супротивника своего и их врага: Мамаю побѣди, а самъ, шедъ, сѣдѣ на царствии Волжескомъ. Князи же рустии посла его отпустиша в Орду съ честью и з дары многими, а сами на зиму ту и на весну за ними отпустиша в Орду коиждо своих киличиевъ* съ многими дары.

СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ

ОСНОВНАЯ РЕДАКЦИЯ

Начало повѣсти, како дарова богъ побѣду государю великому князю Дмитрею Ивановичю за Даномъ над поганымъ Мамаемъ,* и молениемъ пречистыя богородица и русьскихъ чудотворцевъ православное христианство — Русскую землю богъ възвыси, а безбожныхъ агарянъ* посрами.*

Хощу вамъ, братие, брань повѣдати новыя побѣды, како случися брань на Дону великому князю Дмитрию Ивановичю и всѣмъ православнымъ христианомъ с поганымъ Мамаемъ и з безбожными агаряны. И възвыси богъ родъ христианскый, а поганыхъ уничижи и посрами ихъ суровство, яко же въ прежняя врѣмена Гедеону над мадиамы* и преславному Моисию над фараономъ.* Подобаеть намъ повѣдати величество и милость Божию, како сътвори господь волю боящихся его, како пособьствова господь великому князю Дмитрию Ивановичю и брату его князю Владимиру Андрѣевичю* над безбожными половци* и агаряны.

Попущениемъ Божиимъ за грѣхы наша, от навождения диаволя въздвижеса князь от вѣсточныя страны, имянемъ Мамай, еллинъ* сый вѣрою, идоложрецъ и иконоборецъ, злый христьянскый укоритель. И начать подстрѣкати его диаволь и вниде въ сердце его напасть роду христьянскому, и наusti его, како разорити православную вѣру и осквернити¹ святаыя церкви и всему христьянству хоцеть покорену от него быти, яко бы ся не славилъ господне имя в людехъ его. Господь же нашъ богъ, царь и творецъ всеа твари, елико хоцеть, ть и творить.

Онъ же безбожный Мамай начать хвалитися и поревъновавъ второму Иулиану Отступнику,* царю Батыю, и нача спрашывати старыхъ татаръ, како царь Батый плѣнилъ Русскую землю. И начаша ему сказывати старыя татарове, како плѣнилъ Русскую землю царь Батый, какъ взялъ Киевъ и Владимиръ,* и всю Русь, словенскую землю, и великого князя Юрья Дмитреевича убилъ,* и многихъ православныхъ князей избилъ и святаыя церкви оскверни, и многы монастыри и села пожже, и въ Володимерѣ въселенскую церковь златаверхую разграбилъ.* Ослѣплену же ему умомъ, того бо не разумѣ, како господу годѣ, тако и будетъ. Яко же въ оны дни Иерусалимъ плѣненъ бысть Титомъ Римскимъ и Навходнасоромъ царемъ вавилонскимъ* за ихъ съгрѣшениа и маловѣрие — нъ не до конца прогнѣвается господь, ни въ вѣкы враждуетъ,

Слышавъ же безбожный Мамай от своих старых татаръ и нача подвиженъ быти и диаволомъ палимъ непрестанно, ратуа на христианство. И бѣ в себѣ нача глаголати къ своим еулпатом и ясаулом* и князем, и воеводам, и всѣм татаром, яко: «Азъ не хочу тако сътворити, яко же Батый, нѣ егда доиду Руси и убию князя их, и которые грады красныя довлѣють нам, и ту сядем и Русью владѣем, тихо и безмятежно поживемъ». А не вѣдый того оканный, яко господня рука высока есть.

И по малех днехъ перевезеся великую реку Волгу съ всѣми силами. И ины же многы орды къ своему великому вѣинству съвокупи и глагола имъ: «Поидем на Русскую землю и обогатѣемъ русскимъ златом!». Поиде же безбожный на Русь, акы левъ ревый пыхаа, акы неутолима ехыдна гнѣвомъ дыша. И доиде же до усть рѣкы Вороножа* и распусти всю силу свою и заповѣда всѣм татаром своимъ яко: «Да не пашете ни единъ васъ хлѣба, будьте готовы на русскыя хлѣбы!».

Слышавъ же то князь Олегъ Резанскый,* яко Мамай кочуетъ на Вороножѣ, а хочеть ити на Русь, на великого князя Дмитрия Ивановича Московскаго. Скудость же бысть ума въ главѣ его, посла сына своего к безбожному Мамаю с великою честью и съ многими дары и писа грамоты своа к нему сице: «Въсточному великому и волному, царемъ царю Мамаю — радоватися! Твой посаженикъ и присяженикъ Олегъ, князь резанскый, много тя молитъ. Слышах, господине, яко хочещи ити на Русскую землю, на своего служебника* князя Дмитрия Ивановича Московскаго, огрозитися ему хочещи. Нынѣ же, господине всесвѣтлый царю, приспѣ твоє врѣмя: злата и сребра и богатства много наплѣнися земля Московскаа и всякого узорочиа твоему царству на потребу. А князь Дмитрей Московской человекъ христианъ, егда услышитъ имя ярости твоеа, то отбежитъ в дальня отоки своа: любо в Новъгород Великый, или на Белозеро или на Двину, а многое богатство московское и злато — все въ твоихъ рукахъ будетъ и твоему вѣйску в потребу. Меня же раба твоего, Олга Резанскаго, дрѣжава твоя пощадить, царю. Азъ бо ти велми устрашаю Русь и князя Дмитрия. И еще молимъ тя, царю, оба раби твои, Олегъ Резанскый и Ольгордъ Литовскый,* обиду приахомъ велику от того великого князя Дмитрия Ивановичя, и гдѣ будетъ о своей обидѣ твоимъ именемъ царьскимъ погрозимъ ему, онъ же о томъ не радить. И еще, господине царю, град мой Коломну за себя заграбилъ.* И о томъ о всемъ, царю, жалобу творимъ тебѣ».

А другаго же посла скоро своего вѣстника князь Олегъ Резанскый с своимъ написаниемъ, написание же таково в грамотахъ: «Къ великому князю Олгорду Литовскому — радоватися великою радостию! Вѣдомо бо, яко издавна еси мыслилъ на великого князя Дмитрия Ивановичя Московскаго, чтобы его згонити с Москвы, а самому владѣти Москвою. Нынѣ же, княже, приспѣ врѣмя наше, яко великый царь Мамай грядеть на него и на землю его. Нынѣ же, княже, мы оба приложимся къ царю Мамаю, вѣмъ бо, яко царь дастъ тебѣ градъ Москву, да и иныя грады, которые от твоего княжения, а мнѣ дастъ градъ Коломну, да Владимиръ, да Муромъ, иже от моего княжения близъ стоятъ. Азъ же послахъ своего посла

къ царю Мамаю с великою честью и съ многими дары. Еще же и ты пошли своего посла и каковы имаши дары и ты пошли к нему, и грамоты свои списавъ, елико самъ вѣси, паче мене разумѣши».

Князь же Олгордъ Литовскый, слышавъ то, велми рад бысть за велику похвалу другу своему князю Олгу Резанскому. И посылаетъ скоро посла къ царю Мамаю с великими дары и съ многою тѣшью царьскою. А пишетъ свои грамоты сиче: «Въсточному великому царю Мамаю! Князь Олгордъ² Литовскый, присяжникъ твой, много тя молитъ! Слышах, господине, яко хочещи казнити свой улусъ,* своего служебника, московскаго князя Дмитриа. И того ради молю тя, волный царю, рабъ твой, яко велику обиду творить князь Дмитрей Московской улуснику твоему князю Ольгу Резанскому, да и мнѣ тако же велику пакость дѣеть. Господине царю волный Мамаю! Да приидеть дрѣжава твоего царства нынѣ до наших мѣсть, да видеть, царю, твое смотрение нашеа грубости от московскаго князя Дмитриа Ивановичя».

Помышляше же в себѣ, глаголюци, Олегъ Резанскый и Олгордъ³ Литовскый, яко: «Егда услышитъ князь Дмитрей царевъ приход и ярость его и нашу присягу к нему, тѣ отбѣжыть с Москвы въ Великый Новгород или на Бѣлоозеро, или на Двину. А мы сядемъ на Москвѣ и на Коломнѣ. Егда же царь приидеть, и мы его з большими дары срящем и с великою честью и умолимъ его, и възвратится царь въ свои орды, а мы княжение Московское царевым велѣниемъ раздѣлим себѣ, ово к Вилнѣ,* ово к Резани,* и иматъ нам дати царь Мамай ярлыки* своа и родомъ нашим по насъ». Не вѣдаху бо, что помышляюще и что се глаголюще, акы несмыслени младые дѣти, невѣдяще божиа силы и владычня смотрения. По истиннѣ бо рече: «Аще кто к богу вѣру з добрыми дѣлы и правду въ сердци дрѣжыт и на бога упование възлагаетъ, и того человека господь не дастъ в поношение врагом быти и в посмѣх».

А огосударь князь великый Дмитрей Ивановичь смиренъ человекъ и образъ нося смиреномудрия, небесных желая и чаа от бога будущих вѣчных благъ, не вѣдый того, что на него съвѣщеваютъ золь съвѣтъ ближнии его друзи. О таковых бо пророкъ рече: «Не сътвори ближнему своему зла и не рой, ни копай врагу своему ямы.* На бога творца въскладай. Господь богъ можетъ живити и мертвити».

Приидоша же послы къ царю Мамаю от Олгорда⁴ Литовскаго и от Олга Резанскаго и принесоша ему многы дары и написаныя книги. Царь же приять дары с любовию и книги, и розслушавъ въ грамотах, и словъ чествовавъ отпусти, и написа отписание сичева: «Олгорду⁵ Литовскому и Ольгу Резанскому. На дарѣх ваших и за хвалу вашу, что приписастеся ко мнѣ, елико хочете от мене вотчины русские тѣмъ отдарю вас. А вы ко мнѣ присягу имѣйте и срѣтите мене, елико гдѣ успѣете, и одолѣйте ⁶своего недруга.⁷ Мнѣ убо ваша помощь не добрѣ удобна: нѣ аще бых азъ нынѣ хотѣлъ своею силою великою и азъ бы древний Иерусалимъ плѣнилъ, яко же и халдѣи.* Нѣ нынѣ чести вашей хошу, моимъ именемъ царьскимъ и грозою, а вашею присягою и рукою вашею распущенъ будетъ князь Дмитрей Московскый, и огрозится имя ваше въ стра-

нах ваших моею грозою. Мнѣ убо царю достоить побѣдѣти царя, подобна себѣ, то мнѣ подобаетъ и довлѣеть царьскаяа честьъ получитьи. А вы нынѣ поидите отъ меня и рците княземъ своимъ глаголы моя».

Послы же възвратившеся отъ царя къ своимъ княземъ и сказаша имъ, яко: «Царь Мамай здравить и велми вамъ за хвалу вашу великую, добръ глаголь глаголетъ». Они же скудни умомъ възрадовашася о суетнѣмъ привѣтѣ безбожнаго царя, а не вѣдуще того, яко богъ даетъ власть, ему же хочеть. Нынѣ же едина вѣра, едино крещение, а къ безбожному приложися въкупѣ гонити православную вѣру Христову. О такихъ бо прокъ⁸ рече: «Поистинѣ сами отсѣкошася своеа добрыа масличны и присадишася къ дивии масличнѣ».*

Князь же Олегъ Резанскый начать поспѣшывати, слати къ Мамаеви послы и рече: «Подвизайся, царю, скорѣе къ Руси». Глаголет бо премудрость: «Путь нечестивыхъ не спѣшится, нѣ събираютъ себѣ досажениа и поносъ».* Нынѣ же сего Олга оканнаго новаго Святоплѣка* нареку.

Слышавъ же то князь великий Дмитрей Ивановичъ, яко грядеть на него безбожный царь Мамай и съ многими ордами и съ всѣми силами, неуклонно яряся на христианство и на Христову вѣру и ревнуя безглавному Батыю, князь же великий Дмитрий Ивановичъ велми опечалися о безбожныхъ находении. И ставъ предъ святою иконою господня образа,* яже въ зглавии его стояще, и падъ на колѣну свою, нача молитися и рече: «Господи! Азъ, грѣшный, смѣю ли⁹ молитися тебѣ, смиренный рабъ твой? то къ кому простру уныние мое? нѣ на тебя надѣюся, господи, и възвергу печаль мою. И ты, господи, царю, владыко, свѣтодателю, не сътвори намъ, господи, яко же отцемъ нашимъ, иже наведе на нихъ и на грады ихъ злаго Батыа, и еще бо, господи, тому страху и трепету в насъ суще велику. И нынѣ, господи, царю, владыко, не до конца прогнѣвайся на насъ, вѣмъ бо, господи, яко мене ради, грѣшнаго, хочещи всю землю нашу погубити; азъ бо съгрѣшихъ предъ тобою паче всѣхъ человекъ. Сътвори ми, господи, слез моихъ ради, яко Иезекию,* и укроти, господи, сердце свирѣпому сему звѣрю!». Въсклонся и рече: «На господа уповахъ — и не изнемогу».* И посла по брата своего по князя Владимера Андрѣевичя в Боровескъ,* и по всѣмъ князи русские скорые гонци розославъ, и по вся воеводы мѣстныа, и по дѣти боярские, и по всѣ службылые люди. И повелѣ имъ скоро быти у себя на Москвѣ.

Князь же Владимиръ Андрѣевичъ прииде въборзѣ къ Москвѣ и вси князи и воеводы. Князь же великий Дмитрей Ивановичъ, поимъ брата своего князя Владимера Андрѣевичя, прииде къ преосвященному митрополиту Киприану* и рече ему: «Вѣси ли, отче нашъ, нынѣ настоащую сию бѣду великую, яко безбожный царь Мамай грядеть на насъ, неуклоннымъ образомъ ярость нося?». Митрополитъ же рече великому князю: «Повѣжь ми, господине, чимъ еси предъ нимъ не исправилься?». Князь же великий рече: «Испытахомся, отче, повелику, яко все по отецъ нашихъ преданию, еще же нѣипаче въздохомъ ему». Митрополитъ же рече: «Видиши ли, господине, попущениемъ божиимъ, нашихъ ради съгрѣшенийъ идеть плѣнити землю нашу, нѣ вамъ подобаетъ, княземъ православнымъ, тѣхъ нечестивыхъ дарми

утолити четверицею сугубь. Аще того ради не смѣрится, ино господь его смиритъ, того ради господь грѣдым противится, а смиреннымъ благодать даетъ.* Тако же случися иногда Великому Василию в Кесарии: егда злый отступникъ Иулианъ, идый в прѣсы,* и хотѣ разорити град его Кесарию, Василий же Великий помолися съ всѣми христианы господу богу и събра много злата и посла к нему, дабы его пресѣступника утолити. Онъ же оканый паче възярися, и господь посла на него въина своего Меркуриа* погубити его. И невидимо пронзенъ бысть въ сердце нечестивый, животь свой злѣ сконча. Ты же, господине, възми злато, елико имаши, и пошли противу его и паче исправися пред нимъ».

Князь же великий Дмитрей Ивановичъ избраннаго своего юношу, доволна суца разумом и смыслом, имянемъ Захарію Тютъшова* и дасть ему два толмача, умѣюща языкъ половецкый,* и посылаетъ с ним много злата к нечестивому царю Мамаю. Захарія же, доиде земли Резанской и слышавъ яко Олегъ Резанскый и Олгордь¹⁰ Литовскый приложылися поганому царю Мамаю, пославъ скоро вѣстника тайно к великому князю.

Князь же великий Дмитрей Ивановичъ, слышавъ ту вѣсть, нача сердцемъ болѣти и наплънися ярости и горести, и нача молитися: «Господи боже мой, на тя надѣюся, правду любящаго. Аще ми врагъ пакости дѣеть, то подобаеть ми трѣпѣти, яко искони есть ненавистникъ и врагъ роду христианскому; си же мои друзи искрннии тако умыслиша на мя. Суди, господи, между ими и мною, аз бо имъ ни единого зла не сътворих, развѣ даровъ и чѣсти от них приимах, а имъ противу тако же даровах. Нѣ суди, господи, по правдѣ моей, да скончается злоба грѣшныхъ».*

И поимъ брата своего, князя Владимирера Андрѣевича, и поиде второе къ преосвященному митрополиту и повѣдаа ему, како Олгордь¹¹ Литовскый и Олегъ Резанскый съвокупилися с Мамаем на ны. Преосвященный же митрополить рече: «Самъ паки, господине, кою обиду сътвори еси има?». Князь же великий прослезися и рече: «Аще еси пред богомъ грѣшенъ или человекеы, а пред ними еси ни единыя черты не преступих по отецъ своихъ закону. Вѣси бо, отче, и самъ, яко доволенъ есьми своими отоки, а имъ никою обиду не сътворих и не вѣм, что ради умножышяся на мя стужающей ми».* Преосвященный же митрополить рече: «Сыну мой, господине князь великий, просвѣти си веселиемъ очи сердца: законъ божий чтеши и твориши правду, яко праведенъ господь и правду възлюби. Нынѣ же обыдоша тя, яко пси мнози, суетно и тщетно поучаются, ты же имянемъ господнимъ противися имъ.* Господь правдивъ и будетъ ти въ правду помощникъ. А от всевидящего ока владычня гдѣ можетъ избыти от крѣпкыя руки его?».

Князь же великий Дмитрей Ивановичъ з братом своимъ съ княземъ Владимиромъ Андрѣевичем и съ всѣми русскими князи и воеводами здумаша, яко сторожу твердо уготовити в полѣ. И посла на сторожу избранныхъ своихъ крѣпкихъ оружникъ: Родиона Ржевскаго,* Аньдрѣа Волосатаго,* Василиа Тупика,* Якова Ослябятова* и иныхъ с ними крѣпкихъ юношъ. И повелѣ имъ на Тихой Соснѣ* сторожу дѣати съ всякимъ усер-

диемъ и под Орду ехати* и языкъ добыти, истину слышати царева хотѣ-
ниа.

А самъ князь великий по всей Русской земли скорые гонци розославъ с своими грамотами по всѣм градомъ: «Да вси готови будете на мою службу, на брань з безбожными половци агаряны. Съвокуплени вси на Коломнѣ, на мясопустъ святыа богородица».*

И ти же сторожы замедлиша в полѣ, князь же великий вторую сторожу посла: Климента Полянина,* Ивана Святослава Свесланина,* Григориа Судокова* и иных с ними, — заповѣда имъ въскорѣ възвратитися. Они же стрѣтоша Василя Тупика: ведеть языкъ к великому князю, языкъ же царева двора, сановитых мужъ. А повѣдаетъ великому князю, что неуклонно Мамай грядеть на Русь и како обослалися и съвокупилися с ним Олегъ Резанский и Олгордь¹² Литовский. Не спѣшитъ бо царь того ради итти — осени ожыдаеть.*

Слышавъ же князь великий от языка такову изложеную мысль и таково вѣстаніе безбожнаго царя, нача утѣшатися о бозѣ и укрѣпляше брата своего князя Владимира и вси князи русские и рече: «Братие князи русские, гнѣздо есмя князя Владимира Святославича Киевского, ему же откры господь познати православную вѣру, яко же оному Еустафию Плакидѣ,* иже просвѣти всю землю Русскую святым крещением, изведе нас от страстей еллиньскихъ и заповѣда нам ту же вѣру святую крѣпко дрѣжати и хранити и поборати по ней. Аще кто еа ради постражеть, то въ оном вѣцѣ съ святыми прѣвомучившимися по вѣрѣ Христовѣ причтенъ будетъ. Азь же, братие, за вѣру Христову хощу пострадати даже и до смерти». Они же ему рѣша вси купно, аки единѣми усты: «Вѣистинну еси, государь, съврѣшилъ законъ божий и исплѣнилъ еси евангельскую заповѣдь, рече бо господь: „Аще кто постражеть, имени моего ради, то въ будущий вѣкъ сторицею въсприиметь животъ вѣчный“.* И мы, государь, днесъ готови есмя умерети с тобою и главы своя положити за святую вѣру христианскую и за твою великую обиду».

Князь же великий Дмитрей Ивановичь, слышавъ то от брата своего князя Владимира Андрѣевича и от всѣх князей русских, яко дрѣзакють по вѣрѣ поборати, и повелѣ всему вѣинству своему быти на Коломнѣ на Успение¹³ святыа богородица,* яко: «Да переберу плѣкы и коемуждо плѣку въведу учиню». И все множество¹⁴ людей, яко едиными усты рѣша: «Дай же нам, господи, течение се съврѣшити, имени твоего ради святого».

И придоша к нему князи бѣлоозерскыа, подобни суще к боеви и велми учрежено вѣинство их: князь Феодоръ Семеновичь,* князь Семенъ Михайловичь,* князь Андрѣй Кѣмьский, князь Глѣбъ Каргополской, и андомскыа князи;* придоша же ярославскыа князи с своими силами: князь Андрѣй Ярославский, князь Романъ Прозоровский, князь Левъ Курбский,* князь Дмитрей Ростовский,* и иныа убо многы князи.

То уже, братие, стукъ стучитъ и аки гром гремитъ въ славнем градѣ Москвѣ, то идетъ силнаа рать великого князя Дмитрея Ивановича, а гремятъ русские сынове своими злачеными доспѣхы.

Князь же великий Дмитрей Ивановичь поимъ с собою брата своего,

князя Владимира Андрѣевича, и вся князи русские, и поеде к Жывоначалной Троици* на поклонъ къ отцу своему, преподобному старцу Сергию,* благословения получитьи от святыа тоа обители. И моли его преподобный игумень Сергей, дабы слушалъ святую литоргию,* бѣ бо тогда день въскресный и память святых мученикъ Флора и Лавра.* По отпуге же литургии, моли его святой Сергей съ всею братьею, великого князя, дабы вкусилъ хлѣба в дому Жывоначална Троица, въ обители его. Великому же князю нужно есть, яко приидоша к нему вѣстници, яко уже приближаются погании половци, моляше преподобнаго, дабы его отпустилъ. И рече ему преподобный старецъ: «Се ти замедление сугубо ти поспѣшение будетъ. Не уже бо ти, господине, еще вѣнецъ сиа побѣды носити,* нъ по минувших лѣтех, а иным убо многим нынѣ вѣнци плетутся». Князь же великий вкуси хлѣба ихъ, игумень же Сергей в то врѣмя повелѣ воду освящати с мощей святых мученикъ Флора и Лавра.* Князь же великий скоро от трапезы вѣстаетъ, преподобный же Сергей окропи его священою водою и все христолюбивое его вѣинство и дасть великому князю крестъ Христовъ — знамение на челѣ.* И рече: «Поиди, господине, на поганыа половци, призывая бога, и господь богъ будетъ ти помощникъ и заступникъ». И рече ему тайно: «Имаши, господине, побѣдити супостаты своя, елико довлѣетъ твоему государству». Князь же великий рече: «Дай ми, отче, два вѣина от своего плѣку — Пересвѣта Александра* и брата его Андрѣа Ослябю,* тъ ты и самъ с нами пособьствуеши». Старецъ же преподобный повелѣ има скоро уготовитися с великим княземъ, бѣ бо вѣдоми суть ратници въ бранѣх, не единому сту наездници. Они же скоро послушание сътвориша преподобному старцу и не отвръгошася повелѣниа его. И дасть имъ в тлѣнных мѣсто оружие нетлѣнное — крестъ Христовъ нашыть на скымах,* и повелѣ им вмѣсто в шоломовъ золоченых възлагати на себя. И дасть их в руцѣ великому князю и рече: «Се ти мои оружници, а твои изволници». И рече имъ: «Миръ вам, братие моя, крѣпко постражите, яко добрии вѣини по вѣрѣ Христовѣ и по всем православном христианствѣ с погаными половци!». И дасть Христово знамение всему вѣинству великого князя — миръ и благословение.

Князь же великий обвеселися сердцемъ и не повѣдаеть никому же, еже рече ему преподобный Сергей. И поиде къ славному своему граду Москвѣ, радуася, аки съкровище некрадомо обрѣте, благословение святаго старца. И приѣхавъ на Москву, поиде з братом своим, съ княземъ Владимиромъ Андрѣевичемъ, къ преосвященному митрополиту Киприану и повѣдаеть единому митрополиту, еже рече ему старецъ святой Сергей тайно и како благословение дасть ему и всему его православному вѣйску. Архъепископъ же повелѣ сиа словеса хранити, не повѣдати никому же.

Приспѣвшу же дни четвертку августа 27, на память святого отца Пимина Отходника, в той день въсхотѣ князь великий изыти противу безбожных татаръ. И поимъ с собою брата своего князя Владимира Андрѣевича, и ста в церкви святыа Богородица* пред образом господнимъ, пригнувъ руцѣ к персем своим, источникъ слезъ проливаючи, моляся, и рече: «Господи боже нашъ, владыко страшный и крѣпкий, вѣистинну ты

еси царь славы, помилуй нас, грѣшных, егда унываем, к тебѣ единому прибѣгаемъ, нашему спасителю и благодателю, твоею бо рукою създани есмы. Но вѣм, господи, яко съгрѣшениа моя превзыдоша главу мою, и нынѣ не остави нас грѣшных, ни отступи от нас. Суди, господи, обидящим мя и възбрани борющимся съ мною, прими, господи, оружие и щить и стани в помощь мнѣ. Дай же ми, господи, побѣду на противныа врагы, да и ти познають славу твою».* И паки приступи къ чудотворному образу госпожи царици, юже Лука евангелистъ, живъ сый написа,* и рече: «О чудотворнаа госпоже царице, всеа твари человечьская заступница, тобою бо познахом истиннаго бога нашего, въплотьшагося и рождъшагося от тебе. Не дай же, госпоже, в разорение градовъ нашихъ поганым¹⁵ половцем, да не оскверняютъ святыхъ твоихъ церквей и вѣры христьянска. Умоли, госпоже царице, сына своего Христа, бога нашего, тѣмъ смирить сердце врагомъ нашимъ да не будетъ рука высока. И ты, госпоже пресвятаа богородице, пошли намъ свою помощь и нетлѣнною своею ризою покрый насъ,* да не страшливи будемъ к ранамъ на тя бо надѣмся, яко твои есмя раби. Вѣмъ бо, госпоже, аще хоцещи, и можеши намъ помощи на противныа сиа врагы, поганыа половци, иже не призываютъ твоего имени, мы же, госпоже пречистаа богородице, на тебя надѣмся и на твою помощь. Нынѣ подвизаемся противу безбожныхъ печенѣгъ,* поганыхъ татаръ, да умоленъ будетъ тобою сынъ твой, богъ нашъ». И паки прииде къ гробу блаженнаго чудотворца Петра митрополита,* любезно к нему припадаа, и рече: «О чудотворный святителю Петре, по милости божии непрестанно чудодѣйствуеши. И нынѣ приспѣ ти вѣрмя за ны молитися къ общему владыцѣ всѣхъ, царю, милостивому Спасу. Нынѣ убо на мя оплъчишася супостати погании и на градъ твой Москву крѣпко вѣоружаются. Тебе бо господь прояви послѣднему роду нашему и вжегль тебе намъ, свѣтлую свѣщю, и посьстави на свѣщницѣ высоцѣ свѣтити всей земли Русской. И тебѣ нынѣ подобаетъ о нас, грѣшныхъ, молитися, да не приидеть на насъ рана¹⁶ смертнаа и рука грѣшника да не погубить насъ.* Ты бо еси стражъ нашъ крѣпкый отъ супротивныхъ нападений, яко твоа есмы паствина». И скончавъ молитву, поклонися преосвященному митрополиту Киприану, архиепископъ же благослови его и отпусти поити противу поганыхъ татаръ и дасть ему Христово знамение — крестъ на челѣ и посла богосвященный съборъ свой съ кресты и съ святыми иконами и съ священною водою въ Фроловскыа врата и в Никольскыа и в Константыно-Еленскыа,* да всякъ въинѣ благословенъ изыдетъ и священною водою кропленъ.

Князь же великий Дмитрей Ивановичъ з братомъ своимъ, съ княземъ Владимиромъ Андрѣевичемъ, поиде въ церковь небеснаго вѣводы архистратига Михаила* и бьетъ челомъ святому образу его, и потомъ приступи къ гробомъ православныхъ князей прародителей своихъ, и тако слезно рекуще: «Истиннии хранители, русскыа князи, православныа вѣры христьянска поборьници, родителие наши! Аще имате дръзновение у Христа, то нынѣ помолитесь о нашемъ унынии, яко велико вѣстание нынѣ приключися намъ, чадомъ вашимъ, и нынѣ подвизайтесь с нами». И се рекъ, изыде исъ деркви.

Княгини же великая Евдокѣя,* и княгини Владимирова Мариа,* и иных православных князей княгини, и многы жены воеводскыя, и боярыни московскыя, и служниа жены ту стояще, проводы дѣющи, въ слезах и въ склицании сердечнем не могуще ни слова изрещи, отдавающе послѣднее цѣлование. И прочаа княгини и боярыни, и служниа жены тако же отдаша своим мужем конечное цѣлование и възвратшася с великою княгинею. Князь же великий, самъ мало ся удрѣжа от слезъ, не дав ся прослезити народа ради, а сердцемъ своимъ велми слезяше, и утѣшаа свою княгиню, и рече: «Жено, аще богъ по нас, то кто на ны!».*

И възыде на избранный свой конь, и вси князи и воеводы всѣдоша на коня своа.

Солнце ему на вѣстоцѣ ясно сияеть, путь ему повѣдаеть. Уже бо тогда аки соколи урвашася от золотых колодиць* ис камена града Москвы* и възлѣтѣша под синиа небеса и възгремѣша своими золотыми колоколами,* и хотять ударитися на многы стада лебедины и гусины; то, брате, не соколи вылетѣли ис каменна града Москвы, то выехали русскыя удалци съ своимъ государемъ, с великимъ княземъ Дмитреем Ивановичем, а хотять наѣхати на великую силу татарскую.

Князи же бѣлоозерскыя особъ своим плѣком выѣхали; урядно убо видѣти вѣйско их.

Князь же великий отпусти брата своего, князя Владимира, на Брашеву дорогою, а бѣлоозерскыя князи — Болвановскою дорогою, а самъ князь великий поиде на Котель дорогою.* Напреди же ему солнце добрѣ сияеть, а по нем кроткий вѣтрець вѣеть. Того бо ради разлучися князь великий з братом своим, яко не вмѣститися имъ единою дорогою.

Княгини же великаа Евдокиа с своею снохою, княгинею Володимеровою Мариею, и с воеводскыми женами и з боярынями възыде въ златоверхый свой теремъ в набережный и сяде на урундуцѣ* под стеколчяты окны. Уже бо конечное зрѣние зреть на великого князя, слезы льющи, аки рѣчьную быстрину. С великою печалию приложывъ руцѣ свои къ персем своим и рече: «Господи боже мой, вышний творецъ, призри на мое смирение, сподоби мя, господи, еще видѣти моего государя, славнаго въ челоуцѣх великого князя Дмитриа Ивановичя. Дай же ему, господи, помощь от своеа крѣпкыя руки побѣдити противныа ему поганыа половци. И не сътвори, господи, яко же преже сего за мало лѣтъ велика брань была русским князем на Калках* с погаными половци съ агаряны; и нынѣ избави, господи, от такиа бѣды и спаси ихъ, и помилуй! Не дай же, господи, погыбнути оставшему христианству, да славится имя твое святое в Русьстѣй земли. От тоа бо галадцкыа бѣды и великого побоища татарскаго и нынѣ еще Русскаа земля уныла и не имать уже надежи ни на кого, токмо на тебя, всемилостиваго бога, можеши бо живити и мертвити. Аз бо, грѣшная, имѣю нынѣ двѣи отрасли, еще млада суще, князи Василя и князя Юриа:* егда поразить их ясное солнце съ юга или вѣтръ повѣеть противу запада — обоого не могутъ еще трѣпѣти. Азъ же тогда, грѣшнаа, что сътворю? Нѣ възврати имъ, господи, отца ихъ, великого князя, поздраву, тѣи земля их спасетса, а они въ вѣкы царствують».

Князь же великий поиде, поимъ с собою мужей нарочитых, московских гостей сурожанъ* десяти человекъ видѣнна ради, аще что богъ ему случить, и они имуть повѣдати в далних землях, яко гости хозяеве, быша: 1. Василиа Капицу,* 2. Сидора Олферьева,* 3. Константина Петунова,* 4. Козму Коврю,* 5. Семена Антонова,* 6. Михаила Саларева,* 7. Тимофѣя Весякова,* 8. Димитриа Чернаго,* 9. Дементиа Саларева,* 10. Ивана Шиха.*

И подвигошяся князь великий Дмитрий Иванович по велицѣй шыроцѣ дорозѣ, а по немъ грядуть русские сынове успѣшно, яко медвяныа чяши. пити и сътеблиа виннаго ясти, хотять себѣ чѣсти добыти и славнаго имени: уже бо, братие, стукъ стучить и громъ гремитъ по ранней зорѣ, князь Владимиръ Андрѣевичъ Москву-рѣку перевозится на красном перевозѣ в Боровъсцѣ.*

Князь же великий прииде на Коломну в субботу, на память святого отца Моисиа Мурина.* Ту же быша мнози воеводы и ратници и стрѣтоша его на рѣчке на Сѣверке.* Архиепискупъ же Геронтей* коломенский срѣте великого князя въ вратѣх градных съ живоносными кресты* и съ святыми иконами съ всѣм съборомъ и осѣни его живоносным крестомъ и молитву сътвори «Спаси, боже, люди своя».*

На утрие же князь великий повелѣ выѣхати всѣм воемъ на поле к Дивичю.*

Въ святую же недѣлю по заутрени* начаша многих трубъ ратных гласы гласити, и органы многы бити, и стязи ревуть наволочены у саду Панфилова.

Сынове же русскыа наступиша на великиа поля коломенскыа, яко не мощно вмѣститися от великого въинства, и невмѣстно бѣ никому же очи¹⁷ перезрѣти рати великого князя. Князь же великий, выехавъ на высоко¹⁸ мѣсто з братом своимъ, съ княземъ Владимиромъ Андрѣевичем, видяще множество много людей урядных, и възрадовашяся и урядиша коемуждо плѣку въводу. Себѣ же князь великий взя в полкъ бѣлозерские князи, а правую руку уряди себѣ брата своего, князя Владимира, дасть ему в полкъ ярославские князи, а лѣвую руку себѣ сътвори князя Глѣба Брянского.* Передовой же плѣкъ — Дмитрий Всеволож, да братья его Владимиръ Всеволожъ,* с коломничи — въвода Микула Васильевичъ,* владимерский же воевода и юрьевский — Тимофѣй Волуевичъ,* костромский же въвода — Иванъ Квашня Родивоновичъ,* переславский же въвода — Андрѣй Серкизовичъ.* А у князя Владимира Андрѣевича въводы: Данило Бѣлѣуть,* Константинъ Конановъ,* князь Федоръ Елетьцский,* князь Юрьи Мещерский,* князь Андрѣй Муромский.*

Князь же великий, урядивъ плѣкы, и повелѣ имъ Оку-рѣку возитися: и заповѣда коемуждо плѣку и въводамъ: «Да аще кто поидеть по Резанской земли, то же не коснися ни единому власу!». И возьмъ благословение князь великий от архиепископа коломенскаго, и перевезеса рѣку Оку съ всѣми силами и отпусти в поле третью сторожу, избранных своих витязей, яко да купно видятся съ стражами татарскими в полѣ: Семена Ме-

лика,* Игнатъя Креня, Фому Тынину, Петра Горьскаго, Карпа Олексина, Петрушу Чюрикова* и иных многих с ними вѣдомцовъ поляницъ.

Рече же князь великий брату своему князю Владимиру: «Поспѣшим, брате, противъ безбожныхъ половцовъ, поганыхъ татаръ и не утолимъ лица своего отъ безстудиа ихъ; аще, брате, и смерть намъ приключится, то не проста, ни безъ ума намъ сия смерть, нѣ животь вѣчный». А самъ государь князь великий, путемъ ѣдучи, призываше сродники своа на помощь — святыхъ страсотръпець Бориса и Глѣба.*

Слышавъ же то князь Олегъ Резанскый, яко князь великий съвѣкушися съ многими силами и грядеть въ стрѣтение безбожному царю Мамаю, и наипаче же въоружень тврѣдо своею вѣрою, еже къ богу вседръжителю вышнему творцу всю надежу възлагаа. И нача блюстися Олегъ Резанскый и с мѣста на мѣсто переходити съ единомысленики своими, и глаголя: «Аще бы намъ мощно послати вѣсть къ многоразумному Олгорду¹⁹ Литовскому противу такова приключника, како иметь мыслити, но застали намъ путь. Азъ чаяхъ по преднему, яко не подобаетъ русскимъ княземъ противу вѣсточнаго царя стояти, и нынѣ убо что разумѣю? Откуда убо ему помощь сна прииде, яко противу трехъ насъ въоружися?».

Глаголаша ему бояре его: «Намъ, княже, повѣдали отъ Москвы за 15 дний, мы же устыдѣхомся тебѣ сказати: како же въ вотчинѣ его есть, близъ Москвы, живетъ калугерь, Сергиемъ зовуть, велми прозорливъ. Тѣмъ паче въоружи его и отъ своихъ калугерь далъ ему пособники». Слышавъ же то, князь Олегъ Резанскый начать бояться и на бояре свои нача опалатися и яритися: «Почто ми не повѣдали прежде сего? Тѣ азъ быхъ послалъ и умолилъ нечестиваго царя, да ничто же бы зло сътворилося! Горе мнѣ, яко изгубихъ си умъ, не азъ бо единъ оскудѣхъ умомъ, нѣ и паче мене разумнѣе Олгордъ²⁰ Литовскый; нѣ обаче онъ почитаетъ законъ латыньскый Петра Гугниваго,* азъ же, окаанный, разумѣхъ истинный законъ божий! Нѣ что ради поплъзохся? И збудется на мнѣ реченное господомъ: „Аще рабъ, вѣдаа законъ господина своего, преступить, бьенъ будетъ много“.* Нынѣ убо что сътворихъ? Вѣдый законъ бога, сътворителя небу и земли, и всея твари, а приложихся нынѣ къ нечестивому царю, хотящу попрасти законъ божий! Нынѣ убо, которому моему худу разумѣнию вдахъ себе? Аще бы нынѣ великому князю помоглъ, тѣ отнудъ не приметъ мя — вѣсть бо измѣну мою. Аще ли приложуся къ нечестивому царю, тѣ поистиннѣ яко древний гонитель на Христову вѣру, тѣ пожреть мя земля жива, аки Святоплѣка:* не токмо княжения лишень буду, нѣ и живота гонѣзну и преданъ буду въ гену огненую мучитися. Аще бо господь по нихъ, никто же на нихъ. Еще же молитва выину о немъ прозорливаго оного мниха! Аще ли ни единому помощи не сътворю, тѣ въ прокъ отъ обоихъ како могу прожыти? И нынѣ азъ то мыслю: которому ихъ господь поможетъ, тому и азъ приложуся!».

Князь же Олгордъ²¹ Литовскый, по предреченному съвѣту, съвокупи литвы много и варягъ, и жемоти* и поиде на помощь Мамаю. И прииде къ граду Одоеву,* и слышавъ, яко князь великий съвокупи многое множество вѣинства, всю русь и словены, и пошолъ къ Лону противу царя Мамаа,

и слышавъ, яко Олегъ убоася, — и пребысть ту оттоле неподвижимъ, и начя разумѣти суетныя свои помыслы, бѣ съвокупление свое съ Олгомъ Резаньскимъ разномысляще, начя рватися и сердитися, глаголя: «Елико человеку не достанеть своеа мудрости, тѣй въсуе чюжую мудрость требуетъ: николи же бо Литва от Резани учима была! Нынѣ же изведе мя ума Олегъ, а сам паче погыблъ. Нынѣ же убо пребуду здѣ, дондеже услышу Московскаго побѣду».

В то же врѣмя слышавъ князь Андрѣй Полотскый и князь Дмитрий Брянскый, Олгордовичи,^{22*} яко велика туга и попечение належить великому князю Дмитрию Ивановичю Московскому и всему православному христианству от безбожнаго Мамаа. Бѣста бо тѣ князи отцомъ своимъ, князем Олгордом,²³ ненавидими были, мачехи ради,* нъ нынѣ богомъ възлюблены бысть и святое крещение приали. Бѣста бо, аки нѣкиа класы доброплодна, терниемъ подавляеми: жывуци между нечестиа, не бѣ имъ коли плода достойна расплодити. И посылаетъ князь Андрѣй къ брату своему, князю Дмитрию, тайно буквицу малу, в ней же писано бѣ: «Вѣси, брате мой възлюбленный, яко отецъ нашъ отвръже нас от себе, нъ господь богъ, отецъ небесный, паче възлюби насъ и просвѣти насъ святымъ крещениемъ, и давъ намъ законъ свой — ходити по нему, и отрѣши насъ отъ пустошнаго суетиа и отъ нечистаго сътворения брашенъ; мы же нынѣ, что о томъ богу въздадимъ? Нъ подвигнемся, брате, подвигомъ добрымъ подвижнику Христу, началнику христианьскому, поидемъ, брате, на помощь великому князю Дмитрию Московскому и всему православному христианству, велика бо туга належить имъ отъ поганыхъ измаилтянъ,* нъ еще и отецъ нашъ и Олегъ Резанскый приложылися безбожнымъ а гонять православную вѣру Христову. Намъ, брате, подобаеть святое писание съврѣшити, глаголющее: „Братие, въ бѣдахъ пособиви бывайте!“.* Не сумняй же ся, брате, яко отцу противитися намъ, яко же евангелистъ Лука рече усты господа нашего Исуса Христа: „Предани будете родители и братиею и умрѣтвуетеся, имени моего ради; претрѣпѣвъ же до конца — тѣй спасетсѣ!“.* Излѣземъ, брате, отъ подавляющаго сего тръνια и присадимся истинному плодовитому Христову винограду, дѣлателному рукою Христовою. Нынѣ убо, брате, подвизаемъ не земнаго ради живота, нъ небесныхъ почести желающе, юже господь даеть творящимъ волю его».

Прочетъ же князь Дмитрий Олгордовичъ²⁴ писание брата своего старейшаго, начя радоватися и плакати от радости, глаголя: «Владыко господи человеколюбче, дай же рабомъ твоимъ хотѣние съврѣшити симъ путемъ подвига сего добраго, яко открылъ еси брату моему старѣйшему добраа!». И рече братню послу: «Рци брату моему, князю Андрѣю: готовъ есьми днесъ по твоему наказанию, брате и господине. Колико есть вѣйска моего, то вси вкупѣ съ мною, божиимъ бо промысломъ съвкуплени належащая ради брани отъ дунайскихъ татаръ. И нынѣ рци брату моему: слышахъ убо, яко приидоша ко мнѣ медокормци ис Сѣверы,* а кажутъ уже великаго князя Дмитриа на Дону, ту бо ждати хочеть злыхъ сыроядцевъ. И намъ подобаеть итти к Сѣверѣ и ту съвокупитися намъ: предлежитъ бо намъ путь на Сѣверу и тѣмъ путемъ утаимся отца своего, да не възбранитъ намъ студино».

По малехъ же днех снидошася оба брата желанно съ всѣми силами, к²⁵ Сѣверѣ, и увидѣвъше, възрадовашася яко же иногда Иосифъ съ Веньямином,* видѣвши у себе множество людей, усердно бо и урядно нарочити ратници. И приспѣша борзо на Донъ, и наѣхаша великого князя Дмитрея Ивановичя Московскаго еще объ сю страну Дону, на мѣстѣ рекомое Березуй* и ту съвокупишася.

Князь же великий Дмитрей з братомъ своимъ Владимиромъ възрадсвастася радостию великою, яко бо такова милость божиа: яко не удобъ бѣ мощно таковому быти, яко дѣти отца оставляють²⁶ и поругашася, яко иногда вѣлси Ироду,* и приидоша на помощь нашу. И многими дарми почтивъ их, и поехаша путемъ, радующеся и веселящеся о святѣмъ дусѣ, земнаго уже всего отврѣгшеся, чающе себѣ бессмертнаго иного премѣненна. Рече же к нимъ князь великий: «Братиа моа милаа, киа ради потребы приидосте сѣмо?». Они же рекоша: «Господь богъ посла насъ к тебѣ на твою помощь». Князь же великий рече: «Вѣистинну ревнители есте праотца нашего Авѣраама, яко тѣй въскорѣ Лоту поможе,* и еще есте ревнители доблестному великому князю Ярославу, яко тѣй отмсти кровь брата своя».*

И въскорѣ посла вѣсть князь великий к Москвѣ къ пресвященному митрополиту Киприану, яко «Олгордовичи²⁷ князи приидоша къ мнѣ съ многими силами, а отца своего оставиша». Скоро же вѣстникъ прииде къ преосвященному митрополиту. Архиепископъ же, слышавъ, и вѣставъ помолися, глаголя съ слезами: «Господи владыко человеколюбче, яко съпротивнии наши вѣтри на тихость прелагаеши!». И посла въ вся съборныа церкви и въ обители, повелѣ сугубо молитву творити день и ноць къ вседръжителю богу. И посла въ обитель преподобнаго игумена Сергия, да негли их молитвѣ послушаетъ богъ. Княгини же великаа Евдокия, слышавъ то великое божие милосердие и нача сугубы милостыни творити и непрестанно нача ходити въ святую церковь молитися день и ноць.

Си же пакы оставимъ, на прѣвое възвратимся.

Великому же князю бывшу на мѣстѣ, нарицаемомъ Березуе,²⁸ яко за двадесять и три поприща* до Дону, приспѣ же въ 5 день месяца септемвриа, на память святого пророка Захарии, в той же день убиение сродника его князя Глѣба Владимировича, приѣхаша два от стражь его, Петръ Горьскый да Карпъ Олексинъ, и приведоша языкъ нарочить от сановитыхъ царева двора. Тѣй языкъ повѣдаеть: «Уже царь на Кузминѣ гати* стоить, нѣ не спѣшитъ, ожыдаеть Олгорда²⁹ Литовскаго и Олга Резанскаго, а твоего царь събрания не вѣсть, ни стрѣтениа твоего не чаеть, по предписанномъ ему книгамъ Олговымъ, и по трех днех имать быти на Дону». Князь же великий спроси его о силѣ царевѣ, онъ же рече: «Неисчетно многое множество вѣинства его силы, никому же мощно исчести».

Князь же великий нача думати з братомъ своимъ и с новонареченною братиею, с литовьскими князи: «Здѣ ли пакы пребудемъ или Донъ перевеземся?». Рекоша же ему Олгордовичи:³⁰ «Аще хоцещи крѣпкаго вѣйска, то поведи за Донъ возитися, да не булетъ ни единому же помышленна

въспять; а о велицей силѣ не помышляй, яко не в силѣ богъ, нѣ в правдѣ: Ярославъ, перевезеся рѣку, Святоплѣка побѣди, прадѣд твой князь великий Александръ, Неву-реку перешед, короля побѣди,* а тебѣ, нарекши бога, подобаеть то же творити. И аще побиемъ, тѣ вси спасемся, аще ли умрем, тѣ вси общую смерть примемъ от князей и до простых людей. Тебѣ же нынѣ, государю великому князю, оставити смертнаа, буйными глаголы глаголати и тѣми словесы крѣпится вѣйско твое: мы убо видим, яко много множество избранных витязей в вѣйску твоёмъ».

Князь же великий повелѣ вѣиньству всему Донъ возитися.

А в то врѣмя вѣстници ускоряють, яко погании приближаются татарове. Мнози же сынове русские възрадовашася радостию великою, зряще своего желаемого подвига, его же еще на Руси въжделѣша.

За многы же дни мнози влѣци притекоша на мѣсто то, выюще грозно, непрестанно по вся ноци, слышати гроза велика. Храбрымъ людямъ в плѣкѣхъ сердце укрѣпляется, а иныя же людие в плѣкохъ, ту слышавъ грозу, паче укротѣша: зане же мнози рати необычно събрашася, не умлѣкающи глаголють, галици же своею рѣчию говорятъ, орли же мнози от усть Дону слѣтошася, по аеру лѣтаючи клекчють, и мнози звѣрие грозно выють, ждуще того дни грознаго, богомъ изволенаго, въ нѣ же имать пасти трупа челоуеча, таково кровопролитие, акы вода морскаа. От таковаго бо страха и грозы великыа дрѣва прекланяются и трава посьстилается.

Мнози людие от обоихъ унывають, видяще убо пред очима смерть.

Начаша же погании половци съ многымъ студомъ омрачатися о погибели живота своего, понеже убо умре нечестивый, и погыбе память ихъ съ шумомъ.* А правовѣрнии же челоуѣци паче процвѣтоша радующеся, чающе съврѣшенаго оного обѣтованна, прекрасныхъ вѣнцовъ, о нихъ же повѣда великому князю преподобный игумень Сергий.

Вѣстници же ускоряють, яко уже близько погании приближаются. Въ шестый же часъ дни прибѣже Семень Меликъ з дружиною своею, а по нихъ гонишася мнози от татаръ. Толико безстудно гнашася нѣлни и плѣкы русскыа узрѣша и възвратишася скоро къ царю и повѣдаша ему, яко князи русские оплѣчишася при Дону. Божиимъ бо промысломъ узрѣша множество велико людей уряжено, и повѣдаша царю, яко «князей русскихъ вѣинство четверицею болши нашего събраниа». Онъ же нечестивый царь, разженъ диаволомъ на свою пагубу, крикнувъ напрасно, испусти гласъ: «Тако силы моа, аще не одолѣю русскихъ князей, тѣ како имамъ възвратитися въ своаси? Сраму своего не могу трѣпѣти». И повелѣ поганымъ своимъ половцемъ въоружатися.

Семень же Меликъ повѣдаа великому князю, яко: «Уже Мамай царь на Гусинъ брод* прииде, и едину ноцъ имѣемъ между собою, на утрие бо имать приити на Непрядву.* Тебѣ же, государю великому князю, подобаеть днесь исплѣчитися, да не предварять погании».

Начать князь великий Дмитрий Ивановичъ з братомъ своимъ княземъ Владимиромъ Андрѣевичемъ и с литовьскими князи Андрѣемъ и Дмитриемъ Олгордовичи³¹ до шестаго чяса плѣци учрежати. Нѣкто въевода прииде с литовьскими князи, имянемъ Дмитрий Боброковъ,* родомъ Волынские

земли, иже нарочитый бысть плъководецъ, велми уставиша плъци по достоанию, елико гдѣ кому подобаеть стояти.

Князь же великий, поим с собою брата своего князя Владимира и литовские князи и вси князи русские и воеводы и взъехавъ на высоко мѣсто и увидѣвъ образы святых, иже суть въображени въ христьянскихъ знамених, акы нѣкии свѣтилници солнечнии свѣтящися въ врѣмя вѣдра; и стязи ихъ золоченыя ревуть, просътирающися, аки облаци, тихо трепещуци, хотять промолвити; богатыри же русские и их хоругви, акы живи пашутся, dospѣхы же русскихъ сыновъ, аки вода въ вся вѣтры колыбашеса, шоломы злаченныя на главах ихъ, аки заря утреняя въ врѣмя ведра свѣтящися, яловци* же шоломовъ их, аки пламя огненное, пашетса.

Умилено бо видѣти и жалостно зрѣти таковых русскихъ събрания и учреждения ихъ, вси бо равнодушнии, единъ за единого, другъ за друга хочеть умерети, и вси единогласно глаголюще: «Боже, с высоты призри на ны и даруй православному князю нашему, яко Константину побѣду,* покори под нозѣ его врагы Амалика,* яко же иногда кроткому Давиду».* Сему же удившася литовские князи, рекуще в себѣ: «Нѣсть было преже нас, ни при насъ, ни по насъ будетъ таково вѣинство уряжено. Подобно есть Александра царя макидоньскаго вѣинству,* мужеством бысть Гедеоновы снузници,* господь бо своею силою вѣоружилъ их!».

Князь же великий, видѣвъ плъци свои достойно уряжены, и спед с коня своего и паде на колѣни свои прямо великому плъку чернаго знамениа,* на немъ же въображенъ образ владыкы господа нашего Исуса Христа, из глубины душа нача звати велегласно: «О владыко вседръжителю! Видь смотреливым оком на люди сия, иже твоею десницею сътворени суть и твоею кровию искуплени работы вражиа. Вѣнуши, господи, гласъ молитвъ нашихъ, обрати лице свое на нечестивых, иже творять злаа рабом твоим. И нынѣ, господи Исусе Христе, молю³² и поклоняюся образу твоему святому и пречистѣй твоей матери и всѣм святым, угодившим тебѣ, и тврѣдому и неборимому заступнику нашему и молебнику иже о насъ, к тебѣ, русскому святителю, новому чудотворцу Петру, на его же милость³³ надѣмся,³⁴ дрѣзаем призывати³⁵ и славити³⁶ святое и великолѣпное имя твое, отца и сына и святого духа, нынѣ и присно и въ вѣкы вѣкомъ! Аминь».

Скончавъ молитву и всѣд на конь свой и нача по плъком ѣздити съ князи и вѣеводами. Коемуждо полку рече: «Братиа моа милаа, сынове русскыа, от мала и до велика! Уже, братие, ночь приспѣ, и день грозный приближися — в сию ночь бдите и молитесь, мужайтесь и крѣпитесь, господь с нами, силенъ въ бранех. Здѣ пребудите, братие, на мѣстех своих, немятущеса. Коиждо вас нынѣ учредитесь, утрѣ бо неудобь мощно тако учредитесь: уже бо гости наши приближаются, стоятъ на рецѣ Непрядвѣ, у поля Куликова оплъчишася, утрѣ бо нам с ними пити общую чашу, между събою поведеную, ея же, друзи мои, еще на Руси вѣжделѣша. Нынѣ, братья, уповайте на бога жива, миръ вам буди о Христѣ. Аще утрѣ ускорять на нас приити погании сыроядци».

Уже бо ночь приспѣ свѣтоноснаго праздника Рождества святѣа богородица.* Осѣни же тогда удолжившиися и деньми свѣтлыми еще сияюще, бысть же въ ту ночь теплота велика и тихо велми, и мраци роснии явишася. Поистинѣ бо рече пророкъ: «Ночь не свѣтла невѣрным, а вѣрным просвѣщена».*

Рече же Дмитрей Волынецъ великому князю: «Хощу, государь, в ночь сию примѣту свою испытати». И уже заря померкла, нощи глубоцѣ суши, Дмитрей же Волынецъ, поимъ с собою великого князя единого, и выѣхавъ на поле Куликово и, ставъ посреди обоих плѣковъ и обратився на плѣкъ татарскый, слышитъ стукъ великъ и кличь, и вопль, аки трѣги снимаются, аки град зиждуще, и аки гром великий гремитъ; съзади же плѣку татарскаго волѣци выють грозно велми, по десной же странѣ плѣку татарскаго ворони кличуще и бысть трепеть птичей великъ велми, а по лѣвой же странѣ, аки горам играющимъ — гроза велика зѣло; по рецѣ же Непрядвѣ гуси и лебеди крылми плещуще, необычную грозу подающе. Рече же князь великий Дмитрею Волынцу: «Слышим, брате, гроза велика есть велми». И рече Волынецъ: «Призывай, княже, бога на помощь!».

И обратився на плѣкъ русскый — и бысть тихость велика. Рече же Волынецъ: «Видиши ли что, княже?». Онъ же рече: «Вижу: многы огнены зари снимахуся!». И рече Волынецъ: «Радуйся, государь, добри суть знамена, токмо бога призывай и не оскудѣй вѣрою!».

И паки рече: «И еще ми есть примѣта искусити». И сниде с коня и при niche к земли десным ухом на долгъ час. Въставъ, и пониче и въздохну от сердца. И рече князь великий: «Что есть, брате Дмитрей?». Онъ же млѣчаше и не хотя сказати ему, князь же великий много нуди его. Онъ же рече: «Едина бо ти на плѣзу, а другая же — скръбна. Слышах землю плачущуюся надвое: едина бо съ страна, аки нѣкаа жена, напрасно плачущися о чадѣх своихъ еллинскимъ гласом, другая же страна, аки нѣкаа девица, единою възопи велми плачевнымъ гласом, аки в свирель нѣкую, жалостно слышати велми. Азъ же преже сего множество тѣми примѣтами боевъ искусих, сего ради нынѣ надѣюся милости божиа — молитвою святыхъ страстотрѣпецъ Бориса и Глѣба, сродниковъ вашихъ, и прочихъ чудотворцовъ, русскихъ поборниковъ, азъ чаю побѣды поганыхъ татаръ. А твоего христолюбиваго вѣиньства много падеть, нѣ обаче твой врѣхъ, твоя слава будеть».

Слышавъ же то, князь великий прослезися и рече: «Господу богу вся възможна: всѣхъ насъ дыхание в руцѣ его!». И рече Волынецъ: «Не подобаетъ тебѣ, государю, того в плѣцѣхъ повѣдати, токмо коемуждо вѣину повели богу молитися и святыхъ его угодьниковъ призывати на помощь. И рано утре вели имъ подвизатися на коня своа, всякому вѣину, и вѣоружатися крѣпко и крестомъ огражатися: тѣй бо есть оружие на противныа, утрѣ бо хощуть с нами видѣтися».

В ту же ночь нѣкто муж, имянемъ Фома Кацибѣй,* разбойникъ, поставленъ бысть стражемъ от великого князя на рецѣ на Чуровѣ, мужества его ради на крѣпцѣ сторожѣ от поганыхъ. Сего увѣряя, богъ откры ему в ночь ту видѣти видѣние велико. На висоцѣ мѣсте стоя, видѣти облакъ от вѣс-

тока великъ зѣло изрядно приа, аки нѣкакиа плѣки, к западу идушь. От полуденныя же страны приидоша два юноши,* имуща на себѣ свѣтлыи багряница, лица их сияюща, аки солнце, въ обоихъ руках у них острые мечи, и рекуще плѣковником: «Кто вы повелѣте требити отечество наше, его же намъ господь дарова?». И начаша их сѣщи и всѣх изсѣкоша, ни единъ от них не избысть. Той же Фома цѣломудръ и разумень оттолѣ увѣренъ бысть, и то видѣние повѣда на утрие великому князю единому. Князь же великий рече ему: «Не глаголи того, друже, никому же», — и, въздѣвъ руцѣ на небо, нача плакаться, глаголя: «Владыко господи челоуѣколюбче! Молитвъ ради святых мученикъ Бориса и Глѣба помози ми, яко же Моисию на Амалика* и прѣвому Ярославу на Святоплѣка,* и прадѣду моему великому князю Александру на хвалящегося короля римскаго,* хотящаго разорити отечество его. Не по грѣхом моим въздай же ми, нѣ излий на ны милость свою, простри на нас благоутробие свое, не дай же нас въ смѣх врагом нашим, да не порадуются о нас врази наши, и рекутъ страны невѣрных: „Гдѣ есть богъ их, на нь же уповаша?“. Нѣ помози, господи, христианом, ими же величается имя твое святое!».

И отпусти князь великий брата своего, князя Владимира Андрѣевичя, въверхъ по Дону в дуброву, яко да тамо утаится плѣкъ его, давъ ему достойных вѣдомцовъ своего двора, удалыхъ витязей, крѣпких въиновъ. И еще с нимъ отпусти извѣстнаго своего вѣводу Дмитрея Волынскаго и иных многихъ.

Приспѣвшу же, месяца септевриа въ 8 день, великому празднику Рождеству святая богородица, свитающу пятку, възходящу солнцу, мгляну утру суцу, начаша христианскыя стязи простиратися и трубы ратныя многы гласити. Уже бо русскыя кони окрѣпишася от гласа трубнаго, и койждо въинъ идетъ под своим знаменем. И видѣти добрѣ урядно плѣкы уставлены поучениемъ крѣпкаго вѣводы Дмитрея Боброкова Волынца.

Наставшу же второму чясу дни, и начаша гласи трубнии обоих плѣковъ сниматися, татарскыя же трубы яко онемѣша, а русскыя трубы паче утврѣдишася. Плѣкы же еще не видятя, занеже утро мгляно. И в то врѣмя, братье, земля стонеть велми, грозу велику подавающи на востокъ нолны до моря, а на запад до Дунаа, великое же то поле Куликово прегибающесея, рѣкы же выступаху из мѣстъ своихъ, яко николи же быти толиким людем на мѣстѣ томъ.

Великому же князю пресѣдающу на избранный конь, ѣздя по плѣком и глаголаше от великыа горести сердца своего, слезы аки рѣка течаше от очию его: «Отци и братиа моа, господа ради подвизайтесь и святых ради церквей и вѣры ради христианскыа, сна бо смерть нам нынѣ нѣсть смерть, нѣ животъ вѣчный; и ничто же, братие, земнаго помышляйте, не уклонимся убо, да вѣнци побѣдными увяземся от Христа бога и спаса душамъ нашим».

Утврѣдивъ же плѣкы, и паки прииде под свое знамя черное и ссѣде с коня и на инъ конь всяде и съвлече с себя приволоку царскую и въ ину облечесе. Тѣй конь свой дастъ под Михаила Андрѣевича под Бреника*

и ту приволоку на него положилъ, иже бѣ ему любимъ паче мѣры, и тѣ знамя черное повелѣ рыделю своему над нимъ возити. Под тѣмъ знаменем и убиенъ бысть за великого князя.

Князь же великий ста на мѣсте своемъ и, вынявъ из надръ своихъ живоносный крестъ, на немъ же бѣ въображены страсти Христовы,* в немъ же бѣ живоносное дрѣво,* и въсплакася горко и рече: «На тебе убо надѣмъся, живоносный господень кресте, иже симъ образомъ явивыйся греческому царю Константину,* егда ему на брани сущу с нечестивыми и чюднымъ твоимъ образомъ побѣди их. Не могутъ бо погании нечестивии половци противу твоему образу стати, тако, господи, удиви милость свою на рабѣ твоємъ!».

В то же врѣмя прииде к нему посоль с книгами от преподобнаго старца игумена Сергия, въ книгахъ писано: «Великому князю и всѣмъ русскимъ княземъ, и всему православному вѣйску миръ и благословение!». Князь же великий, слышавъ писание преподобнаго старца и цѣловавъ посольника любезно, тѣмъ писаниемъ утвѣрдися, акы нѣкими крѣпкими бранями. Еще же дасть посланный старецъ от игумена Сергия хлѣбецъ пречистыа богородица,* князь же великий снѣде хлѣбецъ святыи и простеръ руцѣ свои, възопи велегласно: «О велико имя всесвятыа Троиця, о пресвятая госпоже богородице, помогай намъ тоя молитвами и преподобнаго игумена Сергия, Христе боже, помилуй и спаси душа наша!».

И всѣде на избранныи свой конь и, взявъ копие свое и палицу желѣзную, и подвижесе ис полку, и въсхотѣ преже всѣхъ самъ битися с погаными от великия горести душа своеа, за свою великую обиду и за святыа церкви и вѣру христьянскую. Мнози же русские богатыри, удръжавше его, възбраниша ему, глаголюще: «Не подобаетъ тебѣ, великому князю, напередъ самому в плѣку битися, тебѣ подобаетъ особъ стояти и насъ смотрити, а намъ подобаетъ битися и мужество свое и храбрость предъ тобою явити: егда ты господь упасеть милостию своею, и ты разумѣешь, кого чимъ даровати. Мы же готови есмя в сий день главы своя положить за тебе, государя, и за святыа церкви и за православное христьянство. Тебѣ же подобаетъ, великому князю, рабомъ своимъ, елико кто заслужитъ своею главою, память сѣтворити, якоже Леонтий царь Феодору Тирону,* въ книги съборныа написати насъ, памяти ради русскимъ сыномъ, иже по насъ будутъ. Аще тебе единого изгубимъ, тѣ отъ кого имамы чаяти, кто по насъ память сѣтворитъ? Аще вси спасемъся, а тебе единого останемъ, тѣ кий намъ успѣхъ? И будемъ аки стадо овчье, не имущее пастыря, влачими по пустыни, и пришедше дивии влѣци распудятъ ѱ, и разбѣжатся овци кои куды. Тебѣ, государю, подобаетъ себе спасти да и насъ».

Князь же великий прослезися и рече: «Братиа моа милаа, русские сынове, доброй вашей рѣчи азъ не могу отвѣщати, нѣ токмо похваляю васъ, вы бо есте вѣистинну блази раби божии. Паче же вѣсте мучение Христова страстотрѣнца Арефы.* Внегда мученъ бысть, и повелѣ царь вести ѱ на позорище и мечемъ иссѣщи, а доблии же его друзи, единъ предъ единымъ скорить, койждо ихъ свою главу усѣкателю под мечъ клонять за Арефу, вѣводу своего, вѣдяще убо почестъ побѣды своеа. Арефа же вѣе-

вода рече въином своимъ: „Вѣсте убо, братиа моя, у земнаго царя не азъ ли преже васъ почтенъ бых, земныя чѣсти и дары взимах? И нынѣ же предити подобаеть ми и къ небесному царю, и главѣ моей преже усѣченѣ быти, паче же вѣнчанѣ“. И приступль мечникъ и усѣкну главу его, послѣжде и въином его усѣкну главы. Тако же и азъ, братие. Кто болши мене в русскихъ сыновѣхъ почтенъ бѣ и благаа беспрестани приимах от господа? А нынѣ злаа приидоша на мя, ужели не могу трѣпѣти: мене бо ради единого сиа вся въздвигошася. Не могу видѣти вас, побѣжаемых, и прочее к тому не могу трѣпѣти, и хощу с вами ту же общую чашу испити и тою же смертию умрети за святую вѣру христианскую! Аще ли умру — с вами, аще ли спасуся — с вами!».

Уже бо, братие, в то врѣмя плѣкы ведутъ: передовой плѣкъ ведетъ князь Дмитрей Всеволодичь, да братъ его — князь Владимиръ Всеволодичь, а с правую руку плѣкъ ведетъ Микула Василевичь с коломничи, а лѣвую же руку плѣкъ ведетъ Тимофѣй Волуевичь с костромичи. Мнози же плѣкы поганых бредуть оба пол: от великиа силы нѣсть бо имъ мѣста, гдѣ разступитися. Безбожный же царь Мамай, выѣхав на высоко мѣсто с трема князи, зряй челоувечьскаго кровопролитиа.

Уже бо близ себе сходящеся силныя плѣкы, выѣде злый печенѣгъ из великого плѣку татарьскаго, пред всѣми мужеством являся, подобенъ бо бысть дрѣвнему Голиаду:* пяти сажень высота его, а трех сажень ширина его. Видѣвъ же его Александръ Пересвѣтъ, старецъ, иже бѣ в плѣку Владимира Вселодовича и, двигнувся ис плѣку, и рече: «Сей человекъ ищетъ подобна себѣ, азъ хощу с нимъ видѣтися!». Бѣ же на главѣ его шелом архангельскаго образа,* въоруженъ скимою повелѣнием игумена Сергия. И рече: «Отци и братиа, простите мя грѣшнаго! Брате Андрѣй Ослебя, моли бога за мя. Чаду моему Иакову — миръ и благословение». Напусти на печенѣга и рече: «Игуменъ Сергий, помогай ми молитвою!». Печенѣгъ же устремися противу ему, христиане же вси въскликнуша: «Боже, помози рабу своему!». И ударишася крѣпко копии, едва мѣсто не проломися под ними, и спадше оба с коней на землю и скончашеся.

Наставшу же третьему часу дни, видѣвъ же то, князь великий и рече: «Се уже гости наши приближилися и ведутъ промеж собою поведеную, преднии уже испиша и весели быша и уснуша, уже бо врѣмя подобно, и час прииде храбрость свою комуждо показати». И удари всякъ въишь по своему коню и кликнуша единоголасно: «С нами богъ!» — и паки: «Боже христианский, помози нам!», погании же половци свои боги начаша призывати.

И съступишася грозно обѣ силы великиа, крѣпко бьющеся, напрасно сами себе стираху, не токѣмо оружиемъ, нѣ и от великиа тѣсноты под коньскими ногами издыхаху, яко немощно бѣ вмѣститися на том полѣ Куликовѣ: бѣ мѣсто то тѣсно между Доном и Мечею. На том бо полѣ силнии плѣци съступишася, из нихъ же выступали кровавыя зари, а в них трепеталися силнии мѣгна ото блистаниа мечнаго. И бысть трускъ и звукъ великъ от копейнаго ломлениа и от мечнаго сѣченя, яко не мощно бѣ

сего грѣкого часа зрѣти никако же и сего грознаго побоища. Въ единъ бо час, въ мегновении ока, о колико тысущъ погыбе душъ человечьскихъ, създания божиа! Воля³⁷ господня съврѣшается: часъ же третій, и четвертый, и пятый, и шестый крѣпко бьущесе неослабно христиане с погаными половци.

Наставшу же седмому часу дни, божиимъ попущениемъ наших ради грѣховъ начаша погании одолѣвати. Уже бо от сановитых мужей мнози побиени суть, богатыри же русскыа и воеводы, и удалыа люди, аки дрѣва дубравнаа, клонятся на землю под коньскыа копыта: мнози же сынове русскыа сътрошася. Самого же великого князя уязвиша велми и с коня его збиша, онъ же нужею склонився с побоища, яко не мощно бѣ ему к тому битися, и укрыся в дебри, божиею силою съхраненъ бысть. Многажды стязи великого князя подсѣкоша, нъ не истребишася божиею милостю, нъиначе укрѣпишася.

Се же слышахом от вѣрнаго самовидца, иже бѣ от плѣку Владимера Андрѣевича, поведаа великому князю, глаголя: «Въ шестую годину сего дни видѣх над вами небо разврѣсто, из него же изыде облакъ, яко багрянаа заря над плѣком великого князя, дрѣжашесе низко. Тѣй же облакъ исплненъ рукъ человечьскихъ, яже руки дрѣжаше по велику плѣку ово проповѣдники, ово пророческы. Въ седмый же часъ дни облакъ тѣй много вѣнцевъ дрѣжаше и опустишася над плѣком, на головы христианьскыа».

Погании же начаша одолѣвати, христианьскыа же плѣци оскудѣша — уже мало христианъ, а все погании. Видѣвъ же то князь Владимиръ Андрѣевичъ падение русскыхъ сыновъ не мога трѣпѣти и рече Дмитрею Волицу: «Что убо плѣза стояние наше? Который успѣхъ намъ будетъ? Кому намъ пособити? Уже наши князи и бояре, вси русскыа сынове напрасно погыбають от поганыхъ, аки трава клонится!». И рече Дмитрей: «Бѣда, княже, велика, не уже пришла година наша: начинаай без времени, вред себѣ приемлеть; класы бо пшеничныа подавляеми, а трѣние ростуще и буяюще над благородными. И мало убо потрѣшим до времени подобна, вѣн же часъ имаемъ въздариа отдати противникомъ. Нынѣ токѣмо повели всякому вѣину богу молитися прилѣжно и призывати святыхъ на помощь, и от сего часа имать быти благодать божиа и помощь христианомъ». Князь же Владимиръ Андрѣевичъ, въздѣвъ руцѣ на небо, и прослезися горко и рече: «Боже отецъ нашихъ, сътворивый небо и землю, дай же помощь роду христианскому! Не дай же, господи, порадоватися врагомъ нашимъ о насъ, мало показни, а много помилуй, бездна бо еси и милости». Сынове же русскыа в полку его грѣко плачуще, видяще друзи свои побиаеми от поганыхъ, непрестанно покушающесе, яко званнии на бракъ сладкаго вина пити. Волицъ же възбраняше им, глаголя: «Пождите мало, буавии сынове русскыа, будетъ ваше врѣмя коли утѣшитися, есть вы с кѣмъ възвеселитися!».

Приспѣ же осмый часъ дню, духу южну потянувшу съзиди намъ, възопи же Волицъ гласомъ великимъ: «Княже Владимиръ, наше врѣмя приспѣ, и часъ подобный прииде! — и рече: Братъа моа, друзи, дрѣзайте: сила бо святого духа помогаетъ нам!».

Единомыслении же друзи высѣдоша из дубравы зелены, аки соколи искушеныя урвалися от златых колодиць, ударилися на великиа стада жировины, на ту великую силу татарскую; а стязи их направленыы крѣпкимъ въведою Дмитреем Волынцем: бяху бо, аки Давидови отроци, иже сердца имуща аки лвовы, аки лютии вльци на овчии стада приидоша и начаша поганых татаръ сѣщи немилостивно.

Погании же половци увидѣша свою погыбель, кликнуша еллинскимъ гласом, глаголюще: «Увы нам, русь паки умудрися: уншии с нами брашася, а доблии вси съблюдошася!». И обратишася погании, и даша плещи, и побѣгоша. Сынове же русские, силою святого духа и помощию святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба, гоняще, сѣчашу их, аки лѣс клоняшу, аки трава от косы постилается у русскихъ сыновъ под конские копыта. Погании же бѣжаще кричашу, глаголюще: «Увы нам, честный нашъ царю Мамаю! Вънесе бо ся высоко — и до ада шель еси!». Мнози же уязвении наши и тѣ помагашу, сѣкуще поганыхъ без милости: единъ русинъ сто поганыхъ гонить.

Безбожный же царь Мамай, видѣвъ свою погыбель, нача призывати боги своа: Перуна и Салавата, и Раклиа и Гурса,* и великого своего пособника Махмета.* И не бысть ему помощи от них, сила бо святого духа, аки огонь, пожигаетъ их.

Мамай же, видѣвъ новыя люди, яко лютии звѣрие ристашу и изрываху, аки овчье стадо, и рече своимъ: «Побѣгнем, ничто же бо добра имам чаати, нѣ поне свои главы унесем!». И абие побѣже поганый Мамай с четырьми мужы в лукоморие, скрегча зубы своими, плачуци грѣко, глаголя: «Уже нам, братие, в земли своей не бывати, а катунъ своихъ не трепати, а дѣтей своихъ не видати, трепати нам сыраа земля, целовати нам зеленаа мурова, а съ дружиною своею уже нам не видатися, ни съ князи ни съ алпауты!».

Мнози же гоняшася по них и не одолѣша их, понеже кони их утомишася, у Мамаея же цѣлы суть кони его, и убѣже.

Сия же суть милостию всемогущаго бога и пречистыа матери божиа и молениемъ и помощию святыхъ страстотръпецъ Бориса и Глѣба, ихъ же видѣ Фома Кадибѣевъ разбойникъ, егда на сторожы стоя, яко же преже писано есть. Етери же суще женяху, внегода всѣхъ доступиша и възрашахуся, койждо под свое знамя.

Князь же Владимиръ Андрѣевичъ ста на костѣхъ под чернымъ знаменемъ. Грозно, братие, зрѣти тогда, а жалостно видѣти и грѣко посмотри челоуечьскаго кровопролитиа — аки морскаа вода, а трупу челоуечьа — аки сѣнныа громады: борзъ конь не можетъ скочити, а в крови по колѣни бродяшу, а рѣки по три дни кровию течаху.

Князь же Владимиръ Андрѣевичъ не обрѣте брата своего, великого князя, в плѣку, нѣ толко литовские князи Олгордовичи, и повелѣ трубити в собранныя трубы. Пожда час и не обрѣте великого князя, нача плакати и кричати, и по плѣкомъ ѣздити начатъ сам и не обрѣте и глаголаша всѣмъ: «Братья моа, русскыа сынове, кто видѣ или кто слыша пастыря нашего

и начальника?». И рече: «Аще пастырь пораженъ — и овцы разыдутся.* Кому сиа честь³⁸ будетъ, кто побѣдѣ сей явится?».

И рекоша литовские князи: «Мы его мнимъ, яко живъ есть, уязвенъ велми; егда въ мертвом трупу лежатъ?». Инъ же въинъ рече: «Азъ видѣх его на седмом часу крѣпко бьющася с погаными палицею своею». Инъ же рече: «Азъ видѣх его поздѣе того; четыре татарины належахуть ему, онъ же крѣпко бияшеся с ними». Нѣкто князь, имянем Стефанъ Новосилской,* тѣй рече: «Азъ видѣх его пред самим твоим приходом, пѣша и идуща с побоища, уязвена велми. Того ради не могах азъ ему помощи — гоним есмь трема татарины, нѣ милостию божиею едва от них спасохся, а много зла от них приимах и крѣпко пострадах».

Князь же Володимеръ рече: «Братиа и друзи, русскыя сынове, аще кто жыва брата моего обрящет, тѣй поистиннѣ пръвый будетъ у наю!». И разсыпашася вси по велику, силну и грозну побоищу, ищучи побѣдѣ побѣдителя. Ови³⁹ же наѣхаша убитаго Михаила Андрѣевича Бренка: лежыть в приволоцѣ и в шеломѣ, что ему далъ князь великий; инии же наѣхаша убитаго князя Феодора Семеновича Бѣлозерскаго, чающе его великим княземъ, занеже приличенъ бѣ ему.

Два же етера въина уклонишася на десную страну в дуброву, единъ имянемъ Феодоръ Сабуръ,* а другой Григорей Холопищевъ,^{40*} оба родом костромичи. Мало выѣхавъ с побоища и наѣхаша великого князя бита и язвена велми и трудна, отдыхаючи ему под сѣнию ссѣчена дрѣва березова. И видѣша его и, спадше с коней, поклонишася ему. Сабуръ же скоро възвратися повѣдати князю Владимиру, и рече: «Князь великий Дмитрей Ивановичъ здравъ бысть и царствуетъ в вѣки!».

Вси же князи и вѣводы, слышавше, и скоро сунушася и падше на ногу его, глаголюще: «Радуйся, князю нашъ, дрѣвний Ярославъ, новый Александръ,* побѣдитель врагом: сиа же побѣды честь тобѣ довлѣеть». Князь же великий едва рече: «Что есть, повѣдайте ми». Рече же князь Володимеръ: «Милостью божиею и пречистыа его матери, пособием и молитвами сродникъ наших святых мученикъ Бориса и Глѣба и молением русскаго святителя Петра и пособника нашего и въоружителя игумена Сергѣя, — и тѣх всѣх святых молитвами врази наши побѣжени суть, мы же спасохомся».

Князь же великий, слышавъ то и въставъ, рече: «Сий день сътвори господь, възрадуемся и възвеселимся, людие!».* И паки рече: «Сий день господень веселитесь, людие! Велий еси, господи, и чюдна дѣла твоя суть: вечеръ въдворится плач, а завтра — радость!».* И паки рече: «Хвалю тя, господи боже мой, и почитаю имя твое святое, яко не предалъ еси нас врагом нашим, и не далъ еси им похвалитися, иже сии на мя умыслиша злаа: нѣ суди им, господи, по правдѣ их, азъ же, господи, уповаю на тя!».

И приведоша ему конь и, всѣд на конь и выѣхавъ на велико, силно и грозно побоище, и видѣвъ вѣйска своего бито велми много, а поганых татаръ четверицею сугубъ того боле бито и, обратився к⁴¹ Волянцу, рече: «Въистину, Дмитрей,⁴² не ложна есть примѣта твоя, подобает ти всегда вѣведою быти».

И нача з братом своимъ и съ оставшими князи и вѣводами ѣздити по боищу, сердцем боля кричаше, а слезами мыся, и рече: «Братиа, русскыя сынове, князи и бояре, и вѣводы, и дѣти боярьскыя! Суди вам господь богъ тою смертию умерети. Положыли есте главы своа за свята церкви и за православное христианство». И поѣхавъ мало, наехаше мѣсто, на немъ же лежать побьенн вкупѣ князи бѣлозерскыя: толма крѣпко бишася, яко единъ за одинаго умре. Ту же близъ лежитъ убит Михайло Васильевич; над ними же ставъ князь великий, над любезными вѣводами, и нача плакати и глаголати: «Братья моа князи, сынове русскыя, аще имате дрѣзновение у бога, помолитесь о нас, вѣм бо, яко послушаетъ вас богъ, да вкупѣ с вами у господа бога будем!».

И паки приѣде на иное мѣсто и наѣхавъ своего напръстника⁴³ Михайла Андрѣевича Бренка, и близ его лежыть тврѣдый стражъ Семень Меликъ, близъ же имъ Тимофѣй Волуевич убиень. Над ними же ставъ, князь великий прослезися и рече: «Брате мой възлюбленный, моего ради образа убиень еси. Кий бо рабъ тако можетъ господину служыти, яко меня ради самъ на смерть смыслено грядяше? Въистинну древнему Авису подобень,* иже бѣ от плѣку Дарьева Перскаго, иже и сей тако сътвори». Лежащу же ту Мелику, рече над ним: «Крѣпкый мой стражу, тврѣдо пасомыи есмя твоею стражею». Приѣде же на иное мѣсто, видѣ Пересвѣта черныца, а пред ним лежыт поганый печенѣгъ, злый татаринъ, аки гора, и ту близъ лежыть нарочитый богатырь Григорей Капустинъ. Обратився князь великий и рече: «Видите, братие, починальника своего, яко сий Александръ Пересвѣт, пособникъ нашъ, благословенъ игуменом Сергием и побѣди велика, силна, зла татарина, от него же было пити многимъ людем смертнаа чаша».

И отѣхавъ на иное мѣсто, и повелѣ трубити в събранныя трубы, съзывати люди. Храбрии же витязи, довѣлно испытавше оружие свое над погаными половъци, съ всѣхъ странъ бредут под трубный гласъ. Грядуще же весело, ликующе, пѣсни пояху, овии поаху богородичныи, друзии же — мученичныи, инии же — псалом, то есть христианское пѣние.* Кийждо въинъ едет, радуася, на трубный гласъ.

Събраннымъ же людем всѣм, князь великий ста посреди ихъ, плача и радуася: о убиеныхъ плачется, а о здравыхъ радуется. Глаголаше же: «Братиа моа, князи русскыя и боаре мѣстныя, и служылыя люди всеа земля! Вамъ подобаетъ тако служыти, а мнѣ — по достоанию похвалити вас. Егда же упасеть мя господь и буду на своемъ столѣ, на великомъ княжении, въ градѣ Москвѣ, тогда имамъ по достоанию даровати вас. Нынѣ же сиа управим; койждо ближняго своего похороним, да не будутъ звѣремъ на снѣдение телеса христианьскаа».

Стоялъ князь великий за Даномъ на костѣхъ осмь дний, дондеже розобраша христианъ с нечестивыми. Христианьскаа телеса в землю покопаша, а нечестивыхъ телеса поврѣжена звѣремъ и птицамъ на расхыщение.

И рече князь великий Дмитрей Ивановичъ: «Считайтесь, братие, колкихъ вѣвод нѣтъ, колкихъ служылыхъ людей?». Говорить бояринъ московской, имянемъ Михайло Александрович,* а былъ в плѣку у Микулы у Ва-

сильевича, рѣсчетливъ бысть велми: «Нѣтъ у нас, государь, 40 боариновъ московских, да 12 князей бѣлозерских, да 13 боаринов посадниковъ новгородских, да 50 бояриновъ Новагорода Нижнего, да 40 боаринов серпоховских, да 20 боаринов переславских, да 25 боаринов костромских, да 35 боаринов владимерских, да 50 боаринов суздальских, да 40 боаринов муромских, да 33 боаринов ростовских, да 20 боаринов дмитровских, да 70 боаринов можайских, да 60 боариновъ звенигородских, да 15 боаринов углетцких, да 20 боаринов галитцских, а молодымъ людемъ счета нѣтъ; нѣ токмо вѣдаемъ: изгыбло у нас дружины всеа полтретья ста тысящъ и три тысящи, а осталось у нас дружины пятьдесят⁴⁴ тысящъ».

Рече же князь великий: «Слава тебѣ, вышний творецъ, царю небесный, милостивый Спасъ, яко помиловал еси нас, грѣшных, не предалъ еси нас в руцѣ врагомъ нашимъ, поганымъ сыядцемъ. А вамъ, братья, князи и боаре, и вѣводы, и молодые люди, русские сынове, сужено мѣсто лежати между Дономъ и Непромъ, на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Непрядвѣ. Положили есте головы своа за землю Русскую, за вѣру христианскую. Простите мя, братие, и благословите в семъ вѣцѣ и в будущемъ!». И прослезися на длъгъ час и рече княземъ и вѣводамъ своимъ: «Поѣдемъ, братье, въ свою землю Залѣсскую,* къ славному граду Москвѣ и сядемъ на своихъ вѣтчинахъ и дѣдинахъ: чести есмя себѣ достутили и славнаго имени!».

Поганый же Мамай тогда побѣже с побоища и прибѣже къ граду Кафѣ* и, потаивъ свое имя, прибѣже въ свою землю* и не мога трѣпѣти, видя себе побѣжена и посрамлена, и поругана. И паки гнѣвашеся, яряся зѣло, и еще зло мысля на Русскую землю, аки левъ рыкаа и аки неуголимаа ехидна. И събравъ остаточную свою силу, и еще хотяше изгономъ итти на Русскую землю. И сице ему мыслящу, внезапно прииде к нему вѣсть, яко царь имянемъ Тактамышъ* съ востока, нолны из Синие Орды, идетъ на него. Мамай же, яже бѣ уготавилъ рать ити было ему на Русскую землю, и онъ с тою ратью пошелъ противу царя Тактамыша. И стрѣтошася на Калкахъ, и бысть имъ бой великъ. И царь Тактамышъ, побѣдивъ царя Мамаа и прогна его, мамаевы же князи и рядци, и ясовулы, и алпауты биша челомъ царю Тактамышу. И приать ихъ и взя Орду, и сѣде на царствѣ. Мамай же прибѣже паки в Кафу единъ; потаивъ свое имя, пребываше ту, и познанъ бысть нѣкимъ купцемъ и ту убиенъ бысть фрязы и испроврѣже злѣ животъ свой. Сиа же оставимъ здѣ.

Слышавъ же Олгордь Литовскый, яко князь великий Дмитрей Ивановичъ побѣдилъ Мамаа, възвратися въ своа си с студомъ многымъ. Олегъ же Резанскый, слышавъ, яко хочетъ князь великий послати на него рать, убоася и побѣже из своеа отчины и съ княгинею и з боары; и резанци добиша челомъ великому князю, и князь великий посади на Резани свои намѣстники.

СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ

КИПРИАНОВСКАЯ РЕДАКЦИЯ

Повесть полезна бывшаго чудеси, егда помощью божиею и пречистыя его матери богородицы, и угодника их святаго чудотворца Петра митрополита всяя Руси, и преподобнаго игумена Сергия* чудотворца, и всех святых молитвами князь велики Дмитрий Иванович* з братом своим, иже из двоюродных, с князем Володимером Андреевичем* и со всеми князи русскими, на Дону посрами и прогна Воложския Орды гордаго князя Мамаю* и всю Орду* его со всею силою их нечестивою изби.*

Воложския Орды нечестивый и гордый князь Мамай всею Ордою владеаше и многих князей и царей изби и постави себе царя по своей воли. Таже паки во мнозе смущении бе, и не вверяшеся ему никтоже, и паки многих князей и алпаутов* изби во Орде своей. Таже и самого царя своего уби, его же точию именем имеаше во Орде своей царя, сам же вся владеаше и творяше. Уведе же, яко любят татарове его царя его, и убояся, еда како отъиметь от него власть его и волю его, и того ради уби его и всех верных его и любящих его.

Гневаше же ся и на великого князя Дмитрея Ивановича и на брата его, иже из двоюродных, на князя Володимера Андреевичя, и на князя Данила Пронскаго,* что избиша друзей его, и любовников его, и князей его, и алпаутов его в Рязанской земле, на реце на Воже.* И о семь скорбяше зело, и лице свое одирааше, и ризы своя разтерзаше, и глаголаше: «Увы мне, увy мне! Что сътворили русстии князи надо мною! Како мя срамоте и студу предали! Како мя поношение и поругание и смех сътворили всем! Како могу избыти сего поношения и безчестия!». И много о сем сетуяше, и скорбяше, и плакаше, и недоумеашеся, что сътворити.

И глаголаше ему, утешающе его, советници его: «Видиши ли, великий княже, паче же великий царю, Орда твоя оскудела и сила твоя изнемогла; но имаши богатства и имениа без числа много, да наймствовав фрязы, черкасы, ясы* и другиа к спм, да воинства собереши много и отмстиши кровь князей своих, и алпаутов своих, и друзей своих, и любовников своих. Якоже сотворил еси надо князем Олгом Рязанским:* вся грады его и власти пожегл еси и всю землю его пусту сътворил еси, и вся люди его в полон вывел еси, такоже сътвориши и надо князем Дмитриемъ Московским».

Нечестивый же и гордый князь Мамай, егда услыша сия от советников своих, и возрадовася радостию великою, нещевая, яко корысть многу обрести, и разгорде, и възнесся в уме своем гордостию великою, и хотяше вторый царь Батый* быти и всю землю Русскую пленити. И нача испытovati от старых историй, како царь Батый пленил Русскую землю и всеми князи владел, якоже хотел. И извопрашав, и уведевъ от всех своих подлинно, и нача гордети, и вознесся гордостию своею выше всех в безумии своем. И мняше¹ себя, якоже древле царь Новходоносор Вавилоньский и Тит царь Римский* плениша Иерусалим, и царь Батый пленил всю Русскую землю и всеми странами и всеми ордами владел, такоже и Мамай мысляше во уме своем, паче же в безумии своем. И начя всех своих ласкати и дары многы даше, да бы с ним подщателни и готови были Русь воевати, паче же великого князя Дмитрея Ивановича Московскаго. И снидошяся к нему от многих стран татарове на ласкание его и даяние, он же даше обилно всем. И посла во многия страны, наимаа фрязы, черкасы, ясы и иныя к сим, и собра воинства много. И поиде на великого князя Дмитрея Ивановичя, яко лев ревый, и яко медведь, пыхаа, и аки демон, гордяся. И перевезеся реку Волгу со всеми силами. И прииде усть реки Вороножа,* и ту ста с силами своими, кочюя. И бе воинства его много зело, и не к тому уже нарицашеся великий князь Мамай, но от всех сущих его нарицашеся великий царь Мамай, и гордость бе велиа и чаяние выше меры.

Тогда же Олег, князь рязаньский, услыша, яко Мамай кочует на Вороноже, в пределех его Рязаньских, и хочет ити на великого князя Дмитрея Ивановича Московскаго. И посла Олег, князь рязаньский, посла своего ко царю Мамаю нечестивому с великою честью и з дары многими и ярлыки своя написа к нему сиче:

«Восточному волному великому царю царем Мамаю. Твой посаженик и присяженик Олег, князь рязаньский, много тя молит. Слышах убо, господине, что хочещи ити огрозитися на своего служебника, на князя Дмитрея Московскаго. Ныне убо, всесветлый царю, приспело ти есть время: злата и богатства много. А князь Дмитрий человек христиан: егда услышит имя ярости твоея, отбежит в далныя места, или в Великий Новгород, или на Двину, и тогда богатство московское все во твоей руке будеть. Мене же раба твоего, князя Олга Рязаньскаго, милости сподоби. Еще же, царю, молю тя: понеже оба есмя твои раби, но аз со смирением и покорением служу ти, он же з гордостию и непокорением к тебе есть, и многи и велики обиды аз, твой улусник, приах от того князя Дмитрея. Но еще, царю, и не то едино, но егда убо о своей обиде твоим именем царьским погрозих ему, он же и о том не радит, еще же и град мой Коломну за себя заграбил.* И о том о всем тебе, царю, молюся и челом бью, да накажещи его чюжих не восхицати».

Таже по сем посла той же Олег, князь рязаньский, к великому князю Ягайлу Олгердовичю Литовьскому,* глаголя сиче: «Радостнаа пишу тебе, великий княже Ягайле Литовьский! Вем, яко издавна еси мыслил Московскаго князя Дмитрея изгнати, а Москвою владети. Ныне же приспе

время нам, яко великий царь Мамай грядет на него со многими силами. Приложимся убо к нему. Но аз убо послах своего посла к нему с великою честью и з дары многими. Еще же и ты послы своего посла такоже с честью и з дары, и пиши к нему книги своя, елико сам веси паче мене».

Ягайло же, слышав сия, рад бысть и зело похвали и благодари друга своего Олга, князя рязаньскаго, и посла своего посла ко царю Мамаю с великими дары и молением и челобитьем, и написа к нему сице: «Восточному волному великому царю Мамаю князь Ягайло Литовский про твою милость присяженик ти, много тя молит и челом бьет. Слышах, господине, яко хочещи страшити свой улус,* своего служебника московскаго князя Дмитрея. Того ради молю тя, царю; вем бо, яко велику обиду творит князь Дмитрей Московской твоему улуснику Олгу, князю рязанскому, да и мне пакости тако же деет многи. Тем же оба молим тя, всесветлый волный царю, да накажеша его не творити сице неправды, да подвигнишися сам, царю, и, пришед, видиши наше смирение, а его гордость, и тогда уразумеши смирение нашеа грубости от московскаго князя Дмитрея».

Сицеваа убо помыслиша в себе Олег Рязанский и Ягайло Литовский: «Егда услышит князь Дмитрей царево имя и нашу присягу к нему, отбежит с Москвы в далныя места, или в Великий Новгород, или на Двину, а мы сядем на Москве, и на Володимери, и егда царь придет, и мы его з болшими дары сретим и умолим его, да возвратится царь во свояси, а мы княжение Московское разделим себе царевым велением надвое, ово к Вилне, ово к Рязани,* и дасть нам царь ярлыки* и родом нашим по нас».

Сице помыслиша в безумии своем, не помянуша реченнаго: «Аще сотвориши зло искреннему своему, тая же сам возприимеши», и паки глаголетъ: «Не сотвори соседу своему зла и не копай под ним ямы, да и тебя бог в горшее не ввержет».*

Приидоша же послы ко царю Мамаю ото Олга, князя рязаньскаго, и от Ягайла, князя литовскаго, с дары и з грамотами, и царь Мамай въсприа дары с любовию, и грамоты розслушав, и послы чествовав отпусти, и написа к Ягайлу, князю литовскому, и к Олгу Рязанскому сице: «Елико хотите улуса моего, земли Русския, тем всем жалую вас, моих присяжников и улусников. Но тѣчию присягу имейте к мне нелестну и сретите мя с своими силами, где успеете, чести ради величества моего; мне убо ваше пособие не нужно, но аще бы аз хотел своею силою древний Иерусалим пленити, якоже Новходоносор, царь вавилонский, и Антиох, царь антиохийский,* и Тит, царь римский. Но обиды ради вашеа и честь вам въздаваю моим величеством, жалуа вас, моих улусников, и от насильства и от обиды избавлю и скорбь вашу утолю, аще неллицемерно присягу и присвоение имате ко мне. И тогда точию имени моего величества устрашится улусник мой московский князь Дмитрей и отбежит в далныя и непроходимыя места, да и ваше имя, моих улусников, в тех странах прославится, и моего имени достойнаа честь величится, и страх величества моего ограждает и управляет улусы моя и не

оставляет никого обидети без моего царьскаго веления. А еже пленити и победити мне самому, великому царю, не пристойт: мне бо достоин своим царским величеством и толикыми неизчетными силами и крепкими и удалыми богатыри не сего победити, той бо есть мой улусник и служебник и довлеет тому точию страх мой. Но подобает мне победити подобна себе некоего великаго и силнаго и славнаго царя, якоже царь Александръ Македоньскый победи Дариа, царя перскаго, и Пора, царя индейскаго,* таковаа победа моему царскому имени достоин, и величество мое славится по всем землям. Сиче князем своим, моим улусником и присяжеником нелицемерным рцйте».

Послы же их, возвратившеся и сказаше им вся сущаа от Мамаа. Они же, безумни суще, возрадовашеся о суетнем сем привете Мамаеве, не ведяще, яко бог даеть власть ему же хочет. Ни помянуша реченнаго господем: «Каа полза человеку, аще весь мир приобрящет, а душу свою отщетит, сиречь погубит».* Преходит бо житие сие и царство от рода в род и от языка в язык, а человек, сътворивый злаа, мучится во веки, не имея помощи от приобретения всего мира. Они же безумием своим зинушася, ищуще земнаго и тленнаго приобретения, яко скот.

Тогда прииде вестъ на Москву к великому князю Дмитрею Ивановичу, яко князь Мамай Воложьскыа Орды не у к тому князь зовется, но великий силный царь, и стоит на Вороноже, кочюя во мнозе силе, и хочет на тебе ити ратью. Слышав же сиа, князь великий Дмитрей Иванович оскорбися и опечалися зело, и иде в соборную церковь, и припаде со слезами ко образу пречистыа богородици Луки еуангелиста писма,* и ко гробу великаго чюдотворца Петра, митрополита всея Руси, и благословися у отца своего Киприана,* митрополита всея Руси, и сказа ему Мамаево нахождение.

Тогда бо, того лета, Киприану митрополиту внове пришедшу из Киева на Москву, иже пришедшу прежде в Киев; за много лет поставлен бысть в Цареграде на Русь в митрополиты, еще при животе Алексееве.* И присла к великому князю Дмитрею Ивановичю на Москву глаголя: «Патриарх мя постави митрополита на Русь». Князь велики же отрече ему, глаголя: «Есть у нас митрополит Алексей, и мы разве сего инаго не приемлем». Киприан же в Новъгород и во Псков посла, и отвеща ему и тии такоже. Он же живяше в Киеве даже и до преставления блаженнаго Алексея митрополита. По преставлении же Алексееве хотяше князь великий Дмитрей Митяя,* архимандрита Спаскаго, видети на митрополтем столе на Москве, и возведен бысть Митяй во двор митрополич. Таже поиде с Москвы к патриарху в Царьград ставитися в митрополиты, его же честно сам князь велики проводи со всеми бояры своими. Он же, в мале недошед Царяграда, преставися. Пимин же, архимандрит Переславский, з Гориць,* тогда послан бе в служащих Митяю, и виде преставльшася Митяя, и нача мыслити на митрополию Русскую, готово вся имея посланнаа с Митяем; и тако поставися во Цареграде от патриарха в митрополиты на Русь. И о семь скоро приде вестъ к великому князю на Москву, и не возхоте его князь велики, глаголя: «Аз послах Пимина

в служащих Митяю, а не в митрополиты». И тако посла в Киев отца своего духовнаго Феодора, игумена Симановьскаго,* месяца марта, по Киприана митрополита, зовя его с великою честью на Москву. И прииде Киприан из Киева на Москву в четверток 6-а недели по Пасце, в праздник Вознесения Христова, и сrete его князь великий з детми своими и з боары и со всем народом со мноюю честью. И се по мале прииде вестъ о нашествии окаяннаго Мамаа.*

И глагола митрополит к сыну своему: «Испытай известно, аще тако есть, и собирай воинства, да не безвество тя изыщут». Он же нача собирати воинства много и силу велию, соединяся с великою любовью и со многим смирениемъ со князи русскими и яже под ним беху князи местныя. Посла же и к брату своему к великому князю Михаилу Александровичю Тфѣрскому,* прося помощи. Он же вскоре посла силу и отпусти к нему в помощь братаничя своего князя Ивана Всеволодича Холмскаго,* внука Александрова, правнука Михайлова, праправнука Ярослава Ярославича. Таже посла по брата своего, иже из двоюродных, по князя Володимера Андреевича; тогда бо он во своей бѣше отчине в Боровьске,* иже и въскоре прииде на Москву к великому князю.

И се паки приидоша иныя вѣсти, глаголюще, яко Мамай неложно грядет с великою яростию во мнозе силе. Князь велики же оскорбися и опечалися зело и ста в ложнице своей пред иконою господня образа, иже возгавии его стояше, и моляшеся, сице глаголя: «Владыко господи Исусе Христе, милостивый и человеколюбивый! Аще аз, многогрешный раб твой, смею молитися тебе в печали моей! На тебе убо возвергох печаль мою,* владыко милостивый господи! Не сотвори нам, якоже на прадеды наши навел еси злаго Батыя: еще бо, господи, тому страху и трепету в нас велику сущу, и ныне, господи, не до конца прогневайся на нас. Вем бо, господи, яко мене ради хочещи всю землю погубити: аз бо съгреших пред тобою паче всех человек, но сътвори ми, господи, слез моих ради милость!». И по молитве изыде из ложницы своей, и поим брата своего князя Володимера Андреевича, и иде ко отцу своему Киприану митрополиту всея Руси, и рече ему: «Не ложно, отче, грядет на нас нечестивый Мамай с яростию во мнозе силе». Митрополит же нача утешати его и укрепляти, глаголя сице: «Не смущайся убо о сем, господине и сыне мой возлюбленный! Многи убо скорби праведным, и от всех их избавить я господь, и показуя наказа мя господь, смерти же не предасть мя. Бог нам прибежище и сила, помощник в скорбех, обретших ны зело.* Повежь ми, сыне, истинну: чим еси к нему не исправился?». Князь же велики же рече: «Испытахся, отче, до велика, и неповинен есмь пред ним ни в чем; якоже убо ряд мой есть с ним, и по тому уряженію даю ему, и се не повинен есмь к нему ни в чем».

И се им глаголющим, и абге внезапу приидоша татарове, послы от Мамаа, к великому князю Дмитрею Ивановичу на Москву, просяще выхода, как было при царе Азбѣке и при сыне Азбѣкове Чянибеке,* а не по своему докончанию, как ряд был с ним. Князь велики же дааше ему по своему докончанию, как с ним ряд был; он же просяше, как было при

древних царех, князь велики же так не дааше. Послы же Мамаевы гордо глаголаху и Мамаа поведающа близ стояща в поле за Доном со мновою силою.

Князь велики же вся сиа поведает отцу своему Киприану, митрополиту всея Руси. Он же рече: «Видиши ли, господине сыну мой възлюбленный о господе, божиим поущением за наша согрешения идет пленити землю нашу. Но вам подобает, православным князем, тех нечестивых дарми утоляти четверицею сугубо, да в тихость, и в кротость, и в смирение приидеть. Аще ли и тако не укротится и не смирится, ино господь бог его смирит. Писано бо есть: „Господь гордым противится, смиренным же дает благодать“.* Тако же случися Великому Василию в Кесарии,* егда злый отступник Улян царь, идый на Персы и хоте разорити град его Кесарию, и вся люди его мечю предати. Великий же Василей помолися господу богу со всеми сущими его христианы и собра много злата, хоте дати царю Улиану, еже бы утолити и утишити ярость его. Виде же господь несмирительное сердце Улианово и посла на него воина своего святаго Меркуриа,* повеле его зле смерти предати. И тако убиен бысть окаанный Улиан царь божиею силою. Тако богосподь повеле христианом творити со смиреною мудростию, якоже глаголет в Евангелии: „Будите мудри, яко змиа, и цели, яко голубие“.* Змиева убо мудрость сицева есть: егда некое ей бедное прилучится, егда будет от некоего бьема и уязвляема, тогда все тело свое дает на язвы и биение, главу же свою всею силою соблюдает. Такоже и всяк христианин о Христе — егда тесно и нужно время прилучится ему, гоним, уязвляем, бьем, мучим, вся своя предает, злато, и сребро, и стяжание, честь, славу, в велицей же нуже и тело свое поущает ранимо быти, главу же свою, еже есть Христос и яже в него вера христианьскаа, соблюдает всяким опасением, любве его ради и веры. Тако убо повеле господь мудре устроить и исправляти; аще бо стяжания и имениа, и злата, и сребра ищут гонящей, дадите им, елико имате; аще ли чести и славы хотят, дадите им; аще ли веру вашу отъяти хотят, стойте крепко за сие и сохраняйте всяким опасением. И ты убо, господине, елико можеша собрати злата и сребра, послы к нему и исправися к нему; и укроти ярость его».

Князь великий же Дмитрий Иванович, послушав отца своего Киприана, митрополита всея Руси, и по совету его посла избраннаго на сицеваа дела, именем Захарию Тутчева,* дав ему два толмача, умеющих татарский язык, и злата и сребра много отпусти с ним ко царю Мамаю. Доиде же посол до земли Рязаньския и слышев, яко Олег, князь рязаньский, и Ягайло, князь литовьский, приложишася ко царю Мамаю, и посла тайно скоровестника к великому князю на Москву. Слышев же то, князь великий и оскорбися и опечалися зело, и поем брата своего, иже из двоюродных, князя Володимера Андреевича, и поиде ко отцу своему Киприану, митрополиту всеа Руси, и поведает ему, как Ягайло, князь литовьский, и Олег, князь рязаньский, совокупишася с Мамаем на нас. Киприан же митрополит рече: «Ты убо, господине, сыне мой възлюбленный о Христе, каковы обиды сотворил еси им?». Князь великий же

Дмитрей Ивановичь прослезився, рече ему: «Аз убо, отче, съгреших и несмь достоин и жити, к ним же ни единыя черты по отец своих закону не преступих. Веси бо, отче, сам, яко доволен есмь пределы своими и чюжих не желаю восхищати, и им ни единыя обиды не сотворих — не вем, что ради возсташа на мя». Глагола ему митрополит: «Аще тако есть, не скорби, ни смущайся. Господь ти заступник и помощник есть, яко господь правду возлюби и по правде побораеть, и правда от смерти избавляет. Не просто же убо действуй, да не внезапу напрасно искрадут тя. Но собирай воинства и по всем землям со всяким умилением, и смирением, и любовию послы, да снидутся вси человецы, и много умножится воинства, и тако не с единым смирением станешы, но со смирением и страх совъкупиши и възразиши и устраиши съпротивляющая ти ся».

Князь великий же по всем землям посла со смирением и умилением собираа всякия человеки в воинство, и отложи скорбь и печаль от сердца своего, но возложи печаль свою на господя, и на пречистую его мать, и на святаго чюдотворца Петра, и на вся святых. Якоже господь хочет, творит. Воли бо его кто противится? Нам убо подобаеть просити прощения грехов своих и милости от него. Он же творит вся на ползу и спасение нам. И творяше князь велики милостыню по монастырем и по церквам, странным и нищим. В мале же бысть тихость отвсяду.

И великому князю бывшу на пиру у Никулы² Васильевичя тысяцкаго,* з братом своим со князем Володимером Андреевичем и со всеми тогда пришедшими князи и воеводами, и се паки начяша поновлятися вести, яко Мамай неотложно хочет ити на великаго князя Дмитриа Ивановича.

Он же з братом своим со князем Володимером Андреевичем и с прочими князи и воеводами, советовавше, умыслиша сторожу уготовати крепку в поле. И посла на сторожу крепких оружников: Родиона Ржевскаго,* Андреа Волосатаго,* Василиа Тупика* и иных крепких мужественых на сие, и повеле им на Быстрой или на Тихой Сосне* стречи со всяким опасением, и под Орду ехати* языка добывати, и истинну уведети Мамаева хотения.

А сам князь велики Дмитрей Иванович паки в той час по всем землям гонци розосла з грамотами, да готови будут противу татар и совокуплятися всем на Коломне месяца июля в 31 день, на память праведнаго Евдокима. Сам же нача подвизатися и готовитися с пришедшими тогда князи, и собирашешя воинства много, вести же не бе ниоткуда, посланные же в поле сторожи закоснеша, и не бе от них вести ничтоже. Князь велики же посла в поле вторую сторожу: Климента Поленина,* Ивана Святослава,* Григориа Судока* и иных с ними, заповеда им вскоре возвращатися. Они же сретоша Василиа Тупика, ведуща язык к великому князю, яко неложно идет царь на Русь, совокупяся со Олгом, князем рязанским, и с Ягайлом, князем литовским, и еще не спешит царь, нождет осени,* да совокупится с Литвою. Князь велики же Дмитрей Ивановичь уведет истинно, яко неложно грядеть на ны князь Мамай

с многою силою, и начя утешати и укрепляти брата своего князя Володимера Андреевича и прочаа князи, и бояре, и воеводы, да крепцы и мужествени будут противу татар. Они же вси единокорно возопиша, яко: «Готови есмь по Христе пострадати за христьянскую веру и за твою обиду». И повеле всем людем быти на Коломну месяца августа в 15 день, на Успение пречистыа богородицы, и тамо уставляти коемуждо полку воеводу.

И снидошася мнози от всех стран на Москву к великому князю. И приидоша князи Белозерстии, крепцы суще и мужествени на брань, с воинствы своими: князь Федор Семенович, князь Семен Михайлович,* князь Андрей Кемский, князь Глеб Каргополский и Цыдонский; приидоша же и андомския князи.* Таже приидоша ярославския князи с всеми силами своими — князь Андрей и князь Роман Прозоровския, князь Лев Курбьский,* князь Дмитрей Ростовский,* — и князи устюжския, и инии мнози князи и воеводы со многими силами.

Въсхоте же князь великий ити в монастырь к Живоначальной Троице* и преподобному игумену Сергию,* и, шед, благословися у отца своего Киприана, митрополита всеа Руси, и прииде в монастырь месяца августа в 18 день, на память святых мученик Флора и Лавра, и возхоте паки скоро возвратитися, понеже мнози начяша ускоряти вестницы, поведающе Мамаево нашествие. Преподобный же игумен Сергей умоли его ести у него хлеба в трапезе: «Да дасть ти — рече — господь бог и пречистаа богородица помощь, и не у еще сие победы венець с вечным сном носити тебе есть, прочим же мнозем без числа готовятся венци с вечною памятию». И повеле священную воду уготовити, и по возстании от трапезы благослови крестом и окропи священною водою великого князя, и рече ему: «Почти дары и честию нечестиваго Мамаа, да, видев господь бог смирение твое и възнесет тя, а его неукротимую ярость и гордость низложит». Он же рече: «Вся сиа сотворих ему, отче. Он же наипаче с великою гордостью возносится». Преподобный же рече: «Аще убо тако есть, то убо ждет его конечное погубление и запустение, тебе же от господа бога и пречистыа богородица и святых его помощь, и милость, и слава».

И начя просити у него князь великий Пересвета* и Ослебья,* мужества их ради и полки умеюща рядити, глаголя сиче: «Отче, даждь ми два воина от своего полку чернечьскаго, дву братьев — Пересвета да Ослебья. Сии бо суть ведоми всем ратници велиции и богатыри крепции и смыслени зело к воинственному делу и наряду». Преподобный же Сергей повеле им скоро уготовитися на дело ратное. Они же от всея душа послушание сотвориша к преподобному Сергию, никакоже отврѣгшася повеления его. Он же даде им оружие в тленных место нетленное, крест Христов нашит на схимах,* и сие повеле им вместо шоломов возлогати на главы своя и крепце поборати по Христе на враги его. И даде их в руке великому князю Дмитрею Ивановичу, рек ему сиче: «Се тебе, княже, мои оружници, твои же изволници, их же изволил еси с тобою быти в прилучивших же ся напастех в бедное сие и нужное время».

И рече им: «Мир вам, братиа моя возлюбленнаа о Христе, Пересвете и Ослебя! Постражите, яко доблии воини Христови, понеже время вашаа купли прииде». И благослови крестом и окропи священою водою великого князя и тех своих дву иноков, Пересвета и Ослебя, и всеи князей, и бояр, и воевод. И глагола великому князю: «Господь бог будет ти помощник и заступник, и той победит и низложит супостаты твоя и прославит тя». Князь великий же приим благословение от преподобнаго и обвеселися сердцем, еже рече ему преподобный Сергей: «Господь бог будет ти помощник и заступник, и тый победит, низложит супостаты твоя и прославит тя». И сие дръжа во уме своем, яко некое сокровище, и не поведает никомуже, и пришед во град Москву, и благословися у отца своего Киприана, митрополита всея Руси, и поведает ему единому, еже рече ему преподобный Сергей. Глагола ему митрополит: «Не повеждь сие никомуже, дондеже господь в благое изведет».

Князь великий же Дмитрий Иванович подщався и уготовався со всеми и вниде в соборную церковь и паде ниць предо образом пречистыа богородицы, юже Лука еуангелист написа,* моляся получитьи помощь на врагы. Таже иде ко гробу святаго чудотворца Петра и припаде со слезами, моляся получитьи помощь и заступление от врагов и низложити гордость их и суровьство. И, кончав молитву, иде ко отцу своему Киприану, митрополиту всея Руси, прощения и благословения прося. Митрополит же прости его и благослови, и знаменова его честным крестом и окропи его священою водою. И посла презвитеры и дьякони многи с честными кресты и со священою водою в Никольские, и во Фроловские, и в Костянтино-Оленьския врата* благословятти всех, да всяк воин благословится им и священою водою окропится. Князь великий же поиде во святую церковь святаго Архистратига Михаила,* и у икон знаменася и помолися, и у гробов родителей своих простися и благословися. И изыде из церкви, и всед на конь, поиде к Коломне. Брата же своего князя Володимера Андреевича отпусти на Брашеву дорогою, а белозерския князи Болвановскою дорогою с воиньствы их. А сам князь великий поиде на Котел дорогою* со многими силами. И бе ему спреди солнце греаше, а ззати по нем кроткий и тихий ветр веаше и дыхаше. Разлучиша же ся того ради дорогами, яко не вместитися единою дорогою. Поют же тогда князь великий с собою десять мужей сурожан* гостей видения ради: аще что бог случит, имут поведати в далных землях, яко сходници суть з земли на землю и знаеми всеми — и в ордах, и в фрязах. И другаа вещь: аще что прилучится, да сии сътворяют по обычаю их. Си же суть имена их: Василей Капица,* Сидор Елферьев,* Костянтин,* Кузма Коверя,* Семион Онтонов,* Михайло Саларев,* Тимофей Весяков,* Дмитрий Черной,* Дементей Саларев,* Иван Ших.*

И прииде князь великий на Коломну в субботу, месяца августа в 28 день, на память преподобнаго отца нашего Моисеа Мурина. Прежде же великаго князя снидошася тамо воеводы мнози и сретоша великаго князя на речке на Северке.* А Герасим, епископ коломенский,* срете его в градных вратех со кресты. Повеле же князь великий

заутра рано в неделю всем князем, и бояром, и воеводам выехати на поле и уряди коемуждо полку воеводу.

И взя к себе князь велики в полк белозерския князи с воинствы их: бе бо удалы зело и мужествени, а в правую руку уряди брата своего князя Володимера Андреевича, дав ему в полк ярославския князи с воинствы их. А левую руку уряди князя Глеба Бряньскаго.* Предовой же полк уряди Дмитрея Всеволожа да Володимера Всеволожа.* Коломенскаго же полку воевода Микула Васильевич,* владимерьский же и юрьевьский воевода Тимофей Волуевич,* костромский же воевода Иван Родионович Квашня,* переславский же воевода Андрей Серкизович,* а у князя Володимера Андреевича воеводы: Данило Белоус,* Константин Кананович,* князь Феодор Белецкий,* князь Юрьи Мещерский,* князь Андрей Муромский.* Князь великий же, урядив полки, и вниде в церковь и помолися господу богу, и пречистей богородице, и всем святым, и благословися у Герасима, епископа Коломенскаго, глаголя: «Благослови мя, отче, ити противу татар». Герасим же, епископ Коломенский, благослови его и все воинство его ратоватися противу нечестивых татар.

И поиде князь великий с Коломны с многими силами, и, пришед, ста у Оки на усть Лопасны реки. И ту прииде к нему великий его воевода Тимофей Васильевич,* тысяцкаго, внук Васильев, правнук Веньяминов, со многими воинствы, и что были остались на Москве. И ту о вестех розслушав, и повеле им Оку реку возитися, и заповеда коемуждо полку, глаголя сице: «Аще кто идеть по Рязанской земле, да никтоже ничемуже коснется, и ничтоже возмет у кого, и ни единому власу коснется». А на Москве воеводу своего остави у отца своего Киприана, митрополита всея Руси, и у жены своей, у великия княгини Евдокеи,* и у сынов своих, у Василья и у Юрья,* Феодора Андреевича.*

И прешедшу всему воинству его чрез Оку реку в день неделный, и на заутрее в понеделник сам перевезеся. И бе ему печаль, яко мало пешиа рати. И остави у Лопасны великого воеводу своего Тимофея Васильевичя, тысяцкаго, да егда пешиа рати или конныя поидет за ним, и проводит их безблжно, и никтоже от тех ратных, идя по Рязаньской земле, да не коснется ничему и ничтоже да не возмет у кого. И повеле счести силу свою, колико их есть, и бяше их вящше двюсот тысящ.

Слышано же бысть на Москве, у митрополита и у великия княгини Евдокеи, и во всех градех и народех, яко князь великий со всеми князи и со всеми силами перевезеся Оку реку в Рязаньскую землю и поиде на бой. И начаша скорбети и сетовати вси, глаголюще со слезами: «Почто поиде за Оку? Аще и самъ божиею благодатию сохранен будет, но всяко от воинства его мнози падением падут бедным». Но о сем вси, скорбяще, слезяху неутешно.

Слышев же князь Олег Рязанский, яко князь великий Дмитрей Иванович Московский превезеся Оку реку и идет со многими силами противу Мамаа, и смутися о сем, глаголя: «Что сей творит и откуда сему таковыя силы собрашяся? Мы чаяху ему бежати в далнаа места,

или в Великий Новгород, или на Двину. Сей же ныне грядет противу такового силнаго царя. Но како о сем дам весть другу моему великому князю Ягайлу Олгердовичу Литовскому: не дадут бо нам съсылатися, заняша пути все». И глаголаша ему бояре его и велможи его: «Мы убо, господине, слышахом о сем за 15 дней и устыдехомся тебе поведати. Глаголють убо в вотчине его мниха некоего, именем Сергия, иже пророчество от бога имея, и той мних вооружил его и повеле ему пойти противу Мамаа». Олег же, князь рязаньский, услышав сиа, утрашися и возтрепета зело, глаголя: «Почто ми преже сего не поведасте о сем? И аз бы, шед, умоли нечестиваго царя Мамаа, да ничтоже бы зла сотворилося никомуже. Мне бо своеа земли тем не наплънити, ни убьеных воскресити, ни полоненых возвратити. Вся бо сиа божиим судом бысть. Якоже богови годе бысть, тако и бысть. Ныне погубих си душу. К кому убо свойственное покажу? Аще к Мамаю, всяко погибнути имам, незаконен бо есть и неверен. Аще к Ягайлу Олгердовичю, такоже есть. Но убо воля господня да будет: кому господь бог поможет, и пречистаа богородица, и все святии, к тому и аз свойственаа показати имам».

Князь велики же Ягайло Литовский по прежереченным уроком своим совокупил Литвы много, и варяг, и жемоти,* и прочаа, и поиде на помощь к Мамаю царю; и, пришед ко Одоеву,* ста и нача испытovati вестей. И услыша, яко Олег, князь рязаньский, утрашися и возтрепета зело, и нача и той скорбети и тужити, глаголя: «Вскую прелстихся от друга своего Олга Рязанскаго? Почто вверхся ему? Никогда же убо бываше Литва от Рязани учима. Ныне же почто аз в безумие впадох?». И тако начя ожидати, что сътворится Мамаю с Московским.

И в лето 6889, месяца сентября, пришедшу великому князю Дмитрею Ивановичу на место, нарицаемое Березуй,* за двадесять и три поприща до Дону. И ту приидоша к нему литовьстии князи поклонитися и послужити: князь Андрей Олгердович Полотский со псковичи, да брат его князь Дмитрий Олгердович* Брянский с воинствы своими; сии же князи помощи о бозе сътвориша много великому князю Дмитрею Ивановичу.

Тогда же князь велики отпусти в поле под Орду Мамаеву избраннаго своего боярина и крепкаго воеводу Семена Мелика* и с ним избранных своих, Игнатиа Креня, Фому Тынину, Петра Горскаго, Карпа Александрова, Петра Чирикова* и иных многих нарочитых и мужественых и на то устроеных тамо ведомцев, да видятся стражи татарьскими и подадут скоро весть. И подвигшуся с того места великому князю к Дону, тихо идущу, вестей переимаа. И се внезапу приидоша к нему два от стражей его, Петр Горский и Карп Александровичь, и приведоша язык нарочит от двора царева, от сановитых царевых. Той убо язык поведает, глаголя: «Ныне убо царь есть на Кузмине гати,* не спешить же убо, но ожидает Олга, князя рязаньскаго, и Ягайла, князя Олгердовича Литовьскаго. А московьскаго князя Дмитрея собрания не весть, ни сретения его не чаает, по преди написанным к нему Олговым книгам Рязаньскаго. По трех же днех имать быти на Дону». И вопросиша его о силе Мамаеве, колика есть. Он же рече: «Многое множество есть безчислено»,

Тогда князь великий Дмитрий Иванович призва к себе брата своего князя Володимера Андреевича, и вся князи, и воеводы, и велможи, и нача советовати с ними: «Что сътворим? Како битву устроим противу безбожных сих татар, на сей ли стороне Дона, или на ону страну Дона переведемся? Сей убо день и час комуждо приходит». И начаша мнози сице и сице глаголати, и о сем много время бысть, и скорбь велна всем. И ту приидоша много пешаго воиньства, и житейстии мнози людие и купци со всех земель и градов. И бе видети зело страшно многое множество людей събрашяся, грядуще в поле противу татар. И начаша считати, колико их всех есть, и изочтоша вящше четырех сот тысящъ воиньства коннаго и пешего.

И, възставше, начаша глаголати литовьстии князи Олгердовичи, князь Андрей и князь Дмитрий, братиа Ягайла Олгердовича Литовьскаго, глаголюще сице: «Аще пребудем zde, слабо будет воиньство сие русское; аще ли на ону страну Дона переведемся, крепко и мужественно будет. Все бо живота отчаются, с часу на час смерти ожидающе. Да аще одолеем татаром, да будет слава тебе и всем. Аще ли избьени будем от них, то общею смертию вси купно умрем. А противу велицей силе их никтоже да не устрашайся: не в силе бо бог, но в правде, и егоже хочет милует, тому и помощь дает».

И абие приидоша вестници мнози, поведающе татарьское нашествие. Тогда князь великий Дмитрий Иванович укрепився о Христе, помоляся господу богу, и пречистой богородице, и великому чюдотворцу Петру, и всем святым и мужественно рече ко всем: «Братиа, лучши есть честна смерть злаго живота: лутчи было не ити противу безбожных сих, неже, пришед и ничтоже сотворив, возвратитися вспять. Преидем убо ныне в сий день за Дон вси и тамо положим главы своя вси за святяа церкви и за православную веру, и за братию нашу, за христианство!». И тако повеле коемуждо полку чрез Дон мосты устраати, а самем в доспехи наряжати притча ради всякия. И поидоша чрез Дон, прешедшим же всем и мосты за собою разрушьшим.

Тогда же по вся ноци волцы выюще страшно, и воронн и орли по вся ноци и дни грающе и клегчюще, ждуще грознаго и богом изволеннаго дни кровопролитнаго, по реченному: «Где будет труп, тамо съберутся орли».* И тогда убо от таковаго страха богатырьскаа сердца и удалых человек начаша укреплятися и мужествовати, слабых же и худых страшитися и унывати, видяще пред очима смерть.

И приспе ноць праздничнаа Рожества пречистяа богородицы. Осен же бе тогда долга, и дни солнечнии светли сияющи, и теплота велиа. Бысть же в ту ноць теплота и тихость велиа. Бысть же со князи литовьскими воевода нарочит и полководец изящен и удал зело, именован Дмитрий Боброков,* родом земли Волыньския, его же знааху вси и боахуся мужества его ради. Сей прииде к великому князю, глаголя сице: «Егда глубоце ноци, аще хоцещи, покажу ти приметы: аще что случится напоследок, преже увеси». Князь великий же не повеле ему никому сего поведати. И егда заря угасе, и глубоце ноци сущи, и Дмит-

рей Боброков Волынецъ всед на конь, и поим с собою великого князя, и выхаша на поле Куликово, и стапа среди обоих полков. И обратися на полк татарский и слышавше кличь и стук велий, аки торжища снимаются, и аки грады зиждуще, и яко трубы гласят. И ззади их волцы, выюще страшно велми, по десней же стране бысть во птицах трепет велий, кричаще и крылами биюще, и враны грающе, и орлы клегчюще по реце Непрядве.* И бысть страх велий, яко и птицам бысть битва и драние велие, проявляюще кровопролитие и смерть многим. И глагола Волынецъ великому князю: «Что слышел еси?». Он же рече: «Страх и грозу велию слышах». Глагола ему Дмитрий Боброков Волынецъ: «Обратися, княже, на полк русский». Он же обратися, и бысть тихость велиа. Глагола ему Дмитрий Волынецъ: «Что, господине княже, слышали есте?». Глагола князь великий: «Ничтоже, точию видехом от множества огнев снимахуся зари». Глагола Дмитрий Боброк Волынецъ: «Господине княже, благодари бога, и пречистую богородицу, и великого чудотворца Петра, и вся святыа: добро убо знамение суть огни. Призывай убо господа бога и молися ему часто, и не оскудевай к нему верою, и пречистей богородици, и к пастырю вашему и молебнику великому чудотворцу Петру: добры убо сиа приметы. И еще убо ми есть примета инаа». И сниде с коня и паде на десное ухо, приниче к земли и лежаше на долг час, и вста, и абие пониче. Глагола ему князь великий: «Что есть, брате Дмитрие, повеждь ми». Дмитрий же не хотяше сказати ему и крепляшеся на много. Князь великий же паче приступи к нему, моля его, да бы сказал ему. Он же прослезися. Князь же великий, впдев слезы его, начя боятися, и глагола к нему: «Брате Дмитрие, повеждь ми. Понеже болезнуеть ми сердце зело». Дмитрий же начят утешати его и рече ему: «Господине княже, повем ти единому. Но ты не повеждь никомуже. Есть бо две повести. Едина тебе на велию радость, а другаа на велию скорбь. Припадах убо ухом на землю и слышах землю плачущу надвое, горко зело и страшно. Едина убо страна, аки некаа жена, напрасно плачущи, дерзающи и кричяци татарским гласом о чадах своих, бьющися и слезы изливающи, аки реки. А другаа страна земли, аки некаа девица, плачущи и воплющи, аки свирелным плачевным гласом, в скорби, в печали велице. Аз убо множество тех боев и примет испытах на многих битвах, и знаеми мне суть и явни; и уповай на милость божию, яко одолети имаши над татары. А воинства твоего христианьскаго падет острием меча многое множество». Тогда бо князь великий Дмитрий Иванович, сицевую повесть слышев, проплака зело и прослезися на мног час, и глаголя: «Воля господня да будет. Якоже годе бысть господеви, тако и будет. Воли бо его кто противиться?». Глагола ему Дмитрий Боброков Волынецъ: «Господине княже, не подобает тебе сего в полцех поведати никомуже, да не оскорбятся и уныют сердца многих. Но с верою и с милостынею призывай господа бога на помощь, и пречистую богородицу, и великого чудотворца Петра, и вся святыа, и вооружайся животворящим крестом Христовым, то бо его велие оружие непобедимое на враги видимыа и невидимыа».

Волком же, страшно всю ночь выющим, и толико их бе множество, яко со всеа вселенныа снидошася, и враны, грающе и кричяще, и орлы, клегуще страшно зело всю ночь.

Тогда же убо той ноци муж некий, именован Фома Кацыбей,* иже бысть некогда разбойник и в покаание приде, бысть же крепок и мужествен зело, и того ради поставлен бысть стражем от великого князя на реце на Чюре Михайлове* на крепкой стороже от татар. Сего убо уверяя, бог откры ему видение в ноци сей: виде на воздусе от востока полк велий зело, и се внезапу на той полк от полуденьныа страны приидоша два юноши светлы* зело со оружии и начаша полк сеци, глаголюци: «Кто вам повеле погубляти отчество наше?». И овех избиша, овех же отгнаша.

И тогда в той же ноци видение видеша Василей Капица да Семен Антонов: видеша от поля грядуща множество ефиоп в велицей силе, ови на колесницах, ови на конех,* и бе страшно видети их. И абие внезапу явился святой Петр, митрополит всея Руси, имея в руке жезл злат, и прииде на них с яростию велиею, глаголя: «Почто приидосте погубляти мое стадо, егоже ми дарова бог съблюдати?». И нача жезлом своим их прокалати, ови же на бег устремишася, и ови избежаша, друзии же в водах изстопоша, овии же язвени лежаша. И сии вси сказаша вся видения сия великому князю Дмитрею Ивановичу. Он же повеле им никому же сего поведати. И начят со слезами молитися господу богу, и пречистой богородице, и великому чудотворцу Петру, хранителю Русской земли, и святым мучеником Борису и Глебу,* да избавят их от татарския сия ярости, и да не поперут святаа пси,* и да не поясть татарский меч православнаго христианьства.

Тоя же ноци, утру свитаюци, месяца сентября в 8 день, на праздник Рожества пречистыа богородицы, и возходящу сълнцу, бысть мгла велия по всей земле, аки тма, и до третьяго часа дни, и потом нача убывати. Князь велики же отпусти брата своего из двуродных князя Володимера Андреевича вверх по Дону в дубраву западной полк, дав ему достойных из своего двора избранных. Еще же отпусти с ним известнаго воеводу Дмитрея Боброкова Волынца, еще же устрои той воевода Дмитрей и полки.

И исполчишася христианьстии полци вси. И возложиша на себе доспехы и сташа на поле Куликове, на усть Непрядвы реки. Бе же то поле велико и чисто и отлог велик имеа на усть реки Непрядвы.

И выступиша татарскаяа сила на шоломе, и поидоша с шоломяни. Тако же и христианскаяа сила поидоша с шоломяни и сташа на поле чисте, на месте тверде.

Князь велики же Дмитрей Иванович преседаше чясто с коня на конь и яздыше по полком и глаголаше со слезами сице: «Возлюбленнии отцы и братиа, господа ради и пречистыа богородицы, и своего ради спасения, подвизайтесь за православную веру и за братию нашу! Всеи бо есмы от мала и до велика братиа едины, внуци Адамли, род и племя едино, едино крещение, единая вера христианскаяа, единого бога имеем господа

нашего Иисуса Христа, въ троице славимаго. Умрем в сий час за имя его святое, и за православную веру, и за святых церкви, и за братию нашу, за все православное христианство!». И слышавше сие, вси прослезися, и укрепися, и мужествени быша, яко орли летающе и яко лвы, рыкающе на татарския полкы.

Утвердив же их, князь великий и прииде под свое знамя черное,* и съезде с коня своего, и совлече с себя приволоку свою царскую. И, призвав любимаго своего, егоже любляше паче всех, Михаила Андреевича Бренка,* и тому веле всести на конь его, и приволоку свою царскую возложи на него, и всею утварию царскою украси его, и то свое великое знамя черное повеле рынде своему над Михаилом Андреевичем Бренком возити. И взем святой крест, на нем же бе воображены страсти Христовы,* в нем же животворящее древо,* и возплакав рече: «На тебе все упование мое, Христе боже! Ты ми силою креста твоего даждь победу на враги моя, якоже древле Константину».*

Тогда приидоша к нему посланницы от игумена Сергия Радонежскаго с благословением, написание имуща сие: «Да будет ти господь бог помощник, и пречистаа богородица, и святой чудотворець Петр». И присла к нему хлебец пречистых богородицы.* Князь великий же съяде той хлеб святой, и простре рече свои и велегласно возопи: «Велико имя пресвятыя троицы! Пресвятаа госпоже богородице, помагай нам! Тоя молитвами, Христе боже, и святаго чудотворца Петра, и великого святителя Киприана митрополита, и преподобнаго игумена Сергия, помилуй и спаси нас от бесермен сих, въоружившихся на нас!».

И повеле полком своим вмале выступити. Бе же полцы его передовыа воеводы его Дмитрий Всеволож да Володимер, брат его; с правую же руку прииде Микула Васильевич, да князь Семен Иванович, да Семен Мелик со многими силами. И бе уже шестой час дни. Сходящимся им на усть Непрядвы реки, и се внезапно сила великаа татарскаяа борзо с шоломяни грядуще, и ту паки не поступающе, сташа, ибо несть места, где им разступитися. И тако сташа, копиа подкладше, стена у стены, кождо их на плещу предних своих имуща, преднии краче, а заднии должае. А князь великий такоже с великою своею силою русскою з другаго шоломяни поиде противу им. И бе страшно видети две силы великия, сънимающа на кровопролитие, на скорую смерть. Но татарскаяа бяше сила видети мрачна потемнена, а русскаяа сила видети в светлых доспехех, аки некаа великаа река лиющися, или море колеблющися, и солнцу светло сияющу на них и лучя испущающи, и аки светилницы издалече зряхуся.

Нечестивый же царь Мамай с пятма князи болшими взыде на место высоко на шоломя, и ту сташа, хотя видети кровопролитие человеческое и скорую смерть.

И уже комуждо урок жития приде и конець приближися. И начаша преже съездатися сторожевыа полки руския с татарскими. Сам же князь великий наперед в сторожевых полцех ездяше и, мало тамо пребыв, возвратися паки в великий полк. И тако поидоша обе силы в место

сниматися, оттуду татарская сила великаа, а отселе сам князь велики Дмитрий Иванович со всеми князи русскими. И бе видети русская сила неизреченна многа, яко вящше четырехсот тысяч и конныа и пешиа рати. Такоже и татарская сила многа зело. И уже близ себя сходящимся обеим силам, выеде из полку татарского богатырь велик зело, и широту велику имеа, и мужеством великим являся. И бе всем страшен зело, и никтоже смеаше противу его изыти, и глаголаше кождо друго ко другу своему, да бы кто противу его изшел, и не идяше никтоже. Тогда убо преподобнаго игумена Сергия Радонежского изящный его послушник инок Пересвет начят глаголати великому князю и всем князем: «Ничтоже о сем смущайтесь: велий бог наш и велиа крепость его. Аз хошу божиею помощию, и пречистыа его матере, и всех святых его, и преподобнаго игумена Сергия молитвами с ним видетися». Бе же сей Пересвет, еда в мире бе, славный богатырь бяше, велию силу и крепость имеа, величеством же и широтою всех превзыде, и смыслен зело к воиньственному делу и наряду. И тако по повелению преподобнаго игумена Сергия возложи на себя святую схиму, аггельский образ, и знамяся святымъ крестом и окропися священою водою, и простися у духовнаго отца, таже у великаго князя, и у всех князей, и у всего христьянского воиньства, и у брата своего Ослебя. И возплака князь велики, и все князи, и все воиньство великим плачем, со многими слезами глаголюще: «Помози ему, боже, молитвами пречистыа ти матере и всех святых, якоже древле Давиду на Голиада».* И тако инок Пересвет, послушник преподобнаго игумена Сергия, поиде противу татарского богатыря Темирмурзы,* и ударишася крепко, толико громко и силно, яко земле потрястися, и спадоша оба на землю мертви, и ту конецъ приаша оба; сице же и кони их в том часе мертви быша.

И уже седмый час наста. Рече князь велики ко всем своим князем и к бояром и ко всему воиньству: «Братиа, уже время нам пити чаши. Се место буди нам гроб за имя Христово, и за христианскую веру, и за все православное христианьство».

И тако съступишася обе силе великиа на бой. И бысть брань крепка и сеча зла зело, и лиашеся кровь, аки вода, и падоша мертвых множество безчислено от обоих сил, от татарския и русския, и паде татарское тело на христьянском, а христианское тело на татарском, и смесися кровь татарская с христианскою. Всюду бо множество мертвых лежаху. И не можаху кони ступати по мертвым. Не токмо же оружием убивахуся, но сами себя бьюще, и под коньскими ногами умираху, от великиа тесноты задыхахуся, яко немощно бе вместитися на поле Куликове, между Дону и Мечи, множества ради многих сил сошедшеся.

И ту пешаа русская великаа рать, аки дресеса, сломишася и, аки сено посечено, лежаху. И бе видети страшно зело. Но убо христианское воиньство, не ослабеюще, бяхуся. Грех же ради наших попусти бог, и начаша татарове одолевати, и уже много от сановитых великих князей, и бояр, и воевод, аки дресеса, склоняхуся на землю. И уже и самого великаго князя Дмитрея Ивановича с коня сбиша. Он же взыде

Кієвскій князь еше вліськх царю восточномъ
Мамаю князь юрти
кнѣзи прислуженици
щѣши вазни прискан
што ради мамата царя
послѣ князь Дмитрия

МАТРИЦА АНТИКВАРИАТНОГО ПИСЬМА ІЗЪ ПЕРШОГО
МАМАЮ КНЯЗЮ ЮРТИ

Лондонский список (Лицевой список «Сказания», кон. XVII в. Отдел рукописей Британского музея в Лондоне). 3-я миниатюра (л. 4): Ольгерд, великий князь литовский, посылает своего посла с грамотой к Мамаю.

И даде хъа проучитъ своимъ мѣстѣмъ
 и рече ишаютии . рече емоу енице .
 се тебѣ княже мои и ружаницы и по
 иже и зполаницы и хъи зполнабеси
 етовою кыиши прилучиши
 хъа напастехъ въ днѣ
 се и ноужное
 прѣмъ

Лицевой свод (второй том Остермановского летописца XVI в. БАН, РО, 31.7.30).
 97-я миниатюра (стр. 105): Сергий Радонежский дает великому князю московскому
 Дмитрию Ивановичу своих воинов иноков Пересвета и Ослябя.

163.5

Кнзъ Великийъ Дмитрейъ Ивановичъъ Спраго
Сови мѣ Кнзъ мѣ Володимиръ Оуб
Ртиѣ Визити Нсковой Вейскалькс

Ихъ мѣ Аѣ Кнзъ мѣ Пѣвѣ
и мѣ Кнзъ мѣ Пѣвѣ
и мѣ Кнзъ мѣ Пѣвѣ

Список ГБЛ (Лицевой список «Сказания», кон. XVII в.; ГБЛ, РО, Музейное собр., № 3155). 16-я миниатюра (л. 169 об.): Переправа русского войска через реку Оку.

Савишаноже свѣсть на москвѣ дѣмитро
 поднѣта и оупеднѣи кнѣзѣи и епѣскѣп
 и по сѣбѣ градѣ и народѣ . тако кнѣзь
 пермѣи солетѣ кнѣзѣи и солетѣ кнѣ
 ендѣми пермѣи зѣемъ о коурскѣи арѣзѣ
 не соую землю . и поидѣ на кон . пнѣча
 шѣ корѣбѣти не кѣто патнѣи пѣи гла
 шѣ со слезамн . поутѣ поидѣ за шѣкоу
 аще не амѣи и вѣбѣтѣи сохранѣтѣкоу

Лицевой свод. 121-я миниатюра (стр. 129): Великая княгиня Евдокия, митрополит Киприан, жители Москвы и других городов оплакивают переход Дмитрия Ивановича через Оку.

Въ сѣрѣуѣшѣ мѣстѣ при мѣстѣ пѣнѣ . и
внѣскопѣ . и глѣ падесноѣ оухо при
нѣтѣ землѣ и лежаше на доугѣ аѣтѣ .
и сѣпа рѣсѣ по нѣче . глѣ емоу и пѣсѣ
пѣнѣ и нѣ что сѣратѣ дѣ мѣтѣ рѣтѣ по пѣ
жѣ дѣ мѣ . дѣ мѣтѣ рѣнѣ жѣ емоу хопѣ мѣ шѣ есѣ
зѣтѣ емоу и сѣ рѣтѣ пѣ шѣ есѣ пѣ мѣ шѣ тѣ
и пѣ сѣ пѣнѣ и нѣ жѣ пѣ аѣ чѣ рѣ нѣ сѣ тѣ дѣ нѣ сѣ
моу молѣго дѣ бѣ есѣ зѣ алѣ емоу . онѣ

Лицевой свод. 141-я миниатюра (стр. 152): «Испытание примет» Дмитрием Волынцем.

ет по зѣншнѣ вшеанценсиле шопина
 колвснца шопинакомнхъ . нѣжепра
 шло прдѣтнн .

Дакіе прѣзла по уіаписл стынпетрѣ
 митрополитъ сѣароускн . и мѣл прѣ
 цѣжезлазлапта . и пріндепапн сѣаро
 снѣтѣвалѣо галъ почто прінде стѣпогѣ
 блѣтн мѣстѣдо . Егоже мндаропа

Лицевой свод. 144-я миниатюра (стр. 157): Видение сурожанам Василию Капице и Семену Антонову — митрополит Петр прогоняет войско эфиопов. (Эпизод, встречающийся только в Киприановской редакции «Сказания»).

160
|| Оуже се мѡи нѡа пастѡа . рѣи пѣь пелнѣи нѣсо
вѣгъ свои пѣзѣни которо ни о пѣемъ по нѣто
братѣи оуже прѣмъ пѣгнѣи пѣиши . семъ
сто боудѣи пѣгробъ за нѣмъ хѣи о нѣзакрѣтъ
нѣнъ скоую о бѣрѣ нѣза пѣепра по сѣа пѣмо екре
стѣи нѣнъ стѣо .

Лицевой свод. 160-я миниатюра (стр. 176): Начало битвы.

рѣдѣша азъ рѣшити о аргтанъ помогати
Хрѣстіаномъ - неспѣшнѣмъ вѣрѣмъ и
прѣдѣлашѣмъ кароухъ на рѣшрѣа . неспѣшнѣ
рѣдѣмъ стрѣа . неспѣшнѣмъ хрѣстіанъ сероу
енихъ азъ спѣшнѣмъ неспѣшнѣмъ . спѣшнѣ
спѣшнѣмъ подаскѣрнѣмъ агополѣмъ неспѣшнѣ
спѣшнѣмъ . спѣшнѣмъ архимѣра спѣшнѣмъ ми
хрѣстіанъ

Лицевой свод. 169-я миниатюра (стр. 186): Выход засадного полка.

Лондонский список. 59-я миниатюра (л. 45 об.): Русские воины преследуют обратившихся в бегство ордынцев.

Список ГБЛ. 32-я миниатюра (л. 197): Воины Григорий Сабур и Григорий Холопищев находят великого князя «под сению ссечена древа березова».

паки на другой конь. Татарове же паки и с того коня збиша его и язвиша зело. Он же, притруден велми, изыде с побоища едва в дубраву, и вниде под новосьсечено древо, многоветвено и листовено, и ту скрыв себя, лежаше на земле.

Татарове же начаша одолевати. И великий стяг великого князя подсекоша, и наперсника его любимаго Михаила Андреевича Бренка убиша, и многих князей, и бояр, и воевод, и слуг избиша.

И уже осмому часу изшедшу и девятому часу наставшу, всюду татарове одолевающе. Тогда убо в дубраве стоящу князю Володимеру Андреевичу, внуку Иванову, правнуку Данилову, праправнуку Александрову, брату из двоюродных великому князю Дмитрею Ивановичу, в западном полку потаенно со избранным воинством и с мудрым воеводою и удалым, з Дмитрием Боброком Волынцем, плачуще и слезяще зело, видяще христианское воинство избиено, и еще в мале неции шатающиеся по побоищу. И рече князь Володимер Андреевич к Дмитрею Волынцу: «Что убо, брате, ползует стояние наше и кий успех от нас им есть? Кому убо нам помощи, уже бо вси мертви лежаху христианстии полцы?». И рече великий и мудрый воевода и удалый богатырь Дмитрий Боброк Волынец: «Беда, княже, велика! Грех ради наших прииде на нас гнев божий. И несть нам времени сего, еже изыти нам на супостаты сия. Еще убо потрпим, молитвы возсылаючи в сокрушении сердца к богу, и той низложит враги наша». Князь же Володимер Андреевич возплака и, въздев руце на небо, моляшеся со слезами господу богу и пречистей богородице и всем святым. И егда хотяху изыти на враги своя, и веаше ветр велий противу им в лице и бьяше зело и възбраняше. И рече Дмитрий Боброк Волынец: «Никако же никтоже да не изыдет на брань, възбраняеть бо нам господь». И подвиже всех на плач и на слезы, и възплакашеся вси, со слезами моляшеся доволно господу богу, и пречистей богородице, и всем святым. И сам Дмитрий Боброк Волынец горко проплака и слезы излиа многы. И уже девятому часу изходящу, и се внезапно потяну ветр создади их, понужаа их изыти на татар. Тогда убо Дмитрий Боброк рече князю Володимеру Андреевичу: «Господине княже, час прииде, время приближися». Та же и ко всему воинству рече: «Господие, и отцы, и братиа, и чада, и друзи! Подвизайтесь, время нам благо прииде. Сила бо святаго духа помогает нам». И тако вси изыдоша съ яростию и с ревностию божественною на неверныя и противныя врагы.

Тогда убо божественною помощию и пречистыа его матере в великий страх и ужас впадоша нечестивии измаилтяне, от божественныа силы невидимо устрашишася и възкликнуша, глаголюще: «Увы нам, увy нам! Христиане упремудрили над нами, лутчия и удалыа князи и воеводы втаю оставиша и на нас неутомлены уготовиша. Наши же руки ослабеша, и плещи усташа, и колени оцепенеша, и кони наши утомлени суть зело, и оружиа наша изринушася. И кто может противу их стати? Горе тебе, великий Мамаю! Вознеслься еси гордостию своею до облак, ишел еси безумием своим до ада, и нас еси всех погубил всеу». И побе-

гоша татарстии полци, а христианстии полцы за ними гоняюще, бьюще и секуще.

Видев же Мамай, яко новыа полцы не утомленыа христианстии изыдоша на татар его, и толико божиею милостию и пречистыа его матере, яже показа на правовернем христианстве, тако убо видешася Мамаю и татаром его, яко изыдоша из дубравы христианстии полцы тмочисленныа, и никтоже от татар можаше стати противу их. И побеже Мамай со князи своими в мале дружине. И мнози татарове оружием падоша от христианскаго воинства, пособием божиа матери, и великаго чюдотворца Петра, а друзии в реце изтопоша. И гониша их до реки до Мечи. А княжии полцы гнашася за татары и до станов их, и полониша богатства и имениа их много. И възвратишася вспять христианстии вои и видеша, яко всюду мертвии лежаху. И такова убо бысть победа и помощь божиа, и чюдеса и знамениа божиа матере, и великаго чюдотворца Петра, и преподобнаго игумена Сергия, и святых страстотерпец Бориса и Глеба, и всех святых, и родительскаа молитва православных христиан, яко и где и не доходиша христианстии полцы, тамо татарове избиени мертви лежаху, невидимою божиею силою, и пречистыа его матере, и святых его.

Возративъ же ся князь Володимер Андреевич, и ста на костех,* и виде множество избиеных христианскаго воинства князей, и бояр, и воевод, и слуг, и пешего воинства, яко и число превзыде, всюду реки кровавыа протекоша.

И нача князь Володимер искати брата своего великаго князя Дмитрея Ивановича, и не обрете его, и биашеся главою своею, и терзаше себя от многиа печали. И повеле трубити собранными трубами, и снидошася, елико осташа живии христианстии вои, и вопрошаше их: «Кто где виде великаго князя Дмитрея Ивановича, брата моего?». И начаша ему глаголати неции: «Мы видехом его язвена зело, еда в трупе мертвых будет?». Ин же рече: «Аз видех его крепко бьющася и бежаша, и паки видех его с четырма татарини бьющася и бежаша от них, и не вем, что сътворися ему». Глагола князь Стефан Новосилский:* «Аз видех его пеша с побоища едва идуща, язвен бо бысть вельми зело, и не могах помощи ему, понеже сам гоним бех треми татарини». Тогда князь Володимер Андреевичъ, иже из двоюродных брат великому князю Дмитрею Ивановичу, собрав всех и глаголаше имъ с плачем и со многими слезами сице: «Господие, и братиа, и сынове, и друзи! Поищите прилежно великаго князя Дмитрея Ивановича. И аще кто жива обрящет его, не ложно, но истинну глаголю вам: аще кто будет славен, велик, честен, да наипаче прославится, и возвеличится, и чествуеться. Аще ли кто будет от простых, убог и в нищете последней, да будет пръвый и богатством и честью, и славою възвеличится».

И разыскашася вси всюду и начаша искати. И овии найдоша Михаила Андреевича Бренка, наперстника великаго князя, убита, в приволоце, и в доспехе, и в шоломе великаго князя, и всей утвари царской. Инии найдоша князя Феодора Семеновича Белозерскаго, чающе его

великим князем, понеже приличен ему беаше. Два же некиа от простых воя уклонишася на десную страну к дубраве, единому имя Феодор Зов,* а другому имя Феодор Холопов,* беху же сии от простых суще, и наехаша великого князя бита велми, едва точию дышуца, под новосъсеченным дровом, под ветми лежаще, аки мрътв. И спадше с коней своих и поклонишася ему. И един скоро возвратися ко князю Владимиру Андреевичу, поведаа ему великого князя жива. Он же в той час борзо на конь възде и поиде с скоростию с сущими его воиньствы, и, пришед над него, рече ему: «О брате мой милый, великий княже Дмитрие Иванович! Древний еси Ярослав, новый еси Александр!* Но прежде всех слава господу богу нашему Иисусу Христу, и пречистей его матере, и великому чюдотворцу Петру, и преподобному игумену чюдотворцу Сергию, и святым страстотерпцом Христовым Борису и Глебу, и всем святым божиим угодником, яко невидимою божиею помощию побежени быша измаилтяне, и на нас милость божиа возсиа». Князь великий же Дмитрий Иванович едва рече: «Кто глаголет сиа и что сии глаголи суть?». Глагола к нему князь Володимер Андреевич: «Аз есмь брат твой, князь Володимер Андреевич, глаголяй тебе таковаа». И едва възставиша его, и бысть доспех его весь избит и язвен зело, на телеси же его нигде же смертна раны обретеса. А прежде въсех стал на бой, на первом сступе, и в лице с татары много бился. И много ему глаголаша князи и воеводы его: «Господине княже, не ставися напреди битися, но ставися назади, или на криле, или инде где на опришнем месте». Он же отвещеваше им, глаголя: «Да како аз възглаголю кому, что, подвизаемся, братиа, крепко на врагы, а сам стоя назади и лице свое крыа? Не могу аз сие сотворити, еже таити и скривати себя, но хочу, якоже словом, тако и делом прежде всех сам начати и прежде всех главу свою положити за имя Христово и пречистыа его матере, и за веру христьянскую, и за все православное христьянство, да и прочии, видевше мое дръзновение, и тии такоже да сотворят со многым усердием». Да якоже рече, тако и сотвори, прежде всех нача битися с татары, да одесную его и ошую его оступиша татарове, аки вода, и много по главе его, и по плещама его, и по утробе его бьюще и колюще, и секуще, но от всех сих господь бог милостию своею и молитвами пречистыа его матере, и великого чюдотворца Петра, и всех святых молитвами, соблюде его от смерти. Утруден же бысть и утомлен от великого буания татарьскаго толико, яко близ смерти. Беаше же сам крепок зело и мужествен, и телом велик и широк, и плечист, и чреват велми, и тяжек собою зело, брадою же и власы черн, взором же дивен зело.

И уразуме, яко ведаша ему радость велию, и окрепився, рече: «Сей день, иже сотвори господь, возрадуемся и возвеселимся в оны!».* И всадиша его на конь, и вострубиша на костех с радостию велию. И рече ему князь Володимер Андреевич: «Веси ли, колико бысть божиа милости и пречистыа его матере на нас, яко и где же и не доходиша наши вои, и тамо множество татарь избиено бысть невидимою божиею силою, и пречистыа его матере, и великого чюдотворца Петра, и всех святых».

Князь великий же, воздев руце на небо, рече: «Велий еси, господи, и чюдна дела твоя, и ни едино есть слово доволно к похвалению чудес твоих!»* О богомати пречистаа! Кто может похвалити тя достойно и великаа и неизреченнаа чюдеса твоя воспети? О блаженный Петре, заступниче нашъ крепкий! Что воздамы тебе, яже воздал еси нам!». И тако, отдохнув от труда своего и от поту своего, и от болезней своих утешився, и брата своего князя Володимера Андреевича, и прочии князи, и все воинство възвесели сладкими словесы и похвали их и възвеличи, яко тако брашяся за православную веру и за все христианство.

И поиде з братом своим и со остаточными князи и воеводами, яко мало их суще ошаша, и виде мертвых лежаще, аки копны, и смесипаша христьяне с татары, кровь христьянская с татарскою кровью, и бе видение страшно и ужасно зело. И възплака князь великий великиим плачем со слезами. И наеха место, идеже лежаху вкупе восемь князей белозерских убиеных. Бе же сии мужествени и крепки зело, яко нарочитые и славнии удалци, и яко един одинаго ради умре, и со множством бояр их. Таже близ ту наеде великого воеводу своего Микулу Васильевича, тысяцкаго, и 15 князей с ним, и многое множество бояр и воевод мертвых лежаще. Таже наеде наперстника своего, его же любляше паче всех, Михаила Андреевича Бренка, и близ его множество князей и бояр лежаще избьеных. Ту же и Семен Мелик лежаше уьен с Тимофеем Волуевичем. И преиде на другое место, и виде Сергиева черньца Пересвета и близ его нарочитаго богатыря татарскаго, и, обратився, рече к сущим с ним: «Видите, братие, начялника, той бо победы подобна себе, от того было многим пити горкую чашу». И проплака о всех князь великий горким плачем с великими слезами, глаголя сиче: «Слава богу, изволившему тако». Бысть же избьеных от Мамаа яко и число превозходяше на том побоище. Уьени³ же быша нарочитые и велицые и удалые зело, их же имена суть сия:* князь Феодор Романович Белозерский, и сын его князь Иван, князь Феодор Семенович, князь Иван Михайлович, князь Феодор Торусский, князь Мстислав брат его, князь Дмитрий Манастырев, Семен Михайлович, Микула Васильевич тысяцкаго, Михайло и Иван Акинфовичи, Иван Александрович, Андрей Шуба, Андрей Серкизов, Тимофей Васильевич Волуй Окадьевичи, Михайло Бренко, Лев Мазырев, Тарас Шатнев, Семен Мелик, Дмитрий Минин, Сергиев чернец Пересвет, емуже имя Александр, бывый преже боярин брянский; бе же сей удалецъ и богатырь славен зело и смыслен к воинственному делу и наряду. Быша же и сии вси удалцы и богатыри велицыи, их же имена написаша, прочих же князей, и бояр, и воевод, и княжат, и детей боярьских, и слуг, и пешего воинства тмочисленное множество избьено, и хто может сих изчислити или написати, яко число превзыде?

Тогда князь великий Дмитрий Иванович ко всем нача глаголати сиче: «Господие мои, и отцы, и братиа, и сынове! Благодаря благодарю вас, яко толико подвизастесь. И подобает убо вам служити, а мне вас по достоянию жаловати. Егда ми дасть господь бог быти на своей от-

чине, на великом княжении на Москве, тогда чествую и дарю вас. Ныне же кождо подвигнитеся, елико можете, похоронити братию нашу, православное христианство, избьенное от татар на месте сем». И стоя князь великий за Доном на томь месте 8 дний, дондеже егда киих возмогоса христиан розобрати от нечестивых татар, еликих возмогоса и успеха — о прочих же бог весть, яко тако сътворися божиими судьбами. Грех убо ради наших попусти господь бог таковую напасть, но убо милости ради своя наконець умилосердися молитвами пречистыа его матери и великого чюдотворца Петра, невидимою его божественною силою побежени быша измаилтяне.*

Тогда глагола князь великий Дмитрей Иванович: «Изочтите, братие,⁴ колико осталось всех нас». И изочтоша, и глагола Михайло Александрович,* москowsьской боярин: «Господине княже, осталось всех нас 40 000, а было всех вяще четырехсот тысящ и конныа и пешиа рати». Глагола князь великий: «Воля господня да будет! Якоже угодно бысть господеви, тако бысть. Воли бо его кто противится? Или хто речеть противу господеви? Его бо волею и хотением вся устрояются». И повеле князь великий священником пети надгробныа песни над избьенными, и погребоша их, елико возмогоса и успеха, и воспеша священницы вечную память всем православным христианом, избьенным от татар на поле Куликове, между Дона и Мечи. Таже сам князь велики в братом своим и со всеми воинствы остаточными велиим гласом възкликнуша им вечную память с плачем и со слезамн многими. И паки рече сам князь великий: «Буди вам всем, братиа и друзи, православнии христиане, пострадавшеи за православную веру и за все христианство на поле Куликове, вечнаа память между Дона и Мечи. Сие убо вам место суженое богом! Простите мя и благословите в сем веце и в будущем, и помолитесь о нас, вы бо увязостесь нетленными венцы от Христа бога».

Тогда некто из Володимерова полку Андреевича, представ пред великим князем, глаголя сиче: «Аз, господине княже, егда в дубраве бех со князем Володимером Андреевичем в западном полку, и плакахомся велиим плачем господу богу, и пречистей его матери, и великому чюдотворцу Петру, видяще избиваемых от татар православных своих христиан, и во мнозе скорби и во умилении быхом, и внезапу, аки во изступлении бых, и видех множество безчислено венцов, на избьенныа христиане сходящих. И се есть истинное твое слово, яко нетленными венцы от Христа бога венчающа, и честь и славу велию на небесех приаша и молятся о всех нас».

Таже посем глагола князь велики Дмитрей Иванович к брату своему ко князю Володимеру Андреевичу: «Поидем, брате, на свою землю Залетскую,* ко славнейшему граду Москве, и сядем на своем княжении и на своей отчине и дедине, а чти и славы есмя себе укупили в род и род». И превезошася Дон реку. И поиде князь великий по Рязанской земле.

Слышев же то князь Олег Рязанский, яко грядет князь великий, победив своа враги, и нача блюстися и плакати, глаголя: «Горе мне, греш-

ному, отступнику веры Христовы! Како поползохся? Что видех? К безбожному царю приступих!». И отбежа от града своего Рязани, и побеже к Ягайлу, князю литовьскому, и прииде на рубежь литовьский, и ту став, и рече бояром своим: «Аз хощу зде ждати вести, как князь велики пройдет мою землю и приидет в свою отчину, и яз тогда возвращаюся во свояси». Князь велики же заповедав всему своему войску, аще кто идетъ по Рязаньской земле, то никтоже ни единому власу да не коснется.

Прииде же князь велики на Коломну з Дону месяца сентября в 21 день, на память святаго апостола Кондрата. И сrete его Герасим, епископ коломеньский, во вратех градных со живоносными кресты и со святыми иконами, со всем священным собором. И внидоша в соборную церковь и молебное совръшиша* господу богу и пречистей его матери, и святую литургию служи Герасим епископ. Сиче же и по всему граду священницы молебны и литургии сотвориша о здравии великого князя, и всех князей, и всего христоролюбиваго воинства.

Пребыв же князь великий на Коломне 4 дни, почив мало от труда. Бе бо велми утруден и утомлен, и поиде в славный град Москву. И вниде во град Москву, и сrete его отец его Киприан, митрополит киевский и всея Руси, со кресты со всем священным собором. И глагола князь великий к митрополиту: «Отче, божиею милостию, и пречистыа его матери, и великого чюдотворца Петра, и твоими молитвами святыми, и преподобнаго игумена Сергия одолехом нечестиваго Мамаа и сущих его победихом. Он бо възнесеся гордостью, мы же смирением. Ты бо сам видел еси, колико злата и сребра посылахом ему и колико молихом его. Он же не послуша, но вознесеся гордостью своею и посрамися. Мы же избавихомся милостию божиею и победихом их, и корысть и богатство их много пленихом, и пригнахом с собою многиа стада: кони, верблюды, волы аргичныа, овцы великиа, имже несть числа, и оружие их, и доспехы, и порты их, и товары без числа много». Глагола Киприан митрополит: «Слава тебе, господи! Слава тебе, святой! Слава тебе, царю! Яко показал еси на нас великую свою милость и низложи враги наша! Величаем тя, пресвятаа дево богородица! Яко многую милость и великаа чюдеса показала еси на православных христианех! Ублажаем тя, святителю Христов Петре! Яко заступаеши от бед стадо свое и низлагаеши враги наша! Како же тебе прославим, господине, мой възлюбленный о Христе сыну, великий княже Дмитрие Иванович, новый Константин, славный Владимире, дивный Ярослав, чюдный Александре? Кое ти благодарение и честь и славу въздадим, яко толико подвизася и трудися за все православное христианство?». И благослови его митрополит честным крестом и брата его, иже из двоюродных, князя Болодимера Андреевича, и, целовавшеся, внидоша в святую церковь Успения пречистыа богородицы, и молебное совръшиша, и служи сам митрополит божественую литургию со всем священным собором. Сиче же и по всему граду священницы молебны и литургии служиша о здравии великого князя, и о всех князех, и о всем христоролюбивом воин-

стве. И роздаде тогда князь великий милостыню, многу по церквам, и по монастырем, и убогим, и нищим, и возвеселися со отцем своим Киприаном, митрополитом киевским и всея Руси, и з братом своим со князем Володимером Андреевичем, и с сущими его остаточными вои. И по сем разпусти их, и разыдошася кождо во свояси.

Таже по сем поиде князь великий в монастырь к Живоначалной Троице в Радонеж, ко преподобному игумену Сергию, и помолился с слезами господу богу, и пречистой его матере, и всем святым его, и благословися у преподобнаго игумена Сергия, и рече ему: «Отче, твоими святыми молитвами победихом измаилтян. И аще не бы твой чюдный послушник инок Пересвет-Александр убил великого богатыря татарскаго, то убо пити было от него многим чаша смертнаа. И ныне убо, отче, божиим поущением за многиа грехи наша избьено бысть от татар многое множество воиньства христианьскаго. И что бы тебе пети понафиди и служити обедня по всех по них избьенных».* И тако бысть, и милостыню даде, и преподобнаго игумена Сергия корми, и всю братью его. И паки возвратися во град Москву. И сяди на отчине и дедине своей, на великом княжении, почиваа ото многих трудов и болезней великих, их же подъя за православную веру и за все христьянство.

О великиа и крепкиа ревности мужества твоего, великий княже Дмитрие! Како не утрашися и не убоися ити за Донь, в поле чисто, противу великих сил татарьских! И како сам преже всех начя битися! И како отсекаше измаилтянь! Но сиа вся быша божиею помощию и милостию и пречистые его матере, и великого чюдотворца Петра, и всех святых, и родительскою молитвою. О владыко Христе, не прогневайся на нас за безакония наша, но помилуй нас по велицей милости своей, и низложи враги наша! О пресвятаа дево мати божиа, умилостиви о нас сына своего и бога нашего Исус Христа, и укроти и утиши свары, и брани, и мятежи, востающиа на нас, и подаждь нам, рабом своим, тишину и мир и любовь! О великий и блаженный пастырю Петре, не оставляй нас сирых, и попираемых, и поношаемых ото врагов наших, но заступай стадо свое всегда и сохраняй е невредимо, якоже обещался еси, и далече от нас отжени клевету, зависть, гордость, но молитвами твоими всади в сердца наша кротость, тихость, смирение, милость, любовь, понеже бог любовь есть, емуже слава в веки веком, аминь.

Тогда же Мамай со остаточными своими князи не во мнозе дружине утече з Доновскаго побоища и, прибежав в свою землю, паки начят на великого князя Дмитрия Ивановича гневатися и яритися, и, собрав остаточную свою силу, и возхоте ити изгоном на великого князя Дмитрия Ивановича и на всю Русскую землю, еще бо силу многу събра. И сиче ему умыслившу и мало двигнувшуся с силами своими с великою яростию на великого князя Дмитрея Ивановича. И се прииде ему весть, что идет на него некий царь с востока, именем Тахтамышь,* из Синие Орды. Мамай же, еже уготова на великого князя Дмитрея Ивановича рать, с тою ратью поиде противу его. И сретошася на Калках, и бысть им бой, и царь Тахтамышь победи Мамаа и прогна его. Мамаевы же князи

отаи Мамаа <...> совещавшесе межъ собою, глаголюще: «Нестъ добро нам в Мамаеве царстве жити, всюду бо есмы поругаеми и избиваеми от сопротивных наших. И что ползует нас житие в царствии его? Отъидем убо ко царю Тахтамышу и узрим тамо, что аще будет». И тако Мамаевы князи, спешше с коней своих, биша челом царю Тахтамышу и даша ему правду по своей вере, и пиша к нему роту, и яшася за него, а Мамаа оставиша отнюдь в мале дружине, посрамлена и поругана.

Мамай же видев таковаа от своих князей, и в той час скоро побеже с своими думцами и единомысленики. Царь же Тахтамышь посла за ним в погоню воа своя. Мамай же, гоним сый, и бегаа пред Тахтамышевыми гонители, и прибежа близ града Кафы.* И сослася с кафинцы по докончанию его к ним и по опасу, дабы его приняли на избавление, дондеже избудет от гонящих его. И повелеша ему, да внидеть. И вниде Мамай в Кафу з думцы своими, и единомысленики своими, и со множеством имениа, злата, и сребра, и камняа, и жемчюга. Кафинцы же, видяще многое его имение, и совещавшесе, сотвориша над ним леть. И убиша его. И тако Мамай зле скончя окаанный свой живот.

Царь же Тахтамышь взя Орду Мамаеву, и царицы его, и казны его, и ордобазары его, и улусы его, и богатство его, злато, и сребро, и жемчюг, и камняа много зело взя и раздели дружине своей. И оттуду тоя же осени отпусти послы своя к великому князю Дмитрию Ивановичу на Москву, такоже и ко всем князем русским, поведаа имь свое пришествие на Воложское царство, и како воцарися, и како супротивника своего и их врага Мамаа победи, а сам, шед, сяде на царстве Воложском.

Князи же вси русьстии посла его чествоваше добре, и отпустиша его во Орду ко царю Тахтамышу с честию и з дары многими, а сами на зиму ту и на весну ту вборзе безо всякого коснения за ними отпустиша во Орду койждо своих киличеев* со многими дары ко царю Тахтамышу, и ко царицам его, и ко князем его.

СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ

РАСПРОСТРАНЕННАЯ РЕДАКЦИЯ

Сказание о безбожном цари Мамае,^{1, 1} како приходил на Рускую землю ратию и како восхотел пленити Рускую землю и покорити пот свою область и попрали веру христианскую до основания, и бог ему не попустил, и сам пленен бысть от великаго князя Дмитрея Ивановича Московскаго.*
Лета 6889-е.*

Попущением Божиим от научения дьяволя воздвигся царь от восточных страны именем Мамай, ельтин верою, идоложрец и иконоборец, злый христианский искоренитель. И вниде в сердце его подстрекатель дьявол, како всегда пакости дея христианству и учиста, како розорити православную христианскую веру и всему христианству потреблену быти, яко да не славится имени господню в людех. Господь же елико хочет, то сотворит.

Он же, безбожный царь, научением дьяволим нача завидети первому отступнику Батыеву и новому Ульяну возревнаваша.* И ²нача испытывать ³ от старых ельтин: како и той безбожный Батый пленил землю Русскую и како случися ему. Они же сказаша ему, како пленил Батый Киев и Владимирь* и всю Словенскую Русь, а великого князя Юрья Дмитриевича уби,* и мнози православныя князи изби, святыя монастыри многия оскверни, а вселенскую церковь златоверху разграби.* Ослеплении очима, того не разумеша, яко господу годо, тако и бысть, и будет тако же, яко во оны дни Иерусалим пленен бысть Титом Римским и Новходоносором Вавилонским* пленен бысть за их согрешение. А ⁴ не до конца прогневается господь, ни во веки враждует.*

Слышав же то, безбожный царь от своих агарян,* нача подвизатися, дьяволом палим непрестанно,⁵ ратуя на христианство. И быв в себе, нача рассылати ко отступным еупатом и князем и воеводам, яко: «Не хочу сотворити, яко Батый. Егда дойду Руси, то убью князя и княгиню, а ⁶которыа его городи красныи довлеет нам тут сидети и ведаем, и владети Русию, и тихо и безмятежно поживем».⁷ А не ведый того, яко рука господня высока.

По малех днех по глаголах сих перевезеся⁸ великую реку Волгу со всеми своими силами, иных же много отряди и присовокупи многи орды, глаголя им, яко: «Обогатеете руским златом». И поиде на Русь, ревый яко

лев и пыхая яко неуталимая ехидна. Доиде устья реки Воронежа* и роспусти облаву свою и заповеда улусом своим всем яко: «Ни един хлеба не паши — да будете готови на русские хлеба».

Слышав же то Олег Резанский,* яко царь Мамай идет ратию на Русь, а стоит на Воронеже, а идет на великого князя Дмитрея Ивановича. Скудость же бе ума в голове у Ольга и сатанина ухищрения в сердцы его. Послал пасла своего к Мамаю со многою честию и дары, а ярлык свой писа к нему сим образом: «Восточному царю царем Мамаю! Твой посаженик и преселник Олег Рязанский много тя молит. Слышах, господине, яко хочещ итти ⁹на Русь ¹⁰на своего служебника* Дмитрея Московского, огрозитися с ним. А ныне, господине, приспе ти время, яко злата и сребра наполнися земля та. Вем бо, светлый царю, яко кроток есть Дмитрей. Егда же слышит издалеча царствия твоего и ярости твоея, то отбежит далеча от того, где же есть место пусто и неключимо, злато же, царю, все в руке твоей будет. Мене же держава твоя пощади, царю. Аз бо ти вельми ¹¹страшу Русь и князя Дмитрея Ивановича. Еще, царю, молю тя: яко оба есмя раби твои, но и яз обиду велику приях от него, от того же Дмитрея. Еще не то одно: и егда о своей обиде, царю, твоего царствия имянем погрожу ему — он же о том не радит. Еще град мой Коломну взял за себя.* О том о всем, царю, молю тя!».

Другаго вестника скоро посла к великоумному и велеречивому Ольгерде Литовскому.* Последища явившесь безумна, яко детище млада. Писа же к нему послание сицево: «Мудру и премудрому в человецех, Ольгерду Литовскому, великому князю и кралю милостивому и честну, многим ¹²землям государю, Олег Резанский радоватися пишу! Вем бо, яко издалеча еси мыслил московского князя Дмитрея згонити, а Москвою владети. Ныне же нам приспе время. Аще есть ведомо твоей милости, аще ли ни, то аз возвещу: царь великий и сильный царем царь, грозный Мамай, идет на его землю. А ты ныне приложиися к нему. Тебе даст Москву и иных ближних градов, а мне Коломну и иные близь мене: Володимерь и Муром. Аз дары ему послах, еще ты к нему пошли своего посла и кацы имаши дары и пиши к нему книги, елико сам веси паче мене».

Ольгерд же, слышав се, рад бысть вельми, а захвали другу своему повелику и рече предстоящим паном пред ним: «Милыи мои велиции пановя, слышите великую, крепкую ¹³любовь милого друга моего князя великого Ольга Резанского, видите, како един Олег владети Москвою не восхоте, но и мне, другу своему, поведати, яко и аз с ним владети имам Москвою». Яко безумнии, не ведят, что глаголют. Предстоящи же паны прикликнувши и реша к нему: «Подобно есть, государю, милости вашей владети Москвою, а сего гусаря Дмитрея згонити, а вся грады его себе разделить, злато же и сребро и все узорочие Московские земли предати великому государю Мамаю. И рука ваша безмятежна царствовати имат». Слышав же сия словеса Ольгерд от панов своих, рад бысть зело и рече к ним: «Много отечества и имения имам даровати в земли Московстей». Они же падше ¹⁴покланишася ему. Паки же посла Ольгова

почти честью великою и дав ему дары многи и отпусти его и рече: «Рци¹⁵ милому другу моему, великому князю Ольгу Резанскому — ныне ты, друже, нарицаю господином единой земли Рязанстей, по малех же днех будем государи всей земли Московстей и тамо видетися имам, яко брата любезна. Землю же Московскую под нашу державу разделим, сами же радостно и безмятежно царствовати имам».

О горе безумным¹⁶ сим властелем,¹⁷ яко не разумеюще писания, еже отричет во главизне псаломстей: «Въскую шаташася языцы и без ума поучишася тщетных, царие и князи*...». Ему же хочет бог, да вручит царство.

По сем князь великий Ольгерд Литовский скоро отряди посла своего к Мамаю именем Бартяша,* человека родом Чесские земли, мужа мудра. И посла его скоро и дав ему дары бесчисленны и многия, дары драгии зело. И книгу посла к нему сицеву: «Великому и грозному царю царем всесветлому царю Мамаю! Ольгерд, литовский князь, про твою милость присяжник, многа ты, припадая, молит. Слышах, господине, яко хочещи казнити улусы* своя и московского князя Дмитрея. Того ради моля ты, царю, яко велику беду сотворих твоему улуснику, Ольгу Резанскому, и мне тако же пакости дея. Молим ты оба, да придет держава твоя царствия твоего, да от таких сих да видит смотрение нашей грубости».

Все¹⁸ же сие глаголаху лестию на великого князя, а ркуще себе оба смеющесе: «Егда слышит Дмитрей имея нашу присягу к нему, то отбежит в Новгород Великий или на Двину, а мы сядем на Москве и на Коломне. Да егда же царь придет, и мы ему все золото и серебро и все узорочие Московской земли царю изнесем и срящим его яко дары пред ним предложим. Се же взем царь, возвратитися, а мы княжние Московское разделим — ово к Литве,* ово к Резани,* а царь нам ярлыки* подает, нам и родом нашим по нас». Не ведяху бо, что глаголаху, яко несмысленнии младии дети, аки не ведуще божия силы и владычня смотраения. Поистинне бо рече: «Аще бо кто держится добродетели — не может быти безо многих враг».

Князь же великий Дмитрей Иванович образ смиренномудрия нося, и смирен в высоких ища, а не чюя бывших сих ни единого совета, еже совещаща ближнии его о нем. О таковых бо пророк рече: «Да не помысли суседу своему зла, да не постигнет тебе кончина».* Давид же ясно глаголет в книзе псаломстей: «Изры, ископа яму, впадется сам в ню».*

По словесех сих приидоша книги от Ольгерда Литовского и от Ольга Резанского к безбожному царю Мамаю и дары ему вдаша от них и писание от треклятых царю поднесоша. И возрев царь в писание. И чая¹⁹ в себе обольсти пишут к нему в писании сем, и сице нача глаголати с темными своими. И рече царь: «Разумею, яко сии писания облесть есть. Слышите, яко оставшим Дмитрея и обратися противу своя веры?». Они же разумеша, яко истинна, рекоша ко царю: «Ты, царю, во веки царствуй, мы разумеем, яко несть льсти от них. Но и боятся имени твоего грозного, а сий Дмитрей Московский и пред ними предступи и обиду им сотвори». Царь же к ним рече: «Аз мнех, яко во едином совокупле-

нии будут на мя, ныне же разнество между има. Имам бо присно на Русь быти». И писа²⁰ писание им²¹ сицево: «Ольгерду Литовскому и Ольгу Резанскому! Елико писасте ко мне, на дарех ваших хвалю вам. Елико хотите²² отчины руские — тем дарю вас, но токмо присягу имейте ко мне. И ныне срящите мя со своими силами елико где успеете, да одолеете^{22a} своему недругу. А мне ваша пособь не удобна. Аще бы хотел своею силою, то бы древний Иерусалим пленил, якоже халдейский царь,* и на отчине вашей и вас рядих. Но моим именем,²³ а вашею рукою разсужен будет Дмитрий, князь московской, да огрозится имя ваша в странах ваших. Мне бо, царю, достоит победити подобна себе и довлети ми царские почести. Сице тако ко князем своим рцете».

Послы же их возвратишася к нему и сказаша, яко: «Царь здравит вельми вам и захвали по велику». Они же скудниим умом возрадавашася о суетном совете, аки не ведый бога: кому же хочет, дает власть.

Не вем, что нареку. Аще быша были врази себе, то бы особь брань себе сотворили. Ныне же едина вера и едино крещение, а ко²⁴ безбожному приложились, въкупе гонити хотят православную веру.

По сем же Ольгерд Литовский нача вопрошати посла своего Бартяша. И рече Ольгерд послу своему: «Вем тя, яко муж еси тверд разумом, воинская же приправления вся знаеши и много царства обычна ти есть. Каков есть великий царь Мамай? Мню, яко страшен есть вельми видети и воинство его крепко и много зело?».

Бартяш же к нему рече: «Милостивый государь мой! Аще ми повелиши, вся о нем истинне повем. Царь Мамай, господин, человек средней возрастом, разумом же не вельми тверд, в речи не памятлив, но горд вельми, воинство его бес числа много множество, но вси яко овцы бес пастыря, гордостяю превознесени. Аще ли, господине, устремится противу их Дмитрий, князь московский, мню, господине, яко распудит их». Ольгерд же, слышав то слово, напрасно вскочи от места своего и приим в руке, сердитую, меч свой, хотя убити Бартяша, посла своего, глаголюще: «Како смееши такие словеса глаголати про такого великого царя? Сему весь свет не может стояти противу».

Пановя же его скоро сунувшеся²⁵ и удръжаша²⁶ Ольгерда, рекущи: «Престани, господине!». Бартяша отхватиша от него. И рече: «Что сердитуеши, господине, яко вопрошал еси сам об нем, и аз ти всю истинну изрекох про него!». Мнози же пановя ужасошася сердцем, слышавше о царе Мамае, яже сказаша им Бартяш всю истинну, что видя и что слыша. Ольгерд же князь сердцем желая к Мамаю. И Олег тако же внимая. О таковых убо написа блаженный Лука евангелист во апостольских беседах и рече: «Жестоковиии, необрезанныи сердцем и ушесы, вы убо противистесь духу святому, каменносердечнии и коснии умом».* О сих же есть писано в книзе пророчеств, яко «отсекошеся от своя масличныи и присадишися к пустынной лозе горцей и неплодной».*

Олех же нача поспешевати и посылати послы к Мамаю царю, яко да подвизается вскоре к Русской земли. О таковых пророк рече: «О неразсуждение! Пути злых и не поспеются и собирает себе дасаждение и понос.

Правых же пути общуются».* И ныне же сего Ольга, князя резанского, втораго Святополка* нареку. Братаубийца, оставя породу свою и единовѣрныхъ братий своихъ, и приложися къ безбожному царю губити православныя люди.

Слышавъ же то князь великій Дмитрей Ивановичъ, яко идетъ на него безбожный царь Мамай со многими силами, неуклонно яряся на христіанскую веру, ревнуя безбожному Батыю царю. Князь же великій Дмитрей Ивановичъ опечалися вельми о безбожномъ царе нахождении, воставъ, иде предъ икону владычню и нача молитися: «Аще, господи, смею молитися, смиренный рабъ твой, простры уныние мое. На тя, господи, возверзу печаль мою, ты бо свидетель, владыко, всему созданию своему. Не сотвори намъ, господи, якоже отцемъ нашимъ: попустил еси, грехъ ради нашихъ, на родъ нашъ христіанскій и на градъ злаго отступника Батыя. И еще убо тому страху и трепету в насъ и до сего времени. Ныне, господи великій, не до конца прогневайся на насъ! Вемъ, господи, яко мене ради хочещи истребети землю сию, азъ бо предъ тобою согрешихъ паче всехъ человекъ, и сотвори ми, господи, яко Иезекию,* укроти, господи, сердце свирепому сему!». И рече: «На господа уповахъ и не изнемогу!».* Спедъ изъ ложницы своя, скоро посла по брата своего, князя Володимера Андреевича, онъ же бысть во облости своей в Боровске,* и по вся воеводы своя местныя.

Князь же Володимер Андреевичъ прииде на Москву вскоре. Князь же великій, виде брата своего, князя Владемера Андреевича, прослезися и вземъ его за руку, и веде его в комноту, наедине рече ему: «Слышал еси, брате, приходящую на насъ скорбь — нахождении паганыхъ?». Отвещавъ же князь Володимер Андреевичъ великому князю Дмитрею Ивановичю: «Глава еси всемъ главамъ и государь всеа земли Русскія. Како еси обдержалъ великую печаль о семъ? Якоже господевы воля есть, тако и будетъ! Подобна есть, государь, главамъ нашимъ²⁷ любезно под меча умрети за веру Христову и за святыя церкви, за тебя, ласкаваго государя, нежели намъ работати под рукою злочестиваго сего Мамаю. Лутчи, государь, намъ почестна смерть, нежели срамотен животъ видети!».

Князь великій Дмитрей Ивановичъ воставъ, рече воздевъ, рече: «Хвалю тя, владыко, господи Исусе Христе, яко брату моему в сердца вложилъ умрети имени твоего ради!». И объемъ за выю брата своего князя Владимера Андреевича, любезно облабыза: «Златопамазанная главо, рекохъ ти, брате, искушая сердце твое!». И паки: «Глаголи тако же в людехъ, да утвердится и у нихъ сердце на подвигъ спасения». Воставъ князь великій Дмитрей Ивановичъ, поимъ брата своего, князя Владимера Андреевича, и поиде къ преосвященному митропалиту Киприяну.*

И, пришедъ, рече: «Веси ли, отче нашъ, настоящую беду сию, яко безбожный царь Мамай идетъ на ны неукротимымъ оброзомъ от ярости?». Преосвященный же митропалитъ рече великому князю Дмитрею Ивановичю: «Повеждь, господине, не исправши ли ся къ нему?». Рече великій князь Дмитрей Ивановичъ: «Испытахомъ, отче, до велика²⁸ все по отецъ нашихъ преданию, но еще же паче воздохомъ къ нему». И преосвященный же мит-

ропалит рече великому князю Дмитрею Ивановичю: «Видиши ли, господине, попущением божиим, грех ради наших, идет пленити землю нашу, но вам подобает, князем православным, тех нечестивых²⁹ дарми утолити четверицею. Аще того ради не смирится, то господь смирит его того ради: господь гордым противится, а смиренным же дает благодать.* Тако же случися Великому Василию в Кесарии: и злый преступник Ульян, идый на персы,* хотя розорити град его, он же помолися к богу со всеми християны и собраша злато много, дабы отступника утолити. Он же паки възъярився. И господь посла война своего Меркурия,* он же уби гонителя невидимо. Ныне же возми³⁰ злата, еже имаши,³¹ пошли противу ему, и паче исправися к нему». Князь же великий з братом своим отиде от архиепископа в горницу свою.

Потом князь великий нача избирати от двора своего от юных етеров. Избра юношу довольна суцу уму именем Захария Тютчева.* И дав ему два толмача, умеюща языку еллинску, и злата много посла с ним ко царю. Захария же доиде земли Резанские, и слышав, яко Олег Рязанский и Ольгерд Литовский приложися к Мамаю. Захария же тайно пасла к великому князю, ркущи, яко: «Ольгерд Литовский и Олег Рязанский приложилися³² к Мамаю».

Князь же великий слышав то, нача сердцем двизатися, и абие от ярости и горести наполнився, и став нача молитися: «Господи боже наш, на тя уповах, надеюся правду любящего. Аще бы ми³³ враг пакости деял, то подобает противу его терпети, якоже искони враг^{33а} есть роду христианскому, сии же друзи мои искреннии тако на мя умыслиша! Суди, господи, межу има и мною. Аз же ни единому ничто же сотворих има, развие чести, и дарове от них приях,³⁴ а им тако же даровах. Но суди, господи, по правде моей, да сканчается злоба грешных!».*

Востав князь великий, и паки поим брата своего князя Владимирера Андреевича и иде во второе ко преосвященному митропалиту, исповеда ему, како Ольгерд Литовский и Олег Рязанский совокупися с Мамаем. И преосвященный митропалит рече: «Сам веси паки, господине, князь великий, кою обиду сотворил еси им?». Князь же великий прослезився рече: «Отче, пред богом грешен есмь человек, а к ним ни единья черты по отец наших закону не преступих. Веси бо сам, яко доволен есмь отоки³⁵ своими, а им никоея же обиды не сотворих. Не вем что ради умножишася стужающий ми». Преосвященный же митропалит Киприян рече великому князю: «Просветися веселием, господине князь великий, сыну мой: чтеши и разумееш закон божий: елико творяй правду, да не подвижутся человецы. Праведен господь правду возлюби. Несть же инаго, разве тебе помощника господа. И инъде глаголет, яко: „Обыдоша мя пси мнози и сонм лукавых одержаша мя. Суетно и тцетно поучатся, но яко господь помощник: призови мя в печали своей и избавлю тя и ты мя³⁶ прославиши“. Глаголет бо инде: „Обышедше обыдоша мя, именем господним противляхся им“. Аще, господине, человека бог хранит, не может его весь мир убити, аще гнев божий на человеце, может ли весь мир укрыти его от зла? Господь правдив и правду возлюби.* Па правде-

твоей будет ти помощник, а от всевидящего ока владычня и от крепкие руки его где хто может укрытися, избегнути?».

Князь же великий Дмитрей Иванович з братом своим со князем Владимиром Андреевичем, и со всеми рускими князи и избраша думу, яко стражу угатовати твердо. И избраша отроцы тверды от вельмож разумных и храбрых зело: Радиона Ржевского,* Якова Ондреевича Усатаго,* Василья Тупика.* И пасла их на сторожу и с ними многих витезей, повеле им всяческим усердием добыти языка, дабы истинну услышали цареву хотения, и повеле им ехати близ Орды и до Быстрья Сосны.*

Потом же князь великий Дмитрей Иванович повеле грамоты розослати по всем градом, повеле им быти готовыми на брань з безбожными агаряны. А сниматися всем на Успение святыя богородицы* на Коломне.*

Тыя же стражи на поле замедлиша.

Паки же князь великий з братом своим и з бояры умысли послати вторую стражу и запаведав возвратитися вскоре. И посла Клементия Полянина,* да Ивана Всеслава,* да Григорья Судока* и иных многих с ними. Они же стретиша Василья Тупика близ еще Оки, ведоша языка к великому князю. Язык же поведа великому князю, яко не ложно царь на Русь идет, и како, обослався, совокупишася с ним Ольгерд Литовский и Олег Рязанский, и не спешит царь того ради, яко осени ждет.

Князь великий слышав пословы речи, нача молитися: «Владыко, господи Исусе Христе, сыне безначальнаго³⁷ отца, спед с небес и воплотися от девы чистыя Мария нашего ради спасения, избавль нас от роботы вражия. Ныне, владыко пресвятый, призри на смирение наше и смири сердце окояннаго Мамайя. И низложи, господи, всех, злая помышляющих на святую веру твою!». И паки рече: «Пришел будет Захария со златом ко царю во Орду и что царь отвещает ему?».

Захария пришед во Орду и, поемши его темнии князи, пред царем Мамаем поставиша. Захария же повеле все злато, посланное князем пред царем предложити. И рече Захария: «Государь наш, великий князь Дмитрей Иванович всеа Руси, во отечествии своем здравствует, твоего царского здравия присла мя вопросити и сие злата присла царския почести ради». Видев же царь множества злато възъярився, ноипаче гордости наполнися. И сверг башмак с правыя ноги и рече Захарию: «Дарую ти от великия моя славы, пришедши облобызай от ногу мою отпадший башмак — такава есть наша царская почесть, аще кого хотим жаловати». Захарий же сотвори тако, яко же ему повеле. И вельми же подивися царь красоте и мудрым ответом Захариивым. Рече Захарию безбожный царь Мамай: «Что есть умысли рагай мой Дмитрей Московской, яко присла ми злато сие, яко мнящи себе мене подобна?». И повеле злато казаком раздати: «Возмите, да купите себе плети на кони!». И рече царь Мамай: «Злато твое, Дмитрей, все в руку мою будет, а землю твою разделю служащим мне верою, а самого тя приставлю пасти стада вельбужия!». Захария же исполнися ярости и рече царю: «Что глаголеши сие такому великому государю! Бог елико хочет, то и сотворит, а не яко же ты хо-

щеши!». Предстоящи же ту князи темнии, и выхвативша ножи, хотяху зарезати Захария, глаголюще: «Тауз салтан* — что говориши³⁸ сие!». Царь посмеявся, не повеле Захария ни единым перстом двигнути. И рече царь Захарию: «За красоту твою и премудрость не повелех тя погубити!». И паки рече царь Захарию: «Возвести ми, многолетен ли Дмитрий, ратай мой? Аще ли млад, то помилую его ради младости, и возму его во двор свой, да накажется обычая моего царского, и тамо иного князя посажу». Захария рече к нему: «О царю, высок еси, и силен и милостив бог христианский!».

И паки рече царь: «Любим еси мне, Захария, и подобен еси царству моему предстояти всегда, служи ты мне, Захария, сотворю тя властелина велика в Руси и будеши подобен Дмитрею, ему же ныне служиши». Отвеща же ко царю Захария, а помысля в сердцы своем лестию глаголати цареви, рече Захария: «О царю, не подабаает послу не договоривши речи посольския, ко иному царю отъезжати. Аще ли, царю, сие тако хочещи помилovati мя и сотворити мя слугою себе, и ты, царю, повели ми дати книги посольныя, и аз шед, отдам великому князю Дмитрею Ивановичю, и посольство совершу, да будет род мой почтен людьми. И аз, царю, тебе верен буду, что не солгах первому государю. И шед, тамо целования сложу и паки аз к тебе возвращуся, царю. Лутчи есть зле царю работати, нежели князю благу служити». И сия словеса глагола Захарей облестию, помышляюще, како бы изсбыти от руки цареви, а великому князю о цари поведати хотя. Царь же, слышав сия словеса от Захария, рад бысть и повеле скоро послания писати к великому князю. И отряди царь со Захарием четири князи чесни и любими зело Мамаем. Перваго князя Козымбаем зовут, любимый постельник царев, а втораго — Урай, лутчий диак царев, третий — Ачищ, конюшей царев, четвертый — Индюк, ключник царев,* и с ними татаринов мелких человек с пятьдесят.

Захария же тайно ходячи молящися, ркуще: «Мати божия пречистая, помяни³⁹ молитву смиреннаго раба твоего, государя нашего великого князя Дмитрея Ивановича, царице, помилуй! Да не размыслил⁴⁰ бы царь послати тех окоянных со мною на Русь!». Царь повеле грамоту писати к великому князю Дмитрею Ивановичю сичеву: «От восточнаго и грозного царя, от Большая Орды, от широких поль, от сильных татар, царь царем Мамай и многим ордам государь. Рука моя многими царствы обладает и десница моя на многих царствах облежит. Ратаю нашему Мите Московскому. Ведома да есть ти,⁴¹ яко улусы нашими владееши и нашему царству пришед да не поклонишися. Да есть ведома буди: днесь рука моя хочет тя казнити. Аще ли млад, то прииде ко мне и поклони ми ся, да помилую тя и в твое место пошлю⁴² царствовати. Аще ли еси вскоре не сотвориши, вся грады твоя имам розорити и огневи предати, а самого тя в велицей казни предах». ⁴³И отпусти их скоро на Русь. И отпустив царь ⁴⁴ Захарию, рече: «Вскоре возвратися ко мне». И повеле его проводитьи честно.

Егда приближися Захарий близ Оки реки и ⁴⁵ четири татарина с ним,

и все, иже посла царь на Русь своих татар, и посла Захария тайно к великому князю весника, чтобы послал въстречю им. А татаром Захария рече: «Уже же вас почестно встретят от великого князя!». Они же высокоумием гордящися. Князь же великий Дмитрей Иванович отрядив скоро в стретение Захарию триста человек голов двора своего. И стретоша Захария на сей стороне Оки-реки. А Захария же повеле хватати татар и вязати. Татаровя же вопиюще глаголаху: «О, прельстил есть нас Захария!». Захария же взем грамоту цареву, посланную к великому князю, предра ее надвое. И, выбрав худаго татарина, вда ему раздранную цареву грамоту и рече Захария татарину: «Возвратися ты един и рцы безумному царю своему, яко: „Не обретох в чловецех безумнее тебе, а грамоту твоего безумия пред светлыя очи государя моего, великого князя Дмитрея Ивановича, не принесох, прочтох аз сам ю и, видех безумие твое, посмеяхся, предрав ю. А служити аз, царю, рад есми тебе своим мечем над твоею главою!“». И се рек, отпусти татарина ко царю. И пришед татарин, возвести царю вся бывшая и грамоту его вда ему предраную. Царь же воскочи, нача сердитовати, и рече: «Великою лестию прельстил мя, Захарие!». И повеле непоклонно подвизатися воинству своему на Русь.

Захария же прииде во славный град Москву и челом удари своему государю, великому князю Дмитрею Ивановичю. И всех татар связанных приведоша. Князь же великий рад бысть вельми и подивися великому разуму Захариину. Захария же поведа великому князю вся прилучившаяся ему во Орде, яко же преди писахом. И сотвори князь великий пир радостен и честен и многими дары почти Захария.

На утрии же пришед к великому князю Захария рече: «Государь, князь великий, скоро посылай грамоты по градом и повели войску совокуплятися, яко царь Мамай скоро грядет». Князь же великий, слышав неложно востание безбожного, и нача радоватися ноипаче утешатися о бозе, и укрепляти брата своего, князя Владимирера, и всех князей русских. И рече им: «Братие, князи русстии, гнездо есмя князя Владимирера Киевского,* изведе от страсти еллинския, ему же господь отккры познати православную веру, яко же Плакиде Стратилату.* Он же заповеда ту же веру крепце держати и поработати по ней. Аще кто ея ради постражет zde, то во оном веце почиет во веки. Аз, братие, хощу за веру пострадати даже до смерти». И рече ему князь Владимир и вси князи русстии: «Воистинну, государь наш, законную заповедь совершаеши и святому Евангелию последствуеши. Яко же пишит Евангелие: „Аще кто за имя мое стражет в мире сем, упокою его в последний день“.* Мы же, господине, готови днесь с тобою умрети и головы своя положити за святую веру и за твою великую обиду!».

Князь же великий, слышав то от брата своего, князя Владимирера, и от всех русских князей, яко дерзают и поборают по вере вельми, во дни же тыя князь великий Дмитрей Иванович посла вестники многи, и грамоты даша им, имуще писание сичево: «От великого князя Дмитрея Ивановича Московского и всеа Русии во все грады моя державы, местным князем и бояром, и всем воеводам, и детем боярским, и вся-

кому воинскому чину, и безымянным людем, хто ни похощет за веру пострадати и мне послужити, как к вам ся моя грамота приидет, и вы бы тот час ⁴⁶лезли вон день и ночь,⁴⁷ не дожидалися ⁴⁸ бы втораго моего указа и грамот, и збиралися бы все неотложно на Успениев день пресвятыя богородицы* на Коломну, да тамо бо есте вам дадим коемуждо полку воеводу. А сие бы есте мое грамоты посылали из града во град промеж себя, не издержав ни часу, с скорыми гонцы наспех. Писана на Москве лета 6889⁴⁹ августа в 5 день». Сия грамоты и весники розосла по всей земли Русей.

По указу же государя своего, великого князя Дмитрея Ивановича, местныя князи, и боляря, и воеводы, и многия воинския всякия люди приспеша на Москву к великому князю Дмитрею Ивановичю и удариша ему челом, и вси, яко едиными усты глаголаху: «Соверши, боже, течение наше пострадати за веру православную и за тебя, милостиваго государя!».

И в те же поры приидоша князи белозерстии со многими силами, яко же ведети их чинно вельми, подобны суть буеви, и добре учрежено воинство их. Прииде князь Феодор Семенович, князь Семен Михайлович,* князь Ондрей Кемский,⁵⁰ князь Глеб Кургапольский и Андомский.* В те же поры приидоша князи ярославстии: князь Роман Прозоровский, князь Лев Курбский,* князь Дмитрей Ростовский,* и с ними мнози князи и бояре и дети боярские.

Уже, брате, стук стучит и гром гремит во славном граде Москве. Стучит сильная рать великого князя Дмитрея Ивановича Московского, гремят сынове рустии злаченными доспехи.

Князь же великий Дмитрей Иванович, поим брата своего, князя Владимира Ондреевича, и вся православныя князи, и поиде к Живоначальной Троицы* ко святому отцу Сергию* ко преподобному старцу. И тамо шед в монастырь, благословение получи от сеа⁵¹ святыя от обители. И моли его преподобный, дабы литоргию* слушал. Приспе же день воскресения на память святых мученик Флора и Лавра.* И по отпущении же литоргии моли преподобный со всею братиею, дабы вкусил хлеба обительска. Великому же князю нужно вельми, яко приидоша вестницы и возвестиша ему, яко близуют татаровя, и моли преподобнаго, дабы ослабил ему. И рече ему старец:⁵² «Замедление сугубо ти поспешение. Будет же ти убо венец победы сия носити, но во по мянувших летех. Иным же уже мнозем венцы плетутся». Князь же великий Дмитрей Иванович вкусил хлеба их. Он же повеле в то время воду свящати с мощей святых мученик Флора и Лавра.* Князь же великий скоро от трапезы воста. Преподобный же старец окропи водою священною великого князя и все христолюбивое воинство. И даст великому князю крест Христова знамение и рече ему: «Поиди, господине, нарек бога, бог тебе и будет помощник!». И тайно рече ему: «Победиши супостаты своя!».

Князь же великий прослезився и дара от него проси. Он же рече ему: «Елико ти довлеет твоему государству?». И рече ему князь вели-

кий: «Дай ми, отче, етера два воина от полку своего, то и ты пособствова с нами». Он же рече: «От коих, господине?». Князь великий рече: «О двою братех». Он же рече: «Пересвета* и брата его Ослебья».* Преподобный же старец повеле скоро готовитися има, яко ведоми суть ратницы. Они же послушания сотвориша преподобнаго же, не отвергшася, в тленных же место оружие нетленное приемши: крест Христов нашит на схиме.* И повеле им вместо шолома возлогати на себя. И даст их в руке великому князю и рече:⁵³ «Се ти мои оружницы, а твои извольницы». И рече им святой: «Мир вам, братия моя, и постражите, яко доблии воины Христови». И всему православному воинству и даст им мир и благословение, и отпусти их. Князь же великий обвеселися сердцем и не поведа никому ж, еже рече ему старец. И поиде ко граду своему, аки некое сокровище некрадомое несый — старче благословение.

И прииде же во град Москву и паки поим брата своего, князя Владимира Андреевича, иде ко преосвященному Киприяну митропалиту и сказа ему, еже рече святой старец, и како ему даст благословение и всему воинству. Архиепископ же повеле ему сия сохранить и не поведати никому же. Князь же великий поиди в ложницу свою яко вечеру суцу.

Яко дивно и страшно видити бе тогда, и вельми чюдно зрети, зело жалосно слышати плачущися великую княгиню и многия княгини и боярони, проводу деючи мужем своим. Клицаше, и вопиюцю, плачущесе московстии мужи и жены и дети, стекшесь во град, рыдающе, вопиюще, ко церкви пресвятей Богородице, ркуще: «Помилуй, владычице, государя нашего, великого⁵⁴ князя Дмитреа Ивановича, посъбствуй ему на враги его, яко ты, госпоже, твориши елико хочещи. Избави нас, госпоже, варварского сего нахождения». От вопля же того, рыдания велика и плача мнящи, яко земли стенащи.

Тогда же бысть день четверток, августа в 27 день. Князь великий Дмитрий Иванович повеле народ мног установить и, поем брата своего князя Володимера Андреевича, иде в церковь святых Богородица. И ста пред образом божиим, съгна руке и быя в пръси, и рече умильным сердцем молитву сию, и слезы испусти, акы источники проливаются, и рече: «Молю ти ся, боже чюдный, владыко страшный и крепкий! Въистинну ты еси царь славный, помилуй нас грешных! Егда в печалех к тебе прибегаем к своему владыце и благодетелю и тебе бо лепо помиловати нас, твоею бо рукою създани есме. Яко моа съгрешения сътроша главу мою! Тобе бо нас, господи, оставляющу грех ради наших, но нам тебе възывающим, прием сие, рече: не оставь нас и не отступи от нас. Суди, господи, обидящи мя и възбрани борущихся с мною, прими оружие и щит и стани в помощь мне. Дай же ми победу на противныя, да и тии познают славу твою!». И паки прииде пред образ пречудных царици и богородицы, юже Лука евангелист написа,* еще жив сый. И нача умильно к пречистому образу вещати и рече: «О чюдотворная царице и богородице и всего роду человеческого кормительнице! Тобою, госпоже, познахом истиннаго бога, господа нашего Исуса Христа, въплощ-

шагося и рожденшагося от тебе. Не дай же, госпоже, в разорение града сего поганому сему Мамаю, да не осквернит святых твоих церквей, и моли сына своего, господя нашего творца и съдетеля, да даст нам руку свою, да смирит сердце⁵⁵ врагом нашим, да не будет рука их высока. И свою помощь посли нам⁵⁶ и нетленную свою ризу,* да в ню одеемся, да не страшливи будем⁵⁷ к ранам.⁵⁸ На тя, владычице, надеемся, еже в молитве к сыну своему, яко твои раби есми. Ты бо, госпожа, бога родила еси, но родители твои единого Авраамови внуцы⁵⁹ с нами.⁶⁰ Вем бо, госпоже, яко хочещи нам помощи на противныя враги наши, иже не исповедуют тебе, богородицу, мы же на твою помощь надеемся и подвизаюсь противу безбожным печенегом. Да будет тобою умолен сын твой и бог наш!». И паки поиде ко блаженному чюдотворцу Петру и припадая любезно ко гробу святаго, рече: «О чюдотворный святителю, по милости божии твориши чудеса беспрестании. Ныне ть приспе время молитися за ны ко общему всех владыце. Днесь бо зле вещи належащи нам — супостати погании на мя, приснаго раба твоего, крепко ополчшася и на град твой Москву вооружаются. Тя бог нам прояви и последнему роду нашему вжег над тобою свещу светлую на свещнице высоче. Тебе бо о нас подобает молитися, да не придет на нас рука грешнича и не погубит нас. Ты бо еси первый водитель наш и стражу и твоя бо есми раби паствины!».

И сканчав молитву и поклонися архиепископу, и архиепископ, благословив, отпусти его и даст ему Христова знамение, посла борзо священныя соборы и клирсы во Фроловские ворота, и в Никольские ворота, и в Константиноеленские ворота* со живоносными кресты и с чюдотворными иконами — да всяк воин благословен будет.

Князь же великий Дмитрий Иванович з братом своим, со князем Владимиром Андреевичем, иде во церковь небесного воеводы архистратига Михаила* и биша челом святому его образу и приступиша ко гробом православным князей прарадителей своих⁶¹ и рече:⁶² «Истиннии хранителие православию поборницы, аще имате дерзновение к богу, того молите о нашем унынии, яко велико востание приключися нам, чадом вашим! Ныне убо подвизайтесь с нами!». И се рек, изыдоша из церкви.

Княгиня же великая Евдокея* и княгиня князя Владимирова,* и иных православных князей княгини многия и с воеводцкими женами тута стоят, и много множество народу мужей и жен провожающих, во слезах и клицаниих сердечном не могуще слово рещи. Княгиня же великая Евдокия конечное целование даст великому князю. Князь же великий мало сам удержася от слез, не дав себе прослезитися народу ради, а сердцем горько слезяше, но теша великую княгиню, рече: «Бог наш с нами — никто же на ны!». И прочая княгини и боярони своим князем и бояром тако же даше целование, возвратившися с великою княгинею.

Князь же великий вступи в златое свое стремя и всед на избранны свой конь. Солнце ему на востоце сияет ясно и путь ему поведает. Уже бо тогда, аки соколы от златых колодец слетахуся ис каменнаго града

Москвы и выехали князи белозерстии особь своим полком. Урядно их видити, яко достоит им избавити стадо лебединое.

Князь же великий Дмитрий Иванович отпусти брата своего князя Владимира Андреевича дорогою на Брашеву, рекше Деревенскою, а сам князь великий поиде на Котелеск.* И спреди же его солнце⁶³ удобь греет, и по нем ветрець кроткий веет. Сего бо ради разлучихся з братом своим, яко не вместитися дорогою единою.

Княгиня же великая Евдокия и с снохою своею, и со всеми княгинями,⁶⁴ и с воеводскими⁶⁵ женами взыде на златоверхий терем набережный и седе на рундуце* под южными⁶⁶ окны, уже бо конечное зрит на великого князя. А слезы у нея льются, яко речныя быстрины, и спшибет руже свои к персем и рече: «Господи боже великий, призри на грешную и смиренную, и сподоби мя видети еще государя моего, славнаго в челоуцех, великого князя Дмитрея Ивановича. Дай же ему, господи, помощь от крепкия руки своя победити противника и не сотвори, господи,⁶⁷ яко же за мало лет⁶⁸ брань была на Калках* христианом со еллины. От такаваго спаси ны и помилуй! Не дай же ны погибнути и оставшему христианству,⁶⁹ да славится имя твое святое! От тое Калские рати до Мамаева побоища лет 160.* И оттоля Руская земля уныла. Уже бо никако надежди имама, только на всевидящего бога. Аз бо имею еще два отросли еще малы — Василья да Юрья.* Егда же поразит их зной и солнце съ юга, или ветрець подвеет их, или запад противу им оба ему, не могут терпети. Аз убо да что сотворю? Сождати бы им, господи, отца их по здорову, то и земля их спасется, а они царствуют во веки!».

Взем же князь великий 10 муж с собою от сурожан,* рекше от гостей, видения ради. Аще что случится и господь бог поможет, тии же имут поведати в дальных землях, яко нарочити и сходницы суще: перваго — Василья Капицу,* втораго — Сидора Алферева,* третьяго — Константина Болка,* четвертаго — Козму Ковырю,* пятого — Семена Антонова,* шестаго — Михаила Саларева,* седмаго — Тимофея Весякова,* осмаго — Дмитрея Чернаго,* девятого — Ивана Шиха,* десятого — Дмитрея Сараева.*

Тогда же возвеша ветри по велицей дорозе широцей, но и воздвигошася велицы князи, а по них рустии князи и бояря и дети боярские успешно грядут, яко же медовыя чары пити и стеблия виннаго ясти, хотят добыти чести и славнаго имени. Возвевшю ветру велику, а в нем громове не малы.⁷⁰ Стук стучит, гром гремит по ранней зори: князь Владимир реку возится на красном перевозе⁷¹ в Боровске.

Князь великий прииде на Коломну в субботу на память святаго отца Моисея Мурина.* Уже бо тута мнози быша ратницы и воеводы и стретоша великого князя Дмитрея Ивановича на речке на Сиверке.* Епископ же Еуфимий* стрете его во градных вратех з живоносными кресты и с клириси, и оградив крестом его, и молитву сотворив «Спаси, боже, люди своя», и внидоша во церковь. И туто князь великий многих князей и воевод зва к себе хлеба ясти. И сие оставивше паки на преднее возвратимся.

Тогда же бысть Великий Новград самовластен, государя над ним не бысть, егда сия победа бысть Донская. Новгородцы тогда сами собою владущи, воинства же у них тогда бысть избранна и нарочита восьмьдесят тысяч, со многими странами во смиреннии живуще храбрости ради своея. Яко же многажды зело приходящи немцы и литва на украины их, хотяху пленити землю их, они же вышедше побиваху их и с срамом прогоняху их. Сами же новгородцы в велицей славе живущи и многим богатством кипяще, ⁷²пасомы быша⁷³ Софеею премудростию божиею и заступлением пресвятыя богородицы и молитвами угодника их Варлама чудотворца* бывшего игумена святого Спаса на Хутыне и архиепископом Великого Новаграда и Пскова Еуфимием.*

Послушайте сего, братие. Егда приидоша ис поля вестницы к великому князю Дмитрею Ивановичю, яко поганый царь Мамай идет пленити землю Рускую с великою силою, и сие услыша великий князь, яко Ольгерд Литовский и Олег Рязанский совокупишася с Мамаем, князь же великий тогда в великой печали быша, и все государство Московское в великом смятении о напрасном их нахождении. Князь же великий Дмитрий Иванович возложи на господа печаль свою и отверг от себя всякую сердечную скорбь, и повеле всему своему воинству собратися, вскоре восхоте изыти на стретение безбожному Мамаю и пострадати за веру христианскую, да не ускорит прийти пленити земли Руския. Тогда же быша на Москве гости новгородския с таваром: Микула Новгородец, Иван Васильевъ Усатай, Дмитрий Ключков* и иныя гости многия быша для торгу. И слышавша сия бывшая на Москве безбожнаго нахождения и вскоре возвратишася в Новгород Великий и пришед возвестиша посадником своим, что слышаша и видеша на Москве о великом князе Дмитрее Ивановиче належащую на него великую скорбь. Слышав же то посадники новгородские от своих гостей про великого князя Дмитрея Ивановича и прискорбни быша вельми и васташа скоро, приидоша ко владыце своему Еуфимию, падоша пред ним на землю и рече к нему: «Веси ли, господине честный отче, како восташа на великого князя Дмитрея Ивановича Московского и на все православное христианство? Яко царь Мамай идет пленити землю их и веру христианскую осквернити, и церкви божия розорити? И еще, отче, безумнии князи Ольгерд Литовский и Олег Рязанский и тии совокупишася с Мамаем гонити веру христианскую. Мы же, господине отче, слышахом от своих купец, кои быша на Москве и ныне приидоша и нам возвестиша вся сия».

Слышав же то архиепископ новгородцкий Еуфимий, яко велие гонение хочет быти христианству, возмутися сердцем и воста паде на лица своим и плакася горько пред святым образом пресвятей богородицы и рече: «Всемирная владычице и чудная богородице, милостивая и премилостивая владычице, чистая дево нескверная, мати Христа бога нашего, объемши умоли сына своего, бога нашего, Иуса Христа. Да смирит льва сего свирепаго паганого Мамаю, хотящего осквернити пресвятое имя твое богоневесное и святыя храмы розорити, и род христиан-

ский искоренити, и пособи, господи, великому князю над паганым Мамаем, и возвыси, господи, десницу христианскую!». И востав святитель от молитвы рече к посадником: «Коя ради потребы приидосте ко мне?». Они же реша к нему: «Господине святой отче, приидохом к тебе, аще благословиши нас победный венец прияти. С верными сыновми рускими Московския земли хотим, господине, во едином месте пострадати ради Христова имени».

Архиепископ же прослезися и рече: «Благословен бог такую благодать в сердца ваша давшему! Идите и повелите⁷⁴ народы многи собрати, и кою речь принесет народ — восхотят ли братися противу поганых или ни». Посадницы же новгородцки шедше на степенъ, повелеша звонити во вечный колокол и по всем улицам повелеша на конех ездити и звати на вечю, глаголяще — да всяк человек ныне приидет на вечю, яко земная дума думати. И снидесе народ мног зело к вечю. Посадницы же возвестиха святителю, яко снидесе народ. Архиепископ же всед в сани и прииде на соборища их, и став на степеню, и повеле уставити народы от молвы. Посадницы же послаша проповедницы мнози по народу, яко да умолчат. Архиепископ же новгородцкый рече велегласно: «Мужие Великого Новаграда от мала и до велика, слышесте ли, сынове мои, какво гонение приспе на веру христианскую, яко поганый царь Мамай идет на Рускую землю, на великого князя Дмитрея Ивановича Московского, хотя веру христианскую осквернити и святыя церкви розорити и род христианский потребети. Князь же великий Дмитрей Иванович помощию божиею вооружися противу поганых хочет желанно по Христове вере пострадати. Молю же вас, сынов своих, да и вы с ним подвигнитесь веры ради христианской, да получите с ними вечную жизнь».

Слышав же сие новгородцы возопивше гласы многими, и падше поклонихася архиепископу и рекуще, аки едиными усты: «Святой и честный отче наш, ты еси глава всем нам и учитель наш, и пастырь добрый словесным овцам. Готови есми вси по твоему словеси и благословению, святой отче, днесь скончатися веры ради христианския и головы своя полагаити по Христе. А невозможно нам, господине, оставити великого князя Дмитрея Ивановича в такой належащей в великой беде единого. Аще, господине, князь великий спасен будет от нахождения безбожнаго, то и мы бес печали будем. Аще ли же князь великий разпужен будет, то и мы не можем уцелети. Дай же нам, господине отче, днесь собратися, а завтра готови будем итти на путь спасения, на помощь к великому князю Дмитрею Ивановичю, на безбожнаго Мамайя». Архиепископ же благославя их и отъиде от них во своя кельи. Посадницы же новгородскии поклонихася архиепископу и поидоша, и нача избирати от вельмож своих новгородцких воевод крепких. И избраша шесть воевод храбрых и зело мудрых и г бою искусных: перваго — Ивана Васильевича великого посадника, втораго — сына его Андрея Воласатаго, третьяго — Фому Михайловича Краснаго, четвертаго — Дмитрея Даниловича Заверьяжского, пятого — пана Михаила Львовича, шестаго — Юрья Захарьевича Хромого.* И с ними отрядиша избраннаго воинства 40 000.

заповедаша им, яко: «Заутра егда услышите колокол вечный, вси готови будите на двореще святого Николы».*

Архиепископ же Еуфимий заутра рано востав, и повеле по заутрени воду свящати с мощей святых многих. И бысть яко первый час дни и повеле звонити на собрание воинства. И съедесе все воинство, владыко повеле кропити священою водою и многим попом и дияконом все воинство. Сам же святитель вшед на степенъ, возгласив рече: «Послушайте мене, чада моя, приклоните уши сердец ваших. Ныне, чада, хотите на путь спасения, и вы, чада, не утолите лица своего ни един от вас от паганина, и не дайте плечь своих пред ними бегая, но вси единою смертию умрите, да живот вечный постигнете от Христа бога нашего». И все воинство яко единими усты отвещаша: «Един есть, отче, бог свидетель нам, должны есми вси головы своя сложити за веру православленную и за святых божия церкви». Святитель же, воздев рuce горе, и благослови их, и рече: «Слава тебе, Христе святой царю, что вложил еси сем людем добрую мысль в сердца их!». И рече им: «Бог правитель да будет вам, чада моя!». И освяти их, и взял чесный крест, и огради всех воевод и всех воинов. Тако же повеле попам огражати крестом, и отпусти их, и рече: «Грядите, чада моя милая, и не умедлите, да не останетея жизни вечныя!». Они же вседоша на кони своя и наполнишася духа ратнаго, и начаша, яко златопарнии орли по воздуху паряще, ищуще востопные светлости, и тако сии идуще скоро, и глаголюще в себе: «Дай нам, господи, вскоре видети любезнаго нами в радости великаго князя Дмитрея Ивановича Московскаго».

И яко приближишася близ Москвы, и возвестиша им, яко князь великий Дмитрий Иванович во вчерашний день на Коломну пошел. Они же скоро послаша весника к великому князю о своем пришествии, а сами скоро поидоша на Коломну. Весницы же приидоша на Коломну в воскресный день в самую заутреню. Князь же великий бысть⁷⁵ тогда у заутрени. И пришетше возвестиша великому князю, яко: «Приидоша, государь, весницы от новгородцов, сказывают, яко идут х тебе на помочь шесть воевод, а с ними сорок тысяч избраннаго войска новгородцов». Князь же великий⁷⁶ повеле вестники⁷⁷ скоро постави пред себя, яко хотяху от них слышати истинну. И поставиша пред ним, они же сказаше ему, такожде. Князь же великий вопроши: «Отсюду далече ли есть воеводы ваши?». Вестницы же реща, яко поприщ пять. Князь же великий прослезився, рече: «Боже хвальный, боже милостивый, боже чудный, яко от нечаянных даеши помощь!». И рад бысть вельми посла многих витезей во стретение им.

И пришедше, сташа близ града на поле. Ино чюдно бяше воинство их, и паче меры чинно уряжено конми и партищами,⁷⁸ и доспехом, яко много злата и бисеру на портищех их⁷⁹ и на седлах. И повеле князь великий воеводам их и витезям большим итти пред себя. Они же пришедше поклонишася государю. Князь великий любезно приях и звах их к себе хлеба ясти. И многих от воинства их повеле звати. И сотвори князь великий честен и радостен пир. И посла вестники о сем ко свя-

тому митрополиту и к великой княгини. Они же слышавше, радостию прославиша бога.

Во утрый же день повеле князь Дмитрий Иванович всем воеводам на поля выехати к Девичему* и всем людям сниматися. Тогда же солнцу восходящу, и начаша мнози гласы ратных труб⁸⁰ трубити и гласити, и варганы мнози бьют, и стези ревут наволоачены и у сада Панфилова. Сынове же рускии наступиша на поля Коломенская, новгородцкии же полцы особь сташа, яко не вместитися зрети. Князь же великий Дмитрий Иванович поехав з братом своим со князем Владимиром Андреевичем, и виде много множество людей, возрадовася. И приехав к полком новгородцким и виде их, подивися, яко чудно зрети учреждение их и нарочеты к боеви. Князь же великий уряди коемуждо полку воеводу.

Себе же прим в полк белазерстии князи, а брату своему даст князи яраславстии. Правую ж руку уряди себе брата своего, а левую руку учини новгородцких пасадииков. Передовой же полк⁸¹ — князь Глеб Друческий,* Дмитрий Всеволож, да Владимир брат его.* Коломенского же полку воевода Микула Васильевич,* володимерский же — ⁸²юрьевский воевода⁸³ Тимофей Волуевич,⁸⁴* костромский же воевода Иван Родионович,* переславский же воевода Андрей Серкизович.⁸⁵* У князя Владимира воеводы: Данила Белаус,* Константинович,* князь Федар Елецкий,* князь Юрья Мещерский,* князь Андрей Муромский,* и те со всеми своими полки приидоша.

Князь же великий повеле Оку реку возитися передовым полком и заоведа коемуждо полку: «Аще хто пойдет по земли Резанстей, да ништо же коснется ни ко единому власу». И взял благословение от епископа коломенского Еуфимия, и сам перевезеся реку, и ту посла третью стражу избранных витезей, яко да видитися с татарскими стражи. Посла: Семена Мелика,⁸⁶* Игнатья Крену, Фому Тынина, Петра Горского, Карпа Алексина, Петрушу Чирикова* и иных многих ведомых с ними.

И рече князь великий брату своему князю Владимиру: «Поспешим, брате, противу безбожных сих и николи же не утолим лица своего от бестудия их. Аще ли смерть прилучится нам, то не смерть — живот есть!». Идый же путем своим, призывая сродник своих на помощь святых мученик Бориса и Глеба.*

Слышав же то Олег Резанский, яко князь великий Дмитрий Иванович совокупи воя многи, и иде противу безбожному царю, но паче вооружен твердою своею верою иже к богу, о всех и за вся имы упования на вседержителя бога. Нача Олег от места на места преходити и нача глаголати со единомысленники своими: «Ни гласа, ни речи нечаянному делу неудобь разумети. Но аще бы мочно было послати ко многоразумному к Ольгерду Литовскому! Противу тако же приключени како смыслити? Но и застали наши⁸⁷ пути». И рече: «Се уже не наш. Аз бо по-преднему чаях его, яко не подобает рускому князю против восточного царя стояти. И ныне убо что разумеите? Откуда ему помощь прииде — противу трем нам вооружися?».

И отвечааша ему ближнии, рекуще: «Мы слышахом, тии же нам поведаша за пять на десять дней, мы же устыдилися тебе поведати. Кажут, у него во отечестве калугер игумен Сергей, и тот прозорлив вельми. Той же паче вооружив его, и от своих калугер даст ему пособники. А еще сказывают, приидоша к нему на помощь новгородцы со многими силами своими, а воинство их, сказывают, вельми красно и храбра зело». Слышав же то Олег, нача паче бояться и нача яриться на бояр своих: «Почто ми есте не сказали прежде сего? То бы шед умолил нечестиваго царя, да ничто же бы зло сотворилося. Горе мне, яко изгубих свой ум, но и паче бо не аз един оскудех умом, но и боле мене разумны Ольгерд, тоже паче мене не разумех. На мне бо паче възыщется: он бо закона Петра Гугниваго,* аз же закон истинный разумех. И что ради поползохся? Того бо ради о мне рече: „Аще раб в законе господина своего согрешит, тот бьен будет много“.* Ныне убо, что сотворю и которому слуху разумею? Аще бо себя дам великому князю, то отнюдь не примет мя, ведая измену мою. Аще бо приложися к Мамаеви, то поистинне древний гонитель буду на христианскую веру. Яко Святополка,* жива земля пожрет мя. И не токмо княжения лишен буду, но и живота вечного гонзну. Аще бо господь по них, то хто на них. Еще же и прозорливаго и мниха молитва⁸⁸ всегда о нем. Аще ли ни единому помощи не сотворю, то впрок как от обоих не могу прожити? Кому же бог поможет, х тому и прибегу».

Ольгерд же, по предреченным уроком⁸⁹ своим, совокупи литвы много и варят и жемоти,* поиди на помощь к Мамаю. И прииде Ольгерд к Одоеву.* Слышав, яко Олег в недоумении своем, и пребысть оттуду неподвижим, нача размышляти суетныя своя помыслы. И виде совокупление разно и советы своя разрушены, нача яриться и глаголати сердитуя: «Елико изыдет⁹⁰ человек от премудрости своя, та како в чужей мудрости пребывати? Николи же убо Литва учима бе Резанью. А ныне убо изведе нас ума, а сам поне погибе. А ныне пребудем зде и дондеже услышим Московского Дмитрея князя победу».

В то же время слышав князь Андрей Ольгердович Полоцкий и князь Дмитрей Ольгердович Брянский,* яко велико належание великому князю Дмитрею Ивановичю Московскому от безбожнаго Мамаея. И рече к себе князь Андрей: «Да идем к нему на помощь». Беста бо отцем ненавидими, но и паче богом любими, и крещение восприяли от мачехи своя, княгинею Аннаю.* Беста бо аки некий клас доброплодный тернием подовляем, тако же и они, живуще посреди нечестия, не бе тогда им плод достоин расплодiti.

И вскоре посла князь Андрей тайно к брату своему, князю Дмитрею, грамоту малу, а в ней написано сице: «Веси ли, брате мой возлюбленный, яко отец наш отверзе нас от себе? Ноипаче отец небесный прим нас, даст нам закон свой и ходити по нему и утесни нас пустошныя суеты сотворение дея. И что воздадим ему противу такаваго прошения? И скончаем подвиг. И подвиг добр приспе к подвижному Христу и начальному христианству: великому князю Дмитрею Ивановичю Москов-

скому велика туга⁹¹ належит от паганных измаилтян, но и еще отец наш побарает им, да и еще Олег Рязанский⁹² приводит их.⁹³ Нам же подабае пророчество совершити — „Братие, в бедах пособницы бывайте“.* И несумнено, понеже и отцу противитися подобает нам — еуангелист Лука глаголет Спасителя нашего слова: „Предани будите родителю на смерть и убьют вы имени моего ради, претерпевый же до конца, той спасен будет и живот вечный примет“.* Исторгнемся, брате, от подавляющего терния и присадимся истинному плодовитому винограду христианского делателя рукою Христовою. Ныне убо подвигнемся, братие, не землянаго ради живота — небесныя ради почести, еже уготова творящим волю его».

Пришедше вестницы ко князю Дмитрею Ольгердовичю и вдаша от брата его от князя Андрея послание. Он же прочет послание, нача радоватися и плакати от радости и рече: «Господи, владыко человеколюбче, дай же,⁹⁴ господи, рабом твоим совершити хотение! И о сем начнем подвизатися подвига сего добраго, его же открыл есть брату моему старейшему!». И рече вестником сице: «Рцыте брату моему, князю Андрею: „Аз, брате, готов есмь с тобою днесь, а по твоему наказанию, господине мой, колико есть войска моего со мною.⁹⁵ Божиим промыслом, брате, совокуплен есмь, не того ради,⁹⁶ но иныя⁹⁷ брани ради — належащих ми от дунайских варяг. Ныне же приспех, но богом водим. Ныне же, господине, придоша ко мне медокупцы с Северы,* а кажут, господине, уже великого князя на Дону. Яко пребыти тут хощет и ждати злых тых сыроядцов. И подобает итти нам на⁹⁸ Северу, путь бо нам предлежит на Север итти. И тако совокупитися нам с ним, ибо отца своего утаимся, да не возбранит нам студно“».

По малых же днех снидошася желанно два брата, яко же иногда Иосиф с Венъямином* лобзашася любезно. Снидошася со всеми силами. Северяне же видевшя, возрадовашася. Князь же Андрей и князь Дмитрий Ольгердовичи видеша у себя множество людей сердечно вооружени, яко нарочети супротивни полцы. Приспевши же на Дон вскоре, наехавше великого князя Дмитрея Ивановича об сю страну еще Дону на месте реченнем Березуе,* и ту совокупися вьместе с великим князем Дмитреем Ивановичем Московским.

Князь же великий Дмитрий Иванович з братом своим со князем Владимиром Андреевичем возрадовастася радостию великою зело и удивишася силе божию, яко не удоб быти таковому мощно делу, яко же и дети оставиша отца своего и поругашася ему, но господь посла их и укрепи их на такой путь пострадати за имя свое святое, яко же иногда и волсви поругашася Ироду царю.* Рече им великий князь: «Вы же придоша, братия моя мила, на помощь к нам, богом наставляеми. Аз бо рад имети аки присную свою братию. Но хотите с нами работати единому небесному царю и за имя его святое с нами пострадати». И многими дарами почтив их, и любезно облабызав, и довольно одарив, и великую честию их почтив, и в путь спасения вместе поидоша.

По⁹⁹ пути же идущу веселящися о святем душе и о велицей милости божии, подающего им неначаемую помощь, земное уже все отвергше, чающе себе небесного приобщения, яко будет им безсмертие в веки. И рече же им князь великий, идущим им на пути: «Братие моя милая, разумеите, коея ради потребы приидосте ко мне семо? Не господь ли вас посла в путь свой? Воистинну ревнители есте вы отца нашего Авраама, яко тый¹⁰⁰ вскоре Лотови поможет,* доблественному и великому князю Ярославу,* яко той отомсти обиду брату своему».

Князь же великий скоро посла к Москве вестники к преосвященному митрапалиту Киприяну и к великой своей княгине Евдокеи з грамотами, яко: «Ольгердовичи князи приидоша ко мне на помощь со многими силами, а отца своего оставиша». И скоро прииде вестники к Москве и падаша грамоты. Преосвященный же митрапалит то услышав и став пред образом господним, прослезися и молитву сотворив: «Господи владыко человеколюбче, яко и сопротивнии наши ветри на тихость прелагаются». И скоро поиде в соборную церковь и посла во обитель Живоначальных Троицы к преподобному отцу Сергию^{II},¹ и во вся обители земли Русския, и во все церкви и повеле молитву творити день и ночь четыре десять дней непрестанно вседержителю богу и пречистой его богоматери, да некогда послушает бог их молитвы и даст милость свою и помощи руку великому князю Дмитрею на безбожнаго Мамаю. Великая же княгиня Евдокея, то слышав таковое великое милосердие божие, и возрадовася радостию великою зело, и в радости многи слезы пролия пред образом Спасовым, и рече: «Слава ти, Христе боже наш, яко помагаеши и милуеши раба своего, государя моего, князя Дмитрея Ивановича, что можем воздати твоему благоутробию за твою премногую щедрую милость к рабом твоим». И нача много милостыни творити убогим, и неоскудно подавати требующим, и винныя изо всех темниц повеле выпускати, да вкупе молят бога о здравии великого князя Дмитрея Ивановича. А сама непрестанно течаше в церковь Божию и день и ночь непрестанно молящися богу со слезами и пречистой его матере: «Да сподобит меня в радости видить славнаго в человецех, а моего государя, великого князя Дмитрея Ивановича». Сие же оставим паки и на предляжащя возвратимся.

Великому же князю бывшу на месте нареченном Березуе, яко за дватцать за три поприща до Дону. Приспе же в пятый день месяца сентября, на память святого пророка Захария и на память сродника своего — убиение великого князя Глеба Владимировича, приидоша на Дон и стаха на Дону. В те же поры приидоша отъезжие стражи великого князя Петр Горский, Карп² Алексин и приведоша язык нарочит от сановных царевых. Тот же язык поведает, яко уже царь на Кузьмине гати.* «Не спешит бо того ради: ожидает Ольгерда Литовского и Ольга Резанского, а твоего собрания царь не ведает и встречи твоего не чаает, по преписанным книгам к нему от Ольга. По трех же днех имат царь

Князь же великий Дмитрий Иванович⁵ нача думати⁶ з братом своим со князем Владимиром и с новонареченною братиею, с литовскими князьми: «Зьде ли паки пребудем или Дон перевеземся?». Рекоша ему Ольгердовичи: «Аще хочещи крепкаго воинства, то вели реку Дон возитися, то несть ни единого помышляющего вспять. А велицей силе его несть советовати, яко не в силе бог — в правде. Ярослав перевезеся реку — Святополка победи, прадет твой, князь великий Александр, Неву реку перешед — короля побѣ.* Ты же нарек бога, тако же подобает творити. Аще побьем, то вси спасемся, аще умрем, то вси общую смерть примем от князей и до⁷ простых людей. Тебе уже, великому князю, оставити смирение, да зде уже буйными словесы глаголати и теми словесы крепится войско ваше. Убо мы видим яко множество избранных витезей войску твоего».

Князь же великий повеле войску своему Дон реку возитися. Воини же ускоряют,⁸ яко татарове близуют. Мнози же сынове рустии возрадовашася радостию великою, зряще своего подвига желаннаго, еже на Руси вожелеша.

За мнози дни приидоша же на место то⁹ волцы мнози, выюще по вся ноци непрестанно, и гроза бе велика. По полком храбрым сердце утвержающе¹⁰ юноши слышат русских, иже паче укротеша. И мнози врани необычно собрашася не умолкают грающе, галицы же своею речию говорят. Вороны же грают, яко гарам играчим, орли же мнози от устья Дону прилетеша и ту клицаху, ждуще дни грозного и богом изволеннаго, в не же имат части множества трупия человеческого и крови пролитися, яко морския воды. От такаваго страху и от великия грозы древяса преклоняшеся и трава постилашеся. И мнози от обою унывають, видящи убо пред собою смерть.

И начаша погании студом помрачатися о погибели живота своего понеже убо умре нечестивый, погипе память его с шумом,* а правовернии человецы ноипаче просветишася, радующеся чающе совершеннаго обетования и прекрасных венцов, а них же проповеда преподобный старец.

Вестницы же поскоряюще, яко приближают уже погании напрасно. И бысть яко в 6 час прибеже Семен Мелик* з дружиною своею. По них же мнози пригониша от татар. И толь бестудно гнаша, нольны полцы наши видевшие. И возвратившеся и поведаша царю, что князи рустии ополчишася при Дону, и божиим промыслом много видеша людей,¹¹ с четверицею того сказаша царю множество людей видеша.¹² Он же, нечестивый царь, разжен дияволом, разумев свою погибель, и крикнув напрасно, испусти глас, и рече тако: «Моя сила, аще сего не одолею, како имам возвратитися восвояси!». Повеле напрасно вооружитися.

Семен же Мелик поведаша великому князю, яко: «Гусин брод* преидоша уже, едину ноць имуще между собою, на утро бо имат прийти на Непрядву.* Тебе ж падабает великому князю днесь ополчитися, да зутра не ускорят татарове».

И начен князь великий¹³ Дмитрий Иванович и з братом со князем Владимиром Андреевичем и с литовскими князьми Андреем и Дмитрием.

Ольгердовичи, от шестаго часа полцы нача уряжати. Есть же воевода некто,¹⁴ прииде с литовскими людьми, именем Дмитрей Боброков,* родом¹⁵ Волынския земли.¹⁶ Вильми уставиша полцы по достоянию — елико где кому подабаает стояти.

Князь же великий Дмитрей Иванович, поим брата своего князя Владимира и литовские князи, и все князи и воеводы, выехаха на место высоко и видеша образ святой, иже бе суть воображен во христианских знаменех, и акы¹⁷ неки светильницы светящися. И стези ревут наволочены простирающися, яко облоцы тихо трепещуще хотят промолвити, и богатыри русские, аки живы падутся, бывшая на плащаницах воображени;* и доспехи русские, аки вода колебашеся, а шеломы на главах их со златом, яко утренная роса во время ведра светящися: яловцы* шоломов их, аки пламяна падутся.

Мысленно бо их видети и жалосно зрети таковых русских князей и удалых детей боярских собрание и учреждение таковое. И вси бо единокравно и единокровно¹⁸ един за единого умрети хотяще,¹⁹ и вси единокровно глаголаху: «Боже святой, призри на ны и даруй православному князю нашему победу, яко Константину,* и покори под нозе его врага Амалика, яко же иногда кроткому Давиду!».* Сему же удивившася литовские князи, ркуще себе: «Никако такаваго воинства быти ни при нас, ни по нас таковому: подобно македонскому воинству, мужеством²⁰ Гедеоновым,* господь бо своею силою вооружив их!».

Князь же великий видево полцы своя по достоинству вооружены, и сшед с коня и пад на колени на ковыле зелене прямо великому полку черному знамени,* на нем же воображен образ владыки Спаса нашего Исуса Христа, из глубины сердца нача звати велегласно: «О владыко вседержителю, виждь смотрелевым оком на люди своя, иже твоею десницею сотворены суть и твоею рукою искуплены от работы дияволи! Внуши, господи, глас молитвы моя, обрати лице свое на нечестивыя, иже творят²¹ зло рабом твоим. Молюся образу твоему святому и пречистой твоей матери и твердому и неборимому молитвеннику, иже о нас к тебе, рускому святителю, на его милосердие надеемся, и призываю имя твое святое».

Князь же великий поиде, и всед на конь свой избранный, и нача по полком ездети з братом своим со князем Владимиром, и с новонареченною братиею, с литовскими князьми Андреем и Дмитрием Ольгердовичи, и со иными князьми и воеводами. Коемуждо полку рече своими усты: «Братия моя милая, сынове христианстии, от мала и до велика! Ношь приспе,²² а день грозный²³ приближися. А мы, братие, подвигнемся! Силен бо господь во бранех. Зде пребудите кождо на местех своих — утро бо тако неудобно учрежати, уже бо гости наши близ на реце на Непрядве. Утре же имаю пити поведенныя чаши, ея ж, друзи мои, на пути вжелеша. И вы уповайте на господа жива, да и мир с вами буди, братие, аще нам утре ускорят со братиею своею».

Князь великий Дмитрей посла брата своего князя Владимира вверх по Дону в дуброву, яко таитися полку его, дав же ему своего двора ви-

тези. И еще упусти с ним известнаго того воеводу Дмитрея Волынскогo. Против живоноснаго праздника Рождества пресвятыя богородицы* осень же бе тогда долга, и днем летним еще сияющим и теплата бысть и тихость. В ноци той мрацы ростнии явишася.²⁴ Воистинну бо рече: «Ноць несветла неверным, а верным просвещена бысть».*

Пришед Дмитрей Волынец, рече великому князю и брату его князю Владимиру и утаився едини: «Выедите ис полков своих, да скажу вам примету свою». Уже бо ноци глубоце и заря потуше, Дмитрей Волынец всед на конь и поим с собою князи едини суще, и выехаше на поле Куликово и став посреди полков²⁵ обоих, своих²⁶ и татарских, и рече им Волынец: «Слушайте с страны татарских полков». Слышав же стук велик и кликот и трубы гласяще, и бы создаи их волцы воют вельми, по лесной их стране орлове клехчаше, и бысть трепет птиц велик вельми. Против их врани аки горам грающим. По реце же той по Непрядве гуси-лебеди крылми плещут, необычную грозу подают. Рече Волынец великим князем: «Слышите ль что?». Они же рекуще ему: «Слышахом, граза велика есть, брате». Рече Волынец великим князем: «Обратитесь на полк русских и слышите, что есть». Тихость велика. И рече Волынец: «Что слышасте?». Они же реша ему: «Ничто же, токмо видехом от них от множества огней зори снимахуся». И рече Волынец великому князю: «Остани, господине». Волынец²⁷ же рече: «Добра знамение се и призывай бога неоскудною верою». Рече Волынец: «Еще ми примета есть». И сниде с коня, и пад на десное ухо, и приниче к земли на долг час и, востав, абие и пониче. И рече великий князь Дмитрей Иванович: «Что есть, брате?». Он же не хоте сказати ему. Князь же великий понудив ему, он же рече: «Едина бо ти на пользу, а другая скорбна». Волынец рече: «Слышах, господине, землю надвое плачущися: едина²⁸ еллинским языком своим чад своих напрасно воиюще,²⁹ акы вдова,³⁰ другая же страна, аки некая девица тихо и жалосно плачущися, аки некто един в сиверель просопе³¹ плачевным гласом. Аз же множество тех примет испытав, сего ради надеюсь о бозе и святыми мученики Борисом и Глебом, сродники вашими, аз чаю победы поганых, а христианом многа падения будет».

Слышав же то князь великий, прослезися вельми и рече: «То не будет победы державе». Волынец рече: «Не подобает, государю, сего поведати в полцех, но токмо вели молитися богу и святых его призывати, и рано утре вели им подвизатися на кони свои, и всякому воину вели крепостом вооружатися, то есть непобедимое оружие на супротивныя».

В³² ту же ноць некто муж, именем Фома Халцубеев,* разбойник, поставлен от великого князя на стражу на реце³³ на Чюру Махайлове.* Мужеством бе его на крепце сторожи и стоя от паганых. Сего уверя, бог откры ему видети ноци тоя видение велико. На высоте виде облак изряден. Прииде же некий полк от востока велик зело. От полуденныя же страны приидоша два юноши светлы,* лица их светящися, аки солнце, имуще во своих руках мечи остры. И рекоста два юноши полковникам татарским: «Кто вам повеле требити отечество наше, нам дарова господь?». И начаша сечи я. Ни един от них не избысть. Оттоле же человек

той верен бысть и целомудр. Исповеда видение великому князю единому. Он же рече: «Не глаголи никому же». Сам же князь великий воздев руце свои на небо и нача плакаться, глаголати: «Господи человеколюбче, молитвами святых мученик Бориса и Глеба, помози ми, яко же Моисею,* и Давиду на Галиада,* и первому Ярославу на Святополка,* и прадеду моему, великому князю Алесандру на хвалящего римского короля,* разорити хотев его. Ни по грехом моим воздаждь ми,³⁴ господи, и низпосли милость свою и просвети нас благоутробием твоим. Не дай же нас в посмех врагом нашим раб своих, да не порадуются врази наши, ни ркут срама на верных — где есть бог их, на нь же уповаше. Помози, господи, христианом, иже имя твое нарицаем!».

Приспе же время месяца сентября в 8 день великого праздника спасению христианскому — Рождество святых богородицы. Светающу пятку и восходящу солнцу бывшу утру мгляну. И начаша же стези христианский простиратись и трубы гласити мнози. Уже бо русские князи и воеводы и все удалыя люди и кони их укротеша гласом трубным,³⁵ и каждый³⁶ под своим знаменем идяше, полцы же идуще по учению елико кому веляше.

Часу же второму³⁷ наставшу дни, и начаша гласы трубныя обоих стран сниматися. Но татарские трубы аки онемеша, русские же утвердишася, а самим еще не видетися, занеже бе утро мгляно. Но вельми есть тут земля постонала, грозу подающе от востока до моря, от запада же и до Дуная. Полю же Куликову, яко прегыбатися,³⁸ реки же выступиша из мест своих, яко многим воям по них бродимом, и никако же толиким быти полком на месте том.

Великому же князю преседающе на борзых кони, езда по полком, со слезами глаголаше: «Отцы и братия моя, господа ради подвизайтесь святых ради церквей и веры ради христианские, сия бо смерть не смерть, но живот вечный! Ничто же помышляете земнаго, но уклонимся на свое дело, венцы бо победными увяземся от Христа бога и Спаса душам нашим».

Утвердив же полки и паки прииде под свое знамя черное, и зсед с коня, и на иный конь сяде, совлачая с себя прыволоку царскую, и во иную облечеса. Той же конь даст под Михаила Андреевича* и ту прыволоку на него же положи, иже бе ему любим паче меры. И повеле знамя рынде своему возити; и под тем знаменем убьен бысть.

Князь же великий став на месте своем и въздев³⁹ руце свои на небо, и вложив руку свою в недра своя, и вынев живоносный крест, на нем же бе воображены Христовы страсти,* в нем же бе живоносное древо.* И восплакася горько и рече: «На тебе уже конечно надеюся, живоносному кресту, иже сим образом явивый преславно пречесному царю Константину,* егда ему на брани с нечестивыми и застудными, и оброзом твоим победи их. Не могут обрезании челоуецы* стояти противу образу твоему и тако удиви, господь, милость свою на рабех своих».

Сия еще ему глаголяще, в то же время приидоша к нему книги от преподобнаго игумена Сергия, в них же бе написано: «Великому князю

Дмитрею Ивановичю и всем руским князем и всему православному воинству мир и благословение!». Князь же великий Дмитрий Иванович слышав писание преподобнаго старца и целова посольника того етера любезным целаванием, и аки некими твердыми бранями вооружився. Еще даст ему, еже посла старец игумен святыи Сергий, хлебец святыи пречистой его богоматери.* Князь же великий Дмитрий Иванович съев хлебец и простер руце свои, возопи велегласно: «О велико имя пресвятыя троица, пресвятая госпоже, богородице, помагай нам молитвами твоего игумена Сергия!».

Приим конь свой и взем палицу свою железную и подвижесе ис полку вон, и восхотев преже сам почати от горести душа за землю Рускую и за веру християнскую, и за святыя церкви, и за свою великую обиду. Мнози же рустии князи и богатыри держаше его и възбраниша ркуще ему: «⁴⁰Не подобает тебе, великому князю, самому в полку быти,⁴¹ но подобает особь стояти, а на нас смотрити, то пред ⁴²ким нам ⁴³ явитися. Егда же упасет тебя бог, великого князя, милостию своею чтити, како разумеши и кого ти дарити? Мы же вси готовы есми головы своя сложити за тебя, ласкаваго государя. Тебе ж, государю, подабае рабом своим служити своею головою, и тем память сотворити, яко же Леонтий царь Феодору Тирону,* и в книги соборныя памяти дея написати. Руским же князем по нас такоже будет. Аще ли тебя единого изгубим, то от кого чаяти имамы? Аще ли вси спасемся, а тебя единого останем, то кий успех будет нам? И будет, аки стадо овчие не имущи пастыря, и в пустыни сей влачими, его же пришедше волцы распудят, и елико хто хошет. Тебе подобает спасти себя и нас».

Князь же великий прослезився, рече: «Братия моя милая, добрыя речи ваши и не могу ⁴⁴ против их отвещати, известно паче не успети, но токмо похваляю вас: вы есте вси воистинну блазии раби. Ноипаче весте и разумеете вси мучение святаго Христова страстатерпца Арефы,* егда мучим бе. И по многих же муках повеле царь вывести на позорище и посечи всех. Доблии же воини избраннаго воеводы един пред единым ускоряет и един за единого главу клонит под меч. Видящи убо воеводы ⁴⁵ своя и той же воевода възбрани войску своему, рече: «Весте, братие, у земнаго царя сего, не аз ли почтен преже вас бых? Земныя же чести и даровя не аз ли взимах преже вас? Ныне же мне подабае преувидити у небеснаго царя, моей же главе преже усечени быти паче же венчанне». И приступив, воин, усекну ему главу его, последи же семьсот воин. Тако же,⁴⁶ братия моя, кто боле мене в росийских князех от вас почтен бых, и вам всем глава бех? Благая бо приях от госнода, злых ли не могу терпети? Мене ради единого вся си воздвигошася, и како могу вас видети побиенных? И прочее к тому не терплю. Общую чашу с вами имам пити и смертью умрети. Аще ли умру — с вами, аще ли спасуся — с вами же. Ныне же вси останемся, уже бо ко своим потягнемся».

Передовыи ⁴⁷ же полцы раступишася, ⁴⁸а водит ⁴⁹ передовыи полцы Дмитрий Всеволож ⁵⁰ да Воладимер, брат его.* С правую же руку бредут ему Микула Васильевич* с коломничии и новгородские посадники ⁵¹ с си-

лами. Погании же бредут обапол.⁵² Несть им места, где разступитися. Безбожный же царь Мамай, выехав на место высокое с тремя князьми, зря человеческого кровопролития.

Уже бо близ себя сходящися, выеде печенег ис полку татарского пред всеми⁵³ мужеством являяся, но подобен древнему Галиаду.* И видев же его Пересвет, чернец любочанин, и двигшесь ис полку и рече: «Сей человек ищет подобнаго себе, аз же хочу с ним видитися молитвами предобнаго отца чюдотворца Сергия игумена!». И рече: «Отцы и братия, простите мя грешнаго!». И напусти на печенега того и рече: «Игумен Сергей, помагай молитвою своею!». Он же устремися противу. Християне же воскликнуша: «Боже, помози рабу своему!». И ударипася крепко копии,⁵⁴ яко едва место не проломися, и падоша оба на землю и ту скончашася.

Наставшу часу третьяму дни, видев же то князь великий и рече князем своим: «Вижте, братие, яко гости наши приближахуся, вода себе поведенную чашу, етери же от них испиша и весели быша. Уже бо время подобно и час прииде!». И ударипа каждо по коню своему и кликнувши единогласно: «С нами бог!». И паки реша: «Боже христианский, помози нам!». Печенези же свои боги кликнуша.

И ступишася крепко бьющися напрасно. Не токмо оружием бипася, но сами о себя разбивахуся и под коньми умираху, от великия тесноты задыхахуся. Колико велико поле Куликово и мощно на нем вои много вместитися, ино и то место тесно между Дону и Мечю.^{55*} На том поле Куликове⁵⁶ сильни полци ступишися⁵⁷ из них же выступиша кровавыя зари,⁵⁸ и от стреляния пищальнаго,* яко сильнии молнии блистахуся, от копейного ломления трус велий быша, и сечения людцкаго, яко не мощно бо зрети грозного сего и горького часа. В мегновении ока колико тысяч погибает людей — создания божия! Воля бо господня совершися. Час же четвертый бяше дни бившеся не ослабеют християня.

Уже наставшу часу шестому, божиим поупущением наших ради согрешений, начаша одолевати погании. Уже мнозии от сановных побиени суть. Богатыри руския, аки древа дубравная, клонятся на землю конем под копыта. Мнозии сынове⁵⁹ рускаа сътрошася,⁶⁰ самого великого князя уязвиша вельми. Он же уязвен склонися с побоища, яко не мощно ему бе уже битися. Стези же великого князя многожды татарове ссекоша, но не⁶¹ истребишася божиею силою, ноипаче укрепишася.

Сие же слышахом от вернаго самовидца глаголюще, иже бе от полку князя Володимера Ондреевича, и поведаша великому князю Дмитрею Ивановичю: «В шестую годину сего дни видех над вами небо отверсто, из него же изыде богря заря, над ними ниско держашеся, и тот же облак исполнен рук человеческих, яко же держаше ово⁶² венцы, ово⁶³ пророцы, ово⁶⁴ же проповеди пророческия, инии же, аки некая древа красно зело и цвети многи краснии. И внегда наставшу седьмому часу, мнозии же венцы от⁶⁵ облака того опустишася на полкы християньскыя.⁶⁶

Погании же всюде заидоша,⁶⁷ а христианский полки оскудеша, уже бо мало християн — все погании. Видев же то князь Владимир Андрее-

вич великую погибель христианскую, аки класы пшеничныя, подавляеми тернием, растуще и буяюще терние. Благоверный же князь Владимир Андреевич не могий победы терпети и рече Дмитрею Волынскому: «Брате Дмитрей, что пользует наше стояние и что паки на успех будет. Кому имамы пособити?». И рече Дмитрей: «Велика беда, княже, несть уже пришла година, начиная⁶⁸ бо без⁶⁹ времени и вред себе примем. Мало еще потерпим, да времени подобна умолчим, в нем же имамы воздарию отдати противником. Но токмо в сий час бога призывайте, от осьмаго часа гонити имам, донже благодать божия — помощь христианская».

Князь же Владимир Андреевич, воздев руце на небо⁷⁰ и рече: «Боже отец наших, сътворивый небо⁷¹ и землю, иже предстоит на ны враг⁷² крамолу дея, не дай же, господи, порадоватися врагу нашему дияволу, мало показни, а много помилуй! Бездна бо еси милости». Сынове же полку его плачущесе, видящи други своя погибающе, непрестанно покушающесе, яко званнии на брак сладкого вина пити. Волынец же по возбраняше им: «Пождите ми мало, буяви сынове, есть коли утешитися и есть нам с кем веселитися».

Приспе же час осмый, абие дух южны потягнув съзаци⁷³ нам. Возопи же Волынец⁷⁴ гласом великим: «Княже Владимир, час прииде, а время приближися!». И паки рече: «Братия моя и друзи, дерзайте! Сила бо святого духа помагает нам!».

Единомыслинии же друзи выедоша из дубравы зелены,^{74a} аки соколи искуснии, ударившася на многия журавлиныя стада, тако сии витези направляны крепким воеводою. Бяху бо яко отроцы Давидови, им же сердца бяху, аки львом, поистинне львови образи имуще, аки на овчии стада приидоша.

Погании же видевше, крикнувше глаголюще: «Увы нам, Русь паки умудрися — уншии с нами брашася, а доблии вси соблюдошася!». И обратившася, и даша плечи, и побегоша. Сынове же русския силою святого духа бьяше их и помощию святых мученик Бориса и Глеба — аки лес поклоняху, аки трава от косы постилашесе бежащи татаровя еллинский глаголюще: «Увы тебе, Мамаю честны, высоко вознесесе, до ада спшел еси!». Мнози же язвеннии наши помагаше нам, секущи их без милости, ни единому кому от татар побежати — кони бо их потомишася.

Мамай же, видев погибель свою, и нача призывати боги своя: Перуна и Калавата, и Раклея и Гурка,* и великого пособника своего Махметя.* И не бысть же им пособника от них, сила бо святого духа аки огонь пожигая их. Татарские полки⁷⁵ рускими мечи секутся.

А Мамай же виде новыя люди и рече: «Побегнем — ничто же добра уже имам чаяти, — но свои головы упасем». И абие побеже с четырьми мужи.

Мнози же етери гоня по нем, но не одолеша: коне бо их цели суще, женуще их и возвратившася.

И обретоша трупия мертвых обонпол реки Непрядвы, идеже непроходно быти полком руским. Сия же победа суть от святых мученик Бо-

риса и Глеба, о них же провиде Фома разбойник, егда стоя на сторожи. Женуцей же, егда всех⁷⁶ доступиша, и возвращахуся под свое знамя.

Князь же Владимир ста на костех под черным знаменем. И не обрете брата своего великого князя Дмитрея Ивановича в полку, токмо литовские князи едина, повеле трубити собранною трубою. И пожда час, и не обрете, и нача с плачем глаголати: «Братия моя милая, кто видя, или кто слыша своего пастыря?». И нача рыдати и кричати, и по полком ездити глаголюще: «Теперь поражен пастырь, и разыдутся овцы,* кому сия честь будет, кто победы победник явится?».

И рекоша ему литовские князи: «Мы мним, яко жив есть, но уязвлен вельми, внегда в трупе в мертвом будет». Ин⁷⁷ же рече, яко: «В пятый час видех крепко бьющися палицею своею». Иный рече: «Аз видех позднее того еще бьющися и четыре печенези наляжат ему». Юрьевский же юноша князь, некто Стефан Новосильский:* «Аз видех его пред самим твоим⁷⁸ приходом пеша идуща с побоища и уязвенна вельми. Того ради не возмогах ему — гоним бе тремя татарины, но милостию божиею едва от них спасомся, а много от них пострадах». Князь же Владимир рече: «Известно ведите, братие и друзи, аще кто обрящет жива брата моего, поистинне первый от него будет рачитель».

Отроцы же разсуновшись по великому побоищу, ищущи победы победителя. И наидоша Михаила Андреевича Бренку убитого в приволоце и в шоломе великого князя. И инии же наидоша князя Федора Семеновича Белоозерского, чающе великим князем, занеже приличен ему.

Два же етера воина уклонишася на десную страну, един именем Сабур,* а другой Григорей Холопищев,* родом же оба костромичи. Мало выехав с побоища и наехаша великого князя бита вельми, отдыхающе под⁷⁹ сечиным древом березою. Видев же, спадоша с коней⁸⁰ и поклонишася ему. Сабур же возвратися и поведа князю Владимиру и рече: «Князь великий царствует в веки и здравствует!». Сия же князи и воеводы слышевши и возрадовашася, и скоро скочиша к нему, и увидеша великого князя, и пад, поклонишася на ногу его, и глаголаша ему: «Радуйся, иже нам древний Ярослав,* новый победителю, подобный храбростию Александру царю,* врагом победителю, истинны по вере Христове страдателю, нечестивому царю победа и срам, а тебе честь и слава!». Князь же великий едва рече им: «Что ми поведаете? Скажите мне истинну». И рече князь Владимир Андреевич: «О великий государь наш, по православии поборник и по Христове вере ревнитель и храбрый воин небесного царя, по милости божии и по пречистой его богоматери, и сугубыми молитвами сродник наших Бориса и Глеба, и молением русского святителя Петра, митрополита, и его способника и нашего вооружителя, игумена Сергия, и всех святых молитвами врази наши побеждени, а мы спасохомся».

Князь же великий то слышав от брата своего и рече: «Сий день, иже сотвори господь, возрадуемся и возвеселимся в онь!».* И паки рече: «Велий еси, господи, чудна дела твоя — вечер бо водворится плач, и заутра радость!».* И еще рече: «Хвалю тя, боже мой, и почитаю имя твое

святое, яко не дал еси в погибель врагом нашим нас, и не дал еси похвалитися иному языку, иже не зная и не почитая имени твоего святого, иже на мя умыслиша злобу. Но судил еси, господи, им по правде твоей. Да скончается злоба грешных! Аз же, раб твой и вси православнии, уповаем на тя и почитаем имя твое святое в веки!».

И приведоша великому князю конь, и посади его, и выехав на побоища, и видево множество войско своего побито вельми, а поганых седмицею больши того побито, и обратився великий князь к Волинцу, и рече: «Воистинну Дмитрей разумен еси и не ложно суть примета твоя. Подобаает ти всегда воеводою быти».

Князь же великий Дмитрей Иванович начат з братом своим, со князем Воладимером, и с литовскими князьми, и со иными князьми и воеводами многими ездити по побоищу, сердцем стояше а слезами умывашеся. И наехав на место, идеже лежат князи белоозерсти вкупе биени суть: столь храбро бишася, яко един за единого умре. Тут же лежит и Микула Васильевич. Над ними же князь великий став и много хвалив иже и проплаков, и глаголаше: «Братия моя милая, сынове рустии, аще имате дерзновения у бога, молитесь за нас. Вем бо яко послушает вас бог, да вкупе и мы с вами будем в царствии небесном!».

И паки поеде на иное место и наеде на своего наперсника и возлюбленника Михаила Андреевича Бренка⁸¹ и близ его убит лежит Семен Мелик, четвертый страж крепкий, тут же лежит Тимофей Волуевич. И над ними князь великий став и воздохнув из глубины сердца своего и с плачем великим рече: «Братия моя милая, возлюбленная, моего ради образа убиени есте! Кто бо таков раб могий тако господину своему служити, яко мене ради сам на смерть мысленно поехал еси. Поистинне древнему подобен еси Авису,* иже от полку Дария царя перского. И тот тако же возлюбленной мой Михайла Бренко⁸² сотвори». И паки рече: «Милый мой крепкий страж Семен Мелик, твоею бо стражею вся воя пасы крепко».

И паки великий князь приеде на иное место и видево Пересвета чернца лежаща убита, и близ его лежит нарочит богатырь татарский, и обратився рече: «Видите, братие, своего починальника? Сий победи подобна себе, от него же было пити горькая чаша многим!».

Паки став на месте своем и повеле трубити собранными гласы и люди созывати. Доблии же друзи довольно испытываши оружии своих о⁸³ сынов измаильтеских, и со всех стран бредуще под трубный глас. Грядуще весело ликующе и поюще песни ово воскресныи, ово богородичныи, ово мученичныи и иныя подобнии спм.*

И собранным же людем всем, князь же великий став посреди плача и⁸⁴ радуясь, и рече: «Братия, князи рустии и бояре местныя, вы бо сынове всеа Руския земли, вам подобает тако служити, а мне по достоянию хвалити вас. Внегда упасет мене бог, а буду на своем столе на московском княжение великом, тогда имам даровати вас. Ныне же сия управим: койждо похороним ближнего своего, да не будут в снедь зверем теляса христианская».

Князь же великий стоя за Доном восемь дней, данели же разбраша христиан с нечестивыми. Христиане же схорониша колико успеша, а нечестивии повержении зверем на расхищение.

Поганому же царю Мамаю отселе бежашу и добежаша до моря, идеже град Кафа^{85*} создан бысть, и потаив⁸⁶ имя свое. И познан бысть неким купцем, и ту убьен бысть у фряз,* испроверзе зле живот свой

Князь же великий Дмитрий Иванович з братом своим со князем Владимером и с литовскими князьми, и со оставшими воеводами ста на костех. Грозно бо, брате, в то время смотрити: лежат трупие человеческое, аки сенные стоги, а Дон река кровью текла. Рече князь великий: «Сочетайтесь, братие, коликих князей нет, коликих воевод нет, коликих молодых людей нет». Говорит Михайла Александрович,* боярин московской: «Нет у нас сорок бояринов московских, 12 князей белоозерских, да 20 бояринов коломенских, да 40 бояринов серпуховских, да 30 панов литовских, да 90 бояринов новгородских, да 35 бояринов воладимерских, да 25 бояринов ростовских, да 40 бояринов муромских, да 50 бояринов суздальских, да 24 бояринов ростовских, да 20 бояринов дмитревских, да 60 бояринов можайских, да 30 бояринов звенигородцких, да 15 бояринов углетцких. И всех то князей нет от больших от князей, от бояр великих и местных, от воевод, нет у нас детей боярских и от молодых людей и от всех полцех 253 000.

И рече князь великий: «Братие, князи рустии, и бояря, и молодые люди, вам, братие, что богом суженное место между Доном и Мечи на поле Куликове, на речке на Непрядве. А положили есте головы свои за землю Рускую и за веру христианскую. Простите мене и благословите грешнаго в сем веце и в будущем!». Сам же князь великий Дмитрий Иванович з братом своим со князем Владимером и с литовскими князьми и со всеми со оставшими силами поиде во свою землю Залескую* к славному граду Москве. И мнози вельможи приехаша служити к великому князю от Ольгерда Литовского и от Ольга Рязанского. И поведаша безумныя их советы. Князь великий повеле посадити рядом памяти ради в вечный. Аминь.

СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ

ОСНОВНАЯ РЕДАКЦИЯ, ПЕЧАТНЫЙ ВАРИАНТ

История или повесть о нашествии безбожного царя Мамая с безчисленными его агаряны* на Российскую землю и о великой брани, и о грозном побоище с великим князем Димитрием Ивановичем* Московским, и о брате его князь Володимере Андреевиче.* Сказание рязанца Софрония* иерея.*

В лето 6888 брань убо и победа сия бысть на Дону, како случися православным христианом брань имети со безбожными агаряны, и како возвыси бог род христианский, а поганых уничижи и посрами их суровство, яко иногда Гедеон мадиама* низложи и Моисеом фараона.* Тако и ныне подобает нам поведати величия божия, како сотвори господь волю боящихся его, и како пособствова господь православному великому князю Димитрию Ивановичу и брату его князю Владимиру Андреевичю.

Того же лета попущением божиим, а от научения диаволя воздвигся царь от восточных страны именем Мамай, еллин сый верою и родом, идоложрец и иконоборец, злый христианский ненавистник и укоритель. Вниде в сердце его диавол подстрекатель, иже всегда пакости деет христианом, научи его разорити православную веру всего христианства, яко да не славится имя господне в людех тех. Господь же что хочет, то и творит.

Поиде же князь ордынский Мамай, а с ним все князи ордынския со всеми своими силами татарскими на Русь к Москве на великаго князя Димитрия Ивановича. Еще ж к тому наняли рать: бесермены, армени, фряги, черкасы, ясы, буртасы,* буярасы.

И великий князь Олг Рязанский* поиде к Мамаю же на помощь и с литвою во единстве, и великий князь Ягайло Литовский* с своею силою: литвою, и жмоти, и ляхи, и немцы.

Той же безбожный царь Мамай начат завидети первому Батыю и второму безбожному Батыю,* и нача испытати старых еллин, како Батый пленил Киев и Володимер,* и Ростов, и всю Русь словенскую, и како князя Юрья Димитриевича* и мнози православныя князи изби, и монастыри оскверни, вселенскую пречистую церковь златоверхую разграби.* И бысть ослеплен очима, того же не разуме нечестивый, яко господеву годе, тако и бысть. Якоже бо иногда Иерусалим пленен бысть мерзским

Навоходоносором царем вавилонским* за их согрешение. Но не до конца прогневаются господь, ниже во веки враждует.

Слышав же, безбожный царь Мамай нача диаволом подстрекаем быти, иже не престаает ратуя на христианство, и нача глаголати ко своим алпаутом, князем и улином,* яко: «Не хочу аз тако творити, како Батый, а князи их изжену, а который град красный, хочу их видети тихо и безмятежно». И рука божия высока. По малех днех по глаголах его царь Мамай прелезе великую реку Волгу со всеми силами своими, и совокупи многи орды с собою, и глагола им яко: «Обогатеете руским златом». Поиде на Русь, сердитую яко лев, пыхая, яко неутолимая ехидна. Доиде же до усть реки Воронежа* и распусти облаву¹ свою, заповеда улусом своим всем яко: «Да ни един вас пашет хлеба, будите на Рускую землю готовы на хлебы».

Слышав же князь Олг Рязанский, яко царь Мамай кочует близ, а идет на Русь ратью, стоит на Воронеже, идет на великаго князя Дмитрия Ивановича. Бысть же у Олга князя рязанскаго скудость ума в главе, и сатана ухищрение вложи в сердце его, здумав себе и нача посылати посол свои к Мамаю царю со многою честью и дарами, ярлык свой писа к нему сицевым образом: «Восточному и великому царю Мамаю твой посаженный присяжник Олг Рязанский бью челом. Слышах тя, господине, многочестна и грозна, и хочещи итти на Русь на своего посаженника и служебника* на князя Дмитрея Московскаго, огрозитися хочещи ему. Ныне же, господине, приити время есть, злата же и богатства наполнися земля его. Вем такова, всесветлый^{1а} царю, яко кроток есть человек Дмитрей. Егда же услышит издаличе имя ярости твоея, то отбежит от тебе, царю, в далный оток, где есть место пусто и неключимо. Злато же и богатство в твоих руках будет. Мне же, раба твоего, царю, держава твоя пощади. Аз бо ти Русь велми устрашаю и князя Дмитрея. Еще же, царю, молю тя, яко обаче еси раби твои, но аз велику обиду приях от князя Дмитрея Московскаго, но и то одно, царю, егда о своей обиде именем твоим погрожу² ему, а он о том не радит. Еще же и град мой Коломну за себя взял.* Но о том, царю, о всем молю тя, да не презри моления моего».

Посла же и к Волгорду князю литовскому, другу своему, ярлык* написав, послал к нему посол свой, к велеречивому и к великому и к велеумному Волгорду князю литовскому, смысливши худым своим умом, написа грамоту сице: «Великому князю Волгорду Литовскому Олг Рязанский пишу радоватися. Ведаю, яко издавна мыслил еси на московскаго князя Дмитрея изгонити его, а Москвою владети. Ныне же приспе время нам, яко великий царь Мамай идет на него, хочет пленити землю его. Ныне же приложимся и мы к нему, да тебе даст Москву и иныя грады присяжные, а мне Коломну и которая близ Мурома и Володимера. Ты же и аз пошлем послы своя к нему и дары, елико паки имам, и пиши к нам книги, елико сам веси, паче мене. Аз писах, но не послах, хочу со одинаго³ с тобою. Жду твоего совета».

Прииде же посол и подаде грамоту Волгорду Литовскому от Олга.

Волгорд же прочет грамоту и рад быв, похвалив друга своего Олга великою похвалою, посла посол к царю и дары безчисленныя, грамоту писав к нему: «Великому и восточному царю Мамаю князь Волгорд Литовский пишу радоватися многу милость. Слышав, господине, хочещи улус свой казнити и московскаго князя Дмитрея. Да того ради молю тя, царю, яко обиду сотвори Олгу Рязанскому, а мне також пакости деет. Но молим тя оба, да приидет держава царствия твоего, да о том видим твое смотрение и нашу грубость отмстити от московскаго князя Дмитрея».

Все же глаголют лестию на великаго князя, и рекучи в себе: «Егда услышит имя царевое и нашу присягу, отбежит в Новъград Великий или на Двину, а мы сядем на Москве и на Коломне. Да егда царь приидет и мы его срящим болших, царь же возвратится, и мы княжение Московское разделим, иное к Вилне,* а иное к Резани,* но ведаем, яко царь ярлыки имать дати нам и родом нашим по нас». Но сами не ведяху, что глаголаху, яко несмысленнии млади умом, аки не ведуще божия силы и владычня смотрения, бог дает власть ему же хочет. Поистинне бо рече господь: «Аще кто держится добрыя детели, не может быти без многих враг».

Великий же князь Димитрий Ивановичь, образ смиренномудрия име и смирение в высоких ищет, еще не чю бывших сих ни единого же их, иже совещаша ближнии его. О таковых бо реченно бысть: «Не помысли ближнему своему зла, и тебе не постигнет зло».* И паки: «Изрый яму, сам впадется в ню».*

Приидоша же книги по реченному словеси от Олга Рязанскаго и от Волгорда Литовскаго к безбожному царю Мамаю и дары многочестныя вдаша ему, и книги писанныя. Возрев же⁴ безбожный писания и рече к себе: «Добре писаша ми, обаче оба лестию писаша ми». И нача думати со алпауты своими. Они же разумеша, яко прилежно писано писание их. И рече царь: «Аз чаях, яко вси во едино совокуплени будут на мя. Ныне же разумею, яко разность между их велика есть. Имам убо на Русь быти». Послов же тех чествова и отпусти их, вдав им писание. А писание писав сиче: «Олгорду Литовскому и Олгу Рязаньскому, елика писасте ко мне и узнах, и на дарех великих хвалю вас, колико хочете руския вотчины, тем вас подарю, толко присягу имейте ко мне. Ныне же стретите мя своими силами, где успеете, да одолеете недруга своего. А мне ваша пособь не добре надобе, аще бы хотел, то своею силою древний Иерусалим пленил бы, но чести вашае хочу. А моим именем вашае рукою распужен будет князь Дмитрей Московской, да огрозится имя ваше во странах ваших, а мне бо достоит победити царя себе подобна, и довлеет ми царска честь. Сиче князем своим рцыте».

Послы же возвратишася всячь к ним и сказаша, яко царь здравит их и велми хвалит. Они же возрадовашася скудным умом своим о честном ево привете, аки неведуще божия силы: бог дает власть ему же хочет. Что убо сих нареку? Аще бы врази были себе, то от себе бы брань сотворили. Ныне же сия глаголы что суть: едина вера и едино крещение, а к поганому приложилися, вкупе хотят гонити православную

веру? О таких бо рече патерик: «Поистинне бо отсекошася свои и масличное, присадися к дикой масличине».* Тако и беззаконнии отвергошася веры христианския и прилепишася к безбожному Мамаю.

Олг же нача поспешати к рати и послы посылати к Мамаю царю, рече: «Подвизайся вскоре». О таких бо рече писание: «О неразумждения! Путь беззаконных не спеет, но избирают себе досады и понос,* правых же путие спеются». Ныне же сего Олга нарече втораго Святополка.*

Слышав же то великий князь Димитрий Ивановичь, яко идет на него безбожный царь Мамай и неуклонимая рать на веру Христову, великий же князь Димитрий Ивановичь опечалився велми о безбожном нахождении и став пред иконою, яже стояше при возглавии его, пад на колени и нача молитися пред образом, рече: «Аще, господи, смею молитися, смиренный раб твой, отжени ми уныние мое! Боже мой, на тя уповаю, разверзи, господи, печаль мою! Ты бо еси свидетель мой, владыко, не сотвори нам, якоже отцем нашим, иже наведе злаго Батѣя,* и еще тот страх и трепет в нас велик есть. Ныне же, господи, не до конца прогневайся на ны. Вем бо, яко мене ради грешнаго хочещи истребити землю сию Рускую. Аз бо согреших пред тобою паче всех человек. Сотвори ми, господи, милость свою слез моих ради и укрепи сердце мое ко свирепому, якоже Иезекий* возвысився». И рече: «На господа уповах и не изнемогу».* И посла по брата своего по князя Владимира Андреевича. Он же бе во своей державе в Городце.* И посла по все воеводы и поместныя князи, и воеводы съехашася.

Великий же князь Димитрий Ивановичь, поим брата своего князь Владимира Андреевича ко преосвященному митрополиту Киприану,* и рече: «Веси ли, господине отче, настоящую беду на нас, яко царь Мамай идет в неукротиме образе и ярости». Преосвященный же митрополит Киприан рече великому князю: «Повеждь ми, господине, чим еси ^{4a}не исправился к нему?».^{4b} Великий же князь Димитрий Ивановичь рече: «Исправих бо ся, отче, всем до велика к нему по уставу отец своих, но и еще боле того воздах». Ему же преосвященный митрополит рече: «Великий княже, видиши ли, яко поупущением Божиим грех⁵ ради наших идет пленити Рускую землю. Но вам подобает православным князем тех нечестивых утолити^{5a} суровство сребром и дары ради рода христианска четверицею сугубою, дабы не разрушил Христовы веры. Аще ли же не смирится, то господь гордым противится, а смиренным дает благодать.* Господь бог смирит его. Якоже бо случися Великому Василию в Кесарии.* Идый на него злый преступник из перс злых, хотя разорити град его. Он же молився богу со всеми христианы, и собраша злата много, дабы тем Отступника утолити. Он бо бе разъярився, и господь посла война своего Меркуриа* и уби гонителя невидимо мечем. Ныне же возми, господине, злата елико имаши, пошли противу ему, аще исправится».

Великий же князь Димитрий Ивановичь, слышав сие от митрополита, и иде з братом своим в казну свою и взял злата много и нача избирати юных от двора своего. И избраша юношу доволна суца смыслом именем

Захарию Кошкова* и дав ему два толмача умеюща языку татарскому, и злата много отпусти с ним ко царю. Захариа же доиде земли Рязанския и слышав то, яко Олг Рязаньский и Олгорд Литовский приложилися к Мамаю царю, посла вестъ тайно к великому князю.

Великий же князь, слышав то, з братом своим, нача сердцем двизатися, оба ярости и горести исполньшесе, нача великий князь молитися богу, глаголя: «Господи боже мой, на тя надеюся, в правду ты бо волю твориши любящих тя. Аще ми враг пакости деет, то подобает ми противу его итти, яко искони враг есть христианству, но сии друзи мои и ближнии мои тако на мя умыслиша. Но суди, господи, по правде между ими и мною. Аз бо ни единого зла сотворих им, развее чести и даров от них приях и им такожде воздасть. Но суди, господи, по правде моей, и да скончается⁶ злоба грешнаго».*

Поим же брата своего князя Владимирера и иде к преосвященному митрополиту Киприану и поведа ему, како Олг Рязанский и Олгорд Литовский приложилися и совокупилися с Мамаем царем. И рече преосвященный митрополит великому князю: «То сам веси, господине, кую обиду сотворил им?». Великий же князь прослезився и рече: «Аз есмь, господине, грешный человек пред богом, а к ним ни единою чертою не преступих по отец уставу. Но сам веси, отче, яко доволен есмь вотчиною своею. Но не вем, кую обиду сотворих им, чесо ради умножишася стужающии ми».* Преосвященный митрополит рече великому князю: «Просвети, господине, очи свои веселием. Ты сам, господине, разумееш закон божий. Кто творяй правду, не подвижутся на него человецы, яко праведен господь и правду возлюби. Ныне обыдоша мя пси мнози, суетно и тщетно поучаются, ты же именем господним противися им.* Господь правдив будет помощник. Аще ли ни, то от всевидящаго ока его где избудеши и от крепкия руки его?». И показася шравое слово его в правду.

Великий же князь Димитрий Ивановичъ з братом своим князем Владимиром и со всеми рускими воеводами и князьми, яко уставивша стражу крепкую и тверду. И посла на сторожу крепки юноши: Родиона Ржевска,* Якова Андреева сына Усатово,* Василья Тупика.* Повеле им ехати близ Орды и до Быстрыя⁷ Сосны,* повеле им языка добыти, дабы истинно слышали царево хотение.

Грамоты же розослав по всем градом: «Готови будите на брань со безбожными агаряны. А будите готови сниматися на Коломне, все бо на мя собрашася супостаты, но помощию божиею и молитвами пресвятыя богородицы, хощу изыти во стретение им».

Те же сторожи в поли замедлиша. Он же другия исходники посла да повеле им вскоре возвратитися. А посла: Климонта Послянинова* да Ивана Связлова,* да Григорья Садыка* и иных много с ними.

Они же сретоша Василья Тупика еще близ Оки-реки, ведуще язык великому князю, яко неложно идет царь на Русь, обослався со всеми ордами. Еще с ним совокупишася Олг Рязанский и Олгорд Литовский. Не спешит бо царь ходом своим того ради, яко осени ждет,* хочет быти на руския хлебы.

Великий же князь то слышав неложно таковое востание безбожных, и нача о бозе утешати, укрепляя брата своего князя Владимира Андреевича и все руския князи и воеводы, рекучи им тако: «Братия моя, руския князи и воеводы, и бояре, гнездо есмь Владимира, князя киевскаго, иже изведе нас от страсти ельинския. Ему же откры бог православную веру, якоже оному Стратилату,* паки он же заповеда нам ту веру крепче держати и поборати по ней. Аще кто ея ради умрет, то во оном свете почитет. Но аз, брате, за веру христианскую готов есмь умрети». И рече ему князь Владимир Андреевичь и вси руския князи: «Воистинну, господине, законную заповедь совершаеши и добру себе здумал еси думу, святому Евангелию последуеши. Во святом бо Евангелии писано есть: „Аще кто постраждет за имя, но и умрет мене ради, аз покою его во оном веде“.* Мы же, господине, готови умрети и главы своя сложити за святых церкви и за православную веру Христову и за твою обиду великаго князя».

Великий же князь виде брата своего князя Володимера Андреевича и всех русских князей, яко дерзают и поборают велми по православней вере Христове. Великий же князь рече всем князем и воеводам и писа всякому воинству, еже собиратися всем на Успение пресвятыя богородицы* на Коломну: да переберем полки и дам воеводу коемуждо полку.

К Москве тогда уже многи люди приспеша и великому князю Дмитрию Ивановичу, вси единеми усты глаголаху: «Даждь же нам, господи, едиными сердцы умрети а писание святое совершити имене твоего ради и веры ради христианския и за обиду великаго князя Дмитрия Ивановича».

В то же время приидоша князи белоезерския; подобни суть воином крепким и велми доспешны и конны, и кони воинския наряжены. Прииде князь Феодор Семеновичь Белоезерский, князь Семен Михайловичь,* князь Андрей Кемской, князь Глеб⁸ Каргополской Андомской.^{9*} Приидоша князи ярославския со всеми силами своими: и князь Андрей Ярославский, князь Роман^{9а} Прозоровский, князь Лев Серповский,* князь Дмитрий Ростовский и иныя мнози князи.

Уже бо стук стучит аки гром гремит — во славне городе Москъве стучит рать, сила великаго князя Дмитрия Ивановича, руския удалцы колантыри* злачеными о щиты червленныя.*

Великий же князь Дмитрий Ивановичь, поим брата своего князя Владимира Андреевича и иныя князи многия и воеводы, поеде к Живоначальной Троице* в Маковец ко игумену Сергию* преподобному старцу. Тамо шед благословение получи от всея святых обители. И моли его преподобный игумен Сергей, дабы слушал литургии,* приспе бо день воскресения,¹⁰ память святых мученик Флора и Лавра.* По отпущении же литургии моли его преподобный со всею братиею, дабы вкусил от хлеба обителска. Великому же князю нуждность бе: приидоша бо вести из поля, яко ближут татарове. И моли преподобнаго великий князь Дмитрий Ивановичь, дабы его не задержал. И рече ему преподобный старец: «Замедление бо сугубо¹¹ поспешит, живот ти будет, не уже ти венец

победе носится* от всех владыки, не пришло ти есть настоящих лет время, иным же многим ныне венцы готовятся от Всевидящаго Ока». Великий князь Димитрий Иванович вкуси обителскаго хлеба и з братом своим и со инеми князи. Преподобный же Сергей повеле воды освящати с мощей святых мученик Флора и Лавра.* Великий же князь скоро востав от трапезы. Преподобный же Сергей окропи священною водою все христоролюбивое стадо воинства и даде великому князю знамение — крест на челе,* сиречь свое благословение. И рече ему: «Поиди, господине. Нарек бога вседержителя: господь бог помощник ти будет и заступник». Тайно же рече ему: «Имаши победити супостаты своя». Великий же князь прослезився и рече ему, прося от преподобнаго старца даров. Он же рече ему: «Колико ти довлеет твоему государству у Живоначалныя Троицы во обители, что ти будет надобе, что ти будет пригоже». И рече ему великий князь Димитрий Ивановичь: «Дай¹² ми, отче, два етера мниха, воеводы от полку своего, то и ты с нами пособствова». Рече же ему преподобный старец: «О коих, господине?». И рече великий князь Димитрий Ивановичь: «О двою братех, о брянских боярех, Пересвете* и брат его Ослебя».* Преподобный же старец повеле им вборзе готовитися. Они же бо, яко ведомии суть ратницы, послушание скоро сотвориша. Преподобный же старец даде им во тленных¹³ оружии вместо нетленный и многотверд доспех — крест Христов нашив на схиме,* повеле им вместо доспеха возлагати на ся. И даде их великому князю и рече ему: «Се ти оружницы твои изволницы». И рече им: «Мир вам, братия моя, постраждите яко доблии воины Христовы». И всему православному христианству даде им мир и благословение.

Великий же князь Димитрий Ивановичь обвеселися сердцем, не поведи никому же, еже рече ему старец. И поиде ко граду своему Москве, аки некое сокровище многоценное обрете, о благословении старца радуется велми. Ни о злате, ни о богатстве не радуется тако, якоже радуется, получа благословение от прозорливаго старца. Прииде же во град Москву, поим брата своего князя Владимирера, иде ко преосвященному митрополиту Киприану, поведи ему единому, еже рече старец и како благословение даде ему и всему воинству. Преосвященный же митрополит повеле ему хранить сия словеса в сердца своем и никому же поведати. Великий же князь Димитрий Ивановичь иде в ложницу свою, яко вечеру сущу.

Приспевши же дни четвертку месяца августа в 21 день на память святых мученик Агафоника и Луппа. Восхоте уже изыти великий князь Димитрий Ивановичь противу безбожных агарян. И поим брата своего князя Владимирера, иде во церковь пресвятыя Богородицы,* став пред образом господним и согнув руце к персем своим и рече во умилении сердца, сотвори молитву, и слезы от очию его аки источники проливающиеся, глаголя: «Молю ти ся, боже пречюдный, владыко страшный и кроток, воистинну еси царь славы, помилуй нас грешных! Егда унываем от скорбей наших, к тебе прибегаем, единому спасителю нашему и благодателю. Тебе бо лепо есть миловати нас и спасати, под твоею рукою

есмь. Вем, господи, яко моя согрешения превзыдоша главу мою, но тебе, господи, оставляющу ми нас, нам тебе взыскающим». И ина многа ему вещающу и молящуся, приим псалом 34 и рече: «Суди, господи, обидящим мя и возбрани борющимся мя со мною. Приими оружие и щит и стани в помощь мне, да постыдятся и посрамятся являющи рабом твоим злая. Дажь же ми, господи, помощь на противныя, да и те познают славу имене твоего». И потом иде пред образ чюдотворныя иконы пречистыя царицы, юже Лука евангелист написал есть при животе своем,* и нача умилно вещати к пречистому образу ея, и рече: «О чюдотворная госпоже царице, всего живота человеческого кормителнице, тобою познахом истиннаго бога нашего воплощшагося и рождьшагося от тебе, не даждь, госпоже, в разорение града нашего поганому царю Мамаю, ни же^{13а} осквернят святую твою церковь. Моли сына своего и бога нашего, владыку, творца и создателя нашего, и дасть господь руку свою и смирит сердце врагов наших, да не будет рука их высока. Свою помощь пошли, госпоже, нам — нетленную свою ризу,* да в ню одеемся и не страшливи будем к ранам. На тя надеемся, владычице, еже милостию своею к сыну своему помолися за ны, яко твои есми раби. Ты бо, госпоже, богом еси рожденна, родители же твои единаго Авраама внуцы с нами. Вем бо, госпоже, яко хочещи нам дати помощь на противныя враги, они бо не исповедуют тебе богородицы. Аз на твою помощь надеюся и подвизаюся противу безбожных агарян, да будет умолен сын твой, бог наш». Та же иде ко гробу блаженнаго Петра чюдотворца* новаго и припаде ко гробу святаго любезно и рече: «Преподобный отче, чюдотворный святителю, по смерти бо жив еси и чюдотвориши безпрестани. Ныне бо ти приспе время молитися за ны ко общему всех владыце. Днесь бо злыя вещи належат на ны, погании идут и крепко ополчишася, на град твой Москву напрасно вооружаются. Тебе бо господь прояви последнему роду нашему, вжег ты светло яко свещу на свещнице¹⁴ висоце, и тебе подобает молитися о нас, да не придет на ны рука грешнича, ты бо еси правый наш страж и водитель, яко твоя есмь паствина». Скончав молитву и поклонися митрополиту. Он же благослови его и отпусти, даде ему Христово знамение на челе и посла освященныя соборы и клирос во градныя врата: во Фроловския и в Константиноеленьския враты, в Николския врата* со честными кресты и чюдотворными иконами, да всяк¹⁵ же воин да будет благословен.

Великий же князь Димитрий Ивановичь иде з братом своим во церковь небеснаго воеводы архистратига Михаила* и много молився святому его образу, и приступив ко гробом православных князей, прародителей своих, и рекущи: «Воистинну есте хранителие и православнии поборницы, аще имеете дерзновение ко господу, молитесь о нашем унынии, яко велико востание прилучися нам, чадом вашим. Ныне убо подвизайтесь с нами!». Сия рек, изыде из церькви.

Великая же княгиня Евдокия* и княгиня князя Владимера и иных православных князей княгини с воеводскими женами ту стояще провождающе¹⁶ в слезах захлипаяся, ни едина можаше словесе рещи. Кня-

гиня же великая Евдокия отдает конечное целование государю своему великому князю Димитрию Ивановичу, а в слезах слова не можаше промолвити. Великий же князь мало удержався от слез, не прослези бо ся народа ради, а сердцем кровно плача, утешаше свою княгиню и рече: «Жено, аще бог по нас, то кто может на нас мыслити!».* И прочия княгини и боярыни и воеводския жены своим князем и бояром отдаша конечное целование и возвратишася с честью в дома своя.

Великий же князь Димитрий Ивановичъ вступи в златокованное свое стремя и сяде на своего любимаго коня. Все же князи и воеводы на свои кони вседоша. Яко со восхода¹⁷ светит в путь ему, и ветрець тих и тепл по них веет. Уже бо тогда, яко соколы от златых колодець* рвахуся, выехали князи¹⁸ белоезерския из каменнаго града Москвы* своим полком. Урядно бо бяше полцы их видети, яко достоит им избивати стада лебедина: бе бо храбро воинство их.

Великий же князь Димитрий Ивановичъ рече брату своему князю Владимиру Андреевичу и иным князем и воеводам: «Братия моя милая, не пощадим живота своего за веру христианскую и за святыя церкви и за землю Рускую!». И вси единогласно рекоша умерети. Рече же князь Владимир Андреевичъ: «Господине княже Димитрий Ивановичъ! Воеводы у нас велми крепцы, а руския удалцы сведомы, имеют под собою борзые кони, а доспехи велми тверды, злаченые колантыри и булатныя банданы, и коньчаны фрасския, и курды ляцкия, и сулицы немецкия, а щиты червленые, и копя злаченые, сабли булатныя, а дорога им велми сведома, а береги им по Оце изготовлены. Хотят главы свои сложити за веру христианскую и за обиду великаго князя Димитрия Ивановича».

Великий же князь Димитрий Ивановичъ отпусти брата своего князя Владимира Андреевича на Брашево дорогою, а белоезерския князи отпусти Болванскою дорогою, рекше Деревенскою, а сам поиде на Котел.* Спереди ему солнце сияет и добре греет, и по нем кроткий ветрець веет. Не пошли бо того ради дорогою единою, яко не вместитися им.

Великая же княгиня Евдокия и с своею снохою и со иными воеводскими женами взыде на златоверхий свой терем в набережной и сяде под южными окны и рече убо: «Конечное зрение зрю на тя, великаго князя», — а в слезах не можаше словесе изрещи. Слезы бо от очию ея лияхуся, аки быстрина речная. И воздохнув печално, приложивши^{18a} руце свои к персем, и рече: «Господи боже великий, призри на мя смиренную, сподоби мя еще государя моего видети, славнаго в человецех, великаго князя Димитрия Ивановича. Дажь же ему, господи, помощь на противныя от крепкия руки твоя, да победит противныя своя. Не сотвори, господи, якоже за мало лет прежде бывшей брани на Калке* реце христианом с татарами от злаго Батыя. От Каланскаго побоища до Мамаевы рати 160 лет.* От таковыя же беды ныне спаси, господи, и помилуй. Не даждь же, господи, погибнути оставшему христианству. Да славится в них имя твое святое. От тоя бо брани Руская земля уныла. Ни на кого же бо надежды не имам, токмо на тебе, Всевидящее Око. Аз же имею два отрасли, князя Василиа да князя Георгия,* но еще и те малы

суть. Егда повеет их ветер с юга или з запада, не могут терпети, и ни на что же опираяся, или зной поразит их, такоже им погибнути. И противу сего что сотворят? Но возврати им, господи, отца их по здорову,¹⁹ и они имут царствовати во веки».

Великий же князь Димитрий Ивановичь поим с собою от сурожан,* рекше от гостей,²⁰ яко десять мужей, поведания ради далних земель, аще что случит господь бог, те же имеют поведати, яко гостебницы суще: перваго гостя²¹ Василия Капицу,* другаго Сидора Алфериева,* третияго Константина Болкова,* четвертаго Козму Коверю,* пятаго Семена Коротоноса,* шестаго Михаила Коротоноса,* седмаго Тимофея Весакова,* осмаго Дмитрея Чернаго,* девятаго Ивана Шаха,* десятаго Дементья Сараева.*

Тогда же возвеша силнии ветры по бервице широце, воздвигошася велициы князи, а по них руския сынове спешно грядут, яко медвяныя²² чары пити и стебли винныя ясти, хотят купити чести и славна имене во веки в Руской земли, и великому князю Димитрию Ивановичу велику похвалу и многим градом. Дивно²³ и грозно бо в то время слышати гром, во органы бьюще, тихо с похвалою, в трубы трубят многогласно, и часто кони ржут. Звенит слава по всей земли Руской.

Велико вече бьют в Великом Нове граде. Стоят мужи новгородцы у святыя Софии* премудрости божия, а рекучи между собою таково слово: «Нам, братие, не поспети на помощь к великому князю Димитрию Ивановичу». Уже бо яко орли слетелися по всей Руской земли, съехалися руския удалцы, храбрых своих плеч²⁴ пытати.

Велик бысть стук и гром — по зоре стучат, гремят руския удалцы. Князь Владимир Андреевичь возился на красном перевозе в Боровске.*

Великий же князь Димитрий Ивановичь прииде на Коломну на память святаго отца Моисея Мурина в среду августа в 28 день. Туту же приспели быша многия воеводы ратницы, стретоша его на речке на Сиверке.²⁵* Епископ же Евфимий* стрете его во вратах градных с честными кресты и чюдотворными иконами и со всеми крылосы, оградив его крестом, молитву сотвори «Спаси, господи, люди своя»* и всю петъ до конца.

Во утрий же день повеле великий князь изыти всем людем и воеводам на поле Девиче* и выехав всем людем и воеводам сниматися в четверток августа в 29 день на память Усекновения главы Иоанна Крестителя. И начаша мнози гласи труб ратных сниматися. И органы гремят, стези грозно ревут наволочени²⁶ в саду Панфилове.

Сынове же руския наступают поля коломенския, якоже бо не мощно никому прозрети их. Великий князь выехав з братом своим и видево множество много людей возрадовася радостию, обвеселися сердцем и уряди коемуждо полку воеводу. А себе примим князи белоезерския, храбри бо суть в ратное дело. А брату своему князю Владимиру даде ярославския князи. С правую же руку у себе урядив брата своего князя Владимира Андреевича, а с левую руку себе урядив князя Глеба Каргополскаго.* Передовой же полк Дмитрей Всеволожь да Володимер, брат его;* коло-

менского же полку Микула Васильевичь,* володимерьскаго же полку воевода князь Роман Прозовьский,* юрьевсково же полку воевода Тимофей Васильевичь,* костромской же воевода Иван Родионовичь Квашня,* переславской же воевода Андрей Серкизовичь.* И князь Владимера воеводы: Данило Белоус* да Константин Коновичь,* князь Федор Елецкой,* мещерской воевода князь Юрья* и князь Андрей Муромския,* со всеми полцы тии приидоша.

Великий же князь Димитрий Ивановичь, урядив полки, повеле им за Оку реку возитися и заповедав всякому²⁷ человеку рече: «Кто же ни поидет по земли Рязанской и по улусам их, да никто же не прикоснется²⁸ ни ко единому власу земли их». Сам же великий князь взяв благословение от епископа коломенскаго, перевезеся Оку реку. И ту посла сторожу избранных витязей. И на походе рече к ним великий князь: «Видитесь своима очима с татарскими полки». А посла: Семена Милека* да Игнатия Креня, Фому Тинина, Петра Горскаго, Карпа Олексина, Петрушу Чюрикова* и иных многих.

Рече же великий князь брату своему князю Владимеру: «Поспешим, брате, противу безбожных сих агарян, не утолим лица своего от них. Аще лучится нам смерть тамо, дома живучи одинако умрети от смерти бо, брате, не избыти». Всяк²⁹ же идый путем, призывая бога на помощь и сродники своя руския князи Бориса и Глеба.*

Бысть же весть слышав то Олг Рязанский, что великий князь Димитрий Ивановичь собрав многи рати, и идет во стретение безбожному царю Мамаю, а сердцем неупадной твердостью крепко хочет с погаными видетися, имея упование на бога вседержителя. Князь же Олг Рязанский нача с места на место переходити и глагола бояром своим: «Началному делу не добра быти разумну. Аще бы мощно послати ко многоразумному Волгорду таковаго вестника, како мыслити нам, уже бо пути наши переимают и заступают. Аз бо чаях по правилу, яко не подобает великому князю рускому противу безбожнаго царя итти. И ныне убо что вздумал? И откуда себе помощи чае, яко противу трех нас вооружился?».

И рекоша ему бояре его: «Мы слышахом, княже, поведаша нам за осмь дней до сего дне. И мы не смели тебе поведати. Сказывают, есть в вотчине его калугер именем Сергей, но свят и прозорлив велми. Но той его благословил и вооружил противу нас, да и еще от своих калугеров дал пособники». Слышав же то князь Олг Рязанский устрашися сердцем и распадеся³⁰ мыслию, нача боятися бога и сердовати³¹ на боярей своих, и рече: «Да почто ми прежде сего дни не сказали?³² Дабы шед умолил нечестиваго царя, ничто же бы зла сотворил Руской земли. Но изгубил³³ ум свой паче, не аз един оскудех умом. Боле мене Волгорд многоразумив, и тот продумался. Мене же боле его възычет бог. Он бо имеет закон Гугниваго Петра.* Аз же разумех православныя веры законы, почто зло сотворих? Того бо ради о мне речено бысть: „Аще раб не сотворит или не соблюдет заповеди господина своего, то много биен будет“.* Ныне убо что ми здумаете? Приложил бы ся к великому князю, поборал бы по нем, той отнюд не примет мя: ведает бо измену мою. Аще ли же приложуся

царю, поистинне то гонитель буду древний на православную веру Христову. Якоже иногда Святополка, жива земля пожрет мя.* Не токмо княжения зле лишен буду, но и муце вечней повинен буду. Аще ли господь по них, то кто может на них зла думати? Но и еще молитва многопрозорливаго мниха к богу. Или ни единыя помощи не сотворю, то вопреки како могут обоих прожити. Ныне же, кому господь поможет, к тому присягу имею». ³⁴

Волгорд же по реченному слову уроки совокупи много и варяги и жимоти* пойти на помощь к Мамаю царю. Прииде же во Одоев* Волгорд, и слышав, яко Олг убояся тамо итти. Олгорд же пребысть в Одоев не подвижеса, нача размышляти суетныя своя помыслы и, видев совокупление свое разно, и начат рватися и сердовати, ³⁵ и имати паны своя: «Елико не доста человеку своего ума и мудрости, ³⁶ то всуе требовати чужаго ума и мудрости. ³⁷ Николи же бе Литва ³⁸ была хулима ³⁹ от Резани. Ныне же изведе мя от ума Олг Рязаньский, а сам прежде погибе мене. Ныне убо пребуду zde, дондеже услышу победу князя Димитриа Московскаго».

В то же время слышав князь Андрей Половецкой Волгордовичь,* что велика притуга великому князю московскому и всему православному христианству от безбожнаго царя Мамаю. И рече к себе князь Андрей Волгордовичь: «Отидем мы от отца своего, одинако бо есть отцем своим ненавидими, но паче богом небесным любими, прияли бо есмы святое крещение от мачехи* своя княгини Анны». Беста бо яко некия класы доброплодны ели тернием подавляеми, не бе бо им плоды достойны сотворити. И посла князь Андрей грамоту малу брату своему князю Димитрию. В ней же писано бысть сиче: «Веселися, брат мой милый, и отколе отец наш от себе, но паче отец наш небесный присвои нас к себе. И дасть нам господь закон свой ходити по нем, ⁴⁰ и отрешит нас пустошныя суеты. Но что воздадим ему противу таковаго дарования? Скончаем, брате, подвиг добродвижнику Христу и началнику христианом, но поидем, брате, на помощь к великому князю московскому. Велика туга ему належит от поганых татар, но и еще отец наш поборает по них, и Олг Рязанский приводит их на Русь. Нам же подобает пророчество совершити: братие побосни бывайте в бедах.* Мы же, братие, мыслим то, что нам отцу ⁴¹ противитися. Евангелист Лука рече усты Спасителя: „Предани будут дети родителми на смерть и братиею своею, и умертвят их имене моего ради. Претерпевый же до конца, той спасен будет“.* Но излезем, братие, от плавающего ⁴²терния сего и подавляющего ⁴³ нас, и присадимся истинному винограду плодовитому и христианскоделателному рукою Христовою. Ныне убо подвизаемся, брате, не земнаго ради жития, но почести ради небесныя. Желание же дасть господь со праведными творящим волю его».

Прочет же князь Димитрий грамоту и нача плакатися от радости сердца своего и рече: «Господи владыко живота моего,* даждь же, господи, рабом твоим хотения совершити сим почесть добраго подвига, еже открыл еси брату моему старейшему». Отписа брату своему князю Андрею сиче: «Днесь, господине, готовы есмы по твоему наказанию, и колико

есть множество воинства моего готови со мною вкупе. Божиим промыслом совокуплени быша, и иныя⁴⁴ люди брани ради належащия от дунайских варяг. Ныне, брате, се слышах, яко приидоша ко мне медокормцы с Севера* и сказуют, великий убо князь Димитрий Московский на Дону, яко ту уже днесь прибыл. Ту убо хошет ждати сыроядцев злых и подобает ти итти к Северу, предлежит бо нам путь на Север, и с тобою совокупимся ту. Под коим путем утаимся отца своего, да некако увести и возбранит нам, ибо трудно есть».

По малых же днех снидошася желателно два брата вкупе со всеми силами своими, и Северу свою, яже есть в полше видевшие,* и возрадовашася, якоже иногда Иосиф с Вениамином.* Видевше же у себе множество много людей и единосердечно уряжение, яко нарочити суть ратнии. Приспевше же вборзе на Дон и наехаша великаго князя о сию страну Дону, на месте реченном Березе* стояща, и ту совокупишася мнози князи велиция.

Великий же князь Димитрий Ивановичь з братом своим князем Владимиром Андреевичем возрадовалися велми великой божией силе, яко неудобь мощно быти таковому востанию, яко дети оставиша отца и поругашася ему, якоже иногда волсви Ироду* и приидоша сии на помощь нашу. Великий же князь многими дарми почтив их, якоже в путь идяху радуящеся и веселящеся о святем душе, земнаго же убо ничтоже помышляюще, но всего отвергшеся, чающе себе много времени, и хотяще головы своя сложити за веру христианскую. Рече бо им великий князь Димитрий Ивановичь: «Братия моя милая, которыя ради потребы приидосте ко мне? Но господь бог посла вас в путь сей. Воистинну бо есте ревнители отца нашего Авраама и Исаака и Иакова,* тайны Лотовы вскоре испытав,* и подобни доблественному великому князю Ярославу, яко отмсти обиду брату своему* вскоре».

Та же великий князь Димитрий Ивановичь посылает вестника к Москве к преосвященному митрополиту Киприану и рече яко: «Волгордовичи приидоша ко мне на помощь со многими силами, отца своего оставиша поругана». Скоро же вестник приехав ко преосвященному митрополиту Киприану. Митрополит же став пред образом и прослезився велми, слышав таковое слово и чудо, и нача молитву творити: «Господи владыко человеколюбче, яко противнии наши ветры на тихость прелагаеши!». И посла своя вся зборы церковныя во обители святыя и повеле молитву творити день и ночь ко вседержителю богу. Но прежде всех посла во обитель игумена Сергия, ангелы послушают молитву их. Великая же княгиня Евдокия слышавши то великое божие милосердие и многи молитвы к богу возсылаше, много милостыни творяше убогим. Сама же непрестанно хождаше по святым Божиим церквам день и ночь.

Но се оставим, не о сем бо предлежит слово.

Великий же князь быв на месте реченном Березе,⁴⁵ приспе же день четверток, сентября в 5 день, на память святаго пророка Захариа и на память убиения князя Бориса Владимировича,* сродника, иже приехаша два от сторожей, Петр Горский да Карп Олексин, и приведоша язык на-

рочит, яко от велмож тех царевых. Язык же той поведа великому князю яко: «Уже царь на Козмине гати,* неспешно бо идет, ожидает Олгорда Литовскаго и Олга Рязанскаго. Твоего же собрания царь не ведает, и стретения твоего не знает и не чает, по предписанным книгам Волгордовым, ждет его, а в три дни имать быти на Дону». Великий же князь вопросы о силе, он же рече, яко не мощно изчести силы его. Великий же князь Димитрий Иванович^{45а} нача думати з братом своим и с новонареченною братиею с литовскими князи и рече: «Зде ли нам пребыти, или Дон перевеземся?». И рекоша ему⁴⁶ Волгордовичи: «Аще хочещи крепкаго бою, то вели сего дни реку возитися — да не будет ни единого мыслящаго назадь. Всяк имать битися безо лсти. А велицей силе его несть веровати и устрашати, яко не в силе бог, но в правде: Ярослав перевезеся реку, Святополка победи, прадед твой Александр тако же перевезеся реку, короля победи,* и ты нарек бога, тако же твори. Аще пособит⁴⁷ нам бог — побием поганых, то вси живи будем, аще ли они нас побьют, то болшую смерть приемем от простых⁴⁸ людей и до князя. Тебе же, государю, великому князю подобает смертная оставити и не глаголати. Зде же убо иныя глаголы глаголати, да укрепляется воинство твое. Мы убо видим, яко множество избранных витязей в войску твоём есть».

Великий же князь повеле воем своим реку возитися. Сторожи же мнози ускоряют и глаголют, ибо ближут татарове. Мнози же сынове руския возрадовашася, зряще своего желаннаго подвига, его же на Руси возжелеша.

И за мнози же дни приидоша на место мнози волцы, по вся ноци выюще непрестанно. Гроза же велика слышати, храбрым же полком сердца утверждают. Мнози же собрашася необычно врани, неумолкающе кракают,⁴⁹ галицы же своею речию говорят, и многи орли от усть Дону приспеша⁵⁰ и грозно крикъчют, лисицы на кости брешут, ждучи дне грознаго и богом изволеннаго, в онь же день имать пастися множество трупа человеческого и крови пролитися, аки морским водам. От таковаго страха и от великия грозы древа прекланяются, и трава постилается.

И мнози от обоих стран унывають, видяще пред очима смерть. Погании же начаша студом омрачатися о погибели живота своего, уже бо нечестивых погипе⁵¹ память их с шумом.* Правовернии же человецы паче процветоша, чающе себе совершеннаго онаго обетования, прекрасный венец от Христа вседержителя, о них же проповедаше преподобный старец.

Вестницы же ускоряют и глаголют, яко ближут погании. Уже напрасно прибегоша седьмь сторожей. В шестый час дни в субботу прибеже Семен Мелик з дружиною своею, и за ним гнашася мнози от татар. И толь напрасно и безстудно гнашася даже до полков великаго князя. Видевше же полки руския и возвратишася ко царю, скоро поведающе ему: князи руския ополчишася при Дону, множество много людей, сколко же видеша, но царю в четверо боле того поведаша. Он же нечестивый разумев и разжен бысть диаволом, крикнув напрасно на свою погибель, испусти глас свой окаянный и рече: «Коль велика сила моя, аще сего не

одолею,⁵² то како могу возвратитися во своя си?». И повеле напрасно вооружатися.

Семен же Мелик поведа великому князю яко: «Уже царь бредет на Гусине броду,* уже одна ночь между их полки и нашими, утре бо царь рано будет на Нерпядву реку.* Тебе же великому князю подобает сего дни вооружатися, да утре рано ускоряют на нас татарове». Великий же князь Димитрий Ивановичь з братом своим со князем Владимиром Андреевичем и с новонареченною братиею с литовскими князи Волгордовичи от шестаго часа нача полцы уряживати. Есть же воевода некто, прииде с литовскими людьми и князьми именем Димитрей Боброков,* родом Волынския земли. И той бе нарочит воевода полководец, и велми по достоянию, и урядив полки, елико где кому достоит по достоянию стояти.

Великий же князь поим брата своего князя Владимира и литовския князи и воеводы и вся местныя князи и выеха на высоко место, и зряше на полки своя, и виде образ Спасов, иже бе воображен в христианских знамениих, аки некия светилницы солнечныя светящися, и стязи ревут наволочены, простирающися аки облацы, тихо трепещуще, хотят промолвити. У русских богатырей хоругови, аки живы папшутся, а доспехи руския, аки воды во вся ветры, воеводы колыблются, и шеломы на главах их златом украшены, аки утренняя заря во время ведрено солнцу светящуся. Еловцы* шеломов их, аки пламень огненный пашется.

Мысленно бо бе видети и ужасно зрети таковых руския князей и их удалых детей боярских и собрания их и учреждения их. Тако бо вси равно и единомудно друг за друга хочет умерети, и вси единоголасно глаголаху: «Всесвятый господи, призри на ны и даруй православному нашему великому князю победу на поганых, якоже Константину* покори Максентиа врага и якоже Давиду покори Голиада».* Се же удивишася литовския князи и глаголюще себе: «Несть бо достойну при нас, ни прежде нас, ни по нас таковому воинству не быти. Много бо воинства есть, якоже Гедеоновых союзниц,* но и боле того господь бо силою своею вооружи их».

Великий же князь Димитрий Ивановичь виде полки своя достойно вооружены, обвеселися сердцем, и спед с коня, паде на колену прямо великому полку и черному знамению,* на нем же бе воображен образ владыки нашего Исуса Христа, нача из глубины сердца звати: «О владыко вседержителю, виждь смотреливным оком на люди твоя, иже твоею рукою сотворени суть и твоею кровию искроплени, иже алистора из работы извед.* Внуши, господи, глас молитвы моея и обрати лице свое с яростию на нечестивых, иже творят рабом твоим злая. Молюся образу твоему святому и пречистой твоей матери и твердому и неборимому молитвеннику о нас к тебе рускому святителю Петру митрополиту. На его молитву надеяся, молю и призываю имя твое святое». Скончав же молитву, паки сяде на конь и нача по полком ездити и коемужду полку рече своими усты: «Братия моя, руския удалцы, от мала и до велика, уже бо ночь приспе и день приближися грозный. В сю же ночь молитесь, мужайтесь и крепитесь. Силен бо во брани господь. Зде пребудите кождо на местех своих не мятущися. Утре бо не поспети тако урядитися, уже бо гости

наши ближут к нам. Имам общую чашу пити на реце на Непрядве. Имати бо быти поведенная, тоя бо чаши, друзи мои еще на Русе возжелеша. Но уповай на бога жива, мир да будет вам, братия моя. Утре ускоряют на нас татарове, а мы вси готови будем противу их».

Брата же своего князя Владимирера великий князь отпусти вверху по Дону в дубраву, яко удалитися полку, и даде витязи достойны двора своего. И еще отпусти ему известнаго того воеводу Дмитрея Боброкова Волынского.

Уже бо ночь приспе противу светоноснаго дни Рождества пресвятыя богородицы. Осени же⁵³ всегда одождевающейся, бысть же тишина и теплота в ноци той, яко в летния дни, и мрацы роснии явишася. Поистинне бо рече: «Ночь не светла неверным, а верным же просвещение».* Рече же Дмитрей Волынец великому князю⁵⁴ примету воинскую.⁵⁵ Уже бо заря вечерняя потухла. Дмитрей же сяде на конь свой и поим с собою единого великаго князя, выеха на поле Куликово и, став посреди обоих полков, обратися на полк татарский. Слышав же стук велик и клик, аки торзи снимаются и аки города ставят, и аки трубы гласяще. Назади же полков татарских бысть волцы воют велми грозно. По правой же стороне вороны и галицы безпрестани кричаще, и бысть трепет велик птицам, прелетающим с места на место, аки горам играющим. Противу же им на реце Непрядве гуси и лебеди и утицы крилами плещуще необычно, велику грозу подают. Рече же Волынец великому князю: «Что слышал еси, господине?». И рече великий князь: «⁵⁶Слышах, брате,⁵⁷ гроза велика есть». И рече Волынец: «Обратися же, княже, на полки руския». Яко обратися, и бысть тишина велика. И рече Волынец великому князю: «Что ты, господине, слышал?». Он же рече: «Ничто же, брате, слышати, токмо видех от множества⁵⁸ огней яко заря восходяще».⁵⁹ И рече Волынец: «Господине княже, добры суть приметы и знамения. Призывай бога небеснаго и не оскудевай верою». И паки рече: «Еще ми есть примета». И спед с коня, паде на землю, на правое ухо, прилежа на мног час. И востав, абие пониче. И рече великий князь: «Что твоя есть, брате, примета?». Он же не хоте сказати ему. Великий же князь нуди его добре. Он же рече ему: «Едина ти есть на ползу, а другая скорбна есть. Слышах землю плачущую надвое: едина страна, аки некая жена плачущи чад своих татарским гласом, другая же страна, аки некая девица просопе, яко свирель, единоплачевным гласом. Уже множество тех примет я испытал, сего ради надеюся на бога вседержителя и на святых мученик Бориса и Глеба. Аз чаю победы на поганых, но христиан много же падет». Слышав же то, великий князь прослезися и рече: «Да будет воля господня». И рече Волынец великому князю: «Не подобает ти, государю, того никому в полцех поведати, но повели бога молити и святых его на помощь призывати. Вседая же на конь свой, всякому вели крестом вооружатися: то бо есть оружие на противныя».

В ту же ночь некто муж етер, разбойник именем Фома Хаберцыев* поставлен бысть сторожем от великаго князя на реце, муж роден, а поставлен был на крепкую сторожу от поганых. Сего человека, уверяя

бог на чудо архистратига Михаила,* откры ему видение в нощи. Той виде на высоте облак⁶⁰ изрядно идяше от востока. Из него же изыдоша два юношы* светлы зело, имуще во обоих руках мечи остры, и рекоша полковником поганым: «Кто вам повеле требити отечество наше, нам бо господь дарова?». И начаша их сещи, и ни един от них не избысть. И оттоле бысть уверен человек той и нача быти целомудр и христоролюбив. На утрие же поведа единому великому князю. Он же рече ему: «Никому же сего поведай». Сам же воздев руце на небо, нача плакаться и глаголати: «Господи владыко человеколюбче, молитвами святых мученик Бориса и Глеба помози ми, якоже Моисею на Аммалика* и яко Давиду на Голиада, и прадеду моему князю Александру на хвалящагося короля Свейскаго* разорити отечество его. Ныне же воздаждь ми, господи, не по грехом моим, но излей на ны милость свою и просвети нас благоутробием твоим. Не даждь же нас в посмех врагом нашим, да не порадуются врази наши о нас, да не рекут во странах иноверных: „Где есть бог их, на него же уповаша“.* Но помози, господи, христаном, призывающим имя твое святое!».

Приспевшу же великому празднику, началному дни спасения рода христианскаго, Рождеству пресвятыя богородицы, то есть сентября 8 дня, светающу дню⁶¹ Христову воскресению⁶² и восходящу солнцу, бысть же того утра мгла. Начаша стези христианския простиратися, и трубы многи гласят. Уже бо русских князей и воевод и у всех удалых людей окротиша кони от глас трубных, койждо под своим знамением идяше. Полцы же, которому как повелено поучением Дмитрея Волынца уставливахуся. Часу же первому дни наставшу и начаша гласи трубныя от обоих стран сниматися. Татарския трубы аки онемеша, руския же паки утвердишася. Полцы же еще не видятя, занеже мгляно бысть.⁶³ Но всюду земля гремит,⁶⁴ а ту грозу подает на восток до моря, на запад же паки до Дуная. Поле же то Куликово пригибающихся,⁶⁵ вострепета лузи и болота, реки и езера из мест своих выступиша, яко николи же убо толиким полком быти на месте том.

Великому же князю преседающу на борзья кони и ездящу по полъком своим, глаголаше со слезами: «Отцы и братия, господа ради, подвижайтеся веры ради христианския. Сия бо есть смерть не есть смерть, но вечный⁶⁶ живот. Ни желайте, братие, ничтоже земнаго, ни помышляйте о богатстве, и не уклонимся, братие, на усвоение, да венцы победными увяземся от Христа бога спаса нашего Исуса Христа», утвердив же полки руския. По исправлении же сего, великий князь прииде под свое черное знамя, и сниде с коня и вседе на ин конь, и совлече с себе приволоку царскую, и во оную облечеся. Тот же свой конь даде под Михаила Андреевича под Бренка⁶⁷* и ту приволоку на него же облече, иже бе любим ему паче меры, и то знамя повеле рыдалю своему возити перед ним. Под тем же знамением и убиен бысть за великаго князя.

Великий же князь Димитрий Ивановичь ста на месте своем, воздев руце свои на небо и вложи в недра своя, в них же бе живоносный крест, на нем же воображены страсти Христовы,* восплакася горко и рече: «На

тебе уже конечно надеюся, живоносное древо* и честный кресте, иже сим образом явися православному греческому царю Константину* и дал еси на брань сию победу с нечестивыми битися. Неоскудным своим образом победи их, не могут бо обрезаннии человецы противу образу твоему стояти. И ныне удиви, господи, милость свою на рабех своих», — се же ему глаголющу.

В то же время приидоша посланнии от преподобнаго игумена Сергия с писанием. В нем же писано сице: «Великому князю Димитрию и всем руским князем мир и благословение и всему православному христианству». Великий же князь слышав, яко от преподобнаго старца писание бе принесено, он же писание прият, а посланника того целова любезно, и тем писанием, аки некими бронями твердыми укрепися. Посланный же еще даде ему дар от игумена Сергия — хлебец святой пречистыя богоматере.* Великий же князь снеде той хлебец святой, простер руке свои на небо и возопи велегласно: «О великое имя святыя троицы! Пресвятая госпоже богородице, помогай нам молитвами твоими и преподобнаго игумена Сергия!».

Великий же князь вседе на коня своего и прият его в руке свои крепко, и взял палицу свою железную, и подвигнувся из полку вон, восхоте прежде сам начати от горести души своея и за свою великую обиду. И мнози князи руския и воеводы одержаша его и возбраниша ему, глаголюще: «Не подобает тебе, государю, великому князю и в полку нашем быти, но подобает тебе своим полком стояти и нас рассмотреть, то пред кем нам явится биющися. Егда упасет бог тебе, государя великаго князя милостию своею, а нам, что случит бог: кому смерть и кому живот; и ты, почему⁶⁸ имаши разумети, как кого чтити и кого как жаловати. И мы готовы есмы в сий же день главы своя сложити за тебя, государя великаго князя. Тебе же, государю, подобает память творити, кто за тебе, государя, головы своя сложит, и в книги соборныя записать тех памяти ради, руских сынов, иже по нас будут, яко Олентий* царь Феодору Тирону* память творил. Аще ли же тебе единаго згубят, то от кого памяти чаяти будем? Аще и вси живи будем, а тебе единаго изгубим, то кий успех будет нам? И будем, яко стада овчая, не имуще пастыря, учнем волочитися ни на что же взирая, пришедше волки распудят нас, и кто имать нас собрати? Тебе, государю, подобает спасти себе и нас». Великий же князь прослезився и рече им: «Братия моя милая, добры ваши речи, не могу вам противу отвецати, известно бо глаголете, токмо⁶⁹ словесех ваши⁷⁰ похваляю вас. Но весте и разумеете, братия моя вси, мучение страсто-терпца Христова Арефы,* егда мучен Иустинианом Омиритом царем.* По многих же днех повеле его царь вывести на позорище и усещи. Доблии же воины крепкаго воеводы един пред единым спешит на смерть, и клонят главы своя под мечи, видевшя живота своего конец. И той крепкий воевода Арефа возбрани своему воинству и рече: „Да ведомо есть вам возвратитесь, братие моя, яко аз у земнаго царя более вас был, и дары аз прежде вас взимах. И ныне прежде вас подобает увидети мне царя небеснаго и венец от него прияти, прежде подобает моей главе усеченней

быти“. Приступль же воин главу ему усекнув, последи же пятьсот воин такожде усечени быша. Тако же и ныне, братие, кто боле мене в вас русских князех есть? Но аз вам был глава и блага от бога приях! А злых ли не могу терпети! Мене бо ради единого вся сия брань воздвижесе на Русь. И како могу видети вас побиваемых, а сам стоя и смотря? Прочее к тому не терплю, да общую чашу с вами имам пити и смертью общею с вами хочу умерети. Аще умру — с вами вместе. Ныне же, аще останемся вси, то к тому же ко своим потягнем передовым полком уступившим нам».

А передовыя полки ведет Дмитрий Всеволож, с правую же руку ему идет Микула Васильевич с коломенцы и со иными многими. Погани же бредут⁷¹ оба полки, негде бо им разступитися, мало есть места им. Безбожный же царь Мамай выехав на высоко место с темными своими князи, зря кровопролития человеческого.

Уже бо полцы близ себе сходилися. И выеде из полку татарскаго печенезин, пред всеми мужествуя, похваляся, хоробруя, подобен есть древнему Голиаду. Видев же Пересвет чернец, иже в полку бе Дмитрея Всеволожа, подвигся⁷² из полку вон и рече: «Сей человек ищет себе подобна. Аз же хочу с ним видетися!». Бе же шелом на главе его архангелскаго образа,* схимую вооружен, по повелению игумена Сергия, и рече: «Отцы и братия, простите мя грешнаго! Брате Ослебя, моли бога за мя и напусти мя на печенега сего. Преподобне отче Сергие, помогай ми молитвою своею». И устремися противу его. Христиане же вси крикнуша: «Боже, помози рабу своему!». Они же ударишася крепко копии, едва мало удержашася, что не проломися земля под ними. Кони же на корчи падоша. Они же оба⁷³ низпадоша на землю, ту и скончашася.

Наставшу уже второму часу дни, видев же великий князь, той рече ко полковником своим: «Видите, братие, гости наши к нам ближут, ту нам будет поведенная, от нея же убо испиша, веселы быша. Уже время подобно, и час прииде». И удариша кождо⁷⁴ по коню своему и крикнуша вси единогласно: «С нами бог!». И паки рекоша: «Боже христианский, помози нам!». Татарове же своими языки крикнуша.

И крепко сступишася, треснуша⁷⁵ копии харалужныя, звенят доспехи злаченыя, стучат щиты червленныя, гремят мечи булатныя, блистаются и сабли булатныя. И много напрасно биющесе не токмо оружием, но и сами о себе избивахуся и под конскими ногами умираху, от великия тесноты задыхахуся, яко не мощно им бе вместитися на поле Куликове между Доном и Мечею, тесно бо им бяше на том поле; ибо силнии полцы сступишася, из них же вытекают кровавыя ручьи. И трепетали силнии молнии от блистания мечнаго и саблей булатных, и бысть аки гром от копейнаго сломятия. Ужасно бо есть и страшно видети сего грознаго часа смертнаго, во едином убо часе и в мгновении ока о, колико тысящ человек погибает, создания божия! Воля бо господня совершается. В то же время тутошния реки мутны пошли, вострепеташа лузи и болота, и езера из мест своих выступиша, и протопташася холми высокия, траву же кровию подмывало, лиющимся кровем, аки речным быстринам на все страны. До пятого часа биющесе не ослабеша христиане с татары.

Шестому же часу наставшу, Божиим поущением а грех ради наших, начаша одолевати погании. Мнози же бо от велмож руских побиты суть. Удалцы руския, аки силнии древа сломишася. Не турове возреваше — мнози удалцы урывающесея⁷⁶ на землю под конския копыта, мнози же сынове руския сотрошася. Самаго же великаго князя велми уязвиша. Он же уклонися с коня и съеде с побоища, едва могый, яко уже не мощно бе ему битися. Татарове же мнози стези великия подсекоша, но божиею силою не истребишася до конца, но паче укрепишася.

Се же слышахом от вернаго самовидца, глаголюща, иже бысть от полку князя Владимира Андреевича, исповедаша великому князю видение сичево: «В шестую годину сего дне видех над вами небо отверзсто, изыде багряна заря, ниско держашесея над вами. Той же облак исполнен рук человеческих, а каяждо рука держит венцы, ово же потирцы,* ово же пророческия проповеди, а иныя же, аки некия дарове неведомии. Наставшу шестому часу мнози венцы от облака того опустишася на полки руския».

Егда же шестому часу минувшу, погании всюду задеша и обступиша около христиан татарове. Уже бо мало есть полков христианских, но все полки татарския. Видев же то князь Владимир Андреевичь, не могый победы терпети, и рече Дмитрею Волынцу: «Брате Дмитрие, что убо наше пользует стояние и кому хоцем помощи?». И рече Дмитрий Волынец: «Беда велика, княже, не уже бо еще година пришла. Начинаяй без времени беду себе приемлет. Мало убо потерпим да умучимся до времени подобна, в онь же час имам воздарение воздати противником. Токмо в сий час бога призывайте и ждите осмаго⁷⁷ часа, в онь же имать быти благодать божия и христианская помощь». Князь же Владимир Андреевичь воздев руже свои на небо и рече: «Боже отец наших, сотворивый небо и землю, предстоят бо нам врази наши и крамолу деют нам. Не даждь же, господи, порадоватися врагу нашему о нас. Мало наказуя, многу помилуй, господи, волитель бо еси милости». Сынове же руския в полку его плачущесея, видяще други своя погибаемы, непрестанно порывающесея, аки званнии на брак сладкий вина пити. Видяще бо ин отца побиваема, а ин брата такожде видит побиваема, а ин зрит дети своя побиваемы. Лепо бо есть ныне в то⁷⁸ время стару помолодотися, а молодому храбрости испытати. И не престають плачущесея, рвущесея крепко. Волынец же возбраняше им и рече: «Пождите, буйнии сынове руския. Есть вам с кем утешатися, есть бо вам и еще с кем испивати и веселитися!». Приспевшу же осмому часу, и абие потянув ветр южный ззади их. Возопив же Волынец гласом велиим: «Княже Володимере, час прииде и время приспе!». И паки рече: «Дерзайте, братие и друзи, сила бо святаго духа помогает нам!». И выедоша из дубравы единомысленнии друзи, аки соколы искуснии, ударишася на стада жаравлина. И тамо стези направлены крепким воеводою. Бяху бо яко отроцы Давидовы, им же сердца быша, аки лвов, образ имуще сиче: волки на овчье наехаша⁷⁹ стадо и ударишася напрасно.

Погании же видевши и крикънуша, глаголюще: «Увы нам, Русь убо

умудриша нас: хуждьшия с нами бишася, а лучшия соблюдошася». И обратишася погани и вдаша плещи своя. Сынове же руский силоу святого духа бяху их, помощию святых мученик Бориса и Глеба, аки лес клоняху поганных, аки трава от косы постилахуся. Рускими мечи посекаются татарския полки. Бежаша же татарове и глаголюще своим языком: «Увы тебе, честный царю Мамаю! Высоко вознеслся еси, а до ада шшел еси!». ⁸⁰Мнози же и уязвленнии наших помогаху, ⁸¹секуще бо без милости их, ни единому же могущу убежати, понеже кони их на побоищи истомишася.

Мамай же царь, видево новыя люди, выехавшыя из дубравы, и напрасно своих побиваемых, нача призывати боги своя: Перуна, Салмана, Раклиа, Руса* и великаго своего помощника Махомета.* И не бысть ему помощи ничтоже от них, сила бо святого духа, аки огнем пожигает. Татарския же полки рускими мечи секутся. Царь же Мамай рече ко алпаутом своим: «Побегнем, братие, ничтоже имам добра чаяти, хотя своя головы унесем». И абие побеже с четырьми мужи.

И мнози от христиан гнашася за ним далече, но конми их не одолеша, целы ⁸²бо кони под ними бяху, яко не быша на бою. Гонишася руския удалцы, дондеже всех татар достигнуша, и возвратишася. Обретоша же трупы мертвых татар об ону страну Непрядвы реки, идеже не быша руския полки. Сии побиты суть от святых мученик Бориса и Глеба, о них же поведа Фома Берцыев, егда на стороже стоял. Возвращахуся же и собирахуся с побоища руския сынове, койждо под свое знамя.

Князь же Владимир Андреевич ста на костех под черным знаменем. Не обрете брата своего великаго князя Димитриа Ивановича, токмо едины литовския князи. И повеле князь Владимир трубою собирателною трубити. И трубиша два часа и не обретоша великаго князя. И нача князь Владимир ⁸³плакаться и кричати и по полком ездити сам и не обрете брата своего великаго князя Димитриа, и нача вопрошати: «Кто, братия, видел или слышал про государя своего великаго князя Димитриа Ивановича, в кий час и в кое время он был? Се бо подобно, якоже писано есть: „Поражен пастырь и разыдутся овцы“.* Кому сия честь довлеет и кто победе сей победитель явится?». И рекоша литовския князи: «Мы чаем, яко жив есть и уязвлен велми, егда в трупе мертвом будет». А иныя рекоша яко: «Видехом его в пятый час биющася крепко». А ин рече: «Аз видех его еще поздее того биющася, но четыре татарина належаю ему». Некто же юрьевской юноша, князь Степан Новоселской,* ту стоя рече: «Аз видех его пред твоим приездом пеша по побоищу ходяща и уязвлена велми, и еще ему стужают четыре татарина. Аз же бихся с татаринум и божиею помощию побих его борзо ⁸⁴и погнахся за теми, иже стужают велми великому князю, но не мощно бе гнатися: не можаше бо конь борзо итти во трупе человеческом. Едва сугоних ⁸⁵татарина и убих, от него же ззади приехав изнависть три их на мя нападоша и многи ми стужаху. По милости божи, едва от них отбихся, третий же побеже. Аз же гнахся и за тем. Узрев же, иныя татарове наехаша на мя и многи ми стужаху и раны многи мне крепко воздаша, ⁸⁶от них же пострадах и

едва от них избых, сорвахся с коня и во трупу⁸⁷ пребых, дондеже при-спел еси ты. Аз чаю, яко жив есть великий князь, но во трупу мертвом». И рече ему князь Владимир: «Истинно есть, брате Стефане, видение твое».

И заповеда князь Владимир Андреевичъ искати великаго князя, глаголя: «Да аще кто обрящет ныне великаго князя, поистинне будет честен той человек». Отроцы же рачители, раскинувшеся⁸⁸ по великому грозному побоищу, искаху победителя. Овии же найдоша Михаила Андреевича Бренка⁸⁹ и чаяху великий князь, а иныя наехаша князя Федора Семеновича белоезерскаго, чающе быти великому же князю, занеже подоболичен бе ему.

Два же етера воина, великия витязи, уклонишася на десную страну в дубраву. Единому имя Сабур,* а другому Григорий Холопишев,* родом же оба костромичи. Мало же въехав с побоища, наехаша великаго князя, бита и сечена велми, отдыхающа под посеченым древом под березою. Видевше же его, с коней слезоша и поклонишася ему с радостию. Сабур же возвратися скоро и поведа князю Владимиру Андреевичу, яко великий князь Димитрий Ивановичъ здравствует. И вси князи и бояре скоро к нему сунушася, съскочиста с коней и поклонишася великому князю, глаголюще: «Нашъ древний Ярослав, новый Александре,* победитель врагов своих явися, сия же победа тебе государю честь поведается». Великий же князь едва с нуждею проглагола и рече: «Поведайте ми победу сию». Рече же брат его князь Владимир Андреевичъ: «По милости божии и по пречистой матери молитве, сугубыми молитвами сродников наших святых мученик Бориса и Глеба и молением рускаго святителя Петра митрополита и его способника, нашего вооружителя игумена Сергия и всех святых молитвами врази наши побеждени суть, мы же спасохомся».

Слышав же то великий князь, став на нозе свои и рече псалом — песнь обновления дому Давидову: «Вечер водворится плачь, заутра же радость»* — и паки рече: «Хвалю тя, господи боже мой, и почитаю имя твое святое, яко не дал еси нас врагом нашим в посмех и не дал еси по хвалы чюжему языку, иже сия на мя умыслиша». И рече псалом седмый: «Суди, господи, по правде моей и по незлобе моей на мя». Во псалме же седмдесятом рече: «Аз же всегда уповаю на тя и приложу на всяку похвалу твою уста моя».

И приведоша великому князю конь кроток. Он же всед на конь той, выехал на побоище, и видево многое множество побито войнства своего, а поганых вчетверо боле того побито, обратися к Волынцу и рече ему: «Брате Дмитрие, воистинну разумлив⁹⁰ еси и не ложны суть приметы твоя. Подобаает ти быти всегда воеводою».

И нача з братом своим и с новонареченною братиею с литовскими князи и со инеми оставшими по побоищу ездити, а сердцем кричати и слезами омываяся. Наехав же на место, на нем же лежат князи белоезерстии, вси вкупе посечени, и толь напрасно билися, друг за друга умираху. Сия же суть имена их: * князь Федор Романовичъ белоезерской да сын

его, князь Иван, князь Федор Торусский да брат его князь Мстислав, князь Дмитрий Александровичь Монастырев, Тимофей Васильевичь околничей, Семен Михайловичь, Василей Порфирьевичь, Михайло Каргаша Ивановичь, Иван Александровичь, Андрей Серкиз, Волуй Окатьевичь, Дмитрий Мичень, Александр Пересвет, Григорей Ослебя. Ту же лежит близ Микула Васильевичь. Над ним же став государь и много даровав любезными дарми, и нача плакаться и глаголати: «Братия моя милая, князи руския, аще имеете дерзновение, господу молитесь о нас, вем бо, яко послушает вас бог, и паки о нас молитесь, да вкупе с вами будем».

И приеха на ино место, и найде наперсника своего Бренька Андреевича, и близ его лежаща Семена Мелика, твердаго сторожа, и близ их Тимофей Волуевичь убиен бысть. Над ними же став князь великий плачась и рече: «Братия моя возлюбленная, моего ради образа убиени есте. И брате Михаиле, кто бо таков раб тако могя государю служити, яко мене ради сам на смерть поехал еси? Токмо от полку Дариева явился именем того, такоже сотворил». И Мелику паки рече: «Крепкий мой страж, твоею бо мы стражею вси соблюдени были».

И на ино место приехаша, видев Пересвета чернѣца лежаща близ нарочитаго богатыря и рече: «Видите, братие, своего начинальника, той победы подобна себе человека, от него же бы было пити многим горкая чаша». И ту виде нарочита человека Григория Капустина.

Став же великий князь на месте своем и повеле трубити собирательною трубою. Храбрии же друзи, доволнии витязи, испыташа оружия своя о сыны измаилтеския,⁹¹ и со всех стран грядущ под трубный глас, и весело ликующе и поюще песнь ово богородичну, и ово мученику и инья же песни христианския.

Собанным же бывшим людям всем, великий же князь Димитрий Иванович став посреде их и плачась от радости сердца своего и глаголаше: «Братие князи руския и воеводы, и бояре местныя, и сынове Руския земли, вам тако подобает служити, а мне по достоянию хвалити вас всегда. Упасет мене господь и буду на своем столе на великом княжении, тогда начну⁹² по достоянию даровати вас. Ныне же сие управим: каждо ближняго своего подобает похоронити,⁹³ да не будут в снѣдь зверем христианская телеса».

Стояв же великий князь за Доном осмь дний, дондеже разобраша христианская телеса с нечестивыми. Христиане же похорониша, колико успеха, нечестивых же телеса повержени быша зверем на снѣдение и на расхищение.

А поганому царю Мамаю окаянному, побегшу во Орду, и собра вои многи и хоте паки итти на Русь. И прииде на него царь именем Тахтамышь* от Синия Орды, силен, и состави с Мамаем сечь велику и грозно побоище, и одоле Тахтамышь Мамайя и победи его и воинство Мамаево разби. Мамай же побеже и добеже до моря, идеже град Кафа* создан бысть. Имя же свое бяше потаил, и познан бысть неким купцем фряским и убиен бысть от него. И тако испроверже зле живот свой, а Тахтамышь седе во Орде на царстве.

Великий же князь Димитрий Ивановичъ князем и воеводам рече: «Братия моя милая, князи руския и воеводы местныя, считайтесь, коликих князей и воевод у нас несть и молодых людей». Сказал Михайло Александровичъ,* московский боярин: «Государь Димитрий Ивановичъ, у нас нет четырехъ тысячъ бояринов болших московских да дванадесать князей белозерских, да тринадесать бояринов посадников новгородских, да четыренадесать бояринов серпоховских, да четыренадесать бояринов переславских, да двадесать пять бояринов костромских, да тридесать пять бояринов володимерских, да четыредесать бояринов муромских, да пятьдесят бояринов суздальских, да тридесать три боярина ростовских, да двадесать два боярина дмитровских, да пятьдесят бояринов углецких. А изгибло, государь, у нас дружины полътретья ста тысячъ. Слава господеву богу, что помиловал бог тебе, государя великаго князя, и всю Руску землю. А осталось, государь, пятдесят тысячъ».

И рече великий князь Димитрий Ивановичъ: «Братие князи руския и воеводы местныя, и бояре силныя, и вси удалыя сыновé руския, рекли есте на Русе такое слово между собою служити, головы своя за веру святорускую положити. Тако случися, братие, суженое место им за тихим Доном и быстрым Днепром, на поле Куликове, на реке Непрядве положили суть головы своя за веру христианскую и за святыя божия церкви и за землю Рускую. Простите мя, братия моя, и благословите в сем веце и в будущем».

И возвратися великий князь Димитрий Ивановичъ с победы и поиде ко граду своему Москве и з братом своим со князем Владимиром Андреевичем и с оставшими вои. Литовским же князем возде честь и дары великия. Они же поидоша по своим городом, по отчинам. Руския же удалцы, восплескаша в татарских узорочьях, поидоша, и идучи во свою землю, взяли коней и волы, и вельблюды, меды и вина, и сахары. Превознесеса слава над поганых землею, ревут рози великаго князя по всем землям, поиде же вестъ по всем градом ко Орначу,* к Риму и Кафе и к Железным вратом* и ко Царюграду* на похвалу великому князю.

И воздадим хвалу Руской земли, яко град Москва — глава всем есть. Володимер и Ростов хвалу воздают боготи, со всеми грады прославляют милость божию.

Егда же иде возвратно великий князь, рязанцы же великому князю Димитрию Ивановичу пакость деюще — мосты на реках переметали. Великий же князь восхоте на князя Олга рать послати.

Слышав же то Олгорд Литовский и Олг Рязанский, яко великий князь Димитрий Ивановичъ победил враги своя, князь Олг Рязанский збежа с Рязани, идеже есть род Остров великий, со княгинею своею и з боляры. Рязанцы же великому князю добили челом. И тамо Олг проживе два лета и потом обослася к великому князю Димитрию Ивановичу. Волгорд же Литовский хотевший Москвою владети, той возвратися со студом во своя си, не токмо Москву уллучи, но и своя вотчины лишися.

Великий же князь Димитрий Ивановичъ з братом своим со князем

Володимером Андреевичем и с оставшими князи и воеводы и с воинством приидоша к Москве, дал бог здравы. И сretoша их архимандриты и игумены, и протопопы, и весь священнический и иноческий чин со кресты и чудотворными иконами. По том же князи и боляре, и весь народ, такоже и великая княгиня Евдокия со своими детми и с прочиими княгинями и з боярынями, вси единогласно славу возсылающе богу, избавльшему их от напраснаго Мамаева нахождения, и великому князю Димитрию Ивановичу и брату его князю Володимеру Андреевичу честь воздающе, яко победителем, такожде и прочим князем и боляром, и всему воинъству честь воздающе по достоянию. Великий же князь Димитрий Ивановичъ прииде к Москве лета 6889-го октября в 10 день и воинство распусти ⁹⁴по домом своим.⁹⁵

Того же лета поставлен бысть Пимин* митрополит и прииде к Москве.

ПЕРЕВОДЫ

ЗАДОНЩИНА

Слово о великом князе Дмитрии Ивановиче и о брате его, князе Владимире Андреевиче,* как победили супостата своего царя Мамаю.**

Князь великий Дмитрий Иванович со своим братом, князем Владимиром Андреевичем, и со своими воеводами был на пиру у Микулы Васильевича,* и сказал он: «Пришла к нам весть, братья, что царь Мамай стоит у быстрого Дона, пришел он на Русь и хочет идти на нас в Залескую землю».

Пойдем, братья, в северную сторону — удел сына Ноева Афета,* от которого берет свое начало православный русский народ. Взойдем на горы Киевские, взглянем на славный Днепр, а потом и на всю землю Русскую. А после того посмотрим на земли восточные — удел сына Ноева Сима,* от которого пошли хинове* — поганые татары, басурманы.* Вот они-то на реке на Каяле* и одолели род Афетов. С той поры земля Русская невесела; от Калкской битвы* до Мамаева побоища тоской и печалью охвачена, плачет, сыновей своих поминая — князей, и бояр, и удалых людей, которые оставили дома свои, жен и детей, и все достояние свое, и, заслужив честь и славу мира этого, головы свои положили за землю за Русскую и за веру христианскую.

Стародавние дела и жалость Русской земли описал я по книжным сказаньям, а далее опишу жалость и похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу.

Братья и друзья, сыновья земли Русской! Соберемся вместе, составим слово к слову, возвеселим Русскую землю, отбросим печаль в восточные страны — в удел Симов, и восхвалим победу над поганим Мамаем, а великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, прославим! И скажем так: лучше ведь нам, братья, возвышенными словами вести этот рассказ про поход великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, потомков святого великого князя Владимира Киевского.* Начнем рассказывать о их деяниях по делам и по былям. Вспомним давние времена, восхвалим вещего Бояна, искусного гуслера* в Киеве. Тот ведь вещий Боян, перебирая быстрыми своими перстами живые струны, пел русским князьям славы: первую славу великому князю киевскому Игорю Рюриковичу,* вторую —

великому князю Владимиру Святославичу Киевскому, третью — великому князю Ярославу Владимировичу.*

Я же помяну рязанца Софония* и восхваляю песнями, под звонкий наигрыш гуслей, нашего великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, потомков святого великого князя Владимира Киевского. Воспоём деяния князей русских, постоявших за веру христианскую!

А от Калкской битвы до Мамаева побоища сто шестьдесят лет.*

И вот князь великий Дмитрий Иванович и брат его, князь Владимир Андреевич, помолившись богу и пречистой его матери, укрепив ум свой силой, закалив сердца свои мужеством, преисполнившись ратного духа, урядили свои храбрые полки в Русской земле и помянули прадеда своего, великого князя Владимира Киевского.

О жаворонок, летняя птица, радостных дней утеха, взлети к синим небесам, взгляни на могучий город Москву, воспой славу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу! Словно бурей занесло соколов из земли Залесской в поле Половецкое!* Звенит слава по всей земле Русской: в Москве кони ржут, трубы трубят в Коломне,* бубны бьют в Серпухове,* стоят знамена русские у Дона великого на берегу.

Звонят колокола вечевые в Великом Новгороде, собрались мужи новгородские у храма святой Софии* и говорят так: «Неужто нам, братья, не поспеть на подмогу к великому князю Дмитрию Ивановичу?». И как только слова эти промолвили, уже как орлы слетелись. Нет, то не орлы слетелись — выехали посадники из Великого Новгорода* и с ними семь тысяч войска* к великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу, на помощь.

К славному городу Москве съехались все князья русские и говорят таково слово: «У Дона стоят татары поганые, Мамай царь у реки Мечи, между Чуровом и Михайловом,* хотят реку перейти и с жизнью своей расстаться нам во славу».

И сказал князь великий Дмитрий Иванович: «Брат, князь Владимир Андреевич, пойдем туда, прославим жизнь свою, удивим земли, чтобы старые рассказывали, а молодые помнили! Испытаем храбрецов своих и реку Дон кровью наполним за землю Русскую и за веру христианскую!».

И сказал всем князь великий Дмитрий Иванович: «Братья и князья русские, гнездо мы великого князя Владимира Киевского! Не рождены мы на обиду ни соколу, ни ястребу, ни кречету, ни черному ворону, ни поганому этому Мамаю!».

О соловей, летняя птица, вот бы тебе, соловей, пеньем своим прославить великого князя Дмитрия Ивановича, и брата его князя Владимира Андреевича, и из земли Литовской двух братьев Ольгердовичей, Андрея и брата его Дмитрия,* да Дмитрия Волынского!* Те ведь — сыновья Литвы храбрые, кречеты в ратное время и полководцы прославленные, под звуки труб их пеленали, под шлемами лелеяли, с конца копья они вскормлены, с острого меча вспоены в Литовской земле.

Молвит Андрей Ольгердович своему брату: «Брат Дмитрий, два брата мы с тобой, сыновья Ольгердовы, а внуки мы Гедиминовы, а правнуки мы Сколомендовы.* Соберем, брат, любимых панов удалой Литвы, храбрых удальцов, и сами сядем на своих борзых коней и поглядим на быстрый Дон, напьемся из него шлемом воды, испытаем мечи свои литовские о шлемы татарские, а сулицы* немецкие о кольчуги басурманские!».*

И ответил ему Дмитрий: «Брат Андрей, не пощадим жизни своей за землю за Русскую и за веру христианскую и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича! Уже ведь, брат, стук стучит и гром гремит в белокаменной Москве. То ведь, брат, не стук стучит, не гром гремит — то стучит могучая рать великого князя Дмитрия Ивановича, гремят удальцы русские золочеными доспехами и червленеными щитами.* Седлай, брат Андрей, своих борзых коней, а мои уже готовы — раньше твоих оседланы. Выедем, брат, в чистое поле и сделаем смотр своим полкам — сколько, брат, с нами храбрых литовцев. А храбрых литовцев с нами семьдесят тысяч латников. Уже ведь, брат, подули сильные ветры с моря к устьям Дона и Днепра, принесли грозные тучи на Русскую землю, из них выступают кровавые зарницы, а в них трепещут синие молнии. Быть стуку и грому великому на речке Непрядве,* меж Доном и Днепром, покрыться трупами человеческими полю Куликову, пролиться крови на реке Непрядве!».

Вот уже заскрипели телеги меж Доном и Днепром, идут хинове на Русскую землю! Набежали серые волки с устьев Дона и Днепра, воют, притаившись на реке Мече, хотят ринуться на Русскую землю. То не серые волки были — пришли поганые татары, хотят пройти войной всю Русскую землю.

Тогда гуси загоготали и лебеди крыльями заплескали. Нет, то не гуси загоготали и не лебеди крыльями заплескали — то поганый Мамай пришел на Русскую землю и воинов своих привел. А уже гибель их подстерегают крылатые птицы, паря под облаками, вороны неумолчно грают, а галки по-своему говорят, орлы клекочут, волки грозно воют, а лисицы брешут, кости чуют.

Русская земля, ты теперь как за царем за Соломоном побывала.*

А уже соколы и кречеты* и белозерские ястребы рвутся с золотых колодок из каменного города Москвы, обрывают шелковые путы,* взвиваясь под синие небеса, звоня золочеными колокольчиками* на быстром Дону, хотят напасть на несчетные стада гусиные и лебединые, — то богатыри и удальцы русские хотят напасть на великие силы поганого царя Мамай.

Тогда князь великий Дмитрий Иванович вступил в золотое свое стремя, сел на своего борзого коня, и взял свой меч в правую руку, и помолился богу и пречистой его матери. Солнце ему ясно на востоке сияет и путь указывает, а Борис и Глеб молитву возносят за сродников своих.*

Что шумит, что гремит рано пред рассветом? То князь Владимир Андреевич делает смотр полкам и ведет их к великому Дону. И молвил

он брату своему, великому князю Дмитрию Ивановичу: «Не поддавайся, брат, поганым татарам — ведь поганые уже поля русские топчут и вотчину нашу отнимают!».

И сказал ему князь великий Дмитрий Иванович: «Брат Владимир Андреевич! Два брата мы с тобой, а внуки мы великого князя Владимира Киевского. Воеводы у нас назначены — семьдесят бояр, и отважные князья белозерские Федор Семенович, да Семен Михайлович,* да Микула Васильевич, да оба брата Ольгердовичи, да Дмитрий Волынский, да Тимофей Волуевич,* да Андрей Серкизович,* да Михайла Иванович,* а воинов с нами — триста тысяч латников. А воеводы у нас мужественные, а дружина в боях испытанная, а кони под нами борзые, а доспехи на нас золоченые, а шлемы черкасские, а щиты московские, а сулицы немецкие, а кинжалы фряжские,* а мечи булатные; а пути им известны, а переправы для них наведены, и все единодушно готовы головы свои положить за землю за Русскую и за веру христианскую. Словно живые, трепещут стяги,* жаждут воины себе чести добыть и имя свое прославить».

Уже ведь те соколы и кречеты, белозерские ястребы, за Дон скоро перелетели и ударили по несметным стадам гусиным и лебединым. То ведь были не соколы и не кречеты — то обрушились русские князья на силу татарскую. И ударили копья каленые* о доспехи татарские, загремели мечи булатные о шлемы хиновские на поле Куликовом, на речке Непрядве.

Черна земля под копытами, костями татарскими поля усеяны, а кровью их земля полита. Это сильные рати сошлись вместе и затоптали холмы и луга, а реки и потоки и озера замутились. Кликнул Див* в Русской земле, велит послушать грозным землям. Понеслась слава к Железным Воротам,* и к Орначу,* к Риму, и к Кафе* по морю, и к Тырнову,* а оттуда к Царьграду* на похвалу русским князьям: Русь великая одолела рать татарскую на поле Куликовом, на речке Непрядве.

На том поле грозные тучи сошлись, а из них беспрерывно сверкали молнии и гремели громы великие. То ведь сошлись русские сыны с погаными татарами за свою великую обиду. Это сверкали доспехи золоченые, и гремели князья русские мечами булатными о шлемы хиновские.

А бились с утра до полудня в субботу на Рождество святой богородицы.*

Не туры взревели у Дона великого на поле Куликовом. То ведь не туры побиты у Дона великого, а посечены князья русские и бояре и воеводы великого князя Дмитрия Ивановича. Полегли побитые погаными татарами князья белозерские, Федор Семенович и Семен Михайлович, да Тимофей Волуевич, да Микула Васильевич, да Андрей Серкизович, да Михайло Иванович и много иных из дружины.

Пересвета* чернеца, брянского боярина, на место суженое привели.* И сказал Пересвет чернец великому князю Дмитрию Ивановичу: «Лучше нам убитыми быть, нежели в плен попасть к поганым татарам!». Поска-

квивает Пересвет на своем борзом коне, золочеными доспехами посвечивает, а уже многие лежат посечены у Дона великого на берегу.

В такое время старому человеку следует помолодеть, а удалым людям мужество свое испытать. И говорит Ослябя чернец* своему брату Пересвету старцу: «Брат Пересвет, вижу на теле твоём раны тяжкие, уже, брат, лететь голове твоей на траву ковыль, а сыну моему Якову* лежать на зеленой ковыль-траве на поле Куликовом, на речке Непрядве за веру христианскую, и за землю Русскую, и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича».

И в ту пору на Рязанской земле около Дона ни пахари, ни пастухи в поле не кличут, лишь вороны часто каркают над трупами человеческими, страшно и жалостно было это слышать тогда; и трава кровью залита была, а деревья от печали к земле склонились.

Запели птицы жалостные песни — восплакали все княгини и боярыни и все воеводские жены по убитым. Жена Микулы Васильевича Марья рано поутру плакала на забралах* стен московских, так причитая: «О Дон, Дон, быстрая река, прорыл ты каменные горы и течешь в землю Половецкую. Принеси на своих волнах моего господина Микулу Васильевича ко мне!». А жена Тимофея Волуевича Федосья тоже плакала, так причитая: «Вот уже радость моя пропала в славном городе Москве, и уже не увижу своего государя Тимофея Волуевича живым!». А Андреева жена Марья* да Михайлова жена Аксинья* на рассвете причитали: «Вот уже для нас обеих солнце померкло в славном городе Москве, домчались к нам с быстрого Дона горестные вести, неся великую беду: повержены наши удалцы с борзых коней на суженом месте на поле Куликовом, на речке Непрядве!».

А уже Див кличет под саблями татарскими, а русским богатырям быть израненными.

Щуры* запели жалостные песни в Коломне на забралах городских стен на рассвете в воскресенье, в день Акима и Анны.* То ведь не щуры рано запели жалостные песни — восплакали жены коломенские, причитая так: «Москва, Москва, быстрая река, зачем унесла ты мужей наших от нас в землю Половецкую?». Так говорили они: «Можешь ли ты, господин князь великий, веслами Днепр загородить, а Дон пледами вычерпать, а Мечу-реку трупами татарскими запрудить? Замкни, государь князь великий, Оке-реке ворота, чтобы больше поганые татары к нам не ходили. Уже ведь мужья наши побиты на войне».

В тот же день, в субботу, на Рождество святой богородицы разгромили христиане полки поганых на поле Куликовом, на речке Непрядве.

И, громко кликнув клич, ринулся князь Владимир Андреевич со своей ратью на полки поганых татар, золоченым шлемом посвечивая. Гремят мечи булатные о шлемы хиновские.

И восхвалил он брата своего, великого князя Дмитрия Ивановича: «Брат Дмитрий Иванович, в злое горькое время ты нам крепкий щит. Не останавливайся, князь великий, со своими великими полками, не потакай крамольникам! Уже ведь поганые татары поля наши топчут и

храброй дружины нашей много побили — столько трупов человеческих, что быстрые кони не могут скакать: в крови по колено бродят. Жалостно ведь, брат, видеть столько крови христианской. Не задерживайся, князь великий, со своими боярами».

И сказал князь великий Дмитрий Иванович своим боярам: «Братья, бояре и воеводы и дети боярские, здесь ваши московские сладкие меды и великие места! Тут-то и добудьте себе места и женам своим. Тут, братья, старый должен помолодеть, а молодой честь добыть».

И воскликнул князь великий Дмитрий Иванович: «Господи боже мой, на тебя уповаю, да не будет на мне позора никогда, да не посмеются надо мной враги мои!*». И помолился он богу и пречистой его матери и всем святым, и прослезился горько, и утер слезы.

И тогда как соколы стремглав полетели на быстрый Дон. То ведь не соколы полетели — поскакал князь великий Дмитрий Иванович со своими полками за Дон, со всею силою. И сказал: «Брат князь Владимир Андреевич, тут, брат, изопьем медовые чары круговые, нападём, брат, своими полками сильными на рать татар поганых».

И начал тогда князь великий наступать. Гремят мечи булатные о шлемы хиновские. Поганые прикрыли головы свои руками своими. И вот поганые бросились вспять. Ветер ревет в стягах великого князя Дмитрия Ивановича, поганые бегут, а русские сыны широкие поля кликом огородили и золочеными доспехами осветили. Уже встал тур на бой!

Тогда князь великий Дмитрий Иванович и брат его, князь Владимир Андреевич, полки поганых вспять повернули и начали их бить и сечь беспощадно, тоску на них наводя. И князья их попадали с коней, а трупами татарскими поля усеяны, и кровью их реки потекли. Тут рассыпались поганые в смятении и побежали непроторенными дорогами в лукоморье, скрежеща зубами и раздирая лица свои, так приговаривая: «Уже нам, братья, в земле своей не бывать, и детей своих не видать, и жен своих не ласкать, а ласкать нам сырую землю, а целовать нам зеленую мураву, а в Русь войной нам не хаживать и даней нам у русских не прашивать».* Вот уже застонала земля татарская, бедами и горем наполнившись; пропала охота у царей и князей их на Русскую землю ходить. Уже ведь веселье их кончилось.

Теперь уже русские сыновья захватили татарские узорочья, и доспехи, и коней, и волов, и верблюдов, и вина, и сахар, и дорогие убранства, парчу* и шелка везут женам своим. И вот уже русские жены забряцали татарским золотом.

Уже по Русской земле разнеслось веселье и ликованье. Преодолела слава русская хулу поганых. Уже низвергнут Див на землю, а сила и слава великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, по всем землям пронеслись. Стреляй, князь великий, по всем землям, рази, князь великий, со своей храброй дружиной поганого Мамаю киповина за землю Русскую, за веру христианскую. Уже поганые оружие свое побросали, а головы свои склонили под мечи русские. И трубы их не трубят, и приуныли голоса их.

И метнулся поганый Мамай от своей дружины серым волком и прибежал к Кафе-городу. И молвили ему фряги:* «Что же это ты, поганый Мамай, зарисься на Русскую землю? Ведь побил тебя теперь тебя орда Залесская.* Далек тебе до Батя-царя:* у Батя-царя было четыреста тысяч латников, и полонил он всю Русскую землю от востока и до запада. Наказал тогда бог Русскую землю за ее согрешения. И ты пришел на Русскую землю, царь Мамай, с большими силами, с девятью ордами и семьюдесятью князьями. А ныне ты, поганый, бежишь сам-девять в лукоморье, не с кем тебе зиму зимовать в поле. Видно, тебя князья русские крепко попотчевали: нет с тобой ни князей, ни воевод! Видно, сильно упились* у быстрого Дона на поле Куликовом, на траве ковыле! Беги-ка ты, поганый Мамай, от нас за темные леса!».

Как милый младенец у матери своей, земля Русская: его мать ласкает, а за баловство розгой сечет, а за добрые дела хвалит. Так и господь бог помиловал князей русских, великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, меж Доном и Днепром, на поле Куликовом, на речке Непрядве.

И стал великий князь Дмитрий Иванович со своим братом, с князем Владимиром Андреевичем, и с остальными своими воеводами на костях* на поле Куликовом, на речке Непрядве. Страшно и горестно, братья, было в то время смотреть: лежат трупы христианские, словно сенные стога у Дона великого на берегу, а Дон-река три дня кровью текла. И сказал князь великий Дмитрий Иванович: «Сосчитайтесь, братья, скольких у нас воевод нет и скольких молодых людей недостает».

Тогда отвечает Михайло Александрович,* московский боярин, князю Дмитрию Ивановичу: «Господин князь великий Дмитрий Иванович! Нет, государь, у нас сорока бояр московских, двенадцати князей белозерских, тридцати новгородских посадников, двадцати бояр коломенских, сорока бояр серпуховских, тридцати панов литовских, двадцати бояр переяславских, двадцати пяти бояр костромских, тридцати пяти бояр владимирских, пятидесяти бояр суздальских, сорока бояр муромских, семидесяти бояр рязанских, тридцати четырех бояр ростовских, двадцати трех бояр дмитровских, шестидесяти бояр можайских, тридцати бояр звенигородских, пятнадцать бояр угличских. А посечено безбожным Мамаем двести пятьдесят и три тысячи. И помиловал бог Русскую землю, а татар пало бесчисленное множество».

И сказал князь великий Дмитрий Иванович: «Братья, бояре и князья и дети боярские, суждено вам то место меж Доном и Днепром, на поле Куликовом, на речке Непрядве. Положили вы головы свои за святые церкви, за землю за Русскую и за веру христианскую. Простите меня, братья, и благословите в этом веке и в будущем. Пойдем, брат, князь Владимир Андреевич, в свою Залесскую землю к славному городу Москве и сядем, брат, на своем княжении, а чести мы, брат, добыли и славного имени!».

Богу нашему слава.

КРАТКАЯ ЛЕТОПИСНАЯ ПОВЕСТЬ

О великом побоище, которое было на Дону.

В том же году безбожный нечестивый ордынский князь, Мамай* поганый, собрав многочисленные рати и всю землю Половецкую* и Татарскую, и еще рать наняв из фрягов и черкесов и ясов,* пошел со всеми этими силами на великого князя Дмитрия Ивановича* и на всю землю Русскую. И когда наступил август, пришло из Орды* известие к великому князю Дмитрию Ивановичу, что поднимается рать татарская, поганые племена измаильтянские,* на христиан. И Мамай нечестивый, люто гневаясь на великого князя Дмитрия за то, что были убиты его друзья, любимцы и князья на реке Воже,* выступил с великой силой, стремясь пленить землю Русскую. Услышал это великий князь Дмитрий Иванович и, собрав много воинов, пошел против врагов, чтобы защитить свою вотчину, постоять за святые церкви и за правоверную веру христианскую и за всю Русскую землю. И когда переправился он через Оку, пришли к нему еще другие вести, поведали ему, что Мамай расположился за Доном, стоит в поле и ждет к себе на помощь Ягайла* с литовскими ратями.

Князь же великий пошел за Дон, и было здесь поле чистое и очень большое, и тут стояли поганые половцы,* татарские полки, в поле чистом, около устья Непрядвы* реки. И тогда приготовились к битве те и другие и устремились в бой, и сошлись вместе обе силы, и была долгой брань беспощадная и сеча жестокая. Весь день сражались, и пало мертвых с обеих сторон бесчисленное множество. И помог бог князю великому Дмитрию Ивановичу, а Мамаевы поганые полки побежали, а наши устремились за ними, избивая и рубя поганых без милости. Ведь бог невидимой силой устрашил сынов агарянских,* и побежали они, обратив тыл свой под удары, и многие поражены были оружием, а другие в реке утонули. И гнали их до реки до Мечи* и там множество их перебили, а другие иноплеменники, гонимые гневом Божиим и охваченные страхом, бросились в воду и потонули. А Мамай с небольшой дружиной убежал в свою землю Татарскую.

Произошло это побоище в восьмой день месяца сентября, на Рождество святой богородицы, в субботу, до обеда.

И тут в схватке убиты были: князь Феодор Романович Белозерский, сын его князь Иван Феодорович,* Семен Михайлович,* Микула Васильевич,* Михайла Иванович Окинфович,* Андрей Серкизов,* Тимофей

Волуй,* Михайла Бренков,* Лев Морозов,* Семен Мелик,* Александр Пересвет* и многие другие.

Князь же великий Дмитрий Иванович с остальными князьями русскими, и с воеводами, и с боярами, и с вельможами, и с уцелевшими полками русскими, став на костях, поблагодарил бога и похвалил похвалами дружину свою, которая крепко билась с иноплеменниками и твердо за него сражалась, и мужественно встала и отстояла, с божьей помощью, веру христианскую.

И возвратился он оттуда в Москву, в свою вотчину с победой великой, одолев в сражении, победив врагов своих. И многие воины его возрадовались, так как захватили богатую добычу: пригнали с собою большие стада коней, верблюдов и волов, которых невозможно сосчитать, принесли и доспехи, и одежды, и разное добро.

Тогда поведали князю великому, что князь Олег Рязанский* послал Мамаю на помощь свою силу и на реках разрушил мосты. За это князь великий хотел на Олега послать рать свою. И тут внезапно, в это самое время, приехали к нему бояре рязанские и рассказали ему, что князь Олег бросил свою землю и сам убежал и с княгинею, и с детьми, и с боярами, и с советниками своими. И молили рязанцы великого князя, чтобы он на них рати не посылал, а сами били ему челом и заключили с ним договор. Князь же великий послушал их и принял челобитье их, не пренебрег их просьбой, рати на них не послал, а сам пошел в свою землю, а на рязанское княжество посадил своих наместников.

Тогда же и Мамай с немногими убежал с Донского побоища и прибежал в свою землю с небольшой дружиной. И, видя себя разгромленным, и посрамленным, и поруганным, снова разгневался, впал в неистовство, разъярился и встревожился и, собрав остатки своего войска, опять захотел пойти изгоном на великого князя Дмитрия Ивановича и на всю Русскую землю. И когда он это задумал, пришла к нему весть, что идет на него некий царь с Востока, из Синей Орды* — Тохтамыш. Мамай же с той ратью, которую он приготовил на нас, пошел против него, и встретились они на Калке.* Мамаевы же князья, сойдя с коней своих, били челом царю Тохтамышу и поклялись ему по законам своей веры, и составили в том клятвенную запись, и подчинились ему, а Мамай оставил поруганным.

Мамай же, увидев это, бежал без промедления со своими советниками и с единомышленниками. Царь же Тохтамыш послал за ним в погоню воинов своих, и они убили Мамайа. А сам Тохтамыш пошел и захватил орду Мамаеву, и царя его, и казну его, и улус* его весь взял, и богатство Мамаево раздал дружине своей. И оттуда послов своих отправил на Русскую землю к князю великому Дмитрию Ивановичу и ко всем князьям русским, извещая их о своем приходе и рассказывая, как он воцарился, как супротивника своего и их врага Мамайа победил, а сам пошел и сел на царстве Волжском. Князья же русские послов его отпустили с честью и с дарами, а сами той же зимой и весной, вслед за послами, отправили каждый своих киличеев* со многими дарами к царю

ПРОСТРАННАЯ ЛЕТОПИСНАЯ ПОВЕСТЬ

О побоище, которое было на Дону, и о том, как князь великий бился с Ордою.

Той же осенью пришел ордынский князь Мамай* с единомышленниками своими и со всеми другими князьями ордынскими и со всей силой татарской и половецкой, и кроме того еще рати нанял: басурман, и армян, и фрягов, черкесов, и ясов, и буртасов.* А с Мамаем вместе, в союзе с ним, и литовский князь Ягайло* со всею силою литовской и ляшской, и с ними же заодно и Олег Иванович, князь рязанский,* с этими своими сообщниками, пошел на великого князя Дмитрия Ивановича* и на брата его, Владимира Андреевича.* Но человеколюбивый бог хотел спасти и освободить род христианский молитвами пречистой своей матери от рабства измаильтян,* от поганого Мамаю и от союзников его — нечестивого Ягайла и льстивого и лживого Олега Рязанского, который не соблюл своего христианства. Ожидает его ад и дьявол в день великого суда господнего.

Окаянный же Мамай, возгордившись и возомнив себя царем,* начал собирать совет нечестивый, призвав к себе темников* своих, князей поганых. И сказал он им: «Пойдем на русского князя и на всю силу русскую, как при Батые* было, — христианство искореним и церкви божии спалим, и кровь их прольем, и обычаи их уничтожим». Нечестивый люто гневался из-за того, что были убиты его друзья, любимцы и князья на реке на Воже.* И начал решительно и поспешно силы свои собирать и в ярости пошел с многочисленным войском, чтобы пленить христиан. И двинулись тогда все племена татарские.

И начал Мамай посылать в Литву, к поганому Ягайлу, и к льстивому слуге сатаны, сообщнику дьявола, отлученному от сына божия, омраченному тьмою греховною и не желающему слышать голоса разума, Олегу Рязанскому, прислужнику басурманскому, лукавому сыну. Как сказал Христос: «От нас отошли и на нас ополчились».* И заключил старый злодей Мамай нечестивый уговор с поганой Литвой и с душегубцем Олегом, чтобы соединиться им против благоверного князя у реки Оки на Семенов в день.* Душегубец же Олег начал зло к злу присовокуплять: стал посылать к Мамаю и к Ягайлу своего боярина единомыш-

ленника Елифана Кореева, антихристова предтечу, призывая их прийти точно в назначенный срок и, как договорились, стать у Оки с трехглавыми зверями сыроядцами,* чтобы кровь пролить.

Враг и изменник Олег! Надеешься выгоду получить, а не ведаешь того, что меч божий острится на тебя! Как сказал пророк: «Оружие извлекли грешники и натянули лук, чтобы во мраке застрелить праведников, и оружие их вонзится в их же сердца, и луки их сломаются».*

И наступил месяц август, дошли из Орды известия и до христоролюбивого князя, что поднимаются на христиан измаильтянские племена. Олег же, совсем отступивший от христианской веры из-за союза с погаными, послал к князю Дмитрию весть обманную: «Мамай идет со всем своим царством в мою землю Рязанскую на меня и на тебя. Да будет тебе известно и то, что идет на тебя литовский Ягайло со всею силою своею». Князь же Дмитрий, услышав в невеселое это время, что идут на него все царства, творящие беззаконие, сказал: «Еще наша рука высока!». Пошел он в соборную церковь матери божьей, Богородицы, и, проливая слезы, начал молиться: «О господи, ты — всемогущий и всеильный, крепкий в битвах, воистину ты царь славы, сотворивший небо и землю, помилуй нас молитвами пресвятой твоей матери, не оставь нас в беде. Ты ведь бог наш, а мы люди твои, простри руку свою свыше и помилуй нас, посрами врагов наших и оружие их притуши. Велик ты, господи, кто может противиться тебе? Помяни, господи, милость свою, которую ты от века изливаешь на род христиан.* О, многоименитая дева, госпожа, царица небесных чинов, вечная повелительница всей вселенной и кормительница всей жизни человеческой, простри, госпожа, руки свои пречистые, которыми ты носила бога, воплотившегося от тебя, не отвергай христиан сих, избавь нас от сыроядцев этих и помилуй меня!».

Восстав от молитвы, вышел он из церкви и послал за братом своим Владимиром и за всеми князьями русскими и за воеводами великими. И сказал он брату своему Владимиру и всем князьям русским и воеводам: «Пойдем против этого окаянного и безбожного, нечестивого и мрачного сыроядца Мамай за православную веру христианскую, за святые церкви, и за всех младенцев и старцев, и за всех христиан нынешних и будущих; возьмем с собою скипетр царя небесного, непобедимую победу, и восприимем тем Авраамову доблесть». И призвал он бога и сказал: «Господи, услышь мольбу мою о помощи! Боже, на помощь приди мне! Пусть покроются враги наши стыдом и срамом* и узнают, что имя твое — господь, что ты един вышний во всей земле».

И, соединившись со всеми князьями русскими и собрав всю силу, без промедления пошел он из Москвы против врагов, желая защитить свою вотчину, и пришел в Коломну* и собрал воинов своих сто тысяч и пятьдесят тысяч, и то без полков княжеского и воевод поместных. И от начала мира не бывало такой силы русских князей и воевод поместных, как при этом князе. Было всей силы и всех' ратей числом с полтораста тысяч или с двести. И к этому еще приспели издалека в ту смутную годину великие князья Ольгердовичи* поклониться и послужить: князь

Андрей Полоцкий с псковичами да брат его князь Дмитрий Брянский со всеми своими мужами.

В это время Мамай стал за Доном, возносясь и гордясь и гневаясь, и стоял так со всем царством своим три недели. И вот пришла к князю Дмитрию новая весть. Поведали ему, что Мамай за Доном, собрав силы, стоит в поле, ожидая к себе на помощь Ягайла с литовцами, чтобы, когда соберутся вместе, одержать общую победу.

И начал Мамай посылать к князю Дмитрию и дань просить, как было при Чанибеке царе,* а не по своему соглашению. Христоробивый же князь, не желая кровопролития, согласился Мамаю дань дать по христианской силе и по своему соглашению, как с ним договорился. Мамай же не захотел этого в своей гордыне, ожидая своего нечестивого сообщника литовского. Олег же, изменник наш, присоединившийся к зловерному и поганому Мамаю и нечестивому Ягайлу, начал Мамаю дань давать и силу свою посылать к нему на князя Дмитрия.

И когда узнал князь Дмитрий об обмане лукавого Олега, кровопийцы христианского, нового Иуды-предателя, поднявшегося на своего владыку, вздохнул он из глубины сердца своего и сказал: «Господи, замыслы неправедных разрушь, а зачинающих войны погуби. Не я начал кровь проливать христианскую, но он, Святополк новый. Воздай же ему, господи, в семижды семь раз больше, ибо во тьме он пребывает и забыл благодать твою. Заострю, как молнию, меч мой, и пусть свершит суд рука моя, отомщу врагам и ненавидящим меня отомщу и напою стрелу мою кровью их, чтобы не говорили неверные: „Где же бог их?“.* Отврати, господи, лицо свое от них и покажи им, господи, весь гнев свой наконец, так как род их развращен и нет в них веры в тебя, господи, и пролей на них гнев свой, господи, на народы, которые не признают тебя, господи, и имени твоего святого не призывают. Какой бог более велик, чем бог наш? Ты бог, творящий чудеса, — един!».*

И, окончив молитву, пошел он в церковь Пречистой к епископу Герасиму* и сказал ему: «Благослови меня, отче, пойти против окаянного этого сыроядца Мамаю, и нечестивого Ягайла, и изменника нашего Олега, отступившего от света во тьму». Святитель же Герасим благословил князя и всех воинов его на поход против нечестивых агарян.

И пошел князь Дмитрий из Коломны с великой силой против безбожных татар 20 августа, уповая на милосердие божие и на пречистую его мать богородицу, на приснодеву Марию, призывая на помощь честной крест. И, пройдя свою вотчину и великое свое княжество, стал на Оке около устья реки Лопасни,* перехватывая вести о поганных. Тут догнали князя Дмитрия Владимир, брат его, и великий его воевода Тимофей Васильевич* и все остальные воины, что были оставлены в Москве. И начали переправляться через Оку за неделю до Семенова дня,* в день воскресный. Переехав за реку, вошли в землю Рязанскую. А сам князь в понедельник переправился со своим двором, а в Москве оставил воевод своих у великой княгини у Евдокии,* а у сыновей своих, у Василия, и у Юрия, и у Ивана,* — Федора Андреевича.*

И когда услышали в городе Москве, и в Переяславле, и в Костроме, и во Владимире, и во всех городах великого князя и всех князей русских, что пошел за Оку князь великий, то была в городе Москве печаль великая, и во всех концах города поднялся плач горький и вопли и рыдания, и казалось, будто Рахиль рыдает горько:* оплакивали жены русские детей своих, рыдая в голос и захлебываясь слезами, не в силах сдержаться, потому что пошли те с великим князем за всю землю Русскую на острые копыя. Да и кто не погорюет из-за рыдания женщин этих и горького их плача? Каждая в душе своей говорила: «Увы мне, бедные наши дети! Лучше бы нам было, если бы мы вас не родили, тогда не страдали и не печаловались бы мы из-за гибели вашей. Почему виноваты мы в гибели вашей?».

Великий же князь пришел к реке к Дону за два дня до Рождества святой богородицы.* И тогда подоспела грамота от преподобного игумена Сергия* — от святого старца благословение. В ней же написано благословение, призывающее великого князя биться с татарами: «Господин, иди на врага, да поможет тебе бог и святая богородица». Князь же сказал: «Эти на колесницах, а эти на конях, мы же во имя господа бога нашего призовем:* даруй мне, господи, победу над супостатами и помоги мне, оружием креста низложи врагов наших, ведь, уповая на тебя, побеждаем мы, прилежно молясь пречистой матери твоей». И, сказав так, начал полки расставлять и велел всем облачиться в одежды праздничные, как подобает великим ратникам, а воеводы вооружили свои полки. И подошли к Дону, и стали тут, и долго совещались, ибо одни говорили: «Иди, князь, за Дон», а другие советовали: «Не ходи, потому что умножились враги наши — не только татары, но и литовцы и рязанцы».

Мамай же, узнав о приходе князя Дмитрия к Дону и видя побитых своих воинов, разъярился взором и помутился умом и распалился лютой яростью, словно змея какая-то, дышащая гневом. И воскликнул Мамай: «Выступайте, силы мои бесчисленные и власти и князья. Пойдем и станем у Дона против князя Дмитрия и будем ждать прихода сообщника нашего Ягайла с его силой».

Когда князь услышал о похвальбе Мамаея, то сказал: «Господи, не повелел ты в чужие пределы вступать, и я, господи, не преступил этой заповеди. Этот же, господи, подкрался, как змей к гнезду; окаянный Мамай, нечестивый сыродец, на христианство дерзнул, кровь мою желая пролить, и всю землю осквернить, и святые божии церкви разорить». И сказал он: «Что такое великое свирепство Мамаево? Как некая ехидна, брызжущая ядом и из неведомой пустыни приползшая, пожрать нас хочет. Не предай же меня, господи, сыроядцу этому Мамаю. Покажи мне славу своего божества, владыка. Где ангельские лики? Где херувимское предстояние? Где серафимов шестикрылых служение? Пред тобой трепещет вся тварь, тебе поклоняются небесные силы, ты солнце и луну сотворил и землю украсил всеми красотами,* яви мне, боже, славу свою, и ныне, господи, обрати печаль мою в радость и помилуй меня, как помиловал ты слугу своего Моисея, в горести души возопившего к тебе, и

столпу огненному повелел идти пред ним, и морские глубины в сушу превратил, как владыка истинный господь страшное возмущение в тишину превратил».* И, произнеся это все, брату своему и всем князьям и воеводам великим сказал он: «Приспело, братья, время битвы нашей; и наступил праздник царицы Марии, матери божьей, богородицы, и всех небесных чинов госпожи и всей вселенной — честное ее Рождество. Если останемся живы, — мы в руках господя, если же умрем за мир сей, — мы в руках господя».

И приказал он мосты мостить через Дон и бродов искать той же ночью, в канун Рождества пречистой матери божьей, богородицы. На другой день в субботу рано утром, восьмого сентября в самый праздник — Госпожин день,* когда стало всходить солнце, была великая тьма по всей земле: стоял туман с утра и до третьего часа.* И повелел господь тьме отступить и пришествие света даровал. Князь же подготовил к бою свои полки великие, и все его князья русские свои полки к бою подготовили, и великие его воеводы облачились в одежды воинские. И отверзлись запоры смертные, задрожала земля, охватил ужас воинов, собравшихся издалека, с востока и запада. Пошел гул земной за Дон, в дальние концы земли, и, лютый и страшный, стремительно перекатился он через Дон, так что и основание земли заколебалось от множества сил.

И когда князь перешел за Дон в поле чистое, в Мамаеву землю, на устье Непрядвы,* то один господь бог вел его, не был ему бог чужд. О, крепкая и твердая дерзость мужества! О, как не испугался, не утратился такого множества вражеских воинов? Ведь поднялись на него три земли, три рати: первая — татарская, вторая — литовская, третья — рязанская. И все же всех их не испугался, нисколько не утратился, но, верою в бога вооружившись, и силою креста честного укрепившись, и молитвами пресвятой богородицы оградившись, богу помолился, так говоря: «Помоги мне, господи боже мой, и спаси меня милости твоей ради, видишь, как враги мои умножились против меня. Господи, почему так умножились враждующие со мной? Многие поднялись на меня, многие борются со мной, многие, враждующие со мной, преследуют меня, все народы ополчились на меня. Именем господним сопротивляюсь им».*

И был шестой час дня, и начали появляться поганые измаильтяне* в поле, ведь было это поле чисто и велико очень. И тут изготовились татарские полки против христиан. И тут сошлись полки. И, великие силы увидев, пошли войска, и земля загудела, горы и холмы затряслись от множества бесчисленных воинов, извлекших и взявших в руки оружие обоюдоострое. И слетелись орлы, как написано: «Где трупы, там и орлы».* Когда пришел срок, прежде всех начали сходиться сторожевые полки русские и татарские. Сам же великий князь ринулся сначала в сторожевых полках на поганого царя Теляка,* дьявола во плоти, прозываемого Мамаем; после этого, немного погодя, вернулся князь в главный полк. И вот пошла великая рать Мамаева и вся сила татарская, а отсюда великий князь Дмитрий Иванович со всеми князьями русскими, изгото-

вив полки, пошел против поганых половцев со всеми войсками своими. И, с умилением воззрев на небо, вздохнул он из глубины сердца и произнес слово псаломское: «Братья, бог нам — прибежище и сила».*

И тотчас сошлись обе силы великие на долгое время, и покрыли полки поле будто на десять верст — столь много было воинов. И была эта великая сеча жестокой и битва упорной, так что земля содрогнулась, и от начала мира не бывало такой сечи у великих князей русских, как у этого великого князя всея Руси. И бились они так с шестого часа до девятого, как дождь из тучи, лилась кровь тех и других — русских сынов и поганых; бесчисленное множество пало убитыми с той и другой стороны: много русских побито татарами, а русскими — татар, падал труп на труп, и падало тело татарское на тело христианское. И было видно, как в одном месте русский за татаринном гонится, в другом — татарин русского настигает. Смешалось всё и перепуталось, ибо каждый стремился своего противника одолеть.

И сказал сам себе Мамай: «Волосы наши разрываются, очи наши не могут горячих слез источать, языки наши немеют, горло мое пересохло, и сердце замирает, чресла мои окостеневают, колени мои подгибаются, а руки цепенеют».

Что нам промолвить или сказать, видя пагубную смерть? Одних мечами рубили, других на копья вздымали. И охваченные страхом москвичи многие неопытные, увидев это, устрашились и отчаялись в своей жизни и обратились в бегство, и побежали, забыв, как мученики говорили друг другу: «Братья, потерпим немного: зима люта, но рай сладок, и страшен меч, но сладка награда».* И иные сыновья агарянские* бросились бежать, слыша крик страшный и видя злое убийство.

И вот потом, в девятый час дня, обратил господь милостивый взор свой на всех князей русских и на мужественных воевод и на всех христиан, дерзнувших встать за христианство и не устрашившихся, как не устрашаются великие воины. Видели праведные, как в девятом часу во время боя помогали христианам ангелы и святых мучеников полк, воина Георгия и славного Дмитрия,* и великих князей тезоименитых Бориса и Глеба,* был среди них и воевода высшего полка небесных воинов архистратиг Михаил.* Двое воевод видели эти полки, трехсолнечный полк и пламенные их стрелы, которые летели на врагов. Безбожные же татары от страха божия и от оружия христианского падали. И даровал бог нашему князю победу над иноплеменниками.

А Мамай, затрепетав от страха и громко восстенав, воскликнул: «Велик бог христианский и велика сила его: братья измаильтяне, беззаконные агаряне, бегите непроторенными дорогами». А сам, повернув назад, без промедления побежал в Орду.* И, услышавши, что сказал Мамай, побежали и все его темники и князья. Видев это, и остальные иноплеменники, гонимые гневом Божиим и охваченные страхом Божиим, от мала и до велика в бегство устремились. Христиане, увидев, что татары с Мамаем побежали, погнались за ними, избивая и рубя поганых без милости. Ведь бог невидимою силой устрашил полки татарские, и, по-

бежденные, обратили они тыл свой под удары. И в погоне этой одни татары, уязвленные оружием христиан, пали, а другие в реке потонули. И гнали их до реки до Мечи,* и в ней бесчисленное множество бежавших погибло. Княжеские же полки гнали содомлян,* избивая, до стана их, и захватили много богатств и все достояние их содомское.

И тогда на этом побоище убиты были в схватке: князь Феодор Романович Белозерский, сын его Иван,* князь Феодор Тарусский,* брат его Мстислав,* князь Дмитрий Монастырев,* Семен Михайлович,* Микула, сын Василия тысяцкого,* Михайла Иванович, сын Акинфа,* Иван Александрович,* Андрей Серкизов,* Тимофей Васильевич Акатьевич,* по прозвищу Волуй, Михайла Бренков,* Лев Мозырев,* Семен Мелик,* Дмитрий Мининич,* Александр Пересвет,* бывший прежде боярином брянским, и многие другие, имена которых не записаны в этих книгах. Это записаны только имена князей, и воевод, и знатных и именитых бояр, а остальных бояр и слуг опустил я имена и не записал из-за их множества, так как число их выше моего разумения, ибо многие в этой битве убиты были.

У самого же князя великого все доспехи его были разбиты и повреждены, но на теле его не было ни единой раны, а бился с татарами лицом к лицу, впереди всех, в первой же схватке. Поэтому-то многие князья и воеводы несколько раз говорили ему: «Князь наш и господин, не становись биться впереди, но стань в тылу, или с краю, или где-нибудь в укромном месте». А он отвечал им: «Да как же я призову: „Братья мои, ринемся в бой все как один“, — а сам буду лицо свое прятать и хорониться сзади? Не могу я так поступить, но хочу как на словах, так и на деле впереди всех и перед всеми голову свою положить за своих братьев и за всех христиан, чтобы и остальные, видя это, с усердием ринулись в бой». И как сказал, так и поступил: бился тогда с татарами, став впереди всех. И справа и слева от него дружину его перебили, самого же вокруг обступили, как вода в половодье со всех сторон, и много ударов нанесли и по голове его, и по плечам, и по телу, но от всего этого бог защитил его в день битвы щитом истины, и оружием благоволения осенил голову его, десницей своей защитил его, и рукой крепкой и мышцей высокой* бог избавил и укрепил его, и так среди многих ратников остался он невредим. «Не на лук мой уповаю, и оружие мое не спасет меня, — как сказал пророк Давид, — всевышнего сделал ты прибежищем твоим; не постигнет тебя беда, и раны не приблизятся к телу твоему, ибо ангелам своим поручил тебя, чтобы хранили тебя во всех путях твоих, и не устрашишься стрелы, летящей днем».*

Было же это из-за грехов наших: ополчаются на нас иноплеменники, чтобы отступили мы от своих неправд, от братоненавистничества и от сребролюбия, и от суда неправедного, и от насилия. Но милосерд бог человеколюбец: не до конца гневается на нас, не вечно наказывает.*

А из страны литовской Ягайло, князь литовский, пришел со всею силою литовскою пособлять Мамаю, татарам поганым на помощь, а христианам на пакость, но и от них бог избавил: не успели к сроку совсем немного — на один день пути, а то и меньше. А как только услышал

Ягайло Ольгердович и вся сила его, что у князя великого с Мамаем бой был и князь великий одолел, а Мамай побежден и бежал, то без всякого промедления литовцы с Ягайлом побежали назад стремглав, никем не преследуемые. В то время, не видя князя великого, ни рати его, ни вооружения его, а только слыша имя его, Литва приходила в страх и трепет. Не так, как в нынешние времена, когда литовцы издеваются и насмеваются над нами. Но мы этот разговор оставим и к прежнему вернемся.

Князь же Дмитрий с братом своим Владимиром и с князьями русскими, и с воеводами, и с остальными боярами, и со всеми уцелевшими воинами, став той ночью на поганных обедницах, на костях татарских, утерев пот свой и отдохнув от труда своего, великую благодарность вознес к богу, который даровал такую победу над погаными и избавил раба своего от лютого оружия: «Вспомнил ты, господи, милость свою, избавил нас, господи, от сыроядцев этих, от поганого Мамаю и от нечестивых пзмаильтян и от беззаконных агарян, воздавая честь, как сын своей матери. Укрепил ты стремление к подвигу, как наставлял на подвиг слугу своего Моисея, и древнего Давида, и нового Константина, и Ярослава, родича великих князей, пошедшего на окаянного и на проклятого братоубийцу, безрассудного зверя Святополка.* И ты, богородица, помиловала милостию своею нас, грешных рабов твоих, и весь род христианский, умолила бессмертного сына своего». И многие князья русские и воеводы превеликими похвалами прославили пречистую мать Божию богородицу.

И снова христолюбивый князь похвалил дружину свою, которая крепко билась с иноплеменниками, и твердо сражалась, и мужественно встала, и отстояла с божьей помощью веру христианскую.

И возвратился князь Дмитрий в богом хранимый город Москву, в свою вотчину, с победой великой, одолев в сражении, победив врагов своих. И многие воины его возрадовались, так как захватили богатую добычу: пригнали с собою большие стада коней, и верблюдов, и волов, а их невозможно сосчитать, принесли и доспехи, и одежды, и много добра.

Тогда поведали князю великому, что князь Олег Рязанский посылал Мамаю на помощь свою силу и на реке разрушил мост, а тех, кто поехал домой с Донского побоища через его вотчину, Рязанскую землю, бояре ли или слуги, велел он тех хватать и грабить и нагими отпускать. За это князь Дмитрий хотел на Олега послать рать свою. И тут внезапно приехали к нему бояре рязанские и рассказали, что князь Олег бросил свою землю и сам убежал и с княгиней, и с детьми, и с боярами. И много молили рязанцы великого князя, чтобы он на них рати не посылал, а сами били ему челом и заключили с ним договор. Князь же послушал их, принял их челобитье, рати на них не послал, а на Рязанское княжество посадил своих наместников.

Тогда же и Мамай с немногими убежал и прибежал в свою землю с небольшой дружиной. И, видя себя разгромленным, посрамленным и поруганным, снова разгневался и разъярился он и, в сильной тревоге,

собрал остатки своего войска и опять хотел пойти изгоном* на Русь. И когда он это задумал, пришла к нему весть, что идет на него царь некий с Востока, Тохтамыш, из Синей Орды.* Мамай же с той ратью, которую он приготовил на нас, пошел против него, и встретились они на Калке,* и был у них бой, и царь Тохтамыш победил Мамаю и прогнал его. Мамаевы же князья, спешди с коней своих, били челом царю Тохтамышу, и поклялись ему по законам своей веры, и подчинились ему, а Мамаю оставили поруганным.

Мамай же, увидев это, без промедления бежал со своими единомышленниками. Царь же Тохтамыш послал за ними в погоню воинов своих. Мамай же, гонимый, спасаясь от Тохтамышевых преследователей, прибежал к окрестностям города Кафы* и снесся с кафинцами по договору и по обещанной ему защите, чтобы они его укрыли у себя, пока не отступят от него все его преследователи. И они разрешили ему. И Мамай прибежал в Кафу со множеством богатств, золота и серебра. Кафинцы же, сговорившись, обманули его, и был он тут ими убит. Таков был конец Мамаю.

А сам Тохтамыш пошел и захватил орду Мамаеву, и царицу его, и казну его, и улус* весь его взял, и богатство Мамаево раздал дружине своей. И тогда послов своих отправил к князю Дмитрию и ко всем князьям русским, извещая их о своем приходе и о том, как он воцарился, как своего и их врага Мамаю победил, а сам пошел и сел на царство Волжское. Князья же русские послов его отпустили в Орду с честью и с дарами многими, а сами зимою той и весною вслед за послами отправили каждый своих киличеев* со многими дарами.

СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ

ОСНОВНАЯ РЕДАКЦИЯ

Начало повести о том, как даровал бог победу государю великому князю Дмитрию Ивановичу за Доном над поганым Мамаем* и как молитвами пречистой богородицы и русских чудотворцев православное христианство — Русскую землю бог возвысил, а безбожных язычников посрамил.*

Хочу вам, братья, поведать о брани недавней войны, как случилась битва на Дону великого князя Дмитрия Ивановича и всех православных христиан с поганым Мамаем и с безбожными язычниками. И возвысил бог род христианский, а поганных унижил и посрамил их дикость, как и в старые времена помог Гедeonу над мадиамлянами* и преславному Моисею над фараоном.* Надлежит нам поведать о величии и милости божьей, как исполнил господь пожелание верных ему, как помог господь великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу,* над безбожными половцами* и язычниками.

Попущением божьим, за грехи наши, по наваждению дьявола поднялся князь восточной страны, по имени Мамай, язычник верой, идолопоклонник и иконоборец, злой преследователь христиан. И начал подстрекать его дьявол, и вошло в сердце его искушение против мира христианского, и подучил его враг, как разорить христианскую веру и осквернить святые церкви, потому что всех христиан захотел покорить себе, чтобы не славилось господне имя верными господу. Господь же наш бог, царь и творец всего сущего, что пожелает, то и вершит.

Тот же безбожный Мамай стал похваляться и, позавидовав второму Юлиану-Отступнику,* царю Батыю, начал расспрашивать старых татар, как царь Батый покорил Русскую землю. И стали ему сказывать старые татары, как покорил Русскую землю царь Батый, как взял Киев и Владимир,* и всю Русь, славянскую землю, и великого князя Юрия Дмитриевича убил,* и многих православных князей перебил, а святые церкви осквернил, и многие монастыри и села пожег, а во Владимире соборную церковь златоверхую пограбил.* И так как он был в помутнении ума, то того не постиг, что как господу угодно, так и будет: так же и в давние дни Иерусалим был пленен Титом римлянином и Навуходоносором, царем вавилонским,* за прегрешения и маловерие иудеев — но не бесконечно гневается господь и не вечно он ненавидит.

Узнав все от своих старых татар, начал безбожный Мамай поспешать, дьяволом распалаемый непрестанно, ополчаясь на христиан. И забывшись, стал говорить своим алпаутам, и есаулам,* и князьям, и воеводам, и всем татарам: «Я не хочу так поступить, как Батый, но когда приду на Русь и убью князя их, то какие города наилучшие понравятся нам — тут и осядем, и Русью завладеем, тихо и беззаботно заживем», — а не знал того проклятый, что господня рука высока.

И через несколько дней перешел он великую реку Волгу со всеми силами и другие многие орды к великому воинству своему присоединил и сказал им: «Пойдем на Русскую землю и разбогатеем от русского золота!». Пошел же безбожный на Русь, будто лев ревущий ярься, будто неутолимая гадюка злобой дыша. И дошел уже до устья реки Воронежа,* и распустил всю силу свою, и наказал всем татарам своим так: «Пусть не пашет ни один из вас хлеба, будьте готовы на русские хлеба!».

Прознал же о том князь Олег Рязанский,* что Мамай кочует на Воронеже и хочет идти на Русь, на великого князя Дмитрия Ивановича Московского. Скюдость ума была в голове его, послал сына своего к безбожному Мамаю с великою честью и с многими дарами и писал грамоты свои к нему так: «Восточному великому и свободному, царям царю Мамаю — радоваться! Твой ставленник, тебе присягавший Олег, князь рязанский, много тебя молит. Слышал я, господин, что хочешь идти на Русскую землю, на своего слугу князя Дмитрия Ивановича Московского, утратить его хочешь. Теперь же, господин и пресветлый царь, настало твое время: золотом и серебром и богатством многим переполнилась земля Московская и всякими драгоценностями, твоему владению на потребу. А князь Дмитрий Московский — веры христианской, как услышит слово ярости твоей, то отбежит в дальние пределы свои: либо в Новгород Великий, или на Белоозеро, или на Двину, а большое богатство московское и золото — все в твоих руках будет и твоему войску на потребу. Меня же, раба твоего, Олега Рязанского, власть твоя пощадит, о царь: я ведь для тебя сильно утрашаю Русь и князя Дмитрия. И еще просим тебя, о царь, оба раба твоих, Олег Рязанский и Ольгерд Литовский:* обиду приняли мы великую от этого великого князя Дмитрия Ивановича, и как бы мы в своей обиде твоим именем царским ни грозили ему, а он и в том не тревожится. И еще, господин наш царь, город мой Коломну себе он захватил* — и о том о всем, о царь, жалобу приносим тебе».

И другого тоже послал скоро своего вестника князь Олег Рязанский со своим письмом, написано же в грамоте так: «К великому князю Ольгерду Литовскому — радоваться великою радостью! Известно ведь, что издавна ты замышлял на великого князя Дмитрия Ивановича Московского, чтобы изгнать его из Москвы и самому завладеть Москвою. Ныне же, княже, настало наше время, ибо великий царь Мамай грядет на него и на землю его. Теперь же, княже, мы оба присоединимся к царю Мамаю, ибо знаю я, что царь даст тебе город Москву, да и другие города, что поближе к твоему княжеству, а мне даст город Ко-

ломну, да Владимир, да Муром, которые к моему княжеству поближе стоят. Я же послал своего гонца к царю Мамаю с великою честью и со многими дарами, так же и ты пошли своего гонца и, что у тебя есть из даров, то пошли ты к нему, грамоты свои написав, а как — сам знаешь, ибо больше меня понимаешь в том».

Князь же Ольгерд Литовский, прознав про все это, очень рад был высокой похвале друга своего князя Олега Рязанского. И отправляет он быстро посла к царю Мамаю с великими дарами и подарками для царских забав. А пишет свои грамоты так: «Восточному великому царю Мамаю! Князь Ольгерд Литовский, присягавший тебе, умоляет тебя! Слышал я, господин, что хочешь наказать свой удел, своего слугу, московского князя Дмитрия. Потому и молит тебя, свободный царь, раб твой, что великую обиду наносит князь Дмитрий Московский улуснику твоему князю Олегу Рязанскому, да и мне также большой вред причиняет. Господин царь свободный Мамай! Пусть придет власть твоего правления теперь и в наши места, пусть обратится, о царь, твой взор на притеснения наши от московского князя Дмитрия Ивановича».

Помышляли же про себя, говоря так, Олег Рязанский и Ольгерд Литовский: «Когда услышит князь Дмитрий о приходе царя, и ярости его, и о нашем союзе с ним, то убежит из Москвы в Великий Новгород, или на Белоозеро, или на Двину, а мы сядем в Москве и в Коломне. Когда же царь придет, мы его с большими дарами встретим и с великою честью и умолим его, и возвратится царь в свои владения, а мы княжество Московское по царскому велению разделим меж собою — то к Вильне,* а то к Рязани,* и даст нам царь Мамай ярлыки* свои и потомкам нашим после нас». Не ведали ведь, что замышляют и что говорят, как несмышленные малые дети, не ведающие божьей силы и господнего предначертания. Ибо воистину сказано: «Если кто к богу веру с добрыми делами и правду в сердце держит и на бога упование возлагает, то того человека господь не отдаст врагам в поношение и на осмеяние».

Государь же князь великий Дмитрий Иванович, мирный человек, образцом был смиренномудрия, небесной жизни желал, ожидая от бога грядущих вечных благ, не ведая того, что на него замышляют злой заговор ближние его друзья. О таких ведь пророк и сказал: «Не сотвори ближнему своему зла и не рой, не копай врагу своему ямы,* но на бога творца надейся. Господь бог может оживить и умертвить».

Пришли же послы к царю Мамаю от Ольгерда Литовского и от Олега Рязанского и принесли ему большие дары и письменные послания. Царь же принял дары благосклонно и письма и, заслушав грамоты и послов почтя, отпустил и написал ответ такой: «Ольгерду Литовскому и Олегу Рязанскому. За дары ваши и за восхваление ваше, ко мне обращенное, каких захотите от меня владений русских, теми и отдарю вас. А вы мне клятву дайте и скорее идите ко мне, и одолейте своего недруга. Мне ведь ваша помощь не очень нужна: если бы я теперь пожелал, то своею силою великою я бы и древний Иерусалим покорил, как прежде халдеи.* Теперь же почести от вас хочу: моим именем царским и угро-

жаньем, а вашею клятвой и рукою вашею разбит будет князь Дмитрий Московский, и грозным станет имя ваше в странах ваших моею угрозой. Ведь если мне, царю, предстоит победить царя, подобного себе, то мне подобает и надлежит и царскую честь получить. Вы же теперь идите от меня и передайте князьям своим слова мои».

Послы же, возвратясь от царя к своим князьям, сказали им так: «Царь Мамай желает вам здоровья и очень за восхваление ваше великое к вам благорасположен». Те же, скудные умом, порадовались суетному привету безбожного царя, не ведая того, что бог дает власть, кому пожелает. Теперь же — одной веры, одного крещения, а с безбожным соединились, чтобы вместе преследовать православную веру Христову. О таких ведь пророк сказал: «Воистину сами себя отсекали от доброго масличного древа и привились к дикой маслине».*

Князь же Олег Рязанский стал торопиться, отправлять к Мамаю послов, говоря: «Выступай, царь, скорее на Русь». Ибо говорит великая мудрость: «Путь нечестивых погибнет, ибо собирают на себя досаду и поношение».* Ныне же этого Олега окаянного новым Святополком* назову.

И прослышал князь великий Дмитрий Иванович, что надвигается на него безбожный царь Мамай со многими ордами и со всеми силами, неустанно ярясь на христиан и на Христову веру и завидуя безумному Батыю, князь великий Дмитрий Иванович сильно опечалился от нашествия безбожных. И став перед святою иконою господня образа,* что в изголовье его стояла, и упав на колени свои, начал молиться и сказал: «Господи! Я, грешный, смею ли молиться тебе, смиренный раб твой? Но к кому обращу печаль мою? Лишь на тебя надеюсь, господи, и вознесу печаль мою. Ты же, господи, царь, владыка, светодатель, не сотвори нам, господи, того, что отцам нашим, наведя на них и на их города злого Батыя, ибо еще и сейчас, господи, тот страх и трепет великий в нас живет. И ныне, господи, царь, владыка, не до конца прогневайся на нас, знаю ведь, господи, что из-за меня, грешного, хочешь всю землю нашу погубить; ибо я согрешил пред тобою больше всех людей. Сотвори мне, господи, за слезы мои, как Иезекии,* и укроти, господи, сердце свирепому этому хищнику!». Поклонился и сказал: «На господа уповал — и не погибну».* И послал за братом своим, за князем Владимиром Андреевичем, в Боровск,* и за всеми князьями русскими скорых гонцов разослал, и за всеми воеводами наместными, и за детьми боярскими, и за всеми служилыми людьми. И повелел им быстро быть у себя в Москве.

Князь же Владимир Андреевич прибыл скоро в Москву, и все князья и воеводы. А князь великий Дмитрий Иванович, взяв брата своего, князя Владимира Андреевича, пришел к преосвященному митрополиту Киприану* и сказал ему: «Знаешь ли, отче наш, предстоящее нам испытание это великое, — ведь безбожный царь Мамай движется на нас, умолимую ярость в себе распаляя?». И митрополит отвечал великому князю: «Поведай мне, господин мой, чем ты пред ним провинился?».

Князь же великий сказал: «Проведал я, отче, все верно, что все по заветам наших отцов, и даже еще больше, выплатил дани ему». Митрополит же сказал: «Видишь ли, господин мой, попущением божьим из-за наших грехов идет он полонить землю нашу, но вам надлежит, князьям православным, тех нечестивых дарами насытить хотя бы и вчетверо. Если же и после того не смиритя, то господь его усмирят, потому что господь гордым противится, а смиренным благодать* дает. Так же случилось когда-то с Великим Василием в Кесарии: когда злой отступник Юлиан, идя на персов,* захотел разорить город его Кесарию, Василий Великий помолился со всеми христианами господу богу и собрал много золота и послал к нему, чтобы утолить жадность этого преступника. А тот, окаянный, сильнее разъярился, и господь послал на него воина своего Меркурия* уничтожить его. И невидимо пронзен был в сердце нечестивый, жизнь свою жестоко окончил. Ты же, господин мой, возьми золота, сколько есть у тебя, и пошли навстречу ему и еще оправдайся пред ним».

Князь же великий Дмитрий Иванович послал к нечестивому царю Мамаю избранного юношу своего, по имени Захарий Тютчев,* испытанного по уму и нраву, дав ему много злата и двух переводчиков, знающих татарский язык. Захарий же, дойдя до земли Рязанской и узнав, что Олег Рязанский и Ольгерд Литовский присоединились к поганому царю Мамаю, послал быстро вестника тайно к великому князю.

Князь же великий Дмитрий Иванович, услышав ту весть, восскорбел сердцем, и исполнился ярости и печали, и начал молиться: «Господи боже мой, на тебя надеюсь, правду любящего. Если мне враг вред наносит, то следует мне терпеть, ибо искони он — ненавистник и враг роду христианскому; но вот же эти мои друзья близкие так замыслили против меня. Рассуди же, господи, нас, я ведь им никакого зла не причинил, разве дары и почести от них принимал, но и им в ответ я также дарил. Суди же, господи, по правде моей, пусть прекратится злоба грешных».*

И взяв брата своего, князя Владимира Андреевича, пошел во второй раз к преосвященному митрополиту и поведал ему, как Ольгерд Литовский и Олег Рязанский соединились с Мамаем на нас. Преосвященный же митрополит сказал: «А сам ты, господин, не нанес ли какой обиды им обоим?». Князь же великий прослезился и сказал: «Если я перед богом грешен или перед людьми, то перед ними ни единой черты не преступил по закону отцов своих. Ибо знаешь и сам, отче, что доволен я своими пределами, и им никакой обиды не нанес и не знаю, отчего размножились против меня вредящие мне».* Преосвященный же митрополит сказал: «Сын мой, господин князь великий, да осветятся веселием очи твоей души: закон божий почитаешь и творишь правду, так как праведен господь, и ты возлюбил правду. Ныне же окружили тебя, как псы многие, суетны и тщетны их попытки, ты же именем господним обороняйся от них.* Господь справедлив и будет тебе верным помощником. А от всевидящего ока господня где можно скрыться от твердой руки его?».

А князь великий Дмитрий Иванович с братом своим, с князем Владимиром Андреевичем, и со всеми русскими князьями и воеводами задумали, как сторожевую заставу крепкую устроить в поле, и послали в заставу лучших своих и твердых воинов: Родиона Ржевского,* Андрея Волосатого,* Василия Тупика,* Якова Ослябятёва* и других с ними твердых воинов. И повелел им на Тихой Сосне* сторожевую службу нести со всяким усердием и ехать к Орде* и языка добыть, чтобы узнать истинные намерения царя.

А сам князь великий по всей Русской земле быстрых гонцов разослал со своими грамотами по всем городам: «Будьте же все готовы идти на мою службу, на битву с безбожными половцами, агарянами. Соединимся все в Коломне на Успение святой богородицы».*

И так как сторожевые отряды задержались в степи, князь великий вторую заставу послал: Климентия Полянина,* Ивана Святославича Свесланина,* Григория Судакова* и других с ними, приказав им скорее возвращаться. Те же встретили Василия Тупика: ведет языка к великому князю, язык же из людей царского двора, из сановных мужей. И сообщает он великому князю, что неотвратимо Мамай надвигается на Русь и что сослались друг с другом и соединились с ним Олег Рязанский и Ольгерд Литовский. А не спешит царь оттого идти — осени ожидает.*

Услышав же от языка такое известие об этом нашествии безбожного царя, великий князь стал утешаться в боге и призывал к твердости брата своего, князя Владимира, и всех князей русских, говоря: «Братья князья русские, из рода мы все князя Владимира Святославича Киевского, которому открыл господь познать православную веру, как и Ефстафию Плакиде;* просветил он всю землю Русскую святым крещением, извел нас от мучений языческих и заповедал нам ту же веру святую твердо держать, и хранить, и биться за нее. Если кто за нее пострадает, тот в будущей жизни ко святым первомученикам за веру Христову причислен будет. Я же, братья, за веру Христову хочу пострадать даже и до смерти». Они же ему ответили все согласно, будто одними устами: «Воистину ты, государь, исполнил закон божий и последовал евангельской заповеди, ибо сказал господь: „Если кто пострадает имени моего ради, то после воскресения сторицей получит жизнь вечную“.* И мы, государь, сегодня готовы умереть с тобою и головы свои положить за святую веру христианскую и за твою великую обиду».

Князь же великий Дмитрий Иванович, услышав это от брата своего, князя Владимира Андреевича, и от всех князей русских, что решаются за веру сразиться, повелел всему войску своему быть у Коломны на Успение святой богородицы:* «Тогда пересмотрю полки и каждому полку воеводу назначу». И все множество людей будто одними устами сказало: «Дай же нам, господи, решение это исполнить имени твоего ради святого».

И пришли к нему князья белозерские, готовы они к бою и крепко снаряжено войско их: князь Федор Семенович, князь Семен Михайло-

вич,* князь Андрей Кемский, князь Глеб Каргопольский и андомские князья,* пришли и ярославские князья со своими полками: князь Андрей Ярославский, князь Роман Прозоровский, князь Лев Курбский,* князь Дмитрий Ростовский* и прочие многие князья.

Тут же, братья, стук стучит и будто гром гремит в славном городе Москве, а то идет сильная рать великого князя Дмитрия Ивановича, и гремят русские сыны своими золочеными доспехами.

Князь же великий Дмитрий Иванович, взяв с собою брата своего, князя Владимира Андреевича, и всех князей русских, поехал к Живоначальной Троице* на поклон к отцу своему духовному, преподобному старцу Сергию,* благословение получить от святой той обители. И упросил его преподобный игумен Сергей, чтобы прослушал он святую литургию,* потому что был тогда день воскресный и чтилась память святых мучеников Флора и Лавра.* По окончании же литургии просил его святой Сергей со всею братьею, великого князя, чтобы вкусил он хлеба в доме Живоначальной Троицы, в обители его. Великий же князь был в тягости, ибо пришли к нему вестники, что уже приближаются поганые половцы, и просил он преподобного, чтобы его отпустил. И ответил ему преподобный старец: «Это твое промедление двойным для тебя поспешением обернется. Ибо не сейчас еще, господин мой, смертный венец носить тебе, но через несколько лет, а для многих других теперь уж венцы плетутся». Князь же великий вкусил у них хлеба, а игумен Сергей в то время велел воду освящать с мощей святых мучеников Флора и Лавра.* Князь же великий быстро от трапезы встал, и преподобный Сергей окропил его священной водою и все христоролюбивое его войско, и осенил великого князя крестом Христовым — знаменем на челе.* И сказал: «Пойди, господин, на поганых половцев, призывая бога, и господь бог будет тебе помощником и заступником». И добавил ему тихо: «Победишь, господин, супостатов своих, как и подобает тебе, государь наш». Князь же великий сказал: «Дай мне, отче, двух воинов из своей братии — Пересвета Александра* и брата его Андрея Ослябю,* тем ты и сам нам поможешь». Старец же преподобный велел тем обоим быстро сготовиться, идти с великим князем, ибо были они известными в сражениях ратниками, не одно нападение встретили. Они же тотчас послушались преподобного старца и не отказались от его повеления. И дал он им вместо оружия тленного нетленное — крест Христов, нашитый на схимах,* и повелел им вместо шлемов золоченых возлагать их на себя. И передал их в руки великого князя и сказал: «Вот тебе мои воины, а твои избранные». И сказал им: «Мир вам, братья мои, твердо сражайтесь, как славные воины за веру Христову и за все православное христианство с погаными половцами!». И осенил Христовым знаменем все войско великого князя — мир и благословение.

Князь же великий возвеселился сердцем, но никому не поведал, что сказал ему преподобный Сергей. И пошел он к славному своему городу Москве, радуясь, словно сокровище непохищаемое получил, благословению святого старца. И, вернувшись в Москву, пошел с братом своим,

с князем Владимиром Андреевичем, к преосвященному митрополиту Киприану, и говорит одному митрополиту все, что сказал ему старец святой Сергей тайком, и какое благословение дал ему и всему его православному войску. Архиепископ же повелел эти слова сохранить в тайне, не говорить никому.

Когда же наступил четверг августа 27, день памяти святого отца Пимена Отшельника, в тот день решил князь великий выйти навстречу безбожным татарам. И, взяв с собою брата своего, князя Владимира Андреевича, стал в церкви святой Богородицы* пред образом господним, приложив руки к груди, потоки слез проливая, молясь, и сказал: «Господи боже наш, владыко великий, твердый, воистину ты — царь славы, помилуй нас, грешных, когда унываем, к тебе единому прибегаем, нашему спасителю и благодетелю, ибо твоею рукою созданы мы. Но знаю я, господи, что прегрешения мои уже покрывают главу мою; и теперь не оставь нас, грешных, не отступи от нас. Суди, господи, притесняющих меня и оборони от борющихся со мною; прими, господи, оружие и щит и стань на помощь мне. Дай же мне, господи, победу над моими врагами, пусть и они познают славу твою».* И затем приступил к чудотворному образу госпожи богородицы, который Лука евангелист, будучи жив, написал,* и сказал: «О чудотворная госпожа богородица, всему роду человеческому заступница, ибо благодаря тебе познали мы истинного бога нашего, воплотившегося и рожденного тобою. Не отдай же, госпожа, в разорение городов наших поганым половцам, да не осквернят святых твоих церквей и веры христианской. Умоли, госпожа богородица, сына своего Христа, бога нашего, чтобы смирил он сердце врагам нашим, да не будет рука их над нами. И ты, госпожа пресвятая богородица, пошли нам свою помощь и нетленную своею ризою покрой нас,* чтобы не страшись мы ран, на тебя ведь надеемся, ибо твои мы рабы. Знаю же я, госпожа, если захочешь, — поможешь нам против злых врагов, этих поганых половцев, которые не призывают твоего имени; мы же, госпожа пречистая богородица, на тебя надеемся и на твою помощь. Ныне выступаем против безбожных язычников, поганых татар, умоли же ты сына своего, бога нашего». И потом пришел к гробу блаженного чудотворца Петра митрополита,* сердечно к нему припадая, сказал: «О чудотворный святитель Петр, по милости божьей непрестанно творишь чудеса. И теперь настало время тебе за нас молиться общему владыке всех, царю и милостивому спасителю. Ибо теперь на меня ополчились супостаты поганые и на город твой Москву готовят оружие. Тебя ведь господь показал последующим поколениям нашим и возжег тебя нам, светлую свечу, и поставил на подсвечнике высоком светить всей земле Русской. И тебе ныне подобает о нас, грешных, молиться, чтобы не нашла на нас рука смерти и рука грешника не погубила нас.* Ты ведь — страж наш твердый от вражеских нападений, ибо твоя мы паства». И, окончив молитву, поклонился преосвященному митрополиту Киприану, архиепископ же благословил его, и отпустил идти против поганых татар, и осенил его Христовым знамением — крестом на челе, и послал

богосвященный клир свой с крестами и со святыми иконами и со священной водою во Фроловские ворота и в Никольские, и в Константиноленские,* чтобы каждый воин вышел благословленным и святою водою окропленным.

Князь же великий Дмитрий Иванович с братом своим, с князем Владимиром Андреевичем, пошел в церковь небесного воеводы архистратига Михаила* и бил челом святому образу его, а потом приступил к гробам православных князей, прародителей своих, так слезно говоря: «Истинные охранители, русские князья, православной веры христианской поборники, родители наши! Если имеете дерзновение предстать пред Христом, то помолитесь теперь о нашем горе, ибо великое нашествие грозит нам, детям вашим, так теперь помогите нам». И это сказав, он вышел из церкви.

Княгиня же великая Евдокия,* и княгиня Владимира Мария,* и других православных князей княгини, и многие жены воевод, и боярыни московские, и жены слуг тут стояли, провожая, от слез и кликов сердечных не могли и слова сказать, свершая прощальное целование. И остальные княгини и боярыни и жены слуг так же отдали своим мужьям последнее целование и вернулись вместе с великой княгиней. Князь же великий, сам едва удержась от слез, не стал плакать при народе, а в сердце своем очень плакал, утешая свою княгиню, и сказал: «Жёно, если бог за нас, то кто против нас!».*

И сел на лучшего своего коня, и все князья и воеводы сели на коней своих.

Солнце ему на востоке ясно сияет, путь ему показывает. Тогда ведь как соколы сорвались с золотых колодок* из каменного града Москвы,* и взлетели под синие небеса, и возгремели своими золотыми колокольцами,* и захотели ударить на большие стада лебединые и гусиные; то, братья, не соколы вылетели из каменного града Москвы, то выехали русские удалцы со своим государем, с великим князем Дмитрием Ивановичем, а наехать захотели на великую силу татарскую.

Князья же белозерские отдельно со своим войском выехали; изготовленным выглядит войско их.

Князь же великий отпустил брата своего, князя Владимира, дорогою на Брашево, а белозерских князей — Болвановскою дорогою, сам же великий князь пошел дорогою на Котел.* Впереди ему солнце ярко сверкает, а вслед ему тихий ветерок веет. А потому разлучился князь великий с братом своим, что не поместиться им было на одной дороге.

Княгиня же великая Евдокия со своею невесткою, княгиней Владимира Марией, и с воеводскими женами и с боярынями взшла в златоверхий свой терем в набережный и села на рундуке* под стекольчатыми окнами. Ибо уже в последний раз видит великого князя, слезы проливая, как речной поток. С великою печалью, сложив руки свои у груди своей, говорит: «Господи боже мой, вышний творец, взгляни на мое смирение, удостой меня, господи, увидеть вновь моего государя, славнейшего среди людей великого князя Дмитрия Ивановича. Дай же

ему, господи, помощь от своей твердой руки, чтобы победил вышедших на него поганных половцев. И не допусти, господи, того, что за много лет до этого было, когда страшная битва была на Калке* меж русскими князьями и погаными половцами, агарянами; и теперь избавь, господи, от подобной беды и спаси, и помилуй! Не дай же, господи, погибнуть сохранившемуся христианству, да славится имя твое святое в Русской земле! Со времени той калкской беды и страшного побоища татарского и ныне еще Русская земля в печали, и нет уже у нее надежды ни на кого, только на тебя, всемилостивого бога, ибо ты можешь оживить и умертвить. Я же, грешная, имею теперь двух наследников, еще молоденьких очень, князя Василия и князя Юрия:* когда припечет их ясное солнце с юга или ветер повеет к западу — ни того, ни другого не смогут еще вынести. Что же тогда я, грешная, поделаю? Так возврати им, господи, отца их, великого князя, здоровым, тогда и земля их спасется, и они всегда будут царствовать».

Князь же великий отправился, захватив с собой мужей знатных, московских купцов сурожан,* десять человек как свидетелей: что бы бог ни устроил, а они расскажут в дальних странах как купцы знатные, и были: первый Василий Капица,* второй Сидор Алферьев,* третий Константин Петунов,* четвертый Кузьма Ковря,* пятый Семен Антонов,* шестой Михаил Саларев,* седьмой Тимофей Весяков,* восьмой Дмитрий Черный,* девятый Дементий Саларев,* десятый Иван Шиха.*

И двигался князь великий Дмитрий Иванович по большой широкой дороге, а за ним выступают русские сыны спешно, будто идут медвяные чаши пить и гроздья виноградные есть, хотят себе чести добыть и славного имени: уже ведь, братья, стук стучит и гром гремит на ранней заре, князь Владимир Андреевич Москву-реку переходит на добром перевозе под Боровском.*

Князь же великий пришел в Коломну в субботу, в день памяти святого отца Моисея Эфиопа.* Тут уже были многие воеводы и воины и встретили его на речке на Северке.* Архиепископ же коломенский Геронтий* встретил великого князя в воротах городских с живоносными крестами* и со святыми иконами со всем своим клиром и осенил его живоносным крестом и молитву сотворил «Спаси, боже, люди твоя».*

Наутро же князь великий повелел выехать всем воинам на поле к Девичью монастырю.*

В святое же воскресение после заутрени начали многих труб боевых голоса звучать, и литавры многие бить, и знамена шумят расшитые — у сада Панфилова.

Сыновья же русские вступили в обширные поля коломенские, так что нельзя и вместиться огромному войску, и невозможно было никому взором окинуть рати великого князя. Князь же великий, выехав на возвышенное место с братом своим, с князем Владимиром Андреевичем, видя великое множество людей снаряженных, возрадовался и назначил каждому полку воеводу. Себе же князь великий взял в войско белозерских князей, а на правую руку назначил брата своего, князя

Владимира, и дал ему в полк ярославских князей, а на левую руку от себя назначил князя Глеба Брянского.* Передовой же полк Дмитрия Всеволодовича да брата его Владимира Всеволодовича* с коломенцами — воевода Николай Васильевич,* владимирский же воевода и юрьевский — Тимофей Волуевич,* а костромской воевода — Иван Квашня Родионович,* переяславский же воевода — Андрей Серкизович.* А у князя Владимира Андреевича воеводы: Данило Белеут,* Константин Кононов,* князь Федор Елецкий,* князь Юрий Мещерский,* князь Андрей Муромский.*

Князь же великий, разделив полки, повелел им Оку-реку переходить и приказал каждому полку и воеводам: «Если же кто пойдет по Рязанской земле, то не коснитесь ни единого волоса!». И, взяв благословение от архиепископа коломенского, князь великий перешел реку Оку со всеми силами и отправил в поле третью заставу, лучших своих витязей, чтобы они сошлись с заставами татарскими в степи: Семена Мелика,* Игнатия Креня, Фому Тынину, Петра Горского, Карпа Олексина, Петрушку Чурикова* и других многих с ними удалых наездников.

Сказал же князь великий брату своему князю Владимиру: «Поспешим, брате, навстречу безбожным язычникам, поганым татарам и не отвернем лица своего от бесстыдства их, а если, брате, и смерть нам суждена, то не без пользы, не без смысла для нас эта смерть, но для жизни вечной». А сам государь князь великий, путем едучи, призывал родственников своих на помощь — святых страстотерпцев Бориса и Глеба.*

Прослышал же то князь Олег Рязанский, что князь великий соединился со многими силами и следует навстречу безбожному царю Мамаю, да к тому же вооружен твердо своею верою, которую на бога вседержителя, высшего творца, со всею надеждой возлагает. И начал остерегаться Олег Рязанский и с места на место переходить с единомышленниками своими, так говоря: «Вот если бы нам можно было послать весть об этой напасти к многоразумному Ольгерду Литовскому, узнать, что он об этом думает, да нельзя: перекрыли нам путь. Думал я по старинке, что не следует русским князьям на восточного царя подниматься, а теперь — как все это понять? И откуда князю помощь такая пришла, что смог против нас трех подняться?».

Отвечали ему бояре его: «Нам, княже, сообщили из Москвы за 15 дней до сего, но мы побоялись тебе передать о том, что в вотчине его, близ Москвы, живет монах, Сергием зовут, весьма прозорлив он. Тот больше вооружил его и из своих монахов дал ему помощников». Услышав же то, князь Олег Рязанский испугался и на бояр своих осердился и разъярился: «Почему мне не поведали до сих пор? Тогда бы я послал к нечестивому царю и умолил его, и никакое бы зло не приключилось! Горе мне, потерял я разум свой, но не я один ослабел умом, но и больше, чем я, разумный Ольгерд Литовский; но, однако, он почитает веру латинскую Петра Гугнивого,* я же, окаянный, познал истинный закон божий! И на чем я ошибся? И сбудется со мною сказанное господом: „Если раб, зная закон господина своего, нарушит его, бит будет сильно“.* Ибо ныне что натво-

рил? Зная закон бога, сотворившего небо и землю и всю тварь, присоединился ныне к нечестивому царю, решившему попрасть закон божий! И теперь какому своему неразумному помыслу вверил себя? Если бы теперь великому князю помощь я предложил, то никак он не примет меня — ибо узнал об измене моей. Если же присоединюсь к нечестивому царю, то воистину стану как древний гонитель Христовой веры, и тогда поглотит меня земля живьем, как Святополка:* не только княжения лишен буду, но и жизни лишусь и брошен буду в геенну огненную мучиться. Если же господь за них, то никто против них. Да еще и молитва всегда за него прозорливого того монаха! Если же никому из них помощи не окажу, то впредь как смогу устоять от обоих? А теперь я так думаю: кому из них господь поможет, к тому и я присоединюсь!».

Князь же Ольгерд Литовский, в согласии с прежним замыслом, собрал литовцев много, и варягов, и жмуди* и пошел на помощь Мамаю. И пришел к городу Одоеву,* но, прослышав, что князь великий собрал великое множество воинов, всю русь и словен, и пошел к Дону против царя Мамаю, прослышав также, что Олег испугался, — и стал тут с тех пор неподвижно, и начал понимать тщетность своих помыслов, о союзе своем с Олегом Рязанским теперь сожалел, стал метаться и негодовать, говоря: «Если человеку не хватает своего ума, то напрасно чужого ума ищет: никогда ведь не бывало, чтобы Литву поучала Рязань! Ныне же свел меня с ума Олег, а сам и пуще погиб. Так что теперь побуду я здесь, пока не услышу о московской победе».

В то же время прослышали князь Андрей Полоцкий и князь Дмитрий Брянский, Ольгердовичи,* что великая беда и забота налегла на великого князя Дмитрия Ивановича Московского и все православное христианство от безбожного Мамаю. Были же те князья отцом своим, князем Ольгердом, нелюбимы из-за мачехи* их, но ныне богом возлюблены были и святое крещение приняли. Были они, будто какие колосья плодовые, сорняком подавляемые: живя среди нечестия, не могли плода достойного породить. И посылает князь Андрей к брату своему, князю Дмитрию, тайно письмо небольшое, в нем же написано так: «Знаешь, брат мой возлюбленный, что отец наш отверг нас от себя, но господь бог, отец наш небесный, сильней возлюбил нас и просветил нас святым крещением, дав нам закон свой — чтобы жить по нему, и отрешил нас от пустой суеты и от нечистой пищи; мы же теперь чем за то богу воздадим? Так устремимся, брате, на подвиг благой для подвижника Христа, источника христианства, пойдем, брате, на помощь великому князю Дмитрию Московскому и всем православным христианам, ибо большая беда наступила для них от поганых измаильтян,* да еще и отец наш с Олегом Рязанским присоединились к безбожным и преследуют православную веру христианскую. Нам, брате, следует святое писание исполнить, говорящее: „Братья, в бедах отзывчивы будьте!“.* Не сомневайся же, брате, будто отцу мы противиться будем, ведь вот как евангелист Лука сказал устами господина нашего Иисуса Христа: „Преданы будете родителями и братьями и умрете за имя мое; претерпевший же до конца — тот спасется!“.* Выбе-

ремся, брате, из давящего этого сорняка и привьемся к истинному плодovitому Христову винограду, возделанному рукою Христовой. Теперь ведь, брате, устремляемся не земной ради жизни, но почести в небесах желая, которую господь дает творящим волю его».

Князь же Дмитрий Ольгердович, прочтя письмо брата своего старшего, возрадовался и заплакал от радости, говоря: «Владыко господи человеколюбец, дай же рабам твоим желание совершить таким путем подвиг этот благой, что открыл ты брату моему старшему!». И велел послу: «Скажи брату моему, князю Андрею: готов я сейчас же по твоему приказу, брате и господине. Сколько есть войска моего, то все вместе со мною, потому что по божьему промыслу собрались мы для предстоящей войны с дунайскими татарами. И еще скажи брату моему: слышал я также от пришедших ко мне сборщиков меда из Северской земли,* говорят, что уже великий князь Дмитрий на Дону, ибо там дожидаться хочет злых сыроядцев. И нам следует идти к Северу и там соединиться: надо держать нам путь на Северу и таким путем утаимся от отца своего, чтобы не помешал нам постыдно».

Через несколько дней сошлись оба брата, как решили, со всеми силами в Северской земле и, свидясь, порадовались, как некогда Иосиф с Вениамином,* видя у себя множество людей: бодры и снаряжены умелые ратники. И достигли быстро Дона, и догнали великого князя Дмитрия Ивановича Московского еще на этой стороне Дона, на месте, называемом Березуй,* и тут соединились.

Князь же великий Дмитрий с братом своим Владимиром возрадовались радостью великою такой милости божьей: ведь невозможно столь просто такому быть, чтобы дети отца оставляли и перехитрили его, как некогда волхвы Ирода,* и пришли нам на помощь. И, многими дарами почтив их, поехали своей дорогой, радуясь и славя святого духа, оставив все земные помыслы, ожидая себе бессмертного иного искупления. Сказал же им князь великий: «Братья мои милые, по какой нужде пришли вы сюда?». Они же ответили: «Господь бог послал нас к тебе на помощь». Князь же великий сказал: «Воистину ревнители вы праотца нашего Авраама, который быстро Лоту помог,* и еще вы ревнители доблестного великого князя Ярослава, который отомстил за кровь братьев своих».*

И тотчас послал весть князь великий в Москву преосвященному митрополиту Киприану: «Ольгердовичи князья пришли ко мне со многими силами, а отца своего оставили». И вестник быстро добрался до преосвященного митрополита. Архиепископ же, прослышав о том, встал на молитву, говоря со слезами: «Господи владыко человеколюбец, ибо противные нам ветры в тихие превращаешь!». И послал во все соборные церкви и монастыри, повелел усердно молитвы творить день и ночь к вседержителю богу. И послал в монастырь к преподобному игумену Сергию, чтобы внял их молитвам бог. Княгиня же великая Евдокия, прослышав о том великом божьем милосердии, начала удвоенные милостыни творить и непрестанно пребывала в святой церкви, молясь день и ночь.

Это же снова оставим и к прежнему возвратимся.

Когда князь великий был на месте, называемом Березуй, за двадцать три поприща* от Дона, настал уже 5 день месяца сентября — день памяти святого пророка Захарии (в тот же день и убиение предка Дмитрия — князя Глеба Владимировича), и прибыли двое из его сторожевой заставы, Петр Горский да Карп Олексин, привели знатного языка из савновников царского двора. Тот язык сказывает: «Уже царь на Кузьмине гати* стоит, но не спешит, поджидает Ольгерда Литовского и Олега Рязанского, о твоих же сборах царь не ведает и встречи с тобою не ожидает, по письмам от Олега, и через три дня должен быть на Дону». Князь же великий спросил его о силе царской, и тот ответил: «Несчетное многое множество войск его сила, никто их не сможет перечесть».

Князь же великий стал совещаться с братом своим и со вновь обретенною братьею, с литовскими князьями: «Здесь ли дальше останемся или Дон перейдем?». Сказали ему Ольгердовичи: «Если хочешь твердого войска, то прикажи за Дон перейти, чтобы не было ни у одного мысли об отступлении; о великой же силе не раздумывай, ибо не в силе бог, но в правде: Ярослав, перейдя реку, Святополка победил, прадед твой князь великий Александр, Неву-реку перейдя, короля победил,* и тебе, призывая бога, следует то же сделать. И если разобьем врага, то все спасемся, если же погибнем, то все общую смерть примем — от князей до простых людей. Тебе же теперь, государю великому князю, нужно забыть о смерти, смелыми словами речь говорить, чтобы теми речами укрепилось войско твое: мы ведь видим, какое великое множество избранных витязей в войске твоём».

И князь великий приказал войску всему Дон переходить.

А в это время вестники поторапливают, ибо поганые приближаются татары. И многие сыны русские возрадовались радостью великою, чая желанного своего подвига, о котором они еще на Руси мечтали.

А за многие дни множество волков стеклось на место то, воя страшно, беспрерывно все ночи, предчувствуя грозу страшную. У храбрых людей в войсках сердца укрепляются, другие же люди в войсках, ту прослышав грозу, совсем приуныли: ведь небывалые рати собрались, безумолчно перекликаются, и галки своим языком говорят, и орлы, во множестве с устья Дона слетевшись, по воздуху летая, клекочут, и многие звери свирепо воют, ожидая того дня грозного, богом predeterminedного, в который должны пасть тела человеческие: такое будет кровопролитие, будто вода морская. От того-то ведь страха и ужаса великие деревья преклоняются и трава пригибается.

Многие люди из обеих войск печалятся, предвидя свою смерть.

Начали же поганые половцы в великом унынии сокрушаться о конце своей жизни, потому что если умрет нечестивый, то исчезнет и память о нем с шумом.* Правоверные же люди еще и больше воссияют в радости, ожидая уготованного им чаяния, прекрасных венцов, о которых поведал великому князю преподобный игумен Сергей.

Вестники же поторапливают, ибо уже близко поганые подступают.

ними гналось множество татар. Так открыто гнались почти до нашего войска, что, лишь только русских увидев, возвратились быстро к царю и ему сообщили, что князья русские изготовились к бою у Дона. Ибо божим промыслом увидели великое множество людей снаряженных и сообщили царю: «Князей русских войско вчетверо больше нашего скопища». Тот же нечестивый царь, распаленный дьяволом себе на пагубу, вскричав вдруг, заговорил: «Таковы мои силы и, если не одолею русских князей, то как возвращусь восвояси? Позора своего не перенесу». И повелел поганым своим половцам готовиться к бою.

Семен же Мелик поведал князю великому: «Уже Мамай царь на Гусин брод* пришел, и одна только ночь между нами, ибо к утру он дойдет до Непрядвы.* Тебе же, государю великому князю, следует сейчас изготовиться, чтоб не застали врасплох поганые».

Тогда стал князь великий Дмитрий Иванович с братом своим, князем Владимиром Андреевичем, и с литовскими князьями Андреем и Дмитрием Ольгердовичами вплоть до шестого часа полки расставлять. Некий воевода пришел с литовскими князьями, именован Дмитрий Боброк,* родом из Волынской земли, который знатным был полководцем; хорошо он расставил полки по достоинству, как и где кому подобает стоять.

Князь же великий, взяв с собою брата своего князя Владимира и литовских князей и всех князей русских и воевод и взъехав на высокое место, увидел образа святых, шитые на христианских знаменах, что будто какие светильники солнечные, светящиеся в ясную погоду; и стяги их золоченые шумят, расстилаясь как облаки, тихо трепеща, словно хотят промолвить, богатыри же русские и их хоругви точно живые колышутся, доспехи же русских сынов будто вода, что при ветре струится, шлемы золоченые на головах их, словно заря утренняя в ясную погоду, светятся, яловцы* же шлемов их, как пламя огненное, колышутся.

Горестно же видеть и жалостно зреть на подобное русских собрание и устройство их, ибо все единодушны, один за одного, друг за друга хотят умереть, и все единогласно говорят: «Боже, с высоты взгляни на нас и даруй православному князю нашему, как Константину, победу,* брось под ноги ему врагов амаликитян,* как некогда кроткому Давиду».* Всему этому дивились литовские князья, говоря себе: «Не было ни до нас, ни при нас, ни после нас не будет такого войска устроенного. Подобно оно Александра, царя македонского, войску,* мужеством подобны Гедеоновым всадникам,* ибо господь своей силою вооружил их!».

Князь же великий, увидев свои полки достойно устроенными, сошел с коня своего и пал на колени свои прямо перед большого полка багряным знаменем,* на котором вышит образ владыки господа нашего Иисуса Христа, из глубины души стал взывать громогласно: «О владыко вседержитель! Взгляни пронизательным оком на этих людей, что твоею десницею созданы и твоею кровью искуплены от служения дьяволу. Вслушайся, господи, в звучанье молитв наших, обрати лицо на нечестивых, которые творят зло рабам твоим. И ныне, господи Иисусе Христе, молюсь и поклоняюсь образу твоему святому и пречистой твоей матери и всем

святым, угодившим тебе, и крепкому и необоримому заступнику нашему и молебнику за нас, к тебе, русский святитель, новый чудотворец Петр! На милость твою надеясь, господи, дерзаем призывать и славить святое и прекрасное имя твое, отца и сына и святого духа, ныне и присно и во веки веков! Аминь».

Окончив молитву и сев на коня своего, стал он по полкам ездить с князьями и воеводами и каждому полку говорил: «Братья мои милые, сыны русские, все от мала и до велика! Уже, братья, ночь наступила, и день грозный приблизился — в эту ночь бодрствуйте и молитесь, мужайтесь и крепитесь, господь с нами, сильный в битвах. Здесь оставайтесь, братья, на местах своих, без смятения. Каждый из вас пусть теперь изготовится, утром ведь уже невозможно будет так приготовиться: ибо гости наши уже приближаются, стоят на реке Непрядве, у поля Куликова изготовились к бою, и утром нам с ними пить общую чашу, друг другу передаваемую, ее ведь, друзья мои, мы еще на Руси возжелали. Ныне, братья, уповайте на бога живого, мир вам со Христом, так как утром не замедлят на нас пойти поганые сыроддцы».

Ибо уже ночь наступила светоносного праздника Рождества святой богородицы.* Потому что осень тогда задержалась и днями светлыми еще радовала, то была и в ту ночь теплынь большая и очень тихо, и туманы от росы встали. Ибо истинно сказал пророк: «Ночь не светла для неверных, а для верных она просветленная».*

И сказал Дмитрий Волынец великому князю: «Хочу, государь, в ночь эту приметку свою проверить», — а уже заря померкла. Когда наступила глубокая ночь, Дмитрий Волынец, взяв с собою великого только князя, выехал на поле Куликово и, став между двумя войсками и повернувшись на татарскую сторону, услышал стук громкий, и клик, и вопль, будто торжища сходятся, будто город строится, будто гром великий гремит; с тылу же войска татарского волки воют грозно весьма, по правой стороне войска татарского вороны кличут и гомон птичий, громкий очень, а по левой стороне будто горы шатаются — гром страшный сильно; по реке же Непрядве гуси и лебеди крыльями плещут, небывалую грозу предвещая. И сказал князь великий Дмитрию Волынцу: «Слышим, брате, гроза страшная очень». И ответил Волынец: «Призывай, княже, бога на помощь!».

И повернулся он к войску русскому — и была тишина великая. Спросил тогда Волынец: «Видишь ли что-нибудь, княже?». Тот же ответил: «Вижу: много огненных зорь поднимается...». И сказал Волынец: «Радуйся, государь, добрые это знамения, только бога призывай и не оскудевай верою!».

И снова сказал: «И еще у меня есть приметка, чтобы проверить». И сошел с коня и приник к земле правым ухом на долгое время. Поднявшись, поник и вздохнул тяжело. И спросил князь великий: «Что там, брат Дмитрий?». Тот же молчал и не хотел говорить ему, а князь великий долго понуждал его. Тогда он сказал: «Ибо одна тебе на пользу, другая же — к скорби. Услышал я землю, рыдающую двояко: одна же эта сторона, точно какая-то женщина, страшно рыдает о детях своих на чужом языке,

другая же сторона, будто какая-то дева, вдруг вскрикнет громко печальным голосом, точно в свирель какую, так что горестно слышать очень. Я ведь до этого много теми приметам битв проверил, оттого теперь и рассчитываю на милость божию — молитвою святых страстотерпцев Бориса и Глеба, родичей ваших, и прочих чудотворцев, русских хранителей, я жду поражения поганых татар. А твоего христоролюбивого войска много падет, но, однако, твой верх, твоя слава будет».

Услышав же это, князь великий прослезился и сказал: «Господу богу все возможно: всех нас дыхание в его руках!». И сказал Волынец: «Не следует тебе, государю, этого войску рассказывать, но только каждому воину прикажи богу молиться и святых его угодников призывать на помощь. И рано утром прикажи им сесть на коней своих, каждому воину, и вооружиться крепко и крестом осенить себя: это ведь и есть оружие на противников, которые утром свидятся с нами».

В ту же ночь некий муж, по имени Фома Кацибей,* разбойник, поставлен был в охранение великим князем на реке на Чурове: за мужество его доверили охрану от поганых. Его исправляя, бог удостоил его в ночь эту видеть видение дивное. На высоком месте стоя, увидел он облако, с востока идущее, большое очень, будто какие войска к западу шествуют. С южной же стороны пришли двое юношей,* одетые в светлые багряницы, лица их сияли, будто солнце, в обеих руках у них острые мечи, и сказали предводителям татарским: «Кто вам велел истребить отечество наше, которое нам господь даровал?». И начали их рубить и всех порубили, ни один от них не спасся. Тот же Фома с тех пор целомудрен и разумен, уверовав, а о том видении рассказал наутро одному великому князю. Князь же великий сказал ему: «Не говори того, друже, никому, — и, воздев руки к небу, стал плакать, говоря: — Владыко господи человеколюбец! Молитв ради святых мучеников Бориса и Глеба помоги мне, как Моисею на амаликитян*, и старому Ярославу на Святополка,* и прадеду моему великому князю Александру на похваляющегося короля римского,* захотевшего разорить отечество его. Не по грехам моим воздай же мне, но излей на нас милость свою, простри на нас милосердие свое, не дай нас в посмеих врагам нашим, чтобы не издевались над нами враги наши, не говорили страны неверных: „Где же бог, на которого они так надеялись?“. Но помоги, господи, христианам, ими ведь славится имя твое святое!».

И отослал князь великий брата своего, князя Владимира Андреевича, верх по Дону в дубраву, чтобы там затаился полк его, дав ему лучших знатоков своего двора, удалых витязей, твердых воинов. А еще с ним отправил знаменитого своего воеводу Дмитрия Волынского и многих других.

Когда же настал, месяца сентября на 8 день, великий праздник Рождества святой богородицы, на рассвете в пятницу, когда всходило солнце и туманное утро было, начали христианские стяги развиваться и трубы боевые во множестве звучать. И вот уже русские кони взбодрились от звука трубного, и каждый воин идет под своим знаменем. И радостно

было видеть полки, выстроенные по совету твердого воеводы Дмитрия Боброка Волынца.

Когда же наступил второй час дня, начали звуки труб у обоих войск возноситься, но татарские трубы словно онемели, а русские трубы громче загремели. Полки же еще не видят друг друга, ибо утро туманное. А в это время, братья, земля стонет страшно, грозу великую предрекая на восток вплоть до моря, а на запад до самого Дуная, огромное же то поле Куликово прогибается, а реки выступали из берегов своих, потому что никогда не было стольких людей на месте том.

Когда же князь великий пересел на лучшего коня, поехал по полкам и говорил в великой печали сердца своего, то слезы потоками текли из очей его: «Отцы и братья мои, господа ради сражайтесь и святых ради церквей и веры ради христианской, ибо эта смерть нам ныне не смерть, но жизнь вечная; и ни о чем, братья, земном не помышляйте, не отступим ведь, и тогда венцами победными увенчает Христос бог, спаситель душ наших».

Укрепив полки, снова вернулся под свое знамя багряное и сошел с коня и на другого коня сел, и сбросил с себя одежду царскую и в другую оделся. Прежнего же коня своего отдал Михаилу Андреевичу Бренку* и ту одежду на него воздел, потому что любил его сверх меры, и то знамя багряное повелел оруженосцу своему над Бренком возить. Под тем знаменем и убит был вместо великого князя.

Князь же великий стал на месте своем и, вынув с груди своей живоносный крест, на котором были изображены страдания Христовы* и в котором находился кусочек живоносного древа,* восплакал горько и сказал: «Лишь на тебя надеемся, живоносный господень крест, тем же образом явившийся греческому царю Константину,* когда он вышел на бой с нечестивыми и чудесным твоим видом победил их. Ибо не могут поганые нечестивые половцы твоему образу противостоят, так, господи, и покажи милость свою на рабе твоём!».

В это же время пришел к нему посланный с грамотами от преподобного старца игумена Сергия, а в посланье написано: «Великому князю и всем русским князьям, и всему православному войску мир и благословение!». Князь же великий, выслушав писание преподобного старца и расцеловав посланного с любовью, тем письмом укрепился, будто какими твердыми бронями. А еще дал посланный старец от игумена Сергия хлебец пречистой богородицы,* князь же великий съел хлебец святой и простер руки свои, вскричав громогласно: «О великое имя всесвятой троицы, о пресвятая госпожа богородица, помоги нам молитвами той обители и преподобного игумена Сергия; Христе боже, помилуй и спаси души наши!».

И сел на лучшего своего коня и, взяв копьё свое и палицу железную, выехал из рядов, хотел раньше всех сам сразиться с погаными от великой печали души своей, за свою великую обиду и за святые церкви и веру христианскую. Многие же русские богатыри, удержав его, помешали ему, говоря: «Не следует тебе, великому князю, прежде всех самому в бою

биться, тебе следует в стороне стоять и на нас смотреть, а нам нужно биться и мужество свое и храбрость перед тобой показать: если тебя господь спасет милостью своею, то ты будешь знать, кого чем наградить. Мы же готовы все в этот день головы свои положить за тебя, государь, и за святые церкви, и за православное христианство. Ты же должен, великий князь, рабам своим, насколько кто заслужит своей головой, поминанье устроить, как Леонтий царь Феодору Тирону,* в книги соборные записать наши имена, чтобы помнили русские сыны, которые после нас будут. Если же тебя одного погубим, то от кого нам и ждать, что по нам поминание устроит? Если все спасемся, а тебя одного оставим, то какой нам успех? И будем как стадо овечье, не имеющее пастыря, влачиться по пустыне, а набежавшие дикие волки рассеют их, и разбегутся овцы кто куда. Тебе, государь, следует себя спасти, да и нас».

Князь же великий прослезился и сказал: «Братья мои милые, русские сыны, доброй вашей речи я не могу ответить, а только благодарю вас, ибо вы воистину благие рабы божьи. Ведь хорошо вы знаете о мучении Христова страстотерпца Арефы.* Когда его мучили, и приказал царь вести его на люди и мечом зарубить, доблестные его друзья, один перед другим торопясь, каждый из них свою голову палачу под меч преклоняет вместо Арефы, вождя своего, понимая славу поступка своего. Арефа же вождь сказал воинам своим: „Так знайте, братья мои, у земного царя не я ли больше вас почтен был, земную славу и дары приняв? Так и ныне впереди идти подобает мне также к небесному царю, и голове моей первою быть отсеченной, а точнее — увенчанной“. И, подступив, палач отрубил голову его, а потом и воинам его отрубил головы. Так же и я, братья. Кто больше меня из русских сынов почтен был и благое беспрестанно принимал от господа? А ныне злое пришло на меня, неужели не смогу я претерпеть: ведь из-за меня одного все это воздвиглось. Не смогу я видеть вас, побеждаемых, и все, что потом, не смогу снести, потому и хочу с вами ту же общую чашу испить и тою же смертью умереть за святую веру христианскую! Если умру — с вами, если спасусь — с вами!».

И вот уже, братья, в то время полки ведут: передовой полк ведет князь Дмитрий Всеволодович да брат его, князь Владимир Всеволодович, а с правой руки полк ведет Николай Васильевич с коломенцами, а с левой руки полк ведет Тимофей Волуевич с костромичами. Многие же полки поганых бредут со всех сторон: от множества войска нет им места, где сосупиться. Безбожный же царь Мамай, выехав на высокое место с тремя князьями, наблюдает людское кровопролитие.

Уже близко друг к другу подходят сильные полки, и тогда выехал злой печенег из большого войска татарского, перед всеми доблестью похваляясь, видом подобен древнему Голиафу:* пяти сажен высота его и трех сажен ширина его. И увидел его Александр Пересвет, монах, который был в полку Владимира Всеволодовича, и, выступив из рядов, сказал: «Этот человек ищет подобного себе, я хочу с ним переведаться!». И был на голове его куколь,* вооружен он схимою по повелению игумена Сергия. И сказал: «Отцы и братья, простите меня, грешного! Брат мой, Анд-

рей Ослябя, моли бога за меня! Чаду моему Якову — мир и благословение!». Бросился на печенег и добавил: «Игумен Сергей, помоги мне молитвою!». Печенег же устремился навстречу ему, и христиане все воскликнули: «Боже, помоги рабу своему!». И ударились крепко копьями, едва земля не проломилась под ними, и свалились оба с коней на землю и скончались.

Когда же настал третий час дня, увидев это, князь великий произнес: «Вот уже гости наши приблизились и передают друг другу круговую чашу, первые уже испили ее, и возвеселились, и уснули, ибо уже время пришло и час настал храбрость свою каждому показать». И стегнул каждый воин своего коня и воскликнули все единогласно: «С нами бог!» — и еще: «Боже христианский, помоги нам!», а поганые татары своих богов стали призывать.

И сошлись грозно обе силы великие, твердо сражаясь, жестоко друг друга уничтожая, не только от оружия, но и от большой тесноты под конскими копытами испускали дух, ибо невозможно было втиснуться на том поле Куликове: было поле то тесное, между Доном и Мечею. На том ведь поле сильные войска сошлись, из них выступали кровавые зори, а в них трепетали сверкающие молнии от блеска мечей. И был шум и гром великий от треска копий и от ударов мечей, так что нельзя было в этот горестный час оглядеть никак это свирепое побоище. Ибо в один только час, в мгновение ока, о сколько тысяч погибло душ человеческих, созданий божьих! Воля господня свершается: час, и третий, и четвертый, и пятый, и шестой твердо бьются неослабно христиане с погаными половцами.

Когда же настал седьмой час дня, по божьему попущению и за наши грехи начали поганые одолевать. Вот уже из знатных мужей многие перебиты, богатыри же русские и воеводы, и удалые люди, будто деревья дубравные, клонятся к земле под конские копыта: многие сыны русские сокрушены. И самого великого князя ранили сильно и с коня его сбросили, он с трудом выбрался с поля, ибо не мог уже биться, и укрылся в чаще и божьею силою сохранен был. Много раз стяги великого князя подсекали, но не истребили их: божьею милостью они еще больше укрепились.

Это мы слышали от верного очевидца, который находился в полку Владимира Андреевича, он поведал великому князю, говоря: «В шестой час этого дня видел я, как над вами разверзлось небо, из которого вышло облако, будто багряная заря над войском великого князя, скользя низко. Облако же то было наполнено руками человеческими, и те руки распростерлись над великим полком как бы проповеднически или пророчески. В седьмой час дня облако то много венцов держало и опустило их на войско, на головы христиан».

Поганые же стали одолевать, а христианские полки поредели — уже мало христиан, а все поганые. Увидев же такую гибель русских сынов, князь Владимир Андреевич не смог сдержаться и сказал Дмитрию Волынцу: «Так какая же польза в стоянии нашем? Какой успех у нас бу-

дет? Кому нам пособлять? Уже наши князья и бояре, все русские сыны жестоко погибают от поганых, будто трава клонится!». И ответил Дмитрий: «Беда, княже, велика, но еще не пришел наш час: начинающий раньше времени вред себе принесет; ибо колосья пшеничные подавляются, а сорняки растут и буйствуют над благородными. Так что немного потерпим до времени удобного и в тот час воздадим по заслугам противникам нашим. Ныне только повели каждому воину богу молиться прилежно и призывать святых на помощь, и с этих пор снизойдет благодать божья и помощь христианам». И князь Владимир Андреевич, воздев руки к небу, прослезился горько и сказал: «Боже, отец наш, сотворивший небо и землю, помоги народу христианскому! Не допусти, господи, порадоваться врагам нашим победе, мало накажи и много помилуй, ибо милосердие твое бесконечно». Сыны же русские в его полку горько плакали, видя друзей своих, поражаемых погаными, непрестанно порывались в бой, словно званые на свадьбу сладкого вина испить. Но Волынец запрещал им это, говоря: «Подождите немного, буйные сыны русские, наступит ваше время, когда вы утешитесь, ибо есть вам с кем повеселиться!».

И вот наступил восьмой час дня, когда ветер южный потянул из-за спины нам, и воскликнул Волынец голосом громким: «Княже Владимир, наше время настало, и час удобный пришел! — и прибавил: — Братья моя, друзья, смелее: сила святого духа помогает нам!».

Соратники же друзья выскочили из дубравы зеленой, словно соколы испытанные сорвались с золотых колодок, бросились на бескрайние стада откормленные, на ту великую силу татарскую; а стяги их направлены твердым воеводою Дмитрием Волынцем; и были они, словно Давидовы отроки, у которых сердца будто львиные, точно лютые волки на овечьи стада напали и стали поганых татар сечь немилосердно.

Поганые же половцы увидели свою гибель, закричали на своем языке, говоря: «Увы нам, русь снова перехитрила, младшие с нами бились, а лучшие все сохранились!». И повернули поганые, и показали спины, и побежали. Сыны же русские, силою святого духа и помощью святых мучеников Бориса и Глеба, разгоняя, посекали их, точно лес вырубали, будто трава под косой подстиляется за русскими сынами под конские копыта. Поганые же на бегу кричали, говоря: «Увы нам, чтимый нами царь Мамай! Вознесся ты высоко — и в ад сошел ты!». И многие раненные наши и те помогали, посекая поганых без милости: один русский сто поганых гонит.

Безбожный же царь Мамай, увидев свою гибель, стал призывать богов своих: Перуна и Салавата, и Раклия и Хорса,* и великого своего пособника Магомета.* И не было ему помощи от них, ибо сила святого духа, точно огонь, пожигает их.

И Мамай, увидев новых воинов, что точно лютые звери скакали и рывали будто овечье стадо, сказал своим: «Бежим, ибо ничего доброго нам не дожидаться, так хотя бы головы свои унесем!». И тотчас побежал поганый Мамай с четырьмя мужами в излучину моря, скрежеща зубами

своими, плача горько, говоря: «Уже нам, братья, в земле своей не бывать, а жен своих не ласкать, а детей своих не видать, ласкать нам сырую землю, целовать нам зеленую мураву, и с дружиной своей уже нам не видеться, ни с князьями, ни с боярами!».

И многие погнались за ними и не догнали их, потому что кони их утомились, а у Мамаю свежи кони его, и ушел от погони.

И это все случилось милостью бога всемогущего и пречистой матери божьей и молением и помощью святых страстотерпцев Бориса и Глеба, которых видел Фома Кацибей разбойник, когда в охраненье стоял, как уже написано выше. Некоторые же гнались за татарами и, когда всех добились, возвращались, каждый под свое знамя.

Князь же Владимир Андреевич стал на костях под багряным знаменем. Страшно, братья, зреть тогда и жалостно видеть и горько взглянуть на человеческое кровопролитие — как морская вода, а трупов человеческих — как санные стога: быстрый конь не может скакать, и в крови по колено брели, а реки три дня кровью текли.

Князь же Владимир Андреевич не нашел брата своего, великого князя, на поле, но только литовских князей Ольгердовичей, и приказал трубить в сборные трубы. Подождал час и не нашел великого князя, начал плакать и кричать, и по полкам ездить сам стал и не сыскал, и говорил всем: «Братья мои, русские сыны, кто видел или кто слышал пастыря нашего и начальника?». И добавил: «Если пастух погиб — и овцы разбегутся.* Для кого эта честь будет, кто победителем сейчас предстанет?».

И сказали литовские князья: «Мы думаем, что жив он, но ранен тяжело; что, если среди мертвых трупов лежит?». Другой же воин сказал: «Я видел его в седьмом часу твердо бьющимся с погаными палицею своею». И еще один сказал: «Я видел его позже того: четыре татарина напали на него, он же твердо бился с ними». Некий князь, именем Стефан Новосильский,* тот сказал: «Я видел его перед самым твоим приходом, пешим шел он с побоища, израненный весь. Оттого не мог я ему помочь — преследовали меня три татарина, и милостью божьей едва от них спасся, а много зла от них принял и очень измучился».

Князь же Владимир сказал: «Братья и други, русские сыны, если кто в живых брата моего сыщет, тот воистину первым будет среди нас!». И рассыпались все по великому, могучему и грозному полю боя, ищущи победы победителя. И некоторые нашли убитого Михаила Андреевича Бренка: лежит в одежде и в шлеме, что ему дал князь великий; другие же нашли убитого князя Федора Семеновича Белозерского, сочтя его за великого князя, потому что похож был на него.

Два же каких-то воина отклонились на правую сторону в дубраву, один именем Федор Сабур,* а другой Григорий Холопищев,* оба родом костромичи. Чуть отъехали от места битвы и нашли великого князя, избитого и израненного и утомленного, когда лежал он в тени срубленного дерева березового. И увидели его и, слезши с коней, поклонились ему;

Сабур же тотчас вернулся поведать о том князю Владимиру и сказал: «Князь великий Дмитрий Иванович жив — и царствует ввеки!».

Все же князья и воеводы, прослышав об этом, быстро устремились и пали в ноги ему, говоря: «Радуйся, князь наш, подобный прежнему Ярославу, новый Александр,* победитель врагов: этой же победы честь тебе принадлежит». Князь же великий едва проговорил: «Что там, поведайте мне». И сказал князь Владимир: «Милостью божией и пречистой его матери, помощью и молитвами сродников наших, святых мучеников Бориса и Глеба, и молитвами русского святителя Петра и пособника нашего и помощника игумена Сергия, — и тех всех святых молитвами враги наши побеждены, мы же спаслися».

Князь же великий, услышав это, встал, и сказал: «Сей день сотворил господь, возрадуемся и возвеселимся, люди!».* И еще сказал: «В сей день господень веселитесь, люди! Велик ты, господи, и дивны дела твои все: вечером вселится плач, а наутро — радость!».* И опять сказал: «Благодарю тебя, господи боже мой, и почитаю имя твое святое за то, что не отдал нас врагам нашим и не дал похвалиться тем, кто замыслил на меня злое: так суди их, господи, по делам их, я же, господи, надеюсь на тебя!».

И привели ему коня и, сев на коня и выехав на великое, страшное и грозное место битвы и увидев в войске своем убитых очень много, а поганных татар вчетверо больше того убитых, и, обратясь к Волынцу, сказал: «Воистину, Дмитрий, не лжива примета твоя, подобает тебе всегда воеводою быть».

И стал с братом своим и с оставшимися князьями и воеводами ездить по месту битвы, восклицая от боли сердца своего и слезами обливаясь, и сказал: «Братья, русские сыны, князья и бояре, и воеводы, и слуги боярские! Судил вам господь бог такую смертью умереть. Положили вы головы свои за святые церкви и за православное христианство». И немного погодя доехал до места, на котором лежат убитые вместе князья белозерские: настолько твердо бились, что один за одного погибли. Тут же поблизости лежит убитый Михаил Васильевич; став же над ними, над любезными воеводами, князь великий начал плакать и говорить: «Братья мои князья, сыны русские, если имеете смелость пред богом, помолитесь за нас, ибо знаю, что послушает вас бог, чтобы вместе с вами нам у господа бога быть!».

И дальше поехал на другое место и нашел своего наперсника Михаила Андреевича Бренка, а около него лежит стойкий страж Семен Мелик, поблизости от них Тимофей Волуевич убит. Став же над ними, князь великий прослезился и сказал: «Брате мой возлюбленный, из-за сходства со мною убит ты. Какой же раб так может господину сослужить, как не тот, кто ради меня сам на смерть добровольно идет? Воистину древнему Авису подобен,* который был в войске Дария Персидского и так же, как ты, поступил». Так как лежал тут и Мелик, сказал князь над ним: «Стойкий мой страж, крепко охраняем я твоею стражею». Приехал же и на другое место, увидел Пересвета монаха, а перед ним лежит поганный печенег, злой татарин, будто гора, и тут же

вблизи лежит знаменитый богатырь Григорий Капустин. Повернулся князь великий к своим и сказал: «Видите, братья, зачинателя своего, ибо этот Александр Пересвет, помощник наш, благословенный игуменом Сергием, и победил великого, сильного, злого татарина, от которого испили бы многие люди смертную чашу».

И, отъехав на новое место, повелел он трубить в сборные трубы, созывать людей. Храбрые же витязи, достаточно испытав оружие свое над погаными половцами, со всех сторон бредут под трубный звук. Шли весело, ликуя, песни пели: те пели богородичные, другие — мученические, иные же — псалмы, — все христианские песни.* Каждый воин едет, радуясь, на звук трубы.

Когда же собрались все люди, князь великий стал посреди них, плача и радуясь: об убитых плачет, а о здоровых радуется. Говорил же: «Братья мои, князья русские и бояре поместные, и служилые люди всей земли! Подобаает вам так послужить, а мне — по достоинству восхвалить вас. Если же сбережет меня господь и буду на своем престоле, на великом княжении, в граде Москве, тогда по достоинству одарю вас. Теперь же вот что сделаем: каждый ближнего своего похороним, да не будут зверям на съедение тела христианские».

Стоял князь великий за Доном на костях восемь дней, пока не отделили христиан от нечестивых. Тела христиан в землю погребли, а нечестивых тела брошены зверям и птицам на растерзание.

И сказал князь великий Дмитрий Иванович: «Сосчитайте, братья, скольких воевод нет, скольких служилых людей». Говорит боярин московский, именем Михаил Александрович,* а был он в полку у Николая у Васильевича, счетчик был гораздый: «Нет у нас, государь, 40 бояр московских, да 12 князей белозерских, да 13 бояр посадников новгородских, да 50 бояр Новгорода Нижнего, да 40 бояр серпуховских, да 20 бояр переяславских, да 25 бояр костромских, да 35 бояр владимирских, да 50 бояр суздальских, да 40 бояр муромских, да 33 бояр ростовских, да 20 бояр дмитровских, да 70 бояр можайских, да 60 бояр звенигородских, да 15 бояр угличских, да 20 бояр галичских, а младшим дружинникам и счета нет; но только знаем: погибло у нас дружины всей двести пятьдесят тысяч и три тысячи, а осталось у нас дружины пятьдесят тысяч».

И сказал князь великий: «Слава тебе, высший творец, царь небесный, милостивый Спас, что помиловал нас, грешных, не отдал нас в руки врагам нашим, поганым сыроядцам. А вам, братья, князья и бояре, и воеводы, и младшая дружина, русские сыны, суждено место гибели: между Доном и Днепром, на поле Куликове, на речке Непрядве. Положили вы головы свои за землю Русскую, за веру христианскую. Простите меня, братья, и благословите в сей жизни и в будущей!». И плакал долгое время, и сказал князьям и воеводам своим: «Поедем, братья, в свою землю Залесскую,* к славному граду Москве, вернемся в свои вотчины и дедины: чести мы себе добыли и славного имени!».

Поганый же Мамай тогда сбежал с поля боя, достиг города Кафы* и,

утаив свое имя, вернулся в свою землю, не желая стерпеть, видя себя побежденным, и посрамленным, и поруганным. И снова гневался, сильно ярясь и еще зло замышляя на Русскую землю, словно лев рыкая и будто неутолимая гадюка. И, собрав оставшиеся силы свои, снова хотел налетом идти на Русскую землю. И когда он так замыслил, внезапно пришла к нему весть, что царь по имени Тохтамыш* с востока, из самой Синеи Орды, идет на него. И Мамай, который изготовил войско для похода на Русскую землю, с тем войском пошел против царя Тохтамыша. И встретились на Калке, и был между ними бой большой. И царь Тохтамыш, победив царя Мамаю, прогнал его, Мамаевы же князья и союзники, и есаулы, и бояре били челом царю Тохтамышу. И принял тот их, и захватил Орду, и сел на царстве. Мамай же убежал снова в Кафу один; утаив свое имя, скрывался здесь, и опознан был каким-то купцом, и тут убит был итальянцами, и так зло потерял свою жизнь. Об этом же кончим здесь.

Ольгерд же Литовский, прослышав, что князь великий Дмитрий Иванович победил Мамаю, возвратился восвояси со стыдом великим. Олег же Рязанский, узнав, что хочет князь великий послать на него войско, испугался и убежал из своей вотчины с княгинею и с боярами; рязанцы же били челом великому князю, и князь великий посадил в Рязани своих наместников.

СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ

КИПРИАНОВСКАЯ РЕДАКЦИЯ

Поучительная повесть о совершившемся чуде, когда помощью божией и молитвами пречистой богородицы, и угодника божьего святого чудотворца Петра, митрополита всея Руси, и преподобного игумена Сергия* чудотворца, и всех святых молитвами великий князь Дмитрий Иванович* со своим братом двоюродным, князем Владимиром Андреевичем,* и со всеми князьями русскими посрамил на Дону и прогнал гордого князя Волжской Орды Мамай,* а всю Орду* его и все их нечестивое войско уничтожил.*

Нечестивый и гордый князь Волжской Орды Мамай владел всей Ордой. Он уничтожил многих царей и князей и по своей воле поставил себе царя. Но и при этом он не чувствовал уверенности, а ему не доверялся никто. И снова многих князей и алпаутов* перебил он в своей Орде. Наконец, и самого царя своего убил, который только именем был у него в Орде царь, а всем владел и все вершил он сам. Ведь он понял, что татары любят своего царя, и побоялся, чтобы тот не отнял у него власть и его волю, и потому убил царя и всех верных ему и любящих его.

Имел он гнев и на великого князя Дмитрия Ивановича, и на его двоюродного брата князя Владимира Андреевича, и на князя Даниила Пронского* за то, что они перебили его друзей и любимцев, его князей и алпаутов в Рязанской земле, на реке Воже.* Он очень скорбел об этом, царапая себе лицо и раздирая одежды. «Увы мне! Увы мне! — восклицал он. — Что сделали со мной русские князья! Какому стыду и посрамлению они меня предали! Какое поношение и поругание мне учинили, какое осмеяние перед всеми! Как могу я избавиться от такого поругания и бесчестья!». Он очень об этом сетовал, и печалился, и плакал, не знал, как поступить.

И говорили ему, утешая его, его советники: «Великий князь! Более того, великий царь! Ведь ты видишь, что Орда твоя обезлюдела, войско утомилось. Но у тебя есть богатства и имущество без числа, чтобы, наняв фрягов, черкасов, ясов* и других, собрать большое войско и отомстить за кровь твоих князей и алпаутов, за своих друзей и любимцев. Как ты сделал с князем Олегом Рязанским,* когда пожег все его города и волости, опустошил всю его землю, а всех людей увел в плен, так ты сделаешь и с князем Дмитрием Московским».

Когда нечестивый и гордый князь Мамай услышал это от своих советников, то возрадовался радостью великой, надеясь приобрести большую поживу, и возгордился, вознесся в уме своем гордостью великой, и захотел стать вторым Батыем* и завладеть всей Русской землей. И принялся он изучать старые предания о том, как царь Батый разорил Русскую землю и как он по своей воле управлял всеми князьями. Расспросив обо всем своих и убедившись, что все достоверно, он возгордился и в безумии своем вознесся выше всех гордыней. Возомнил он о себе, что, как в древности царь Навуходоносор Вавилонский или Тит, царь римский,* разорили Иерусалим, а царь Батый захватил всю Русскую землю и всеми областями ее и всеми ордами владел, так же и он, Мамай, высоко мыслил о себе в уме своем, вернее сказать, в своем безумии. Он начал улаживать всех своих и дары многие раздавал, чтобы они были более усердны к нему и готовы были к походу на Русь, в особенности же на великого князя Дмитрия Ивановича Московского. Собрались к Мамаю со всех сторон татары, прельщенные его милостями и дарами, он же всех одарял щедро. Он послал во многие страны нанять фрягов, черкасов, ясов и других и собрал большое войско. И пошел войной на великого князя Дмитрия Ивановича, ревя, как лев, пыхтя, как медведь, и, как демон, гордясь. Он переправился через Волгу со всеми своими силами. Дошел до устья реки Воронежа* и тут остановился со своим войском, кочуя. И было всех войск у него много, поэтому он уже не назывался великий князь Мамай, но его сторонники стали именовать его «великий царь Мамай». Тут была великая гордость и надежда выше меры.

Тогда же Олег, князь рязанский, услышал, что Мамай кочует на Воронеже, в его рязанских пределах, и собирается выступить против великого князя Дмитрия Ивановича Московского. И послал Олег, князь рязанский, своего посла к нечестивому царю Мамаю с великой честью и с многими дарами и свои ярлыки написал ему так: «Восточному вольному великому царю царей Мамаю. Твой ставленник и присяжник Олег, князь рязанский, обращается к тебе с мольбой. Я слышал, о господин, что ты хочешь выступить и напасть на твоего служебника, на князя Дмитрия Московского, и утратить его. Теперь-то, всесветлый царь, и пришел час: золота и богатства много. А князь Дмитрий христианин — как услышит о твоей ярости, сбежит в отдаленные места, или в Великий Новгород, или на Двину, и тогда все московское богатство в твоих руках будет. Меня же, раба твоего, князя Олега Рязанского, не оставь своей милостью. Еще же, царь, прошу тебя: мы с ним оба твои рабы, но я со смирением и покорностью служу тебе, он же горд и непокорен тебе, и я, твой улусник, многие и великие обиды претерпел от этого князя Дмитрия. Да ведь, царь, и не одно только это: когда я за свою обиду твоим царским именем погрозил ему, он не только не обеспокоился, но еще и Коломну, мой город, прибрал себе.* Вот обо всем этом, царь, прошу тебя и бью челом, чтобы ты научил его не захватывать чужого».

Затем тот же Олег, князь рязанский, отправил посла к великому князю Ягайлу Ольгердовичу Литовскому* с такими словами: «Радостную

весть сообщаю тебе, великий князь Ягайло Литовский! Знаю, что ты давно задумал изгнать московского князя Дмитрия и завладеть Москвой. Пришло теперь наше время: ведь великий царь Мамай идет на него с огромным войском. Присоединимся же к нему. Я уже послал к нему своего посла с великими почестями и многими дарами. Еще и ты тоже пошли своего посла с честью и дарами да напиши ему грамоту, как ты и сам знаешь лучше меня».

Обрадовался Ягайло, услышав это, похвалил и поблагодарил своего друга Олега, князя рязанского, и послал своего посла к царю Мамаю с великими дарами и прошением и челобитьем, написав так: «Восточному вольному великому царю Мамаю. Князь Ягайло Литовский, присяжник по твоей милости, челом тебе бьет и обращается с мольбой. Я узнал, о господин, что хочешь ты устрашить свой улус,* своего служебника московского князя Дмитрия. Поэтому прошу тебя, царь: ведь я знаю, что великие обиды приносит князь Дмитрий Московский твоему улуснику Олегу, князю рязанскому, да и мне он вреда много причиняет. Оттого мы оба просим тебя, всесветлый вольный царь, чтобы ты научил его не творить таких неправых дел, чтобы, царь, ты сам потрудился прийти сюда и, придя, увидел наше смирение, а его гордыню. Тогда ты поймешь наше смирение против грубости московского князя Дмитрия».

Про себя же Олег Рязанский и Ягайло Литовский думали так: «Когда князь Дмитрий услышит о царе и о нашей ему присяге, он сбежит из Москвы в отдаленные места: или в Великий Новгород, или на Двину, а мы займем престолы в Москве и во Владимире. А когда придет царь, мы встретим его богатыми дарами и упросим возвратиться к себе. Мы же по царскому повелению разделим Московское княжение пополам — часть к Вильне,* часть к Рязани,* а царь даст нам ярлыки* и нашим потомкам после нас».

Так задумали они в безумии своем и не вспомнили сказанного: «Если сделаешь зло ближнему своему, то же получишь и сам». И еще говорится: «Не сотвори соседу своему зла и не копай ему яму, чтобы и тебя бог не сверг в худшее».*

Пришли послы от Олега, князя рязанского, и от Ягайла, князя литовского, к царю Мамаю с дарами и грамотами. Царь Мамай принял дары благосклонно, выслушал грамоты, послов отпустил с почетом и так ответил Ягайлу, князю литовскому, и Олегу, князю рязанскому: «Раз вы хотите моего улуса — Русской земли, я жалую вас этим, моих присяжников и улусников. Однако держите присягу свою не лживо и встречайте меня со своими войсками, где успеете, чтобы почтить мое величие. Ведь мне ваша помощь не нужна. Если бы я захотел, я бы мог своей силой захватить древний Иерусалим, как Навуходоносор, царь вавилонский, или Антиох, царь антиохийский,* или Тит, царь римский. Но лишь ради вашей обиды воздаю вам честь моим величеством: пожалев вас, моих улусников, избавлю от насилия и обид, утолю вашу скорбь, если не лживы присяга ваша ко мне и пособничество. Тогда от одного только величия имени моего устрашится мой улусник, московский князь Дмит-

рий, и убежит в дальние и непроходимые места. Пусть прославятся в тех странах ваши, моих улусников, имена, а честь, достойная моего имени, умножится. Пусть трепет перед моим величием устрашает и держит в покорности мои улусы и не позволяет никого обидеть без моей царской воли. Но не пристало мне, великому царю, самому завоевывать и побеждать. Не достойно меня, моего царского величества, владыки таких несчетных сил, крепких и удалых богатырей, чтобы победить того, кто служит мне как улусник и кому хватает лишь страха передо мной. Подобаает мне победить равного себе, какого-нибудь великого и сильного и славного царя, как царь Александр Македонский победил Дария, царя персидского, и Пора, царя индийского,* такая победа достойна моего царского имени и прославит мое величие по всем землям. Так и скажите своим князьям, моим улусникам и верным присяжникам».

Вернулись послы и передали все это от Мамаю. Они же, безумцы, обрадовались этому пустому, суетному обещанию Мамаю, не зная, что бог дает власть тому, кому захочет. Не вспомнили сказанного господом: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душу свою опустошит, то есть погубит».* Ибо и эта жизнь преходяща, и царство переходит из рода в род и от народа к народу, а человек, сделавший зло, мучается вечно, не имея помощи от приобретения всего мира. Они же, ища земного и тленного, как скот, обманулись по безумию своему.

В то время к великому князю Дмитрию Ивановичу в Москву пришла весть, что князь Вожской Орды Мамай больше уже не прозывается князь, а великий и сильный царь, и что он с огромным войском кочует на Воронеже и хочет на него идти войной. Узнав об этом, князь великий Дмитрий Иванович весьма опечалился и исполнился скорби, и пошел в соборную церковь, и припал со слезами к образу пречистой богородицы письма евангелиста Луки и к гробнице великого чудотворца Петра, митрополита всея Руси, и, получив благословение у своего отца Киприана,* митрополита всея Руси, рассказал ему о Мамаевом нашествии.

Тогда, в тот год, митрополит Киприан только что прибыл из Киева в Москву, а до этого он пребывал в Киеве, будучи поставлен за много лет до этого в Царьграде митрополитом на Русь, еще при жизни митрополита Алексия.* В то время еще он написал великому князю Дмитрию Ивановичу в Москву, сообщая: «Патриарх меня поставил митрополитом на Русь». Но великий князь ответил ему так: «У нас есть митрополит Алексий и другого, кроме него, мы не принимаем». Киприан написал также в Новгород и во Псков, и оттуда ему так же ответили. И он жил в Киеве до самой смерти блаженного митрополита Алексия. После смерти митрополита Алексия великий князь Дмитрий хотел Митяя,* архимандрита Спасского монастыря, видеть на митрополичьем столе в Москве, и был Митяй введен на митрополичий двор. Затем он отправился из Москвы в Царьград к патриарху для поставления в митрополиты, и сам великий князь и все его бояре с почестями проводили его. Но Митяй умер, немного не доехав до Царьграда. Пимен,* архимандрит переслав-

ский, из Горлиц, был послан с Митяем в сопровождающих его и, видя, что Митяй умер, задумал сам попасть на русскую митрополию, ведь все для этого было приготовлено и послано с Митяем. Его и поставил патриарх в Царьграде в митрополиты на Русь. И скоро весть об этом достигла великого князя в Москве, и не захотел принять его великий князь. «Я послал Пимена в сопровождающих Митяя, а не для поставления в митрополиты», — сказал он. И тогда в марте месяце он послал в Киев своего духовника Феодора, игумена симоновского,* за митрополитом Киприаном, зовя его с великими почестями в Москву. Киприан прибыл в Москву в четверг шестой недели после Пасхи, в праздник Вознесения Христова, и великий князь торжественно встретил его со своими детьми, боярами и со всем народом. А вскоре пришла весть о нашествии окаянного Мамаю.*

И сказал митрополит своему сыну: «Разузнай точно, так ли это, и собирай войска, чтобы не застали тебя врасплох». Тот начал собирать многочисленное и великое войско, объединяясь с великой любовью и со смирением с русскими князьями и с местными удельными, подчиненными ему. Послал он и к своему брату, великому князю Михаилу Александровичу Тверскому,* прося помощи. Тот вскоре послал войско и направил на помощь к нему племянника своего, князя Ивана Всеволодича Холмского,* внука Александра, правнука Михайлова, праправнука Ярослава Ярославича. Великий князь послал также за своим двоюродным братом князем Владимиром Андреевичем; тот был тогда в своей вотчине, в Боровске,* и вскоре прибыл в Москву к великому князю.

И опять поступили новые известия, что Мамай действительно наступает в великой ярости с огромным войском. Великий князь очень стал скорбеть и печалиться. В своей опочивальне он встал перед образом Спасителя, который был у него в изголовье, и так молился: «Владыко господи Иисусе Христе, милостивый и человеколюбивый! Смею ли я, многогрешный раб твой, молиться тебе в печали моей! На тебя возложил я печаль мою, владыко милостивый господи! Не сотвори с нами того, что было с нашими прадедами, когда навел ты на них злого Батыя. Еще велик в нас тот страх и трепет. А ныне, господи, не до конца прогневайся на нас! Я знаю, господи, что из-за меня хочешь погубить всю землю — согрешил я пред тобою больше всех людей. Окажи мне милость, господи, ради моих слез!». После молитвы он вышел из опочивальни и, взяв с собою своего брата князя Владимира Андреевича, отправился к отцу своему Киприану, митрополиту всея Руси, и сказал ему: «Достоверно, отче, идет на нас нечестивый Мамай в ярости и с огромным войском». Митрополит стал утешать его и укреплять, говоря так: «Не смущайся этим, господин и сын мой возлюбленный! Ведь сказано: „Многие скорби праведным и от всех их избавит господь“, и еще: „Господь наказал меня сурово, но смерти не предал меня“, и еще к тому же: „Бог нам прибежище и сила, помощник в скорбях, постигших нас так сурово“.* Скажи мне, сын мой, правду — в чем ты перед ним виноват?». Великий князь сказал: «Я себя проверил во всем, отец мой. Я ни в чем перед

ним не виновен. Как есть у меня с ним договор, так по этой договоренности я и плачу ему дань, не повинен я перед ним ни в чем».

И пока они так беседовали, вдруг неожиданно прибыли в Москву татары, послы от Мамаея к великому князю Дмитрию Ивановичу, прося дани, как бывало при царе Азбяке и при сыне Азбяка Чянибеке,* а не по тому соглашению, которое было с Мамаем. Ведь великий князь платил дань по тому соглашению, которое было с Мамаем, а он просил, как было при древних царях; князь же великий так не платил. Мамаевы послы ответили заносчиво и сообщили, что Мамай близко стоит, в поле за Доном, с огромным войском.

Великий князь поведал все это отцу своему Киприану, митрополиту всея Руси. Тот же сказал: «Видишь, господин, сын мой возлюбленный о господе, что божиим поущением за наши грехи идет Мамай разорить нашу землю. Но вам, православным князьям, следует этих нечестивых удовлетворять дарами вчетверо и вдвое большими, чем прежде, чтобы он в тихость и смирение пришел. Если же так он не укротится и не смирится, то господь бог его смирит. Ибо сказано: „Господь гордым противится, смиренным же дает благодать“.* Так было с Василием Великим в Кесарии,* когда злой отступник царь Юлиан, идя на персов, захотел разорить город Кесарию и всех жителей предать мечу. Василий Великий помолился господу богу вместе со всеми бывшими там христианами и собрал много золота, хотел дать царю Юлиану, чтобы утолить и утишить его ярость. Господь же увидел, что сердце Юлианово не смиряется, и послал на него своего воина святого Меркурия* и повелел предать его злой смерти. И так был убит божией силой окаянный царь Юлиан. Именно так господь повелел христианам поступать — со смиренномудрием, как говорится в Евангелии: „Будьте мудры, как змеи, и просты, как голуби“.* Ведь мудрость змеи такова: когда с нею случается беда, когда ее бьют и ранят, она отдает все свое тело на раны и побои, но голову свою изо всех сил бережет. Так и всякий христианин, во имя Христа, когда наступает тяжелое и трудное время, когда его гонят, ранят, бьют, мучают, он все отдает: золото, серебро, имущество, почет, славу, при необходимости допускает ранить свое тело. Но голову свою — а голова наша Христос и христианская вера в него — бережет со всей тщательностью ради любви ко Христу и веры в него. Так вот повелел нам господь мудро поступать и исполнять. Если ваши преследователи ищут стяжания, имущества, золота и серебра, дайте им все, что имеете; если они хотят почестей и славы, воздайте им; если же хотят отнять вашу веру, стойте крепко за нее и сохраняйте ее со всею заботливостью. Так и ты, господин, сколько можешь соберешь золота и серебра, пошли ему и укроти его ярость».

Великий князь Дмитрий Иванович послушался отца своего Киприана, митрополита всея Руси, и по его совету послал избранного для таких дел, по имени Захария Тутчев,* дав ему двух переводчиков, знающих татарский язык, и много золота и серебра отправил с ним к царю Мамаю. Посол, дойдя до Рязанской земли, узнал, что Олег, князь рязан-

ский, и Ягайло, князь литовский, присоединились к царю Мамаю, и тайно послал гонца-скоровестника к великому князю в Москву. Узнав о случившемся, великий князь впал в сильную скорбь и печаль и, взяв с собой брата своего двоюродного, князя Владимира Андреевича, отправился к отцу своему Киприану, митрополиту всея Руси, и объявил ему, что Ягайло, князь литовский, и Олег, князь рязанский, объединились с Мамаем против нас. Митрополит же Киприан сказал: «А ты, господин, сын мой о Христе, чем их обидел?». Великий князь Дмитрий Иванович со слезами сказал ему: «Грешен я, отче, и недостоин жить. Но против них я не преступил ни одной черты по закону наших отцов. Знаешь, отче, и сам, что довольно мне моих владений и я захватывать чужих не желаю. Я их ничем не обидел и не знаю, отчего они поднялись на меня». Сказал ему митрополит: «Если это так, не скорби и не тревожься. Господь тебе заступник и помощник, потому что господь любит правду и правду защищает, и правда от смерти спасает. Но не теряй времени попусту, чтобы тебя не захватили внезапно и врасплох. Собирай войска, разошли гонцов по всем землям, со всякой милостью, смирением и любовью. Пусть сойдутся все люди, и приумножится войско. И тогда выступишь уже не с одним смирением, но со смирением соединишь угрозу и отразишь и устрашишь своих противников».

Великий князь со смирением и милостью разослал гонцов по всем землям — собрать всех людей в войско. Отнял он скорбь и печаль от сердца своего и возложил печаль свою на господа, и на пречистую его мать, и на святого чудотворца Петра, и на всех святых. Как желает господь, так и творит. Кто воспротивится воле его? Нам подобает просить у него прощения своих грехов и милости. А он все сотворяет на пользу нам и на спасение. Великий князь одарял милостыней монастыри и церкви, странников и нищих. И вскоре всюду наступило умиротворение.

Однажды, когда великий князь был на пиру у Микулы Васильевича, сына тысяцкого,* вместе с братом своим, князем Владимиром Андреевичем, и со всеми бывшими тогда с ним князьями и воеводами, и вот опять пришли новые вести, что Мамай собирается непременно выступить против великого князя Дмитрия Ивановича.

Он же с братом своим князем Владимиром Андреевичем и с другими князьями посоветовался и решил устроить в степи крепкую сторожевую заставу. А на заставу он послал закаленных воинов: Родиона Ржевского,* Андрея Волосатого,* Василия Тупика* и других крепких и мужественных. Повелел он им на Быстрой или Тихой Сосне* нести охрану со всей тщательностью, а также поехать к Орде,* чтобы добыть языка и узнать подлинные намерения Мамаю.

А сам великий князь Дмитрий Иванович снова тогда разослал гонцов по всем землям с грамотами, чтобы готовились против татар и собрались все в Коломне месяца июля в 31 день, на память праведного Евдокима. И он сам начал снаряжаться и приготавливаться вместе с прибывшими тогда князьями. И собралось большое войско. Однако известий

никаких ниоткуда не было. Посланный в степь сторожевой отряд задерживался, не было от него никаких вестей. Великий князь послал в степь второй сторожевой отряд — Климента Полянина,* Ивана Святослава,* Григория Судока* и других с ними — и велел им скорее возвращаться. Этот отряд встретил Василия Тупика, ведущего к великому князю языка: действительно царь идет на Русь, объединившись с Олегом, князем рязанским, и Ягайлом, князем литовским, и царь не спешит, а ждет осени,* чтобы соединиться с Литвой. Убедившись, что действительно князь Мамай наступает на них с большим войском, великий князь Дмитрий Иванович стал утешать и подбадривать брата своего Владимира Андреевича и других князей, бояр и воевод, чтобы они были крепки и мужественны против татар. Они же все воскликнули единодушно: «Мы готовы пострадать за Христа и за христианскую веру и за твою обиду». И приказал великий князь всем людям быть в Коломне месяца августа в 15 день, на Успенье пречистой богородицы, чтобы там назначить для каждого полка воеводу.

И собралось много народу со всех сторон в Москву к великому князю. И пришли князья белозерские, сильные и доблестные в бою, со своими войсками: князь Федор Семенович, князь Семен Михайлович,* князь Андрей Кемский, князь Глеб Каргопольский и Цыдонский; пришли и андомские князья.* Также ярославские князья пришли со всеми своими силами — князь Андрей и князь Роман Прозоровские, князь Лев Курбский,* князь Дмитрий Ростовский,* — и князья устюжские и иные многие князья и воеводы со многими силами.

А великий князь захотел посетить монастырь Живоначальной Троицы* и преподобного игумена Сергия.* Он попросил благословения у отца своего Киприана, митрополита всея Руси, и прибыл в монастырь месяца августа в 18 день, на память святых мучеников Флора и Лавра. Он собирался тотчас вернуться, ибо торопили его многочисленные вестники, сообщая о нашествии Мамаю. Но преподобный игумен Сергий упросил его вкусить с ним хлеба за трапезой. «Пусть господь бог и пречистая богородица помогут тебе! — сказал он. — Не пришло еще время тебе с вечным сном надеть венец нетленный, но бесчисленному множеству других готовятся венцы с вечной памятью». И он велел приготовить освященную воду и по окончании трапезы благословил крестом великого князя, и окропил его святой водой, и сказал ему: «Почти дарами и почестями нечестивого Мамаю. Пусть господь, увидев твое смирение, вознесет тебя, а его неукротимую гордость и ярость низвергнет». Тот же сказал: «Я все это сделал для него, отче, но он еще больше возгордился». А преподобный сказал ему: «Если это так, ждет его непременно гибель и забвенье. Тебе же от господя бога и пречистой его матери и святых его — помощь, милость и слава».

Стал великий князь просить у него Пересвета* и Ослябя,* потому что они были доблестны и обладали воинским искусством, и сказал: «Отче, дай мне двух воинов из твоего чернеческого полка, двух братьев, Пересвета и Ослябя. Всем известно, что они могучие воины, крепкие

богатыри и весьма опытные в военном деле и устройстве». И преподобный Сергей велел им поскорее собираться на войну. И они от всей души исполнили послушание преподобного Сергея, ни в чем не отступая от его распоряжений. А он дал им оружие, вместо тленного нетленное — крест Христов, нашитый на схимах,* и приказал им возлагать их на голову вместо шлемов и крепко сражаться за Христа против врагов его. И он отдал их в руки великого князя Дмитрия Ивановича, сказал ему так: «Вот тебе, князь, мои воины, желанные тебе, которых ты захотел иметь при себе в случившихся напастях в нынешнее полное бед и лишений время». А им он сказал: «Мир вам, мои возлюбленные во Христе братья, Пересвет и Ослябя! Потрудитесь как доблестные Христовы воины, ибо пришло время ваше». Он благословил крестом и окропил святой водой великого князя и тех своих двух иноков, Пересвета и Ослябя, и всех князей, бояр и воевод. И сказал он великому князю: «Господь бог будет тебе помощником и заступником, и он победит и низложит твоих противников и прославит тебя». Великий князь, получив благословение от преподобного, возвеселился сердцем, потому что преподобный Сергей сказал ему: «Господь бог будет тебе помощником и заступником, и он победит и низложит твоих противников и прославит тебя». Он, приняв это в свое сердце как сокровище, никому об этом не сказал, но, вернувшись в Москву и благословившись у отца своего Киприана, митрополита всея Руси, ему одному поведал о том, что сказал ему преподобный Сергей. И сказал ему митрополит: «Не говори никому об этом, пока господь не приведет к благому завершению».

Великий князь Дмитрий Иванович поспешил со всеми приготовлениями, а затем вошел в соборную церковь и пал ниц перед образом пречистой богородицы, который написал евангелист Лука,* и молился о помощи против врагов. Потом он пошел к гробу святого чудотворца Петра и, припав к нему, со слезами молился о том, чтобы получить помощь и защиту от врагов и низвергнуть их гордыню и дерзость. И, кончив молитву, пошел к отцу своему Киприану, митрополиту всея Руси, прося прощения и благословения. Митрополит отпустил ему грехи, благословил его, осенил его честным крестом и окропил его святой водой. И послал многих священников и дьяконов с честными крестами и со святой водой к Никольским, Фроловским и Константино-Еленинским воротам* благословлять всех, чтобы каждый воин получил его благословение и был окроплен святой водой. А великий князь пошел в святую церковь святого архистратига Михаила* и у икон, осенив себя крестным знаменем, помолился, и у гробниц родителей своих просил прощения и благословения. И, выйдя из церкви, сел на коня и поехал в Коломну. Брата же своего князя Владимира Андреевича послал по Брашевской дороге, а белозерских князей со всем их войском — по Болвановской дороге. А сам великий князь пошел по дороге на Котел* с главными силами. И было так, что впереди солнце грело, а сзади за ним кроткий и тихий ветер дышал и веял. Они потому пошли разными

дорогами, что на одной дороге было не поместиться. Великий князь взял с собой в поход десять купцов, гостей-сурожан,* чтобы они были свидетелями происходящего: что бы бог ни совершил, они расскажут в дальних странах, ведь они путешествуют из страны в страну и всем известны — и татарам, и фрягам. Таким образом, что бы ни произошло, пусть они поступают по своему обыкновению. Вот их имена: Василий Капица,* Сидор Елферьев,* Константин,* Козма Коверя,* Семен Антонов,* Михайло Саларев,* Тимофей Всеяков,* Дмитрий Черный,* Дементий Саларев,* Иван Ших.*

И прибыл великий князь в Коломну в субботу, месяца августа в 28 день, на память преподобного отца нашего Моисея Мурина. Многие воеводы сошлись там еще прежде великого князя и встретили его на речке Северке.* А Герасим, епископ коломенский,* встретил его в городских воротах с крестами. И велел великий князь всем князьям, и боярам, и воеводам на другой день в воскресенье пораньше выехать в поле и назначил для каждого полка воеводу.

К себе в полк великий князь взял белозерских князей с их войсками: они были весьма храбры и мужественны. А в полк правой руки назначил своего брата, князя Владимира Андреевича, дав ему ярославских князей с их войсками. А в полк левой руки назначил князя Глеба Брянского.* А в передовой полк назначил Дмитрия Всеволодича и Владимира Всеволодича.* Коломенского полка воевода — Микула Васильевич,* владимирского и юрьевского — Тимофей Волуевич,* костромского — Иван Родионович Квашня,* переяславского — Андрей Серкизович.* А у князя Владимира Андреевича воеводы: Данило Белоус,* Константин Кононович,* князь Федор Белецкий,* князь Юрий Мещерский,* князь Андрей Муромский.* Распределив полки, великий князь вошел в церковь и помолился господу богу, и пречистой богородице, и всем святым и попросил благословения у Герасима, епископа коломенского: «Благослови меня, отче, идти против татар». И Герасим, епископ коломенский, благословил его и все воинство его сражаться против нечестивых татар.

И пошел великий князь из Коломны со многими силами и, дойдя до впадения реки Лопасни в Оку, там остановился. Здесь к нему присоединился великий его воевода Тимофей Васильевич,* сын тысяцкого, внук Васильев, правнук Вениаминов, с большим войском, а также те войска, которые оставались в Москве. Теперь великий князь, разузнав вести, приказал переправляться через Оку. И всем полкам дал такое распоряжение: «Когда пойдете по Рязанской земле, пусть никто ничего ни у кого не возьмет, не коснется ни единого волоса». А в Москве он оставил своего воеводу Федора Андреевича* при отце своем Киприане, митрополите всея Руси, при своей супруге, великой княгине Евдокии,* и при сыновьях своих Василии и Юрии.*

Все войско перешло через Оку в воскресенье, а на другой день, в понедельник, переправился сам великий князь. Одно его печалило — мало у него пешей рати. У Лопасни он оставил своего великого воеводу Ти-

мофея Васильевича, сына тысяцкого, чтобы тот сопровождал со всей заботливостью пешие и конные отряды, когда те подойдут, чтобы никто из ратников, проходя по Рязанской земле, ни к чему не прикасался и ничего ни у кого не брал. И велел великий князь сосчитать свое войско, какова его численность, — и было их больше двухсот тысяч.

Услышали в Москве у митрополита, у великой княгини Евдокии, и во всех городах, и весь народ, что великий князь со всеми князьями и со всем войском переправился через Оку в Рязанскую землю и пошел в наступление. И начали скорбеть и сетовать, причитая со слезами: «Зачем пошел он за Оку? Если даже он сам божией благодатью сохранен будет, то наверняка многие из его войска погибнут злосчастной погибелью». И об этом все скорбели и плакали неутешно.

Когда же князь Олег Рязанский узнал, что великий князь Дмитрий Иванович Московский переправился через Оку и идет с большим войском против Мамаю, он встревожился и сказал: «Что он делает? Откуда у него собралось такое войско? Мы думали, что он убежит в дальние места — или в Великий Новгород, или на Двину. А он вот идет против такого сильного царя. И как сообщу я об этом моему другу, великому князю Ягайлу Ольгердовичу Литовскому? Нам ведь не дадут снестись друг с другом: заняли они все пути». А бояре его и вельможи сказали ему: «Мы, о господин, уже слышали об этом пятнадцать дней назад, да побоялись сказать тебе. Говорят, что в его вотчине есть какой-то монах по имени Сергей, который имеет от бога дар пророчества, и этот монах вооружил его и велел ему идти против Мамаю». Олег, князь рязанский, услышав это, убоялся и затрепетал. «Зачем вы не сказали мне об этом раньше? — воскликнул он. — Я бы отправился к нечестивому царю Мамаю и уговорил бы его, и ничего плохого бы не произошло. Ведь этим не наполнить мою разоренную землю, не воскресить убитых, не вернуть попавших в плен — все совершилось божьим судом. Как было угодно богу, так и случилось. А теперь я погубил свою душу. С кем же мне теперь быть? Если с Мамаем, — погибну, ибо он нехристь и безбожник. А если с Ягайлом Ольгердовичем, — то же самое будет. Так пусть будет господня воля: кому поможет бог, и пречистая богородица, и все святые, к тому присоединюсь и я».

Тем временем великий князь литовский Ягайло, как обещал, о чем мы уже говорили, собрал много литвы, варягов, жмудинов и прочих и пошел на помощь царю Мамаю. Дойдя до Одоева,* он остановился и стал собирать вести. Услышал он, что убоялся и затрепетал князь Олег Рязанский, и тоже стал скорбеть и тужить, восклицая: «Зачем я дал уговорить себя другу своему Олегу Рязанскому? Зачем доверился я ему? Никогда не бывало, чтобы Рязань Литву учила! А сейчас — с чего я впал в такое безумие?». И он тоже стал ждать, что произойдет между Мамаем и московским князем.

В 6889 (1380) году в сентябре месяце великий князь Дмитрий Иванович пришел на место, называемое Березуй,* за двадцать три поприща от Дона. И сюда к нему пришли, чтобы поклониться и послужить, ли-

ратно. Так перейдем же ныне Дон и сложим там головы свои за святые церкви, за православную веру и за братьев наших христиан!». И так велел он каждому полку наводить мосты через Дон, а всем воинам надеть доспехи — для предосторожности. И перешли через Дон и, пройдя, разрушили за собой мосты.

Тогда всю ночь волки выли страшно. Вороны и орлы день и ночь каркали и клекотали, ожидая грозного, богом изволенного кровопролитного часа, по сказанному: «Где будет труп, там соберутся орлы».* От такого страха богатырские сердца людей смелых стали укрепляться и воодушевляться, а сердца слабых и ничтожных — унывать и страшиться, ибо каждый видел пред очами смерть.

И настала праздничная ночь Рождества пречистой богородицы. Осень тогда была долгая, дни солнечные, светлые, сияющие, и было очень тепло. И в ту ночь была великая тишь и тепло. При литовских князьях был знаменитый воевода и искусный полководец, замечательный удалец, по имени Дмитрий Боброк,* родом из Волынской земли. Все его знали и боялись из-за его доблести. Он пришел к великому князю и так сказал: «Когда наступит глубокая ночь, покажу тебе, если хочешь, приметы, и заранее узнаешь, что будет потом». Великий князь приказал ему никому об этом не говорить. А когда угасла заря и настала глубокая ночь, Дмитрий Боброк Волынец сел на коня, и вместе с великим князем они выехали на Куликово поле и стали между обоими войсками. И, повернувшись к татарскому войску, услышали крики и стук сильный, как будто на торг съезжаются, и будто город строят, и будто трубы поют. А сзади них зловеще выли волки. А справа был переполох великий среди птиц: кричали, и хлопали крыльями, и каркали вороны, и орлы клекотали по реке Непрядве.* Было очень страшно, потому что и у птиц была битва и драка большая, которые предвещают кровопролитие и смерть многим. И сказал Волынец великому князю: «Что ты слышал?». Тот ответил: «Нечто страшное и весьма грозное я услышал». Сказал ему Дмитрий Волынец: «Обернись, князь, к русскому войску». И тот обернулся — все было тихо. Сказал ему Дмитрий Волынец: «Что, господин мой князь, слышал?». Сказал великий князь: «Ничего не слышал. Только видел, что от множества огней занимают зори». И сказал Дмитрий Боброк Волынец: «Господин мой князь, благодари бога, и пречистую богородицу, и великого чудотворца Петра, и всех святых: огни — это хороший знак. Призывай же господа бога, молись ему часто, пусть не ослабеваешь твоя вера в господу, и в пречистую его мать, и в пастыря твоего и молебника великого чудотворца Петра. Это все хорошие приметы, но еще у меня есть другая примета». И, сойдя с коня, он припал правым ухом к земле, и так лежал долгое время, и встал, и вдруг поник. И сказал ему великий князь: «Что такое, брат Дмитрий, расскажи мне». Но Дмитрий не хотел ему говорить и долго сдерживался. Великий князь настойчивее приступил к нему, прося его сказать. А тот заплакал. Великий князь, увидев его слезы, встревожился и сказал: «Брат Дмитрий, скажи мне. Болит мое сердце». Дмитрий же стал его утешать и сказал

ему: «Господин мой князь, тебе одному и скажу, а ты никому не говори. Две вести есть: одна тебе на великую радость, а другая — на великую скорбь. Припал я ухом к земле и услышал, что она плачет на два голоса, очень горько и страшно. Одна сторона земли, как некая женщина, безутешно плакала и кричала зейство по-татарски о детях своих, биясь и проливая реки слез. А другая сторона земли, как некая девушка, плакала и стонала жалобным голосом, как свирель, в скорби и печали великой. Во многих боях я бывал и много узнал военных примет — понятны мне они и известны. Надеюсь на милость божию — ты победишь татар. Но великое множество воинов твоих христианских погибнет от меча». Услышав все это, великий князь Дмитрий Иванович горестно заплакал и возрыдал и затем сказал: «Воля господня да будет. Как угодно господу, пусть так и будет. Кто воспротивится его воле?». И сказал ему Дмитрий Боброк Волынец: «Господин князь, не говори в войсках об этом никому, чтобы не опечалились и не уныли сердца многих. С верой и милостыней призывай на помощь господа бога, и пречистую богородицу, и великого чудотворца Петра, и всех святых. Вооружись животворящим крестом Христовым. Он есть самое непобедимое оружие против врагов видимых и невидимых».

И всю ночь страшно выли волки, и было их такое множество, будто они сошлись со всей вселенной, и вороны каркали и кричали, и очень страшно клетотали орлы всю ночь.

Тогда же, в ту ночь, одному человеку, по имени Фома Кацыбей* (он был раньше разбойником и покаялся), крепкому и доблестному весьма, за что великий князь поставил его в сторожевые на реке Чюре Михайлове,* на крепкой заставе против татар, укрепляя его, бог явил видение. И увидел он в небе на востоке большой полк, и вот внезапно с южной стороны к этому полку приблизились два светлых юноши* с оружием и начали сечь этот полк, говоря: «Кто велел вам губить наше отечество?». И одних изрубил, а других прогнали.

А еще в ту ночь видели видение Василий Капица и Семен Антонов: видели они идущих из степи бесчисленных эфиопов огромное войско — одни на колесницах, другие на конях,* — и страшен был их вид. И вдруг внезапно появился святой Петр, митрополит всея Руси, держа в руке золотой жезл, и стал наступать на них с великой яростью, говоря: «Вы зачем пришли губить мое стадо, которое бог мне даровал охранять?». И стал их жезлом своим колоть, и одни обратились в бегство, и некоторые из них убежали, а другие утонули в воде, а третьи полегли раненые.

Все они рассказали свои видения великому князю Дмитрию Ивановичу. И он велел им об этом никому не рассказывать. И стал со слезами молиться господу богу, пречистой богородице, и великому чудотворцу Петру, хранителю Русской земли, и святым мученикам Борису и Глебу,* чтобы они избавили русских от татарской этой ярости, и чтобы псы не осквернили святыни,* и чтобы не пожрал татарский меч православного христианства.

После этой ночи, когда занималось уже утро, месяца сентября в вось-

мой день, на праздник Рождества пречистой богородицы, и всходило солнце, была мгла великая по всей земле, как тьма, и до третьего часа дня, а потом стала убывать. Великий князь послал своего двоюродного брата, князя Владимира Андреевича, вверх по Дону в дубраву в засаду с полком, дав ему самых достойных воинов, избранных из своего двора. И еще с ним послал знаменитого воеводу Дмитрия Боброка Волынца, а тот воевода Дмитрий и полки построил.

И вот приготовились к бою все христианские полки, надели свои доспехи и встали на Куликовом поле около устья Непрядвы-реки. Было то поле большое и чистое, пологое к устью реки Непрядвы.

И вступила татарская сила на холм и стала сходить с холма. Также и христианские полки спустились с холма и встали в чистом поле на твердом месте.

Великий князь Дмитрий Иванович, часто пересаживаясь с одного коня на другого, ездил по полкам и говорил со слезами так: «Возлюбленные отцы и братья! Господа ради и пречистой богородицы и ради вашего спасения, идите на подвиг за православную веру и за братьев наших. Мы все от мала до велика — собратья, внуки Адамовы, один род и одно племя, одно у нас крещение, одна вера христианская, один у нас бог — господь наш Иисус Христос, прославляемый в троице. Умрем же ныне за его святое имя, за православную веру, за святые церкви и за всех наших братьев, за все православное христианство!». И, слыша это, все пролили слезы, и укрепились духом, и исполнились доблести, как орлы налетая и рыкая как львы на татарские полки.

Укрепил их великий князь и вернулся под свое черное знамя* и, сойдя с коня, снял свое царское одеяние. И призвал своего любимца Михаила Андреевича Бренка,* а любил его больше всех, и велел ему сесть на своего коня, и возложил на него свое царское одеяние, и всеми царскими знаками украсил его, и то большое черное знамя велел рынде своему возить над Михаилом Андреевичем Бренком. И взял он святой крест, на котором были изображены страсти Христовы* — в кресте том была частица животворящего древа,* и сказал со слезами: «На тебя вся моя надежда, Христе боже! Дай же мне силою твоего креста победу над моими врагами, как некогда Константину».*

Тут пришли к нему посланцы от игумена Сергия Радонежского с благословением и с таким письмом: «Да будет тебе помощником господь бог и пречистая богородица и святой чудотворец Петр». Прислана была ему просфора пречистой богородицы.* Съел великий князь тот святой хлеб, простер руки свои и воскликнул громким голосом: «Велико имя пресвятой троицы! Пресвятая госпожа богородица, помоги нам! Ее молитвами, Христе боже, и святого чудотворца Петра, и великого святителя Киприана митрополита, и преподобного игумена Сергия помилуй и спаси нас от этих басурман, ополчившихся на нас!».

И велел он полкам не спеша выступать. Воеводами передовых полков были Дмитрий Всеволодич и Владимир, брат его, а по правую руку встал Микула Васильевич, да князь Семен Иванович, да Семен Мелик со

многими силами. И был уже шестой час дня. Сошлись они у устья Непрядвы-реки, и внезапно татарское войско быстро спустилось с холма, но дальше не пошло и остановилось, ибо не было места, где бы развернуться. И так они встали стеной, опустив копья, и каждый положил свое копьё на плечо впереди стоящего, передние немного, а задние во всю длину. А великий князь тоже со своим огромным войском русским сошел с другого холма навстречу им. И страшно было видеть, как две великие силы сходились на кровопролитие, на неминуемую смерть: татарское войско, темнеющее во мраке, мрачное, и русская рать в светлых доспехах, как великая река, лилась, как море зыбилась, и солнце светло сияло над ними, испуская на них свои лучи, и они издали были видны как светильники.

А нечестивый царь Мамай с пятью главными князьями выехал на высокое место на холме и остановился там, чтобы видеть человеческое кровопролитие и смертоубийство.

И вот каждому настал жизненный предел и конец приблизился. И начали прежде съезжаться сторожевые полки русские с татарскими. Сам же великий князь сперва ездил в передовых полках, но спустя некоторое время возвратился в главный полк. И вот стали обе силы вместе сходить: с той стороны огромная татарская сила, а отсюда сам великий князь Дмитрий Иванович со всеми русскими князьями. И было видно, что русское войско несказанно велико — было более четырехсот тысяч, конницы и пехоты. И татарское войско также было очень велико. И уже вплотную сошлись оба войска, как выехал из татарского полка богатырь, огромный, широкий в плечах, являя всем свою великую доблесть. И был он для всех так ужасен, что никто не смел против него выйти, и каждый говорил соседу, чтобы тот вышел, и никто не шел. Тогда инок Пересвет, славнейший из послушников преподобного игумена Сергия Радонежского, сказал великому князю и всем князьям: «Не тревожьтесь об этом. Велик бог наш и велика его сила. С божьей помощью и пречистой его матери и всех святых и преподобного игумена Сергия молитвами хочу я с ним встретиться». Этот Пересвет, когда еще был в миру, был славный богатырь, имел он великую силу и крепость, и превосходил всех своим ростом и дородством, и прекрасно разбирался в военном деле и искусстве. И он, как велел ему преподобный Сергий, возложил на себя святую схиму, ангельский образ, и, осенив себя крестным знаменем и окропившись святой водой, испросил прощения у своего духовного отца, и у великого князя, и у всех князей, и у всего христианского войска, и у брата своего Ослябя. И все заплакали — великий князь, и все князья, и все войско — плачем великим и со слезами сказали: «Помоги ему, боже, молитвами пречистой твоей матери и всех святых, как некогда Давиду на Голиафа».* И вот инок Пересвет, послушник преподобного игумена Сергия, пошел против татарского богатыря Темир-мурзы,* и ударились они крепко, так громко и сильно, что земля содрогнулась, а оба они замертво упали на землю и тут приняли конец; также и кони их погибли вместе с ними.

И вот настал седьмой час. И сказал великий князь всем своим князьям и боярам и всему воинству: «Братья, пора нам испить чашу. И пусть это место станет нам могилой за имя Христово, за христианскую веру, за все православное христианство».

И вот сошлись обе великие силы на бой. И была крепкая битва и злая сеча, и кровь лилась как вода, и бесчисленное множество воинов с обеих сторон, с татарской и русской, пало мертвыми, и татарское тело падало на христианское, и христианское на татарское, и смешалась кровь татарская и христианская. А всюду лежало такое множество мертвых, что кони не могли ступать по мертвым. И погибали не только от оружия, но многие сами себя убивали, и под копытами конскими умирали, и задыхались от великой тесноты: ведь невозможно было втиснуться на поле Куликовом между Доном и Мечей из-за множества сошедшихся войск.

И тут русская пешая рать сломилась, как деревья, как скошенная трава полегла. И было страшно это видеть. Но христианское войско билось, не слабея. Но из-за грехов наших позволил бог — и начали татары одолевать, и уже многие из сановитых великих князей, и бояр, и воевод, как деревья, склонились к земле. Даже самого великого князя Дмитрия Ивановича с коня сбили. Он сел на другого коня. Татары же и с того коня сбили его и тяжело ранили. С большим трудом добрался он от побоища к дубраве, вошел под только что срубленное многоветвенное, обильное листвою дерево и, скрывшись там, лег на землю.

И начали татары одолевать. И подсекли великий стяг великого князя, и его любимого наперсника Михаила Андреевича Бренка убили, и многих князей, и бояр, и воевод, и слуг перебили.

А когда прошел восьмой час и настал девятый, татары одолевали всюду. А в то время в дубраве с тайным засадным полком стоял князь Владимир Андреевич, внук Иванов, правнук Данилов, праправнук Александров, двоюродный брат великого князя Дмитрия Ивановича, а с ним отборное войско с мудрым и храбрым воеводой Дмитрием Боброком Волынцем. Плакали они горько, видя, что христианское войско избито и уже только редкие воины блуждают по полю боя. И сказал князь Владимир Андреевич Дмитрию Волынцу: «Что, брат, пользы от нашего стояния; какая им от нас помощь? Кому же нам помогать, ведь все христианские полки лежат мертвые?». И сказал великий и мудрый воевода и удалой богатырь Дмитрий Боброк Волынец: «Велика беда, князь! За наши грехи пришел на нас гнев божий. И не время нам выйти против супостатов. Потерпим же еще, воссылая молитвы к богу в сокрушении сердца, и он низвергнет наших врагов». И князь Владимир Андреевич заплакал и, воздев руки к небу, молился со слезами господу богу и пречистой богородице и всем святым. А когда хотели они выступить против врагов, то дул им в лицо большой ветер и сильно бил, препятствуя этому. И Дмитрий Боброк Волынец сказал: «Никто пусть не выходит на бой ни в коем случае, господь нам возбраняет». И это повергло всех в плач и слезы, и все плакали и со слезами молились господу богу, и пречистой богородице, и всем святым. И сам Дмитрий Боброк Волынец

горько плакал и пролил много слез. И уже когда кончался девятый час, внезапно потянул ветер сзади, понуждая их выйти против татар. Тогда Дмитрий Боброк Волынец сказал князю Владимиру Андреевичу: «Господин наш князь, час пришел, время приблизилось». Также и ко всему войску сказал: «Государя, отцы, братья, дети, други! Идите на подвиг, пришел нам добрый час! Сила святого духа помогает нам». И так все вышли с яростью и праведным гневом на неверных, на своих противников и врагов.

И тогда помощью божией и пречистой его матери в великий страх и ужас впали нечестивые измаильтяне; уstraшенные невидимой божественной силой, они воскликнули: «Увы нам! Увы нам! Христиане превзошли нас мудростью, лучших и удалых князей и воевод сохранили они в тайне, свежие силы против нас уготовили. Наши же руки ослабели, и плечи устали, и колени оцепенели, и кони наш очень устали, и оружие наше выпало из рук. Кто может против них устоять? Горе тебе, великий Мамай! Вознесся ты гордостью своей до облаков, сошел безумием своим до ада и всех нас погубил понапрасну». И побежали татарские полки, а христианские полки гнались за ними, били и секли.

Когда Мамай увидел, что новые неутомленные христианские полки вышли против его татар, то милостью божьей и пречистой его матери, проявившейся на православном христианстве, показалось ему и татарам его, будто из дубравы вышли христианские полки в десятки и сотни тысяч, и никто из татар не смог выступить против них. И побежал Мамай с князьями своими и небольшой дружиной. И много татар погибло от рук христианского воинства, помощью божией матери и великого чудотворца Петра, другие утонули в реке. Гнали их до реки до Мечи. А княжеские полки гнались за татарами до самых станов их и захватили много богатства и всякого имущества. И вернулись обратно христианские воины, и увидели, что всюду мертвые лежали. И такова была победа и помощь божия, и чудеса и знамения божией матери, и великого чудотворца Петра, и преподобного игумена Сергия, и святых страстотерпцев Бориса и Глеба, и всех святых, и родительская молитва православных христиан, что даже там, куда не доходили христианские полки, и там лежали мертвые татары, убитые невидимою божией силой и пречистой его матери и святых его.

Возвратился князь Владимир Андреевич и, став на поле боя,* увидел такое множество убитых из христианского войска — князей, бояр, воевод, слуг, пехотинцев, так что не счесть, и всюду текли кровавые реки.

И начал князь Владимир искать брата своего великого князя Дмитрия Ивановича; и не находил его, и стал он биться головой и терзать себя в великой печали. И повелел трубить сбор трубами, и сошлись все, сколько осталось в живых, христианские воины, и он спросил их: «Кто и где видел великого князя Дмитрия Ивановича, брата моего?». И говорили ему одни: «Мы видели его тяжело раненным. Может быть, он среди мертвых?». А другой говорил: «Я видел, как он крепко бился и бежал, и снова видел, как он бился с четырьмя татарами и бежал от них, и не знаю, что с ним случилось». Сказал князь Стефан Новосильский:* «Я видел,

как он, пеший, едва шел, уходя с побоища, ведь он был ранен очень тяжело, но я не мог ему помочь, меня самого преследовали три татарина». Тогда князь Владимир Андреевич, двоюродный брат великого князя Дмитрия Ивановича, собрав всех, сказал им с плачем и со слезами многими так: «Государи, и братья, и сыновья, и друзья! Ищите прилежно великого князя Дмитрия Ивановича. И когда кто найдет его живым, то — вправду скажу, без лжи — если будет этот человек славен, высок, почитаем, то еще больше прославится, возвысится и почтется. А если он будет из простых, беден и в последней нищете, он станет первым и богатством и почетом и возвеличится славой».

И рассыпались воины повсюду и стали искать. Кто-то из них нашел Михаила Андреевича Бренка, наперсника великого князя, убитого, в одеянии, доспехе и шлеме великого князя и со всеми царскими знаками. Другие нашли князя Федора Семеновича Белозерского, думая, что это великий князь, поскольку они были похожи. Двое же из простых воинов свернули вправо к дубраве (одному имя Федор Зов,* а другому Федор Холопов* — они же были из простых), они и нашли великого князя: тяжело раненный, едва дыша, лежал он под срубленным деревом, под ветвями, как мертвый. И, соскочив с коней своих, они поклонились ему. И один тут же возвратился к князю Владимиру Андреевичу и сообщил ему, что великий князь жив. Тотчас вскочил тот на коня и поспешно поскакал со своими воинами и, подъехав к великому князю, сказал: «О брат мой милый, великий князь Дмитрий Иванович! Ты прежний Ярослав, ты новый Александр!* Но прежде всего — слава господу богу нашему Иисусу Христу, и пречистой его матери, и великому чудотворцу Петру, и преподобному игумену Сергию, и святым страстотерпцам Христовым Борису и Глебу, и всем святым божиим угодникам за то, что невидимую божьей помощью побеждены были измаильтяне и над нами воссияла божия милость». Великий князь с трудом проговорил: «Кто это говорит и что значат эти слова?». И сказал ему князь Владимир Андреевич: «Это я, брат твой, князь Владимир Андреевич, говорю с тобой». Они едва подняли его. Доспех его был весь разбит и совсем изрублен, но на теле нигде не было смертельных ран. А ведь он самым первым пошел на бой, в первой схватке, и лицом к лицу бился с татарами. Не раз ему говорили князья и воеводы: «Господин князь, не становись впереди биться, стань сзади, или на крыле, или еще где-нибудь с краю». Он же отвечал им, так говоря: «Как же, стоя позади и скрывая лицо свое, скажу я: пойдете, братья, твердо на подвиг против врагов? Не могу я так поступить, чтобы таиться и скрываться, но я хочу как словом, так и делом прежде всех сам начать и прежде всех голову свою сложить за имя Христово и пречистой его матери, и за веру христианскую, и за все православное христианство, чтобы и другие, видя мое дерзновение, поступили бы так же со всяким усердием». И как сказал великий князь Дмитрий Иванович, так и сделал — стал прежде всех биться с татарами. Справа и слева обступили его татары, как вода, ударяли, кололи и секли его по голове, и по плечам, и по животу, но господь бог своею милостью,

и молитвами пречистой его матери, и великого чудотворца Петра, и всех святых молитвами уберег его от смерти. И он был так измучен этим татарским избиением и так устал, что был близок к смерти. А сам он был очень крепок и мужествен, велик телом и широк, плечист, дороден и де-бел, волосы и борода черные, и весь облик его был прекрасен.

И когда он понял, что сообщают ему о великой радости, он, собравшись с силами, сказал: «Возрадуемся и возвеселимся в этот день, который создал господь!».* Его посадили на коня, и затрубили трубы по полю битвы с великим торжеством. И сказал ему князь Владимир Андреевич: «Знаешь ли, какова была милость божия и пречистой его матери к нам? Ведь даже там, куда не доходили наши воины, множество татар было сражено невидимой божией силой, и пречистой его матери, и великого чудотворца Петра, и всех святых.

Великий князь воздел руки к небесам и сказал: «Велик ты, господи, и чудны дела твои, и не хватит слов, чтобы восхвалить твои чудеса!»* О пречистая богомати! Кто может достойно тебя восхвалить и великие и неизреченные чудеса твои воспеть? О блаженный Петр, заступник наш могучий! Чем мы воздадим тебе за все, что ты дал нам!». Затем, отдохнув от труда и изнеможения своего и от страданий своих оправившись, утешил он брата своего, князя Владимира Андреевича, и прочих князей и воинов ласковыми словами, похвалил их и возвеличил за то, что так боролись за православную веру и за все христианство.

И поехал он вместе с братом своим и с оставшимися князьями и воеводами (а осталось их очень мало), и видели они мертвых, лежащих, как копны, смешались христиане с татарами, и кровь христианская слилась с татарскою кровью, страшно, ужасно было видеть это. И заплакал великий князь плачем великим со слезами. Тут выехал он на то место, где лежали вместе восемь убитых князей белозерских. Были они столь мужественны и сильны, как знаменитые и прославленные удальцы; так и умерли они друг за друга вместе со множеством своих бояр. Тут же поблизости нашел он своего великого воеводу Микулу Васильевича, сына тысяцкого, и пятнадцать князей с ним, и многое множество бояр и воевод мертвыми лежащих. Затем нашел он своего наперсника, которого любил больше всех, Михаила Андреевича Бренка, и около него множество князей и бояр убитых лежало. Тут же лежал убитый Семен Мелик с Тимофеем Волуевичем. Перешел он на другое место и тут увидел Сергиева чернеца Пересвета и рядом с ним знаменитого татарского богатыря и, обратившись к своим спутникам, сказал: «Видите, братья, того, кто начал, — он победил подобного себе, от которого многим бы пришлось испить горькую чашу». И оплакал всех великий князь горьким плачем с великими слезами, говоря так: «Слава богу, пожелавшему так!». Количество убитых Мамаем в этом побоище невозможно было исчислить. Были убиты знаменитые, великие и удалые, имена же их таковы:* князь Федор Романович Белозерский и сын его князь Иван, князь Федор Семенович, князь Иван Михайлович, князь Федор Торусский, князь Мстислав, брат его, князь Дмитрий Монастырев, Семен Михайлович, Микула

Васильевич, сын тысяцкого, Михайло и Иван Акинфовичи, Иван Александрович, Андрей Шуба, Андрей Серкизов, Тимофей Васильевич Волуй Акатьевича, Михайло Бренко, Лев Мазырев, Тарас Шатнев, Семен Мелик, Дмитрий Минин, Сергиев чернец Пересвет, он же Александр, бывший прежде брянским боярином; этот удалец, прославленный богатырь, был весьма искусен в воинском деле и устройстве. И были все те, которых имена названы, великие удалцы и богатыри, а прочих князей, бояр, воевод, княжат, детей боярских, слуг, пехотинцев бесчисленное множество убито, и кто может их пересчитать или назвать, если и число их потеряно?

Тогда великий князь Дмитрий Иванович сказал, обращаясь ко всем: «Государи мои, отцы, братья, сыновья! Благодарю вас, что вы совершили такой подвиг. Вам и назначено служить, а мне следует награждать вас по достоинству. Если даст мне бог вернуться на родину, на великое княжение Московское, то воздам я вам честь и награжу вас. Теперь же пусть каждый потрудится, сколько может, чтобы похоронить наших братьев, православных христиан, убитых татарами на этом месте». И оставался великий князь за Доном на том месте восемь дней, до тех пор, пока не смогли (насколько это было возможно) отделить христиан от нечестивых татар: кого смогли, схоронили, а о прочих знает бог, ведь совершилось это божьим судом. Ибо из-за наших грехов допустил господь бог такое несчастье, но по милости своей наконец умилился молитвами пречистой его матери и великого чудотворца Петра, и невидимую его божественною силою были побеждены измаильтяне.*

Тогда сказал великий князь Дмитрий Иванович: «Сосчитайте, братья, сколько осталось всех нас». И сосчитал, и сказал Михаил Александрович,* боярин московский: «Господин князь, осталось всех нас сорок тысяч, а было всех больше четырехсот тысяч, конницы и пехоты». И сказал великий князь: «Да будет воля господня! Как угодно было государю, так и было. Кто противится его воле? Кто возразит государю? Ведь его волей и желанием все совершается». И велел великий князь священникам петь надгробные песнопения над убитыми, и погребли их, сколько смогли и успели, и воспели священники вечную память всем православным христианам, убитым татарами на поле Куликовом, между Доном и Мечей. И сам великий князь со своим братом и оставшимися воинами возгласили громким голосом с плачем и слезами многими вечную память. И снова сказал великий князь: «Да будет вечная память всем вам, братья и друзья, православные христиане, пострадавшие за православную веру и за все христианство между Доном и Мечей. Это место суждено вам богом! Простите меня и благословите в этом веке и в будущем и помолитесь за нас, ибо вы увенчаны нетленными венцами от Христа бога».

Тогда один человек из полка Владимира Андреевича предстал перед великим князем, говоря так: «Господин мой князь, когда я был в дубраве с князем Владимиром Андреевичем в засадном полку, и мы плакали великим плачем перед господом богом и пречистой его матерью и великим чудотворцем Петром, видя, как татары убивают православных наших

христиан, и были мы в великой скорби и жалости, и внезапно я как бы впал в исступление и увидел бесчисленное множество венцов, сходящих на убитых христиан. И вот вам верное слово, что нетленными венцами увенчаны они от Христа бога, и приняли честь и славу великую на небесах, и молятся обо всех нас».

И затем сказал великий князь Дмитрий Иванович брату своему князю Владимиру Андреевичу: «Пойдем, брат, на свою землю Залескую, к славному городу Москве, и сядем на своем княжении, на своем отцовском и дедовском столе, ведь мы приобрели себе чести и славы на весь свой род». И переправились они через Дон. И пошел великий князь по Рязанской земле.

Когда князь Олег Рязанский услышал, что идет великий князь, победив своих врагов, то стал прятаться и плакать, говоря: «Горе мне, грешнику, отступнику от Христовой веры! Как соблазнился? Куда смотрел? К безбожному царю присоединился!». И сбежал он из своего города Рязани, и побежал к Ягайлу, князю литовскому; прибежал на границу с Литвой и, остановившись тут, сказал своим боярам: «Я хочу здесь ждать вестей: как пройдет великий князь мою землю и придет в свою вотчину, тогда и я вернусь восвоеси». А великий князь велел всему своему войску, когда они пройдут по Рязанской земле, чтобы никто ни единого волоса не тронул.

Пришел великий князь в Коломну с Дона месяца сентября в 21 день, на память святого апостола Кондрата. И встретил его Герасим, епископ коломенский, в городских воротах, с живоносными крестами, со святыми иконами и со всем духовенством. И вошли они в соборную церковь. И совершили молебствие господу богу и пречистой его матери, и святую литургию служил епископ Герасим. Так же и по всему городу священники молебны и литургии служили о здравии великого князя, и всех князей, и всего христолюбивого войска.

В Коломне великий князь провел четыре дня, отдохнув немного от труда. Он ведь был в большой усталости и утомлении. Затем он пошел в славный город Москву. И вошел он в город Москву, и встретил его отец его Киприан, митрополит киевский и всея Руси, с крестами и со всем священным собором. И сказал великий князь митрополиту: «Отче, милостью божией и пречистой его матери и великого чудотворца Петра и святыми молитвами твоими и преподобного игумена Сергия одолели мы нечестивого Мамая и всех, кто с ним, победили. Он вознесся гордостью, а мы смирением. Ты же сам видел, сколько золота и серебра мы посылали ему и как упрашивали его. Он же не послушал, но вознесся гордостью своей — и посрамился. Мы же спасены милостью божией и победили, и много добычи и богатства их захватили, и пригнали с собой большие стада: коней, верблюдов, волов яремных, и множество овец без числа, и оружие их, доспехи, одежды их, и добра бесчисленное множество». И сказал митрополит Киприан: «Слава тебе, господи! Слава тебе, святой! Слава тебе, царь! Ты показал на нас великую свою милость и низверг наших врагов! Величаем тебя, пресвятая дева богородица! Ты

многую милость и великие чудеса показала на православных христианах! Ублажаем тебя, святитель Христов Петр! Ты защищаешь от бед свое стадо и низвергаешь наших врагов! Как же мы прославим тебя, господин, мой возлюбленный о Христе сын, великий князь Дмитрий Иванович, новый Константин, славный Владимир, дивный Ярослав, чудный Александр? Какие тебе благодарение, и честь, и славу воздадим, что ты так сражался и трудился за все православное христианство?». И благословил его митрополит честным крестом и брата его двоюродного, князя Владимира Андреевича, и, поцеловавшись, вошли они в святую церковь Успения пречистой богородицы и совершили молебствие, и служил сам митрополит божественную литургию со всем священным собором. Также и по всему городу священники служили молебны и литургии о здравии великого князя и обо всех князьях и обо всем христолюбивом воинстве. И роздал тогда великий князь много милостыни по церквям и монастырям, и одарял убогих и нищих. И отпраздновал с отцом своим Киприаном, митрополитом киевским и всея Руси, и с братом своим князем Владимиром Андреевичем и со всеми оставшимися воинами. А затем всех распустил, и разошлись все по домам.

Сам же великий князь отправился в монастырь к Живоначальной Троице в Радонеж, к преподобному игумену Сергию, и помолился со слезами господу богу, и пречистой его матери, и всем святым его, и получил благословение у преподобного игумена Сергия. И сказал ему: «Отче, твоими святыми молитвами победили мы измаильтян. А если бы твой чудный послушник, инок Пересвет-Александр, не убил великого татарского богатыря, то пришлось бы многим испить от него смертную чашу. Ныне же, отче, божиим поущением за многие наши грехи многое множество воинства христианского убито татарами. Нужно, чтобы ты пел панихиды и служил обедни по всем по ним, по убитым».* Так и было. Он одарил преподобного игумена Сергия и всю братию. И затем возвратился опять в Москву. И воссел на великом княжении Московском своем, наследстве от отцов и дедов, отдыхая от многих трудов и болезней, которые он претерпел за православную веру и за все христианство.

О великое и крепкое дерзновение доблести твоей, великий князь Дмитрий! Как не утрашился и не убоился ты идти за Дон, в чистое поле, против великих сил татарских, как ты сам впереди всех начал биться, как ты рубил измаильтян! И было все это помощью божией, и пречистой его матери, и великого чудотворца Петра, и всех святых, и родительской молитвой. О владыко Христе, не прогневайся на нас за наши беззакония, но помилуй нас по великой твоей милости и низложи врагов наших! О пречистая дева мати божия, прояви к нам свою милость, и моли сына своего и бога нашего Иисуса Христа, и прекрати и утиши распри, войны и мятежи, восстающие против нас, дай нам, рабам твоим, мир и любовь! О великий и блаженный пастырь Петр, не оставляй нас сирых, попираемых и поносимых нашими врагами, но защищай стадо свое всегда и сохраняй его невредимо, как ты обещал, и отгони

далеко от нас клевету, зависть, гордость, но молитвами твоими насади в сердца наши кротость, тихость, смирение, милость, любовь, потому что бог есть любовь, и ему слава во веки веков. Аминь.

А Мамай с оставшимися князьями своими и с небольшой дружиной убежал с Донского побоища и прибежал в свою землю. И снова начал он яриться и разгораться гневом против великого князя Дмитрия Ивановича. Собрав оставшиеся свои войска, он решил совершить набег на великого князя Дмитрия Ивановича и на всю Русскую землю: все-таки он собрал большое войско. И только он это задумал и двинулся было в великой ярости со своим войском на великого князя Дмитрия Ивановича, как пришло ему известие, что идет на него некий царь с востока, по имени Тохтамыш,* из Синей Орды. Мамай же с той ратью, которую он приготовил против великого князя Дмитрия Ивановича, пошел против Тохтамыша. И встретились они на Калке, и был у них бой, и царь Тохтамыш победил Мамаю и прогнал его. А Мамаевы князья, тайно от Мамаю посовещавшись между собой, сказали: «Плохо нам в Мамаевом царстве жить, над нами все издеваются, и избивают нас наши враги. Что пользы нам жить в его царстве? Перейдем к царю Тохтамышу и посмотрим, что будет». И вот Мамаевы князья, сойдя с коней, били челом царю Тохтамышу, поклялись, по обычаю своей веры, принесли присягу и остались у него на службе, а Мамаю, посрамленного и поруганного, оставили с самой небольшой дружиной.

Мамай же, увидев как поступили с ним его князья, тотчас бросился в бегство со своими советниками и единомышленниками. Царь Тохтамыш послал за ним в погоню своих воинов. Преследуемый ими Мамай, спасаясь от погони, добрался до города Кафы.* Он снесся с жителями Кафы, чтобы они, по договору и охранной грамоте, приняли его и скрывали, пока не избавится он от преследователей. И они разрешили ему войти. И вошел Мамай в Кафу со своими советниками и единомышленниками, с большим богатством — с множеством золота, серебра, драгоценностей, жемчуга. Жители Кафы, увидев его богатство, составили заговор, обманули и убили его. Так злосчастно окончил Мамай свою окаянную жизнь.

А царь Тохтамыш захватил Мамаеву Орду, и цариц, и казну, и ставища, и улусы, и богатство его: золото и серебро, жемчуг и драгоценные камни. Много всего он взял и разделил между своей дружиной. И оттуда он в ту же осень послал своих послов к великому князю Дмитрию Ивановичу в Москву и ко всем русским князьям, сообщая им о том, что он пришел в Волжскую Орду, и воцарился, и сопротивника своего, а их врага, Мамаю, победил, а сам воссел на Волжском царстве.

А все русские князья посла его чествовали хорошо, и отпустили его в Орду к царю Тохтамышу со многими дарами, а сами той зимой и той весной послали в Орду каждый своих киличеев* со многими дарами царю Тохтамышу, его царицам и князьям его.

СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ

РАСПРОСТРАНЕННАЯ РЕДАКЦИЯ

Сказание о безбожном царе Мамае, как приходил он на Русскую землю ратью, и как захотел он завоевать Русскую землю и покорить под свою власть, и попрасть веру христианскую до основания, но бог ему этого не позволил, и он сам был разбит великим князем Дмитрием Ивановичем Московским* в год 6889.*

По божьему поущению, по дьявольскому наущению поднялся царь из восточной страны по имени Мамай, язычник по вере, идолопоклонник и иконоборец, злой гонитель христиан. И вошел в его сердце подстрекатель-дьявол, который всегда строит козни христианам. И научил он его, как разрушить христианскую веру, чтобы всему христианству быть истребленным, чтобы не славилось имя господне среди людей. Но господь, что захочет, то и совершит.

А тот безбожный царь, по наущению дьявола, начал завидовать и подражать своему предшественнику царю Батю, новому Юлиану Отступнику.* И стал он спрашивать старых татар: как тот безбожный Батый пленил Русскую землю и что с ним случилось. И они сказали ему, как пленил Батый Киев, Владимир* и всю Русь, а великого князя Юрия Дмитриевича убил,* и многих православных князей перебил, и многие святые монастыри осквернил, а соборную церковь златоверхую разграбил. Слепленный, не понимал он того, что, как угодно господу, так и есть и будет так же, — когда-то и Иерусалим за прегрешения был пленен Титом Римским и Навуходносором Вавилонским.* Но не до конца прогневается господь, не вовеки враждует.*

Услышав все это от своих агарян,* безбожный царь стал спешить, распаляемый дьяволом непрестанно, ополчаясь на христиан. И будучи в своей земле, стал он посылать к отдаленным своим подданным — алпаутам, князьям, воеводам, и сказал так: «Я не хочу так делать, как Батый. Когда дойду до Руси, убью князя и княгиню. Мы узнаем, какие города красивые нам подходят, и будем в них сидеть и владеть Русью, и тихо и безмятежно заживем». А того он не знал, что рука господня высока.

Через несколько дней после этих речей он переправился через великую реку Волгу со всем своим войском, и многих других отрядил, и

многие орды к себе присоединил, говоря им: «Обогадитесь русским золотом». И пошел он на Русь, как лев рыкая и пыша гневом как неутолимая ехидна. Дошел он до устья реки Воронеж,* и распустил свое войско, и повелел по всем улусам своим: «Пусть никто не пашет хлеба — будьте готовы на русские хлеба».

Услышал Олег Рязанский,* что царь Мамай идет ратью на Русь, на великого князя Дмитрия Ивановича, и стоит на реке Воронеж. Скучность ума была в голове Олега, а в сердце его — ухищрения сатаны. Послал он посла своего к Мамаю с большой честью и с дарами и грамоту написал к нему таким образом: «Восточному царю царей Мамаю! Твой ставленник и присяжник Олег Рязанский обращается с мольбой. Я слышал, о господин, что ты хочешь идти на Русь, на своего служебника* Дмитрия Московского, и воевать с ним. Ныне же, знай, господин, настало твое время: золотом и серебром наполнилась земля та. Знаю я, светлый царь, что робок Дмитрий. Когда он услышит издалека о тебе, царь, и о гневе твоём, то далеко сбежит оттуда, в места пустынные и необитаемые, а все золото, о царь, будет в твоих руках. Меня же да пощадит держава твоя, о царь. Ведь я для тебя сильно запугаю всю Русь и князя Дмитрия Ивановича. И еще, царь, молю тебя: мы оба твои рабы, но я обиду великую принял от него, от того Дмитрия. И не только это, о царь: когда он меня обижает, я твоим царским именем грожу ему, — а ему и это нипочем. А еще он мой город Коломну себе забрал. Вот об этом обо всем, царь, прошу тебя!».

Другого вестника послал он быстро к великоумному и велеречивому Ольгерду Литовскому.* Впоследствии проявилось, что он глуп, как малый ребенок. И написал послание свое так: «Мудрому и премудрому среди людей Ольгерду Литовскому, великому князю и королю милостивому и преславному, многим землям государю, я, Олег Рязанский, пишу радостное известие! Я знаю, что ты уже давно задумал изгнать московского князя Дмитрия и завладеть Москвой. А сейчас приспело нам время. Известно ли твоей милости — а если нет, то я возвещаю: великий и славный царь царей грозный Мамай идет на его землю. А ты теперь присоединись к нему. Тебе даст он Москву и иные близлежащие города, а мне — Коломну и другие, близкие ко мне: Владимир и Муром. Я послал ему дары, и ты пошли своего посла и какие имеешь дары и напиши ему грамоту, как сам знаешь и без меня».

Ольгерд же, услышав это, обрадовался и очень похвалил друга своего. И сказал он окружающим его панам: «Милые мои великие паны! Слышите, как сильно и крепко любит меня друг мой милый, великий князь Олег Рязанский! Видите, как Олег не захотел один владеть Москвою, но и мне, другу своему, сказал об этом, чтобы и я вместе с ним мог владеть Москвой». Как безумные, они не знали, что говорят. Паньы же воскликнули и сказали: «Подобает, государь, вашей милости владеть Москвой, а этого разбойника Дмитрия прогнать, а все города разделить между собою, золото же, и серебро, и все узорочье Московской земли передать великому государю Мамаю. И будете безмятежно царствовать».

Услышав такие слова от своих панов, Ольгерд был очень рад и сказал им: «Много вотчин и богатств я вам подарю в земле Московской». И они поклонились ему до земли. И он, почтив посла Олегова великою честью и дав ему дары многие, отпустил его, сказав: «Скажи милому другу моему, великому князю Олегу Рязанскому, — сейчас, друг мой, называю тебя господином только земли Рязанской, но скоро будем мы государями всей Московской земли, и там я тебя увижу, как дорогого брата. Землю же нашу Московскую мы разделим между собой и будем царствовать там радостно и безмятежно».

О горе безумным этим владетелям, что не разумеют они писания, а ведь сказано в книге псалмов: «Зачем мятутся народы и безумно замышляют тщетное? Цари и князья...».* А бог пусть поручит царство тому, кому хочет.

Затем великий князь Ольгерд Литовский быстро отрядил к Мамаю посла своего по имени Бартяш,* человека родом из Чешской земли, мудрого мужа. И послал его быстро, дав ему дары бесчисленные, многие и очень дорогие. И послал с ним грамоту такую: «Великому и грозному царю царей, всесветлому царю Мамаю! Ольгерд, литовский князь, твоей милости присяжник, припадая, умоляет тебя. Слышал я, о господин, что хочешь ты наказать улусы* свои и московского князя Дмитрия. Из-за этого я и прошу тебя — великую беду сотворил он твоему улуснику Олегу Рязанскому, и мне тоже зло причиняет. Мы оба умоляем тебя, пусть придет власть царства твоего и пусть увидит наше унижение».

Все это они наговаривали на великого князя лживо, а между собой, смеясь, говорили: «Когда услышит Дмитрий о нашей присяге Мамаю, то убежит в Новгород Великий или на Двину, а мы сядем на Москве и на Коломне. А когда царь придет, мы ему все золото, серебро и узорочье Московской земли вынесем, встретим его и дары перед ним положим. И тогда он, взяв дары, возвратится к себе, а мы княжение московское разделим — часть к Литве,* часть к Рязани,* а царь нам даст ярлыки,* нам и нашим потомкам после нас». Не знали они, что говорили как несмышленные малые дети, будто бы не знали они о силе божией и о господнем замысле. Истинно ведь сказано: «Кто держится добродетели — не может быть без многих врагов».

Князь же великий Дмитрий Иванович, будучи смиренномудрым и стремясь к возвышенному смирению, не подозревал ничего из этих замыслов, о которых говорили ближние его. О таких ближних пророк сказал: «Не замышляй зла на соседа своего, чтобы и тебя не постигла кончина».* Давид же ясно сказал в книге псалмов: «Вырыл, выкопал яму, сам попал в нее».*

После всего этого пришла грамота от Ольгерда Литовского и от Олега Рязанского к безбожному царю Мамаю, и передали ему дары и послания от этих треклятых царю поднесли. И посмотрел царь Мамай написанное. Он подозревал, что написавшие лгут в этом послании, и сказал он своим темникам: «Я думаю, что письма эти лживы. Вы слышали — как им оставить князя Дмитрия и отречься от своей веры?». Они же пола-

гали, что письма истинные, и сказали царю: «Ты, царь, царствуй в веках, а мы знаем, что они не лгут. Но они боятся имени твоего грозного. А этот Дмитрий Московский их обошел и обиду им сотворил». Царь же сказал им: «Я думал, что они в едином совокуплении будут против меня, а сейчас между ними разделение. Буду я на Руси навсегда!» И написал такое послание: «Ольгерду Литовскому и Олегу Рязанскому! Что вы мне писали — хвалю вас, и за присланные дары. Что хотите вотчины русской — одариваю вас ею, но только присягните мне в верности. А сейчас встретьте меня со своими силами, где успеете, и тем вы победите своего врага. А мне ваша помощь не нужна. Если бы я хотел, то своею силою покорил бы древний Иерусалим, как халдейский царь,* и на вашей вотчине вами бы управлял. Но моим именем и вашей рукой разбит будет князь московский Дмитрий, и пусть будет грозным имя ваше в ваших странах. А мне, царю, пристойно победить равного себе, и подобает мне царская почесть. Так и скажите своим князьям».

Послы же их возвратились к ним и сказали: «Царь приветствует вас и очень хвалит». А они, скудоумные, обрадовались этому суетному привету, как будто они не знали, что бог дает власть тому, кому захочет.

Не знаю, как это назвать. Если бы они были врагами друг другу, между собой бы устроили войну. А здесь — одна вера, одно крещение, а к безбожному присоединились, вместе хотят преследовать православную веру.

После этого Ольгерд Литовский начал расспрашивать посла своего Бартяша. И сказал Ольгерд послу своему: «Я знаю, что ты муж твердый разумом, и хорошо знаешь воинские порядки, и много царств тебе знакомо. Каков великий царь Мамай? Я думаю, что страшно видеть его величие, и войско его крепко и многочисленно».

Бартяш же сказал ему: «Милостивый государь мой! Если прикажешь, все о нем расскажу по истине. Царь Мамай, господин, и ростом средний человек, и разумом не слишком крепок, и в речи непамятлив, а горд весьма. А воинство его бесчисленное, многое множество, но все, как овцы без пастуха, и заносятся в своей гордости. А если, господин, поднимется против них Дмитрий, князь московский, я думаю, господин, он разгонит их». Ольгерд же, услышав эти слова, вдруг вскочил с места, разъярившись, схватил меч в руку, желая убить посла своего Бартяша, и сказал: «Как смеешь ты такие слова говорить про такого великого царя? Ведь ему не может весь свет противостоять!».

Паны его быстро вмешались и удержали Ольгерда и сказали ему: «Перестань, господин!». Бартяша оттащили от него. И он сказал: «Что ты сердисься? Ты, господин, сам спрашивал меня о нем, и я сказал тебе всю правду про него». Многие же паны ужаснулись сердцем, услышав, что сказал о царе Мамае Бартяш — всю истину, что видел и слышал. Ольгерд же князь всей душой стремился к Мамаю. И так же и Олег. О таких писал блаженный Лука евангелист в апостольских беседах: «Жестоковейные! Люди с необрезанным сердцем и ушами! Вы всегда противитесь духу святому, каменносердечные и косные умом».* О них же

написано в книге пророческой: «Отсеклись они от своей маслины и приросли к лозе пустынной, горькой и бесплодной».*

Олег же заспешил и стал посылать послов к царю Мамаю — пусть он устремится скорее к земле Русской. О таких пророк сказал: «О неразумие! Пути злых не имеют успеха, а собирают себе осуждение и позор! Пути праведных соединяются».* Ныне же этого Олега вторым Святополком* назову. Братоубийца, он оставил родных своих и единовверных братьев и присоединился к безбожному царю губить православных людей.

Услышал великий князь Дмитрий Иванович, что идет на него безбожный царь Мамай с огромным войском, непрестанно злобствуя на христианскую веру, подражая безбожному царю Батыю. Князь великий Дмитрий Иванович, весьма опечалившись о нашествии безбожного царя, встал перед образом Спасителя и начал молиться: «Если я, господи, смею молиться, смиренный раб твой, простираю к тебе скорбь мою. На тебя, господи, возложу я печаль мою, ибо ты свидетель, владыко, всему твоему созданию. Не сотвори нам, господи, того, что отцам нашим: ты допустил за грехи наши на род наш христианский и град злого отступника Батя. До сего времени в нас тот страх и трепет. А сейчас, господи великий, не до конца прогневайся на нас! Я знаю, господи, что из-за меня хочешь погубить землю эту, потому что я согрешил перед тобой больше всех людей. Но сделай мне, господи, как Иезекии: * укроти, господи, сердце свирепому!». И сказал он: «На господа надеялся и не погибну!».* Выйдя из спальни, скоро послал за братом своим, князем Владимиром Андреевичем, который был в своей вотчине в Боровске,* и за всеми своими воеводами местными.

Князь Владимир Андреевич пришел в Москву сразу же. Князь великий, увидев брата своего, князя Владимира Андреевича, прослезился и, взяв его за руку, повел его в комнату и наедине сказал ему: «Слышали, брат, что на нас пришла беда — нашествие поганых?». Ответил князь Владимир Андреевич великому князю Дмитрию Ивановичу: «Ты глава всем главам и государь всей земли Русской. Что же ты печалишься об этом? Какова воля господня, так и будет. Больше подойдет головам нашим под мечами погибнуть радостно за веру Христову, и за святые церкви, и за тебя, доброго государя, нежели быть нам в рабстве у злочестивого этого Мамаю. Лучше нам, государь, почетная смерть, нежели позорную жизнь видеть!».

Князь великий Дмитрий Иванович, встав и воздев руки, сказал: «Слава тебе, владыко, господи Иисусе Христе, что брату моему положил ты на сердце умереть за имя твое!». И, обняв за шею брата своего, князя Владимира Андреевича, и любовно поцеловав, сказал: «Златомазанная голова! Я так сказал тебе, брат, испытывая твое сердце!». И еще сказал: «Говори так людям, пусть утвердится их сердце на подвиг спасения». И, встав, князь великий Дмитрий Иванович взял брата своего, князя Владимира Андреевича, и пошел к преосвященному митрополиту Киприану.*

И, придя, сказал: «Знаешь ли, отче, о пришедшей к нам беде — что безбожный царь Мамай идет на нас в неукротимой ярости?». Преосвященный же митрополит сказал великому князю Дмитрию Ивановичу: «Скажи мне, господин, неправ ли ты в чем-нибудь перед ним?». И сказал великий князь Дмитрий Иванович: «Мы, отче, все правильно исполняем по завету наших отцов, и даже более того ему воздали». А преосвященный митрополит сказал великому князю Дмитрию Ивановичу: «Видишь, господин, попущением Божиим за наши согрешения идет покорить землю нашу, но вам, православным князьям, следует тех нечестивых успокаивать дарами в четыре раза большими. А если он и после этого не смирится, то господь его смирит, потому что господь гордым противится, а смиренным дает благодать.* Так же случилось с Василием Великим в Кесарии: злой Юлиан Отступник, идя войной на персов,* хотел разорить его город, он же помолился богу со всеми христианами, и собрали много золота, чтобы Отступника успокоить. А он еще больше разъярился. И послал господь воина своего Меркурия,* и тот убил гонителя невидимо. А сейчас возьми золота, сколько имеешь, и пошли ему, чтобы воздать ему должное». И князь великий с братом своим ушел от архиепископа и удалился в свои покои.

Потом великий князь стал выбирать из своих придворных, из молодых дружинников. И выбрал юношу, весьма умного, по имени Захария Тютчев.* И дал он ему двух переводчиков, знающих татарский язык, и много золота послал князь великий с ним к царю. Захария же, дойдя до Рязанской земли, узнал, что Олег Рязанский и Ольгерд Литовский присоединились к Мамаю. И послал Захария тайно к князю великому, сообщая: «Ольгерд Литовский и Олег Рязанский присоединились к Мамаю».

Когда князь великий узнал об этом, расходилось у него сердце и ярости и горести наполнилось, и, встав, он начал молиться: «Господи боже наш, на тебя, любящего правду, надеюсь. Если бы враг мне делал зло, подобало бы это терпеть, так как он исконный враг роду христианскому, а ведь это — друзья мои, мои ближние, и так на меня замыслили! Будь судьей, господи, между ними и мной. Я ведь ни одному из них ничего не сделал, только принимал от них честь и дары и то же им воздавал. Но суди, господи, по правде моей, да прекратится злоба нечестивых!».*

Встал великий князь и, опять взяв с собой брата своего, князя Владимира Андреевича, снова пошел к преосвященному митрополиту и поведал ему, как Ольгерд Литовский и Олег Рязанский объединились с Мамаем. Преосвященный митрополит сказал ему: «Сам знаешь, господин, князь великий, какую обиду ты им причинил?». Князь же великий прослезился и сказал: «Отче, перед богом я грешен, а перед ними — ни единой черты по закону наших отцов не преступил. Знаешь ведь сам, что я доволен своими владениями, а им никакой обиды не сотворил. Не знаю, отчего умножились враги мои». Преосвященный митрополит Киприан сказал великому князю: «Просветись весельем, господин великий князь, сын мой! Ты чтешь и понимаешь закон Божий: когда творишь

правду, люди на тебя не восстанут. Праведен господь и правду любит. Нет тебе другого помощника, кроме господа. А еще сказано: «Окружили меня псы многие, сонм лукавых осадил меня. Но напрасно они стараются, ведь господь мне помощник: призови меня в печали своей, и я избавлю тебя, и ты меня прославишь!». И еще сказано: «Окружили меня враги, но именем господним я им сопротивляюсь». Если, господин, бог хранит человека, весь мир не может его погубить. А если гнев божий падет на человека, может ли весь мир укрыть его от зла? Господь праведен и любит правду.* По правоте твоей будет тебе помощник, а от всевидящего ока владыки и от крепкой руки его где кто может укрыться и спастись?».

Князь великий Дмитрий Иванович с братом своим Владимиром Андреевичем и со всеми русскими князьями собрали совет, чтобы устроить крепкое сторожевое охранение. И избрали дружинников крепких весьма из числа мудрых и храбрых вельмож: Родиона Ржевского,* Якова Андреевича Усатого,* Василия Тупика.* И послал князь великий их в сторожевой отряд, и с ними многих витязей. И повелел им постараться добыть языка, чтобы узнать истинные намерения Мамаю. И велел им ехать до реки Быстрой Сосны,* близ Орды.

Потом князь великий Дмитрий Иванович приказал разослать грамоты по всем городам, повелел всем быть готовыми к войне против безбожных агарян. И собратся всем в день Успения пресвятой богородицы* в Коломне.*

А тот сторожевой отряд в поле замешкался.

Снова князь великий с братом своим и с боярами решил послать второй сторожевой отряд и повелел им возвратиться поскорее. Послал Климентия Полянина,* да Ивана Всеслава,* да Григория Судока* и многих других с ними. Они же встретили Василия Тупика еще близко от Оки, ведущего языка к великому князю. А тот язык поведал великому князю, что действительно идет царь Мамай на Русь и как обменялись посланиями и соединились с ним Ольгерд Литовский и Олег Рязанский. И не спешит царь, потому что ждет осени.

Великий князь, услышав речи посла, стал молиться: «Владыко, господи Иисусе Христе, сыне безначального отца, сошедший с небес и воплотившийся от девы чистой Марии нашего ради спасения и избавивший нас от рабства у дьявола! Сейчас, владыко пресвятой, посмотри на наше смирение и смири сердце окаянного Мамаю! Погуби, господи, всех злоумышляющих против святой веры твоей!». И снова сказал: «Когда придет Захария Тютчев с золотом к царю в Орду, что скажет ему царь?».

Захария пришел в Орду, и схватили его князья-темники и перед царем Мамаем поставили. Захария же велел все золото, посланное великим князем, перед царем разложить. И сказал Захария: «Государь наш, великий князь Дмитрий Иванович всея Руси, в отечестве своем здравствует, и прислал меня спросить о твоём царском здравии, и сие золото прислал, чтобы оказать тебе царские почести». И увидев много золота, царь

разъярился и еще больше возгордился. Он сбросил башмак с правой ноги и сказал Захарии: «Удостаиваю тебя великой чести — подойди и облобызай упавший с моей ноги башмак, такова наша царская почесть, если хотим кого пожаловать». Захария сделал так, как ему велели. И очень подивился царь красоте и мудрым ответам Захарии. И сказал Захарии безбожный царь Мамай: «Что задумал холоп мой Дмитрий Московский, прислав мне это золото? Не вообразил ли он себя мне равным?». И велел раздать золото казакам: «Возьмите и купите себе кнуты для лошадей». И сказал царь Мамай: «Твое золото, Дмитрий, все будет моим, а землю твою разделю между служащими мне верно, а тебя самого поставлю пасти стада верблюдов». Захария же, исполнившись гнева, сказал царю: «Зачем говоришь это столь великому государю! Бог совершит то, что хочет, а не то, чего ты захочешь!». Стоящие же вокруг князья-темники, выхватив ножи, хотели Захарию зарезать, говоря: «Тауз салтан * — как смеешь так говорить!». Царь рассмеялся и велел и пальцем не трогать Захарию. И сказал Захарии: «За твою красоту и премудрость не велел я тебя убить». И снова сказал царь Захарии: «Скажи мне, стар ли Дмитрий, холоп мой? Если он молод, помилую его ради его молодости и возьму к своему двору, пусть он научится обычаям моего царства, а там посажу другого князя». Захария же сказал ему: «О царь, ты высок, но милостив и силен бог христианский!».

И еще сказал царь: «Ты мне нравишься, Захария, ты достоин всегда быть у меня придворным. Служи мне, Захария, я сделаю тебя великим властителем на Руси, ты будешь равен Дмитрию, которому сейчас служишь». Отвечая царю, Захария решил в сердце своем говорить с царем притворно, и сказал: «О царь, не подобает послу, не завершив посольства, к иному царю перебежать. Если хочешь, царь, меня помиловать и сделать себе слугой, повели дать мне грамоты посольские, и я, вернувшись, отдам их великому князю Дмитрию Ивановичу и посольство свое исполню, чтобы род мой был в почтении у людей. И я, царь и тебе буду верен, раз я не обманул первого государя. И тогда я там сложу с себя прежнюю присягу и возвращусь к тебе, царь. Лучше плохо служить у царя, чем хорошо у князя». Эти слова сказал Захария притворно, помышляя, как избавиться из рук царя, а великому князю поведать о царе желая. Царь же, услышав эти речи от Захарии, обрадовался и велел скорее писать грамоту великому князю. И отрядил царь с Захарией четырех князей, почитаемых и весьма любимых Мамаем. Первого князя Козымбаем зовут, это любимый постельник царев, второй — Урай, лучший дьяк царев, третий — Ачищ, конюший царев, четвертый — Индюк, ключник царев,* и с ними мелких татар человек с пятьдесят.

Захария же, храня намерения свои в тайне, молился, говоря: «Мати божия пречистая, помяни молитву смиренного раба твоего! Государя нашего великого князя Дмитрия Ивановича, царица, помилуй! Пусть не передумает царь послать тех окаянных со мной на Русь!». Царь повелел грамоту написать великому князю Дмитрию Ивановичу такую: «От восточного и грозного царя, от Большой Орды, от широких полей, от

сильных татар, царь царей Мамай, многих орд государь. Рука моя многими царствами обладает, и десница моя на многих царствах лежит. Холопу нашему Мите Московскому. Указываю тебе: нашими улусами владеешь, а нашему царскому достоинству не пришел поклониться. А теперь знай: сейчас рука моя хочет тебя казнить. Если ты молод, то приди ко мне и поклонись, чтобы я помиловал тебя и вместо тебя прислал князя. А если этого скоро не сделаешь, все города твои вскоре разорю и огню предам, а тебя самого предам великой казни». И отпустил их скоро на Русь. И, отпуская Захарию, царь сказал: «Скорее возвращайся ко мне». И повелел проводить его с честью.

И когда приблизился Захария к реке Оке, а с ним четыре татарина и все татары, кого послал царь на Русь, послал Захария тайно к великому князю вестника, чтобы тот послал им встречу. А татарам Захария сказал: «Уж встретят вас почетно у великого князя!». Они же из-за своей самоуверенности были высокомерны. Князь великий Дмитрий Иванович отрядил скорее навстречу Захарии триста человек от своего двора. И встретили они Захарию на этой стороне реки Оки. А Захария повелел хватать татар и вязать. Татары же завопили: «Обманул нас Захария!». Захария же, взяв грамоту цареву, посланную великому князю, разорвал ее пополам. И, выбрав низкородного татарина, дал ему разодранную царскую грамоту и сказал Захария татарину: «Возвратись ты один и скажи безумному царю своему: „Я не видел человека глупее тебя, а грамоту твою безумную перед светлые очи государя моего, великого князя Дмитрия Ивановича, не принес, а сам прочел ее и, видя твою глупость, посмеялся и разорвал ее. А служить тебе, царь, я рад своим мечом над твоей головой!“». И, так сказав, отпустил татарина к царю. И пришел татарин, и рассказал царю все бывшее, и грамоту разорванную отдал ему. Царь вскочил в ярости и сказал: «Великим обманом обманул меня Захария!». И велел безотлагательно собираться войску своему на Русь.

Захария же пришел в славный город Москву и ударил челом своему государю, великому князю Дмитрию Ивановичу. И всех татар связанных привели. Великий князь был очень рад и дивился великому разуму Захарии. Захария же рассказал великому князю обо всем, что случилось с ним в Орде, как мы раньше писали. И устроил великий князь пир, радостный и почетный, и многими дарами почтил Захарию.

Утром же пришел к великому князю Захария и сказал: «Государь, великий князь, скорее посылай грамоты по городам и вели воинству собираться, потому что царь Мамай скоро придет». Князь великий слыша, что действительно безбожный ополчился, стал радоваться, утешаясь именем божиим и укрепляя брата своего и всех князей русских. И сказал им: «Братья, князья русские! Мы все — гнездо князя Владимира Киевского,* который вывел нас из ужасов язычества, потому что ему открыл господь познать православную веру, как Плакиде Стратилату.* А он завещал нам той веры крепко держаться и за нее бороться. Кто пострадает за веру здесь, тот на том свете получит вечное упокоение. А я, братья, хочу пострадать за веру и умереть за нее». И сказал князь Владимир и все рус-

ские князья: «Воистину, государь наш, ты совершаешь заповедь веры и следуешь святому Евангелию. Как пишется в Евангелии: „Кто за имя мое пострадает в мире сем, того я упокою в последний день“.* Мы же, господин, готовы сейчас с тобою умереть и головы сложить за святую веру и за твою великую обиду!».

Князь же великий, услышав от брата своего, князя Владимира Андреевича, и от всех русских князей, что они готовы сразиться за веру, послал в те дни много вестников, дал им грамоты, в которых было написано так: «От великого князя Дмитрия Ивановича Московского и всея Руси во все города моей державы, местным князьям и боярам, и всем воеводам, и детям боярским, и всякому воинскому чину, и безымянным людям, кто бы ни захотел за веру пострадать и мне послужить. Как к вам эта грамота моя придет, чтобы вы тотчас же, днем или ночью, выходили и не дожидались бы второго моего указа и грамот, а собрались бы все незамедлительно в Коломне, на день Успения пресвятой богородицы,* а там мы вам назначим каждому полку воеводу. А эту мою грамоту посылайте между собой из города в город, не задерживая ни часа, скорыми гонцами, спешно. Писана на Москве в год 6889 августа в 5 день». И эта грамота была разослана с вестниками по всей земле Русской.

По указу же государя своего, великого князя Дмитрия Ивановича, местные князья, и бояре, и всеводы, и многие другие военные люди прибыли в Москву к великому князю Дмитрию Ивановичу, и ударили ему челом, и все в один голос говорили: «Помоги, господи, намерению нашему пострадать за веру православную и за нашего милостивого государя!».

В то время пришли князья белозерские со многими силами, а ведь известно, что они хорошие полководцы и храбрецы, и хорошо подготовлено было их войско. Пришел князь Федор Семенович, князь Семен Михайлович,* князь Андрей Кемский, князь Глеб Каргопольский и Андомский.* В то же время пришли князья ярославские: князь Роман Прозоровский, князь Лев Курбский*, князь Дмитрий Ростовский* и с ними многие князья, и бояре, и дети боярские.

Уже, братия, стук стучит и гром гремит во славном городе Москве. Стучит сильная рать великого князя Дмитрия Ивановича Московского, гремят сыны земли Русской золочеными доспехами.

Князь же великий Дмитрий Иванович, взяв с собою брата своего, князя Владимира Андреевича, и всех православных князей, пошел к Живоначальной Троице,* к святому отцу Сергию,* преподобному старцу. И, придя в монастырь, получил благословение от этой святой обители. И просил его преподобный литургию* отслушать. Наступило же воскресенье, а это был день памяти святых мучеников Флора и Лавра.* Окончив литургию, просил его преподобный Сергей со всей братией, чтобы он вкусил хлеба монастырского. Великому князю было очень некогда, потому что пришли вестники и возвестили ему, что приближаются татары. И он просил преподобного, чтобы отпустил его. И сказал ему старец: «Замедление это даст тебе успех вдвойне. Предстоит тебе носить венец

нетленный, но по прошествии времени, а многим другим венцы плетутся теперь». Князь великий Дмитрий Иванович откушал с ними. А преподобный Сергей в то время повелел освящать воду от мощей святых мучеников Флора и Лавра.* Князь же великий скоро от трапезы встал. Преподобный же старец окропил водой святой великого князя и все христоролюбивое воинство. И осенил великого князя крестным знамением и сказал ему: «Иди, господин, ты призвал бога, и бог тебе будет помощник!». И сказал ему тайно: «Победишь противников своих!».

Князь великий прослезился и попросил у него подарка. Тот же сказал: «А что же нужно твоему государеву достоинству?». И сказал ему князь великий: «Дай мне, отче, двух воинов от своего полка, и тем ты нам поможешь». Он же сказал: «О ком ты говоришь, господин?». Князь же великий сказал: «О двух братьях». Он сказал: «О Пересвете* и брате его Ослябя».* Преподобный старец повелел им скорее готовиться, ведь они были знаменитые воины. И они сотворили послушание преподобного Сергея, не отказались, и вместо тленного оружия нетленное взяли: крест Христов, нашитый на схиме.* Повелел им преподобный вместо шлема налагать ее на себя. И отдал их в руки великого князя, и сказал: «Вот тебе мои воины, твои избранники». И сказал им святой: «Мир вам, братья мои, потрудитесь, как доблестные воины, Христу». И всему воинству православному дал он мир и благословение и отпустил их. Князь великий развеселился сердцем и никому не поведал того, что сказал ему старец. И пошел в свой город, унося сокровище некрадомое — благословение старца.

Вернувшись в Москву, снова взяв с собой брата своего, князя Владимира Андреевича, пошел к преосвященному Киприану митрополиту и поведал ему, что сказал ему святой старец и как дал благословение ему и всему войску. Архиепископ же повелел ему сохранить это в тайне и никому не рассказывать. И князь великий ушел в свои покои, ведь уже был вечер.

Дивное и страшное зрелище — удивительно видеть и жалостно слышать — как плакали великая княгиня и многие княгини и боярыни, провожая своих мужей. Кричали, и вопили, и плакали все люди московские — мужчины, и женщины, и дети, сойдясь в город, в церковь святой Богородицы, рыдая, вопя и восклицая: «Помилуй, владычица, государя нашего, великого князя Дмитрия Ивановича, помоги ему против его врагов! Ведь ты, госпожа, творишь, как хочешь. Избавь нас, госпожа, от варварского нашествия». От вопля, рыдания великого и плача казалось, что земля стонет.

Тогда был день четверг, августа 27 день. Князь великий Дмитрий Иванович повелел народу много собрать и, взяв с собой брата своего князя Владимира Андреевича, пошел в церковь святой Богородицы. И стал он перед образом Спасителя, ломая руки и бия себя в грудь, и говорил умиленным сердцем молитву эту, проливая слезы, как источники текут, говоря: «Молю тебя, боже дивный, владыко грозный и сильный! Ты воистину царь славы, помилуй нас, грешных! Когда в печали к тебе прибегаем, к своему владыке и благодетелю, тогда тебе благо помиловать нас,

ведь твоею созданы мы рукою. Мои прегрешения сокрушили главу мою! Ты, господи, оставляешь нас за наши грехи, но мы к тебе взываем, беря вот это речение: „Не остави нас и не отступи от нас“. Суди, господи, обидящих меня, помешай борющимся со мною, возьми меч и щит и стань на помощь мне. Дай мне победу над противниками, пусть и они познают славу твою!». И снова подошел он к образу пречудной царицы богородицы, который написал евангелист Лука при жизни своей, и стал в умилении к пречистому образу взывать, говоря: «О чудотворная царица и богородица! Всего рода человеческого путеводительница! Через тебя, госпожа, мы познали истинного бога, господя нашего Иисуса Христа, воплотившегося и родившегося от тебя. Не отдай же, госпожа, на разорение города этого поганому Мамаю, да не осквернит святых твоих церквей, и моли сына своего, господя нашего, творца и создателя, пусть он даст нам свою помощь, пусть смирит сердце наших врагов, и пусть не будет рука их высока. И свою помощь подай нам, и нетленный свой покров* дай нам, пусть мы в него облечемся, чтобы не бояться нам ран. На тебя, владычица, надеемся, что ты будешь молиться сыну своему, ведь мы твои рабы. Ведь ты, госпожа, бога родила, но твои родители, как и мы, внуки Авраамовы. Я знаю, госпожа, что ты поможешь нам против наших врагов, которые тебя не исповедуют, богородица, а мы на твою помощь надеемся, и я иду на подвиг против безбожных печенегов. Да будет тобою умолен сын твой и наш бог!». И снова пошел он к блаженному чудотворцу Петру, и с любовью припал ко гробу святого, и сказал: «О чудотворный святитель! По милости божией ты непрестанно совершаешь чудеса. Сейчас же настало время тебе молиться за нас к общему для всех владыке. Сейчас нам предстоят страшные события — супостаты безбожные на меня, твоего всегдашнего раба, крепко ополчились и на город твой Москву вооружаются. Тебя нам бог явил и последующему нашему роду, тебя он как свечу зажег на свещнице высокой. Тебе подобает о нас молиться, чтобы не пришла на нас рука нечестивых и не погубила нас. Ты наш предводитель и страж, а мы твои рабы и твоя паства».

Кончив молитву, он поклонился архиепископу. Архиепископ благословил его и отпустил, осенив его крестным знамением, и послал быстро все духовенство и клир во Фроловские ворота, и в Никольские, и в Константино-Еленинские* с живоносными крестами и с чудотворными иконами — чтобы каждый воин был благословлен.

Князь же великий Дмитрий Иванович с братом своим князем Владимиром Андреевичем пошли в церковь небесного воеводы архистратига Михаила,* поклонились земным поклоном святому образу и приступили ко гробам православных князей, прародителей своих, и сказали: «Хранители истины, поборники православия! Если вы имеете дерзновение к богу, молитесь о нашей горе, потому что великое нашествие угрожает нам и чадам нашим. Теперь подвизайтесь вместе с нами!». И, сказав так, вышли из церкви.

Княгиня же великая Евдокия,* и княгиня князя Владимира,* и княгини других православных князей, с воеводскими женами тут стоят, и

многое множество народа, мужа и жены, их провожающие, в слезах и в воплях сердец своих не могущие слова сказать. Княгиня великая Евдокия прощальное лобзание дала великому князю. Князь великий сам едва удержался от слез, но не дал себе заплакать — ради народа и, горько плача в сердце своем, но утешая великую княгиню, сказал: «Когда с нами бог наш — кто против нас!». И прочие княгини и боярыни также облобызали князей и бояр и возвратились вместе с великой княгиней.

А князь великий вступил в свое золотое стремя, сел на своего лучшего коня. Солнце на востоке ясно сияет ему и путь ему указывает. И вот тогда, как соколы с золотых колодок слетали, так из каменного города Москвы выехали князья белозерские, особо своим полком. Прекрасное зрелище — предстояло им защитить лебединую стаю.

Князь великий Дмитрий Иванович послал брата своего Владимира Андреевича дорогой на Брашево, то есть Деревенскою, а сам князь великий пошел на Котел. Спереди ему солнце приятно греет, а за ним ветерок кроткий веет. Они потому разделились с братом своим, что не уместиться им было на одной дороге.

Княгиня же великая Евдокия со своей снохой и со всеми княгинями и с воеводскими женами взошла в златоверхий терем свой на берегу и села на рундуке* под южными окнами. И вот в последний раз видит она великого князя. А слезы у нее льются, как речная быстрина. Бьет она руками себя в грудь и говорит: «Господи боже великий, посмотри на меня грешную и смиренную, удостой меня снова увидеть государя моего, славнейшего среди людей, великого князя Дмитрия Ивановича. Дай же ему, господи, помощь от крепкой твоей руки победить противника и не сделай, господи, так, как было несколько лет назад, когда была битва на Калках* между христианами и язычниками. От такого спаси нас и помилуй! Не дай, господи, погибнуть нам и остальным христианам, да славится имя твое святое! И от Калкской битвы до Мамаева побоища лет 160.* И с тех пор Русская земля скорбит. И ни на кого у нас нет надежды, только на всевидящего бога. А я имею двух отпрысков еще малых — Василия и Юрия.* Если поразит их жар и солнце с юга, или ветер повеет на них, с запада на обоих, стерпят ли они? Что я сделаю? Дождаться бы им, господи, отца их в добром здоровье, и тогда земля их спасется, и они будут царствовать вовеки!».

Князь великий взял с собою десять мужей из сурожан,* то есть купцов, чтобы они были свидетелями. Если что-то случится и господь бог поможет, то они расскажут в дальних странах, ведь они известные путешественники: первый — Василий Капица,* второй — Сидор Алферев,* третий — Константин Болк,* четвертый — Козьма Ковыря,* пятый — Семен Антонов,* шестой — Михаил Саларев*, седьмой — Тимофей Весяков,* восьмой — Дмитрий Черный,* девятый — Иван Ших,* десятый — Дмитрий Сараев.*

Завяляли тогда ветры по великой дороге широкой, и поднялись тогда великие князья, а за ними русские князья, и бояре, и дети боярские, идут

поспешно, как будто для того, чтобы медовые чары пить, вкушать виноградных гроздий, хотят добыть чести и славного имени. Заваял ветер великий, а в нем громы немалые. Стук стучит, гром гремит на ранней заре: князь Владимир через реку перевозится на красном перевозе в Боровске.

Князь великий пришел в Коломну в субботу, на память святого отца Моисея Мурина.* А тут уже были многие ратники и воеводы и встретили великого князя на речке Сиверке.* Епископ же Евфимий* встретил его в городских воротах с живоносными крестами и со всем клиром, и осенил его крестом, и молитву сотворил: «Спаси, боже, люди твоя», и вошли они в церковь. И тут князь великий многих князей и воевод позвал к себе вкусить с ним хлеба. Но, оставив это, на прежнее возвратимся.

Тогда был Великий Новгород независим, не было над ним государя, когда произошла победа Донская. Новгородцы тогда владели сами собой. Воинства же тогда отборного и опытного было восемьдесят тысяч, и с многими странами жили они в мире благодаря своей храбрости. Много раз бывало, что приходили на них немцы и литва на их окраины, желая завоевать землю их, а они, выйдя против них, их побивали и с позором прогоняли. Сами новгородцы жили в великой славе, много богатства накопили. Окормлялись они святой Софией, Премудростью Божией, и заступлением пресвятой борогодицы, и молитвами угодника божьего Варлаама чудотворца,* бывшего игуменом в монастыре святого Спаса на Хутыни, и архиепископа Великого Новгорода и Пскова Евфимия.*

Послушайте вот что, братья. Когда пришли из степи вестники к великому князю Дмитрию Ивановичу, что поганый царь Мамай идет покорить землю Русскую с огромным войском, и услышал великий князь, что Ольгерд Литовский и Олег Рязанский присоединились к Мамаю, князь великий тогда сильно опечалился, и все государство Московское пришло в смятение от внезапного нашествия. Князь великий Дмитрий Иванович возложил на господина печаль свою, и отверг от себя всякую сердечную скорбь, и велел всему своему войску собираться, желая вскоре выйти навстречу безбожному Мамаю и пострадать за веру христианскую, чтобы тот не успел покорить землю Русскую. Тогда были в Москве купцы новгородские с товаром — Микула Новгородец, Иван Васильев Усатый, Дмитрий Ключков,* и иные многие купцы были там для торговли. И, услышав обо всем, что случилось в Москве, о нашествии безбожников, возвратились в Новгород Великий и придя рассказали посадникам все, что слышали и видели в Москве, и о великой скорби князя великого Дмитрия Ивановича. Услышав все это от своих купцов про великого князя Дмитрия Ивановича, новгородские посадники огорчились и пошли к епископу своему Евфимию, поклонились ему в землю и сказали ему: «Знаешь ли, господин, отче честный, как ополчились на великого князя Дмитрия Ивановича Московского и на все православное христианство? Как царь Мамай идет покорить землю Русскую, и веру православную осквернить, и церкви божии разорить? И эти безумцы, князя Ольгерд Литовский и Олег Рязанский, присоединились к Мамаю в гонении на веру христиан-

скую. Мы же, господин, отче, слышали от своих купцов, которые были в Москве и сейчас пришли и возвестили нам это».

Услышал архиепископ новгородский Евфимий, что великое гонение начинается против христиан, возмущился сердцем и упал ниц перед святым образом пресвятой богородицы и сказал: «Всемирная владычица! Чудная богородица, милостивая и премилостивая владычица! Чистая дева непорочная, мать Христа бога нашего, припади и умоли сына своего и бога нашего Иисуса Христа. Пусть смирит он сердце сего льва свирепого, поганого Мамаю, хотящего осквернить пресвятое имя твое богонестное, и святые твои храмы разорить, и род христианский искоренить. Помоги, господи, великому князю против поганого Мамаю и возвыси, господи, десницу христианскую!». И, восстав от молитвы, святитель сказал посадникам: «Зачем вы пришли ко мне?». Они же сказали: «Господин, святой отец, пришли мы к тебе, чтобы ты благословил нас принять священный венец смертный. С сынами русскими Московской земли хотим, господин, пострадать в одном и том же месте за имя Христово».

Архиепископ же прослезился и сказал: «Благословен бог, что дал такую благодать в сердца ваши! Идите, повелите собираться народу, и что скажет народ — захочет ли сражаться против поганых или нет». Посадники новгородские, взойдя на ступени, велели звонить в вечевой колокол и повелели по всем улицам на конях ездить и звать на вече — надо решать государственное дело. И сошлось многое множество народу на вече. Посадники же сообщили святителю, что собрался народ. Архиепископ же, сев в сани, приехал на собрание и, встав на ступени, приказал призвать народ к молчанию. Посадники послали глашатаев многих к народу, чтобы установить молчание. Архиепископ же сказал громким голосом: «Мужи Великого Новгорода, от мала до велика! Слышите ли, сыны мои, какое бедствие пришло на веру христианскую — что поганый царь Мамай идет на землю Русскую, на великого князя Дмитрия Ивановича, и хочет он веру христианскую осквернить, и святые церкви разорить, и род христианский искоренить. Князь же великий Дмитрий Иванович помощью божией вооружился против поганых и хочет добровольно за Христову веру пострадать. Прошу вас, дети мои, и вы с ним пойдите на подвиг за веру христианскую, чтобы заслужить вместе с ними жизнь вечную».

Услышав это, новгородцы вскричали многими голосами и поклонились архиепископу до земли, говоря: «Святой, честный отче, ты глава нам всем, ты наш учитель, ты пастырь добрый словесным овцам. Мы все готовы по слову твоему и благословию, святой отче, погибнуть за веру христианскую, головы свои сложить за Христа. И не можем мы, господин, оставить великого князя Дмитрия Ивановича в предстоящей такой великой беде одного. Если, господин, князь великий спасен будет от нашествия безбожников, то и мы без печали будем. А если великий князь будет разбит, то и мы не уцелеем. Дай же нам, господин, отче, сегодня собраться, а завтра будем готовы идти на путь спасения, на помощь великому князю Дмитрию Ивановичу, против безбожного Мамаю». Затем архиепископ, благословив их, удалился в свою келью. Посадники новго-

родские, поклонившись архиепископу, пошли и начали выбирать из вельмож своих воевод крепких. Избрали шесть воевод храбрых и мудрых весьма и опытных в бою: первого — великого посадника Ивана Васильевича, второго — сына его Андрея Волосатого, третьего — Фому Михайловича Красного, четвертого — Дмитрия Даниловича Заверяжского, пятого — пана Михаила Львовича, шестого — Юрия Захарьевича Хромого.* С ними отрядили отборного войска сорок тысяч и велели им: «Утром, когда услышите колокол вечерой, все готовы будьте на двореце святого Николы».*

Архиепископ Евфимий, назавтра рано встав, повелел после заутрени святить воду с мощей святых многих. И уже был первый час дня. И повелел звонить в колокол, чтобы собрать войско. И съехалось все войско. И велел владыка многим попам и диаконам кропить святой водой все войско. А сам святитель, взойдя на ступени, возгласил: «Послушайте меня, чада мои, преклоните уши ваших сердец. Ныне, чада, вы пойдете путем спасения, и пусть ни один из вас не прячет лица своего перед погаными, не покажет спину, от них убегая, умрите все одной смертью, чтобы достичь вечной жизни у Христа бога нашего». И все войско, как едиными устами, отвечало: «Один нам есть свидетель, отче, — бог, что мы все готовы головы свои сложить за веру православную и за святые божии церкви». И святитель, воздев руки горе, благословил их и сказал: «Слава тебе, Христе, святой царю, что вложил ты этим людям доброе намерение в сердца их!». И сказал им: «Бог да будет вам вождем, чада мои!». И освятил их, и, взяв крест честной, осенил им всех воевод и всех воинов, и также велел попам осенять крестом, и отпустил их, и сказал: «Идите, чада мои милые, не медлите — да не лишитесь жизни вечной!». И они, сев на коней своих, наполнились ратного духа и выступили — как златокрылые орлы по воздуху парят, стремясь навстречу утренней заре, так и они быстро идут и говорят про себя: «Дай нам бог скорее увидеть любимого нами великого князя Дмитрия Ивановича Московского в радости».

А когда они приблизились к Москве, сообщили им, что великий князь Дмитрий Иванович вчера ушел в Коломну. И они поспешно послали вестника своего прихода к великому князю, а сами скорее пошли в Коломну. Вестники прибыли в Коломну в воскресный день в самую заутреню. Князь великий тогда был у заутрени. И пришли, и возвестили великому князю: «Пришли вестники, государь, от новгородцев, и говорят, что идут к тебе на помощь шесть воевод, а с ними сорок тысяч избранного войска новгородского». Князь же великий призвал вестников к себе, желая слышать от них истину. И поставили перед ним вестников. Они сказали ему то же самое. Князь великий спросил: «Отсюда далеко ли воеводы ваши?». Вестники же сказали, что пять поприщ. Князь великий прослезился и сказал: «Боже всехвальный, боже милостивый, боже чудный, как неожиданно подаешь ты помощь!». Он был очень рад и послал многих витязей навстречу им.

И, придя, они встали близ города на поле. Но чудно было войско их — оно было более чем достаточно снабжено конями, и одеждой, и доспе-

хами, и много золота и жемчуга было на одеждах их и на седлах. И повелел великий князь воеводам их и старшим витязям идти к нему. И они, придя, поклонились государю. Великий князь с любовью их принял и звал к себе на хлеб-соль. И многих от войска их повелел звать. И устроил он пир великий, радостный и почетный. И послал вестников об этом к святому митрополиту Киприану и к великой княгине. И они, услышав об этом, в радости прославили бога.

На следующий день повелел великий князь Дмитрий Иванович всем воеводам на поле выехать к Девичьему* и всем людям собраться. Когда всходило солнце, начали звуки ратных труб гласить, и барабаны бьют, и развернутые флаги шумят у сада Панфилова. Сыны русские выступили на коломенские поля. Новгородские же полки встали отдельно, потому что было не вместиться. Великий князь Дмитрий Иванович выехал с братом своим, князем Владимиром Андреевичем, и увидел, как много людей, и обрадовался. Приехал к полкам новгородским и, увидев их, подивился — прекрасно было видеть их устроение и готовность к бою. Князь великий назначил каждому полку воеводу.

Себе в полк он взял князей белозерских, а брату своему дал ярославских. В полк правой руки назначил брата своего, а в полк левой руки — новгородских посадников. В передовой полк назначил князя Льва Дручского,* Дмитрия Всеволожа и Владимира, брата его.* Коломенского полка воевода — Микула Васильевич,* владимирский и юрьевский воевода — Тимофей Волуевич,* костромской же воевода — Иван Родионович,* переславский воевода — Андрей Серкизович.* У князя Владимира воеводы — Данило Белоус,* Константинович,* князь Федор Елецкий,* князь Юрий Мещерский,* князь Андрей Муромский* — и те пришли со своими полками.

Князь великий повелел передовым полкам переходить через реку Оку и заповедал каждому полку: «Если кто пойдет по земле Рязанской, пусть никто не прикоснется ни к единому волосу». И сам князь великий, взяв благословение от епископа Евфимия Коломенского, перешел реку и тут послал третий сторожевой отряд, избранных витязей, и повелел им увидеть татарские сторожевые отряды. Послал он Семена Мелика,* Игнатия Крену, Фому Тынину, Петра Горского, Карпа Алексина, Петрушу Чирикова* и иных много с ним известных воинов.

И сказал князь великий брату своему князю Владимиру: «Поспешим, брат, против безбожных этих, никогда не спрячем лица своего перед их наглостью. А если смерть нам приключится, то это нам не смерть — а жизнь!». И шли они своим путем, призывая сродников своих на помощь, святых мучеников Бориса и Глеба.*

Услышал Олег Рязанский, что великий князь Дмитрий Иванович, собрав много воинов, идет против безбожного царя, и более всего вооружен он твердою верою в бога, уповая во всем на вседержителя бога. И стал Олег переходить с места на место и говорить единомышленникам своим: «Трудно понять внезапных событий голос и слово. Если бы можно было послать к многоразумному Ольгерду Литовскому! Раз получилось

не так, как мы задумали, что теперь придумать? Но путь к нему прегражден». И сказал он: «Кроме того, он не наш. Я и раньше чувствовал, что русскому князю не следует против восточного царя выступать. А теперь что вы думаете? Откуда ему пришла помощь — он против нас троих вооружился?».

И ответили ему ближние его, говоря: «Мы слышали, князь, нам сказали об этом пятнадцать дней тому назад, но мы стыдились тебе рассказать. Говорят, что в его вотчине есть монах игумен Сергей, и он весьма прозорлив. Это он вооружил великого князя и дал ему помощников из своих монахов. А еще говорят, что пришли к нему на помощь новгородцы со многими своими силами, а войско их, говорят, весьма прекрасно и храбро». Услышав об этом, Олег еще больше испугался и разъярился на своих бояр: «Зачем вы не сказали мне этого раньше? Я бы пошел и умолил нечестивого царя, чтобы никакого зла не сотворилось. Горе мне, погубил я ум свой. Но не я один оскудел умом, но и Ольгерд Литовский, хоть он и умнее меня, тоже не больше меня понял. Но с меня больше спросится: он ведь сторонник Петра Гугнивого,* а я истинный закон знаю. Чего ради я соблазнился? Это обо мне сказано: „Если раб согрешит против воли господина своего, будет сильно бит“.* А сейчас что мне делать, какому слуху верить? Если предамся великому князю, он меня не примет: он знает о моей измене. Если же присоединюсь к Мамаю, то воистину буду гонителем христианской веры. Как Святополка,* земля меня живым поглотит. И не только княжение свое потеряю, но и вечной жизни лишусь. Если господь за них, то кто против них! Еще и молитва прозорливого монаха за них всегда. Если ни одному из них не помогу, то все равно впредь от них обоих житья мне не будет: кому господь поможет, с тем и я буду».

Ольгерд же, по прежнему договору, собрал много литвы, варягов и жмуди* и пошел на помощь Мамаю. Пришел Ольгерд к Одоеву* и узнал, что князь Олег испугался и не сдвинулся с места. И стал он размышлять о своих суетных замыслах. И увидел, что их союз распался и договоры разрушены, стал он злиться и сказал в ярости: «Если человек потеряет собственный разум, плохо чужим умом жить. Никогда такого не было, чтобы Рязань Литву учила. А сейчас он нас сбил с толку да и сам погиб. Покамест побудем здесь, пока не услышим о победе московского князя Дмитрия».

В то время услышали князь Андрей Ольгердович Полоцкий и князь Дмитрий Ольгердович Брянский* про великое нашествие на великого князя Дмитрия Ивановича Московского безбожного Мамаю. И сказал себе князь Андрей: «Пойдем к нему на помощь». Были они отцом своим ненавидимы, но зато богом любимы, и приняли крещение через свою мачеху, княгиню Анну.* Были они подобны доброплодному колосу, подавляемому тернием, — жили посреди нечестия и не могли плод достойный принести.

И вскоре князь Андрей послал тайно к брату своему князю Дмитрию грамотку, в которой говорилось: «Ты ведь знаешь, брат мой возлюб-

ленный, что отец наш прогнал нас от себя. Зато отец небесный принял нас и дал нам закон свой, чтобы мы следовали ему, и избавил нас от пустой суетности ради дела. Чем же мы воздадим ему на такое ожидание? Совершим подвиг. Сейчас настало время для достойного подвига — Христову последователю, предводителю христиан, великому князю Дмитрию Ивановичу Московскому беда грозит от поганых измаильтян, а еще и отец наш против него воюет, и Олег Рязанский заодно с ними. Нам же подобает пророчество выполнить: „Братья, в бедах будьте помощниками“. Нет сомнения, что подобает нам отцу противиться — ведь евангелист Лука сказал нам Спасителя нашего слова: „Преданы будете родителями на смерть, убьют вас за имя мое, но претерпевший до конца спасется и получит жизнь вечную“.* Исторгнемся, братья, из подавляющего нас терния и прирастим себя к истинному плодовитому винограду, возделанному рукою Христа. А сейчас, братья, пойдем на подвиг — не ради земной жизни, а ради небесной почести, которую уготовал бог творящим его волю».

И пришли вестники к князю Дмитрию Ольгердовичу и дали ему послание от князя Андрея, брата его. Он же прочел послание и стал радоваться, и плакать от радости, и сказал: «Господи, владыко человеколюбче, дай рабам твоим исполнить свое намерение! Через это начнем мы подвиг добрый, который ты открыл брату моему старшему». И сказал он вестникам так: «Скажите брату моему, князю Андрею: „Я готов, брат, пойти с тобой ныне, и по твоему приказанию, господин мой, все мое войско со мной. По божию промыслу, брат, мы объединились, и не ради этого, а из-за предстоящей мне войны с дунайскими варягами. Ныне же, брат, я к этому пришел, и привел меня к этому бог. Сейчас, господин, пришли ко мне скупщики меда из Северской земли* и говорят они, господин, что великий князь уже на Дону. Он там хочет быть и ждать злых сыроядцев. И нам предстоит путь в Северскую землю, и там соединиться нам с ним, чтобы утаиться нам от отца нашего, чтобы он не наложил на нас позорного запрета“».

Через несколько дней радостно встретились два брата, как некогда Иосиф с Вениамином,* поцеловались с любовью. Сошлись они со всеми своими силами. Жители Северской земли, видя это, обрадовались. Князь Андрей и князь Дмитрий Ольгердовичи видели у себя множество людей, в вооружении духа, как отборные полки для сопротивления. Прибыли они на Дон вскоре, приехали они к великому князю Дмитрию Ивановичу на этой стороне Дона, на месте, называемом Березуй,* и тут соединились с великим князем Дмитрием Ивановичем Московским.

Князь же великий Дмитрий Иванович с братом своим Владимиром Андреевичем обрадовались радостью великою и подивились силе божией: может ли так быть, чтобы дети оставили отца и обманули его? Но господь послал их и укрепил их идти этим путем и пострадать за имя его святое. Так же и волхвы когда-то обманули царя Ирода.* И сказал им великий князь: «Вы, братья мои милые, пришли к нам на помощь, наставляемые богом. Я бы хотел, чтобы вы были моими родными братьями. Вы хотите

вместе с нами послужить единому небесному царю и за имя его святое вместе с нами пострадать». И многими дарами почтил их, и любовно поцеловал, и обильно одарил, и великой честью почтил, и путем спасения пошли они вместе.

И шли они путем этим, радуясь силе святого духа и великой милости божией, оказавшей им неожиданную помощь; земное все они уже отвергли и ожидали для себя небесного приобщения, бессмертия на века. И сказал им великий князь, когда они были в пути: «Братья мои милые, понимаете ли вы, чего ради пришли вы сюда ко мне? Не господь ли послал вас путем своим? Воистину вы последователи праотца нашего Авраама, который быстро помог Лоту,* и доблестного великого князя Ярослава,* который отомстил обиду брату своему».

Вскоре же великий князь послал в Москву вестников к преосвященному митрополиту Киприану и к великой княгине своей Евдокии с грамотами: «Князья Ольгердовичи пришли ко мне на помощь со многими силами, а отца своего оставили». Скоро вестники пришли в Москву и подали грамоты. Преосвященный митрополит, это услышав, встал перед образом господним и, прослезившись, молитву сотворил: «Господи владыко человеколюбче, как враждебные нам ветры утихают!». И пошел в соборную церковь, и послал в обитель Живоначальной Троицы к преподобному отцу Сергию, и во все обители земли Русской, и во все церкви, и повелел молитвы творить день и ночь сорок дней ко вседержителю богу и к пречистой его матери, уповая, что бог услышит их молитвы и подаст милость свою и руку помощи великому князю Дмитрию Ивановичу против безбожного Мамаю. А великая княгиня Евдокия, услышав о таком великом милосердии божьем, возрадовалась радостью великою, и в радости много слез пролила перед образом Спасителя, и сказала: «Слава тебе, Христе боже наш, что ты помогаешь и милуешь раба своего, моего государя князя Дмитрия Ивановича, и что мы можем воздать твоему благоутробию за твою премногую щедрую милость к рабам твоим». И стала много милостыни творить убогим, и щедро подавать нуждающимся, и осужденных из всех темниц выпускать, чтобы все вместе молили бога о здравии великого князя Дмитрия Ивановича. А сама непрестанно ходила в церковь Божию, день и ночь непрестанно молилась богу и пречистой его матери со слезами: «Удостой меня радости видеть славнейшего среди людей, моего государя, великого князя Дмитрия Ивановича». Но оставим это и на прежнее возвратимся.

Когда великий князь был на месте, называемом Березуй, что за двадцать три поприща до Дона, настал пятый день месяца сентября, память святого пророка Захарии и память родственника великого князя — убийство великого князя Глеба Владимировича. И приехали на Дон, и встали на Дону. В это время приехали из сторожевого отряда великого князя Петр Горский и Карп Алексин и привели языка знатного из сановитых бояр. Тот язык сообщил, что царь уже на Кузьмине гати.* «Не спешит из-за того, что ожидает Ольгерда Литовского и Олега Рязанского, а о твоих сборах царь не знает и встречи с тобой не ожидает, согласно написан-

ным к нему грамотам Олега. Через три дня он будет на Дону». Князь великий спросил его о войске. Он же сказал: «Его никто не может исчезнуть».

Князь великий Дмитрий Иванович стал советоваться с братом своим, князем Владимиром, и с новонареченными братьями, с литовскими князьями: «Здесь ли останемся или переберемся через Дон?». И сказали ему Ольгердовичи: «Если хочешь крепкого войска, то вели переправляться через Дон — тогда не будет ни одного, кто бы думал об отступлении. А сообщению о великой его силе не следует верить, ведь бог не в силе, а в правде. Ярослав переехал реку — и Святополка победил, прадед твой, великий князь Александр, Неву-реку перешел — короля победил.* Ты же призвал бога, так и подобает поступать. Если победим, то все спасемся, если умрем, то все общую смерть примем — от князей до простых людей. И тебе, великому государю, следует уже оставить смирение, а говорить отважными словами и теми словами крепить войско ваше. Мы же видим, какое множество избранных витязей в войске твоём».

Князь великий повелел войску своему через Дон перевозиться. Воины торопятся, потому что приближаются татары. Многие сыны русские возрадовались радостью великой, предвкушая подвиг, о котором они на Руси мечтали.

За много дней сошлось на место это много волков, воя все ночи непрестанно, и гроза великая была. У храбрецов в полках сердце укрепляется, у молодых — успокаивается. И многие вороны собрались необычно, не умолкают, каркая, галицы же свою речь говорят. Вороны грают, как будто горы трясутся, и много орлов от устья Дона прилетело и тут кричат, ожидая дня грозного, богом назначенного, когда падет множество мертвых, и будет человеческое кровопролитие, как морская вода. От такого ужаса и от великой грозы деревья склонялись и трава стелилась. Многие с обеих сторон уныли, видя смерть перед собою.

И стали поганые постыдно сокрушаться о конце своей жизни, потому что, когда умирает нечестивый, память о нем погибает с шумом.* А православные люди еще больше просветились, радуясь в ожидании совершения обетования и прекрасных венцов, о которых говорил преподобный старец.

Вестники торопят — приближаются поганые стремительно. И был уже шестой час, когда прибежал Семен Мелик* с дружиной своею. За ними гнались многие татары. Так нагло гнались, что даже увидели полки наши. И, возвратившись, поведали они царю, что князья русские при Доне вооружились. По божьему промыслу они видели много людей, а царю сказали, что вчетверо больше людей видели. И он, нечестивый царь, разожженный дьяволом, видя свою гибель, крикнул, глас испустив: «Такова моя сила, что если этого не одолею, как мне вернуться восвояси!». И велел всем скорее вооружаться.

А Семен Мелик поведал великому князю: «Гусин брод* перешел уже Мамай, вас разделяет одна ночь, наутро он перейдет Непрядву.* Тебе, великий князь, следует сейчас немедленно вооружаться, чтобы не опередили тебя татары».

Начал князь великий Дмитрий Иванович с братом, князем Владимиром Андреевичем, и с литовскими князьями Андреем и Дмитрием Ольгердовичами от шестого часа полки расставлять. Один воевода некий пришел с литовскими князьями, Дмитрий Боброк,* родом из Волынской земли. Они хорошо расставили полки — кому где подобает стоять.

Великий князь Дмитрий Иванович, взяв с собой брата своего князя Владимира и литовских князей и всех князей и воевод, выехал на место высокое, и видели они святой образ, изображенный на христианских знаменах, и как бы какие-то светильники светились. Шумят развернутые знамена, стирающиеся, как облака, трепещут тихо, хотят рассказать, а образа на знаменах русских как живые колышутся, будучи на плащаницах изображены,* и доспехи русские, как вода, колебались, и шеломы на головах их с золотом, как утренняя роса в ясную погоду, светятся, и яловцы* их шлемов, как пламя, пышут.

Горестно видеть, жалостно зреть таковых русских князей и удалых детей боярских собрание и построение такое. И все они равно, и единодушно, желая друг за друга умереть, и единогласно говорили: «Боже святой, посмотри на нас и даруй православному князю нашему победу, как Константину,* и покори под ноги его врага Амалика, как некогда кроткому Давиду!».* Удивились этому литовские князья и сказали себе: «Никак не могло быть такого войска при нас, ни после нас. Подобно македонскому войску, мужеством Гедеоновым* господь своею силою вооружил их».

Князь великий, увидев полки свои правильно построенные, сошел с коня, пал на колени на ковыле зеленом, лицом к великому полку, к черному знамени,* на котором изображен образ владыки, Спасителя нашего Иисуса Христа, из глубины сердца начал звать велегласно: «О владыко вседержителю, посмотри всевидящим оком на своих людей, которые сотворены твоею десницею и твоею кровью искуплены от рабства у дьявола! Услышь, господи, глас молитвы моей, обрати лице твое против нечестивых, которые творят зло рабам твоим. Молюсь образу твоему святому, и пречистой твоей матери, и твердому и необоримому молитвеннику к тебе о нас, русскому святителю Петру, на его молитву надеемся и призываем имя твое святое».

Князь великий сел на коня своего лучшего и стал по полкам ездить вместе с братом своим князем Владимиром и новонареченной братией, с литовскими князьями Андреем и Дмитрием Ольгердовичами, и с другими князьями и воеводами. Каждому полку он говорил своими устами: «Братья мои милые, сыны христианские, от мала до велика! Ночь пришла, и день грозный приближается. А мы, братья, идем на подвиг! Силен бог в битвах! И здесь будьте каждый на своем месте — завтра некогда будет готовиться, уже ведь гости наши близко на реке Непрядве. Утром мы выпьем из круговой чаши, которой вы, друзья мои, жаждали еще по пути сюда. Уповайте на господа живого, да мир вам будет, братья! Утром они не замедлят пойти на нас».

Князь великий Дмитрий Иванович послал брата своего князя Владимира вверх по Дону в дубраву, дав ему витязей из своего двора, чтобы полк его в дубраве спрятался. Еще послал с ним известного того воеводу Дмитрия Волынского. Перед живоносным праздником Рождества пресвятой богородицы* осень была тогда долгая, дни еще по-летнему сияли, и теплота была и тихость. В ту ночь туманы от росы поднялись. Воистину сказано: «Ночь несветла неверным, а верным светла была».*

Пришел Дмитрий Волынец и сказал великому князю и брату его Владимиру тайно: «Выедите из полков своих, чтобы я сказал вам приметую свою». Уже была глубокая ночь, и заря угасла. Дмитрий Волынец, сев на коня, взял с собой только одних князей. И выехали они на поле Куликово, и, встав посреди обоих полков, своих и татарских, сказал им Волынец: «Слушайте со стороны татарских полков». И слышали они: стук великий, и клекот, и звук труб трубящих, а сзади их волки сильно воют, а справа орлы клекчут, и трепет птичий весьма велик. А напротив их вороны — как будто горы трясутся, по реке же Непрядве гуси-лебеди крылами плещут, необычным образом предвещают беду. И сказал Волынец великим князьям: «Слышите ли вы что-нибудь?». А они сказали: «Мы слышим, что гроза велика, брат». И сказал Волынец великим князьям: «Повернитесь к русским полкам и послушайте, что там». И была тишина великая. И сказал Волынец: «Что слышали?». Они же сказали ему: «Ничего не слышали, только видели, что с их стороны от множества огней зори занимаются». И сказал Волынец великому князю: «Оставь, господин». Волынец же сказал: «Это хорошее предзнаменование. Призывай бога неоскудною верою». И сказал Волынец: «Есть у меня еще примета». И, сойдя с коня, припал он правым ухом, приник к земле и лежал долгое время, и встал, и вдруг поник. И сказал князь великий Дмитрий Иванович: «Что такое, брат?». Он же не хотел говорить. Князь великий принудил его, и он сказал: «Одна примета тебе на благо, а другая — скорбная». Волынец сказал: «Слышал я, господин, что земля надвое плакала: одна сторона варварским языком о своих детях отчаянно вопила. Другая сторона, как некая девица, тихо и жалобно плакала, как будто кто-то на свирели свистел плачевным голосом. Я множество тех примет испробовал. Поэтому я надеюсь на бога — помощью святых мучеников Бориса и Глеба, ваших родственников, я предвижу, ты победишь поганых. Но много христиан погибнет».

Услышав это, великий князь горько заплакал и сказал: «Не будет победы силе». Волынец же сказал: «Не следует, государь, говорить об этом в полках, вели только богу молиться и святых его призывать, и рано утром вели садиться на коней, и каждому воину вели вооружиться крестом, потому что он — непобедимое оружие против врагов».

В ту же ночь некий человек по имени Фома Хацыбеев,* разбойник, был поставлен великим князем в сторожевой отряд на реке на Чюре Михайлове.* Благодаря своему мужеству, стоял он на крепком охранении от татар. Бог укрепил его веру и дал ему увидеть великое видение в ту ночь. На высоте видел он облако огромное. И пришел некий полк очень

большой от востока. А с южной стороны пришли два юноши светлых,* их светлые лица сияли как солнце, а в руках у них были острые мечи. И сказали два юноши полководцам татарским: «Кто вам повелел отечество наше губить, которое нам даровал господь?». И стали их рубить. И ни один из них не избег. С той поры человек этот стал веровать и соблюдать целомудрие. И рассказал он свое видение только одному великому князю. Тот же сказал: «Не говори никому». А сам он, великий князь, воздев руки к небу, стал плакать и так говорить: «Господи человеколюбче, молитвами святых мучеников Бориса и Глеба помоги мне, как Моисею,* как Давиду на Голиафа,* как первому Ярославу на Святополка,* и прадеду моему, великому князю Александру, на похваляющегося римского короля,* который хотел его погубить. Не по грехам моим воздай мне, господи, ниспошли милость свою и просвети нас благоутробием своим. Не дай рабов своих на поругание врагам нашим, да не порадуются враги наши, да не начнут поносить христиан: мол, где бог их, на которого они уповали. Помоги, господи, христианам, которые возглашают имя твое!».

Настало время — месяца сентября в 8 день — великого праздника спасения христианского, Рождества пресвятой богородицы. На рассвете в пятницу, когда всходило солнце и утро было туманно, начали знамена христианские развеяться и многие трубы звучать. И уже князья русские, и воеводы, и все удалые люди, и кони их взбодрились от звучания труб, и каждый под своим знаменем пошли, и шли их полки по уговору, где кому велели.

Когда настал второй час дня, стали звуки труб с обеих сторон соединяться. Но татарские же трубы будто онемели, и русские трубы стали отчетливее. А сами воины друг друга не видели, потому что утро было туманно. Но очень земля стонала, предвещающая беду, от востока до моря, от запада до Дуная. И казалось, что поле Куликово прогибается, а реки выступили из своих берегов, потому что много воинов забрело в них. Ведь никогда таких полков не было на месте этом.

А великий князь, пересаживаясь на борзых коней, ездил по полкам и со слезами говорил: «Отцы и братья мои! Господа ради подвизайтесь, ради святых церквей и ради веры христианской, ведь эта смерть — не смерть, а вечная жизнь. Не думайте ни о чем земном, но вернемся к нашему делу, и мы будем увенчаны нетленными венцами у Христа, бога и Спасителя душ наших».

Утвердив полки, снова пришел он под свое черное знамя и, сойдя с коня, сел на другого коня и снял с себя царскую одежду, и в другую оделся. А коня того отдал Михаилу Андреевичу Бренку,* и одежду ту на него надел: был он ему любим паче меры. И повелел рынде своему знамя это над ним возить, и под тем знаменем убит был Михаил Андреевич.

Князь же великий, став на месте своем и воздев руки к небу, сунул руку свою за пазуху и вынул живоносный крест, на котором изображены были страсти Христовы,* в нем же была частица живоносного древа.* И заплакал он горько и сказал: «На тебя до конца надеюсь,

живоносный крест, ведь таким образом явился ты пречестному царю Константину,* когда он был на войне с нечестивыми и гнусными язычниками, и образом твоим победил их. Не могут обрезанные* противостоять твоему образу, и так покажи, господи, милость свою на рабах своих».

Когда он так говорил, в это время пришло к нему письмо от преподобного игумена Сергия, в котором было написано: «Великому князю Дмитрию Ивановичу и всем русским князьям и всему православному воинству мир и благословение!». Князь великий Дмитрий Иванович, выслушав послание преподобного старца, приветствовал посланника любезным целованием, как будто некими твердыми бронями вооружился. Еще посол дал ему посланное от игумена святого Сергия: хлебец святой пречистой богородицы.* Князь великий, съев этот хлеб, простер руки свои к небу и возопил велегласно: «Велико имя пресвятой троицы! Пречистая госпожа, владычица богородица, помогай нам по молитвам твоего игумена Сергия!».

И, сев на своего коня и железную палицу взяв, он выехал из полка, захотел он сам раньше всех сразиться, скорбя душой за землю Русскую, и за веру христианскую, и за святые церкви, и за свою великую обиду. Многие русские князья и богатыри удерживали его, говоря ему: «Не подобает тебе, великому князю, самому в полку стоять, следует тебе в стороне стоять и на нас смотреть, а то пред кем нам явиться? Если тебя бог сохранит, великого князя, милостью своей, то как ты узнаешь, кого надо почтить и одарить? Мы же все готовы головы свои сложить за тебя, государя милостивого. Тебе же, государь, надлежит тех, кто служит тебе своими головами, увековечить, как Леонтий царь Феодора Тирона,* и записать их в соборные книги, и русским князьям после нас будет память. А если тебя одного погубим, то на кого надеяться будем? Если мы все спасемся, а тебя одного потеряем, то какой нам успех? Мы будем как стадо овец: не имея пастуха, влачимся в пустыне, — придут волки и разгонят стадо, кого куда. Тебе подобает спасти себя и нас».

Князь великий прослезился и сказал: «Братья мои милые, ваша речь хороша, мне нечего возразить, знаю, что я в этом не преуспею. Хвалю вас: воистину вы благие рабы. А кроме того, вы знаете и понимаете мучение святого Христова страстотерпца Арефы,* как его мучили. После многих мучений повелел царь вывести его на площадь и казнить. Доблестные воины этого прославленного воеводы, один другого перегоняя, один за другим голову под меч кладут. Видя это, воевода запретил своему войску и сказал: „Знаете ли, братья, что у земного царя этого я был почтен больше вас? Земную честь и дары не прежде ли вас я получал? Ныне же мне подобает быть прежде вас у небесного царя, моей голове прежде быть усеченной, прежде же и увенчанной“. Подошел воин и отсек ему голову, а после 700 его воинам. Так же, братья мои, кто более меня среди русских князей почтен был вами? Я был вам всем главой. Благое принял от господина, разве не могу и злое претерпеть? Все это воздвиглось из-за меня одного, могу ли я видеть, как вас убивают? И то, что последует, разве я переживу? Общую с вами чашу выпью и смертью

умру. Если умру — с вами, если спасусь — с вами же. Итак, мы все останемся и за своими потянемся».

Передовые полки расступились, а ведет передовые полки Дмитрий Всеволож и Владимир, брат его.* Полк правой руки ведет Микула Васильевич* с коломенцами и новгородские посадники с их войском. А поганые бредут с двух сторон. Нет им места, где расступиться. Безбожный царь Мамай выехал на место высокое с тремя князьями, глядя на человеческое кровопролитие.

Уже близко сошлись друг с другом, когда выехал из полка татарского печенег, мужество свое всем показывая, подобный древнему Голиафу.* Увидев его, Пересвет, чернец любочанин, вышел из полка и сказал: «Сей человек ищет подобного себе, я хочу с ним переведаться молитвами преподобного отца чудотворца Сергия игумена». И сказал: «Отцы и братья, простите меня, грешного!». И напал на печенега того, сказав: «Игумен Сергей, помоги мне молитвой своей!». И тот устремился на него. А христиане все крикнули: «Боже, помоги рабу своему!». И ударили крепко копьями, и едва земля не проломилась, и оба упали на землю и тут же скончались.

Когда настал третий час дня, увидел это князь великий и сказал своим князьям: «Видите, братья, наши гости приближаются, передают друг другу кровавую чашу, некоторые же из них уже выпили и веселятся. А сейчас время подходящее, час настал!». И ударили каждый по коню своему и крикнули единогласно: «С нами бог!». И снова сказали: «Бог христианский, помоги нам!». Печенеги же своих богов кликнули.

И ударились крепко и внезапно. И не только оружием бились, но и друг о друга разбивались, и под конскими ногами умирали, и от великой тесноты задыхались. Как ни велико поле Куликово и может на нем многое множество воинов вместиться, но и то место тесно между Доном и Мечей.* На том поле Куликовом сильные полки сошлись, и из них выступили кровавые зарева, от стреляния пищального как будто сильные молнии блистали, треск стоял великий от ломания копий и от сечения людского, так что невозможно было видеть этот грозный и страшный час. Во мгновение ока сколько тысяч людей — божьих созданий погибает! Воля господня совершилась. Четвертый час не ослабевают в битве христиане.

Уже настал шестой час, и вот по божьему попущению за наши грехи стали одолевать поганые. Уже многие из сановитых убиты. Богатыри русские как деревья лесные склонились на землю под копыта конские. Многие сыны русские погибли, и самого великого князя ранили. Он же, раненый, ушел с побоища, так как не мог больше биться. Стяги великого князя много раз татары ссекали, но не были они истреблены божьей помощью, а еще больше укрепились.

Это мы слышали от верного очевидца, который был в полку князя Владимира Андреевича и поведал великому князю Дмитрию Ивановичу: «В шестой час этого дня видел я над вами небо отверсто, и из него вышло багряное зарево и низко над ними держалось, и то облако наполни-

лось рук человеческих, которые держали либо венцы, либо свитки пророческие, а другие — как бы некие прекрасные деревья и красивые цветы обильные. А когда настал седьмой час, многие венцы от того облака спустились на полки христианские».

Повсюду поганые зашли со всех сторон, а христианские полки ослабели. Уже мало христиан — все поганые. И увидел князь Владимир Андреевич великую погибель христианскую — как пшеничные колосья заглушаются плевелами, сорняками, бурно растущими. Благоверный князь Владимир Андреевич не мог терпеть такой беды христиан и сказал Дмитрию Волынцу: «Брат Дмитрий, какая польза от того, что мы стоим, и какой толк от этого будет? Кому мы поможем?». И сказал Дмитрий: «Княже, еще не пришло время. А кто начинает не вовремя, себе вредит. Потерпим еще немного, помолчим до времени удобного, когда воздаяние отдадим противникам нашим. А сейчас — только призывайте бога — с восьмого часа мы будем их преследовать, тогда будет с нами благодать божия — помощь христианам».

Князь Владимир Андреевич, воздев руки к небу, сказал: «Боже отцов наших, сотворивший небо и землю, перед нами враг, нас преследующий. Не дай, господи, порадоваться врагу нашему дьяволу! Мало нас накажи, а много помилуй! Милость твоя бесконечна». Сыны русские из полка его плакали, видя друзей своих погибающими, и непрестанно рвались они в бой, как приглашенные на свадьбу сладкого вина пить. Но Волынец запретил им это: «Подождите немного, буйные сыны, есть когда вам утешиться, есть с кем веселиться».

Настал восьмой час, и вдруг южный ветер потянул сзади. И воскликнул Волынец громким голосом: «Князь Владимир, час пришел, время приблизилось!». И снова сказал он: «Друзья и братья! Дерзайте! Ибо сила святого духа помогает нам!».

Единомысленные друзья выехали из дубравы зеленой, как искусные соколы на большие стада журавлиные напали, так и эти витязи, направленные крепким воеводою. Были они как Давидовы отроки, сердца у них были львиные, были они подобны львам, нападающим на стадо овец.

Поганые же, видя это, воскликнули: «Увы нам! Русские нас мудрее: худшие с нами бились, а лучшие сохранились!». И повернули вспять, показали спины, побежали. Сыны русские силою святого духа и помощью святых мучеников Бориса и Глеба били их, — как леса валились, как трава под косою стлалась. Бежали татары, говоря по-своему: «Увы тебе, славный Мамай! Высоко вознесся — в ад сошел!». Многие наши и раненые помогали сечь их без милости. И никому из татар не убежать — их кони притомились.

Мамай же, видя свою погибель, стал призывать своих богов: Перуна, Колавата, и Раклия, и Гурка,* и великого помощника своего Магомета.* И не было помощи им от них, ибо сила святого духа, как огонь, пожигает их. Татарские полки русскими мечами секутся.

Мамай же, увидев новых воинов, сказал: «Бежим, ничего хорошего

нам не дожидаться, свои бы головы спасти». И тотчас побежал с четырьмя своими мужами.

Кое-кто, а было их много, за ними погнались, но не догнали, потому что кони у Мамаю были неутомленные, и возвратились погнавшиеся.

И увидели они тела мертвых по обе стороны реки Непрядвы, там, где было место непроходимое для русских полков. Все они были убиты святыми мучениками Борисом и Глебом, как это провидел Фома-разбойник, когда стоял в сторожевом отряде. А те, кто погнались за татарами, догнав их, возвращались каждый под свое знамя.

А князь Владимир встал на поле битвы под черным знаменем. И не нашел он в полку брата своего, великого князя Дмитрия Ивановича. И повелел трубить в сборную трубу. И подождал час, и не нашел великого князя, и стал с плачем говорить: «Братья мои милые, кто видел и кто слышал своего пастыря, великого князя?». И стал он рыдать и кричать и по полкам ездить, говоря: «Поражен пастырь — овцы разбредутся.* Для кого же эта честь? Кто победителем явится?».

И сказали ему литовские князья: «Мы думаем, что он жив, но тяжело ранен. Может быть, он среди мертвых лежит». Другой воин сказал: «Я видел его в пятом часу, он крепко бился с врагом своей палицей». Еще один сказал: «Я видел его позднее, он бился, и четыре печенега налегали на него». Юрьевский юноша, некий князь по имени Стефан Новосильский, сказал: «Я видел его перед самым твоим приходом, пешим шел он с побоища, был тяжело ранен. Я не помог ему, потому что гнались за мной три татарина, но милостью божьей я едва от них спасся и очень от них натерпелся». Князь Владимир сказал: «Знайте, друзья и братья, если кто найдет живым брата моего, воистину будет первый его рачитель».

Дружинники рассыпались по огромном побоищу, ища победителя. И нашли Михаила Андреевича Бренка убитого, в одежде и шлеме великого князя. Другие же нашли князя Федора Семеновича Белозерского, приняв его за великого князя, потому что он был на него похож.

А два неких воина отклонились направо, один из них по имени Сабур,* а другой — Григорий Холопищев,* родом оба костромичи. Они чуть отъехали с побоища и нашли великого князя раненого, лежащего под срубленным деревом березовым. Увидели его, соскочили они с коней и поклонились ему. Сабур же скорее возвратился, чтобы поведать князю Владимиру, и сказал: «Князь великий здравствует и вовеки царствует!». Услышав это, обрадовались князья и воеводы и поспешили к нему и, пав к его ногам, сказали: «Радуйся, наш князь! Ты древний Ярослав* победитель, ты подобен храбростью царю Александру,* победителю врагов, ты истинный борец за Христову веру! Нечестивому царю беда и позор, а тебе честь и слава!». Князь великий едва проговорил: «О чем вы говорите, скажите мне истину!». И сказал князь Владимир Андреевич: «О великий государь наш, защитник православия, веры Христовой последователь, храбрый воин небесного царя! По милости божьей и пречистой его матери, и усиленными молитвами родственников твоих, Бо-

риса и Глеба, и молением святителя русского Петра митрополита, и его помощника, нашего вдохновителя игумена Сергия, и всех святых молитвами враги наши побеждены, а мы спасены».

Князь великий, услышав это от брата своего, сказал: «Возвеселимся и возрадуемся в этот день, который сотворил господь!». И еще он сказал: «Велик ты, господи, и чудны дела твои — вчера был плач, а наутро — радость!».* И снова сказал он: «Славлю тебя, боже мой, и почитаю имя твое святое за то, что не дал нас на погибель врагам нашим, не дал похвалиться иному племени, которое не знает и не почитает имени твоего святого, замыслившему на нас злое. Ты судил, господи, их по правде твоей. Да прекратится злоба нечестивых! Я же, раб твой, и все православные, мы надеемся на тебя и почитаем имя твое святое вовеки!».

И привели великому князю коня, и посадили его на коня, и, выехав на поле битвы, увидел он множество убитых из своего войска, а поганных — в семь раз больше. И обратился великий князь к Волинцу и сказал: «Действительно, Дмитрий, ты мудр, и не лживы были приметы твои. Подобаает тебе всегда воеводой быть».

И стал великий князь Дмитрий Иванович с братом своим, князем Владимиром, и с литовскими князьями, и с иными князьями и воеводами многими ездить по побоищу, стеная сердцем и слезами умываясь. И наехал он на место, где лежат князья белозерские, все вместе убиты они были: они храбро бились и друг за друга погибли. Тут же лежит и Микула Васильевич. Над ним встав, князь великий восхвалял их и оплакивал: «Братья мои милые, сыны русские! Если имеете дерзновение ко господу, молитесь за нас, я знаю, что бог вас послушает, чтобы нам быть в царствии небесном с вами!».

Он переехал в иное место и нашел своего наперсника любимого Михаила Андреевича Бренка, а близ него убитый лежит Семен Мелик, четвертый страж крепкий, тут же лежит Тимофей Волуевич. И стал над ними великий князь, вздохнул из глубины сердца своего и с плачем великим сказал: «Братья мои милые, возлюбленные, вы убиты из-за сходства со мной! Какой раб мог бы так господину служить, как тот, который вместо меня сознательно на смерть пошел. Воистину подобен ты древнему Авису,* который был в полку Дария, царя персидского. Тот поступил так же, как и любимый мой Михайло Бренко». И еще сказал: «О стойкий мой страж Семен Мелик! Твоею крепкою стражей мы охранены».

Переехал он на другое место и увидел Пересвета чернеца, лежащего убитым, а близ него лежит знаменитый богатырь татарский, и, обратившись, сказал: «Видите, братья, того, кто начал. Он победил подобного себе, от которого испили бы многие горькую чашу».

И снова стал он на месте своем и повелел трубить в сборные трубы и людей созывать. Доблестные его дружинники, испытавшие свое оружие об измаильтянских сынов, со всех сторон брели на трубный глас. Собирались они, ликуя, весело, и песни пели — те — воскресные, эти — богородичные, другие — мученические и другие в том же роде.*

Когда собрались все люди, князь великий, посреди них встав, плача и радуясь, сказал: «Братья, князья русские и бояре местные, вы все сыны Русской земли, вам подобает так служить, а мне — награждать вас по достоинству. Если бог меня спасет и я буду на своем престоле, на великом княжении московском, тогда я одарю вас. А сейчас мы так сделаем: пусть каждый похоронит ближнего своего, чтобы не дать на съедение зверям тела христианские».

Князь великий стоял за Доном восемь дней, пока разобрали тела христианские от нечистых. Христиан схоронили, сколько успели, а нечестивых бросили на съедение зверям.

Поганый царь Мамай бежал отсюда и добежал до моря, где стоял город Кафа.* Утаил он свое имя. Он был узнан неким купцом, и тут убит он был фрягами. Так он загубил свою жизнь.

Князь великий Дмитрий Иванович с братом своим, с князем Владимиром, и с литовскими князьями и с оставшимися воеводами стал на поле битвы. Страшно, братья, смотреть на это: лежат трупы человеческие, как стога сена, а Дон-река кровью текла. И сказал князь Дмитрий: «Сосчитайте, братья, скольких князей нет, и скольких воевод нет, и скольких младших дружинников нет». И говорит Михайло Александрович, боярин московский: «Нет у нас 40 бояр московских, да 12 князей белозерских, да 20 бояр коломенских, да 40 бояр серпуховских, да 30 панов литовских, да 90 бояр новгородских, да 35 бояр владимирских, да 25 бояр ростовских, да 40 бояр муромских, да 50 бояр суздальских, да 24 бояр ростовских, да 20 бояр дмитровских, да 60 бояр можайских, да 30 бояр звенигородских, да 15 бояр углецких. А всего, князь, нет у нас больше людей из князей, из бояр, из великих людей, из местных воевод и детей боярских и младших чинов во всех полках 253 000».

И сказал князь великий: «Братья, князья русские, и бояре, и младшие чины, вам, братья, суждено богом место между Доном и Мечей, на поле Куликовом, на речке Непрядве. Вы положили свои головы за землю Русскую и за веру христианскую. Простите меня, грешного, и благословите в этом веке и в будущем!». Сам князь великий Дмитрий Иванович с братом своим, князем Владимиром Андреевичем, и с литовскими князьями, и со всеми оставшимися силами пошел в свою землю Залесскую* к славному городу Москве. И многие вельможи поехали служить к великому князю от Ольгерда Литовского и Олега Рязанского. И рассказали безумные их замыслы. Князь великий велел посадить их рядом, памяти ради. Аминь.

СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ

ОСНОВНАЯ РЕДАКЦИЯ, ПЕЧАТНЫЙ ВАРИАНТ

История или повесть о нашествии безбожного царя Мамай с бесчисленными его агарянами* на Российскую землю и о великой войне, и о грозном побоище с великим князем Дмитрием Ивановичем* Московским, и о брате его князе Владимире Андреевиче* — сказание Софрония* рязанца иерея.*

В год 6888 была эта битва и эта победа на Дону, и так случилось, что пришлось православным христианам биться с безбожными агарянами, и бог возвысил род христианский, а поганных унижил и разгромил их свирепость; так же когда-то победил Гедеон мадиамлян* и Моисей — фараона.* Также и теперь подобает нам поведать о величии божием — как сотворил господь волю боящихся его и как пособил он православному великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу.

В тот год по божьему попущению, по дьявольскому наущению поднялся царь из восточной страны по имени Мамай, язычник по вере и рождению, идолопоклонник и иконоборец, злой ненавистник и враг христиан. Вошел в его сердце подстрекатель дьявол, который всегда строит козни христианам, научил его разорить православную веру во всем христианском мире, чтобы не славилось имя господне в тех людях. Но господь что хочет, то и совершает.

И пошел князь ордынский Мамай, а с ним все князья ордынские со всеми силами татарскими на Русь к Москве, на великого князя Дмитрия Ивановича. А еще наняли они рать: басурманов, армян, фрягов, черкас, ясов, буртасов,* буерасов.

И великий князь Олег Рязанский пошел к Мамаю на помощь, объединившись с Литвой, и великий князь Ягайло Литовский* со своей силой: литвой, жмудью, ляхами, немцами.

Позавидовал безбожный царь Мамай древнему Батыю* и стал спрашивать старых язычников, как Батый завоевал Киев, и Владимир, и Ростов, и всю Русь и как князя Юрия Дмитриевича* и многих православных князей перебил, и монастыри осквернил, и вселенскую пречистую церковь златоверхую разграбил.* В ослеплении того не понимал

нечестивый, что, как угодно господу, так и будет. Ведь так же когда-то Иерусалим за грехи был завоеван мерзким Навуходоносором, царем вавилонским.* Но не до конца прогневаётся господь, не вовеки враждует.*

Услышав все это, безбожный царь Мамай, подстрекаемый дьяволом, который непрестанно борется с христианами, стал говорить своим алпаутам, князьям и уланам:* «Не хочу я делать так, как Батый. Князя их я изгоню, а те города, которые прекрасны, — хочу завладеть ими тихо и безмятежно». Но рука божия высока. Через некоторое время после этих разговоров царь Мамай перешел великую реку Волгу со всеми своими силами и соединился со многими ордами. Говорил он им так: «Обогатитесь русским золотом». И пошел на Русь, ярясь как лев, пыша злобой как неуголимая ехидна. Дошел он до устья реки Воронеж,* и выпустил свое войско, и повелел своим улусам: «Пусть никто из вас не пашет хлеба — будете в Русской земле на готовых хлебах».

Услышал князь Олег Рязанский, что царь Мамай кочует поблизости и идет на Русь ратью, на великого князя Дмитрия Ивановича, и уже стоит на Воронеже. Скюдость ума была в голове князя Олега Рязанского, а в сердце его сатана вложил свои ухищрения, и вот что Олег замыслил — стал посылать послов своих к Мамаю царю со многой честью и дарами и грамоту написал к нему таким образом: «Восточному и великому царю Мамаю — я, твой присяжник, Олег Рязанский, бью челом. Я слышал, о господин, что ты многославен и грозен и что идешь ты на Русь, на твоего ставленника и служебника,* князя Дмитрия Московского, хочешь его запугать. Сейчас, господин, самое время идти, ибо его земля полна золота и всякого богатства. Знаю я, всесветлый царь, что Дмитрий — человек кроткий. Когда он издали услышит о твоей ярости, то убежит от тебя, царь, в дальнюю область, в пустое и необитаемое место. А золото и богатство в твоих руках будет. Меня же, раба твоего, власть твоя да пощадит. А я для тебя Русь устрашаю и князя Дмитрия. Еще, царь, молю тебя: хотя мы оба твои рабы, но я великую обиду принял от князя Дмитрия Московского; помимо прочего, когда я в своей обиде твоим именем ему грожу, он и об этом не беспокоится. А еще он мой город Коломну себе взял.* Обо всем этом прошу тебя, царь, не отвергни моей просьбы».

Послал он и к Ольгерду, князю литовскому, другу своему, написав ему грамоту;* послал посла своего к велеречивому и великому и к велеумному Ольгерду, князю литовскому, сообразив худым своим умом, написал ему такую грамоту: «Великому князю Ольгерду Литовскому — Олег Рязанский. Радуйся! Я знаю, что ты давно задумал московского князя изгнать, а Москвой завладеть. Сейчас настало время — великий царь Мамай идет на него, хочет захватить землю его. Присоединимся же и мы к нему, пусть он даст тебе Москву и другие зависимые города, а мне — Коломну и города близ Муррома и Владимира. Ты и я пошлем послов своих к нему с дарами, сколько имеем, и ты напиши грамоту, как ты сам знаешь лучше меня. Я написал, но не послал, хочу вместе с тобой. Жду твоего совета».

Пришел посол и подал Ольгерду Литовскому грамоту от Олега. Ольгерд прочел грамоту и обрадовался, похвалил друга своего Олега великою похвалою, послал посла к царю с бесчисленными дарами и грамоту написал к нему: «Великому восточному царю Мамаю князь Ольгерд Литовский пишет: да радуется тебя великая милость. Узнал я, что ты хочешь улус свой казнить — московского князя Дмитрия. И я прошу тебя, царь, — он ведь обиду учинил Олегу Рязанскому и мне зло причиняет. Мы оба тебя просим, пусть власть твоя настанет, и мы узнаем твое покровительство, и отомстит твое могущество за наше унижение от московского князя Дмитрия».

Все это они наговаривали на великого князя, а между собою решились: «Когда услышит он о царе и о нашей присяге, убежит в Новгород Великий или на Двину, а мы сядем на Москве и на Коломне, чтобы, когда царь придет, встретить его. А когда царь возвратится к себе, мы московское княжение разделим — часть к Вильне,* часть к Рязани;* мы знаем, что царь даст ярлыки нам и потомкам нашим после нас». Но они сами не знали, что говорили, как глупые малые дети, ведь не понимали они божьей силы и господнего промысла. Бог дает власть тому, кому захочет. Воистину сказал господь: «Кто держится добродетели, не может быть без многих врагов».

А великий князь Дмитрий Иванович, являя образец смиренномудрия, и в высоком положении стремился к смирению. Он еще ничего не знал о том, что решились ближние его. О таких ведь сказано было: «Не помысли ближнему своему зла, и тебя не постигнет зло».* И еще: «Роющий яму, сам в нее попадает».*

Пришли грамоты, в согласии с их словами, от Олега Рязанского и Ольгерда Литовского к безбожному царю Мамаю, принесли к нему драгоценные дары и написанные грамоты. Посмотрел безбожный послания и сказал себе: «Хорошо они написали, однако оба они лгут». И стал советоваться с алпаутами своими. А они считали, что письма эти достоверны. И сказал царь: «Я думал, что они все, объединившись воедино, пойдут на меня. А сейчас понимаю, что разногласия между ними велики. Быть мне на Руси!». Послов он почествовал и отпустил, дав им письмо. А писал он так: «Ольгерду Литовскому и Олегу Рязанскому — что вы мне написали, я принял во внимание и за дары великие хвалю вас, а что хотите вотчины русской — это я вам дарую, только присягните мне. А сейчас встретьте меня со своими силами, где успеете, чтобы одолеть вам недруга своего. А мне ваша помощь не очень-то нужна — если бы я захотел, то своим войском древний Иерусалим захватил бы, но я хочу от вас почестей. Моим именем и вашей рукой будет разбит князь Дмитрий Московский, и ваше имя станет грозным в ваших странах. А мне приличествует победить царя, мне подобного, мне долженствует царская честь. Так князьям своим скажите».

Послы возвратились обратно и сказали им, что царь их приветствует и очень хвалит. Они же, по своему скудоумию, обрадовались этой похвале и привету, как будто не знают они божьей силы: бог дает власть тому,

кому захочет. Как их назвать? Если бы они были враги себе, то вступили бы в войну сами от своего имени. А сейчас, что это значит: одна вера, одно крещение, а к поганому присоединились, чтобы вместе преследовать православную веру? О таких говорится в Патерике: «Действительно, отсекались от своей маслины и посадились к дикой маслине».* Так и эти нечестивые отвернулись от христианской веры и присоединились к безбожному Мамаю.

Олег стал спешить на войну и послов посылать к Мамаю царю, говоря: «Выступай скорее!». О таких говорит Писание: «О неразумие! Пути неразумных не имеют успеха, но стяжают себе досаду и поношение. А пути правых преуспевают».* А теперь этого Олега можно назвать вторым Святополком.*

Услышал князь Дмитрий Иванович, что идет на него и на веру христианскую безбожный царь Мамай, неуклонимая рать; великий князь Дмитрий Иванович опечалился сильно о нашествии безбожников и, став перед иконой, которая стояла у него в изголовье, упав на колени, начал молиться перед образом, говоря так: «Господи, дерзаю молить тебя я, смиренный раб твой, отгони от меня уныние мое! Боже мой, на тебя уповаю, рассеяй, господи, печаль мою! Ты мой свидетель, владыко! Не сотвори с нами того, что с нашими отцами, когда навел ты на них злого Батюя, и еще тот страх и трепет в нас велик и сейчас. И сейчас, господи, не до конца прогневайся на нас. Знаю, что из-за меня, грешного, хочешь погубить землю Русскую. Ибо я согрешил перед тобою больше всех людей. Окажи мне, господи, милость свою, слез моих ради, укрепи сердце мое перед свирепым врагом; ведь так и Иезекия* получил свою силу». И сказал: «На господу уповая не изнемогу». И послал за братом своим, за князем Владимиром Андреевичем. Тот был в своей вотчине в Городце.* И послал за всеми воеводами и поместными князьями, и воеводы съехались.

Великий князь Дмитрий Иванович, взяв брата своего, князя Владимира Андреевича, пошел к преосвященному митрополиту Киприану* и сказал: «Знаешь ли, господин и отец, о пришедшей к нам беде — царь Мамай идет неукротимо и в ярости». Преосвященный митрополит Киприан сказал великому князю: «Скажи мне, господин, в чем ты перед ним виноват?». Великий князь Дмитрий Иванович сказал: «Я не только полностью выполнил все, что нужно, по уставу своих отцов, но и более того ему дал». Преосвященный же митрополит сказал: «Великий князь, видишь, что он идет завоевать землю Русскую поущением божьим за наши грехи. Но вам, православным князьям, следует утишить свирепость нечестивых серебром и дарами вчетверо большими ради рода христианского, чтобы не разрушил он Христовой веры. А если он не смирится, то — «господь гордым противится, а смиренным дает благодать»* — господь бог смирит его. Так случилось с Василием Великим в Кесарии.* Шел на него злой Отступник из проклятой Персии, желая разорить его город. Он же молился богу вместе со всеми христианами, и собрали они много золота, чтобы тем Отступника удовлетворить. А он

разъярился, и господь послал война своего Меркурия* и убил гонителя невидимо мечом. Так и ты, о господин, возьми золота, сколько имеешь, и пошли ему, чтобы не быть перед ним в долгу».

Великий князь Дмитрий Иванович, услышав это от митрополита, пошел с братом своим в казну, и взял золота много, и стал выбирать молодца из своей дружины. И выбрали юношу весьма умного, по имени Захария Кошков.* Дав ему двух переводчиков, знающих татарский язык, и много золота, отправили его в Орду. Захария же, дойдя до Рязанской земли, услышал, что Олег Рязанский и Ольгерд Литовский присоединились к Мамаю царю, и послал весть тайно к великому князю.

Великий князь с братом своим, услышав об этом, расходился сердцем, оба они ярости и горести исполнились, и стал великий князь молиться богу, говоря: «Господи боже мой, на тебя надеюсь, воистину ты исполняешь желания любящих тебя. Если мне враг делает зло, мне следует идти против него, поскольку он исконный враг христианства. Но эти — мои друзья, ближнии мои, и такое на меня замыслили! Рассуди, господи, по правде между ними и мной. Я никакого зла не причинил им, разве честь и дары от них принимал и им тем же отвечал. Суди, господи, по правде моей, пусть кончится злоба грешника».*

Взяв брата своего Владимира, пошел он к преосвященному митрополиту Киприану и поведал ему, что Олег Рязанский и Ольгерд Литовский присоединились к Мамаю царю. И сказал преосвященный митрополит великому князю: «Ты сам знаешь, господин, какую обиду нанес им?». Великий князь прослезился и сказал: «Я, господин, человек грешный перед богом, а не перед ними — ни единою чертою не преступил устава отцов. Ты сам знаешь, отец, что я доволен своей вотчиной. Я не знаю, какую обиду им причинил и из-за чего умножились нападающие на меня».* Преосвященный митрополит сказал великому князю: «Просвети, господин, очи свои веселием. Ведь ты живешь по закону божьему, а на того, кто живет по правде, не воздвигнутся люди, потому что господь праведен и правду любит. А ныне обошли тебя псы многие, но суетно и тщетно они стараются — ты именем господним сопротивляйся им.* Праведный господь будет тебе помощник. А если нет — куда скроешься от его всевидящего ока и крепкой его руки?». И его верное слово оказалось правдой.

Великий князь Дмитрий Иванович с братом своим князем Владимиром и со всеми русскими воеводами и князьями установили сторожевое охранение, крепкое и надежное. И послали в сторожевой отряд крепких воинов: Родиона Ржевского,* Якова Андреева сына Усатого,* Василия Тушика.* И велел им великий князь ехать поближе к Орде до реки Быстрой Сосны* и добыть языка, чтобы истину узнать о намерениях царя.

И разослал грамоты по всем городам: «Готовы будьте на битву с безбожными агарянами. И будьте готовы собраться в Коломне, ибо сошлись против меня супостаты, но с помощью божией и молитвами пресвятой богородицы я выйду против них».

А те сторожевые отряды в степи задержались. Он других лазутчиков послал и велел им скорее возвращаться. Послал он Климента Послянинова,* да Ивана Связлова.* да Григория Садыка* и многих других с ними.

Они встретили Василия Тушика еще вблизи от Оки, ведущего языка к великому князю: что действительно царь идет на Русь, связавшись со всеми ордами. А еще с ним соединились Олег Рязанский и Ольгерд Литовский. И не спешит царь со своим походом, потому что ждет осени* и хочет быть на русские хлеба.

Великий князь, узнав, что слух о нашествии безбожных не ложен, стал утешаться именем Божиим и укреплять брата своего, князя Владимира Андреевича, и всех русских князей и воевод, говоря так: «Братья мои, русские князья, и воеводы, и бояре! Мы — гнездо Владимира, князя киевского, который нас вывел из ужасов язычества. Ему открыл бог православную веру, как тому Стратилату,* а он завещал нам ту веру крепко держать и бороться за нее. Кто за нее умрет, на том свете обретет покой. И я, брат, за веру христианскую готов умереть». И сказал ему князь Владимир Андреевич и все русские князья: «Воистину, господин, ты совершаешь заповедь закона и доброе дело замышляешь, святому Евангелию следуешь. Ведь в святом Евангелии написано: „Если кто пострадает за имя мое и умрет меня ради, я упокою его в будущем веке“.* А мы, господин, готовы умереть и головы свои сложить за святые церкви, и за православную веру Христову, и за твою, великий князь, обиду».

И увидел великий князь, что брат его Владимир Андреевич и все русские князья смело идут бороться за православную Христову веру. И сказал великий князь всем князьям и воеводам и написал всему войску, чтобы собраться всем на Успение пресвятой богородицы* на Коломну: * там мы составим полки и назначу воеводу каждому полку.

В Москву тогда уже много людей пришло к великому князю Дмитрию Ивановичу, и все едиными устами говорили: «Дай нам, господи, в сердечном единении умереть и исполнить святое Писание, имени твоего ради и веры ради христианской, за обиду великого князя Дмитрия Ивановича».

В то время пришли князья белозерские. Это были воины, готовые к бою, в доспехах и на конях, и кони их были в воинском снаряжении. Пришел князь Федор Семенович Белозерский, князь Семен Михайлович,* князь Андрей Кемский, князь Глеб Каргопольский и Андомский.* Пришли князья ярославские со всеми своими силами: князь Андрей Ярославский, князь Роман Прозоровский, князь Лев Серповский,* князь Дмитрий Ростовский* и иные князья многие.

И вот уже стук стучит как гром гремит в славном городе Москве — стучит рать, сила великого князя Дмитрия Ивановича, стучат русские удальцы доспехами золочеными о червленые щиты.*

Великий князь Дмитрий Иванович, взяв брата своего Владимира Андреевича и князей многих и воевод, поехал к Живоначальной Троице*

в Маковец, к преподобному старцу игумену Сергию.* Придя туда, благословение получил от всей святой обители. И просил его преподобный игумен Сергей, чтобы он прослушал литургию,* потому что настал день воскресный, память святых мучеников Флора и Лавра.* По отпущении литургии просил его преподобный со всей братией, чтобы вкусил он хлеба обительского. Но великому князю было это трудно: пришли вести из степей, что приближаются татары. И просил преподобного великий князь его не задерживать. И сказал ему преподобный старец: «Это замедление будет тебе помощь и жизнь. Не сейчас еще носить тебе венец от владыки нашего бога, не пришло еще сейчас тебе время, но многим другим ныне венцы готовятся от Всевидающего Ока». Великий князь Дмитрий Иванович вкусил обительского хлеба с братом своим и с другими князьями. А преподобный Сергей повелел воду святить от мощей святых мучеников Флора и Лавра.* Великий князь вскоре встал от трапезы. Преподобный Сергей окропил святой водой все христоролюбивое стадо — войско и дал великому князю свое благословение, осенив его крестным знамением.* И сказал ему: «Иди, господин. Ты призвал бога, и бог будет тебе помощником и защитником». По секрету же сказал ему: «Ты победишь своих супостатов». Великий князь заплакал и сказал ему, что просит у него даров. А тот спросил: «Что же, приличествующее тебе и твоему государству, есть в обители Живоначальной Троицы? Что тебе надобно, чего хочется?». И сказал ему великий князь Дмитрий Иванович: «Дай мне, отче, двух неких монахов, воевод твоего полка, тем самым ты нам очень поможешь». И сказал ему преподобный старец: «О ком ты говоришь?». И сказал великий князь Дмитрий Иванович: «О двух братьях, о брянских боярах Пересвете и брате его Ослябя».* Преподобный же старец велел им скорее готовиться. А они, известные, опытные воины, быстро сотворили послушание. Преподобный Сергей дал им вместо тленного оружия нетленный и многотвердый доспех — крест Христов, нашитый на схиме,* и повелел им вместо доспеха налагать ее на себя. И дал их великому князю и сказал ему: «Вот тебе твои воины, выбранные тобой». А им он сказал: «Мир вам, братья мои, потрудитесь, как доблестные воины Христовы». И всем православным христианам дал он мир и благословение.

Великий князь Дмитрий Иванович развеселился сердцем и не сказал никому о том, что поведал ему старец. И пошел он к городу своему Москве, как будто обрел сокровище многоценное, весьма радуясь благословиению старца. Ни золоту, ни богатству не радуется так, как получив благословение прозорливого старца. Придя в Москву, взяв с собой брата своего князя Владимира, пошел он к преосвященному митрополиту Киприану, рассказал ему одному, что сказал ему старец и как благословение ему дал и всему войску. Преосвященный митрополит повелел ему хранить эти слова в своем сердце и никому не говорить. И с тем пошел князь Дмитрий Иванович в свою опочивальню, ведь уже был вечер.

Настал день четверг, месяца августа 21 день, память святых мучеников Агафоника и Луппа. Захотел уже идти против безбожных агарян

великий князь Дмитрий Иванович. И, взяв брата своего князя Владимира, пошел в церковь пресвятой Богородицы,* стал перед образом господним, прижав руки к груди, сказал в умилении сердца, сотворил он молитву, и слезы из очей его изливались, как источники, и говорил он: «Молю тебя, боже пречудный, владыко страшный и кроткий, воистину ты царь славы, помилуй нас, грешных! Когда мы унываем от скорбей наших, мы к тебе прибегаем, единственному нашему спасителю и благодетелю. Тебе благо нас миловать и спасать, ведь мы под твоей властью. Знаю, господи, согрешения мои выше моей головы, но ты, господи, отпускаешь нам их, когда мы ищем тебя». И многое другое говорил он и молился. И взял он псалом 34-й и сказал: «Суди, господи, обидящих меня, помешай борющимся со мной, возьми меч и щит и стань на помощь мне, да посрамятся и постыдятся делающие зло рабам твоим. Дай же мне, господи, помощь против моих врагов, пусть и они познают славу имени твоего». Потом он пошел и встал перед образом, перед чудотворной иконой пречистой царицы, которую еще при жизни написал евангелист Лука,* и стал с умилением взывать к пречистому образу ее, говоря: «О чудотворная госпожа, царица, всей жизни человеческой путеводительница, через тебя мы познали истинного бога нашего, воплотившегося и родившегося от тебя. Не дай, госпожа, в разорение города нашего поганому царю Мамаю, чтобы не осквернил он святую твою церковь. Моли сына твоего и бога нашего, владыку, творца и создателя, пусть он прострет свою руку и смирит сердце врагов наших, пусть не будет рука их над нами. Свою помощь пошли нам, госпожа, — нетленную твою ризу,* пусть мы в нее облачимся и не будут страшны нам раны. На тебя надеемся, владычица, и ты по своему милосердию помолись сыну своему о нас, ведь мы — твои рабы. Ты, госпожа, родилась по божьей воле, родители же твои — внуки Авраама, как и мы. Я знаю, госпожа, что ты дашь нам помощь против напавших на нас врагов, потому что они тебя, богородицу, не исповедуют. Я надеюсь на твою помощь и иду против безбожных агарян, пусть послушается твоих молитв сын твой и бог наш». Затем он подошел к гробу блаженного Петра,* нового чудотворца, и припал к гробу святого, и с чувством сказал: «Преподобный отче, чудотворный святитель, ты и после смерти жив и непрестанно совершаешь чудеса. Настало время тебе молиться за нас нашему общему владыке. Сейчас большие несчастья предстоят нам, поганые идут на нас, у них большое хорошо вооруженное войско, и они решительно устремляются на твой город Москву. Тебя господь явил последующим поколениям — как яркую свечу зажег тебя на высокой свещнице, — и тебе надлежит молиться о нас, пусть не погубит нас рука грешников, ибо ты — праведный сторож и вождь, а мы — твоя паства». Кончив молитву, поклонился он митрополиту Киприану. Тот благословил его и отпустил, осенив его крестным знамением, и послал весь церковный собор и клир в городские ворота: во Фроловские, в Константино-Еленинские и в Никольские* с честными крестами и с чудотворными иконами, чтобы каждый воин был благословлен.

Великий князь Дмитрий Иванович пошел вместе с братом своим в церковь небесного воеводы архистратига Михаила,* и много молился святому его образу, и подошел к гробам православных князей, прародителей своих, говоря: «Воистину вы хранители и помощники православных. Если вы имеете дерзновение ко господу, помолитесь о нашей беде, ибо великое нашествие нам угрожает, чадам вашим. Поднимайтесь на защиту вместе с нами!». Сказав это, он вышел из церкви.

А великая княгиня Евдокия,* и княгиня князя Владимира,* и других православных князей княгини, и воеводские жены, тут стоя, провожали, заливаясь слезами, и ни одна не могла слова сказать. Великая княгиня Евдокия отдает последнее целование государю своему великому князю Дмитрию Ивановичу, а от слез не может слова промолвить. А великий князь едва удержался от слез, не заплакал только ради народа, а сердце его обливалось кровью, утешал он свою княгиню, говоря: «Жена, если бог за нас, то кто может на нас замышлять!».* И другие княгини, боярыни и воеводские жены своим князьям и боярам отдали последнее целование и возвратились с честью в свои дома.

Великий князь Дмитрий Иванович вступил в златокованное свое стремя и сел на своего любимого коня. И все князья и воеводы на своих коней сели. С востока путь ему освещается, ветер тихий и теплый за ними веет. Уже тогда, как соколы с золотых колодиц* рвущиеся, выехали белозерские князья из каменного города Москвы* со своим войском. Снаряженные их полки, как соколы, готовы были избивать стадо лебединое: храбро было их войско.

Великий князь Дмитрий Иванович сказал брату своему князю Владимиру Андреевичу и иным князьям и воеводам: «Братья мои милые, не поцадим жизни своей за веру христианскую, за святые церкви и за землю Русскую!». И все единогласно сказали, что готовы умереть. И сказал князь Владимир Андреевич: «Господин наш, князь Дмитрий Иванович! Воеводы у нас крепкие, а русские удальцы испытанные, под ними борзые кони, а доспехи у них твердые, и латы золоченые, и кольчуги булатные, и колчаны фряжские, и сабли ляшские, и сулицы немецкие, и щиты червленые, и копья золоченые, и сабли булатные, а дороги им хорошо знакомы, и берега Оки известны. Хотят они головы свои сложить за веру христианскую и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича».

Великий князь Дмитрий Иванович послал брата своего, князя Владимира Андреевича, дорогой на Брашево, а белозерских князей — Болвановскою дорогою, т. е. Деревенской, а сам пошел на Котел.* Спереди ему солнце сияет и добро греет, а за ним кроткий ветерок веет. Не пошли они одной дорогой потому, что не поместиться им.

Великая княгиня Евдокия со своей снохой и с другими воеводскими женами вошла в златоверхий свой терем набережный и села под южными окнами и сказала: «Последний раз смотрю на тебя, великий князь», — и в слезах не могла сказать больше ни слова. Слезы из очей ее лились как речные потоки. И, вздохнув печально, положив руки свои

к груди, сказала: «Господи боже великий, посмотри на меня, смиренную, удостой меня снова увидеть государя моего, славнейшего среди людей, великого князя Дмитрия Ивановича. Дай ему, господи, помощь против врагов твоею крепкою рукою, пусть победит он противников своих. Не сделай, господи, так, как было в недалеком прошлом, когда была битва христиан с татарами на реке Калке!* От злого Батыя, от Калкского побища до Мамаева нашествия 160 лет.* От такой беды теперь спаси нас, господи, и помилуй. Не дай, господи, погибнуть сохранившемуся христианству. И пусть славится среди них имя твое святое. От той битвы и донныне Русская земля скорбит. И мы ни на кого надежды не имеем, только на тебя, Всевидящее Око. А у меня есть два сына, князь Василий и князь Георгий,* но они еще малы. Если повеет ветер с юга или с запада — не смогут они этого вынести, ни на что не опираясь; или зной поразит их — и тоже они погибнут. Что им против этого поделаться? Возврати им, господь, отца их в здравии, и они будут царствовать во веки».

А великий князь Дмитрий Иванович взял с собой десять мужей из сурожан,* т. е. из купцов, ради того, что они известны в дальних странах: если что случится по воле божьей, они расскажут повсюду, ведь они путешествуют. Первый купец — Василий Капица,* второй — Сидор Алфериев,* третий — Константин Болков,* четвертый — Козма Коверя,* пятый — Семен Коротанос,* шестой — Михаил Коротанос,* седьмой — Тимофей Весяков,* восьмой — Дмитрий Черный,* девятый — Иван Шах,* десятый — Дементий Сараев.*

Тогда повеяли сильные ветры по бервице широкой, выступили в поход великие князья, а за ними русские сыны поспешают, как будто торопятся они пить чары медовые и вкушать виноградных гроздий, хотят купить себе чести и славного имени во веки в Русской земле, а великому князю Дмитрию Ивановичу — похвалу по всем городам. Дивно и грозно было в то время слышать гром, барабаны бьют тихо и бодро, трубы трубят многогласно, и часто ржут кони. Звенит слава по всей земле Русской.

Вечевой колокол бьет в Великом Новгороде. Стоят мужи новгородцы у святой Софии,* Премудрости Божией, и говорят такое слово: «Нам, братья, не успеть на помощь великому князю Дмитрию Ивановичу». Уже, как орлы слетелись, со всей Русской земли съехались русские удальцы испытать свою храбрость.

Великий стук и гром — на заре стучат, гремят русские удальцы, князь Владимир перевозится на красном перевозе в Боровске.*

Великий князь Дмитрий Иванович пришел на Коломну на память святого отца Моисея Мурина в среду августа в 28 день. Туда уже подошли многие воеводы и ратники и встретили его на реке Северке.* Епископ Евфимий* встретил его в городских воротах с честными крестами и чудотворными иконами, вместе со всем клиром, осенил его крестом и молитву сотворил: «Спаси, господи, люди твоя...»* (всю до конца).

Назавтра велел великий князь выйти всем людям и воеводам в поле Девичье* и всем людям и воеводам собраться в четверг августа в 29 день, на память Усекновения главы Иоанна Предтечи. И стали раздаваться звуки ратных труб. Гремят барабаны, грозно режут развернутые знамена в саду Панфилова.

Сыны русские выступают на поля коломенские, и никому невозможно обозреть их. Великий князь, выехав с братом своим и увидев многое множество людей, возрадовался великой радостью, развеселился сердцем и назначил каждому полку воеводу. Себе в полк он взял князей белозерских, ибо они были очень храбры в ратном деле. А брату своему князю Владимиру дал ярославских князей. А в полк правой руки назначил брата своего Владимира Андреевича. А в полк левой руки назначил князя Глеба Каргопольского.* А в передовой полк — Дмитрия Всеволожа и Владимира, брата его.* Коломенского полка воевода — Микула Васильевич,* владимирского — князь Роман Прозоровский, юрьевского полка воевода — Тимофей Васильевич,* костромской воевода — Иван Родионович Квашня,* переяславский воевода — Андрей Серкизович.* А у князя Владимира воеводы — Данило Белоус,* Константин Кононович, князь Феодор Елецкий, Мещерский воевода князь Юрий,* князь Андрей Муромский,* — все они пришли с полками.

Великий князь Дмитрий Иванович, построив полки, велел им переходить через реку Оку и завещал каждому: «Кто пойдет по земле Рязанской и по улусам их, пусть никто не прикоснется ни к единому волосу в их земле». Сам же великий князь, взяв благословение от епископа коломенского, переправился через реку Оку. И послал он в сторожевой отряд лучших витязей. И сказал им великий князь, направляя их в поход: «Увидьте своими глазами татарские полки». А послал он Семена Мелика,* Игнатия Креня, Фому Тынину, Петра Горского, Карпа Алексина, Петрушу Чюрикова* и многих других.

И сказал великий князь брату своему Владимиру: «Поспешим, брат, против безбожных этих агарян, не будем прятать лица своего от них. Если там нам не приключится умереть, все равно умрем и живя дома — смерти, брат, не избежать». И каждый шел своим путем, призывая бога на помощь и сродников своих, князей русских Бориса и Глеба.*

Услышал Олег Рязанский известие, что великий князь Дмитрий Иванович, собрав большую рать, идет на встречу с безбожным царем Мамаем, с непреклонной твердостью решительно хочет с погаными перевестись, уповая на бога вседержителя. Князь Олег Рязанский стал с места на место переходить, говоря своим боярам: «В новом деле трудно быть разумным. Если бы можно было послать к многоразумному Ольгерду вестника, что нам придумать! Но наши пути уже перехватили и преградили. Я полагал по правилам, что не следует великому князю русскому идти против безбожного царя. А сейчас он что вздумал? И откуда он надеется получить помощь, если против нас троих идет войной?».

И сказали ему бояре его: «Мы слышали, князь, нам сказали об этом восемь дней назад, но мы не смели тебе сказать: говорят, есть в вотчине его старец по имени Сергей, святой и прозорливый. Он благословил его и вооружил против нас, да еще своих монахов дал ему в помощь». Услышав об этом, князь Олег Рязанский утрашился сердцем и расслабился мыслью, испугался бога и разгневался на бояр своих и сказал: «Зачем вы мне раньше сегодняшнего дня об этом не сказали? Я бы пошел и уговорил нечестивого царя, и он никакого зла не причинил бы Русской земле. Одурел я! Но не один я оскудел умом — Ольгерд умнее меня, но и тот просчитался. Но с меня бог больше взыщет, чем с него. Он живет по закону Петра Гугнивого.* А я же понимал православной веры законы, зачем же я так дурно сделал? Ведь это обо мне сказано: „Если раб не совершает или не соблюдает повеления господина своего, сильно бит будет“.* Теперь же, как, думаете, мне быть? Я бы присоединился к великому князю, сражался бы вместе с ним, но он не примет меня, потому что знает о моей измене. Если же я присоединюсь к царю, то поистине буду как древний гонитель православной веры Христовой. Как некогда Святополка,* земля меня живым поглотит. И не только княжения своего злополучно лишусь, но и вечной муки достоин буду. Если господь за них, то кто может против них злоумышлять? Да еще и молитва к богу прозорливого монаха! Даже если я никакой помощи не окажу ни тому, ни другому, все равно не быть мне независимым от них. Теперь же, кому господь поможет, тому и я присягну».

Ольгерд же, согласно данному обещанию, собрал много варягов и жмуди,* чтобы идти на помощь Мамаю царю. Пришел он под Одоев* и услышал, что Олег испугался идти на войну. Ольгерд же, придя под Одоев, дальше не двинулся, предался своим суетным помыслам и, увидев, что союз распался, стал метаться, и сердиться, и дергать своих приближенных: «Если недостает человеку своего ума и мудрости, напрасно требовать чужого ума и мудрости. Никогда не зависела Литва от Рязани. Олег Рязанский сбил меня с толку, а сам прежде меня пропал. Теперь я останусь здесь до тех пор, пока не услышу о победе князя Дмитрия Московского».

В то время услышал князь Андрей Ольгердович Полоцкий, что большая беда случилась у великого князя московского и у всех православных христиан от безбожного царя Мамаю. И сказал себе князь Андрей Ольгердович: «Отойдем мы от отца своего. Ведь отец наш нас ненавидит, но зато бог небесный любит. Приняли мы святое крещение от мачехи* нашей княгини Анны». Были они как доброплодные колосья, подавляемые тернием, и не могли плоды достойные принести. И послал князь Андрей грамотку брату своему князю Дмитрию, в ней написано было так: «Радуйся, брат мой милый, наш отец отверг нас, зато отец небесный принял нас к себе. И дал нам господь закон свой, чтобы мы ему следовали, и тем избавил нас от пустой суетности. Что же мы воздадим ему за такое дарование? Совершим, брат, подвиг во имя побуждающего

на добро Христа, главы христиан, пойдём на помощь великому князю Московскому. Великая беда ему грозит от поганых татар, а ещё и отец наш воюет вместе с ними, и Олег Рязанский приводит их на Русь. Нам подобает пророчество исполнить: „Братья, будьте помощники в бедах“.* Мы замыслили отцу воспротивиться. Евангелист Лука сказал слова Спасителя нашего: „Предадут родители детей своих и братья братьев на смерть, и умертвят их за имя мое. Претерпевший же до конца спасется“.* Выйдем, братья, из подавляющего нас терния и присадимся к истинному винограду плодовитому, возделанному по-христиански рукою Христа. Ныне же, брат, пойдём на подвиг не ради земного жития, но ради славы небесной. Это наше желание господь исполнит, как исполняет он желания творящих волю его».

Прочел князь Дмитрий грамоту и стал плакать от радости сердца своего и сказал: «Господи, владыко живота моего,* дай нам, рабам твоим, исполнить наше желание совершить добрый и почетный подвиг, которое ты открыл старшему моему брату». И написал он брату своему князю Андрею так: «Ныне, господин, мы готовы по твоему примеру, и все войско мое готово вместе со мною. По божьему промыслу соединилось много людей для войны с дунайскими варягами. А сейчас, брат, я вот что слышал — пришли ко мне скупщики меда из Северной земли* и говорят, что великий князь Дмитрий Московский на Дону, уже туда прибыл. Хочет там ждать злых сыроядцев. Следует тебе идти в Северскую землю; и мне предстоит путь в Северскую землю, там мы с тобой соединимся. Таким образом мы утаимся от отца своего, чтобы он не узнал и не помешал нам, а то будет трудно».

Через несколько дней сошлись, согласно желанию своему, два брата вместе с войсками своими в Северной земле и обрадовались они, как когда-то Иосиф с Вениамином.* Увидели они у себя великое множество людей и единокорное их настроение, как и подобает знаменитым ратникам. Поспешили они быстро к Дону и нашли великого князя на этой стороне Дона, на месте, называемом Березуй, где соединились многие великие князья.

Великий князь Дмитрий Иванович с братом своим Владимиром Андреевичем обрадовался весьма великой силе божьей: едва ли возможно быть такому происшествию, чтобы дети оставили отца и обманули его, как когда-то волхвы Ирода,* и пришли бы к нам на помощь. Великий князь многими дарами почтил их. И пошли они в путь, радуясь и прославляя духа святого и ни о чем земном не помышляя, от всего отказавшись, мечтая о будущем веке и желая головы свои сложить за веру христианскую. Ибо сказал им великий князь Дмитрий Иванович: «Братья мои милые, зачем вы пришли ко мне? Господь бог послал вас на этот путь. Воистину вы последователи праотца нашего Авраама, Исаака и Иакова,* постигая быстро Лотовы тайны,* и подобны вы доблестному великому князю Ярославу,* который отомстил за обиду брату своему».

Затем великий князь Дмитрий Иванович посылает вестника в Москву к преосвященному митрополиту Киприану, говоря: «Ольгердовичи при-

шли ко мне на помощь со многими силами, отца своего оставив с позором». Скоро вестники приехали к преосвященному митрополиту Киприану. Митрополит, встав пред образом, прослезился сильно, узнав о таком чуде, и стал молитву творить: «Господи владыко человеколюбче, враждебные нам ветры в тишину ты превращаешь!». И послал он все духовенство в обители святые и велел молитву ко вседержителю богу творить день и ночь. И прежде всего послал он в обитель игумена Сергия — ангелы послушают молитвы их. А великая княгиня Евдокия, узнав о таком великом милосердии божьем, многие молитвы к богу воссылала, много милостыни творила убогим. Сама же непрестанно ходила по святым божьим церквям день и ночь. Но оставим это, ведь не об этом идет речь.

Великий князь был в вышеназванном месте Березуе. Настал день четверг, сентября 5 день, память святого пророка Захарии и память убиения князя Бориса Владимировича,* их родственника, когда приехали двое из сторожевого отряда — Петр Горский и Карп Алексин и привезли знатного языка из вельмож царя. Язык тот показал великому князю: «Царь уже на Кузьмине гати.* Он не спеша идет, ибо ожидает Ольгерда Литовского и Олега Рязанского. Твоего же намерения он не знает и встречи с тобой не ждет; согласно написанным к нему грамотам Ольгерда, ждет его, а через три дня будет на Дону». Великий князь спросил его о численности войска. Тот сказал, что невозможно сосчитать войско его. Великий князь Дмитрий Иванович стал советоваться с братом своим и с новонареченной братией, с литовскими князьями, и сказал: «Здесь ли нам остаться или через Дон перейти?». И сказали ему Ольгердовичи: «Если хочешь крепкого боя, то вели сегодня же через реку переправляться — чтобы не было ни одного, замышляющего вернуться, каждый будет биться без коварства. А великой его силе не следует ни верить, ни страшиться ее — не в силе бог, а в правде. Ярослав перешел реку и Святополка победил, прадед твой Александр тоже перешел реку и короля победил.* И ты, призывая бога, так же поступай. Если поможет нам бог — побьем поганых, живы будем; если они нас победят — славную смерть примем все, от простых людей до князя. А тебе, государь, великий князь, следует оставить речи о смерти. Здесь надо иные речи говорить, чтобы укрепить войско твое. Мы же видим, какое множество наилучших витязей в твоём войске».

Великий князь велел воинам своим переправляться через реку. Сторожевые отряды торопят, говорят, что приближаются татары. Многие сыны русские радовались, предвидя свой добровольный подвиг, которого на Руси так жаждали.

За много дней до того пришло на то место множество волков, и все ночи они были непрестанно. Великая угроза в этом слышалась, но у храбрых воинов сердца укреплялись. Необычно много собралось воронов, немолкающе каркают они, и галицы свою речь говорят, и много орлов от устья Дона прилетели и грозно кричат, лисицы на кости брешут, ожидая дня грозного и богом изволенного, когда суждено пасть множе-

ству трупов человеческих и пролиться морю крови. От такого страха и от великой грозы деревья склоняются и трава постигается.

И многие с той и другой стороны унывают, видя перед очами смерть. Поганые стали постыдно омрачаться о погибели своей жизни, ведь память о нечестивых погибает с шумом.* Православные же люди еще больше расцвели, надеясь на исполнение обетования — прекрасный венец от Христа вседержителя, о котором говорил преподобный старец.

Вестники торопят, говорят, что приближаются поганые. Семь человек из сторожевого отряда неожиданно прибежали. В шестой час дня в субботу прибежал Семен Мелик со своей дружиной, а за ним гналось много татар. И так бесстыдно и нагло гнались, что до полков великого князя добежали. Увидев полки русские, возвратились к царю и сообщили ему: князья русские собрались на Дону со многим множеством людей; они столько видели, а царю сказали, что вчетверо больше того. А этот нечестивый, услышав об этом, распалился дьяволом еще больше, расщипав при мысли о поражении, закричал, испустил глас свой окаянный и сказал: «Так велика моя сила, что, если их не одолею, как могу воротиться назад?». И повелел скорее вооружаться.

А Семен Мелик поведал великому князю: «Уже царь идет через Гусин брод,* только одна ночь между их и нашими полками, рано утром царь будет на Непрядве-реке.* Тебе, великий князь, следует сегодня же вооружаться, ибо рано утром подоспеют татары». Великий князь Дмитрий Иванович с братом своим князем Владимиром Андреевичем и с новонареченными братьями литовскими князьями Ольгердовичами с шестого часа начали полки строить. Был среди них один воевода, пришедший с литовскими князьями, по имени Дмитрий Боброк,* родом из Волынской земли. Это был знаменитый воевода и полководец, и он очень хорошо по достоинству построил полки, где кому стоять подобает по достоинству.

Великий князь, взяв брата своего князя Владимира, и литовских князей, и воевод, и всех местных князей, выехал на высокое место, и посмотрел на полки свои, увидел образ Спасителя, изображенный на христианских знаменах, как будто светильники какие-то солнечные светились. Шумят развернутые знамена, развевающиеся, как облака, тихо трепещут, как будто хотят говорить. У русских богатырей хоругви как живые развеваются, а доспехи русских воинов как вода при ветре колеблются, а шеломы на головах их золотом украшены, как утренняя заря в солнечную ясную погоду, а яловцы* их шеломов, как огненный пламень, пышут.

Впечатляющее и ужасное зрелище — такое собрание удалых русских князей и детей боярских и их построение! Все одинаково единодушно готовы друг за друга умереть, и единогласно говорили они: «Все-святый господи, посмотри на нас, даруй православному нашему великому князю победу над погаными, как Константину* покорил ты его врага Максентия, а Давиду — Голиафа».* Удивились литовские князья, говорили друг другу: «Нет более достойного воинства ни при нас, ни до нас,

ни после нас не будет. Как Гедеоновых всадников,* и даже более того, господь их силою своею вооружил».

Великий князь Дмитрий Иванович, увидев, что полки его подобающим образом вооружены, развеселился сердцем и, сойдя с коня, упал на колени перед великим полком и перед черным знаменем,* на котором изображен образ владыки нашего Иисуса Христа, и начал из глубины сердца взывать: «О владыко вседержитель, посмотри всевидящим оком на людей твоих, которые твоею рукою сотворены и твоею кровью искуплены; ты освободил нас от рабства у дьявола. Услышь, господи, молитвы наши и обрати лице свое с яростью на нечестивых, которые причиняют зло рабам твоим. Молюсь образу твоему святому, и пречистой твоей матери, и твердому и неборимому молитвеннику о нас к тебе, русскому святителю Петру митрополиту. На его молитву надеюсь, молю и призываю имя твое святое». Кончив молитву, снова сел он на коня и стал по полкам ездить и каждому полку говорить своими устами: «Братья мои! Русские удалцы от мала до велика! Уже ночь настала, и день грозный приблизился. В эту ночь молитесь, мужайтесь и крепитесь. Господь силен в битве. Будьте каждый на своем месте, не нарушайте порядка. Утром нам не успеть построиться, ведь гости наши уже близко. Выпьем общую чашу на реке Непрядве. Это будет та самая чаша, передаваемая из рук в руки, которой мы, друзья мои, так жаждали еще на родине. Будем уповать на бога живого, и мир да будет вам, братья мои! Утром, когда татары подоспеют, мы будем готовы встретить их».

Брата своего князя Владимира великий князь отправил вверх по Дону в дубраву, чтобы спрятать в отдалении полк, и дал ему достойных витязей от двора своего. И отпустил с ним знаменитого того воеводу Дмитрия Боброка Волынца.

Уже настала ночь накануне светносного дня Рождества пресвятой богородицы. Хотя осень обычно бывает дождливой, в ту ночь была тишина и тепло, как в летние дни, и росистые туманы появились. Истинно сказано: «Ночь несветла неверным, а верным светла».* И сообщил Дмитрий Волынец великому князю приметку воинскую. Ведь заря вечерняя уже угасла. Дмитрий сел на коня и, взяв с собой только великого князя, выехал на поле Куликово. Став посреди обоих полков, повернулся к татарскому полку. Услышал он стук великий и клики, как будто начинается торг, или будто город строят, или будто трубы трубят. А сзади полков татарских волки воют очень грозно. А по правой стороне вороны и галки непрестанно кричат, и переполох в птицах: они перелетали с места на место, как будто горы тряслись. А напротив, на реке Непрядве, гуси, лебеди и утки крыльями необычно плещут, грозные предзнаменования являют. И сказал Волынец великому князю: «Что ты слышал, господин?». И сказал великий князь: «Слышал я, брат, сильную грозу». И сказал Волынец: «Повернись, князь, к русским полкам». Когда он обернулся, была великая тишина. И сказал Волынец великому князю: «Что ты, господин, слышал?». Он же сказал: «Ничего не слышал, только видел, что от множества огней занимают зори». И сказал Во-

лынец: «Господин князь, это хорошие приметы и знамения. Призывай бога небесного и не оскудевай верой». И снова сказал он: «Есть у меня еще примета». И, сойдя с коня, упал он на землю, на правое ухо, и лежал долго. И встал, и вдруг поник. И сказал великий князь: «Что это за примета, брат?». Он же не захотел сказать ему. Великий князь очень принуждал его. И он сказал: «Одна примета у меня тебе на пользу, а другая — скорбная. Слышал я, что земля плачет двояким образом: одна сторона земли, как некая женщина, оплакивала детей своих татарским голосом, а другая сторона, как некая девица, как свирель, свистела плачевным и одиноким голосом. Я много таких примет испытал, и поэтому надеюсь на вседержителя бога и на святых мучеников Бориса и Глеба. Я предвижу победу над погаными, но христиан много погибнет». Услышав это, великий князь заплакал и сказал: «Да будет воля господня». И сказал Волынец великому князю: «Не следует тебе, государь, никому в полку об этом говорить, вели им бога молить и святых на помощь призывать. Садясь на коня, пусть каждый крестом вооружается: это и есть оружие против врага».

В ту же ночь некий человек, разбойник, по имени Фома Хаберцыев,* был поставлен великим князем в охранение на реке; человек он был простой, а поставлен был в сторожевой отряд от татар. Этому человеку, чтобы он поверил в чудо архистратига Михаила,* бог открыл видение в ту ночь. Он увидел на высоте огромное облако, которое двигалось с востока, а из него вышли два светлых юноши,* держащие в руках острые мечи, и сказали они полководцам татарским: «Кто велел вам губить отечество наше, которое нам господь даровал?». И стали их рубить, и ни один из них не спасся. И с тех пор тот человек стал веровать и сделался целомудренным и христоролюбивым. Наутро он поведал об этом только великому князю. И тот сказал: «Никому не говори об этом». А сам, воздев руки к небесам, стал плакать и говорить: «Господи владыко человеколюбец! По молитвам святых мучеников Бориса и Глеба помоги мне, как ты помог Моисею на Амалика,* и Давиду на Голиафа, и прадеду моему князю Александру на короля шведского,* похвалявшегося разорить отечество наше. Ныне же, господи не по грехам моим воздай мне, но излей на нас милость твою и просвети нас благоутробием твоим. Не дай нас на посмеяние врагам нашим, да не порадутся враги наши на нас, да не скажут в странах иноверных: „Где он, бог их, на которого они надеялись?“.* Помоги, господи, христианам, призывающим имя твое святое!».

И вот настал великий праздник, начальный день спасения рода христианского, Рождество пресвятой богородицы, т. е. сентября 8 день. На рассвете дня воскресного, когда всходило солнце, был туман в то утро, развернулись флаги христианские, затрубили многочисленные трубы. Кони всех князей и воевод и всех удалых людей замерли от звука трубы. Каждый шел под своим знаменем. И все полки построились, как велел им Дмитрий Волынец. Когда настал первый час дня, с обеих сторон слышались звуки труб. Но татарские трубы вдруг замолкли, а рус-

ские зазвучали еще громче. А полки друг друга не видят из-за тумана. И всюду земля гремит, грозу передает с востока до моря и на запад до Дуная. А поле Куликово как бы прогибается, затряслись луга и болота, реки и озера из берегов вышли — ведь никогда еще не бывало столько полков на месте том.

А великий князь, пересаживаясь с одного борзого коня на другого, ездил по полкам своим и говорил со слезами: «Отцы и братья, идите на подвиг ради господа, за веру христианскую! Эта смерть — не смерть, а вечная жизнь. Не желайте, братья, ничего земного, не помышляйте о богатстве, чтобы не совратиться на себялюбие, — чтобы Христос, наш бог и Спаситель, увенчал нас победными венцами!». И укрепил он речью своей полки русские. Исполнив это, пришел он под свое черное знамя, и сошел с коня, и сел на другого коня, и снял с себя царскую одежду, и в другую облачился. А коня своего отдал Михаилу Андреевичу Бренку,* которого он безмерно любил, и одежду царскую на него надел, и то знамя велел рынде своему возить перед ним. Под этим знаменем и был убит Михаил Андреевич за великого князя.

Великий князь Дмитрий Иванович стал на месте своем, воздев руки к небесам, потом сунул руку свою за пазуху, где был у него живоносный крест, на котором изображены страсти Христовы,* и заплакал горько и сказал: «На тебя только надеюсь, живоносное древо!* Честный крест! Таким образом явился ты православному греческому царю Константину* и дал ему победу в битве с нечестивыми, твоим всеильным образом победил он их, ведь не могут обрезанные против твоего образа устоять. И ныне покажи, господи, милость свою на рабах своих», — так он говорил.

В то время пришли посланные от преподобного игумена Сергия с письмом. В нем было написано так: «Великому князю Дмитрию, всем русским князьям и всем православным христианам мир и благословение». Великий князь, услышав, что от преподобного старца послание принесено, принял послание, а посланника приветствовал любовно и тем посланием, как некими бронями твердыми, укрепился. Посланный же подал ему дар от игумена Сергия — богородичную просфору.* Великий князь съел тот хлеб святой, простер руки свои к небесам и воскликнул громким голосом: «О великое имя святой троицы! Пресвятая госпожа богородица, помоги нам молитвами твоими и молитвами преподобного игумена Сергия!».

И сел великий князь на коня своего, крепко держа его в руках, и взял палицу свою железную, и выехал из полка; желал он сам начать — от горести душевной и за свою обиду. Многие князья русские и воеводы удерживали его, не пускали его, говоря: «Не следует тебе, государь, великий князь, в нашем полку быть, тебе надлежит в своем полку стоять и за нами наблюдать, — а то перед кем нам показать, как мы бьемся. Если бог, по милости своей, тебя, государя, великого князя, спасет (а нам как бог судит — кому смерть, кому жизнь), — как же ты сможешь узнать, кого из нас почтить и пожаловать? Мы готовы ныне

головы свои сложить за тебя, государя, великого князя. А тебе, государь, следует увековечить тех, кто за тебя, государя, головы свои сложит, и в книги соборные записать их для памяти, для сынов русских, которые после нас будут, как царь Олентий* увековечил память Феодора Тирона.* Если тебя одного убьют, то можем ли мы рассчитывать, что нас не забудут? Если мы все живы будем, а ты один погибнешь, — что за успех нам будет? Мы будем как стадо овец без пастыря, побредем мы, ничего не видя, и пришедшие волки разгонят нас, и кто сможет собрать нас? Государь, тебе надлежит спасти себя и нас». Великий князь прослезился и сказал им: «Братья мои милые, хороши ваши речи, я не могу возразить, правильно вы говорите, и ваши речи делают вам честь. Но знаете и понимаете, братья мои, мучение страстотерпца Христова Арефы,* который был замучен Иустинианом, царем омиритским.* Через много дней царь велел вывести его на площадь и отсечь ему голову. Доблестные воины этого сильного воеводы друг перед другом спешат на смерть, преклоняют головы свои под меч и видят уже конец своей жизни. А тот сильный воевода Арефа запретил это своему войску и сказал: «Послушайте, братья мои, вернитесь, ведь я у земного царя был выше вас и дары прежде вас получал. А теперь прежде вас подобает мне увидеть царя небесного и венец от него принять. Прежде ваших моей голове положено быть отсеченной». И подошел воин, и отсек ему голову, а после и пятьсот воинов казнены были. Так и теперь, братья, кто выше меня среди русских князей? Я был вам глава и блага от бога получил. Разве я не могу теперь перенести испытание? Из-за меня одного началось нашествие на Русь. Как же я могу видеть, как вас убивают, а сам стоять и смотреть? И всего прочего я не вынесу. Нет, я хочу общую с вами чашу испить и общей с вами смертью хочу умереть. Если умру — вместе с вами. А сейчас останемся, и потянемся за передовым полком, выступившим впереди нас».

А передовой полк ведет Дмитрий Всеволож, а справа от него идет Микула Васильевич с коломенцами и со многими другими. А у татар оба полка бредут вместе, им негде разойтись, мало места. А безбожный царь Мамай выехал на высокое место с своими князьями-темниками, глядя на кровопролитие человеческое.

Уже полки близко сошлись. И выехал из полка татарского один печенег, похваляясь своим мужеством и храбростью, подобный древнему Голиафу. Увидел его чернец Пересвет, который был в полку Дмитрия Всеволожа, выехал из полка и сказал: «Этот человек ищет подобного себе. Я хочу с ним встретиться!». Был на нем шелом архангельского образа* — он был схимой вооружен по повелению игумена Сергия, и сказал он: «Отцы и братья, простите меня, грешного! Брат Ослябя, моли бога за меня, поддержи меня против этого печенега! Преподобный отче Сергей, помоги мне молитвой твоею!». И устремился он на врага своего. Христиане все воскликнули: «Боже, помоги рабу своему!». И они крепко ударились копьями, и земля едва-едва не проломилась под ними,

а кони их окарачили. Они же оба упали на землю и тут же скончались.

И вот настал второй час дня. Увидел это великий князь и сказал своим полководцам: «Видите, братья, гости наши приближаются к нам, будет тут нам наша круговая чаша, из которой мы все выпили и веселы. Уже время надлежащее настало, час пришел». И ударил каждый по коню своему, и крикнули все единогласно: «С нами бог!». И опять сказали: «Боже христианский, помоги нам!». А татары на своем языке восклицали.

И сошлись жестоко, треснули копья харалужные, звенят доспехи золоченые, стучат щиты червленые, гремят мечи булатные, блещут и сабли булатные. А многие не только оружием побиты, но друг друга давят, и под конскими ногами умирают, и от великой тесноты задыхаются, потому что невозможно им было вместиться на поле Куликовом между Доном и Мечей, тесно им было на том поле, ибо сильные полки соступились, а из них вытекают кровавые реки. И трепетали молнии от блистания мечей и сабель булатных, и был будто гром от ломания копий. Ужасно и страшно было видеть этот грозный час смертный — в один этот час в мгновение ока столько тысяч человек погибает, созданий божиих! Ибо воля господня совершается. В то время реки в тех местах помутнели, затряслись болота и луга, и озера из берегов вышли, затоптались холмы высокие, а траву подмыло потоками крови, льющейся как потоки речные во все стороны. И до пятого часа бились, не ослабевая, христиане с татарами.

Когда настал шестой час, по божьему попущению за наши грехи стали одолевать татары. Многие из русских вельмож уже погибли. Удальцы русские, как сильные деревья, сломались. То не туры ревут — то русские удальцы врыты в землю конскими копытами, многие сыновья русские погибли. И самого великого князя ранили. И он склонился с коня и выехал с побоища еле-еле, он не мог уже биться. А татары многие знамена великие подсекли, но божьей помощью не до конца были истреблены русские, но более укрепились.

Слышали мы свидетельство верного очевидца, который был в полку князя Владимира Андреевича: он поведал великому князю видение такое: «В шестой час этого дня видел я, что небо над вами разверзлось и вышла багряная заря и низко держалась над вами. И это облако было наполнено рук человеческих, а каждая рука держала или венцы, или потиры,* или свитки пророческих изречений и иные дары неведомые. Когда настал шестой час, многие венцы от этого облака опустились на полки русские».

Когда шестой час прошел, татары обступили христиан со всех сторон. И уже мало полков христианских, но все полки татарские. Увидел это князь Владимир Андреевич, не мог терпеть такую беду, сказал Дмитрию Волынцу: «Брат Дмитрий, что пользы от нашего стояния и кому мы теперь поможем?». И сказал Дмитрий Волынец: «Беда велика, княже, но еще время не пришло. Начинаящий не вовремя получает

беду. Потерпим еще, помучаемся до времени подходящего, до того часа, когда воздадим воздарение нашим противникам. А сейчас только бога призывайте и ждите восьмого часа, ибо тогда будет с нами благодать божья и помощь христианам». Князь Владимир Андреевич, воздев руки к небесам, сказал: «Боже отцов наших, сотворивший небо и землю, перед нами враги наши, они причиняют нам вред. Не дай, господи, врагу нашему злорадствовать над нами. Мало накажи, много помилуй, господи, ибо ты милостив!». Сыны русские в полку его плакали, видя, как погибают их друзья, непрестанно рвались они, как приглашенные на свадьбу сладкого вина пить. И один видел, как убивают отца, а другой — брата, а третий видит детей своих погибающих. Хорошо бы теперь старому помолодеть, а молодому храбрость свою испытать. И не перестают войны русские плакать и рваться в бой. А Волынец не разрешает им, говоря: «Подождите, буйные сыны русские. Будет вам с кем утешиться, есть еще с кем пить и веселиться!». Когда настал восьмой час, внезапно потянул южный ветер сзади. И воскликнул Волынец громким голосом: «Князь Владимир, час настал и время пришло!». И еще сказал он: «Смелее, братья и друзья, сила святого духа помогает нам!». И выехали из дубравы единомысленные друзья, как соколы обученные ударили на стаю журавлей. А стяги их направлены крепким воеводой. Были они как отроки Давидовы, и сердца у них будто львиные, и были они подобны волкам, нападающим на стадо овец. И ударили они внезапно.

Поганые, увидев это, закричали: «Увы нам, русские нас перехитрили: худшие с нами бились, а лучшие сохранены». И обратились в бегство поганые, и показали спины. Сыны русские силою святого духа и помощью святых мучеников Бориса и Глеба как лес валили поганых, и те, как трава под косой, ложились. Русскими мечами иссечены татарские полки. Бегут татары, говоря своим языком: «Увы тебе, прославленный Мамай! Высоко ты вознесся, до ада сошел». Многие наши раненые помогали, и секли их без милости, и ни один из них не мог убежать, потому что кони их во время побоища истомились.

Царь Мамай, увидев новых людей, выехавших из дубравы, и своих, так неожиданно побиваемых, стал призывать богов своих: Перуна, Салмана, Раклия, Руса* и великого своего помощника Магомета.* И не было ему никакой помощи от них, потому что сила святого духа как огнем пожигает. Татарские полки русскими мечами изрублены. И сказал царь Мамай алпаутам своим: «Бежим, братья, ничего хорошего я не жду, хоть головы свои унесем». И побежал он с четырьмя мужами.

Многие из христиан гнались за ними далеко, но кони их не выдержали, потому что под теми были кони свежие, не бывшие в бою. Гнались русские удалцы, пока всех татар не настигли, и вернулись. И нашли трупы татар на той стороне реки Непрядвы, где русские полки не были. Они были убиты святыми мучениками Борисом и Глебом, о которых рассказал Фома Берцыев, когда стоял в сторожевом отряде. Возвращаясь с побоища, собирались сыны русские каждый под свое знамя.

Князь Владимир Андреевич стал на поле битвы под черным знаменем. Не нашел он брата своего, великого князя Дмитрия Ивановича, только нашел одних литовских князей. И велел князь Владимир трубить в сборную трубу. И трубили два часа, но великий князь не нашелся. И стал князь Владимир плакать и кричать, и по полкам ездил сам, и не нашел брата своего, великого князя Дмитрия, и стал спрашивать: «Кто, братья, видел или слышал про государя нашего великого князя Дмитрия Ивановича, когда и где он был? Сейчас мы в таком положении, о котором сказано: „Поражу пастыря и разбредутся овцы“.* Кому принадлежит честь, кто в победе этой победителем явится?». И сказали литовские князья: «Мы думаем, что он жив, только сильно ранен и может быть среди трупов». А другие сказали: «Видели его в пятый час, и он крепко бился». А другой сказал: «А я видел его еще позднее того в битве, четыре татарина наседали на него». А один юрьевский юноша, князь Стефан Новосильский,* тут стоял и сказал: «Я видел его незадолго до твоего приезда, пешком шел он по побоищу и был сильно ранен, и преследовали его четыре татарина. И я бился с татаринном, и с божьей помощью побил его скоро, и погнался за теми, которые так досаждали великому князю, но не мог догнать их, конь мой не мог быстро идти по трупам человеческим. Едва я догнал татарина и убил, вслед за ним напали на меня еще трое и здорово мне досаждали. По милости божьей, я от них отбил, третий побежал. Я гнался и за тем. Увидев это, иные татары напали на меня, и мне от них порядком досталось, много ран они мне нанесли, плохо мне пришлось, я едва спасся, упал с коня и был среди мертвых, пока ты не появился. Я думаю, что жив великий князь, но среди мертвых». И сказал князь Владимир: «Ты прав, Стефан».

И просил князь Владимир Андреевич искать великого князя, говоря: «Если кто найдет теперь великого князя, будут ему великие почести». Дружинники с усердием рассыпались по огромному грозному побоищу, искали победителя. Одни нашли Михаила Андреевича Бренка, думая, что это великий князь, а другие нашли князя Феодора Семеновича Белозерского, думая, что это великий князь, так он был на него похож.

А два некие воина, славные витязи, отклонились в правую сторону в дубраву. Одного звали Сабур,* а другого — Григорий Холопишев,* родом оба костромичи. Немного отъехав с побоища, нашли они великого князя, избитого и иссеченного сильно, лежащего под срубленным деревом, под березой. Увидев его, они сошли с коней и поклонились ему радостно. Сабур поспешил воротиться и сообщил князю Владимиру Андреевичу, что великий князь Дмитрий Иванович жив. И все князья и бояре быстро к нему бросились, соскочили с коней и поклонились великому князю, говоря: «Ты наш древний Ярослав, новый Александр,* победитель врагов своих! Тебе, государь, честь этой победы воздается». Великий же князь с трудом едва проговорил: «Расскажите мне о победе». И сказал брат его князь Владимир Андреевич: «По милости божьей, и по молитвам божьей матери, и сугубыми молитвами родственников на-

ших, святых мучеников Бориса и Глеба, и молением русского святителя Петра митрополита, и его помощника, нашего вооружителя игумена Сергия, и всех святых молитвами враги наши побеждены, и мы спасены».

Услышав это, великий князь встал на ноги и произнес псалом — «Песнь обновления дому Давидову»: «Вечером водворится плач, а завтра радость».* И снова сказал он: «Восхваляю тебя, господи, боже мой, почитаю имя твое святое, ибо ты не дал нас на посмеяние врагам нашим, не дал восторжествовать чужому народу, который на меня такое замыслил». И сказал псалом седьмой: «Суди, господи, меня по правде моей и незлобивости». И из семидесятого псалма: «Я всегда уповаю на тебя и всякую хвалу тебе вложу в уста свои».

И привели великому князю смиренного коня. И сел он на этого коня, и выехал на побоище, и увидел многое множество перебитого своего войска. А татар было перебито в четыре раза больше. И обратился он к Волинцу и сказал ему: «Брат Дмитрий, ты истинно мудр, приметы твои правильные, тебе следует быть всегда воеводою».

И начал он с братом своим и с новонареченными братьями, литовскими князьями, и со всеми другими, оставшимися в живых, ездить по побоищу, из глубины сердца восклицая и обливаясь слезами. Подъехал он к тому месту, где лежали князья белозерские, все вместе зарубленные; они отважно бились и друг за друга умерли. Вот имена их:* князь Федор Романович Белозерский и сын его, князь Иван, князь Федор Торусский, брат его, князь Мстислав, князь Дмитрий Александрович Монастырев, Тимофей Васильевич окольный, Семен Михайлович, Василий Порфирьевич, Михайло Каргаша Иванович, Иван Александрович, Андрей Серкиз, Волуй Окатьевич, Дмитрий Мичень, Александр Пересвет, Григорий Ослябя. Тут же рядом лежит Микула Васильевич. Над ним стал государь, и одарил его дарами своей любви, и стал плакать и говорить: «Братья мои милые, князья русские, если имеете дерзновение ко господу, молитесь о нас. Я знаю, что бог послушает вас. И еще молитесь, чтобы нам быть вместе с вами».

И приехал он на другое место, и нашел наперсника своего Михаила Андреевича Бренка, а около него лежал Семен Мелик, надежный страж, а около них Тимофей Волуевич убит был. Над ними встав, великий князь плакал и говорил: «Братья мои возлюбленные, вы убиты за сходство со мной. Брат Михаил, кто еще такой раб, который мог бы так служить своему государю, как ты, — ведь ты за меня сам на смерть пошел! Только в полку царя Дария был такой, который так же поступил». И Мелику он сказал: «Крепкий мой сторож, твоей стражей мы все охранены».

И на другое место он приехал, и увидел Пересвета чернеца, лежащего рядом со знаменитым богатырем, и сказал: «Видите, братья, того, кто начал нашу победу. Он победил подобного себе человека, от которого многим пришлось бы испить горькую чашу». И еще он увидел знаменитого воина Григория Капустина.

Встал великий князь на месте своем и повелел трубить сбор. Храбрые друзья, достойные витязи, испытавшие оружие свое о сынов измайльтянских, со всех сторон шли на звук трубы, ликуя, и пели они песни — одни богородичные, другие — мученические и иные духовные песнопения.

Когда все собрались, великий князь Дмитрий Иванович, став посреди них и плача от радости сердца своего, сказал: «Братья, князья русские и воеводы, поместные князья, сыны Русской земли! Вам подобает так служить, а мне надлежит по заслугам вас наградить. Если господь сохранит меня и я буду на своем престоле, на великом княжении, тогда я по достоинству одарю вас. А сейчас нужно вот что сделать: каждому нужно ближнего своего похоронить, чтобы не были в пищу зверям тела христиан».

И стоял князь великий за Доном восемь дней, пока разобрали тела христианские от татарских. Христиан похоронили, скольких успели. А тела нечестивых были брошены на съедение и расхищение зверям.

А поганый окаянный царь Мамай побежал в Орду, собрал большое войско и решил снова идти на Русь. Но на него пошел войной царь по имени Тохтамыш* из Синей Орды, весьма сильный, и учинил он великую битву с Мамаем, грозное побоище, и победил Тохтамыш Мамаю, и войско Мамаю разбил. Мамай обратился в бегство и добежал до моря, где стоял город Кафа.* Имя свое он утаил, но был опознан одним фряжским купцом и был убит им. Так он окончил окаянную жизнь свою. А Тохтамыш воцарился в Орде.

Великий князь Дмитрий Иванович сказал князьям и воеводам: «Братья мои милые, князья русские и воеводы поместные, сосчитайте, скольких князей и воевод у нас нет и младших воинов». И сказал московский боярин Михайло Александрович: «Государь Дмитрий Иванович, у нас нет сорока больших бояр московских, да двенадцати князей белозерских, да тридцати бояр и посадников новгородских, да четырнадцать бояр серпуховских, да четырнадцать бояр переславских, да двадцати пяти бояр костромских, да тридцати пяти бояр владимирских, да сорока бояр муромских, да пятидесяти бояр суздальских, да тридцати трех бояр ростовских, да двадцати двух бояр дмитровских, да пятидесяти бояр угличских. А погибло, государь, у нас дружины двести пятьдесят тысяч. Слава госуду богу, что помиловал он тебя, государь, великого князя и всю Русскую землю. А осталось, государь, 50 тысяч».

И сказал великий князь Дмитрий Иванович: «Братья, князья русские, и воеводы поместные, и бояре сильные, и все удалые сыны русские! Вы еще на Руси такое слово между собою сказали, чтобы служить верно и головы свои за веру святую русскую сложить. И вот пришлось, братья, найти вам это место суженое за тихим Доном, за быстрым Днепром, на поле Куликовом, на реке Непрядве — положили головы свои за веру христианскую, и за святые божии церкви, и за землю Русскую. Простите меня, братья мои, и благословите в этом веке и в будущем».

И возвратился великий князь Дмитрий Иванович с победой и пошел к городу своему Москве с братом своим, с князем Владимиром Андреевичем, и с оставшимися воинами. А литовским князьям воздал он честь и дары великие. И пошли они по своим городам и вотчинам. А русские удалыцы торжествовали с богатой добычей и пошли в свою землю, взяв коней, волов, верблюдов, меда, и вина, и сахар. Пронеслась слава над землей языческой, режут рога великого князя по всем землям, пошла весть по всем городам — к Орначу,* Риму, Кафе, к Железным Воротам* и к Царьграду* — похвала великому князю.

Воздадим же хвалу Русской земле! Град Москва — всем глава. Владимир и Ростов славу богу воздают, по всем городам прославляют милость божью.

А когда шел великий князь обратно, рязанцы ему неприятность причинили — мосты на реках разрушили. Великий князь хотел на князя Олега рать послать.

Услышали Ольгерд Литовский и Олег Рязанский, что великий князь Дмитрий Иванович победил своих врагов, князь Олег Рязанский сбежал из Рязани на большой остров с княгинею своею и с боярами. Рязанцы же били челом великому князю. И так Олег Рязанский прожил два года, а потом обратился с грамотой к великому князю Дмитрию Ивановичу. А Ольгерд Литовский, хотевший Москвой владеть, вернулся с позором домой и не только Москвы не получил, но и своей вотчины лишился.

Великий князь Дмитрий Иванович с братом своим, с князем Владимиром Андреевичем, и с оставшимися князьями и воеводами и воинством пришел к Москве, слава богу, здоровым. И встретили их архимандриты и игумены и протопопы и весь священнический и иноческий чин с крестами и чудотворными иконами. Потом князья и бояре и весь народ, также и великая княгиня Евдокия со своими детьми и прочие княгини и боярыни, все единогласно восхвалили бога, избавившего их от страшного нашествия Мамаю, а великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Владимиру Андреевичу честь воздали как победителям, а также и прочим князьям и боярам, и всему войску честь воздали по достоинству. Великий князь Дмитрий Иванович пришел в Москву в год 6889 октября в 3 день и войско свое распустил по домам.

В тот же год Пимен* был поставлен митрополитом и пришел в Москву.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Д. С. Лихачев

МИРОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ КУЛИКОВСКОЙ ПОБЕДЫ

Победа объединенных сил русских княжеств под предводительством московского великого князя Дмитрия Ивановича 8 сентября 1380 г. имела огромное значение для всего южного и восточного славянства; больше того — для всех народов Восточной Европы. Она произошла в момент наибольшего натиска на все славянство Османского государства, с одной стороны, и Золотой Орды — с другой.

15 июля 1389 г. войско сербского князя Лазаря потерпело страшное поражение на Косовом поле. Несмотря на мужественное сопротивление, Сербия превратилась в вассала Турции. В 1393 г. Турецкая империя уничтожила болгарское Тырновское царство, а в 1396 г. — Видинское. И это произошло в тот период, когда и Сербия, и Болгария переживали огромный культурный подъем, когда искусство обогащалось новыми предвозрожденческими принципами, а в литературе появилась и расцвела Тырновская литературная школа.

К счастью для Руси и для южнославянской культуры, в течение всей середины и второй половины XIV в. Русь явилась хранительницей письменного наследия славянства, и здесь, на Руси, происходил аналогичный подъем культуры, что и в южнославянских странах. На Руси рука об руку с русскими книжниками, с русскими зодчими и живописцами в это время работают болгарские, сербские и византийские мастера. На Русь устремляются спасающиеся от османского ига книжники, художники, переносятся книжные богатства, формируется не только русское национальное самосознание, но и сознание славянской общности.

Куликовская победа пришла на гребне этого культурного подъема и сама явилась новым толчком к дальнейшему росту культуры и национального самосознания.

Как же развивались события?

Ханская власть на Руси не была властью одной какой-либо национальности. В начале XIII в. государство Чингисхана, а потом Батые, покорившее себе Русь, образовалось еще до того, как в его пределах появились нации и национальности. Это было объединение различных племен, связанных между собой общностью военных интересов, стремлением захватить добычу, получать дань с покоренных народов.

Когда «татары», как называли их русские летописи и былины, появились на границах Руси, летописцы правильно писали: «Никто их хорошо не знает: кто они такие, откуда они пришли, что они за народ и какого они племени», а затем с сомнением передавали на этот счет различные слухи.

Завоеватели, пришедшие в XIII в. с Батыем, постепенно растворились в Кыпчакской степной среде, да и впоследствии войско ханов было многоплеменным и колеблющимся в своем составе. Хань мобилизовали в свое войско жителей покоренных ими стран.

С установлением чужеземного ига началось отставание и социального и культурного развития Руси. Это и понятно: люди думали по преимуществу о самосохранении. Летописец пишет, что даже «хлеб не шел в рот от страха».

Отставание от нормального развития охватило не только покоренных, но и самих покорителей. Их развитие не могло происходить нормально. Чужое, награбленное и даровое богатство не шло впрок. Оно не стимулировало труда — подлинную основу социального и культурного движения вперед. Характерно, что перед своим походом на Русь, приведшим к его полному поражению на Куликовом поле, хан Мамай самонадеянно разослал приказ по улусам не сеять хлеб: «будем, мол, осенью на русских хлебах».

Поэтому свержение ига было необходимо для народов всей Восточной Европы, а для народов Южной Европы оно знаменовало собой общую надежду на грядущее освобождение из-под «ига ущербной луны».

Куликовская победа не означала полного уничтожения ига, но, как мы увидим, привела к резкому перелому в самом характере золотоордынского властвования на Руси и сделала несомненным для всех грядущее полное освобождение от национального порабощения.

Ханская власть стремилась разделять и властвовать, натравливать русских князей друг на друга. Однако Москва вопреки намерениям Орды постепенно становилась объединяющим центром Руси. Этому способствовали многие условия: и удачное расположение Москвы на скрещении торговых дорог в некотором удалении от Золотой Орды, и политическая энергия и дипломатическая изворотливость московских князей. Некоторое время роль объединителя Руси колебалась между Москвой и Тверью, но в конце концов Москва вышла победительницей. Она стала центром складывающейся великорусской народности.

Орда в это время обладала огромными пространствами и неисчислимыми людскими ресурсами. Она владела и Крымом на юге, и устьем Сырдарьи на востоке. Но, как и всякое военное государство, она не имела надежной экономической основы и не была национально единой. В середине и второй половине XIV в. Орда сама раздиралась внутренними усобицами. То, в чем она видела надежный залог своего владычества на Руси — отсутствие политического единства, это-то и поразило ее саму.

В 1378 г. русские победили ордынцев во главе с Мамаем на реке Воже. Это была первая крупная, но еще не решающая победа Руси. Хан Мамай, которому удалось захватить власть в Орде, стал готовиться к огромному походу на Москву, стремясь получить подавляющий численный перевес над русскими. В войско он включил различные племена и нанял многочисленных наемников, включая опытных в военном деле генуэзцев из Крыма. Кроме того, он готовил свой поход дипломатически, пытаясь изолировать Москву и привлечь на свою сторону Литву и слабую, постоянно подвергавшуюся разорению пограничную Рязань.

Но Мамаю не удалось сохранить своих приготовлений в тайне. Дмитрий Московский стал готовиться к войне заранее и начал спешно собирать свои войска, как только осенью 1380 г. огромное войско Мамаю появилось на реке Воронеже.

Дмитрию важна была не только армия, но и поддержка простого народа Руси: крестьянства, ремесленников, торговцев. И вот тут он пошел на очень решительный шаг.

В пределах Московского княжества существовал бедный монастырь, основанный Сергием Радонежским во имя Троицы — древнерусского символа единения и готовности к самопожертвованию.

Основатель монастыря Сергей считал бедность и труд основными монашескими подвигами. Сам он одевался так бедно, что приходившие к нему не могли поверить, что перед ними прославленный игумен, по одному слову которого закрылись все церкви в Нижегородском княжестве, когда нижегородский князь осмелился послушаться Москвы. Сергей сам строил кельи для своих монахов, таскал в гору воду для монастыря, шил бедную монашескую одежду и копал огороды. Именно благодаря своему трудовому образу жизни и искусству в работе простых крестьян и ремесленников, он пользовался громадным нравственным авторитетом среди населения Руси. Дмитрий не вызвал Сергия в Москву, а сам пришел к нему за благословением перед походом, и Сергей дал ему двух монахов. Разумеется, вряд ли два монаха могли как-то «физически» усилить русское войско в битве, в которой принимали участие стотысячные армии, но морально эти два воина в монашеских одеждах имели громадное значение в условиях средневекового главенства церкви в духовной жизни. Дело в том, что монахи не могли сражаться и носить оружие, быть воинами. То, что в войске Дмитрия появились ратники монахи, означало, что война с чужеземными завоевателями — священное дело, общий долг всех русских людей.

С войсками Дмитрия двинулись и народные ополчения.

Перед решительным сражением московский великий князь Дмитрий устроил в месте сбора — в Коломне — смотр русскому войску. Смотр этот также должен был поднять дух русского войска, помочь русским воинам осознать свою многочисленность и силу. Дух русского войска поднимали великолепные новые каменные стены Московского кремля, по-

строенные в 1366—1367 гг., новые храмы в Коломне и Серпуховском княжестве.

Когда дошли до Дона около впадения в него речки Непрядвы, перед русскими предводителями встал вопрос: дожидаться ли войск Мамаю, прикрывшись рекой, или, рискуя в случае поражения погубить все войско, перейти Дон и, отрезав себе все пути к отступлению, сражаться до последнего... И Дмитрий вместе со своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем Серпуховским решительно и мужественно избрали второе. Они перешли Дон. Позиция была удачной в том отношении, что врагам нельзя было, пользуясь своей многочисленностью, охватить русское войско с флангов, как это всегда делали войска степняков. Нельзя было и ввести в бой многочисленную конницу развернутым фронтом. К тому же русским удалось спрятать в дубраве запасный полк, и об этом не узнали ордынцы.

Натиск войск Мамаю был ужасающим, и первая половина битвы стоила обеим сторонам огромных жертв. Русские стали отступать, отесняемые к Дону. Надо было иметь огромное самообладание, чтобы, видя поражение своих, выдержать время, не вступить в бой слишком рано спрятанному в дубраве запасному полку. Этот момент был найден: как только ханское войско миновало дубраву, свежие силы русских внезапно выступили и ударили в тыл врагу. Поражение Мамаю было полным, и преследование противника затянулось за ночь.

Дмитрий, прозванный за свою победу Донским, на следующий день «встал на костях» и почтил память погибших, прощаясь с ними и прося их о прощении.

Еще перед битвой Дмитрий пригласил с собой сурожских (крымских) купцов, в большинстве своем генуэзцев, чтобы они были свидетелями его победы и разгласили о ней повсюду. И «шибла слава» о русской победе по всему Востоку и Западу. Среди городов, куда донеслась весть о победе, в наиболее известном из древнерусских произведений о Донской битве — «Задонщине» — упоминается и Рим, и Кафа в Крыму, и Железные Ворота (Дербент) на Каспийском побережье Кавказа, а также болгарский город Тырново. И последнее особенно знаменательно: русская победа рассматривалась в «Задонщине» в ее общеславянском значении.

Но Орда не теряла надежды восстановить свое господство на Руси. Через два года преемник Мамаю хан Тохтамыш вторгся новым внезапным походом на Русь и хитростью захватил и разорил Москву. От систематического сбора дани и управления русскими княжествами Орда перешла к хищническим набегам и захватам. «Татарская» власть на Руси резко переменила свой характер. Орда уже не назначала великих князей. Они перестали быть ордынскими ставленниками на Руси. Великие московские князья стали пользоваться традиционным законным наследственным правом и передавать московское великое княжение старшему сыну.

В 1395 г. на Москву снова идет походом знаменитый и грозный завоеватель всей Передней Азии — хан Тамерлан (Темур-Аксак, т. е. Желез-

ный Хромец, как звали его русские летописи).¹ Сын Дмитрия Донского Василий Дмитриевич собрал войско и выступил ему навстречу. Но страшный завоеватель Тамерлан, перед которым дрожала вся Европа, не решился напасть на русское войско и от города Ельца повернул обратно. Василий прекратил уплату дани Орде.

Снова пошел на Москву хан Едигей, и снова в глубокой тайне. Его поход был похож на грабительский налет. Едигею удалось осадить Москву. Взяв откуп, он удалился. От покорности Москва перешла к сопротивлению, и Золотая Орда принуждена была захватывать добычу только набегами. Неизбежность освобождения Руси становилась все более очевидной для обеих сторон. А ровно через сто лет после Куликовской битвы в 1480 г. Иван Третий бросил на землю ханскую золотую басму, которой были снабжены послы хана в качестве знака их полномочий, и топтал ее ногами. Иго окончательно закончило свое существование. Встретив могучее русское войско, после многодневного знаменитого «стояния на Угре» ханское войско без боя повернуло назад.

Русские с уважением относились к татарам как к сформировавшемуся уже к тому времени народу, к их военным способностям, и никогда не проявляли чувства своего расового превосходства. Татарская знать принималась в русское дворянство. Сохранилось предание, что выезжавшие на Русь татарские князья зимой получали шубу с княжеского плеча, а летом — княжеский титул. Эта была шутка, но шутка, отражавшая положение, при котором татарские вельможи ценились на Руси. А татарские торговцы и ремесленники свободно ездили по всей Руси без всяких ограничений, в русском войске были татарские отряды.

Выехавший на Русь еще в конце XIII в. Петр «царевич ордынский» стал почитаемым русским святым, однако приходившие на Русь набегами татары были злейшими врагами русского народа, ненависть к которым запечатлели русские былины и исторические песни.

Подъем, предшествовавший Куликовской победе и последовавший за ней, ярко запечатлелся в русском искусстве и русской литературе. В живописи этот подъем ознаменован творчеством Андрея Рублева, в литературе — творчеством Епифания Премудрого, в эпосе — завершением создания киевского цикла былин, в политической мысли — обращением к традициям времен независимости Руси, в исторической мысли — созданием ряда огромных московских и новгородских летописных сводов, а в письменности вообще — появлением многочисленных и сложнейших переводов теологической литературы с греческого. Мы можем предполагать, что к этому же времени относится и подъем русской церковной музыки (многие тексты стали в это время не читаться, а петься), и подъем естественнонаучных знаний о мире.

¹ «Железным» он был назван за свою жестокость, но легенда объяснила это его прозвище еще и тем, что он любил сам мочить себя железом.

Что самое важное в том культурном подъеме, на гребне которого пришла Куликовская победа, — подъеме, который отчасти предшествовал битве и морально ее подготовил, затем продолжался после победы?

Самым значительным было обращение во всех областях культуры к человеку, к его внутренней жизни, к его достоинству, к его личности.

Взгляните на фрески Рублева во Владимирском соборе, на его произведения в иконописи, на произведения Феофана Грека (хоть и грек по происхождению, он был все же явлением русской культуры — именно «явлением», потому что такое не часто встречается в культуре и искусстве), на произведения живописи того времени в целом. Какое поразительное и какое «тихое» чувство собственного достоинства в образе человека того времени! Даже не ум, а мудрость, даже не стойкость, а готовность к самопожертвованию, даже не чувство долга, а готовность нести служение идее. Такое не могло быть выдуманно художником, если его не было в жизни. Сверхличностное начало светится в образе человека, излучается им. А если мы примем во внимание, что тонкий вкус и своеобразный аристократизм духа в цветовых сочетаниях, в композиции и движении линий не могли оставаться без отклика в восприятии современников, то характер человека этого времени, человеческий идеал, к которому стремились люди конца XIV—начала XV в., предстанут перед нами во всем их скромном величии.

Но ведь то же удивительное человеческое и человеческое начало звучит и в произведениях зодчества начала XV в. Собор Андроникова монастыря и церковь Успения в Звенигороде во всем соразмерны человеку, отражают его веру в себя, не пытаются величию и величиной подавить окружающую природу и окружающих людей. Они просты и гармоничны — гармоничны в собственных внутренних пропорциях и линиях и одновременно находятся в гармонии с окружающим их миром. В них ощущается обращение к образам Руси времени ее независимости, к храму Покрова на Нерли XII в. Принято говорить, и не без основания, о родстве архитектуры и музыки. Зодчество сравнивают (и сколько раз!) с застывшей музыкой. Древнерусские же храмы этого времени — это застывшая русская протяжная песнь. Это голос человека — не инструмента.

В литературе в это же время развивается стиль, способный передавать глубокую взволнованность человека, — стиль эмоциональный и филологически сложный (отсюда и прозвание главного представителя этого стиля — «Премудрый»).

Почему же возникло это особое внимание к человеку? Время, когда человек оценивался главным образом по своему положению в иерархии феодального общества, проходило. Нужны были личные качества человека. Только они могли обеспечивать полную жертвенности борьбу за национальную независимость.

И еще одна черта была свойственна культуре этого времени — времени подъема национального самосознания: глубокий интерес к истории. В конце XIV и начале XV в. на Руси, а на Балканах в течение всего XIV в., возрождались интерес и уважение к своему прошлому.

Все эти черты, общие для восточнославянских и южнославянских культур. И именно эта общность делает значение Куликовской победы таким широким и всеобъемлющим. Если в настоящее время мы имеем хотя и далеко не полное, но некоторое представление о письменности на Балканах и на Руси, то этим мы в значительной мере обязаны тому, что шестьсот лет назад события на Куликовом поле сдержали натиск ордынских войск, а ровно через сто лет, в 1480 г., Русь окончательно освободилась от иноземного ига. И это в значительной мере помогло сохранить культурные ценности южного и восточного славянства. Сюда, на Русь, спасаясь от османского ига, уходили южнославянские книжники, художники и общественные деятели, такие как Киприан, Григорий Цамблак, Арсений Грек, Феофан Грек, Пахомий Серб, сюда еще раньше приехали работать неизвестные сербские художники, расписавшие новгородскую церковь Спаса на Ковалеве как раз в год Куликовской победы и изобразившие на стенах ее, в нижнем регистре, большие мужественные фигуры святых воителей. Сюда же на Русь тысячами в течение нескольких веков переносились книги. Здесь они переписывались и тем спасли в значительной степени южнославянскую культуру от полного забвения.

В. Т. Пашуто

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ

Всемирная история убедительно свидетельствует, несмотря на многочисленные завоевания, войны и битвы, о возобладании мира над войной, созидания и прогресса над разрушением и регрессом. Она же сохранила поучительные факты о незавидной конечной судьбе держав-завоевателей и торжестве правого дела борьбы народов за независимость. Одним из таких примеров является освободительная борьба русского народа против Золотой Орды.

1. УПАДОК ОРДЫ

В летописи истории человечества немало мрачных страниц, к ним относятся и те, что посвящены монголо-татарскому нашествию на страны Азии и Европы, когда ордами Чингисхана и его преемников целые государства и народы были стерты с лица земли. Это произошло в начале XIII в. Возникло Древнемонгольское государство, и возглавлявшие его кочевые феодалы обрушили свои рати на более передовые, оседлые, земледельческие страны. К тому времени они переживали период феодальной раздробленности и политического, экономического и религиозного разобщения отдельных империй, королевств, ханств и княжеств: междоусобные распри правителей лишили возможности народы, попавшие под удар завоевателей, оказать им организованный отпор. В течение столетия были захвачены и разорены цветущие земли и государства — Сибирь, Китай, Корея, Центральная и Средняя Азия, Кавказ, Крым, Поволжье, Русь, Польша, Венгрия, Хорватия, Болгария, Иран, Ирак. Повсеместное растущее сопротивление народов завоевателям понудило их наконец остановиться у границ Индии и Индокитая, Сирии и Египта, покинуть пределы католической Европы, а также Болгарии (1300), отказаться от высадки на побережья Японии и Индонезии. И тем не менее возникла огромная империя со столицей в Каракоруме. Китайские и русские, польские, венгерские и персидские, арабские, армянские и грузинские летописцы с ужасом повествуют о полном разорении крупнейших городов — Чжунду и Чхольчжу, Бухары и Самарканда, Владимира, Киева и Галича, Кракова и Пешта, Тебриза и Багдада. Они сообщают, что тысячи ремесленников угоняли в глубь новой империи, что систематическими нашествиями

виями, грабежами и убийствами имперские правители стремились терроризировать подвластное население, а позднее, поделив завоеванные земли между представителями своей династии, провели перепись населения и обложили его тяжкими ежегодными денежными и натуральными даями, добавив к ним военную, подводную (транспортную), почтовую и прочие повинности. Все это отбросило цивилизацию значительной части Азии и Европы вспять, затормозило исторический прогресс, не принеся никакой пользы самому трудовому населению собственно Монголии. Захваченное добро и богатые дани расходились по рукам кочевой знати — ханов, нойонов и их приспешников, не оплодотворяя народного хозяйства страны.¹

Сколоченная путем завоеваний, лишённая единой экономической основы, паразитирующая на эксплуатации земледельческих народов, эта империя оказалась недолговечной и уже в 60-е гг. XIII в. фактически распалась на самостоятельные государства-улусы, которые на свой страх и риск еще некоторое время продолжали воевать на Востоке и в Передней Азии.

После окончательного завоевания Китая (1276) здесь возникла империя внука Чингисхана великого хана Хубилая, включавшая также Маньчжурию и Монголию. Под властью потомков Чагатая, сына Чингисхана, обособился улус, охвативший Среднюю Азию к востоку от Амударьи и другие земли. Западная часть Средней Азии, Иран, Ирак и Закавказье составили улус Хулагу, другого внука Чингисхана. Наконец, улус Джучи, старшего сына Чингисхана, расположенный к западу от Иртыша, распространялся на Поволжье, Хорезм, Северный Кавказ, Крым, Русь, Молдавию. В русских летописях этот улус, возникший после неудачного исхода попытки хана Бату завоевать всю Европу (1243), именовался Золотой Ордой. Ее столицей был Сарай на Нижней Волге. В Сарай должны были отныне являться русские и другие князья для получения ханских ярлыков (грамот), утверждавших их власть; здесь теперь решались их династические споры, нередко стоившие им головы; отсюда направлялись численники, данщики, отряды баскаков, чтобы переписывать население, собирать с него дань и жестоко расправляться с непокорными. Сюда свозили они серебро и меха, оружие и ткани, стогнали захваченных при набегах пленных. Из этого «глухого царства» шли распоряжения об участии русских в чуждых им ханских походах.

Монгольская империя и государственные образования, возникшие в результате ее распада, охватили в основном земли Монголии, Китая, нашей страны, Центральной и Передней Азии. Общность исторических судеб народов этих регионов, ставших жертвой завоевания, очевидна; она скажется и далее на будущем их освободительной борьбы против власти правителей всех четырех улусов.

Бросается в глаза историческая обусловленность событий, связанных с Куликовской битвой. Золотая Орда — гигантская держава, простирав-

¹ Источники и историографию см. в кн.: Татары в Азии и Европе. Изд. 2-е. М., 1977.

шая свою власть от Оби и Иртыша до Дуная и от Тебриза до Булгара и Москвы, вступила во второй половине XIV в. в полосу необратимого политического дробления, отражавшего новый этап закономерного упадка созданных монгольскими завоевателями государств. Под напором освободительного движения народов они теряют Иран (1336), Китай (1368), Среднюю Азию (1370). Созданная ради завоеваний, лишенная исторических корней, прочной экономической и этнической основы, в которой преобладала не социально обособленная монгольская аристократия и не пришедшие некогда с ней татары, а поглотившая их местная тюркская, половецкая и болгарская стихия, сама мусульманская Золотая Орда раскололась на две части.² На левобережье Волги со столицей в Сарае ал-Джедиде правила местная аристократия, использующая поддержку среднеазиатской Кок-Орды. На правобережье, властвуя в междуречье Волги и Дона, на Северном Кавказе, в степном Причерноморье и в Крыму, утвердился (1361 г.) бывший беклярибек (наместник) Мамай. На Руси жителей Золотой Орды традиционно называли «татарами».

Политический упадок Золотой Орды повлек за собой утрату ею Хорезма (1361); с образованием Молдавского государства (1359) она была оттеснена с Дуная за Днестр,³ а после литовской победы над ордынцами при Синих водах — и за Днепр (1363).⁴ Следовательно, она теряла пути в Среднюю Азию, на Балканы, а с ростом могущества Османов, установивших контроль над Дарданеллами (1354), была отрезана от Средиземного моря и дружественного ей Египта.⁵

2. ВОЗРОЖДЕНИЕ ВЕЛИКОРОССИИ

Переходя к рассмотрению важного этапа освободительной борьбы русского народа, связанного с Куликовской битвой, нужно иметь в виду и международный и собственно русский ее аспекты. Международное значение Куликовской битвы определяется ее неразрывной связью с национальным возрождением России как централизованного государства. Следовательно, оценка Куликовской битвы зависит от ее места в истории образования Русского централизованного государства и, в свою очередь, от определения его роли в международной истории. Централизация государства России — это длительный процесс усложнения политической

² Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. Автор наблюдает в Золотой Орде перерождение удельной сюргалной системы (с. 145), рост имущественных привилегий знати, т. е. еще один вариант процесса, типичного для социально-экономической эволюции подобного рода обществ (ср.: Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972, с. 322; Егоров В. Л. Развитие центробежных устремлений в Золотой Орде. — ВИ, 1974, № 2, с. 36—50).

³ Параска П. Ф. Золотая Орда и образование Молдавского феодального государства. — В кн.: Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972, с. 175—190.

⁴ *Batūra R. Lietuva tautų kovoje prieš Aukso Ordą. Vilnius, 1975.*

⁵ *Батūra Р. Литва таву кавоје пріеш Ауксо Орда. М., 1974, с. 206.*

структуры, вызванного сдвигами в хозяйстве страны, в ее общественном строе, в характере и размахе классовой борьбы.

Исследования академика Л. В. Черепнина позволили убедительно датировать первые основные этапы формирования этого государства, связав их с укреплением основ будущего могущества Москвы в годы княжения Ивана Калиты (1325—1340), с признанием за ней руководящей роли в освободительной борьбе в правление Дмитрия Донского (1359—1389), с торжеством Москвы как оплота централизации в феодальной войне XV в., с завоеванием государственной независимости и закреплением главных принципов нового политического строя в годы правления Ивана III (1462—1505), когда налицо такие его признаки, как единство территории, государева двора, законодательства, войска, финансов.⁶

Централизация рождалась (а позднее и развивалась) в условиях напряженной национально-освободительной борьбы. Лишь оценивая характер этой борьбы и особенности Русского централизованного государства, можем мы правильно понять место России в формирующейся политической системе Европы.

Что же представляла собой Великороссия и почему именно теперь осмелилась она открыто с оружием в руках выступить против ненавистного, продолжавшегося уже свыше столетия ханского господства?

Великороссия состояла из конфедерации одиннадцати княжеств с их почти двадцатью уделами.⁷ Исторически сложившейся политической структуре были присущи такие институты, как единство правящей династии, коллективный сюзеренитет сильнейших (прежде всего московских, тверских, нижегородских) князей над номинальным центром — Великим княжеством Владимирским, съезды князей, церковные соборы и вся система светского и церковного вассалитета.

Орда, сохранив эту структуру (сломать которую она оказалась не в силах), правила Великороссией через Великое княжество Владимирское, стараясь использовать великокняжеский титул, стол и связанные с ним земли, доходы и права для разжигания взаимных распрей князей. Неоднократно пускала она в дело и свою военную мощь. Достаточно бросить взгляд на составленную известным историком-географом И. А. Голубцовым карту «Борьба северо-восточной Руси с татарским игом с середины XIV в. до 1462 г.»,⁸ чтобы убедиться, в каких нечеловечески трудных условиях приходилось народу возрождать страну: набегами, пожарами, поборами, полонами кочевые властители не раз отбрасывали ее вспять. Поэтому события, приведшие к Куликовской битве, должны рассматриваться и как великая моральная победа народа.

⁶ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960.

⁷ Этот вопрос недавно был всесторонне изучен, см.: Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. Автореф. докт. дис. М., 1979 (здесь и перечень трудов автора по проблеме).

⁸ См. карту в кн.: Очерки истории СССР (IX—XV вв.) ч. 2 М., 1953.

Великий князь Дмитрий Иванович (родился в 1350 г.), как это было свойственно династическим традициям эпохи, с детства, с девяти лет, оказался вовлеченным в политическую жизнь и военные походы. В ту пору сильные характеры в княжеской среде нередко складывались очень рано. Остроконтрастные впечатления, вызванные участием с детских лет в походах в разные, порой очень несхожие по жизненному укладу земли, зрелища кровавых битв, пожаров, неоднократных моров (1364—1366), изнурения голодных лет, горя и нужды развивали потребность познавать, наблюдать, обобщать, словом, ускоряли формирование князя Дмитрия как государственно мыслящей личности.

Ему досталось немалое по тем временам политическое наследство в виде Великого княжества Московского, с его расположенными вдоль реки Москвы городами (Можайск, Звенигород, Коломна), с владениями в виде сел и слобод в княжествах Углицком, Галицком и самом Великом княжестве Владимирском, которое уже почти традиционно рассматривалось и на Руси и в Орде как подлежащее Москве. Это означало, что московский князь помимо политической власти (финансовой, военной, внешнеполитической) в Великом княжестве Московском располагал экономическим и военным потенциалом таких крупных центров, как Владимир, Переяславль, Юрьев-Польской, Ярополч, Кострома, Ростов (наполовину) и имел освященное временем преимущественное право на управление Великим Новгородом (с доходами с Волока, Торжка, Вологды). Весьма существенно и то, что в этом качестве он ведал сбором и доставкой в Сарай общерусской ордынской дани.

Мысленным взором окидывая жизнь Дмитрия Ивановича, можно уверенно утверждать, что она была исполнена ратных и государственных трудов; отмечена она дальновидностью политических военно-стратегических целей и умением окружать себя опытными государственными советниками — среди них находились такие крупные люди, как соправитель первых лет власти митрополит Алексей, печатник (канцлер) Дмитрий (Митяй), неизменный военный помощник двоюродный брат серпуховской князь Владимир Андреевич, дальновидный церковный деятель Сергей Радонежский и др. К этому можно добавить, что князь был счастлив в своем продолжавшемся почти четверть века браке с суздальской княжной Евдокией Дмитриевной, которая, как «и многы жены воеводския и боярыни московския и служниа жены» (с. 33),⁹ провожала мужа на Куликово поле и встречала его в Москве после победы над Мамаем, «честь воздающе», как ему, «такожде и прочим князем и бояром и всему воинству» (с. 127). Князь оставил ее опекуницей наследников, наказав им: «А вы, дети мои, живите заодин, а матери своее слушайте во всем», включая и разделы ею земель.¹⁰ При жизни мужа она занималась

⁹ Здесь и далее произведения Куликовского цикла цитируются по настоящему изданию, страницы указываются в скобках в тексте. Забелинский список «Сказания о Мамаевом побоище» цитируется по изд.: Повести о Куликовской битве. М., 1959.

¹⁰ ДДГ. № 12. М.—П. 1954. с. 33—35

хозяйством, совершала «купли» и «прикупы» сел; отмечена ее последующая государственная и церковностроительная деятельность в столице: летопись уподобляет ее ростовской княгине Марии, книжнице XIII в., и, конечно, не случайно в Московский свод включен ее яркий плач по великому князю.¹¹

Великий князь был человеком решительным, здравомыслящим и политически искушенным. Он умел пресекать деятельность, не щадя и жизни враждебных его политическому курсу бояр (вроде сына московского тысяцкого Вельяминова или бояр — сторонников Пимена)¹² и купцов (вроде Некомата);¹³ он гневно поносил как «литовцев»¹⁴ погрязших в распрях властителей Византии, спекулировавших русской митрополией на Руси, в Литве и в Польше.¹⁵ Он сослал митрополита Пимена в Чухлому, без колебаний выдворил из Москвы склонившегося было к поддержке Великого княжества Литовского митрополита — болгарина Киприана¹⁶ и вернул сперва второго, а потом и первого, когда после смерти собственного ставленника Митяя очевидная перемена церковно-политического курса Вильнюса, казалось, гарантировала ему лояльность этих духовных деятелей.¹⁷

Ратная жизнь князя началась с участия в походе на Суздаль, после которого Великое княжество Владимирское было решительно объявлено «отчиной» московских князей (1363). Именно с этого политического шага Дмитрия формула «отчины» — патримониальный принцип объединения под властью Москвы всех древнерусских земель и владений становится все более действенным инструментом политики воссоединения. Отстаивать этот принцип было непросто — и на Руси, и особенно за рубежом.

Надо только на миг представить себе положение Великого княжества Московского — отрезанного от всех морей центрального района политически раздробленной Великороссии. После монголо-татарского нашествия земли Финляндии и части Карелии были захвачены Швецией. Немецкие рыцари завладели исконно связанными с Русью землями Эстонии (1227) и Латвии (1290), где установилось господство Ливонского Ордена, и землями Пруссии (1283), где утвердился Тевтонский Орден. 150 крепостей Ливонии поддерживали господство Ордена, а союз 72 городов не-

¹¹ *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. М., 1951, с. 435 (1390 г.), 444; ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, с. 217—218.

¹² ПСРЛ, т. XV, вып. 1. М., 1965, стб. 137; т. XI. М., 1968, с. 45; РИБ, т. VI. СПб., 1880, Приложение № 33, стб. 210.

¹³ ПСРЛ, т. XXV, с. 211.

¹⁴ *Прохоров Г. М.* Повесть о Митяе. Л., 1978, с. 50, 201.

¹⁵ О трудном положении патриархии с Галицкой митрополией см.: РИБ, т. VI, Приложения № 22 (1370 г.), 23, 25 (1371 г.).

¹⁶ *Прохоров Г. М.* Повесть..., с. 55, 196—201.

¹⁷ Иную трактовку см.: *Прохоров Г. М.* Повесть..., с. 104, 111. Автор этого интересного исследования, думается, без достаточных оснований пишет о перемене политического курса Дмитрия под влиянием группировки церковных деятелей, примыкавших к Киприану — Сергию Радонежскому: вряд ли князю «уже не нужна была великорусская митрополия» (с. 112).

мецкой Ганзы — ее торговую монополию на Балтийском море. Земли Белоруссии попали под власть Великого княжества Литовского, с которым москвичам приходилось воевать из-за Смоленска, Брянска, Вязьмы; оно завладело также Волынью и недавно распространилось до Киева. Галичина была завоевана Польшей; Карпатская Русь оказалась под владычеством Венгрии. Волжский путь был в руках Золотой Орды, а на черноморском побережье с ее одобрения обосновались (в Кафе, Тане, Судак) итальянские — генуэзские и венецианские купеческие фактории.¹⁸

Зарубежные ученые и школьные дидактики, сторонники концепции «европеизации» России (Г. Вернадский, Б. Шпулер и др.),¹⁹ утверждают, что наша страна после монголо-татарского нашествия на целые два столетия вообще выпала из всемирной истории, растворившись в Золотой Орде до той поры, пока Иван III своим «еще варварским кулаком постучал в окно перепуганной Европы».²⁰ Факты, однако, свидетельствуют об ином — о тесной взаимосвязи национального возрождения России с переменами в окружающем ее мире и о ее растущем влиянии на их ход и исход.

Спору нет, когда Дмитрий Иванович начал править, Великое княжество Московское находилось в сложном международном положении, далеко, однако, от политической изоляции. Новгородская Русь, при деятельной поддержке Москвы, уже свыше полустолетия имела, несмотря на отдельные конфликты, устойчивые договорные отношения с Данией (1302), Швецией и Норвегией (1326). Неоднократные попытки немецкого Ордена захватить земли Пскова и Новгорода встречали неизменный отпор, и он был вынужден и в XV в. придерживаться положений русско-немецкого договора, заключенного еще Александром Невским (1262). Московская политика осложнялась тем, что русско-ливонская граница протяженностью свыше 500 км с русской стороны лишь на 20 км была новгородской, а на 480 — псковской. Новгородское же боярство вовсе не было склонно отождествлять свою политику в Ливонии с псковской, особенно после того, как Псков стал самостоятельной вечевой республикой.

Н. А. Казакова прекрасно раскрыла взаимосвязь торговой монополии Ганзы с агрессивной политикой Ордена.²¹ Первые торговые льготы Ганза, как и итальянские купцы в Крыму, получила еще от Менгу-Тимура (1270). Ганза лишила Русь «чистого пути» за море и извлекала огромную прибыль из разницы единиц веса в местах купли и продажи товаров; с другой стороны, она не допускала на русский рынок купцов из Англии,

¹⁸ Подробнее см.: Итоги и задачи изучения внешней политики России. М., 1981, с. 39—63.

¹⁹ *Vernadsky G. The Mongols in Russia.* New Haven, 1963 (см. рецензию В. Т. Пашуто и Н. Я. Мерперта: ВИ, 1955, № 8); *Spuler B. Geschichte der Mongolen, nach östlichen und europäischen Zeugnissen der 13.—14. Jh.* Zürich—Stuttgart, 1968.

²⁰ Это старая, в остфоршунге восходящая к евразийцам точка зрения, см.: *Пашуто В. Т. Реваншисты-псевдоисторики России.* М., 1971, с. 30—32.

²¹ *Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV—начало XVI в. Л., 1975.*

Нидерландов и других стран, более того — решительно препятствовала даже изучению ими русского языка. И все же экономика оказалась сильнее запретов: Новгород, зачастую при поддержке Великого княжества Московского, умело противопоставлял интересы некоторых ливонских и шведских городов, вел торговлю через Нарву и Выборг, привозил товар из Стокгольма, все чаще проникал в города Пруссии, а потом до Руси стали добираться и фламандцы и ломбардцы.²²

Если на Севере Руси удавалось противопоставлять шведские города ганзейским, то на Юге московское правительство находило пути к использованию противоречий между колониальными владениями Венеции и Генуи. Академик М. Н. Тихомиров обратил внимание на тесную взаимосвязь торговых и политических взаимоотношений Руси, Золотой Орды, итальянских колоний и Византии. Думается, дело не только в том, что в итальянские колонии вывозились рабы, меха, воск, мед, моржовый клык, ловчие птицы и через их накладное посредничество получались нужные товары (ткани, оружие, вина) из Византии, и даже не в том, что русский экспорт (зерно, соленая рыба) интересовал всю Италию. Гораздо важнее, что итальянское и русское купечество достигало на Юге того, в чем ему препятствовала Ганза с Севера. А следовательно, Великое княжество Московское по мере соединения торговых путей в одних руках все больше сводило на нет усилия своего беспощадного ганзейского торгового соперника.

Сама Византия, возрожденная после изгнания крестоносцев, не просуществовав и двух столетий, пала под нарастающими ударами Османов (1453). Исследования М. Н. Тихомирова ясно показали взаимозависимость церковной политики московского правительства в Византии и его отношений к генуэзско-ордынским и ордынско-турецким противоречиям, при использовании венецианских связей, с защитой собственных экономических интересов. Византийское правительство год от года все больше нуждалось в русской поддержке и не раз получало щедрую «милостыню». Огромная русская митрополия становилась важным фактором московской политики в борьбе за влияние в Сербии, Болгарии, Венгрии, образующихся дунайских княжествах и особенно в Великом княжестве Литовском.

Готовясь вступить в открытую борьбу с Золотой Ордой, московское правительство должно было в наибольшей мере считаться с Великим княжеством Литовским. Но и здесь действовали важные исторические факторы, которые, несмотря на видимые успехи восточной экспансии литовских князей, подтачивали политическую мощь их государства. Эти факторы²³ таковы.

²² Впрочем, уже в XIV—XV вв. на Руси отмечены английские и нидерландские «пoble» — корабельники, см.: *Погин В. М.* Корабельники на Руси. — В кн.: *Нумизматика и эпиграфика*, вып. 8. М., 1970, с. 101—107.

²³ См. историографию: *Батура Р. К., Пашуто В. Т.* Культура Великого Княжества Литовского. Вн. 1977. № 4. с. 94—117; История Литовской ССР. Вильнюс, 1978.

Во-первых, этнографический. Коренные земли Литвы (Аукштайтя и Жемайтя) составляли лишь около $1/10$ в сравнении с попавшими под ее власть землями Белоруссии, Украины, Великороссии. К тому же эти земли относились к высокоразвитым в общественно-политическом и культурном отношении регионам Древней Руси и были в основном мало задеты монголо-татарским разорением и игом. Издревле связанные с другими русскими землями они, по мере возрождения Великороссии, все сильнее тяготели к ней. Несмотря на политические трудности, московское правительство умело использовало вековые торговые связи между Великороссией (с ее 85 городами) и Великим княжеством Литовским (вобравшим около 80 славянских городов) для подрыва торговой монополии Ганзы, в интересах централизации и воссоединения.

Другой фактор — конфессиональный. Литва — последнее раннефеодальное языческое государство Европы. Язычество оставалось в качестве господствующей силы в Великом княжестве Литовском (в Аукштайтти до 1387 г., в Жемайтти до 1414 г.). Язычество осложняло социальные и национальные противоречия в стране, подавляющая часть населения которой была православной. Осложняло оно и ее международное положение, ибо под лозунгом католического «просвещения» уже свыше ста лет против нее воевали соединенные силы крестоносцев — немецких рыцарей Ливонии, Пруссии и союзных им держав, поддерживаемых папством. Опасаясь московского влияния, литовское правительство, хотя и проявляло дальновидно полную веротерпимость, не решалось сделать православие официальной религией. Стремясь лишить рыцарей-крестоносцев сильного идеологического подспорья, оно все более склонялось к принятию католичества, при посредничестве Польши, и к союзу с ней. Это вело, однако, к обострению отношений с сильной православной церковью, со всеми славянскими подданными и усиливало их тяготение к Московскому Великому княжеству.

И наконец, фактор внешнеполитический. Древнелитовское государство образовалось на коренной аукштайтско-жемайтской основе. Нельзя отождествить политику Дмитрия Донского и Альгирдаса.²⁴ Источники против этого отождествления; они характеризуют Альгирдаса не как собирателя, а как разорителя, как яркого выразителя воинственного, решительного, проникнутого духом экспансии сравнительно молодого литовского феодального класса. М. А. Ючас уже давно это доказывал, основываясь на сопоставлении русских, немецких и польских источников. Трактовка русско-литовских отношений меняется на протяжении от свода 1408 г. к своду 1479 г., переходя от примирительно «семейной» схемы Киприана к государственно-политической концепции Ивана III, внося новые элементы осуждения в оценку политики Альгирдаса и Ягайло. Используя русские летописи для освещения истории Великого княжества Литовского, «мы должны постоянно иметь в виду, к какому этапу истории Рус-

²⁴ Иной взгляд см.: Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963, с. 17, 39, 41, 156.

ского централизованного государства они относятся», — справедливо писал автор.²⁵

Охватив значительную часть Руси своими набегами, используя последствия монголо-татарского нашествия и готовность западнорусских феодалов, напуганных Ордой и Орденом, к политическому компромиссу, литовские князья постепенно нашли с ними соглашение: поделившись рентой с литовским господствующим классом, белорусские и другие феодалы вошли в качестве субвассалов в состав Великого княжества Литовского, сохранив значительную часть своих прежних прав. Это была неравноправная федерация литовских и славянских земель.

В течение ста лет (1240—1340) возникло этнически сложное Литовское государство, о равноправии славянской и литовской частей которого не может быть и речи. Славянские феодалы поддерживали его, пока вокруг Москвы не сложился собственно русский центр объединения — Московское Великое княжество. Это был качественный сдвиг в политической системе Восточной Европы, который, однако, отказывались замечать правители Литвы. На интересующее нас время как раз и падают решающие события, когда правительство Дмитрия Ивановича заставило Великое княжество Литовское считаться с политической реальностью. Белорусы, украинцы и великороссы, подвластные Великому княжеству Литовскому, активно участвовали в его освободительной борьбе против немецкого Ордена и Золотой Орды. Но литовское правительство, не имея сил одновременно противостоять Ордену и наступать на Русь, вело последовательную политику, поступаясь Жемайтией ради соглашения с Орденом и соглашаясь на уплату дани со славянских земель ради сближения с Золотой Ордой. Наблюдая эту политику, славянские народы проникались все большим тяготением к России, что не раз обнаруживалось, особенно в переломные моменты ее истории, к каким принадлежит и Куликовская битва.

Сказанное объясняет своеобразие внешней политики Великого княжества Московского. Находясь в зависимости от Сарая, оно умудрялось вести относительно самостоятельную политику в соседних странах северо-восточной Европы, успевших, как видим, по кускам растащить значительную часть древнерусской «отчины». Можно только удивляться, читая сочинения иных зарубежных авторов,²⁶ готовых ставить знак равенства между политикой Вильнюса и Москвы, немецкого Ордена и России, и писать о русской экспансии в Восточной Европе, закрывая глаза на то, что это была борьба за воссоединение узурпированных земель.

Во взаимоотношениях с самими ханами, где внешнеполитические действия Москвы особенно тесно переплетались с ограничением вассальных прав других князей, московское правительство теперь не только откупа-

²⁵ Ючас М. А. Русские летописи XIV—XV вв. как источник по истории Литвы. — Lietuvos TSR Mokslų Akademijos Darbai, Ser. A, Vilnius, 1958, N 2 (5), p. 69—83.

²⁶ Perry M. Man's Unfinished Journey. A World History. Boston, 1978, p. 423; Wallenbank J. W. and oth. History and Life. The World and its People. Illinois, 1977, n 376—377.

лось от Орды, оно использовало самые разнообразные приемы, постепенно меняя и чередуя их: и деньги, и содействие митрополии, и вмешательство во внутренние распри, и, наконец, открытую вооруженную борьбу. Нетрудно заметить, что в прямой зависимости от усиления Великого княжества Московского и сужения вассальных свобод князей и бояр других русских земель находилось ограничение внешнеполитических функций княжеств, и прежде всего установившегося вскоре после монголо-татарского нашествия права самостоятельно «знать Орду», т. е. сношаться с ней. То же можно сказать и о связях с Литвой, в разной степени зависимости от которой находились Новгород, Тверь, Псков, Смоленск.

В течение всей своей недолгой жизни Дмитрий Иванович содействовал стабилизации власти внутри самого Великого княжества Московского. Продолжавшееся экономическое восстановление страны, основывавшееся прежде всего на труде крестьянства, вело к расширению пахотных земель, налаживанию связей сельской округи с городами, расширению торговых сношений между ними. Это создало основу для внутренней политики Дмитрия: централизации суда в Москве; организации чеканки здесь монеты; поддержки сословных прав ремесленно-торгового населения и других городов; ограничения прав отъезда русских бояр в другие земли при охотном включении в великокняжеский двор князей и бояр, особенно оставлявших службу в Литве; усиления сотрудничества с церковными феодалами; упрочения московских позиций в Новгороде, Нижнем Новгороде, Твери и сооружения имеющих оборонительное значение монастырей; создания первой поокской линии «засечной черты»; введения территориального принципа организации войск и усиления военной роли городских полков и городов-крепостей; присоединения Дмитрова (1360); укрепления Переяславля (1369), строительства Серпухова (1374), а главное, возведения каменного кремля в Москве (1367). Враждебная Москве тверская летопись прямо связала этот шаг с самовластными побуждениями Дмитрия: «... на Москве почали ставити город камен, надеяся на свою на великую силу, князи русьскыи начаша приводити в свою волю, а которыи почал не повиноватися их воле, на тых почали посягати злобою».²⁷

Среди тех, кто «почал не повиноватися», на первом месте стоял тверской князь Михаил Александрович, искавший у Великого княжества Литовского и Золотой Орды поддержки против Москвы. Тверь и по географическому положению (между землями Новгорода, Москвы и Литвы), и по традиции соперничества с Москвой и связям с Вильнюсом стала на ближайшие десятилетия ключевым объектом в столкновении трех стран. Но при этом экономический потенциал Твери не мог идти в сравнение с московским — и свой стольный город тверской князь смог укрепить лишь деревянным кремлем (1369) с земляным валом (1372), который, однако, не устоял перед московскими войсками.

²⁷ ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 84.

3. ПРОВАЛ ЛИТОВСКИХ ПОХОДОВ НА МОСКВУ

Во главе Литвы стоял известный воитель с Орденом и Ордой великий князь Альгирдас (в русских источниках — Ольгерд; 1345—1377). Очевидец и участник превращения небольшого Литовского государства в Великое княжество Литовское, он был, естественно, проникнут идеями его великодержавия.

Альгирдас — сын Гедиминаса (Гедимина) начал свою долголетнюю политическую деятельность в 1318 г., когда женился на витебской княжне Марии и вскоре (1320) стал местным князем.²⁸ Вместе с отцом он боролся против немецкого Ордена²⁹ и старался обосноваться на русских землях Великого княжества Московского, Пскова³⁰ и Новгорода,³¹ тщетно искавших тогда литовской защиты от Ордена и Орды.

В 1341—1345 гг. Альгирдас — вассал великого князя Явнутиса, которого он устраняет в стоворе со своим братом Кейстутисом (Кейстутом) и с согласия последнего делается великим князем с титулом «великий (высший) князь» (*supremus princeps*) или «великий король» (*magnus rex*) литовский.³²

Пользуясь ослаблением Орды, он вытеснил ее за Днепр, выйдя к Черному морю (1362),³³ присоединил Малую Подолию,³⁴ старался удержать Волынь от посягательств Польши, энергично наступал на земли Смоленска (1356), Брянска (1359),³⁵ поддерживал тесный союз с Тверью (вторым браком он был женат на дочери тверского князя Михаила),³⁶ старался укрепить свое влияние в Новгороде и Пскове.

Решая внешнеполитические задачи, Альгирдас опирался на помощь литовской княжеской династии и особенно своего соправителя Кейстутиса («герцога Литвы и господина Трокая и Гродно»), с которым хранил «великую верность», деля «пополам» и горе утрат в Литве, и радость приобретения «многих замков» на Руси;³⁷ их поддерживали «сородичи и

²⁸ ПСРЛ, т. XVII. СПб., 1907, стб. 72; Хроника Быховца. М., 1966, с. 54; SRP, t. II, Leipzig, 1863, p. 712.

²⁹ Послания Гедимина. Вильнюс, 1966, № 18, с. 194; LUB, t. II, Reval, 1855, N 796, p. 333.

³⁰ НПЛ. М.—Л., 1950, с. 354 (1341 г.); ПЛ, вып. 2. М.—Л., 1955, с. 25, 27, 29; вып. 1. М.—Л., 1941, с. 21; Псков не очень доверял Альгирдасу: ПЛ, вып. 1, с. 19; вып. 2, с. 25, 95; брал он с псковичей и «окупы»: ПЛ, вып. 1, с. 21; вып. 2, с. 27, 99; ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1. Пг., 1915, с. 271 (1341 г.).

³¹ НПЛ, с. 358; ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, с. 276.

³² SRP, t. I, Leipzig, 1861, p. 723; Codex Masowiensis, Breslau, 1845, N 80 (1358 г.); Codex Diplomaticus Lithuaniae. Wroclaw, 1845, p. 55—56; LUB, t. III, Reval, 1857, N 1152; Codex epistolaris saeculi XV, t. II, Kraków, 1876, N 191.

³³ *Batūra R. Lietuva...*, p. 220—300; LUB, t. II, N 1041 (7 ноября 1367 г.).

³⁴ ПСРЛ, т. XVII, стб. 99—100 (Уваровский сл.), 81—84 (Супрасльский сл.).

³⁵ LUB, t. II, N 796, p. 333 (1340 г.); договор Юрия Святославича с Ягайло (1386 г.); Грамоты XIV ст. Київ, 1974, № 37; ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 65, 68 (1359 г. — Смоленск, Ржев, Брянск).

³⁶ *Приселков М. Д.* Троицкая летопись, с. 370 (1349 г.).

³⁷ SRP, t. II, p. 712 (мемориал Витовта).

друзья (вассалы)»,³⁸ «все люди земли» и «все другие крепости»,³⁹ чьи владельцы князя — «герцоги»⁴⁰ и бояре заседали в придворном совете⁴¹ и ходили с великим князем в походы с войсками, состоявшими из «смердов» и «язычников».⁴²

«Сородичи и друзья» Альгирдаса владели дворами и деревнями,⁴³ он сам «имел множество сильно укрепленных замков», табуны коней⁴⁴ и жаловал земли вассалам на основе феодального права;⁴⁵ поддерживал он и права свободной торговли городов (Вильнюса);⁴⁶ в договоре о перемирии с Великим княжеством Московским (1371) отмечено, что «торговцам путь чист» с обеих сторон.⁴⁷

Альгирдас был вспыльчив и не терпел оскорблений своей чести и объявил Новгороду войну, когда тамошний посадник назвал его на вече «псом» (1346).⁴⁸ Смелый воин, человек горячего темперамента и живых чувств, Альгирдас вместе с Кейстутисом «со смятенной душой» наблюдал осаду Каунаса рыцарями, не будучи в силах ему помочь.⁴⁹ Закоренный язычник — «огнепоклонник» (как называли его в Византии), Альгирдас пожаловал православным жителям Вильнюса под их церковь место, где стояла виселица, как «более соответствующее, высокое и светлое»,⁵⁰ ради политических выгод держал своих принявших православие сыновей наместниками славянских земель Великого княжества Литовского, сам женился на православных княгинях, а дочерей выдал: Агрипину — за суздальского князя Бориса, а Елену — за серпуховского Владимира.⁵¹ Он сумел добиться от константинопольского патриарха основа-

³⁸ Ibid., p. 113 (consangvineis et amicis).

³⁹ Ibid., p. 712.

⁴⁰ Codex Diplomaticus Masowiae. Warszawa, 1919, N 80 (1358 г.), p. 73—74 (seniores duces, duces).

⁴¹ ПСРЛ, т. XVII, стб. 72, 143, 193.

⁴² SRP, t. II, p. 533 (Альгирдас «cum suis baioribus et smyrdens»), p. 603 (Кейстутис «cum suis baioribus et paganis»).

⁴³ SRP, t. II, p. 553, 573, 576 (о вильнюсском воеводе Дирсуне), 576 (о Вирдоте близ Трокая).

⁴⁴ «Plurima habet fortissima castris», — писал венгерский король Людовик (Miesięcznik Heraldyczny, 1935, XIV, N 7—8, Warszawa, s. 102); equitarium regis (800 голов близ Каунаса) — SRP, t. II, p. 559.

⁴⁵ Довольно широкого, судя по внешнеполитическим прерогативам Любарта—Дмитрия, — см. его договор с Казимиром (1366 г.): Грамоту XIV ст., № 19; Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959, с. 350. Сыну Андрею Альгирдас Полоцкое княжество «выделил и отдал» — Орден это подтвердил как «jure feodali possidendum»: Codex Diplomaticus Prussicus, t. IV. Königsberg, 1857, p. 39—40.

⁴⁶ Собрание древних грамот и актов городов, ч. I. Вильно, 1843, № 6.

⁴⁷ ДДГ, № 6, с. 22.

⁴⁸ НПЛ, с. 358.

⁴⁹ SRP, t. II, p. 533 (1362 г.).

⁵⁰ Житие литовских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия (XIV в.). — В кн.: Сперанский М. Н. Сербское житие литовских мучеников. М., 1909, с. 29.

⁵¹ Приселков М. Д. Троицкая летопись, с. 392.

ния литовской православной митрополии, а затем и назначения своего кандидата Киприана на митрополию всея Руси (1375).⁵²

Альгирдас не был чужд и идее соглашения с католическими державами, но на явно неприемлемых для них условиях. Он искал антиорденского соглашения с католическими державами за счет той части Руси, которая бы подчинялась Литве и оберегалась Орденом от Орды.⁵³ Собственно литовско-ордынские связи осуществлялись и через послов (1365), и при посредстве тверского князя (1370), но привлечение ордынских контингентов (как в битве при Рудаве — 1370 г.) против Ордена больше не отмечено: оно, видимо, казалось сомнительным в глазах и славянских подданных, и католической Европы. В московской летописи (свод 1408 г.) сохранилась такая оценка Альгирдаса: он «не пил ни вина, ни пива, ни кваса, имел великий разум и подчинил многие земли, втайне готовил свои походы, воюя не столько числом, сколько уменьем».⁵⁴ Вот с каким противником свела судьба великого князя московского Дмитрия Ивановича.

Рассматривая русскую политику Альгирдаса, невольно поражаешься ее нереалистичности: непонятно, как можно было отрывать силы для походов на Русь, когда немецкие рыцари (числом от 10 до 40 тыс.) ежегодно, да еще по нескольку раз, как свидетельствуют немецкие хронисты-современники, опустошали земли Понеманья и Подвинья, коренной Литвы и подвластной ей Белоруссии, обрушиваясь на Каунас, Трокай, Вильнюс, Велюону, Гродно, зачастую с привлечением крестоносцев из Германии, Англии, Франции, Австрии.⁵⁵ Ответные походы Литвы при участии белорусских, смоленских, волынских полков направлялись в Запеманье и в глубь Ливонии, вплоть до Риги.

Правителям Литвы нужна была решающая победа на Руси, чтобы удержать свою державу от политического развала. При таких условиях и состоялись три известных похода Альгирдаса на Москву, формально вызванные литовскими союзными обязательствами перед Тверью. Все они (в ноябре 1368, в ноябре 1370, летом 1372) закончились неудачно. Примечательно, что это — годы ожесточенной борьбы Великого княжества Литовского с Орденом. Первому походу предшествовали вторжения (1367 г.) ливонцев на территорию пяти литовских земель, а прусских рыцарей — к Виелоне и еще в четыре земли.⁵⁶ В это время часть немецких сил отвлекали острые столкновения с псковичами,⁵⁷ но все же ливонцы

⁵² Прохоров Г. М. Повесть..., с. 48; Пашуго В. Т. Образование..., с. 390; сам Альгирдас подкреплял претензию на русские земли тем, что якобы воевал за москвитян с немцами («...мы за них воюем с немцами», — писал он патриарху Филофею): РИБ, т. VI, Приложение № 24, стб. 140 (1371 г.).

⁵³ SRP, t. II, p. 79—80.

⁵⁴ Приселков М. Д. Троицкая летопись, с. 402.

⁵⁵ SRP, t. I, p. 724 (1348 г. — 40 тыс. немецких, французских и английских войск в битве на Стреве); t. II, p. 75 (1348 г.); 520—521 (1355 г.), 165 (1377 г.); t. III, Leipzig, 1866, p. 106 (1377 г.).

⁵⁶ SRP, t. II, p. 88—89, 559—560.

⁵⁷ НПЛ, с. 369—370.

сумели дойти до Упите и штурмовали Новое Ковно.⁵⁸ В этот год Литва подписала мир с Орденом в Ливонии,⁵⁹ а уже в 1368 г. рыцари разрушили Новое Ковно.⁶⁰

В этом году и состоялся первый поход на Москву.

В начале 1369 г. Альгирдас с литовско-славянским войском воюет в Ливонии.⁶¹ Орден сооружает у бывшего Нового Ковно свою крепость Готисвердер,⁶² а войска Альгирдаса и Кейстутиса разрушают ее.⁶³

Год 1370 открывается вторжением ливонцев в земли Упите и Рамигалы и походом в псковские владения, впрочем, без успеха.⁶⁴ В феврале Альгирдас вместе с Кейстутисом и большим литовско-славянским войском берут Рудаву, неподалеку (в 18 км) от Кенигсберга, где в битве гибнут предводители прусского рыцарства; тогда же Кейстутис совершает поход до Ортельсбурга.⁶⁵ В августе прусские крестоносцы опустошают девять литовских земель, а ливонцы одновременно грабят Упите.⁶⁶ Русские псковско-новгородские силы вскоре вторгаются в земли Дерптского епископства.⁶⁷

Осенью этого года состоялся второй поход на Москву.

Находясь в перемирии с Великим княжеством Московским, Альгирдас в 1371 г. «ходи ратью на немцы и много зла сътвори Неметцкой земле»,⁶⁸ а летом того же года Ганза подписала мир с Новгородом и Псковом.⁶⁹ В феврале следующего года ливонцы предприняли поход на землю Лаукиники,⁷⁰ а в августе прусские и ливонские силы совместно опустошали семь литовских земель.⁷¹

Затем осенью и состоялся третий поход Альгирдаса на Москву.

Последующие годы были отмечены особенно тяжелыми немецкими набегами на Литву: в 1373 г. их было пять! Казалось бы, сама логика освободительной борьбы диктовала укрепление литовско-русского союза, особенно учитывая участие славянских сил в обороне Литвы.

Кремль — новая крепость москвичей, предводимых Дмитрием Ивановичем и серпуховским князем Владимиром Андреевичем, выдержала боевое крещение. Первый, неожиданный («в таю») и самый сильный литовский поход сопровождался разорением пригородов;⁷² после второго —

⁵⁸ SRP, t. II, p. 560.

⁵⁹ LUB, t. II, N 1041, p. 772—773.

⁶⁰ SRP, t. II, p. 92.

⁶¹ Ibid., p. 93—94.

⁶² Ibid., p. 561.

⁶³ Ibid., p. 94—95, 562—563.

⁶⁴ Ibid., p. 94—96.

⁶⁵ Ibid., p. 96, 565—568; t. III, p. 89—90.

⁶⁶ Ibid., t. II, p. 98—99, 569.

⁶⁷ НПЛ, с. 371 (1370 г.).

⁶⁸ ПСРЛ, т. XI, с. 14; ср.: SRP, t. II, p. 571.

⁶⁹ НПЛ, с. 371 (1371 г.); *Приселков М. Д.* Троицкая летопись, с. 392; ГВНИИ. М.—Л., 1949, № 42.

⁷⁰ SRP, t. II, p. 99, ср. p. 571.

⁷¹ Ibid., p. 101—103, 571—572.

⁷² *Приселков М. Д.* Троицкая летопись, с. 387—388.

восьмидневной осады Москвы — Альгирдас подписал перемирие (26 октября 1371 г.) и уходил «съ многым опасением, озираяся и бояся за собою погони».⁷³ Итогом стало признание им «отчинных» прав московского князя на Великое княжество Владимирское в рамках ордынской вассальной системы.⁷⁴ Это означало провал литовских планов восточной экспансии. В разгар сражений с Орденом в мае 1377 г. умер Альгирдас. С 18 боевыми конями и снаряжением он был сожжен, видимо, близ Майшягалы.⁷⁵ Вместе с ним на костре сгорели и несбыточные мечты литовского боярства о завоевании Москвы.

4. НАЧАЛО ОТКРЫТОЙ БОРЬБЫ С ОРДОЙ

Крах литовских планов облегчал московскому правительству накопление сил для столкновения с Ордой, которая оставалась главным врагом. Отношения с ней после начала междоусобий ханов складывались крайне трудно. Московское правительство стремилось создать возможно более широкую, прочную систему политических союзов княжеств Великороссии и, в случае решающего столкновения с Ордой, избежать одновременного удара со стороны Великого княжества Литовского. В годы литовских походов оно последовательно и целеустремленно укрепляло «одиначество» с Новгородом и Псковом (1371), удерживало Ржеву,⁷⁶ заняло Мценск, Калугу, Новосиль, Вязьму, Козельск,⁷⁷ дополнительно к союзу с Рязанью, Пронском, подтягивало Смоленск и часть брянских сил.

Вся эта система союзов пока еще была зыбка и непрочна, ибо основывалась на недостаточно глубоких экономических связях, но примечательно упорство возобновления династических комбинаций на пусть медленно, но возрастающей территориальной основе.

Упрочению этой системы в интересах московской политики содействовала и митрополия. Она пригрозила интердиктом нижегородскому князю, когда он обнаружил строптивость;⁷⁸ добивалась отлучения смоленских князей за поддержку Альгирдаса;⁷⁹ устроила владыке Новгорода «истому» и «протор велик», чтобы подбить бояр к антитверскому и антилитовскому выступлению после мира с Тверью (1368),⁸⁰ а когда Михаила обманом захватили в Москве, но были вынуждены по вмешательству Мамаея освободить, митрополит отпустил Дмитрию Ивановичу вину в нарушении

⁷³ Там же, с. 391; ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 95.

⁷⁴ ДДГ, № 6.

⁷⁵ SRP, t. II, p. 113 («по их обычаю»); *Dlugosii Y. Historiae Polonicae*, t. III—IV. Cracoviae, 1873, lib. X, p. 144.

⁷⁶ ПСРЛ, т. XI, с. 10 (1368 г.).

⁷⁷ РИБ, т. VI, Приложение № 24, стб. 135—140 (1371 г. — Альгирдас пишет патриарху Филофею о 9 русских походах и занятии этих и еще десяти городов).

⁷⁸ *Приселков М. Д.* Троицкая летопись, с. 379 (1363 г.).

⁷⁹ РИБ, т. VI, Приложение № 20—21 (1370 г.).

⁸⁰ ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 84; ср.: РИБ, т. VI, Приложение № 19, стб. 117—118 (1370 г.).

клятвы (1368).⁸¹ Понять митрополию можно. Ведь в середине века по смерти митрополита Феогноста (1353) произошел «мятеж во святительстве», когда патриарх византийский столкнулся с необходимостью выбрать кандидата не только от Москвы (им был Алексей), но и от Вильнюса (им был сперва Феодорит, потом — тверитин Роман). И патриарх, уступая давлению Великого княжества Литовского, сделал первый шаг к разделу русской митрополии на «всея Руси» (с центром во Владимире и Киеве) и Малой Руси (с центром в Новгороде)⁸² (а потом и с третьим, для Польши, центром — в Галиче). И хотя патриархия надеялась, что «цвет мира» между двумя митрополиями сохранится «во всей красе и свежести»,⁸³ этого не случилось, и у русской митрополии, по мере усиления прокатолического курса виленской княжеской группировки Ягайло, были все основания для беспокойства.

Это, однако, не значит, что, как любила повествовать русская православная историография, князь Дмитрий правил в полной гармонии с церковной знатью. Показательна его попытка поставить по смерти Алексея (1378) в митрополиты своего духовника и придворного печатника (канцлера) Дмитрия. Такое поставление было вполне в традициях борьбы церкви и государства и во Владимиро-Суздальской и Галицко-Волынской землях XII—XIII вв. Попытка не удалась из-за смерти кандидата буквально у стен Константинополя, породив в среде церковников круга Сергия Радонежского примечательную своей политической направленностью памфлетную «Повесть о Митяе». В этой связи достойно внимания и то, что после Куликовской битвы очередной литовский ставленник болгарин — митрополит Киприан перебрался в Москву, где позднее (1390—1406) осторожно и примирительно сотрудничал с русским правительством в его объединительной политике.

Отношения с Золотой Ордой отличались неустойчивостью, порождаемой «великой замятней» по смерти хана Джанибека (1357) — борьбой между правителями право- и левобережной орд: Мамай — кризисная фигура истории распада Золотой Орды, беклярибек, не Чингисид родом, поднявший руку на старую монгольскую аристократию, властитель, ненадежно поддерживаемый феодалами правобережной орды, неоднократно переплывавший с одного берега Волги на другой, чтобы посадить на трон очередного из своих подставных ханов, будь то Абдуллах или Мухаммед-Булак, выбросить на рынок Сарая монеты с его именем, а потом, спасаясь от местной знати, спешно бежать на правобережье.

Коварный и нетерпеливый, вспыльчивый и мстительный, волею судьбы правитель-импровизатор, остро нуждавшийся в военных успехах и не имевший устойчивой силы, чтобы их осуществить, лишенный доверия всеми невольными и вольными союзниками (и русскими, и литовскими,

⁸¹ *Приселков М. Д.* Троицкая летопись, с. 386 (1368 г.); ср.: РИБ, т. VI, Приложение № 24, стб. 136.

⁸² РИБ, т. VI, Приложение № 13 (1361 г.).

⁸³ Там же, Приложение № 15, стб. 94.

и итальянскими), он столкнулся в лице великого князя московского Дмитрия с политическим деятелем, знавшим цену столетней государственной традиции укрепления московского единодержавия.

Поначалу московское правительство сочло целесообразным обзавестись ярлыком на Великое княжение Владимирское и в Сарае, и у Мамаея. Орда, в свою очередь нуждаясь в средствах и стараясь ослабить Московское Великое княжение, сделала попытку передать ярлык князю нижегородскому (1364), но тщетно. Тогда главной фигурой в руках Орды стал тверской князь Михаил.

Мамай, занявший в ту пору Сарай, помог Михаилу избежать московского плена, потом в его поддержку выступил Альгирдас. После неудачи первого литовского похода Мамай послал Твери свой ярлык на великое княжение, но сам утратил тогда Сарай, и союзники Дмитрия попросту не пропустили его послов в Тверь (1370). После неуспеха второго литовского похода Мамай, обретший вновь власть над Сараем, опять поддержал Тверь своим ярлыком. В Москве сперва недооценили этот акт: слишком калейдоскопично сменялись властители на волжских берегах. Поэтому, прикрыв войском Великое княжество Владимирское, Дмитрий Иванович велел передать Мамаеву послу Сырохоже: «К ярлыку не еду, а в землю на княжение на великое не пуцаю, а тебе, послу, путь чист».⁸⁴ По этому пути посол и прибыл вместо Владимира в Москву (1371). Тут его одарили, получили нужную информацию и решили, что в предвидении нового похода Альгирдаса на Москву следует как-то урегулировать отношения с Мамаем. Дмитрий Иванович поехал в Орду. Мамай признал его великим князем, не лишив, однако, ярлыка и тверского князя. Да и за это полупризнание пришлось столько заплатить, что вернулся князь «съ многими длъжники»⁸⁵ и тяжелая дань пала на города и людей. Как всегда, вся тягота и успехов и неудач политики падала на простой народ.

Провал московских походов Альгирдаса predetermined на ближайшие годы судьбу Твери. Для московского правительства наступление на Тверь, своими нападениями с санкции Мамаея не раз разорявшую земли Великого княжества Владимирского и Новгорода (Дмитров, Кашин, Торжок), было естественным шагом в политике объединения.

Дальнейшие события показывают, что политическая неустойчивость в Орде лишала Мамаея возможности в одиночку посягать на Московское Великое княжество. Он начал военные действия на Руси, но не против самой Москвы, а нападая на ее ближайшее к Орде союзное княжество — Рязанское (1373). Ордынско-московская война развертывалась как бы по касательной. Поход Мамаея ослабил Рязань: «...грады пожгоша, а людии многое множество плениша и побиша»,⁸⁶ что сказалося на ее связях с Москвой. Дмитрий Иванович, опасаясь Мамаея, привел свои войска к Оке, но тот в глубь Руси не пошел. Довольно скоро Мамай вновь утра-

⁸⁴ ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 95.

⁸⁵ ПСРЛ, т. XV (Тверской сборник). М., 1965, стб. 430—431.

⁸⁶ ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 104.

тил Сарай, и Дмитрий прекратил выплату ему дани (1374). Попытка хана нанести удар по Нижнему Новгороду не удалась: там «побиша послов Мамаевых, а с ними татар с тысящу».⁸⁷

В эту пору тверской князь то признавал Владимирское Великое княжество «отчиной» Дмитрия (1374), то получал вновь от Мамаея великокняжеский ярлык; в Литве ему серьезной поддержки получить не удалось. Со своей стороны Дмитрий Иванович осуществляет новую важную меру — созывает в Переяславле съезд князей и церковных иерархов, после чего направляет на Тверь большое объединенное войско из городовых полков и княжеских дружин земель московских, великокняжесковладимирских, нижегородских, ростовских, ярославских, белоозерских, мOLOGских, стародубских, кашинских, новосильских, оболенских, тарусских, части смоленских и брянских. Муромские, рязанские и пронские силы, видимо, прикрывали русско-ордынский рубеж. Даже новгородцы подошли к стенам Твери. После месячной осады тверской князь капитулировал. В отличие от тверского князя Дмитрий Иванович русских городов не разорял, предвидя в них опорные центры воссоединения. Михаил подписал договор на московской воле (сентябрь 1375), признав себя вассалом («молодшим князем») Дмитрия и обязавшись выступать под московским стягом против Орды и Литвы.⁸⁸

События прямо вели к открытой войне с Ордой, независимо от того, какова будет позиция Мамаея в Поволжье. Поэтому в 1376 г. князь Дмитрий ходил с ратью к Оке «стерегася рати татарское», а в следующем году отправил нижегородский полк на Булгар, где ставленник Мамаея был заменен московским. Князь обеспечивал себе тылы и контроль над Волгой. С Дмитрия начинают (М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков)⁸⁹ новый этап московской восточной политики в Поволжье, не без оснований видя в нем предтечу Ивана Грозного. Тому свидетельство не только действия великого князя в Булгарии и Мордовии, но и его стремление жестко контролировать разбойную стихию новгородских ушкуйников в Поволжье. Дела шли не всегда удачно. На Нижней Волге появилась новая орда Араб-шаха (1377). Дмитрий, чтобы охранить Нижний, пришел к нему «в силе тяжце» и, не найдя здесь непосредственной угрозы, оставил пять великокняжеских городовых полков, которые, однако, из-за беспечности воевод были вместе с нижегородцами неожиданно разгромлены на реке Пьяне (август 1377) ратью «из Мамаевой Орды» и подвластными ей мордвинами, после чего войска сперва Мамаея, а потом Араб-шаха опустошили Нижний Новгород.

Хотя два важных опорных центра московской обороны — Рязань и Нижний сильно пострадали, военный потенциал московского князя был настолько высок, что московско-нижегородская рать прошла войной по

⁸⁷ Там же, стб. 106.

⁸⁸ ДДГ, № 9, с. 25—28; Черепнин Л. В. Образование Русского... государства..., с. 52—54.

⁸⁹ Рыбаков Б. А. Военное искусство. — В кн.: Очерки русской культуры XIII—XV вв., ч. 1. М., 1970, с. 387.

Мордовию, а когда осмелевший Мамай направил «вои многи» во главе с воеводой Бегичем «на всю землю Русскую» (1378), то Дмитрий вышел ему навстречу «в силе тяжце» на Оку. Противники встретились в рязанской земле у реки Вожи, неподалеку от Переяславля-Рязанского. Неожиданно увидевший русских Бегич нерешительно потоптался на месте, потом перешел реку и попал в окружение трех ратей — окольников Тимофея, пронского князя Даниила и стоявшего в центре Дмитрия. Разгром был полным: в битве пали пятеро татарских князей.⁹⁰ К. Маркс в «Хронологических выписках» отметил это событие как первое правильное сражение с Ордой, выигранное русскими.⁹¹ Разгневанный Мамай обратил свою ярость на Переяславль-Рязанский, опустошив его и прилежащие земли; причем рязанский князь Олег, едва из их «рук убежа, изстрелян».⁹² Эти первые шаги опаленной и истерзанной страны к освобождению невольно поражают воображение историка.

Между тем крупные политические перемены назревали в Великом княжестве Литовском, где после смерти Альгирдаса великим князем стал Ягайло. Этим переменам была суждена важная роль в исходе предстоящего столкновения Руси с Ордой.

Ягайло, видя неуспех восточной политики Альгирдаса, твердо решил добиться ее поддержки католическими державами и папством, ценою принятия христианства и политической унии с Польшей. К этому его побуждали и сдвиги в общественном строе Литвы, которой была нужна поднаторевшая в агрессии против «схизматиков» католическая идеология.⁹³

Новый курс Ягайло не встретил, однако, сочувствия в той части Литвы, которая уже второе столетие особенно упорно воевала с католическими державами: трокайская группировка князей во главе с братом Альгирдаса Кейстутисом и его сыном Витаутасом выступила против виленской группировки Ягайло. Вмешательство в их борьбу Ордена (с которым Ягайло заключил сепаратный договор от 31 мая 1380 г.)⁹⁴ настолько накалило отношения, что практически лишало Ягайло вооруженной поддержки Жемайтии и Западной Аукштайтии.

Со своей стороны Дмитрий Иванович делал все, чтобы использовать временное ослабление Орды и разногласия в Великом княжестве Литовском для привлечения к себе симпатий подвластных Ягайло славянских земель. Действия московского князя имели успех. Опасаясь нового курса

⁹⁰ Подробнее см.: Назаров В. Д. Русь накануне Куликовской битвы. (К 600-летию сражения на р. Воже). — ВИ, 1978, № 8, с. 98—114.

⁹¹ Архив Маркса и Энгельса, т. VIII. М., 1946, с. 151.

⁹² ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, с. 308.

⁹³ Батура Р. К., Пашуто В. Т. Культура..., с. 111—112.

⁹⁴ Codex Diplomaticus Lithuaniae, р. 55—56; Обзор историографии и источников вопроса см.: Ючас М. Литовское Великое княжество во второй половине XIV—нач. XV в. и борьба литовского народа за независимость. Автореф. канд. дис. М., 1956 (см. дис. — хранится в Научном кабинете Института истории СССР АН СССР, с. 272—279).

Ягайло, пришел во Псков служить Дмитрию полоцкий князь Андрей, сын Альгирдаса. Вместе с его литовскими боярами и псковско-полоцкой дружиной и волынским выходцем воеводой Дмитрием великий князь отправил своего соратника Владимира Андреевича в глубокий рейд в южном направлении, по брянским землям. Заняв Трубчевск и Стародуб-Северский, они ослабили связи Литвы с Ордой. Сидевший в Трубчевске князь Дмитрий, другой сын Альгирдаса, также со своими боярами перешел («в ряд») на московскую службу.⁹⁵

В ответ Ягайло пытался закрепиться в Новгороде, понудив его принять своего наместника на важные пригороды. Москва выразила свое недовольство этой акцией, и новгородским боярам пришлось посылать к Дмитрию большое посольство, чтобы восстановить мир по старине (март 1380).⁹⁶ Предвидя обострение борьбы, местное боярство старалось остаться над схваткой, признавая власть Дмитрия как великого князя над Новгородом и патронат Ягайло над некоторыми пригородами. При этом в решающем походе против Мамаея новгородцы не участвовали.

5. СЛАВНАЯ ПОБЕДА

К 1380 г. положение властителя правобережной Орды Мамаея вновь осложнилось. В Сарае вместо Араб-шаха утвердился Тохтамыш, поддержанный Кок-Ордой и могущественным Тимуром. Он завладел основными центрами левобережья — столичным Сараем ал-Джедидом, старым Сараем — ал-Махрусом и Хаджитарханом. Беклярибек Мамай поэтому связывал с походом на Москву надежды на укрепление своего господства в Поволжье, рассчитывая на денежные поборы и людские ресурсы. По сведениям летописей, он настаивал на уплате «выхода» в размере, который взимался еще при хане Джанибеке, а «не по своему докончанию» с Дмитрием, когда дань была, видимо, уменьшена. Насколько можно судить по нашим довольно запутанным и противоречивым летописным и повествовательным источникам, он обеспечил себе военную поддержку со стороны Ягайло и заручился нейтралитетом Рязанской земли. Вместе с тем рязанский князь Олег Иванович счел нужным сохранить отношения и с Дмитрием, предупредив его о замыслах хана («поведаея Мамаев приход»). Наконец, Мамай использовал наемников из подвластных владений Поволжья, Крыма и Кавказа (армян, черкесов, буртасов, итальянцев, болгар). По мнению известного статистика Б. Ц. Урланиса, это пестрое, состоящее в основном из кочевников войско насчитывало до 60 тыс. человек.⁹⁷

Сохранившиеся источники — летописи, повести, предания, возникшие

⁹⁵ ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 138; о том, что вместе с этими князьями на московскую службу пришли литовские бояре и приняли участие в Куликовской битве, см.: *Batūra R. Lietuvos kova su Aukso Orda. — Mokslas ir gyvenimas*, 1966, № 10, p. 30; Повести о Куликовской битве, с. 17.

⁹⁶ НПЛ, с. 376.

⁹⁷ Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. М., 1960, с. 38—39.

на протяжении XIV—XVI вв., не содержат подробного описания хода Куликовской битвы; даже самое раннее из них — «Задонщина», ближайшее к битве, создано автором не на основании строгих свидетельств документов и очевидцев, а «по делом и по былинам», когда факты осмысляются поэтически.⁹⁸ Но примечательная черта всех повествований — сознание великого значения битвы для страны, несомненно отражающее нарастающее стремление русского народа возвеличить битву и ее победоносных участников.

Имея в виду эти особенности сохранившихся описаний, мы все же можем восстановить если не детальный ход сражения, то народное представление о нем.

Численность русских войск в наших описаниях достигает фантастических цифр 428 тыс., а понесенных потерь — 250 тыс. Соответственно и число павших бояр и воевод колеблется между 400 и 600; среди них лишь количество потерь великих московских бояр (40), суздальских (50) и муромских (40) неизменно; судя по происхождению павших бояр, городов, пославших на битву свои полки, было от 11 до 15. Причем по мере объединения Московским Великим княжеством земель Великороссии в сказания включались все новые участники битвы — и Рязань, и Великий Новгород, и Тверь. Этим подчеркивалось значение битвы для судеб всей тогдашней России.

Из упомянутых источников складывается такая картина.

Войско Великого княжества Московского состояло из великокняжеских дружин, дружин вассальных князей, не менее 14 городских полков и пешего народного ополчения. По численности оно, вероятно, не уступало ордынскому. Это было общерусское войско, к которому присоединились белорусско-литовские дружины сыновей Альгирдаса из Полоцка и Трубчевска (в битве пало и 30 литовских панов). Повествовательный источник называет среди участников битвы Юрку сапожника, Васюка Сухоборца, Сеньку Быкова, Гридю Хрулева — «черных», «молодых», словом, простых людей.⁹⁹ Вооружено это войско было и для ближнего боя — мечами, саблями, топорами, сулицами, кинжалами, ножами; и для дальнего — луками и самострелами.¹⁰⁰ Пушек тогда в походы еще не брали, хотя на кремлевских стенах они уже стояли. Воинов предохраняли в бою щиты, шлемы, кольчуги, латы, наколенники. В среднем каждый воин нес

⁹⁸ См.: *Адрианова-Перетц В. П.* Историческая литература XI—нач. XV в. и народная поэзия. — ТОДРЛ, т. VIII. Л., 1951, с. 128—137; *Тихомиров М. Н.* 1) Куликовская битва 1380 г. — В кн.: Повести о Куликовской битве. М., 1959; 2) Куликовская битва. 1380 г. — ВИ, 1955, № 8, с. 11—25; *Черепнин Л. В.* Образование Русского... государства..., с. 596—623; *Азбелев С. Н.* Об устных источниках летописных текстов (по материалам Куликовского цикла). «Летописи и хроники». М., 1976, с. 78—101; а также статьи Бегунова Ю. К., Дмитриева Л. А., Салминой М. А., Творогова О. В. в кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966.

⁹⁹ Повести о Куликовской битве, с. 198.

¹⁰⁰ См.: *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII—XV вв. М., 1976; *Косточкин В. В.* Русское оборонное зодчество конца XII—XVI вв. М., 1962.

на себе около 16 кг вооружения и снаряжения. К этому времени на Руси выработался пятичленный порядок деления на полки — сторожевой, передовой, большой, правой и левой руки, к ним добавлялся резервный (засадный). Такое построение обеспечивало и должную глубину боевых порядков, и возможность маневра.

Готовя отпор в этот решающий момент, Дмитрий Иванович свой призыв собирать войско «розославъ» «по всѣ князи русские... и по вся воеводы мѣстныя, и по дѣти боярские, и по всѣ служылые люди» (с. 28). Он собрал войско с «полуотчины» (как говорили в Древней Руси), но решать предстояло судьбу всей родины. Широкие военные сборы последних лет и неоднократные походы к Оке бесспорно создали должную мобильность войск, усовершенствовали их оружейное и провиантское снабжение и т. п.

Местом сбора войск стала Коломна. Здесь был смотр полкам, собранным под «многих трубъ ратных гласы»,¹⁰¹ они были уряжены воеводами и распределены между полководцами. Отсюда после смотра русские и выступили в поход 20 августа 1380 г. Мамай со своей ратью находился в районе Дона, дожидаясь подхода союзных сил Ягайло, когда на разведку в сторону его войска были отправлены три отряда разведчиков. «Сказание» сообщает, что Мамай распорядился по улусам: «Да не папете ни единъ васъ хлѣба, будите готовы на русскыя хлѣбы» (с. 26). Эти хлеба обернулись ему полынью. Мамай напрасно ждал Ягайло, тот опоздал примерно на сутки — «не поспѣша бо на срок за малымъ — за едино днище или меньши» (с. 22). Можно полагать, что он и не стремился прийти вовремя: у него, кроме восточноаукштайтских, не было надежных сил — ни белорусские земли, ни украинские — Киев, Чернигов, Волынь, в большинстве пережившие ужасы золотоордынских нашествий и лишь недавно выпедившие из улуса, издревле связанные с Русью и тяготевшие к ней, не были заинтересованы ни в восточной экспансии, ни в торжестве прокатолического курса Ягайло.¹⁰²

Пока Мамай, продвигаясь к Дону, выжидал, «доколѣ приспѣть» к нему литовская рать (с. 19), Дмитрий Иванович предпринял встречное движение, двинувшись вдоль Оки, чтобы не втягивать в военные действия рязанского князя (он «заповѣда коемуждо плѣку и вѣводамъ: „Да еще кто поидеть по Рязанской земли, то же не коснися ни единому власу!“» — с. 34) и преградить ему путь к соединению с войском Ягайло. Одновременно его правый фланг прикрывали от Ягайло полки Дмитрия и Андрея, сыновей Альгирдаса. На Лопасне рати русского войска соединились, перешли Оку (здесь к ним примкнули силы Дмитрия и Андрея) и двинулись к Дону. По подходе к Дону состоялся военный совет, на котором решение главного вопроса — переходить реку или нет вызвало разногласия: одни опасались, попав под удар, лишиться путей отхода; другие, напротив, видели в реке прикрытие от возможного удара с тыла

¹⁰¹ Ермолинская летопись. ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910, с. 125.

¹⁰² Ючас М. А. Русские летописи XIV—XV вв...., с. 278—279, 283.

литовцев или рязанцев. Сражение было решающим и при любом варианте определяющим судьбу и войска, и, вероятно, Руси. И тогда князь Дмитрий «повелѣ мосты мостити на Дону и бродовѣ пытати тоа ноци» (с. 20). В густом тумане ночью с 7 на 8 сентября русские переправились через Дон и расположились на Куликовом поле, лежащем при впадении Непрядвы в Дон (западнее нынешнего села Монастырщина, Куркинского района Тульской области).

В битве главными руководителями с русской стороны были Дмитрий Иванович, его ближний боярин Михаил Бренок, стоявшие во главе засадного полка Владимир Андреевич и славный волынский воевода Дмитрий Боброк. При этих полководцах состояли помощники — князья и воеводы. А победа в жестоком кровопролитном сражении была достигнута всем русским воинством.

По традиции битва началась единоборством богатырей, в котором погибли и русский, родом из Брянска, Пересвет (погребен в Москве в Симоновом монастыре), и ордынский богатырь: «...и спадше оба с коней на землю и скончашесе» (с. 43). А затем «бысть сеча зла и велика, и брань крѣпка» и «множество бесчисленное падоша трупья мертвых обоих» (с. 20—21).

За схваткой сторожевого и передового полков с легкой конницей Мамаева последовало фронтальное столкновение главных сил: «...ступипшася обои силы велицѣи их на долгъ час вмѣсто, и покрыша полки полѣ, яко на десяти верстѣ от множества вой. И бысть сеча зла и велика и брань крѣпка, трусь великъ зѣло, яко же от начала миру сѣча не была такова великим князем руским» (с. 20). Русские были потеснены, и даже поник великокняжеский стяг, под которым пал Михаил Бренок. «Уже бо поганые татары поля наша наступают, а храбрую дружину у нас истеряли, а в трупи челоуѣчье борзи кони не могут скочити, а в крови по колѣно бродят» (с. 12). Правое крыло приступ отбило, а левое было смято и отходило к Непрядве, потеряв павшими всех воевод; кое-кто из «небывальцев» — ополченцев, впервые попавших на поле боя, не устоял.

Но в дело вступил засадный полк. Едва сдерживал его порыв воевода Дмитрий до решающего часа, когда его «буавии сынове», подобно соколам, ринулись на застигнутых врасплох врагов. Мамай потерпел сокрушительное поражение: «Тогда князь великий Дмитрей Ивановичь и брат его, князь Владимирь Андрѣевичь, полки поганых вспять поворотили и нача ихъ бити и сечи горазно» (с. 12).

С русской стороны в битве пали и князья, и несколько сот бояр, а прочих воинов такое множество, что, говорят летописцы, и перечислить невозможно («а прочьих боляръ и слугъ оставих имена... множества ради» — с. 22). Мамай бежал, потеряв войско и все имущество. Князь Дмитрий, весь доспех которого был «бить и язвенъ» (с. 22), объехал поле кровавой сечи, где «единъ за одинаго умре» (с. 47), где рядом лежали простые люди, воеводы и князья.

Потом Дмитрий «повелѣ трубити в събранные трубы, съзывать люди» (с. 47), чтобы предать павших земле. Восемь дней стояла русская рать

«на костях», хороня соратников. Ягайло, которого весть об исходе битвы настигла у Одоева, пограбил русские арьергарды, как смутно сообщают немецкие хроники, и повернул обратно. Рязанский князь в дело не вмешался.

6. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ БИТВЫ

Итак, грозный властелин был разбит. Он потерял доверие улусной аристократии, а вместе с ним — не только надежды на Сарай, но и правобережное Поволжье. Опрокинутый Тохтамышем, он бежал и погиб. Сам Тохтамыш вскоре (1382) предательски разорил Москву, ордынское иго было восстановлено и просуществовало еще сто лет.

Спрашивается, не напрасно ли русские пролили столько крови на Куликовом поле? Именно так и думают современные зарубежные апологеты Золотой Орды. Следуя прадедовским схемам русской дворянской историографии и дополняя их в угоду тем, кто тщится создать ложную родословную советской внешней политике, целый ряд зарубежных авторов (Б. Шпулер, Г. Франке, Р. Траулеттель, Д. Соундрс, П. Г. Силфен, Ш. Коммо и др.),¹⁰³ сиюсь доказать антиевропейскую сущность России, идеализируют ее «мирный симбиоз» с Золотой Ордой. Приложили руку к этой теме и маоистские историки, старающиеся выдать Монгольскую империю за великий пример прогрессивного объединения народов, а Чингисхана и его преемников за своих политических предтеч. Но это тенденциозный и близорукий взгляд. Исследования А. Н. Насонова, А. Ю. Якубовского, М. Г. Сафаргалиева, Г. А. Федорова-Давыдова, В. Л. Егорова¹⁰⁴ и других советских ученых, а также их монгольских коллег — Ш. Биры, Н. Ишжамца, Ш. Нацагдоржа, Д. Гонгора и других¹⁰⁵ ясно показали глубинный закономерный смысл происшедшего — ближние и дальние последствия этой исторической битвы в реальной политике и в общественно-политической мысли. Перечислим важнейшие.

Отныне Великое княжество Московское становится организатором и идеологическим центром воссоединения и национального освобождения Руси из-под ига, в то время как его главные внешнеполитические про-

¹⁰³ *Spuler B.* 1) *Die Mongolen in Russland. 1223—1502.* Wiesbaden, 1965; 2) *Der mongolische Nomadismus in einer sesschaften Gesellschaft: Die Goldene Horde.* San Francisco, 1975; *Franke H.* *Asien und Europa in Zeitalter der Mongolen.* Freiburg u. a., 1970; *Sanders J. J.* *The History of the Mongol Conquests.* London, 1971; *Comteaux Ch.* *La vie quotidienne chez les mongols de conquête (XIII-e siècle).* Paris, 1972; *Silfen P. H.* *The Influence of the Mongols on Russia: A Dimensional History.* New York, 1974.

¹⁰⁴ *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. (История татарской политики на Руси). М.—Л., 1940; *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950; *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960; *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966; *Егоров В. Л.* Золотоордынский город. Автореф. канд. дис. М., 1973.

¹⁰⁵ История Монгольской Народной Республики. М., 1967; Общественные науки в МНР. М., 1977; *Матвеева Г. С.* Историческая наука в МНР. — ВИ, 1978, № 8.

тивники Золотая Орда и Великое княжество Литовское вступают в полосу безысходного кризиса.

Куликовская победа вызвала национальный подъем, укрепление самой великорусской народности. «И въскипе земля Руская в дне княжения его» — сказано в «Слове о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича». ¹⁰⁶ Битве посвящены летописные повествования, художественная поэма («Задонщина»), воинские повести («Сказание о Мамаевом побоище»), отражающие взгляды различных групп светских и духовных феодалов — участников события. При общей высокой оценке самой битвы, они несходны в изложении событий. Дошли эти сочинения во многих списках, которые еще публикуются, форма их изложения затрудняет анализ. Всестороннее исследование этого драгоценного фонда памятников — назревшая задача. Вершиной национального подъема стали и бессмертная живопись Андрея Рублева, и развитие архитектурного ансамбля столицы. Сама символика посвящения храмов, связанных с Куликовской битвой, становится общевойскакой, общегосударственной. ¹⁰⁷ Народный эпос не отразил Куликовскую битву в особом сюжете, но и Куликово поле и Мамай и союзные ему литовские короли, которые тщетно пытались «каменну Москву под себя забрать», широко представлены в нем. ¹⁰⁸ Примечательно, что и в «Сказание о Мамаевом побоище» вставлена песня, отражающая думы простых новгородцев, которые в отличие от корыстных бояр сетуют на «великом вече», что им «не поспеть на пособь к великому князю Димитрию». ¹⁰⁹

В «Задонщине» оценивается и международный отклик на Куликовскую победу: «Кликнуло Диво в Руской земли, велит послушати грозным землям. Шибла слава к Желѣзным Вратам и къ Караначи, к Риму, и к Кафе по морю, и к Торнаву, и оттолѣ ко Царюграду на похвалу руским князем: Русь великая одолѣша рать татарскую на полѣ Куликове на речьке Непрядвѣ» (с. 10).

Куликовская битва — важная веха в истории взаимоотношений России с южнославянским балканским миром. Ведь вскоре он стал жертвой Османской империи. Завоевание Болгарии, Сербии, Балкан привело к резкому упадку южнославянской культуры, сопоставимому лишь с последствиями монголо-татарского разорения для России. И важно отметить, что в эту пору, сперва особенно тяжелую для России, потом для южных славян, эти страны и народы старались возродить давнее общее свое достояние, взаимно обогатить его, искали опоры в культуре друг друга, в частности и в культуре Руси, пережившей свой взлет после Куликовской победы, и в итоге создали такую культурную традицию,

¹⁰⁶ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2. Л., 1925, с. 353.

¹⁰⁷ Борисов Н. С. Русская культура и монголо-татарское иго. Автореф. канд. дис. М., 1977, с. 12.

¹⁰⁸ Пропп В. Я. Русский героический эпос. М., 1958, с. 312, 411.

¹⁰⁹ Пугилов В. Н. 1) Русский историко-песенный фольклор. XIII—XVI вв. М., 1960, с. 135; 2) Куликовская битва в фольклоре. — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, с. 107—129.

значение которой в их последующей многовековой борьбе за национальное возрождение, да и в нынешнем мире, трудно переоценить. Понятно, что и автор «Задонщины» вспомнил недавно разоренную Болгарию. Понятно и то, что Куликовская битва была воспета в сербском народном эпосе, где она вплетается в тему борьбы славянства с османским игом.¹¹⁰

Куликовская битва не только яркая победа русского народа, это и светлая страница в истории народов Белоруссии и Украины, которые остановили литовский меч, занесенный тогда над Великороссией. Ее отношения с Великим княжеством Литовским отныне определялись крахом восточной экспансии литовских феодалов. Они пытались найти выход в политической и церковной унии с Польшей (1386), возобновляя которую, все более поступались собственным суверенитетом в ее пользу. Это не спасло их от поражения в решающем столкновении с Золотой Ордой на Ворскле (1399), хотя и принесло победу над Орденом под Грюнвальдом. Если литовское правительство не раз использовало соглашения с рыцарями в тщетных попытках превратить Новгородскую и Псковскую республики в свои «русские воеводства», то Москва твердой рукой поддерживала сопротивление русских земель немецкому Ордену и в итоге выиграла борьбу с Литвой за земли Великороссии, успешно реализуя патримонильную программу собирания земель своей славянской «отчины».

В «Задонщине» упомянуты и Рим и Константинополь — важнейшие церковные центры Европы. Русская церковь — огромная идеологическая сила — после Куликовской битвы освятила ее, канонизировав споспешествовавшего победе Сергия Радонежского. Будучи реальными политиками и к тому же опасаясь распространения католичества на Восточную Европу, церковные иерархи действовали заодно с московским правительством в политике воссоединения.

Отношения с Ордой определялись тем, что отныне московское правительство активизировало военно-дипломатическую подготовку свержения ига. После битвы размер дани уменьшился, достигая, однако, огромной суммы в 10 000 рублей (на деньги конца XIX в. это составляло 1 000 000 рублей), причем на рубль можно было купить 100 пудов ржи.¹¹¹ Тяжелые поборы и разорения продолжались: Тохтамыш, Тимур, Едигей, Улу Мухаммед — зловещие фигуры в истории. И все же традиции Куликовской битвы жили, и решающим этапом в подготовке победы стала феодальная война 1425—1462 гг. Это был перелом на пути к централизации страны, хотя Орда и Орден, Литва и Швеция всячески препятствовали победе московской политики. Этим в значительной мере объясняется и затяжной характер высвобождения России.

В то же время Золотая Орда, в силу и феодального дробления, и сопротивления народов, вступила в заключительный этап политического

¹¹⁰ *Погодин А.* Српска народна песма о Куликовом боју 1380 г. — В кн.: Прилози за књижевност, език, историју и фолклор, кн. 18. Београд, 1938, с. 500—508.

¹¹¹ См.: *Павлов П. Н.* К вопросу о русской дани в Золотую Орду. — Учен. зап. Красноярского гос. пед. ин-та, 1958, т. 13. Сер. истор.-филол., вып. II, с. 74—112.

распада — на ханства Крымское (1433), Казанское (1446), Астраханское (1465) и Большую Орду (1430). Это открывало перед Великим княжеством Московским новые военно-дипломатические возможности, хотя и осложнившиеся выходом на восточноевропейскую политическую арену Османской державы. При Иване III правительство, умело сочетая военные походы с дипломатией, нейтрализуя и даже привлекая на свою сторону отдельных ханов, достигло решающего экономического и военного перевеса, воссоединив значительную часть Великороссии, а также обширную Новгородскую землю (1478). Чувствуя свою силу, Иван III прекратил выплату дани в Орду (1480), а когда большеордынский Ахмед-хан прислал за ней своих послов с грамотами, гневно прогнал их. Попытка вооруженной рукой добиться подчинения окончательно провалилась, натолкнувшись на четырехдневное противостояние русского войска ордынскому на Угре (8—11 октября 1480 г.).

Россия обрела национальную независимость, за которую бились войны Дмитрия Донского на Куликовом поле и о которой думал сорокалетний князь умирая. В его духовной грамоте-завещании сказано: «А переменит бог Орду, дети мои не имут давати выхода в Орду, и который сын возмет дань на своем уделе, тому и есть».¹¹² Централизованная и возрожденная Россия вновь заняла подобающее ей место в системе государств Европы, и иностранные державы спешили установить или возобновить с ней дипломатические отношения. Москва сносится с Испанией, Молдавией, Венгрией, Австрией, Францией. Централизация России породила обширную литературу о «Московии», державшей в своих руках торговые пути на Восток; этот своеобразный информационный взрыв затмил предшествующие сведения о России и создал ложное впечатление об «открытии» России Европой подобном открытию ею Америки.

На территории современной Европы было немного феодальных полиэтнических государств, еще меньше было среди них централизованных, и ни одно по своей прочности не могло сравниться с Российским. В самом деле, история стала свидетельницей упадка всех этнически неоднородных феодальных государств, в частности, простиравших свою власть на территорию Восточной Европы — Хазарии, Византии, Булгарии, Золотой Орды, немецкого Ордена, Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, Швеции, Турции, Австрии. Лишь Россия сохраняла и увеличивала свой славянский, а затем и неславянский ареал с той поры, как ее централизованное государство, сбросив иго Орды, возродило и укрепило древнерусское ядро.¹¹³

Ко времени Куликовской битвы восходят истоки торжества патримониальной концепции внешней политики централизованной России, политики, провозгласившей приведение государственных границ в соответствие с этническими, над агрессивной политикой децентрализуемых дер-

¹¹² ДДГ, № 12, с. 36.

¹¹³ Пашуто В. Т. Пути изучения истории Древней Руси. — В кн.: Будущее науки. Международный ежегодник, вып. 11. М., 1978, с. 279.

жав. С Дмитрия Донского начинается действенное влияние «русского» элемента Великого княжества Литовского и Польши на судьбу их политических проектов поглощения России. В сущности, три бескоролья, интервенцию в Россию и крах восточной политики — вот что получило Великое княжество Литовское, доведя унию 1386 г. до унии 1569 г., после безуспешных попыток Альгирдаса и его преемников продолжать восточную политику Гедиминаса в условиях политической централизации Великороссии.

В своем последнем труде Б. Н. Флоря отлично показал¹¹⁴ тупиковый, химерический характер последующих магнатских и шляхетских проектов русско-польской и русско-литовской унии, поразительную неосведомленность их творцов, их превратное представление о русском, как теперь принято говорить, хронотопе, органическую связь с внутренней политической сословий Речи Посполитой, их взаимоотношениями между собой и с династическими группировками.

То же относится к оценкам планов русской стороны с ее защитой своеобразной формы сословной монархии, попытками столкнуть шляхту с магнатерией, Великое княжество Литовское с Речью Посполитой. Впрочем, русское дворянство, долгие десятилетия наблюдавшее за политическими судьбами Речи Посполитой, само прошедшее, пусть кратковременную, школу выборной монархии, не привлекли «вольности» польско-литовской шляхты.

* * *

Прошли столетия. Советский народ, знающий цену национальной свободы, глубоко чтит память своих мужественных предков. В годы Великой Отечественной войны имя Дмитрия Донского прозвучало на историческом параде войск на Красной площади среди тех, чей пример воодушевлял наш народ на ратные подвиги во имя защиты социалистического отечества. На Куликовом поле бережно сохраняется мемориальный ансамбль, сто лет назад возведенный на народные пожертвования. Ныне он включает и церковь, талантом А. В. Щусева воплощенную в формы древнерусского хоромного строения.¹¹⁵ Славная битва вдохновляла поэтический гений не только современников. Ей посвятили проникновенные строки В. А. Жуковский, К. Ф. Рылеев, А. А. Блок. Она живет в живописи В. А. Серова, в музыке Ю. А. Шапорина. Она живет в наших сердцах.

¹¹⁴ Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI—начале XVII в. М., 1978.

¹¹⁵ Ашурков В. Н. На поле Куликовом. Тула, 1967.

А. Н. Кирпичников

ВЕЛИКОЕ ДОНСКОЕ ПОБОИЩЕ

8 сентября 1380 г. на берегу Дона в месте впадения в него р. Непрядвы в генеральном сражении была разгромлена крупнейшая монголо-татарская армия, осуществлявшая карательный поход на Русь. Куликовская битва явилась событием, изменившим ход русской истории. Победа русского войска на Куликовом поле привела к тому, что Золотая Орда была отброшена в разряд второстепенных держав.

Авторитет же Москвы как собирательницы русских земель укрепился окончательно. На повестку дня был поставлен вопрос о полной ликвидации монголо-татарского ига. В муках героической борьбы за свободу и независимость рождалось единое Русское государство. Куликовская битва явилась величайшей в средневековой Европе освободительной битвой. Она вернула русскому народу веру в свои силы и отчетливо показала, что на исходе XIV в. конфедерация русских земель и княжеств оказалась сильнее своего самого страшного противника.

Ни одно сражение русского средневековья не удостоилось столь повышенного внимания летописцев и древнерусских книжников. Комплекс сведений о Мамаевом побоище совершенно исключителен, а в ряде тактических деталей и вовсе неповторим. По общему мнению, источники, освещающие великую битву, основаны на многих достоверных фактах.

Особое место среди источников о Куликовской битве занимает замечательная своими подробностями Киприановская редакция «Сказания о Мамаевом побоище», входящая в состав Никоновской летописи. Неизвестные по другим материалам сведения о великой битве приводятся также В. Н. Татищевым в его «Истории Российской». К сожалению, татищевские известия в литературе, посвященной рассматриваемой теме, обычно не используются. Между тем они заслуживают внимания и, в частности, находят подтверждение в приблизительно современных Куликовской битве среднеазиатских источниках (см. ниже).

При всем интересе к Куликовской битве ряд ее моментов изучен недостаточно. Относится это и к ходу самого сражения. Не повторяя известного, остановимся на таких темах, как тактика боя, этапы сражения, боевое построение подразделений, потери русских войск, поведение в битве главнокомандующего. Рассматриваемые сюжеты небесполезны, по

XIV—XV вв. Попытка нового исследования военной стороны «Мамаева побоища» базируется на приведенных в систему знаниях о русском военном деле и вооружении периода зрелого феодализма.¹

Согласно «Сказанию о Мамаевом побоище» складывается определенное впечатление, что русские войска расположились на Куликовом поле еще накануне битвы. В день сражения эти полки были здесь «учреждены», то есть построены в боевой порядок, до 6 часа дня.² Далее упоминается «место высоко», откуда русское командование наблюдало расставленные, готовые к бою отряды и их поднятые стяги. «Сказание» приводит и другие детали пребывания войск на Куликовом поле. Здесь в обращении к войску великий князь призывал воинов сохранять боевой порядок. «Коиждо вас нынѣ учредитесь, утрѣ бо неудобь мощно тако учредитесь: уже бо гости (ордынцы, — *А. К.*) наши приближаются» (с. 39).³ В ночь перед битвой главнокомандующий вместе с воеводой Дмитрием Боброком на Куликовом поле «испытывал приметы». Гадание перед боем вполне вероятно, но произошло ли оно именно в ночь перед сражением, утверждать трудно. «В рассказе о гадании сказалась душа русского народа, грозного и в то же время жалостливого к своим врагам: „земля плачет“ чужеземным языком о детях своих. Эта печаль о погибших детях и неутешных матерях — высокая народная правда, вечная жажда мира и справедливости».⁴

Последовательно, в отличие от «Сказания» с конкретным указанием времени переправы через Дон, отображено начало дня великого сражения в летописной повести о Куликовской битве. Согласно этой повести 8 сентября (здесь и далее даты по старому стилю) 1380 г. на рассвете русская армия в боевом порядке по наведенным накануне мостам и разведанным бродам перешла Дон. Согласно Киприановской редакции «Сказания о Мамаевом побоище» после перехода через реку мосты были разрушены. Этим была предотвращена возможность глубокого обхода и удара ордынцев с тыла.

День встречи враждующих войск был выбран не случайно. Он совпадал со «светоносным» праздником рождества богородицы. Туман задержал сближение двух армий, поэтому оно произошло с опозданием. «Князю (великому, — *А. К.*) же перешедшу за Донъ в полѣ чисто... на усть Непрядвы... И бысть въ шестую годину дни, начаша появливатися погании измалтянѣ в полѣ... И ту исполчишася тотарьстии полци противу крестьянѣ» (с. 20). «Исполчение» русского войска непосредственно

¹ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси XIII—XV вв. Л., 1976.

² Часы дня, как известно, отсчитывались в средневековье от восхода солнца. 6 часов дня — полдень. По сегодняшнему счету времени эти 6 часов могут быть приравнены к 11 часам 35 минутам (*Каменцева Е. Н.* Хронология. М., 1967, с. 108).

³ Здесь и далее произведения Куликовского цикла цитируются по настоящему изданию, страницы обозначаются в скобках в тексте.

⁴ Тихомиров М. Н. Куликовская битва. — В кн.: Повести о Куликовской битве. М. 1959, с. 268.

на поле брани, о котором упоминает «Сказание», действительно имело место, однако оно, по-видимому, не было начальным, а повторяло в основном принятое во время остановки у Дона 6—7 сентября 1380 г., то есть накануне сражения.⁵ Тогда армия была разделена на шесть полков и 23 отряда (по 3—5 в каждом полку).⁶ Сообразно топографии местности и другим особенностям новой позиции взаимное расположение полков могло быть несколько изменено. Как бы то ни было, войска, выстроившиеся на Куликовом поле, в любой момент могли принять ближний бой. «Уже бо русские кони окрѣпишася от гласа трубънаго, и койждо вѣинъ идетъ под своим знаменем. И видѣти добрѣ урядно плѣкы уставлены поучениемъ крѣпкаго вѣеводы Дмитреа Боброкова Волынца» (с. 41).

В дубраву «вверх по Дону» был выдвинут засадный полк под руководством князя Владимира Серпуховского. Ход боя показал, что татары ничего не знали об этом скрытом резерве. Дубрава, о которой шла речь, судя по старинным описаниям и планам Куликова поля, примыкала к левому крылу русских войск и частично находилась в их тылу по берегу р. Непрядвы.

Главнокомандующий русским войском в последний раз объехал полки. Он по дружинной традиции призывал воинов не бояться смерти «за братию нашу, за все православное христианство». Если доверять свидетельству Киприановской редакции «Сказания о Мамаевом побоище», то в этой речи великий князь, явно разумея пестрый сборный состав областных ратей, напоминал об общерусском единстве рода, племени и веры. «И слышавше сие... мужествени быша, яко орли летающе и яко лвы, рыкающе на татарския полкы» (с. 63). В передаче В. Н. Татищева воины «всюду отвесчеваху ему (князю Дмитрию, — А. К.), еже готови есми помрети или победити».⁷ Осознание борьбы за правое дело и единоклассный патриотический подъем придали войску в то грозное утро новые моральные силы. Так на Куликовом поле рождался подвиг, которому суждено было стать в веках примером беззаветного служения Родине.

В большом полку у главного знамени князь Дмитрий Иванович отдал «царскую приволоку», коня и знаки власти своему любимцу Михаилу Ивановичу Бренко. В ходе битвы боярин Бренко, которого прорвавшиеся к главному знамени татары приняли за великого князя, погиб как герой. Во время боя противники стремились достичь и опрокинуть главное знамя и захватить или уничтожить самого командующего. Знал это правило и князь Дмитрий. Однако, возлагая свою одежду на лю-

⁵ Сопоставление источников Куликовского цикла дает повод считать, что основополагающее построение русского войска произошло на берегу Дона накануне битвы. Предпринимать главное, требовавшее времени и инструкций построение в ожидании ордынцев на открытом для внезапного нападения Куликовом поле вряд ли было безопасным.

⁶ Новгородская IV летопись. — ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 2. Л., 1925, с. 486.

⁷ Татищев В. Н. История Российская, т. 5. М.—Л., 1965, с. 146.

бимца, он, по верному замечанию Д. Иловайского, никоим образом не мог предвидеть все случайности предстоящего боя, предвидеть, что боярина непременно убьют вместо него самого.⁸

Эпизод с переодеванием объясняется не трусостью предводителя, а всем характером его дружинного поведения и военной предусмотрительностью. В. Н. Татищев сообщал, что великий князь «сам хотя полки управляти и где потреба явится помосьч подавать».⁹

Об этом среди воевод шла речь еще при уряжении полков накануне битвы. Тогда местом пребывания главнокомандующего был определен большой полк. В предвидении переменчивых событий это намерение было изменено. Дмитрий Иванович сам решил выезжать в «горячие точки» сражения. Между тем главнокомандующий был весьма приметен. В Киприановской редакции «Сказания о Мамаевом побоище» сохранился его словесный портрет: «Беаше же сам крепок зело и мужествен, и телом велик и широк, и плечист, и чреват велми, и тяжек собою зело, бородою же и власы черн, взором же дивен зело» (с. 67). Выделявшийся своим видом и одеянием, в бою он наверняка привлек бы внимание и оказался верной мишенью врага. Оставляя постоянно находившегося при знамени двойника и сам будучи замаскирован под обычного воина, князь мог безопаснее скакать от полка к полку, на ходу следить за боем и в нужный момент давать распоряжения о посылке подкреплений. Необходимость разъездов диктовалась как масштабами сражения, затруднявшими единое руководство, так и отсутствием на «русской части» Куликова поля возвышенности достаточно высокой, чтобы просматривать всю «татарскую сторону» поля. В этом отношении позиция Мамаева была предпочтительнее. Он в окружении свиты наблюдал сражение с господствующего над местностью холма. Все сказанное поясним сведениями источников.

В начале сражения Дмитрий Иванович ездил в сторожевой полк, то есть на переднюю линию завязавшейся борьбы, «и мало тамо пребыв, возвратися паки в великий полк» (с. 63). Смысл такого выдвижения разгадывается примером одного среднеазиатского военного наставления, когда предводителю войска рекомендовалось распознать, нападает ли неприятель всеми силами или отдельными отрядами.¹⁰ Находясь впереди, Дмитрий Иванович действительно мог разглядеть и оценить выступавшие навстречу силы Мамаева.

Наведя противника на ложный след своего местопребывания, полководец в ходе сражения отбросил дальнейшую осторожность. Захваченный страстью борьбы и рискуя жизнью, он принял непосредственное

⁸ *Иловайский Д.* История России, т. 2. М., 1884, с. 549. Там же автор приводит пример переодевания в бою для создания ложной цели в одном сражении XVIII в.

⁹ *Татищев В. Н.* История..., т. 5, с. 146.

¹⁰ Имеется в виду «Установления планов и предприятий Тимура». Происхождение источника не выяснено, но зерно исторической правды он бесспорно содержит (*Остроумов Н.* Уложение Тимура. Казань, 1894, с. 81 и след.).

участие в сече. В момент схватки главных сил Дмитрий Иванович «ставъ напреди, на первом суимѣ» и «ударипася по главѣ его и по плещема его и по утробѣ его», был весь «бит» его доспех (с. 22), пали две лошади, не уцелела свита, немногочисленные свидетели видели князя, бьющегося в окружении татар. В конце концов оглушенный ударами он, чудом избежав смерти, выбыл из боя.¹¹

Одно из правил тимуровского полководения гласило, что если главнокомандующий вынужден принять личное участие в битве, то пусть это делает, не слишком рискуя собой, так как его смерть произведет на войско самое губительное впечатление.¹² Об этой же заповеди напоминали Дмитрию Ивановичу и воеводы. Они просили его не выезжать вперед, но стоять «назади или крилѣ, или нѣгдѣ въ опришнѣмь мѣстѣ». На это он отвечал: «Да како азъ възглаголю: „Братъаа моа, да потягнем вси съ единого“, а самъ лице свое почну крыти и хоронитися назади? Не могу в том быти, но хощу яко же словом, такожде и дѣлом напреди всѣх и пред всеми главу свою положити за свою братью и за вся крестьяны, да и прочьи, то видѣвше, примут съ усердием дръзновение» (с. 22). В этих словах отважного воителя нет недостовверного. Заметил это еще летописец, записавший: «Да яко же рече, и тако сътвори».

Феодалы XII—XV вв. — воины, зачастую любившие лихие схватки и звон оружия. Они первые врубались в гущу врагов, увлекая за собой других бойцов. Эти качества унаследовал и Дмитрий Иванович. Он командовал центральным полком в битве на Воже в 1378 г. и как рядовой воин доблестно рубился на Куликовом поле. Позже, в год свержения монгольского ига, в 1480 г. архиепископ Вассиан, призывая Ивана III на новую битву с татарами, вспоминал Дмитрия Донского, который «скочи на подвиг и напред выеха и в лице став против»¹³ Мамаю. Иван III, осторожный политик и создатель могучего государства, в отличие от своего храброго предшественника не любил сечи и избегал посещать свои полки.¹⁴ Век едиборцев-князей остался позади, но их подвиги всякий раз с новой силой воодушевляли потомков.

¹¹ После битвы контуженного князя якобы нашли под деревом. Трудно представить, как оглушенный и будто бы раненный в бою человек смог выбраться из сечи и добраться до дубравы. Это сообщение «Сказания о Мамаевом побоище» вызывает недоверие, тем более что о «язвениц» князя Дмитрия (у которого «на телеси же нигде же смертна раны обретеса», с. 67), в дальнейшем не упоминается. В позднем источнике этот эпизод расцвечен баснословием о том, что великого князя нашли в версте от боя «ранена вельми кровава, во единой срацице сидяща» (Устюжский летописный свод. М.—Л., 1950, с. 60). Скорее всего, полководец упал под ударами врагов на поле боя и в беспмятстве пролежал среди тел погибших и раненых до конца сражения. Иллюстрирующие этот эпизод миниатюры Лицевого свода XVI в. именно так его и трактуют (БАН РО, 31.7.30, т. II, л. 92 и об.). На этих рисунках мы видим великого князя, лежащего после оглушения на самом побоище.

¹² Остроумов Н. Уложение... с. 82.

¹³ Никоновская летопись. — ПСРЛ, т. XII. СПб., 1901, с. 212.

¹⁴ Веселовский. с. 76.

Обратимся здесь к ходу битвы, которая, по достоверному показанию Летописной повести, продолжалась около 4 часов — от шестого часа до десятого (то есть в переводе от 11.35 до 15.35).

Бой завязали сторожевые полки, что скорее всего означало разведку боем, обоюдное «прощупывание» сил. «Сам же князь великий наперед в сторожевых полцех ездяше и, мало тамо пребыв, возвратися паки в великий полк» (с. 63). По-видимому, во время пребывания впереди было распознано намерение татар произвести схватку всеми силами. К этому же приготовились и русские части. Спускаясь с возвышенностей («с шеломяни»), противники начали сходитьсь. «И удари всякъ въинъ по своему коню и кликнуша единогласно: „С нами богъ!“ — и паки: „Боже христианский, помози нам!“¹⁵ погании же половци свои боги начаша призывати» (с. 43). Русские шли не торопясь, ордынцы «борзо». Неожиданно произошла заминка. Татары «не поступающе, сташа... И тако сташа, копия подкладше, стена у стены, кождо их на плещу предних своих имуще, преднии краче, а заднии должае» (с. 63). Перед нами довольно редкий в монгольской тактике случай использования пешего, оцетинившегося копьями строя. Насколько известно, ордынцы в походах на Русь не использовали пехоту. Не обратились ли они к употреблению этого рода войск, убедившись в его эффективности и популярности в русских землях? Симптоматично, что в 90-е гг. XIV в. пехота была подо-бающе оценена и широко использована Тимуром.

Внезапная остановка татарской конницы под прикрытием пеших копейщиков в самый, казалось бы, неподходящий момент сближения ратей точно объяснена в Киприановской редакции «Сказания о Мамаевом побоище»: «...ибо несть места, где им разступитися» (с. 63). Очевидно, поле боя оказалось для ордынцев слишком тесным, и они задержались, чтобы перегруппировать силы. Видимо, только тогда обнаружили они всю невыгоду предложенного им места сражения.

Изучение старинных планов Куликова поля показывает, что в древности оно в доступном для полков виде достигало в ширину не более 2,5—3 км при длине (между пригодными для наблюдения возвышенностями) около 4 км.¹⁶ Обрисованное относительно небольшое пространство не позволило ордынцам применить их излюбленный маневр — фланговый охват войск противоположной стороны и в значительной мере осложнило и замедлило их наступательные действия.

Во время упомянутой задержки состоялся поединок инок Пересвета и татарского богатыря. Оба храбреца сшиблись на копьях, поразив друг друга. Исход поединка рассматривался обычно как предсказание победы

¹⁵ Боевой клич «С нами бог!» восходит к византийскому полководению и зарегистрирован в Стратегиконе Псевдо-Маврикия конца VI—начала VII в. (*Кучма В. В.* Византийские военные трактаты VI—X вв. как исторический источник. — Византийский временник, т. 40. М., 1979, с. 74).

¹⁶ *Масловский Д.* Из истории военного искусства в России. — Военный сборник, 1881, август, № 8, план — с. 212. В литературе пространство Куликова поля, предназначенное для размещения полков, обычно преувеличивается в 2—3 раза.

какой-то одной стороны, здесь же обе воюющие стороны оказались перед неизвестностью, как бы в равном положении. Сразу же после поединка (настал 7-й час дня, в переводе 12.35—13.35) рати пошли на бой всеми силами.

Развернувшуюся затем на Куликовом поле картину боя историки представляют как одновременное столкновение трех расположенных по фронту длиной 5, 5,5 и даже 10 км¹⁷ русских полков с татарскими (строй последних неизвестен). На исследователей влияет сама трехчастная схема линейной разбивки войска на чело и два крыла. При этом не учитывается и топография поля битвы. Полки помещают перед холмами, реками, долинами, а то и на месте вырубленных в XIX в. дубрав. Такие реконструкции вряд ли убедительны. Растяннутость подразделений на поле брани делала бы их плохо управляемыми. Построенные в боевой порядок полки имели перед собой не пересеченную местность, а открытое ровное пространство, по словам Киприановской редакции «Сказания о Мамаевом побоище», «поле чисто» и «место твердо». Кроме того, как сами полки, так и составляющие их отряды могли выдвигаться на передовую позицию не все сразу, а, как подсказывают примеры международного полководения, последовательно, сообразуясь с приближающимися силами противоположной стороны. В рассматриваемом случае источники указывают на первоочередное выдвигание к фронту боя не трех, а двух подразделений, а именно полков передового и правой руки. О двух вступивших в бой полках сообщают Летописная, Распространенная и Киприановская редакции «Сказания о Мамаевом побоище». «Сказание» Основной редакции указывает, правда, три русских полка, встретивших татар, но тут же добавляет, что отряды «поганых» двигались навстречу «обапол», то есть по обеим сторонам поля (с. 43). В период сближения противников поле сражения было, возможно, разделено как бы на две части по числу занимающих его по фронту подразделений. Объяснить все это можно только относительной узостью места сражения, на котором как русские, так и татары не могли развернуть крупных сил, тем более всех приведенных войск.

В ходе завязавшегося сражения первоначальный боевой порядок изменился, во всяком случае был уплотнен. Татары старались ввести в бой одновременно как можно больше войск. В дело были брошены главные силы. «И о часе седьмом соступишась обоюду крепце всеми силами и надолзе бишась».¹⁸ Ожесточение боя нарастало. Вместе с этим усиливалась ставшая невероятной теснота. С неотразимой документальностью

¹⁷ Масловский Д. Из истории... план местности Куликовской битвы; Голицын Н. С. Русская военная история, ч. 1. СПб., 1877, план местности и битвы на Куликовом поле; Луцкий Е. Куликово поле. — Историч. журнал, 1940, № 9, рис. 51; Карасев А. В., Оськин Г. И. Дмитрий Донской. М., 1950, схема 4; Строков А. А. История военного искусства. Рабовладельческое и феодальное общество. М., 1955, схема 54; Разин Е. А. История военного искусства, т. II. М., 1957, рис. с. 279; Ашурков В. Н. На Куликовом поле. Тула, 1967, схема на с. 39.

¹⁸ Татищев В. Н. История... т. 5, с. 146.

воспроизводит картину рукопашной Киприановская редакция «Сказания»: «...и паде татарское тело на христьяньском, а христьяньское тело на татарском, и смесия кровь татарская с христьяньскою. Всюду бо множество мертвых лежаху. И не можаху кони ступати по мертвым. Не токмо же оружием убивахуся, но сами себя бьюще, и под коньскими ногами умираху, от великия тесноты задыхахуся, яко немощно бе вместилися на поле Куликове... множества ради многих сил сошедшеся» (с. 64). Характерно, что источники не упоминают о пленных.

В период рукопашной происходили схватки отдельных единоборцев. С редкой подробностью сообщает об этом летописная повесть о Куликовской битве. «Инди видѣти бѣаше русинъ за тотарином ганяшеся, а тотаринъ сии настигаше. Смятоша бо ся и размѣсиша, коиждо бо своего супротивника искааше побѣдити» (с. 21). Источники сохранили описание волнующих эпизодов схватки этих людей. Так, Стефан Новосильский рассказывал, что видел уже пешего великого князя, бившегося против четырех врагов. Новосильский пытался помочь Дмитрию Ивановичу, но не смог из-за множества убитых быстро к нему подъехать. Едва удалось ему поразить одного из наступавших на великого князя, как на него самого наехало трое. От верной гибели Новосильского спасла случайность. Он сорвался с коня и «пребых» «во трупу» (с. 124).

В описаниях «Сказания о Мамаевом побоище» отчетливо угадывается, что организованная борьба велась не отдельными храбрецами, а сплоченными подразделениями. Во время рукопашной из строя выбывали в некоторых случаях сразу несколько находившихся рядом воинов. Иногда это были князья и бояре с их окружением, люди одного города или вотчины, родственники, бойцы малой тактической единицы. После окончания битвы на поле боя нашли павших рядом белозерских, углицких, дорогобужских князей. Лежали рядом слуга и господин. Люди, судя по всему, умирали примерно на тех же местах, где сражались и держали строй бок о бок друг с другом.

Тесный бой слитных подразделений весьма точно передают миниатюры Лицевого летописного свода XVI в. В ходе побоища массовые потери понесла русская пехота, «аки дрeвеса, сломишася и, аки сено посечено, лежаху» (с. 64). Судя по этой записи, полегли целые ряды этих бойцов. Сопровождающая этот текст миниатюра Лицевого летописного свода довольно реалистически передает избиение «пешцев» всадниками с саблями. Все свидетельства о битве достоверно раскрывают важнейшее тактическое правило средневековья, заключавшееся в том, что результативный бой велся слитными построениями. Как только они разрушались, организованное сопротивление прекращалось, а уцелевшие обращались в бегство.

Сражения XIV в., как удается установить, отличались от таковых же, например, XII в. применением последовательных многократных атак — суимов и большей самостоятельностью действий отдельных подразделений. Относится это и к рассматриваемой битве. К финальной ее фазе В. Н. Татишев отнес сообщение о том, что «татапе бо въезжаху в русские

полки, а русские в полки татарские».¹⁹ Этот прием реален и связан с глубоким вклиниванием тактических единиц в ряды друг друга. В параллель приведем слова Шереф-ад-дина Йезди в его «Книге побед» (1424—1425 гг.), относящиеся к битве Тимура и Тохтамыша в 1391 г., о том, что один из противников прошел сквозь строй другого и, остановившись, построил свои ряды в его тылу.²⁰ Сопоставление русских и среднеазиатских источников, касающихся военного дела, здесь лишний раз убеждает в международном сходстве ряда тактических правил конца XIV в.

Если начальная стадия битвы описана в источниках в подробностях, то ее середина и финал для летописца и книжника были почти полностью заслонены эмоциональной стороной события. Тем более ценны уникальные сведения, приведенные В. Н. Татищевым, о действиях полков в разгар битвы, что отнюдь не расходится с отдельными, подчас случайными замечаниями на эту же тему других источников Куликовского цикла. Остановимся на выяснении этих недостаточно установленных событий.

Общая рукопашная, развернувшаяся на Куликовом поле в разгар битвы, перемалывала силы враждующих, но не давала никому перевеса. Убедившись в том, что обойти русских невозможно, ордынцы сконцентрировали свой удар в центре русского построения. Им, очевидно, удалось прорвать фронт выдвинутых вперед русских полков и подойти к большому полку. По словам В. Н. Татищева, это подразделение (включавшее владимирцев и суздальцев), «бися на едином месте, не можаше одолети татар... ни татары могусче я сломити». Активную поддержку центру оказали отряды правого крыла. Там князь Андрей Ольгердович неоднократно атаковал татар, «но не смеяше вдаль гнаться, видя большой полк недвижущийся и яко вся сила татарская паде на середину (этого полка, — А. К.)... хотяху разорвати».²¹ Очевидно, имелся в виду разрыв строя главного подразделения на отдельные, изолированные группы в целях их последующего уничтожения. Одновременно ордынцы начали теснить левое крыло русских.

На исходе 8 часа дня татары захватили инициативу в свои руки. Настал кризисный момент сражения. Казалось, что «поганые» «отвсюду заидоша, оступиша около христьян».²² Множились общие потери. Сеча затронула не только рядовых бойцов, но и военачальников. «... начаша татарове одолевати, и уже много от... князей, и бояр, и воевод, аки древеса, склоняхуся на землю» (с. 64). Выбыл из строя главнокомандующий — князь Дмитрий Иванович и был убит его двойник — боярин Михаил Андреевич Бренко. Положение усугублялось тем, что русским «солнце бе во очи и ветер».²³ Древние считали такое положение крайне невыгодным для боя.

¹⁹ Там же.

²⁰ *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II. М.—Л., 1941, с. 170.

²¹ *Татищев В. Н.* История..., т. 5, с. 146.

²² Вологодско-Пермская летопись. — ПСРЛ, т. XXVI. М.—Л., 1959, с. 141.

²³ *Татищев В. Н.* История..., т. 5, с. 146.

Неприятелю удалось вклинуться в боевые порядки русских и в большом полку подсесть главному знамени. Обычно в сражении это вело к незамедлительному бегству войска. Однако произошло почти невероятное: несмотря на зловещие признаки разъединения строя и частичное нарушение боевого порядка, русские части, проявив беспримерное упорство, стойко сопротивлялись. Паника коснулась лишь неких московских «небывальцев», которые «на бѣги обратившися» (с. 21). Однако отступить было некуда. В тылу протекали «непереходная» Непрядва и сложный для переправы Дон.

Между тем поле битвы превратилось в огромное побоище. «Бывшу же яко девяти часом, и бысть такая смятня, яко не можашу разбирати своих».²⁴ Ордынцы, судя по тому что они «всюду одоляюще», ввели в дело, видимо, все свои силы, не оставив резерва. Это был роковой просчет.

Увлечшись преследованием полка левой руки, татары миновали дубраву. В это время с фланга и тыла на них внезапно обрушился засадный полк. В. Н. Татищев прибавляет здесь еще одну неизвестную подробность: «А князь Дмитрий Ольгердович созади большого полку вступи на то место, где оторвася левый полк, и нападе с северяны²⁵ и псковичи на большой полк татарский».²⁶ Речь идет о частном резерве великокняжеского большого полка. Назначение подобного подразделения обрисовано в «Книге побед» Шереф-ад-дина Йезди. Такой резерв, по словам восточного историка, ставили сзади главного корпуса с тем, чтобы «во время самого разгара сражения, когда сходятся храбрецы с обеих сторон схватиться друг с другом, если у одной из частей его (Тимура, — А. К.) победоносного войска будет нужда в подкреплении», эти люди будут готовы прийти на помощь.²⁷ Приведенная подробность военной тактики Тимура лишний раз подтверждает правдоподобность и невыдуманность татищевских известий о перипетиях Куликовской битвы.

Удар засадного полка и выступление тылового резерва радикально изменили ход битвы. Момент броска этих частей был выбран удачно: солнце и ветер переменялись и теперь были направлены в лицо неприятелю. Отряды Мамай, прорвавшиеся к Непрядве, как бы попали в мешок: были атакованы с флангов и тыла и первые подверглись уничтожению.²⁸

В стремительном кавалерийском бою всадники быстро устают. Истекшие два часа рукопашной предельно измотали обе стороны. Встречный удар, который нанесли свежие силы русских, татары выдержать не смогли. Согласно Киприановской редакции «Сказания о Мамаевом по-

²⁴ Там же.

²⁵ Имеется в виду, вероятно, трубчевская дружина из Северской земли, которую князь Дмитрий Ольгердович, перейдя на службу в Москву, сохранил за собой.

²⁶ Татищев В. Н. История... , т. 5, с. 146.

²⁷ Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов... , с. 168.

²⁸ После окончания битвы Непрядва была заполнена телами убитых ордынцев (см. Летописную и Распространенную редакции «Сказания о Мамаевом побоище» в кн.: Повести о Куликовской битве. М., 1959, с. 103 и 150).

боище», беспощадная оценка сложившейся тогда новой обстановки была дана самими ордынцами: «... наши же руки ослабеша, и плечи усташа, и колени оцепенеша, и кони наши утомлени суть зело» (с. 65). При появлении новых полков татарское войско охватила паника. Первым, как можно догадаться, побежал вклинившийся в расположение русских частей большой татарский полк. Наступательный порыв московских войск был настолько велик, что даже раненые, кто мог, снова вступили в бой. Мамай пробовал организовать сопротивление в глубине своих войск. «И ту вскоре сломише и вся таборы их (татар, — А. К.) вземше, богатства их разнесоша, и гнаша до реки Мечи»²⁹ (Красивой, — А. К.). Имея в виду полное разрушение боевого порядка и рассыпавшихся по полю беглецов, «Задонщина» прибавляет: «Туто поганые разлучишася розно и побѣгше неуготованными дорогами» (с. 12).

Разгром ордынцев был полный. Вооруженное преследование продолжалось всю вторую половину дня. К вечеру ратники возвратились каждый под свое знамя. Боевое состояние войска, несмотря на окончание сражения, вызывалось ожиданием литовской армии. Было еще неизвестно, что находившийся в одном переходе от Куликова поля князь Ягайло, узнав о поражении своего союзника Мамай, повернул армию и «побѣгоша назад съ многою скоростию, ни ким же гоним» (с. 22).

Так закончилась Куликовская битва — одно из величайших сражений русской истории, в котором с беспримерной силой проявились мужество русских воинов и полководческий талант их командиров.

После битвы все Куликово поле было завалено телами погибших и раненых. Вид побоища поразил с трудом разысканного и едва пришедшего в себя великого князя. При объезде поля он увидел, как сообщают источники, драматическую картину гибели многих своих виднейших сподвижников. Их останки были отправлены в колодах для погребения в родных местах. Что касалось рядовых воинов, то их даже невозможно было точно сосчитать, «зане телеса христианстии и бесурманстии лежаху грудами... никто всех можаше познавати, и тако погребаху вкупе».³⁰ Похоронами занимались 6 дней. По достоверному преданию, братские могилы были устроены на месте д. Монастырщина, которая называлась также Рожественном.³¹ Судя по названию, здесь раньше стоял монастырь во имя рождества богородицы, ежегодно праздновавшегося 8 сентября, что совпало с днем Куликовской битвы.³² Источники Куликовского цикла дают редкую возможность представить, какое количество русских людей пало в великой битве.

В историю Руси 1380 год вошел как год торжества победителей и скорби по массовым жертвам Донского побоища. Тогда во многих ме-

²⁹ *Татищев В. Н.* История... , т. 5, с. 147.

³⁰ Там же, с. 149.

³¹ И по сей день жители Монастырщины при земляных работах натываются на человеческие кости (*Куприн В.* Здравствуй, поле Куликово! — «Правда», 1979, 25 октября, с. 3).

³² *Тихомиров М. Н.* Куликовская битва, с. 372—373.

стах страны поминали убитых, а участники битвы были воспеты как национальные герои. «Тем воеводам при животе честь, а по смерти вечная память».³³ Ряд имен погибших сподвижников Дмитрия Донского был помещен в государственный пергаменный синодик, другие были сохранены летописцами и книжниками и оказались в местных записях и родовых преданиях. В летописной повести после списка погибших в битве предводителей добавлено, что «сии же писана быша князи токмо, и воеводы, и нарочитых и старѣйших боляръ имена, а прочих боляръ и слугъ оставих имена и не писах ихъ множества ради именъ, яко число превосходить ми: мнози бо на той брани побьени быша» (с. 22).³⁴ Для уточнения состава полковых начальников, участвовавших в великой битве, приведем их имена в том порядке, как они следуют в государственном синодике и некоторых других источниках.

В государственном пергаменном синодике,³⁵ древнейшая часть которого датируется XIV—XV вв., среди «убиенных от безбожного Мамаея» оказались записанными: один из предводителей передового полка³⁶ — князь Федор Белозерский и сын его Иван, командовавший тем же полком воевода коломенцев Тимофей Васильевич Вельяминов, воевода владимирцев и юрьевцев Тимофей Васильевич Волуй, один из воевод сторожевого полка, предводитель переяславцев Андрей Иванович Серкизов, также один из воевод сторожевого полка Михаил Иванович Окинфович, один из воевод большого полка боярин Михаил Андреевич Бренко, один из воевод полка левой руки Лев Морозов, начальник разведчиков Семен Мелик. Приведенный список по записи почти современен Куликовской битве и соответствует такому же перечню близкой к рассматриваемым событиям Троицкой—Симеоновской летописи, добавляющей в этот ряд еще и Александра Пересвета.³⁷

Характерен состав названных выше лиц. Почти все они являлись предводителями полков, назначенными во время построения армии на берегу р. Дон в канун сражения. Именно поэтому, как высшие военачальники, они и были по иерархическому признаку первыми внесены в синодик и летописи. Исключение составляет окольник Тимофей Васильевич Волуй, не числящийся среди полковых начальников. Согласно В. Н. Татищеву, в критическую фазу боя, когда враги врзались в большой полк, в котором к тому времени отсутствовали великий князь и по-

³³ Львовская летопись. — ПСРЛ, т. 20, первая половина. СПб., 1910, с. 233.

³⁴ Сходная с этой фраза повторяется и в ряде других источников.

³⁵ Древняя Российская Вивлиофика, ч. VIII. СПб., 1896, с. 22; Шамбинаго С. Повесть о Мамаевом побоище. СПб., 1906, с. 72—73; Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XIV—XV веках. М., 1957, с. 281—282; Повести о Куликовской битве, с. 241; Салмина М. А. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина». — В кн.: Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, с. 370—372. Исследователи обратили внимание, что упомянутый в синодике князь Семен Михайлович погиб, видимо, не в 1380 г., а в 1377 г.

³⁶ Обозначение командных постов здесь и далее приведено нами в соответствии с росписью полков, построенных на берегу Дона.

³⁷ Салмина М. А. «Летописная повесть»... с. 370—371.

гибший Михаил Бренко, именно Тимофей Васильевич и Глеб Друцкий (у Татищева, видимо неточно, Брянский) «зело крепче бишася и не даюсче татаром одолевати».³⁸ Совершенно очевидно, что оба этих человека в тот момент действовали как вставшие на место выбывших новые полковые руководители. Таким образом, первоначальные записи коснулись в первую очередь главных войсковых предводителей. Из назначенных на донском смотре 23 таких предводителей 6, а вместе с Волуем 7, погибли в сражении; это составляло почти треть командовавших русской армией.

К приведенному списку убитых в различных произведениях Куликовского цикла добавлены и другие военачальники: князя Федор Тарусский и брат его Мстислав, князь Владимир Дорогобужский, князя углицкие, белозерские, дорогобужские, ярославские, князь Иван Михайлович Моложский, князь Юрий Мещерский, воеводы Константин Кононович, Иван Иванович Акинфович.³⁹ Не продолжая этого перечня (что требует специальных разысканий), отметим, что из 44 упомянутых источниками в качестве участников Куликовской битвы князей погибло 24. Речь идет о разных начальниках, преимущественно весьма высоких рангов. Эти данные можно дополнить еще одним списком так называемых боярских потерь. Думаю, что в этом более массовом и безымянном перечислении частью скрыты и дети боярские. И бояре, и особенно дети боярские являлись по большей части начальниками средних и мелких тактических единиц.

Список боярских потерь содержится в «Задонщине» и «Сказании о Мамаевом побоище» и, несомненно, составлен по записям, произведенным на самом Куликовом поле. Сравнительно с 40 (подсчет наш) собравшимися на битву ополчениями, этот перечень включает людей, находившихся в 20 из них. Список поэтому неполон (по-видимому, обобщен), но учитывает основные контингенты оказавшейся на Дону русской армии, в особенности ее московскую часть.

Количество указанных в списке бояр, новгородских посадников, литовских панов⁴⁰ в сравнении с неправдоподобно громадными цифрами источников о численности русского войска кажется вполне «умеренным» и, видимо, не лишено достоверности. Здесь перечислены бояре московские, белозерские, коломенские, серпуховские, переяславские, костромские, владимирские, суздальские, муромские, ростовские, дмитровские, можайские, звенигородские, углицкие, из Нижнего Новгорода, галицкие, посадники из

³⁸ Татищев В. Н. История... т. 5, с. 146.

³⁹ Повести о Куликовской битве, с. 457; Родословная книга. — ВОИДР, кн. 10, М., 1851, с. 73; Никоновская летопись. — ПСРЛ, т. XI. СПб., 1897, с. 65; Никаноровская летопись. — ПСРЛ, т. 27. М.—Л., 1962, с. 75; Веселовский, с. 497—499. Ряд лиц, названных в списках погибшей в 1380 г. знати, такие как Дмитрий Минин, Акинф Шуба, Дмитрий Монастырев, были в действительности убиты в сражениях 1368 и 1378 гг.

⁴⁰ Подразумеваются полоцкая, трубчевская, брянская дружины, а точнее — личные дворы братьев Ольгердовичей, с которыми они, видимо, не расставались и в случае переселения из города в город.

Великого Новгорода, литовские паны. В некоторых списках «Сказания о Мамаевом побоище» добавлены бояре ярославские и тверские.⁴¹ Число погибших военачальников в разных источниках (и их редакциях) колеблется от 543 до 604. Если же иметь в виду составленный нами с учетом пропусков и дополнений и некоторого различия в цифрах сводный список потерь, то число павших составит от 697 до 873. Привлекая же наиболее правдоподобные цифры потерь, имеющиеся в «Задонщине» и Основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище», мы получим итог, приближающийся к 800.

В какой мере выведенное число отражает общую численность погибших в битве? Из источников европейского средневековья явствует, что руководителя мелкой тактической единицы — «копья» окружало несколько (три и более) человек. Один раз в «Сказании о Мамаевом побоище» упомянут такой отряд, состоящий из 10 воинов.⁴² Учитывая, что численность мелких тактических единиц была непостоянной, а в Куликовской битве она была больше обычной, можно допустить, что павшие в 1380 г. военачальники руководили 5000—8000 бойцов. Названные числа не равноценны общевойсковым потерям. Вряд ли во всех случаях будет точным утверждать, что смерть предводителя обязательно сопровождалась поголовным истреблением его окружения или, тем более, всего подразделения. Сопоставление вышедших из строя начальников и рядовых в нашем случае, думаю, не подчинено прямой зависимости. Из всего сказанного можно сделать следующие заключения. Судя по списку боярских потерь, они полностью или частично затронули не одну сотню мелких тактических единиц и тяжелейшим образом отразились на 20 главнейших ополчениях сражавшейся на Куликовом поле русской армии. Далее. Если верно соотношение 800 учтенных в списке бояр с 5000—8000 воинов, а непосредственно находившаяся на поле боя армия составляла, как можно предположить, не менее 40 000 (с обозными 50 000—60 000) человек, то доля «боярских» потерь составляла пятую или восьмую часть всего ее «офицерского» состава.

Приведенные выше расчеты, разумеется, гипотетичны и могут, пожалуй, измениться в сторону более значительных цифр. Источники называют число убитых с русской стороны на Куликовом поле от 253 000 до 360 000. Исчисления, что и говорить, фантастические и невероятно преувеличенные. Общая цифра русских потерь, если доверять В. Н. Татищеву, составляла 20 000 человек, то есть примерно треть всей армии. Некоторое подтверждение эти данные находят в том, что на поле боя 8 сентября 1380 г., как говорилось, погибла треть всех высших начальников. Каким бы ни было истинное число жертв Куликовского побоища, оно значительно сократило воинские силы страны. Летописец горестно запи-

⁴¹ В «Задонщине» упоминается 70 «бояринов рязанских», что, вероятно, является ошибкой, так как рязанцы участия в Куликовской битве не принимали.

⁴² Забелинский список «Сказания о Мамаевом побоище». — В кн.: Повести о Куликовской битве, с. 198.

сал: «...оскуде бо отнюдь вся земля Рускаа воеводами и слугами и всеми воиньствы и о сем велий страх бысть на всей земле Русстей».⁴³

Возвращаясь к характеристике Куликовской битвы, скажем о возвращении победителей. Нагруженная обозом с ранеными и сильно поредевшая русская армия 14 сентября, в день воздвижения креста, перешла Дон и 21 сентября прибыла в Коломну. 1 октября войскам была устроена торжественная встреча в Москве. Обратный путь, включая остановки в Коломне и с. Коломенском, занял около 11 дней, как и путь к Дону. Роспуск отрядов по домам происходил по мере приближения к Москве. По пути домой на некоторые из них нападали рязанцы и литовцы. Дмитрий Иванович хотел уже было послать рать на Олега Рязанского, но тот оставил свою столицу, а рязанские бояре приняли московских наместников. Едва ускакавший с Донского побоища Мамай стал собирать «остаточную» рать, чтобы «изгоном» вновь идти на Русскую землю, но сокрушенный ханом Тохтамышем бежал в Кафу, где и был убит.

Так закончилась продолжавшаяся почти два месяца Куликовская эпопея. Автор летописного рассказа «О великом побоище, иже на Дону» оценил ее в следующих, исполненных глубокого смысла словах: «Князь же великий Дмитрий Иванович съ прочими князи русскими и съ воеводами, и с бояры, и с велможамы, и со остаточными плъки русскими, ставъ на костех, благодари бога и похвали похвалами дружину свою, иже крѣпко бишася съ иноплѣменники и твердо за нь брашася, и мужьскы храброваша и дрѣзнуша по бозѣ за вѣру христьянскую. И возвратися оттуду (с Куликова поля, — А. К.) на Москву, въ свою отчину с побѣдою великою, одолѣ ратным, побѣдивъ врагы своя» (с. 15).

⁴³ Никоновская летопись. — ПСРЛ, т. XI, с. 69. Более подробно о сражении см.: Кириичников А. Н. Куликовская битва. Л., 1980.

Л. А. Дмитриев

ЛИТЕРАТУРНАЯ ИСТОРИЯ ПАМЯТНИКОВ КУЛИКОВСКОГО ЦИКЛА

Битве на Куликовом поле, происшедшей 8 сентября 1380 г.,¹ посвящено несколько литературных произведений, взаимосвязанных друг с другом. Совокупность этих произведений принято в настоящее время называть Куликовским циклом. В него входят: «Задонщина», краткая и пространная летописные повести, «Сказание о Мамаевом побоище». К Куликовскому циклу примыкают «Житие Сергия Радонежского» и «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича», в которых сражению на Куликовом поле уделено достаточно много внимания. Памятники Куликовского цикла пользовались большой популярностью у древнерусских читателей. Краткая и пространная летописные повести и их переделки включены во многие летописные своды, «Сказание о Мамаевом побоище» интенсивно переписывалось до XIX столетия, и многочисленные списки этого произведения свидетельствуют о самом активном отношении к нему до XVIII в. включительно. «Сказание» не просто переписывалось, а все время создавались новые редакции и варианты его. В конце XVII столетия «Сказание» было включено в «Синописис» — первую печатную краткую историю Руси. Для этой книги была составлена специально предназначенная для нее редакция произведения и, начиная с третьего издания «Синописиса», вышедшего в свет в 1680 г. (в первом и втором изданиях «Синописиса» рассказа о Куликовской битве не было), эта редакция «Сказания» перепечатывалась во всех последующих переизданиях «Синописиса» (вплоть до первой половины XIX в.). Редакция «Сказания» в Синописисе стала в XVIII в. наиболее популярным рассказом о Куликовской битве: читательский интерес к ней был настолько велик, что, несмотря на многочисленные переиздания «Синописиса», текст этот дошел до нас в большом числе рукописных списков XVIII—XIX вв. На тексте «Сказания» в редакции «Синописиса» завершилась рукописная история памятников, посвященных Мамаеву побоищу. Однако литературная жизнь произведений Куликовского цикла на этом не завершилась: они, с одной стороны, становятся источниками самых разнообразных ли-

¹ Здесь и далее даты даются в соответствии с их обозначением в древнерусских источниках.

тературных произведений, посвященных победе Дмитрия Донского над Мамаем, а с другой — начинают привлекать к себе внимание ученых как исторические источники, связанные с одним из самых знаменательных событий русской истории, и как памятники древнерусской литературы. Свое литературное значение, свою историко-литературную ценность произведения Куликовского цикла сохранили до наших дней, о чем красноречивее всего свидетельствуют многочисленные издания этих памятников древнерусской литературы, вышедшие в свет в 1980 г., к 600-летию Куликовской победы (в том числе и в таких издательствах, как «Детская литература», «Молодая гвардия»).

* * *

Особое место среди произведений о битве на Куликовом поле занимает «Задонщина». Автор этого произведения не ставил перед собой задачи описать в их последовательности все события героической битвы за Доном. Он передает эмоциональную оценку происшедшего на Куликовом поле, выражает охватившие его чувства и мысли, вызванные победой Дмитрия Донского над Мамаем. «Задонщина» — это лирический отклик на Куликовскую битву. И особенно примечательно то, что этот лирический отклик на важнейшее для исторической судьбы Руси событие оказался тесно связанным с другим самым лирическим и самым совершенным памятником древнерусской литературы — со «Словом о полку Игореве». Этой зависимостью «Задонщины» от «Слова» определяется особое место ее в истории древнерусской литературы вообще: помимо самоудовлетворяющей ценности «Задонщина» имеет исключительно важное значение и для изучения «Слова о полку Игореве». «Задонщина» свидетельствует о том, что «Слово о полку Игореве» было известно древнерусским книжникам и читателям, на фоне «Задонщины» ярче выступают литературные особенности «Слова», наконец, бесспорно доказанная вторичность «Задонщины» по отношению к «Слову» является объективным и самым убедительным аргументом в пользу подлинности «Слова о полку Игореве».²

Несмотря на то что «Задонщина» вызывала к себе большой и неизменный интерес и этому произведению посвящено немало исследований, многие вопросы литературной истории памятника остаются проблематичными.

Прежде всего, сложен вопрос уже с самим текстом произведения. До нас дошло шесть списков «Задонщины»: Ундольского (У), Ждановский (Ж), Исторический первый (И-1), Исторический второй (И-2), Кирилло-Белозерский (К-Б), Синодальный (С) (подробное описание списков «Задонщины» см. ниже в «Текстологических комментариях», с. 369—370). В списках Ж, И-1, И-2 — текст дефектный: Ж и И-2 — отрывки, И-1 — без начала. Полный текст произведения в списках У и С. Список

² Проблеме вторичности «Задонщины» по отношению к «Слову о полку Игореве» посвящен специальный сборник: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». Ред. Д. С. Лихачев и Л. А. Дмитриев. М.—Л. 1966. 620 с.

К-Б занимает особое место среди списков «Задонщины». Это самый ранний и точно датированный список. Сборник со списком «Задонщины» *К-Б* принадлежит известному книгописцу XV в., монаху Кирилло-Белозерского монастыря Ефросину. Частично сборник переписан самим Ефросином, частично другими писцами, но составление самого сборника, подбор материалов в нем всецело принадлежат Ефросину. Обращение Ефросина к теме Куликовской битвы было не случайным: сборник составлялся им в 70—80-е гг. XV в., т. е. как раз во время 100-летнего юбилея битвы за Доном. На одном из листов данного сборника Ефросин записал: «В лето 6888 (1380) сентября 8 в среду был бой за Доном. В лето 6988 (1480) сентября 8 ино тому прешло лет 100» (л. 263 об.). Ефросин, переписывая «Задонщину», как бы поминал погибших на Куликовом поле в связи со столетием этого знаменательного для судеб Руси события.³ Такой характер работы Ефросина определил и его отношение к переписываемому им тексту: он обратился лишь к первой половине памятника, завершавшейся перечислением убитых воевод и плачем русских жен по убитым на Куликовом поле. Поэтому Ефросиновский список «Задонщины» передает только начало произведения, а не весь текст в его полном объеме. Изучение сборников, принадлежащих Ефросину, показало, что этот просвещенный книжник второй половины XV в. составлял сборники, не копируя переписываемые тексты, а перерабатывая их. Он выбирал самое существенное из источника и сокращал тексты своих оригиналов.⁴ Такой же характер носила переработка Ефросином имевшегося в его распоряжении повествования о сражении за Доном. Дав этому произведению свое собственное краткое наименование «Задонщина»,⁵ он не только ограничился первой «поминальной» частью переписываемого им текста, но и сократил текст своего источника.⁶

Итак, хотя в списке *К-Б* до нас дошла самая ранняя запись «Задонщины», запись эта представляет собой уже переработку первоначального текста произведения, при этом только первой его половины. В списках «Задонщины» *У* и *С*, донесших до нас полный текст памятника, очень много ошибок и домыслов поздних переписчиков (оба списка написаны

³ Впервые эта мысль была высказана Д. С. Лихачевым.

⁴ См.: Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, с. 130—168.

⁵ Сразу же за «Задонщиной» Ефросин поместил краткие летописные записи о некоторых событиях, последовавших за Куликовской битвой (он отмечает, сколько прошло лет от Куликовской битвы до этих событий). В этих записях, так же как и в заглавии «Задонщины», он называет сражение на Куликовом поле «Задончиной», «Задонщиной», «Мамаевчиной». Нашествие Тохтамыша 1382 г. в этих записях Ефросин именуется «Тахтамышевщиной». Таким образом, заглавие «Задонщина» придумано Ефросином. Но этим лаконичным заглавием, точно отражающим суть произведения, стали называть данный памятник Куликовского цикла, имея в виду и все остальные списки произведения, в том числе и не дошедший до нас первоначальный текст памятника.

⁶ См.: Дмитриева Р. П. Приемы редакторской правки книгописца Ефросина (к вопросу об индивидуальных чертах Кирилло-Белозерского списка «Задонщины»). — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла, с. 264—291.

в XVII в.). Пестрят ошибками и искажениями и остальные, неполные списки «Задонщины». Поэтому в изданиях «Задонщины», рассчитанных на широкий круг читателей, приходится прибегать к реконструкции текста произведения. Реконструкции первоначального текста «Задонщины», в сущности, начали создаваться сразу же после того, как стало известно несколько списков ее. Первый опыт реконструкции был осуществлен в 1858 г. И. И. Срезневским по данным двух известных в то время списков У и К-Б.⁷ В дальнейшем опыты реконструкции «Задонщины» предпринимались неоднократно. Значительный вклад в выработку научных принципов реконструкции текста «Задонщины» внесла В. П. Адрианова-Перетц, посвятившая этой проблеме несколько своих работ.⁸ Реконструкция текста «Задонщины» публикуется и в данной книге.⁹

Ни в «Задонщине» ни в каких-либо других источниках прямого указания на время создания этого произведения нет. В первом большом монографическом исследовании памятников Куликовского цикла, принадлежавшем перу С. К. Шамбинаго,¹⁰ «Задонщина» датировалась исследователем началом — первой четвертью XV в. Основанием для такой датировки служило утверждение С. К. Шамбинаго, что автору «Задонщины» была известна летописная повесть о Куликовской битве, время написания которой он относил к концу XIV в. В рецензии на монографию С. К. Шамбинаго А. А. Шахматова, которая представляет собой большое исследование, приобретшее в науке не меньшее значение, чем монография С. К. Шамбинаго,¹¹ А. А. Шахматов также относил время написания «Задонщины» к началу XV в. Ни С. К. Шамбинаго, ни А. А. Шахматов, по существу, конкретных доводов в подтверждение того, что «Задонщина» была написана в это время, не приводили, однако датировка памятника первой четвертью XV в. стала общепризнанной. В 1947 г. М. Н. Тихомиров высказал ряд соображений в пользу того, что «Задонщина» была написана вскоре после Куликовской битвы. В «Задонщине» говорится, что слава победы над Мамаем, разнесшаяся по разным концам земли, достигла и города Тырнова — столицы Болгарского царства. В 1393 г. этот город был захвачен и разгромлен турками. Конечно, если бы произведение писалось значительно позже этой даты — в середине или второй половине XV в., то автор, подходя к данному вопросу исторически, вполне

⁷ Срезневский И. И. «Задонщина» великого князя господина Дмитрия Ивановича и брата его Володимера Оедреевича. — ИпоРЯС, т. VI, вып. 5, СПб., 1858, стб. 337—362 и отд. изд.: СПб., 1858.

⁸ Адрианова-Перетц В. П. 1) «Задонщина». Текст и примечания. — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, с. 194—224; 2) «Слово о полку Игоревім» і «Задонщина». — Радянське літературознавство. Київ, 1947. № 7—8, с. 135—186; 3) «Задонщина». (Опыт реконструкции авторского текста). — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948, с. 201—255.

⁹ Принципы этой реконструкции изложены в «Текстологических комментариях», см. с. 371.

¹⁰ Шамбинаго С. К. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906, VIII, 375, 190 с.

¹¹ Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго: «Повести о Мамаевом побоище». СПб., 1906. — В кн.: Отчет о двенадцатом присуждении премий митрополита Макария. СПб., 1910, с. 79—204 (далее — Шахматов. Отзыв).

мог назвать этот город, который в 1380 г. стоял в ряду самых прославленных центров православного мира. Но если «Задонщина» писалась в более близкое к 90-м гг. XV в. время, то едва ли автор назвал бы в своем произведении этот город, который недавно был разгромлен «агарянами» — турками. Упоминание Тырнова в «Задонщине», полагает М. Н. Тихомиров, свидетельствует о том, что произведение было написано до 1393 г. В «Задонщине» сказано, что от сражения на Калке до Куликовской битвы прошло 160 лет. Этот расчет указывает на 1383 г. По мнению М. Н. Тихомирова, данная ошибка может объясняться тем, что «Задонщина» писалась в 1383 г.¹² Г. Н. Моисеева обратила внимание на то, что упоминаемый в «Задонщине» город Орнач был во время борьбы Тамерлана с Тохтамышем разгромлен и после 1392 г. перестал существовать. Едва ли, считает Г. Н. Моисеева, назвали бы этот город в «Задонщине», если бы памятник писался позже 1392 г.¹³ К этому следует добавить, что в перечислении городов, до которых донеслась слава победы великого князя московского над Мамаем, в «Задонщине» названы «Железные ворота» — современный Дербент. И этот город имел важное политическое и стратегическое значение в XIV в., а в XV столетии пришел в упадок, после разорения его во время борьбы Тамерлана с Тохтамышем в 90-х гг. XIV в. Каждый из перечисленных доводов сам по себе не может служить достаточно веским аргументом в пользу датировки «Задонщины» 80-ми гг. XIV столетия, но в совокупности все эти показатели дают основание считать, что она была написана до 90-х гг. XIV в. Однако наиболее веским аргументом в пользу того, что «Задонщина» была создана в 80-е гг. XIV в., является сам характер этого памятника.

В списках «Задонщины» *И-1* и *С*, которые входят в разные изводы (первый — в извод Унд., второй — в извод Син.), в заглавии памятник назван «похвалой» (в *И-1*: «В лето 6887. Похвала великому князю...», в *С*: «Сказание Сафона резанца, исписана руским князем похвала...»), в самом тексте, по всем спискам «Задонщины», автор призывает воздать похвалу и славу Дмитрию Ивановичу Московскому и его брату Владимиру Андреевичу Серпуховскому. Отметив похвальный характер «Задонщины», А. А. Назаревский писал: «Этот призыв писателя-гражданина и патриота и эта похвала были, конечно, прижизненными по отношению к великому князю московскому, как прижизненна была похвала Игорю Святославичу, князю новгород-северскому, заключающая „Слово о полку Игореве“».¹⁴ Независимо от А. А. Назаревского А. В. Соловьев также обратил внимание на похвальный характер «Задонщины» как на свидетельство того, что она должна была быть создана в близкое к событию время и, во всяком случае, еще при жизни героев победы. Об этом же, считает

¹² См.: Тихомиров М. Н. Древняя Москва. М., 1947, с. 202—203.

¹³ См.: Моисеева Г. Н. К вопросу о датировке «Задонщины». (Наблюдения над пражским списком Сказания о Мамаевом побоище). — ТОДРЛ, т. XXXIV. Л., 1979, с. 224—227.

¹⁴ Назаревский А. А. «Задонщина» в исследованиях последнего десятилетия. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, с. 575.

он, свидетельствует и характер плача, присущий памятнику: это оплакивание только что погибших героев.¹⁵ Дмитрий Донской умер в 1389 г., поэтому следует считать, что «Задонщина» была создана до этого года. О том, что «Задонщина» «сложилась вскоре после Куликовской битвы», писала В. П. Адрианова-Перетц.¹⁶ Очень осторожный в своих выводах и тонкий знаток древнерусской литературы В. Ф. Ржига, приведя доводы М. Н. Тихомирова в пользу датировки памятника 80-ми гг. XIV в., замечает: «Так это или нет, сказать трудно, — и продолжает: — Необходимо, однако, признать, что попытки приурочить памятник ко времени, более близкому к 1380 г., представляются вполне целесообразными. Они отвечают тому явно эмоциональному характеру, какой имеет Слово Софония («Задонщина», — Л. Д.) с начала до конца. В связи с этим есть основания считать, что Слово Софония появилось сразу же после Куликовской битвы, может быть, в том же 1380 г. или в следующем».¹⁷

Эмоциональность восприятия событий, которая так отличает «Задонщину», — вот основной довод в пользу того, что в этом произведении нашло отражение непосредственное восприятие Куликовской битвы современником, а возможно, и участником ее. Эмоциональность и взволнованность «Задонщины» была близка и понятна для тех, у кого само событие было еще в памяти и для кого за намеками и недосказанными фразами, не всегда понятными для читателей более позднего времени, вставляли реальные перипетии Куликовской эпопеи.

В заглавии «Задонщины» по списку *К-В* сказано, что это «Писание Софония старца рязанца...», во втором списке извода Син., списке *С*, автором произведения также назван Софоний — «Сказание Сафона рязанца». В списках извода Унд. *У* и *И-1*, в которых имеется заглавие, имени Софония нет. Вместе с тем в списках *У*, *И-1* и *С*, т. е. в списках разных изводов произведения, в самом тексте Софоний назван как лицо по отношению к автору «Задонщины» постороннее. В некоторых списках «Сказания о Мамаевом побоище» имя Софония как автора стоит в заглавии уже этого произведения. Все сказанное выше заставляет усомниться в, казалось бы, общепринятом утверждении, что автором «Задонщины» был Софоний рязанец, о котором, кстати говоря, мы ничего не знаем. Возможно, Софоний был либо предшественником, либо современником автора «Задонщины», и последний назвал его в своем произведении по аналогии с упоминанием автором «Слова о полку Игореве» своего предшественника — Бояна.¹⁸

¹⁵ См.: Соловьев А. В. Автор «Задонщины» и его политические идеи. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, с. 188.

¹⁶ Адрианова-Перетц В. П. Историческая литература XI—начала XV в. и народная поэзия. — ТОДРЛ, т. VIII. М.—Л., 1951, с. 131.

¹⁷ Ржига В. Ф. Слово Софония рязанца о Куликовской битве (Задонщина) как литературный памятник 80-х годов XIV в. — В кн.: Повести о Куликовской битве. Изд. подготовили М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959 (серия «Литературные памятники»). с. 397.

¹⁸ Подробнее вопрос об авторстве Софония рассмотрен в статье Р. П. Дмитриевой «Об авторе Задонщины», с. 360—368 настоящей книги.

Основной памятник Куликовского цикла — «Сказание о Мамаевом побоище» — впервые был опубликован в 1829 г.¹⁹ Это был вариант Основной редакции «Сказания», условно называемый «Печатным» (так как именно этот вариант оказался напечатанным впервые), который отличается обилием заимствований из «Задонщины» (на вопросе о взаимоотношении «Задонщины» с другими памятниками Куликовского цикла мы еще остановимся ниже). Эта публикация прежде всего обратила на себя внимание тем, что в напечатанном памятнике не только отдельные слова, но и целые фразы и обороты совпадали со «Словом о полку Игореве». Когда в 1852 г. вышло в свет первое издание «Задонщины» по списку У,²⁰ то стало ясно, что совпадения Печатного варианта Основной редакции «Сказания» со «Словом о полку Игореве» носят вторичный характер: они объяснялись заимствованиями в тексте «Сказания» из «Задонщины» — в действительности самым непосредственным и тесным образом со «Словом о полку Игореве» было связано не «Сказание», а «Задонщина».

От «Слова о полку Игореве» зависит план «Задонщины», целый ряд поэтических образов «Задонщины» — повторение поэтических образов «Слова», отдельные слова, обороты, большие отрывки текста «Задонщины» повторяют соответствующие места «Слова о полку Игореве». Зависимость «Задонщины» от «Слова» не вызывала сомнений, но характер этой зависимости трактовался по-разному. Одни ученые расценивали «Задонщину» как «мертвое» подражание «Слову о полку Игореве» (С. Шевырев, 1858 г.); С. П. Тимофеев (1885 г.) расценивал «Задонщину» как «рабское» подражание «Слову о полку Игореве», называл «Задонщину» «бледной» копией «Слова». Другие исследователи, говоря о подражательном характере произведения в целом, вместе с тем отмечали высокую художественность отдельных мест памятника (Ф. И. Буслаев, 1861 г.). С. К. Шамбинаго писал, что заимствования в «Задонщине» из «Слова» «сделаны в высшей степени талантливо».²¹ Как подражательное произведение «Задонщина» по сравнению со «Словом о полку Игореве», разумеется, уступает своему образцу. Но это отнюдь не означает, что сама по себе «Задонщина» в художественном отношении второстепенный памятник древнерусской литературы. Как отмечает Д. С. Лихачев, для своего времени «Задонщина» — «стилистически яркое и своеобразное» произведение, хотя по отношению к «Слову о полку Игореве» оно «бледнее: светит отраженным светом».²²

Для того чтобы оценить самостоятельное значение «Задонщины», нужно было понять смысл обращения автора «Задонщины» к «Слову о полку Игореве». Существенную роль в решении этого вопроса сыграла

¹⁹ Русский зритель. Журнал истории, археологии, словесности и сравнительных костюмов. М., 1829, ч. 5.

²⁰ См.: Текстологический комментарий, с. 369.

²¹ См.: История русской литературы. Т. II. Литература 1220-х—1580-х гг. Часть первая. М.—Л., 1945, с. 211 (Академическая история русской литературы).

²² Лихачев Д. Великое наследие. М., 1975, с. 252.

статья Д. С. Лихачева 1941 г. «Задонщина».²³ Д. С. Лихачев доказывал, что автор «Задонщины» прибег к «Слову» как к образцу для своего подражания с целью сопоставить и противопоставить политическую обстановку на Руси при Игоре (герое «Слова») и при Дмитрие Донском. Победа великого князя московского над силами Мамай воспринимается автором «Задонщины» как реванш за поражение, понесенное войсками Игоря на Каяле. В сущности все последующие работы о «Задонщине» продолжали, развивали и уточняли эту мысль Д. С. Лихачева.

«Слово о полку Игореве», написанное в 1187 г. и посвященное неудачному походу на половцев в 1185 г. новгород-северского князя Игоря Святославича, восхваляло мужество и героизм русских воинов и вместе с тем страстно осуждало княжеские междоусобицы. Причину поражения своего героя автор «Слова» видел в том, что Игорь пошел в поход против половцев, не согласовав своих действий с другими князьями, не поставив в известность о предпринимаемом им походе великого князя киевского Святослава. Все «Слово о полку Игореве» пронизано единой идеей: русские князья должны забыть междоусобные распри и объединить свои силы, чтобы сообща выступить против внешнего врага Руси — половцев. Для времени создания «Слова» и для будущей исторической судьбы Русской земли эта идея имела глубокий политический смысл. К. Маркс писал: «Суть поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ».²⁴ Призыв к князьям объединиться для борьбы с врагами Русской земли был актуален не только во времена создания «Слова о полку Игореве», еще более остро он звучал в годы монголо-татарского владычества на Руси. Автор «Задонщины» потому и обратился к «Слову о полку Игореве», что в победе, одержанной за Доном над ордынцами, он увидел реальное воплощение призыва своего гениального предшественника: объединенные силы русских князей смогли разгромить монголо-татар, считавшихся до этого непобедимыми.

Определенное значение в обращении автора «Задонщины» к «Слову о полку Игореве» могло сыграть и одно внешнее обстоятельство, связывающее оба произведения: роль Дона. В «Слове» Дон упоминается 15 раз, при этом не только и даже не столько как конкретное, локальное место событий, а как символическое обозначение того большого пространства, куда стремится Игорь на героический подвиг и где разворачиваются все последующие события. Битва 1380 г. произошла на Куликовом поле, в бассейне реки Непрядвы. Но в более широком понимании это район Дона, и Дон в перипетиях Куликовской битвы играет большую роль, он приобретает символическое значение: переправа через Дон означала уход за пределы Русской земли, в Поле, знаменовала решимость биться насмерть — пути к отступлению отрезались Доном. И не случайно Дмитрий получил прозвище «Донской», а Ефросин назвал этот памятник «Задонщиной». Дон фигурирует в «Задонщине» много раз и как конкретное гео-

²³ Лихачев Д. С. «Задонщина». — Литературная учеба. М., 1941, № 3, с. 87—100.

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 16.

графическое понятие, и в таком же символическом значении, как в «Слове о полку Игореве».

В походе Игоря Святославича, хотевшего нанести удар половцам на их земле и потерпевшего поражение, автор «Задонщины» увидел начало тех бед, которые вскоре обрушились на Русскую землю и привели к монголо-татарскому владычеству. «...поганые татаровя, бусормановя, — говорит он, — ...на рекѣ на Каялѣ одолѣша родѣ Афѣтов (т. е. русских, — Л. Д.)» (с. 7).²⁵ И сразу же за Каялой — рекой, на которой потерпел поражение Игорь, он называет Калку — реку, где произошло первое столкновение русских князей с монголо-татарами, пролог Батыева нашествия. Трудно согласиться с теми исследователями, которые считают, что автор «Задонщины» спутал Каялу и Калку. Он не спутал, а отождествил эти реки: Каяла, неизвестная в настоящее время река, называемая только в «Слове о полку Игореве» и в летописном рассказе о походе Игоря, — небольшая река в половецкой степи, расположенная далеко от границ Русской земли. То же самое можно сказать и о Калке — это также маленькая степная река, расположенная вдали от пределов русских земель, где, идя навстречу врагу, русские князья, как и Игорь на Каяле, терпят поражение. И вот со времени событий на Каяле и Калке и до Мамаева побоища Русская земля «тужит и печалится». Мамаево побоище положило предел этой туге и печали. Как писала В. П. Адрианова-Перетц, «„жалость земли Руские“, наступившая после двух поражений — на Каяле (от половцев) и на Калке (от татар), противопоставляется (в «Задонщине», — Л. Д.) „веселию и буйству“, которое принесла Куликовская битва».²⁶ Весь текст «Задонщины» — своеобразное противопоставление тексту «Слова о полку Игореве». Текст «Слова» приобретает в «Задонщине» противоположный смысл: теми словами, которыми в «Слове» рассказывалось о бедах Русской земли, в «Задонщине» описываются беды ее врагов — золотоордынцев, а те характеристики и описания, которые в «Слове» изображали торжество и силу половцев, в «Задонщине» соотносятся с Русью. По форме «Задонщина» как бы повторяла «Слово», а по содержанию была противоположна своему источнику. Вот описание выступления Игоря в поход в «Слове»: «Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремя и поѣха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше».²⁷ А вот картина выступления из Москвы Дмитрия Ивановича Донского: «Тогда князь великий Дмитрей Ивановичъ воступив во златое свое

²⁵ Реконструированный текст «Задонщины» цитируется по изданию его в данной книге, страницы указываются в скобках в тексте. Тексты «Задонщины» по отдельным спискам цитируются по изданию их в кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла, с. 535—556, в скобках в тексте дается условное обозначение списка и указывается соответствующая страница названного издания.

²⁶ Адрианова-Перетц В. П. Историческая литература XI—начала XV в. и народная поэзия, с. 132.

²⁷ Слово о полку Игореве. Л., 1967 (Б-ка поэта. Большая серия. Изд. 2-е), с. 46. Далее «Слово о полку Игореве» цитируется по этому изданию, страницы указываются в скобках в тексте.

стрѣмя и взем свой мечъ в правую руку и помолися богу и пречистой его матери. Солнце ему на восток сияет и путь повѣдает» (чтение сп. У, с. 537, в остальных списках текст близок к этому). Продолжением приведенного отрывка из «Слова» является описание зловещих предзнаменований природы: «Игорь къ Дону вой ведеть. Уже бо бѣды его пасеть птицъ по дубию, влѣци грозу въсрожать по яругамъ, орли клеткомъ на кости звѣри зовуть, лисици брешуть на чръленя щиты» (с. 46). В «Задонщине» эти зловещие предзнаменования относятся к войскам Мамаея: «...поганый Момай пришел на Рускую землю и воеводы своя привел. А уже, бѣды их пасоша птицы крылати под облак лѣтят, вороны часто грают, а галицы своею речью говорят, орли хлѣкчют, а волцы грозно воют, а лисицы на костѣх бряшут» (сп. У, с. 537).

Как пишет Д. С. Лихачев, автор «Задонщины», взяв за образец для своего произведения «Слово о полку Игореве», имел в виду не простое подражание стилю своего образца, «а вполне сознательное сопоставление событий прошлого и настоящего, событий, изображенных в „Слове о полку Игореве“, с событиями современной ему действительности. И те и другие символически противопоставлены в „Задонщине“».²⁸ Такое символическое противопоставление придавало особый смысл произведению: Куликовская битва становилась не только великим событием современности, но приобретала символическое значение в исторических судьбах Русской земли за много столетий: «„Туга“, разошедшаяся в „Слове о полку Игореве“ после поражения по всей Русской земле, сходит с нее в „Задонщине“ после победы русских. То, что началось в „Слове“, кончилось в „Задонщине“. То, что в „Слове“ обрушилось на Русскую землю, в „Задонщине“ обратилось на ее врагов».²⁹

Уже из процитированных выше отрывков «Задонщины» можно было убедиться, что автор ее не просто повторяет текст своего источника — «Слова о полку Игореве», переосмысляя его в соответствии с событиями Куликовской битвы, а переделывает этот текст, многое вносит от себя. Прежде всего бросается в глаза пестрота стиля «Задонщины» по сравнению со строго выдержанным единством стиля в «Слове о полку Игореве». В «Задонщине» высокий поэтический стиль переплетается с образами, выражениями, фразами, носящими сухой прозаический, почти что документально-деловой характер. После эмоционально-поэтического восклицания «Аз же помяну резанца Софония, и восхваляю пѣснеми и гусленными буйными словесы сего великаго князя...» сразу же идет фраза с расчетом лет от Калкской битвы до Мамаева побоища: «А от Калатьские рати до Мамаева побоища 160 лѣт» (с. 8). Характер этой фразы на фоне всего окружающего ее текста таков, что многие склонны расценивать ее как более позднюю вставку в первоначальный текст «Задонщины». После поэтической картины «стояния на костях» идет перечисление количества убитых

²⁸ Лихачев Д. С. Национальное самосознание Руси. М.—Л., 1945, с. 76.

²⁹ Лихачев Д. С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV—начало XV в.). М.—Л., 1962, с. 92.

на Куликовом поле бояр (правда, этот перечень носит преувеличенно-поэтический характер). «Прозаизм» «Задонщины» ярко бросается в глаза в излишних конкретизациях, в фактологических уточнениях: отмечено, например, что Дмитрий Иванович, выезжая на битву, «взем свой мечь в правую руку» (с. 9), обозначается количественный состав войск — «выехали посадники из Великого Новагорода, а с ними 7000 войска» (с. 8), «А храбрые литвы с нами 70 000 окованные рати» (с. 9), «А воеводы у нас уставлены — 70 бояринов... а вою с нами триста тысяць окованные рати» (с. 10), в формулировках, характерных для летописных текстов той поры, даются хронологические уточнения: «А билися из утра до полудни в субботу на Рожество святый богородицы» (с. 10), «...вспѣли жалостные пѣсни у Коломны на забралах, на воскресение, на Акима и Аннинъ день» (с. 11) и т. п. В «Задонщине», что совсем не характерно для «Слова о полку Игореве», широко представлена церковно-религиозная фразеология: «за землю за Рускую и за вѣру християньскую» (с. 7), «Се бо князь великий Дмитрей Ивановичъ и братъ его, князь Владимиръ Андрѣевичъ, помолися богу и пречистой его матери...» (с. 8), «Борисъ и Гльбъ молитву воздают за сродники своя» (с. 10) и т. д. Церковно-книжный характер носит целый ряд образов и сравнений «Задонщины»: начальные фразы памятника о происхождении русского народа от сына Ноя Иафета, а восточных народов — от сына Ноя Сима, подчеркивание того, что русские князья — «внуки святаго великаго князя Владимира Киевскаго» (с. 7), не совсем ясное переосмысление фразы «Слова о полку Игореве» «О Русская землѣ! Уже за шеломянемъ (т. е. «за холмом», — Л. Д.) еси!» (с. 47) в — «Руская земля, то первое еси как за царем за Соломоном побывала» (с. 9) и т. п.

Было бы, однако, неправомерно подходить к этим чертам «Задонщины» с оценочной точки зрения, считать эти отличия «Задонщины» от «Слова о полку Игореве» лишь проявлением литературной беспомощности автора «Задонщины», видеть в переработках и переосмыслениях «Задонщиной» текста «Слова» только промахи и ошибки писателя конца XIV столетия. В ряде случаев автор «Задонщины», следуя «Слову», невольно вступает в некоторые противоречия с действительными событиями своего времени, употребляет не всегда понятные, а подчас и трудно объяснимые (если бы перед нами не было текста Слова) обороты и выражения.³⁰ Но нельзя преувеличивать эту сторону «Задонщины». Опираясь на текст «Слова», автор «Задонщины» писал оригинальное сочинение, и оно не могло не отличаться по стилю и характеру от написанного за 200 лет до этого «Слова о полку Игореве».

³⁰ Подробный анализ стилистической и смысловой вторичности «Задонщины» по сравнению со «Словом о полку Игореве» см. в работах: Творогов О. В. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла, с. 292—343; Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Изд. 2-е. Л., 1971, с. 209—231 (глава «Нестилизационные подражания»).

Наряду со стилистической неоднородностью, пестротой «Задонщины» для нее характерна и логически-смысловая непоследовательность текста: автор то забегает вперед, то возвращается назад, от частных эпизодов неожиданно переключается на обобщенные описания и снова возвращается к частным эпизодам.

Определяя характер своего произведения, сам автор «Задонщины» говорит, что он написал «жалость и похвалу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его, князю Владимиру Ондрѣвичю» (с. 7). Под «жалостью» следует подразумевать и рассуждения автора о периоде, предшествующем Куликовской битве от сражения на Каяле и Калке, и первую половину рассказа о Куликовской битве, которую он завершает плачем русских жен. Это рассказ о первом этапе сражения, когда силы великого князя московского вынуждены были отступать, а Мамай почти торжествовал победу. Завершение этой части «Задонщины» плачем русских жен имеет не только внешнее совпадение с плачем Ярославны в «Слове», но здесь видна и более глубокая, смысловая связь «Задонщины» со «Словом». После плача Ярославны в «Слове» повествуется о спасении Игоря из плена. После плача русских жен в «Задонщине» наступает переломный момент в сражении на Куликовом поле: «Того же дни в субботу на Рожество святыя богородицы исекша христиани поганые полки на полѣ Куликове на речке Непрядвѣ. И нюкнув князь Владимиръ Андрѣвичъ гораздо, и скакаше по рати во полцех поганых в татарских...» (с. 11). Это второй этап сражения, когда, после выезда из засады полка Владимира Андреевича, наступил переломный момент: русские стали одолевать врага и обратили его в бегство. Таким образом «Задонщина» делится на две основные части, отражающие и логическую и историческую последовательность событий.

Как и в двух основных частях произведения, каждый отдельный частный эпизод, взятый сам по себе, также представляет собой законченное повествование. Как отмечал В. Ф. Ржига, автор «Задонщины», подобно автору «Слова о полку Игореве», переносится «воображением от одного момента к другому, от одних образов к другим. Поэтому на протяжении всей „Задонщины“ мы можем наблюдать такое же, как и в „Слове“, наличие ряда мелких композиционных единиц, в смысловом отношении законченных и по форме завершенных».³¹ Но если каждая мелкая композиционная единица сама по себе логически и стилистически завершена, то сочетание этих единиц в пределах более обширной композиционной части текста воспринимается как повествование, в логическом и временном отношении непоследовательное.

Приведем примеры. Рассказывая о сборе русских войск и называя Москву, Коломну, Серпухов, автор тут же говорит, явно имея в виду русское войско, — «стоят стязи у Дону великого на брезѣ» (с. 8). Однако на самом-то деле «русские стяги» еще никак не могут «стоять у Дона»:

³¹ Ржига В. Ф. Слово Софония рязанца о Куликовской битве (Задонщина)..., с. 386.

это произойдет позже, и об этом автор еще будет рассказывать, но он не может удержаться от того, чтобы уже здесь, в описании сбора русских воинов по русским городам, не сообщить о том, что знамена русских полков стоят на Дону. Повествуя о выступлении на помощь к великому князю московскому литовских Ольгердовичей в той части своего произведения, где говорится о сборе воинских сил к великому князю в Москву перед выступлением в поход, автор «Задонщины» в обращении Андрея Ольгердовича к брату вставляет слова о Доне и о том, что произойдет там: «... посмотрим быстрого Дона, испиём шеломом воды, испытаем мечев своих литовских о шеломы татарские, а сулицъ немецких о боданы бусорманские!» (с. 9). Говоря о выезде белозерцев, автор «Задонщины» завершает этот отрывок словами о их появлении на Дону, а сразу же вслед за этим рассказывает о выезде из Москвы великого князя: «А уже соколи и кречати, белозерские ястреби рвахуся от златых колодиць ис камена града Москвы, обриваху шевковыя опутины, возвиваючися под синия небеса, звонечи злачеными колоколы на быстром Дону... Тогда князь великий Дмитрей Ивановичь воступив во златое свое стрѣмя...» (с. 9). Сообщив, что «силныи полки ступишася вмѣсто...», автор восклицает о разнесшейся по всем концам земли славе — «Русь великая одолѣша рать татарскую на полѣ Куликове на речке Непрядвѣ» (с. 10), а затем вновь возвращается к рассказу о битве, к ее первому периоду, когда наступают силы Мамаю и кажется, что великий князь московский уже потерпел поражение. Рассказав о поражении и бегстве татар, автор перечисляет захваченную русскими воинами добычу, говорит, что «жены русские» звенят «татарским золотом», а после этого, сообщив о веселье и славе Русской земли и о судьбе Мамаю, описывает «стояние на костях» — прощание с убитыми на поле боя. Автор «Задонщины» как бы не может сдерживать себя и забегает, увлеченный своим рассказом, вперед, а затем снова возвращается к оставленной нити своего повествования.

Неорганизованность текста «Задонщины», перескакивание с одного на другое, повторения, «торопливость» автора в значительной степени обусловлены эмоциональным характером памятника. В этом заключается и своеобразие и сложность «Задонщины».

В символике природы, которая играет такую большую роль в «Слове о полку Игореве», автор «Задонщины» следует своему источнику — иногда это дословные повторения, иногда же вариации символических образов «Слова о полку Игореве». (Как и в «Слове», в «Задонщине» «сильные ветры», несущие тучи «на Рускую землю», символизируют движение вражеских сил; вороны, галки, орлы, лисицы, волки настороженно поджидают исхода сражения; из туч сверкают молнии, деревья и трава склоняются к земле; от множества войск мутно текут реки и т. п.). Но следует отметить, что у автора «Задонщины» есть и свои очень яркие и поэтически тонкие образы и сравнения. Воспеть славу великому князю московскому он призывает жаворонка: «Оле жаворонок, лѣтняя птица, красных дней утѣха, возлѣти под синие облака, посмотри к силному граду Москвѣ, воспой славу...» (с. 8). А плач коломенских жен он сравнивает

с пением птицы щура: «Туту щурове рано въспѣли жалостные пѣсни у Коломны...» (с. 11). Жаворонок и щур названы не случайно. Пение жаворонка высоко в небе в восприятии каждого человека ассоциируется с чувством особой широты, беспредельности, свободы, радости. А вот что пишет о пении щура специалист-орнитолог: «Музыка (пения, — Л. Д.) щуров нежна и исполнена неясной тоски».³² Как и в «Слове о полку Игореве», в «Задонщине» много раз встречается образ сокола и связанная с этой птицей терминология соколиной охоты. Очень часто «Задонщина» почти дословно повторяет в этом «Слове», но есть у автора «Задонщины» и оригинальные пассажи на эту тему: «А уже соколи и кречати, белозерские ястреби рвахуся от златых колодиць ис камена града Москвы, обриваху шевковыя опутины, возвиваючися под синия небеса, звонечи злаченными колоколы...» (с. 9). Колодки, опутины (путы), колоколы (колокольчики) — это все конкретные принадлежности обихода соколиной охоты. Заметим, правда, что все эти конкретные предметы опоэтизированы в «Задонщине» примененными к ним эпитетами — золотые, шелковые, вместо колокольчики — колокола. Иной характер, чем в «Слове», носят те места «Задонщины», в которых раскрывается символика образа «битва — пир». В «Слове»: «Ту кроваваго вина не доста, ту пиръ докончаша храбрии Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую» (с. 49). В «Задонщине» этот образ встречается чаще, и наполнение его не столь величественно и трагично, он здесь как бы «заземлен»: «Братия бояра и воеводы и дѣти боярские, то ти ваши московские слаткие мѣды и великие мѣста! Туту добудѣте себѣ мѣста и своим женам» (с. 12), «Брате князь Владимир Андрѣевичь, тут, брате, испити медовыя чары повѣденые» (с. 12), «Нѣшто тобя князи руские горазно подчивали: ни князей с тобою, ни воевод! Нѣчто гораздо упилися у быстрого Дону...» (с. 13).

Автор «Задонщины» охотно повторяет в своем произведении характерные для «Слова о полку Игореве» эпитеты: вещей Боян, живые струны, храбрые полки, храбрая дружина, острые мечи, борзые кони, черленые щиты, кровавые зори, серый волк, златое стремя, злаченые доспехи (в «Слове» — злаченые шеломы, злаченые стрелы), харалужные копья, сильные полки, великие полки, широкое поле. Но немало в «Задонщине» и оригинальных эпитетов, в которых находит отражение время и место создания произведения. Особенно заметно проявляется это в эпитетах, связанных с характеристикой вооружения войск, с упоминаниями Москвы: «испытаем мечев своих литовских о шеломы татарские, а сулицъ немецких о боеданы бусорманские», «окованая рать», «шеломы черкасские», «щиты московские», «силный град Москва», «славный град Москва», «каменный град Москва».

Как известно, автор «Слова о полку Игореве» широко использовал в своем произведении символику, эпитеты и сравнения устно-поэтического происхождения, многие оригинальные образы «Слова» — творче-

³² Леопольд О. Календарь песчаного графства. М., 1980, с. 118.

ская переработка автором поэтических средств, фольклорных в своей основе. Автор «Задонщины» особенно внимательно относится в своем произведении к устно-поэтическим элементам «Слова о полку Игореве», но у него они предстают в облике, более близком к их изначальной устной форме. Поэтому есть все основания утверждать, что «Задонщина» гораздо больше сближается с устным народным творчеством, чем «Слово». В «Задонщине» чаще, чем в «Слове», встречаются отрицательные сравнения, при этом в трехчленной форме, что ближе к устному народному творчеству (в «Слове о полку Игореве» отрицательное сравнение трехчленной формы употреблено всего один раз). Вот несколько примеров из «Задонщины»: «Уже бо, брате, стук стучит и гром грѣмит в каменом граде Москвѣ. То ти, брате, не стукъ стучить, ни гром гремит — стучит сильная рать великаго князя Дмитрия Ивановича, гремят удальцы руские злачеными доспѣхи и черлеными щиты» (с. 9), «И притѣкоша сѣрые волцы... То ти были не сѣрые волцы — приидоша поганые татаровя...» (с. 9), «Тогда гуси возгоготаша и лѣбѣди крылы въсплескаша. То ти не гуси возгоготаша, ни лѣбѣди крылы въсплескаша, но поганый Момай пришел на Рускую землю и вои своя привел» (с. 9) и т. д. Автор «Задонщины» употребляет в своем произведении не зависящие от «Слова» обороты народно-поэтического происхождения: «таково слово», «быстрый Дон», «сырая земля».

Устно-поэтическая стихия «Задонщины», значительно сильнее и более непосредственно выраженная, чем это было в «Слове о полку Игореве», обусловила выдвижение гипотезы о фольклорном, устном происхождении «Задонщины». С этим невозможно согласиться. Устно-поэтические приемы, нашедшие отражение в «Задонщине», это не суть произведения, а поэтические средства, широко использованные его автором. Как уже отмечала В. П. Адрианова-Перетц, «есть эпизоды в Задонщине, наводящие на предположение, что в основе их лежат народные предания или песни».³³ Однако по сути своей «Задонщина» — памятник письменной литературы. «Задонщина», как уже отмечалось выше, сочетает в себе похвалу и «жалость» — плач. И похвала и плач по происхождению своему — жанры народно-поэтического творчества, но объединение их в едином произведении — черта только памятников литературных.³⁴ «Задонщина» восходит к «Слову» — памятнику бесспорно литературному и книжному. Сочетание в «Задонщине» поэтического текста с прозаизмами, элементами деловой письменности говорит о книжно-литературном характере памятника. Об этом же свидетельствует и сильно выраженная в «Задонщине» церковно-религиозная символика и терминология.

Сторонники устного происхождения и устного бытования «Задонщины» как на один из доводов в пользу своей гипотезы ссылаются на со-

³³ Адрианова-Перетц В. П. Историческая литература XI—начала XV в. и народная поэзия, с. 132.

³⁴ См.: Лихачев Д. С. Слово о походе Игоря Святославича. — В кн.: Слово о полку Игореве. Л., 1967 (Б-ка поэта. Большая серия. Изд. 2-е), с. 30—36.

стояние сохранившихся списков «Задонщины» — на многочисленные ошибки и подчас фантастические переосмысления текстов. В данном случае мы имеем дело с глубоким заблуждением. Характер списков «Задонщины», более чем что-либо другое, свидетельствует о книжной природе этого памятника. «Задонщина» с самого начала писалась как произведение книжно-литературного характера, что и дало себя знать в дальнейшей судьбе ее. Она воспринималась и переписывалась как книжно-литературный текст: в осмыслении непонятных слов и оборотов во всех сохранившихся списках «Задонщины» перед нами — типичные ошибки книжных переписчиков. Ошибки эти и книжные по характеру осмысления не понятых переписчиками слов и оборотов имелись уже в протографе всех дошедших до нас списков и далее появлялись в отдельных списках не потому, что эти списки были записаны «на слух» или писались по памяти, а потому, что в письменных текстах-источниках имелись уже ошибочные написания и не понятые переписчиками места.³⁵ Ошибки плодили новые ошибки, а непонятые слова и обороты вели к попыткам осмыслить их. Поэтому совершенно прав Д. С. Лихачев, когда он пишет: «Сложный художественный замысел „Задонщины“ отчетливо свидетельствует о высокой литературной культуре... Это замысел, в котором тонкая историческая мысль находит исключительно оригинальное художественное разрешение. Это произведение, написанное ученым для ученых же и для литературно искушенных читателей».³⁶

Автор «Слова о полку Игореве» скорбел из-за отсутствия единения между русскими князьями, он призывал их объединить свои силы для борьбы с врагами Русской земли. Автор «Задонщины» показал в своем произведении, что объединение русских князей вокруг великого князя московского привело к победе над поработителями Руси. Восхищение тем единством, с которым выступили против Мамая Дмитрий Донской и союзные с ним князья, восприятие Куликовской битвы как дела всего русского народа заставляют автора забыть (или, скорее, не вспоминать) об измене Олега Рязанского, в перечисление погибших в битве бояр вставить представителей и тех княжеств, которые на самом деле в Куликовской битве не участвовали. Не случайно он говорит, что «к славному граду Москвѣ съехалися вси князи руские» (с. 8), подчеркивает, что слава победы московского князя над Мамаем разнеслась по разным странам. «Задонщина» отражала передовую политическую идею своего времени: во главе всех русских земель должна стоять Москва, и единение русских князей под властью московского великого князя служит залогом

³⁵ Вот как, например, читается одна и та же фраза о Бояне в разных списках: «похвалим вещаннаго боярина горазна гудца в Киеве» (У, с. 536); «похвалим вѣща боинаго гораздаго гдуда в Киевѣ (И-1, с. 541); «восхвалимъ вѣщаго го Бояна в городѣ в Киевѣ гораздо гудца» (К-Б, с. 548); «похвал вещаго горазда гудца» (С, с. 551).

³⁶ Лихачев Д. С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого, с. 93.

освобождения Русской земли от монголо-татарского ига. Это была патристическая позиция, отвечавшая интересам широких слоев народа.

Слишком непосредственное, эмоциональное восприятие автором «Задонщины» описанных им событий делало этот памятник малопонятным для читателей более позднего времени. Красноречивое свидетельство тому — искажения в сохранившихся списках. Об этом же говорит и малочисленность этих списков. Но на раннем этапе бытования «Задонщины» она, видимо, была достаточно популярна и имела широкое распространение. «Задонщина» послужила одним из главных поэтических источников основного памятника Куликовского цикла — «Сказания о Мамаевом побоище». По-видимому, к «Задонщине» обращался и составитель краткой летописной повести о Куликовской битве.

Летописная повесть о Куликовской битве представлена двумя видами: краткой летописной повестью, носящей в летописях заглавие «О великом побоищи, иже на Дону», и пространной летописной повестью — «О побоищи, иже на Дону, и о том, князь великий како бился съ Ордою».³⁷ Текстуально обе повести связаны друг с другом. С. К. Шамбинаго считал краткую летописную повесть вторичной по отношению к пространной. М. А. Салмина на основе полного текстологического исследования всех текстов обоих видов летописной повести пришла к убедительному заключению о первоначальности краткой летописной повести и вторичности пространной.³⁸ Одновременно ею были высказаны соображения и о времени создания каждой из этих повестей, и о характере связи их с теми летописными сводами, в которые эти повести и их переработки и переделки входят.

Краткая летописная повесть скупо и очень сжато рассказывает о самой битве. Это несколько строк типичного летописного сообщения о сражении без подробностей, детализаций: «Князь же великий поиде за Донъ, и бысть поле чисто и велико зѣло, и ту срѣтошася погании половци, татарьстии плъци, бѣ бо поле чисто на усть Непрядвы. И ту изоплъчишася обои и устрѣмишася на бой, и соступишася обои, и бысть на длъзѣ часѣ брань крѣпка зѣло и сѣча зла. Чресъ весь день сѣчахуся и падоша мертвых множество бесчислено отъ обoих. И поможе богъ князю великому Дмитрию Ивановичу, а Мамаевы плъци погании побѣгоша, а наши послѣ, биющи, сѣкуще поганых безъ милости» (с. 14). Так же кратко рассказывается о событиях, предшествовавших битве. Более распространенный характер носит вторая часть повести, следующая за перечислением уни-

³⁷ Краткая и пространная летописные повести цитируются по изданию их текстов в этой книге (см. с. 14—24), страницы указываются в скобках в тексте.

³⁸ Салмина М. А. 1) «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла, с. 344—384; 2) Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве. — ТОДРЛ, т. XXXII. Л., 1977, с. 3—39.

тых на Куликовом поле. Здесь описывается торжество русских после победы, в ярких выражениях, не встречающихся до этой части, перечисляется богатая добыча, привезенная русскими воинами с поля брани своим женам в Москву, рассказывается об измене Олега Рязанского и о судьбе Мамаю, сообщается о воцарении в Орде хана Тохтамыша.

Краткая летописная повесть входит в состав тех летописей, которые исследователями летописания возводятся к летописному своду 1408 г., своду, составлявшемуся по инициативе митрополита Киприана. Этот летописный свод находился в пергаменной Троицкой летописи, погибшей в московском пожаре 1812 г. На основе сохранившихся выписок из Троицкой летописи, сделанных до ее гибели, данных тех летописей, которые восходят к Троицкой летописи, М. Д. Приселков осуществил реконструкцию этой летописи.³⁹ Рассказ о событиях на Куликовом поле в этой реконструкции взят им из Симеоновской летописи, т. е. в состав Троицкой летописи включен текст «О великом побоище, иже на Дону» — краткая летописная повесть.⁴⁰

М. А. Салмина приходит к выводу, что краткая летописная повесть была создана составителем свода 1408 г. (т. е. составителем Троицкой летописи). При этом исследовательница отмечает, что краткая летописная повесть — цельное и стройное произведение, в котором нет вторичных чтений. Поэтому М. А. Салмина признает данный текст «древнейшим сообщением о Куликовской битве», «старейшей из известных нам записей о событиях 1380 г.».⁴¹ Поскольку существование Троицкой летописи 1408 г., несмотря на ее гибель, бесспорно, то, если рассказ в ней о битве на Куликовом поле представлял собой тот текст, который мы сейчас называем краткой летописной повестью о Куликовской битве, мы имеем все основания считать ее старейшей из сохранившихся до нас записей о сражении Дмитрия Донского с Мамаем. Но эта запись — не первый рассказ о сражении за Доном. Текстологические данные говорят о том, что автор рассказа «О великом побоище, иже на Дону» — составитель свода 1408 г. воспользовался уже существовавшими в его время несколькими письменными источниками, посвященными Куликовской битве.

Наиболее убедительным («классическим» в своем роде) примером соединения в едином древнерусском тексте разных источников является дублировка известий — повторение одного и того же известия в едином последовательном повествовании, не сознательное возвращение рассказчика к тому, о чем уже говорилось и ранее, а именно повторение одного и того же из-за невнимательности. Явную дублировку, несмотря на небольшой объем текста, наблюдаем мы и в краткой летописной повести.

Разумеется, составитель краткой летописной повести стремится создать единый последовательный рассказ, но стилистические различия

³⁹ Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950.

⁴⁰ См. там же, с. 419—421.

⁴¹ Салмина М. А. Еще раз о датировке «Летописной повести»... с. 5.

разных частей единого повествования, а главное, повторение сведений об одних и тех же событиях, нарушающее логику развития действия, свидетельствуют о сводном характере этой повести. Первая часть краткой летописной повести — рассказ о битве, лаконичность которого мы уже проиллюстрировали выше. Рассказ этот завершается фразой о Мамае: «И убѣжа Мамай в малѣ дружинѣ въ свою землю Татарскую» (с. 14). После этих слов указывается день и время битвы и перечисляются убитые князья и воеводы. Уже перечень убитых следует возводить к постороннему источнику — к записи в Синодике (поминальной книге) погибших на Куликовом поле. Как уже давно обратили внимание исследователи, перечень убитых в краткой летописной повести по составу названных имен очень близок к записи в пергаменном Синодике XIV—XV вв.⁴²

За этим отрывком следует небольшая часть текста, в которой говорится о стоянии великого князя «на костях», о возвращении его «на Москву, въ свою отчину с побѣдою великою» (с. 15) и о радости русских воинов, которые возвращаются домой с богатой добычей.

Вслед за этим текстом идет третья часть краткой летописной повести, которая начинается словами о том, что «тогда» великому князю московскому «повѣдаша» об измене Олега Рязанского. А кончается эпизод об Олеге Рязанском такой фразой: «Князь же великий... поиде въ свою землю, а на Рязанском княжене посади свои намѣстници» (с. 15). Начальное «тогда» эпизода об Олеге Рязанском, как свидетельствует конечная фраза этого эпизода, имеет в виду, что описанное здесь происходило во время пребывания Дмитрия Ивановича на Куликовом поле. Но ведь только что перед этим эпизодом, несколькими строками выше, автор краткой летописной повести, сообщив о «стоянии на костях», уже сказал о возвращении «оттуду» (т. е. с Куликова поля) великого князя «на Москву»! То, что перед нами бесспорная дублировка текста, подтверждается и следующей фразой, которая идет за рассказом об измене Олега Рязанского. В этой фразе сообщается, что «тогда же Мамай не во мнозѣ утече съ Доньского побоища и прибѣже въ свою землю въ малѣ дружинѣ» (с. 15). Но, как мы помним, в окончании первой части повести уже говорилось о бегстве Мамаея с Куликова поля «в свою землю Татарскую». Автор краткой летописной повести, решив дополнить свой лаконичный рассказ о битве с Мамаем сведениями об Олеге Рязанском и о судьбе Мамаея, выписал эти сведения из окончания другого повествования о Куликовской битве и непроизвольно сдублировал то, о чем он уже сказал раньше.

Итак, совершенно очевидно, что краткая летописная повесть — не первоначальный рассказ о Куликовской битве: автор этой повести, составитель свода 1408 г., обращался к уже имевшимся в его время другим повествованиям о сражении на Дону. И, по-видимому, в числе этих повествований была «Задонщина».

⁴² Этот пергаменный Синодик хранится: ГИМ, РО, собр. Синодальной библиотеки. № 667

В краткой летописной повести, в ее средней части, можно отметить текстуальные сближения с «Задонщиной», на которые впервые обратила внимание М. А. Салмина. Одно из них — слова о стоянии «на костях». В краткой летописной повести эта этикетная формула, обозначающая победу над врагом на поле битвы, находится в таком контексте: «Князь же великий Дмитрей Иванович съ прочими князи русскими и съ воеводами, и с бояры, и с велможамы, и со остаточными плъки русскими, ставъ на костех, благодари бога и похвали похвалами дружину свою...» (с. 15). В «Задонщине» по списку Ундольского читаем: «И стал великий князь Дмитрей Ивановичъ съ своим братом с князем Владимиром Андрѣевичем и со остальными своими воеводами на костѣхъ на полѣ Куликове на речке Напрядѣ» (с. 540). В других списках «Задонщины» эта фраза более кратка. В И-1: «Сталъ князь великий с своим братомъ княземъ Владимиромъ Ондрѣевичемъ и с своими воеводами на костехъ» (с. 545). В С: «Ставши на костехъ поганих татар» (с. 555). На основании чтений разных списков «Задонщины» с уверенностью можно сказать лишь, что в первоначальном тексте произведения безусловно читалась сама формула «встали на костях». Но формула эта — общее место очень многих древнерусских повествований о битвах. Мы ее найдем под разными годами в разных летописях: «Новгородци же стояша на костех 5 дней» (Новгородская I летопись. 1268 г.); «Великий же князь Дмитрей со всеми князи стоя три дня на костех» (Московский летописный свод конца XV в., 1268 г.); «И сташа псковичи на костех» (Псковская I летопись, 1343 г.); «И побеже князь Свитригаило с побоища к Полотску, а князь Жидимонт ста на костех» (Псковская I летопись, 1433 г.) и т. д. Таким образом, совпадение этой формулы в краткой летописной повести с «Задонщиной» ни о чем не говорит: сама по себе она не может свидетельствовать о текстуальной связи разных памятников. Однако в краткой летописной повести этикетная формула «встать на костях» объединена с другим традиционным образом рассказов о воинских битвах — словами о захваченной добыче. И вот именно эти слова в краткой летописной повести совпадают с соответствующим местом «Задонщины».

М. А. Салмина обратила внимание на стилистическую близость краткой летописной повести к другим статьям Троицкой летописи. В близких по расположению к повести «О великом побоищи...» рассказах Троицкой летописи несколько раз встречается этикетная формула о захваченной добыче. В повести о побоище на реке Пьяне (1377 г.): «Татарове же, одолевше христианом, и сташа на костех, *полон весь и грабежь* ту оставиша»;⁴³ в повести о битве на Воже (1378 г.): «Князь же великий Дмитрей возвратися отътуду на Москву съ победою воликою и рати роспусти съ *многую корыстию*»;⁴⁴ под 1385 г., в рассказе о набеге Олега Рязанского на Коломну: «...и лепших мужей поймав, поведе съ собою, и *злата, и сребра, и товара всякого наймав*ся, отиде и возвратися въ свою землю

⁴³ ПСРЛ, т. XV, вып. 1, Рогожский летописец. Пг., 1922, стб. 119.

⁴⁴ Там же, стб. 135.

съ мною корыстию».⁴⁵ Таким образом, само обращение к формуле «встать на костях» и к словам о захваченной добыче в краткой летописной повести о Куликовской битве соответствует характеру той части Троицкой летописи, где находится эта повесть. Но формула о захваченной добыче в краткой летописной повести заметно отличается по характеру и стилю от всех вышеприведенных примеров: «И мнози вои его (Дмитрия Донского, — Л. Д.) возрадовашася, яко обрѣтающе користь многу: погна бо с собою многа стада кони, и вельблюды, и волю, им же нльсть числа, и доспѣх, и порты, и товаръ» (с. 15). И вот как раз в дополнительных, избыточных элементах, которые отличают этикетный оборот о захваченной добыче в краткой летописной повести о Куликовской битве от остальных сходных по ситуации рассказов Троицкой летописи, формулировка эта сближается с соответствующим местом «Задонщины». В «Задонщине» по списку У мы читаем: «Уже бо русские сынове разграбиша татарские узорочья, и доспѣхи, и кони, и волю, и верблуды, и вино, и сахар, и дорогое узорочие. Уже жены русские восплескаша татарским златом» (с. 540). Близко к этому чтение и других списков «Задонщины». Повторение слова «уже» в приведенной фразе не случайно. Дело в том, что эта фраза в «Задонщине» входит в часть текста, повествующего о сговоре татар, потерпевших поражение: «Уже нам, брате, в земли своей не бывать и дѣтей своих не видать, а в Русь ратию нам не хаживать, а выхода нам у русских людей не прашивать. Уже бо востона земля Татарская, бѣдами и тугою покрывша бо сердца их, хотение князем и похвала Руской земли ходити. Уже бо веселие наше пониче» (сп. У, с. 539—540). В «Задонщине» весь этот отрывок восходит к основному источнику памятника — к «Слову о полку Игореве». Он восходит к той части «Слова», которая завершает рассказ о поражении войск Игоря Святославича Новгород-Северского. Но если в «Слове» «восплакали» русские жены, Игорь утопил «жиръ» «во днѣ Каялы» и потерял русское «злато», а на берегу синего моря воспели «готския красныя дѣвы... звоня русскимъ златомъ», то в «Задонщине» наоборот: «востона земля Татарская», «русские сынове разграбиша татарские узорочья» (перечисление этих узорочий частично совпадает в «Задонщине» и краткой летописной повести) и «уже жены русские восплескаша татарским златом» (сп. У, с. 540, близкое к этому чтение и в остальных списках).

Поэтому, если воспринимать краткую летописную повесть о Куликовской битве в окружающем ее контексте Троицкой летописи, у нас есть достаточно веские основания считать, что автор Троицкой летописи, составляя повесть о Куликовской битве, расширил, украсил этикетную формулу захвата добычи, воспользовавшись для этого текстом «Задонщины». В контексте Троицкой летописи, да и самой краткой летописной повести, часть текста, объединяющая формулу «встать на костях» и перечень захваченной добычи, стилистически и по самому характеру своему воспринимается как вставка. В контексте же «Задонщины» рассмотренный от-

⁴⁵ Там же, стб. 150.

рывок тесно связан и с окружающим его текстом, и со стилем всего памятника вообще, и, наконец, со «Словом о полку Игореве».

Высказанным мною выше положениям, казалось бы, противоречит такое обстоятельство. М. А. Салмина отметила не только рассмотренные два случая («стояние на костях» и перечисление захваченной добычи), когда, по ее мнению, «Задонщина» зависит от текста летописной повести (в этих случаях краткая и пространная летописные повести совпадают, т. е. пространная здесь повторяет краткую), но выделила еще два чтения в «Задонщине», восходящие, как она считает, к летописной повести, которые встречаются уже только в пространной летописной повести. Каковы же эти тексты и можно ли согласиться с М. А. Салминой, что они свидетельствуют о текстуальной зависимости одного произведения («Задонщины») от другого (пространной летописной повести)?

Первый из сопоставляемых отрывков читается в «Задонщине» так: «Тѣ бо («поганые татарова бусорманова», — Л. Д.) на рекѣ на Каялѣ одолѣша родѣ Афѣтов. И оттоля Руская земля сѣдитъ невесела, а от Калатъския рати до Мамаева побоища туюю и печалию покрывшася, плачущися, чады своя поминаюты: князи и бояря и удалые люди, иже оставиша все дома своя и богатество, жены и дѣти и скот, честь и славу мира сего получивши, главы своя положиша за землю за Рускую и за вѣру христьянскую. Собѣ бы чаем пороженных и воскормленных» (сп. У, с. 535, со значительными разночтениями есть это место и в сп. Ж, в остальных списках «Задонщины» такого текста нет). С этим отрывком «Задонщины» М. А. Салмина сопоставляет такой отрывок пространной летописной повести: «Слышавше въ градѣ на Москвѣ, и въ Переяславли, и на Костромѣ, и въ Володимѣре, и въ всѣх градѣх великаго князя и всѣх князей русских, что пошел за Оку князь великий, и бысть въ градѣ Москвѣ туга велика и по всѣм граду его приделом плачь горекъ и глас и ридание, и слышано бысть сиречь высоких Рахиль же есть ридание крѣпко: плачущися чад своихъ и великим риданиемъ, въздыханиемъ, не хотя утѣшиться, зане пошлп с великимъ княземъ за всю землю Рускую на остраа копыа. Да кто уже не плачется женъ онѣх риданиа и горкаго их плача, зряще убо их? Каяждо к собѣ глаголаше: „Увы мнѣ, убогаа наша чада! Уне бы намъ было, аще бы ся есте не родили...“» (с. 18—19).

Нетрудно убедиться, что в смысловом отношении приведенные тексты совершенно разные, хотя в обоих говорится о «туге», печали, плаче. В «Задонщине» имеется в виду «туга» и печаль всей Русской земли со времени битвы на Калке в 1223 г. по 1380 г. В фразе о плаче подразумевается плач Русской земли о погибших за нее в борьбе с монголо-татарами. В пространной летописной повести подразумевается «туга», охватившая Москву и другие русские города при известии о переправе войск Дмитрия Донского через Оку, а плач — это плач русских матерей о своих детях, которым предстоит пасть в битве с Мамаем.

В сопоставляемых текстах М. А. Салмина выделяет ключевые слова и обороты, которые, как она полагает, попали в «Задонщину» из прост-

ранной летописной повести. Это: 1) слово «туга», 2) словосочетание «за землю Рускую», 3) оборот «плачущися, чады своя поминаюты» (в летописной повести «плачущися чад своих»), 4) во фразе «Задонщины» «Собе бы чаем пороженных и воскормленных» М. А. Салмина видит отгосок таких слов пространной летописной повести: «Уне бы намъ было аще бы ся есте не родили». Рассмотрим по порядку все эти случаи.

Слово «туга», хотя оно и довольно часто употребляется в древнерусских текстах,⁴⁶ как раз более характерно для «Задонщины», а не для летописной повести. В «Задонщине» оно встречается еще, а в летописной повести — только в приведенном отрывке. Кроме того, и это самое главное, семантико-стилистическое употребление этого слова в обоих произведениях различно. В «Задонщине» «туга» воспринимается как нечто олицетворенное, это не обозначение состояния, а метафорический образ. Русская земля покрылась «тугою», а в другом месте, где уже говорится о поражении Мамаю, мы читаем: «Уже бо востона земля Татарская, бѣдами и тугою покрыва бо сердца их» (так в сп. У, с. 539, в И-1: «А уже бо въстонала земля Татарская, бедами и тугою покрывася» — с. 545). Образ «туги» в «Задонщине» восходит к ее непосредственному источнику, к «Слову о полку Игореве», где «туга» встречается семь раз, при этом с тем же смысловым значением, что и в «Задонщине»: «тугою въздоша по Руской земли» (с. 48), «въстона... Киевъ тугою» (с. 49), «туга умъ полонила» (с. 50) и т. д. В летописной же повести «туга» обозначает состояние: «бысть в граде Москве туга велика». Примечательно и следующее. В приведенном выше отрывке из «Задонщины» названа река Каяла, что бесспорно свидетельствует о самой тесной связи этого отрывка «Задонщины» с соответствующим местом «Слова о полку Игореве», так как наименование «Каяла» известно только по «Слову» и летописной повести о походе Игоря. И отрывок «Слова», сообщающий о поражении Игоря «на брезѣ быстрой Каялы», завершается фразой — «Ничить трава жалоцями, а древо с тугою къ земли преклонилось» (с. 49).

Словосочетание «за землю Рускую» очень характерно для текста «Задонщины». В списке У (а сопоставляемый отрывок текста берется именно из этого списка) оборот «земля Русская» употреблен 27 раз, часто он встречается и во всех остальных списках. В летописной же повести только один раз — в приведенном отрывке. Неоднократно, при этом не только в списке У, но и в списке другого извода «Задонщины» — С, словосочетание «за землю Рускую» употребляется в специфическом для «Задонщины» виде: «за землю Рускую и за веру христианскую». Таким образом, словосочетание, рассматриваемое как заимствование «Задонщины» из пространной летописной повести, характерно именно для текста «Задонщины», в присутствии именно «Задонщине» двучленном виде (за землю, за веру). И если уж искать источник этого оборота, то видеть

⁴⁶ См.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. 3. СПб., 1903, стб. 1031—1032.

его нужно в действительном источнике «Задонщины» — в «Слове о полку Игореве», где выражение «Русская земля» встречается 18 раз, а «за землю Русскую» — 5 раз.

И слово «туга» и словосочетание «за землю Русскую» в стилистическом и смысловом отношении и в плане соотношения «Задонщины» со «Словом о полку Игореве» — это типичные обороты самой «Задонщины», поэтому нет никаких оснований искать источник их в тексте пространной летописной повести.

В третьем случае перед нами чисто случайное сближение (а не дословное совпадение) словесного оборота из-за совпадения изображаемой ситуации — плач о «чадах». Заметим, что если бы автор «Задонщины», создавая образ плача Русской земли по погибшим, обращался к пространной летописной повести, то он обязательно назвал бы имя Рахили — библейского символа неутешного материнского горя. В пространной летописной повести слова «Рахиль... плачущися чад своих... не хотя утешитися» входят в большой отрывок, заимствованный автором повести, как это установила В. П. Адрианова-Перетц, из апокрифического «Слова на рождество Христово о пришествии волхвов».⁴⁷ Но в самом-то апокрифическом «Слове» фраза о Рахили и ее плаче есть не что иное, как цитата из 15-го стиха 31-й главы библейской книги пророка Иеремии, эта же самая фраза повторялась и в 18-м стихе 2-й главы Евангелия от Матфея. И если бы нужно было для оборота, изображающего в «Задонщине» вполне конкретную картину (Русская земля плачет, вспоминая погибших детей своих, — «плачущися, чады своя поминаюты») искать какой-то источник, то с не меньшим основанием этот источник можно было бы видеть в библейском или евангельском тексте.

В четвертом примере настолько разные тексты (к тому же в «Задонщине» текст явно дефектный), что сопоставлять их просто нельзя.

Итак, в двух разных по смыслу и содержанию отрывках «Задонщины» и пространной летописной повести, в которых описана сходная ситуация — плач, совпадают, а вернее сказать, сближаются, единичные слова и небольшие словосочетания. Но все эти слова и словосочетания соответствуют по стилю контексту собственного произведения и полностью отвечают смыслу и содержанию того текста, в который они входят. Поэтому говорить о текстуальной связи между «Задонщиной» и пространной летописной повестью в процитированных выше отрывках нет абсолютно никаких оснований.

Другой пример текстуальной зависимости «Задонщины» от пространной летописной повести М. А. Салмина усматривает в том, что в «Задонщине», как и в пространной летописной повести, сыновья литовского князя Ольгерда Андрей и Дмитрий названы «Андреем Полоцким» и «Дмитрием Брянским». Видеть в этом какую бы то ни было текстуальную связь между обоими произведениями нельзя: еще при жизни своего

⁴⁷ Адрианова-Перетц В. П. Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского. — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, с. 87.

отца Андрей был посажен князем в Полоцке, а Дмитрий — в Брянске, естественно поэтому, что ничем не связанные между собой тексты могли называть одного князя Андреем Полоцким, а другого — Дмитрием Брянским.

Таким образом, текстуальных свидетельств о непосредственной связи между «Задонщиной» и пространной летописной повестью нет. Поэтому ничто не противоречит заключению о том, что уже автор краткой летописной повести обращался к «Задонщине».

Пространная летописная повесть по объему приблизительно в пять раз больше краткой. Краткая летописная повесть, по существу, полностью вошла в пространную. Первая часть включена в пространную в сильно измененном и переработанном виде — в этой части совпадения обнаруживаются в отдельных оборотах и словах. Вторая половина краткой летописной повести с некоторыми изменениями и дополнениями вошла в пространную полностью. Уже различие в объеме произведений говорит о том, что пространная летописная повесть, хотя она и основана на краткой, вполне самостоятельное произведение, значительно отличающееся от краткой летописной повести. В пространной летописной повести значительно больше подробностей фактического характера как о событиях, предшествовавших Куликовской битве, так и об обстоятельствах самой битвы. Ряд этих подробностей, в достоверности которых у нас нет особых оснований сомневаться, сообщает нам только пространная летописная повесть. Так, только в пространной летописной повести говорится, что о движении сил Мамаю на Русскую землю сообщил великому князю Олег Рязанский, скрыв при этом свой собственный союз с Мамаем; только в пространной летописной повести говорится о том, что Мамай потребовал от московского князя выплаты дани в размере, установленном еще при хане Джанибеке, а не по существующим договорам с Мамаем — Дмитрий соглашался выдать дань в договорном размере, но отказался платить ее в прежнем размере. Есть и еще несколько такого рода подробностей. Целый ряд сведений, сообщаемых пространной летописной повестью, по содержанию и характеру совпадает с данными «Сказания о Мамаевом побоище», но по деталям и подробностям сведения эти в обоих произведениях отличаются. Так, например, и в пространной летописной повести и в «Сказании» сообщается о том, что Олег Рязанский посылал своего посла к Мамаю и клитовскому князю, но в летописной повести названо его имя — боярин Елифан Кореев. В «Сказании» говорится, что великий князь Дмитрий Иванович рвался в бой первым, сообщается, что после сражения его нашли сильно контуженным. В пространной летописной повести говорится, что великий князь в начале боя «наѣха наперед въ сторожевых полцѣх... таче потомъ, не долго попустя, отѣха князь въ великий полкъ» (с. 20), а затем сообщается, что на князе были разбиты все его доспехи, «но на тѣлеси его не бѣше язвы ни коея же, а бился с тотары в лице, ставъ напреди, на первом суимѣ» (с. 22). Итак, мы видим, что пространная летописная повесть насыщена целым рядом фактических сведений, о которых в краткой летописной

повести ничего не говорится. Однако основное отличие пространной летописной повести от краткой заключается не в этом, а в литературных особенностях пространной летописной повести, в ярко выраженной публицистичности этого памятника.

В пространной летописной повести много места уделено измене Олега Рязанского. И главное здесь не столько в сообщении каких-то исторических подробностей, сколько в публицистических эмоциях автора повести. Он страстно обличает рязанского князя: «...и к лстивому сътонцику, дьяволу свѣтнику, отлученному сына божиа, помраченному тмою грѣхвною и не хотѣ разумѣти, Олгу Рязаньскому, поборнику бессерменьскому, лукавому сыну» (с. 16). Подобного рода филиппики в адрес Олега Рязанского, которого автор сравнивает с Иудой и Святополком Окаянным, встречаются неоднократно.

Стиль пространной летописной повести книжный, риторичный, что нашло отражение и в метафорах, и в сравнениях, и в широком цитировании автором библейских текстов (чаще всего он прибегал к Псалтыри). Автор произведения обращался еще к целому ряду литературных источников: к «Житию Александра Невского», к паремийному чтению о Борисе и Глебе, к уже упоминавшемуся апокрифическому «Слову на рождество Христово о пришествии волхвов».

Пространная летописная повесть представляет собой своеобразную мозаику, составленную из описания событий, риторических (пышных, а подчас и вычурных) отступлений автора, обширных цитат из церковно-религиозных текстов, молитв великого князя московского. Но это мозаика яркая, красочная, сделанная с исключительным мастерством. Вспомним описание сражения в краткой летописной повести и сравним с ним описание битвы в пространной летописной повести. Автор последней, сообщив о приходе великого князя к Дону, говорит о том, что в это же самое время приспело послание от Сергия. Приводится текст послания, в котором святой призывает князя и всех воинов к сражению. Затем следует торжественная тирада Дмитрия Донского «Сии на колѣсницах, а сии на конѣх...» (с. 19), в которой использован 8-й стих 19-го псалма. После этого автор говорит об исполчении полков и о том, что одни советуют Дмитрию перейти Дон, а другие удерживают его. Здесь автор делает отступление — описывает гнев Мамаю, узнавшего о приходе к Дону московского великого князя, в это описание вставлена речь Мамаю. За словами Мамаю следует большой монолог Дмитрия Донского — московский великий князь молится богу, обличает «свирепство» Мамаю, снова обращается с мольбой к богу о помощи, вспоминая библейскую историю о помощи бога Моисею. Заканчивается монолог московского князя его призывом к брату, князьям и воеводам. После этого говорится о переправе через Дон, описывается утро дня битвы, сообщается об изготовке русского воинства к сражению и затем следует риторическое восклицание автора: «И ключа смертна растерзахуся, трусъ бѣ страшень, и ужасъ събранным чадом издалеча, от востокъ и западъ» (с. 20) и т. д. Таков стиль всей пространной летописной повести от начала и до конца. Автор простран-

ной летописной повести — человек высокой книжной культуры. Его произведение волнует читателя своей страстностью, острой публицистичностью, своим литературным мастерством. Вместе с тем нельзя не отметить определенную вычурность произведения, смысловую затемненность отдельных отрывков текста.

Как уже отмечалось выше, С. К. Шамбинаго относил время возникновения пространной летописной повести к концу XIV в. (см. с. 309). Временем очень близким к 80-м гг. XIV столетия датировал первоначальный вид пространной летописной повести А. А. Шахматов. Он писал: «Прославление великой победы при жизни победителя вполне естественно, и, допустив существование повести в девяностых годах XIV ст[олетия], мы не видим основания не признавать возможности появления ее еще в восьмидесятих годах, т. е. через год — через два после славной победы. Имея в виду, что в этой повести не содержится намеков на постигшее Москву в 1382 году несчастье — взятие и сожжение ее татарами, я нахожу вероятным, что повесть возникла до этого события, а следовательно, в течение 1381 или в начале 1382 года».⁴⁸ М. А. Салмина считает, что пространная летописная повесть возникла в конце 40-х гг. XV в. и, в любом случае, не ранее 1437 г., так как в этой повести среди погибших на Куликовом поле назван Федор Тарусский, который по данным других летописных источников (заметим — позднего характера) погиб в 1437 г. в бою с ордынцами под Белевом.⁴⁹ М. А. Салмина отвергает возможность того, что могло быть два разных Федора Тарусских или же что имя это попало в текст пространной летописной повести на более позднем этапе литературной истории данного произведения. Несмотря на целый ряд убедительных доводов М. А. Салминой в пользу своей датировки пространной летописной повести, признать ее выводы бесспорными и окончательными все же нельзя. Для окончательного решения данного вопроса необходимы дальнейшие разыскания.

* * *

Центральный памятник Куликовского цикла — «Сказание о Мамаевом побоище». «Сказание» дошло до нас в очень большом количестве списков. Характерной особенностью списков «Сказания» является наличие большого числа разночтений и вариантов в пределах одной и той же редакции. С. К. Шамбинаго разбил известные в его время списки «Сказания» на четыре основные редакции. Разделение списков «Сказания», предложенное С. К. Шамбинаго, за прошедшее с тех пор время не претерпело существенных изменений: к выявленным им редакциям прибавилось несколько новых, уточнено выделение вариантов внутри редакций.⁵⁰

⁴⁸ Шахматов. Отзыв, с. 121.

⁴⁹ См.: Салмина М. А. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина», с. 370—372.

⁵⁰ См.: Шамбинаго С. К. Повести о Мамаевом побоище; Дмитриев Л. А.: 1) Сказание о Мамаевом побоище. Автореф. канд. дис. Л., 1953; 2) Обзор редакций

Однако представление о последовательности редакций, о характере их взаимоотношения было коренным образом пересмотрено.

С. К. Шамбинаго исходил из заранее построенной им концепции старшинства и последовательности редакций произведения. Он считал, что в основе «Сказания» лежит пространная летописная повесть. Само собой разумеющимся считал он и то, что в том тексте памятника, где литовский союзник Мамаю был назван исторически верно Ягайлом (а в большинстве списков «Сказания» вместо Ягайла фигурирует его отец, великий князь литовский Ольгерд, который на самом деле умер за три года до Куликовской битвы), — перед нами более ранняя редакция. Поэтому первой редакцией произведения он посчитал текст «Сказания», входящий в состав Никоновской летописи. Именно здесь целые отрывки полностью совпадают с пространной летописной повестью, а литовский союзник Мамаю именуется Ягайлом. Уже А. Марков в рецензии на книгу С. К. Шамбинаго указал, что совпадения с пространной летописной повестью в первой, по С. К. Шамбинаго, редакции «Сказания» — поздние вставки.⁵¹ Более подробно эту мысль развил и обосновал А. А. Шахматов, который, кроме того, высказал предположение, что уже в первоначальном виде «Сказания» имя литовского князя было Ольгерд, а Ягайло — это позднее исправление.⁵² Сравнительный текстологический анализ различных редакций «Сказания о Мамаевом побоище» показал, что действительно в первоначальном тексте произведения литовский князь назывался Ольгердом.⁵³ Издание в 1959 г. Лондонского списка Вологодско-Пермской летописи⁵⁴ на конкретном тексте иллюстрировало, что в основе редакции «Сказания», включенной в эту летопись (С. К. Шамбинаго называл эту редакцию второй), редакции, считавшейся близкой к первоначальному тексту памятника с исторически верным именем литовского князя — Ягайло, лежал текст, в котором этот персонаж «Сказания» именовался Ольгердом. Таким образом, решать вопрос о старшинстве редакций, о том, каким мог быть авторский текст памятника, необходимо было не с точки зрения точности исторических имен, а на основе анализа взаимоотношений дошедших текстов «Сказания».

Такой сравнительный текстологический анализ всех известных списков «Сказания» показал, что наиболее близкой к авторскому, первоначальному тексту произведения больше всего оснований считать ту редакцию, которую С. К. Шамбинаго определял как третью редакцию памят-

Сказания о Мамаевом побоище. — В кн.: Повести о Куликовской битве. М., 1959, с. 449—480; Демкова Н. С. Заимствования из «Задонщины» в текстах Распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла, с. 440—476.

⁵¹ Марков А. С. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906. — ЖМНП, СПб., 1908, ч. XIV, с. 433—446.

⁵² Шахматов. Отзыв.

⁵³ См.: Дмитриев Л. А. К литературной истории Сказания о Мамаевом побоище. — В кн.: Повести о Куликовской битве. М., 1959, с. 406—421.

⁵⁴ ПСРЛ, т. XXVI. Вологодско-Пермская летопись. М.—Л., 1959.

ника. Эта — Основная редакция «Сказания о Мамаевом побоище» представлена несколькими вариантами. Следующая по старшинству редакция — Летописная (по С. К. Шамбинаго, вторая), она включена в состав Вологодско-Пермской летописи. К старшим редакциям «Сказания» относятся также Киприановская — та, что входит в состав Никоновской летописи (первая редакция, по С. К. Шамбинаго), и Распространенная (по С. К. Шамбинаго, четвертая редакция). Помимо этих ранних редакций есть несколько более поздних редакций «Сказания», датируемых XVII в.: «Сказание» в «Летописце» князя И. Ф. Хворостинина (ркп. ГИМ, собр. Уварова № 116 (1386), XVI в.); редакция, составленная в 70-х гг. XVII в. Феодосием Сафоновичем;⁵⁵ редакция «Синописа» (конец 70-х — начало 80-х гг. XVII в.).

Основная редакция «Сказания о Мамаевом побоище» от остальных редакций отличается наибольшим количеством вариантов. Два варианта Основной редакции должны быть отмечены особо, так как их можно признать наиболее близкими к первоначальному тексту произведения и, кроме того, другие варианты этой редакции развивались из этих вариантов Основной редакции. Это варианты *О* и *У*, названные так чисто условно: к варианту *О* относятся те списки, в основу которых может быть положен список ГПБ, О.IV.22, к варианту *У* — те списки, которые по основным признакам близки к списку Основной редакции ГБЛ, собр. Ундольского, № 578. Самое существенное отличие варианта *У* от варианта *О* в окончании произведения. В *У* окончание «Сказания» — подробное описание движения русских войск с Куликова поля в Москву. Окончание варианта *У* представляет собой пересказ в обратной последовательности общего для обоих вариантов описания движения войск великого князя московского из Москвы к Дону. Поздний характер окончания в *У* виден из того, что здесь встречаются текстуальные повторения таких отрывков из рассказа о походе войск на поле битвы, которые никак не подходят к рассказу о возвращении войска с поля брани. Помимо этого отличия варианта *У* от варианта *О* есть ряд более мелких различий в тексте обоих вариантов. Варианты *О* и *У* происходят не один от другого, а восходят к общему протографу, и протограф этот получил наиболее близкое отражение в списке «Сказания» первой половины XVI в. ГПБ, О.IV.22. Но и в этом списке должны быть отмечены и более поздние изменения в тексте (в частности, в окончании есть небольшая вставка из пространной летописной повести явно вторичного характера), и сокращения первоначального текста.

Кроме вариантов *О* и *У* в Основной редакции выделяются следующие варианты: Печатный, Забелинский, вариант Михайловского. Необходимо отметить, что отдельные списки Основной редакции «Сказания», которые

⁵⁵ См.: Дмитриев Л. А. «Книга о побоищи Мамаея, царя татарского, от князя владимирского и московского Димитрия». — ТОДРЛ, т. XXXIV. Л., 1979, с. 61—71. С. К. Шамбинаго определял эту редакцию как западнорусскую переработку «Сказания».

по ключевым признакам относятся к тому или иному из названных выше вариантов, отличаются индивидуальными особенностями.⁵⁶

Текст Летописной редакции и по сюжетному развитию и текстуально (в целом) близок к особенностям варианта *О* Основной редакции «Сказания». Но здесь проведена последовательная переработка взятого за основу текста Основной редакции по пространной летописной повести, что прежде всего отразилось на изменении имени литовского князя в соответствии с исторической достоверностью. Первоначальная редакция Вологодско-Пермской летописи, время составления которой историки летописания относят к концу XV—началу XVI в.,⁵⁷ отражена в Лондонском списке этой летописи, в котором текст «Сказания» есть. Таким образом, время составления Летописной редакции «Сказания» следует относить к концу XV—началу XVI столетия.

Киприановская редакция «Сказания» была создана, как это убедительно показал Б. М. Клосс, митрополитом Даниилом, составителем Никоновской летописи.⁵⁸

В результате исследования Б. М. Клосса время написания этой редакции «Сказания» датируется очень точно — между 1526—1530 гг.⁵⁹ В редакции «Сказания», составленной митрополитом Даниилом, особо подчеркивается та большая роль, которую якобы сыграл в событиях 1380 г. митрополит Киприан. Это придает Киприановской редакции «Сказания» особо ярко выраженный церковно-религиозный характер: война с Мамаем — прежде всего война за православную церковь, за христианскую веру. Церковная направленность Киприановской редакции «Сказания» проявляется еще и в том, что в ней с особой силой подчеркивается роль митрополита Петра как покровителя Москвы и русских. Церковная, официально религиозная направленность Киприановской редакции обнаруживается и в заглавии, где перечисляются все святые, которые помогли русским в битве с татарами на Куликовом поле. Все эти особенности Киприановской редакции «Сказания» тесно связаны с характером работы над этим летописным сводом Даниила,⁶⁰ с тенденциями Никоновской летописи. Еще А. А. Шахматов писал в свое время: «Я отвечаю решительным утверждением, что подобное прославление памяти митрополита (Киприана, — Л. Д.) дело не современника, а книжника XVI века, воспитавшегося в известной, определенной литературной среде и приме-

⁵⁶ Подробную характеристику всех редакций «Сказания» и отличительных признаков вариантов, входящих в эти редакции, см.: Дмитриев Л. А. Обзор редакций «Сказания о Мамаевом побоище», с. 449—480.

⁵⁷ См.: Буганов В. И. О списках Вологодско-Пермского свода конца XV—начала XVI в. — В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963, с. 158—165; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976, с. 125.

⁵⁸ См.: Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980, с. 127—128.

⁵⁹ См. там же, с. 51.

⁶⁰ См. там же.

нявшего выработанные в этой среде приемы к обработке различных литературных произведений. Составитель Никоновской летописи — типичный представитель этой литературной среды. Весь его труд изобилует примером благоговейного отношения к митрополитам и тенденциозной окраской событий в духе их прославления».⁶¹

Даниил, создавая Киприановскую редакцию «Сказания», взял за основу своей переработки вариант У Основной редакции (это видно и на больших отрывках текста, и нашло отражение в отдельных специфических словах и словосочетаниях). Источник своего сочинения Даниил последовательно и сильно сокращает. Вместе с тем он широко использует в своей работе пространную летописную повесть, делая из нее отдельные вставки и перерабатывая на ее основе текст источника. Даниил включает в свою редакцию «Сказания» большой рассказ об истории поставления на митрополию Киприана. В некоторых подробностях исторического характера Киприановская редакция сообщает сведения, о которых в других памятниках Куликовского цикла не говорится. Видимо, митрополит Даниил использовал и не дошедшие до нас источники, связанные с Куликовской битвой.

Распространенная редакция «Сказания», как видно уже из ее названия, отличается от других редакций произведения наличием в ней новых эпизодов и расширением, за счет всякого рода подробностей, общих для всех редакций эпизодов. Самые существенные вставные рассказы Распространенной редакции — рассказ о посольстве Захарии Тютчева к Мамаю и рассказ о новгородцах.

Развитие и усложнение эпизодов, присущих всем редакциям «Сказания», в рассматриваемой редакции идет путем введения дополнительных подробностей, усложнения сюжетной линии того или другого эпизода. Так, например, во всех редакциях говорится о посылке литовским князем своего посла к Мамаю, в Распространенной же редакции называется имя этого посла — Бортеш и вводится рассказ Бортеша, характеризующий Мамаю в резко отрицательных тонах.

Во всех редакциях «Сказания» сообщается о посылке с дарами от великого князя московского к Мамаю посла Захарии Тютчева. В Распространенной редакции — большой сюжетный рассказ об этом посольстве. В сущности — это целая законченная повесть.

В основе повести о посольстве Захарии, помещенной в Распространенной редакции «Сказания», вероятнее всего, лежит устный по происхождению легендарно-сказочный рассказ о хитроумном русском посланце. Сказочно-эпическое происхождение этой повести отчетливо проявляется и в мелких частных эпизодах ее, и в самой ее сути — в характере рассказа о том, как удалось русскому посланцу обмануть грозного повелителя Орды. Но легендарное предание предстает в «Сказании» в литературно обработанном виде и, несмотря на сюжетную завершенность этого легендарно-сказоч-

⁶¹ Шахматов. Отзыв, с. 156—157.

ного рассказа самого по себе, в составе «Сказания» он является отдельным эпизодом обширного единого повествования о событиях 1380 г. И эпизод этот тесно связан в литературно-художественном и идеологическом отношении со всем сюжетом Распространенной редакции «Сказания». Об этом красноречиво свидетельствует рассказ о посольстве к Мамаю Бортеша. В обоих рассказах (о после от противника Мамаю и о после от союзника Мамаю) перед читателем в самом неприглядном виде предстает золотоордынский правитель — враг Русской земли.

Литовский посол рассказывает своему князю о том впечатлении, какое произвел на него Мамай. В этом рассказе Мамай выступает как заносчивый, но недалекий и даже глупый правитель. Повесть о посольстве Захарии наглядно иллюстрирует тупоумие Мамаю: умному и находчивому русскому послу без труда удастся его одурачить.

Рассказ о посольстве Захарии, как и рассказ о посольстве Бортеша, не является механическим включением в повествование нового занимательного эпизода, оба они подчинены общей тенденции рассматриваемой редакции — стремлению еще полнее, шире и увлекательнее рассказать о событиях 1380 г. Не менее ярко эта же тенденция Распространенной редакции проявилась и в рассказе о новгородцах.

В Распространенной редакции «Сказания» имеется большой рассказ, в котором описывается, как в Новгороде узнали о готовящемся в Москве походе против Мамаю и как новгородцы решили пойти на помощь к великому князю московскому и осуществили это решение. Так же как и рассказ о посольстве Захарии, рассказ о новгородцах сам по себе представляет целую повесть. (В некоторых списках Распространенной редакции, в которых дается заглавие отдельным эпизодам «Сказания», эпизод о новгородцах так и озаглавлен: «Скажу вам иную повесть о мужех новгородцах великого Новгорода» — список ГПБ, собр. Погодина, № 1414). В основе повести о новгородцах, скорее всего, лежит устное предание новгородского происхождения об участии новгородцев в битве на Куликовом поле. Об этом свидетельствует не только идейная направленность данной повести — стремление показать активное и действенное участие Новгорода на стороне великого князя московского (в летописных источниках об участии новгородцев в Куликовской битве ничего не говорится), но и ряд таких деталей повести, которые отражают специфически новгородские черты быта (роль в жизни Новгорода архиепископа, новгородского веча и т. п.). Подобно повести о посольстве Захарии, повесть о новгородцах в составе Распространенной редакции «Сказания» представляет собой уже литературную переработку местного предания, она входит в сюжет произведения как тесно связанный с ним эпизод. Включение в число участников Куликовской битвы новгородских сил отразилось в целом ряде эпизодов памятника. В Распространенной редакции «Сказания» в рассказе об уряжении полков на Коломне говорится, что великий князь, «приехав к полком новгородским и виде их, подивися, яко чудно зрети учреждение их и нарочети к боеви», здесь же сообщается, что Дмитрий Иванович отводит новгородцам левый фланг: «левую

руку учини новгородских пасадииков» (с. 89).⁶² (В предшествующих Распространенной редакции текстах «Сказания» в данном месте о новгородцах ничего не сообщается). Упоминаются новгородцы и в ответе бояр Олегу Рязанскому, когда он был удивлен тем, что Дмитрий осмелился пойти против Мамаея. После слов бояр о том, что Сергей благословил Дмитрия на битву с Ордой и дал в помощь великому князю московскому двух иноков своего монастыря, в Распространенной редакции добавлено: «А еще сказывают, приидоша к нему на помощь новгородцы со многими силами своими, а воинство их, сказывают, вельми красно и храбра зело» (с. 90).

Установить время создания Распространенной редакции «Сказания» на основе имеющихся данных весьма трудно. Бесспорно можно утверждать, что эта редакция была написана до начала XVII в., так как один из списков ее находится в конце так называемого Тверского сборника, написанного скорописью начала XVII в. (ГПБ, собр. Погодина, № 1414).

В какое же время было написано «Сказание о Мамаевом побоище»? Мы видели, что Летописная редакция, являющаяся переработкой Основной редакции, существовала уже в начале XVI в. Следовательно, «Сказание», во всяком случае, было написано не позже конца XV—начала XVI столетия. В науке существует много гипотез относительно датировки «Сказания». Диапазон времени, к которому относят создание этого произведения, весьма велик: от 90-х гг. XIV в. до 30—40-х гг. XVI столетия. Вопрос о времени написания «Сказания» тесно связан с целым рядом других проблем.

В «Сказании» встречается много имен, по другим источникам неизвестных, перечисляются мелкие северо-восточные удельные княжества, существование которых в конце XIV в. вызывает сомнение. Но в данном случае мы можем видеть в «Сказании» отражение таких реальных данных, которые в других источниках оказались не зафиксированными, и наличие их в «Сказании» как раз и может свидетельствовать о возникновении памятника в близкое к событиям 1380 г. время.⁶³ Однако в «Сказании» есть три явных анахронизма. Каково же их значение для датировки произведения и для идейного содержания памятника?

Один из этих анахронизмов — уже упоминавшаяся замена имени литовского князя: Ольгерд вместо — Ягайло. Второй анахронизм — включение в число персонажей «Сказания» митрополита Киприана, который выступает в «Сказании» как духовный наставник, советчик великого князя. А между тем на самом деле в 1380 г. Киприана в Москве не было — он находился в это время в Киеве. Третий анахронизм — слова «Сказания» о том, что великий князь, уходя на поле брани из Москвы, молится перед иконой Владимирской богородицы. На самом деле эта ико-

⁶² Тексты «Сказания о Мамаевом побоище» цитируются по изданию их в настоящей книге, страницы указываются в скобках в тексте.

⁶³ См.: *Дмитриев Л. А.* О датировке «Сказания с Мамаевым побоище». — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954, с. 185—199.

на, почитавшаяся патрональной иконой всей Русской земли (сейчас она находится в Третьяковской галерее), была перенесена из Владимира в Москву лишь в 1395 г., во время движения на Русь войск Тимура.

Как исторические ошибки, возникшие из-за того, что произведение писалось спустя много времени после описываемого в нем события, все эти анахронизмы объяснены быть не могут. Русскую историю и в XV, и в XVI вв. знали хорошо, и в произведении на историческую тему так ошибаться не могли. Об Ольгерде имелись подробные сведения в летописях, не менее подробные сведения имелись там же и о Киприане. О перенесении иконы Владимирской богородицы в Москву во время похода Тимура сообщалось в «Повести о Темир-Аксаке», первоначальная версия которой возникла не позже первой четверти XV в., а последующие редакции расцвечивали всевозможными подробностями как раз историю перенесения иконы из Владимира в Москву и ее чудесного вмешательства в спасение Москвы от нашествия Тимура. И если уж видеть в этих анахронизмах произвольное, бессознательное совмещение разновременных фактов, то гораздо больше оснований считать, что это могло произойти в не слишком отдаленное от самих событий время, когда автор еще полагался на свою память и не считал нужным обращаться для проверки своих сведений к письменным источникам. Показательно, что все три перечисленных анахронизма очень близки по времени к событию, являющемуся центральным для темы «Сказания». Не исключено, однако, что сообщение о Владимирской иконе представляет отражение в «Сказании» не зафиксированного по другим источникам факта (икона на какое-то время могла приноситься в Москву из Владимира и до 1395 г.), а включение в число действующих лиц «Сказания» Киприана и замена имени литовского князя были сделаны автором «Сказания» сознательно из литературно-публицистических соображений.

В 70—80-х гг. XIV в. на русской митрополии происходила так называемая «замятня»: на стол митрополита претендовало несколько лиц, в том числе ставленник великого князя московского Митяй-Михаил.⁶⁴ Поэтому отношение великого князя московского к Киприану как к одному из этих претендентов было весьма враждебным. Но после смерти Митяя в 1379 г. московский князь примирился с кандидатурой Киприана и в 1381 г. призвал его из Киева в Москву. Однако размирья между Дмитрием Ивановичем и Киприаном бывали и после 1381 г., и великий князь снова изгонял Киприана из Москвы. Окончательно с большим почетом Киприан водворился на престол митрополита всея Руси в Москве в 1390 г. и с этого года по год своей смерти (1406) возглавлял русскую митрополию. Но, как бы то ни было, формально в 1380 г. митрополитом был именно Киприан, и если бы он не находился в это время в Киеве, то именно он благослов-

⁶⁴ Эта история кратко изложена в Киприановской редакции «Сказания» (см. с. 52—53). В древнерусской литературе имелась специальная повесть о Михаиле-Митяе. См.: Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978.

дьял бы поход московского князя против Мамаю. И вот автор «Сказания» рисует эту этикетную ситуацию в своем произведении вопреки историческим фактам. Изображая тесный союз Дмитрия Донского с митрополитом Киприаном, автор «Сказания» тем самым подчеркивал общерусское значение разгрома Мамаю, возвеличивал общерусскую роль в этом деле московского князя. Разумеется, из литературно-публицистических соображений Киприан мог быть назван в «Сказании» и в том случае, если произведение создавалось значительно позже 1380 г., но с таким же успехом это могло быть сделано уже и при жизни Киприана — в конце XIV в. Один из исследователей считает, что упоминание Киприана в «Сказании» как раз «указывает на то, что „Сказание“ было создано именно при жизни Киприана, а может быть, даже при непосредственном его участии».⁶⁵

Действительный союзник Мамаю, литовский князь Ягайло, был мало известен на Руси как враждебный ей князь. Отец же Ягайла великий князь литовский Ольгерд несколько раз предпринимал попытки захватить Москву и подходил под самые стены города со своими войсками, он пользовался среди русских в конце XIV—начале XV в. славой опытного воина и опасного врага.⁶⁶ Называя союзником Мамаю Ольгерда, автор «Сказания» подчеркивал этим силу и мощь московского князя, особое значение Куликовской битвы, ее безусловное величие: вместе с Мамаем поражение терпит и старый враг Москвы Ольгерд. Заменить имя Ягайла именем Ольгерда автор «Сказания» мог в то время, пока в памяти сохранялось живое представление об Ольгерде. В более позднее время такая замена не имела никакого смысла. Показательно в этом отношении, что в поздних редакциях, связанных с летописями (в Летописной и Киприановской), имя Ольгерда было заменено исторически верным — Ягайло.

Итак, все три анахронизма «Сказания о Мамаевом побоище» не только не противоречат возможности относить время создания памятника к годам, не слишком отдаленным от даты Куликовской битвы, а скорее свидетельствуют в пользу того, что «Сказание» должно было быть написано в то время, когда в памяти еще сохранялись и события 1380 г., и близких к нему лет. Вместе с тем должно было пройти и определенное время после этих событий, что давало возможность воспринимать их в некотором обобщении и умышленно или неумышленно совмещать.

После смерти Дмитрия Ивановича Донского в 1389 г. московский великокняжеский стол занял его сын Василий Дмитриевич. Он продолжал политику своего отца по укреплению Московского княжества, увеличению территории княжества за счет присоединения к Москве новых земель, стремился подчинить влиянию Москвы другие княжества.

Новым в политике Василия Дмитриевича по сравнению с политикой

⁶⁵ Греков И. Б. О первоначальном варианте «Сказания о Мамаевом побоище». — Советское славяноведение, 1970, № 6, с. 31.

⁶⁶ Подробнее см. об этом в статье В. Т. Пашуто «Историческое значение Куликовской битвы», с. 273—277 настоящей книги.

его отца было отношение к митрополиту Киприану. Одним из первых мероприятий в начале княжения Василия Дмитриевича явился вызов Киприана из Киева в Москву в 1390 г. и устроенная Василием Дмитриевичем торжественная встреча митрополита в Москве. Василий Дмитриевич стремился привлечь на свою сторону митрополита. В этом нужно видеть проявление тонкой и умной политики московского князя: митрополит Киприан был связан узами дружбы с литовскими князьями. При возрастании литовской опасности для западной окраины Руси московскому князю было выгодно иметь на своей стороне такого человека, как митрополит Киприан. Вопрос о роли митрополита в государственной жизни того времени имел чрезвычайно важное значение, что, как мы могли убедиться выше, отразилось в «Сказании о Мамаевом побоище».

В 90-х гг. XIV в. Орда была сильно ослаблена нашествием Тамерлана. Это вызвало изменение политики московского князя. Об отношении великого князя московского к Орде в этот период мы можем судить, исходя из текста грамоты Едигея, посланной им Василию Дмитриевичу после 1408 г. В ней он упрекает московского князя за его пренебрежительное отношение к ордынским послам, за то, что Василий Дмитриевич сам ни разу не бывал в Орде и братьев и детей своих не присылал с тех пор, как там сел на царство Темир-Кутлуй, наконец, за то, что Василий перестал давать «выход», т. е. дань.

В 1408 г. эмир Едигей, объединивший большую часть Орды, организовал военный поход на Москву. После Тохтамышева разорения 1382 г. нашествие Едигея было самым сильным и жестоким. Хотя ему не удалось взять Москву, но ее окрестности он начисто разорил. Были сожжены и разграблены Переяславль, Ростов, Дмитров, Серпухов, Верея, Нижний Новгород. С Москвы был взят «окуп» в размере 3 000 рублей. Из высказываний летописца в эти годы можно сделать вывод, что нашествие Едигея и его успех объяснялись внутренними раздорами между русскими князьями, хитрой политикой Едигея, который сумел поссорить великого князя литовского Витовта и Василия Дмитриевича и, ослабив тем самым княжество Московское, нанести ему поражение. В известиях летописи о событиях 1408 г. проводится мысль о необходимости объединения вокруг Москвы для борьбы с внешним врагом.

После Едигеева нашествия в 1408 г. вопрос о взаимоотношениях с Ордой, об ордынской опасности вновь остро встает в общественной и политической жизни Руси. Нашествие Едигея показало, что Орда еще сильна и угроза набегов на Русь золотоордынских отрядов была реальной и страшной. Но пример Куликовской битвы свидетельствовал о том, что с монголо-татарскими войсками можно успешно бороться, что Москва способна противостоять Орде.

Именно в это время, когда ордынская опасность как бы была забыта, а потом со страшной неумолимостью вновь дала себя знать после Едигеева нашествия, должен был появиться усиленный интерес к недавнему прошлому, когда московский князь, объединив вокруг Москвы остальные княжества Северо-Восточной Руси, нанес жестокое поражение Орде. На-

шествие Едигея снова пробуждает мысль о необходимости единения русских князей для борьбы с внешним врагом, так как в победе Дмитрия Донского видели силу единения русских князей, русских земель во главе с Москвой, с великим князем московским. Эта мысль отчетливо звучит в летописных записях тех лет. Она же является и основной мыслью «Сказания о Мамаевом побоище». Все сказанное выше дает основание полагать, что «Сказание о Мамаевом побоище» возникло в первой четверти XV в.:⁶⁷ тема была вполне злободневной, а события 1380 г. еще были на памяти большого числа людей, в это время должно было существовать много устных достоверных и, наряду с ними, уже эпически обобщенных рассказов о битве с Мамаем за Доном.

Многие исследователи «Сказания о Мамаевом побоище» само собой разумеющимся считали, что «Сказание» возникло после пространной летописной повести и на основе ее (из этого положения как бесспорной истины исходил С. К. Шамбинаго, что уже было отмечено выше). Специально, основываясь на текстологических сопоставлениях, рассматривал эту проблему В. С. Мингалев.⁶⁸ Но В. С. Мингалев в своих текстологических построениях исходил из неверной начальной посылки: он сравнивал пространную летописную повесть с Летописной редакцией «Сказания», которая представляет собой переработку первоначального текста «Сказания» с привлечением пространной летописной повести. Здесь произошло, в сущности, повторение ошибки С. К. Шамбинаго, посчитавшего вставки из летописной повести в Киприановской редакции «Сказания» за основной текст произведения. Последней работой, где вновь была рассмотрена эта проблема, является статья М. А. Салминой «К вопросу о датировке „Сказания о Мамаевом побоище“».⁶⁹

М. А. Салмина, как и многие исследователи до нее, обращает внимание на близость «Сказания» и пространной летописной повести. По ее мнению, близость эта в развитии сюжета, композиционном построении такова, «что представляется несомненным — или эти памятники влияли друг на друга, или они восходили к одному источнику».⁷⁰ Предположение о том, что оба произведения восходят к общему источнику, которое мне представляется наиболее верным, М. А. Салмина отвергает и считает, что характер связи обоих произведений свидетельствует о вторичности «Сказания» по отношению к пространной летописной повести. По ее мнению, имеется шесть примеров текстуальной зависимости «Сказания» от пространной летописной повести. Насколько же убедительны эти примеры?

Только в двух из них, в первом и четвертом по общему счету М. А. Салминой, — в фразе о посылке великим князем брату и другим

⁶⁷ Подробнее см.: *Дмитриев Л. А.* О датировке «Сказания о Мамаевом побоище».

⁶⁸ См.: *Мингалев В. С.* Летописная повесть — источник «Сказания о Мамаевом побоище». — Труды Моск. гос. истор.-архивн. ин-та, 1966, т. 24, вып. 2, с. 55—72.

⁶⁹ См.: *ТОДРЛ*, т. XXIX. Л., 1974, с. 98—124.

⁷⁰ *Салмина М. А.* К вопросу о датировке «Сказания о Мамаевом побоище», с. 119.

князьям известия о нашествии Мамаю и в описании утра битвы можно действительно отметить текстуальные совпадения:

Летописная повесть

...и посла по брата своего Володимера и по всих князей русских и по воеводы великиа (с. 17).

...въсходящю солнцю, бысть тма велика по всей земли: мъглане бо было бѣаше того от утра до третьяго часа (с. 20).

«Сказание»

И посла по брата своего по князя Владимера Андрѣевичя в Боровескъ, и по всѣ князи русские скорые гонци розославъ, и по вся воеводы мѣстныа... (с. 28).

...свитающу пятку, въсходящю солнцу, мъгляну утру сущу... (с. 41).

Однако решить вопрос, какой именно текст лежит в основе другого, исходя из совпадений такого характера, при этом в столь небольших по объему отрывках текста, невозможно. В подобных случаях обоснованнее всего можно говорить об общем для обоих текстов источнике.

Третий пример — сравнение Олега Рязанского со Святополком и в пространной летописной повести и в «Сказании». Имя «Святополкъ» как символическое обозначение предателя и изменника было настолько распространено в древнерусской письменности, что уподобление ему — общее место огромного числа древнерусских литературных памятников. Правда, в обоих произведениях совпадает определение Святополка «новый»: автор «Сказания», сообщив, что Олег Рязанский начал торопить Мамаю — «Подвизайся, царю, скорѣе к Руси», восклицает: «Нынѣ же сего Олга оканнаго новаго Святоплѣка нареку» (с. 28); в пространной летописной повести Дмитрий Донской, «увѣдавъ лесь лукаваго Олга», говорит: «Не азъ почал кровь проливати крестьяньскую, но онъ, Святополкъ новый» (с. 18). Как видим, контекст в обоих случаях совершенно разный и совпадение эпитета «новый» может быть чисто случайным. Если все же признать, что в данном случае между обоими текстами наблюдается текстуальная связь, то это никак не свидетельствует о первичности пространной летописной повести, скорее наоборот. Дело в том, что в «Сказании» Олег Рязанский сам сравнивает себя со Святополком; узнав о решении Дмитрия пойти на Мамаю, он в покаянной речи говорит: «...пожреть мя земля жыва, аки Святоплѣка» (с. 35). Параллели этому в летописной повести нет вообще.

Четвертый пример (пятый по общему счету) — слова в обоих произведениях о том, что у Дмитрия Донского три противника. Данный пример вообще не может свидетельствовать о зависимости одного текста от другого, так как это — отражение реальной ситуации. У московского князя действительно было три противника: Мамай, литовский князь и Олег Рязанский, о чем с самого начала много говорится и в «Сказании» и в летописной повести. Контекст же, в котором упоминается о трех врагах Дмитрия Донского в обоих произведениях, совершенно разный. В пространной летописной повести автор, сообщив о переходе Дмитрия Ивановича через Дон, восклицает: «О, како не убоися, ни усум-

няся толика множества народа ратных? Ибо въсташа на нь три земли, три рати: первое — тотарьскаа, второе — литовьскаа, третье — рязаньскаа» (с. 20). В «Сказании» Олег Рязанский, узнав от своих бояр, что Дмитрий выступает против Мамаея, спрашивает их: «Откуда убо ему помощь сиа прииде, яко противу трех насъ вѣоружися?» (с. 35).

Два заключительных примера, по общему счету второй и шестой, наиболее существенны, так как если признать текстуальную взаимосвязь между ними, то тогда действительно будет больше оснований говорить о зависимости «Сказания» от пространной летописной повести. Дело в том, что в этих двух случаях в пространной летописной повести — заимствования из постороннего источника, апокрифического «Слова на рождество Христово». Поэтому на данных примерах следует остановиться подробнее.

В пространной летописной повести и в «Сказании о Мамаевом побоище» Мамай сравнивается с ехидной. М. А. Салмина полагает, что это сравнение могло быть заимствовано «Сказанием» только из пространной летописной повести. С этим нельзя согласиться. Образ ехидны как самого зловредного существа широко встречается в древнерусской книжности, о ехидне имелась специальная статья в таком популярном у древнерусских книжников источнике всевозможных сравнений и уподоблений, как «Физиолог». Поэтому сравнить Мамаея с ехидной авторы обоих произведений могли независимо друг от друга, а текстуальной зависимости в двух отрывках, где упоминается ехидна, нет. В «Сказании» Мамай пошел на Русь, «акы левъ ревый пыхаа, акы неутолима ехидна гнѣвом дыша» (с. 26). В пространной летописной повести ехидна упоминается в обличительной тираде Дмитрия Донского: «Что есть великое свѣрьпство Мамаево? Аки нѣкаа ехидна прискающе пришедше от нѣкиа пустыни» (с. 19).

Второй из этих двух последних примеров (шестой по общему счету) таков:

Летописная повесть

...и слышано бысть сиречь высоких Рахиль же есть рыдание крѣпко: плачущися чад своихъ и великим рыданиемъ, въздыханиемъ... Да кто уже не плачется женъ онѣх рыдания и горкаго их плача... (с. 19).

«Сказание»

Слышах землю плачущюся надвое: едина бо съ страна, акы нѣкаа жена, напрасно плачущися о чадѣх своихъ... (с. 40).

Рассматривая эту параллель и сравнение Мамаея с ехидной, М. А. Салмина пишет: «Предположение о появлении этих чтений в памятниках независимо одно от другого следует исключить. Как эти чтения появились в „Сказании“, объяснить трудно. Между тем в „Летописной повести“ образ ехидны и описание скорби „жены“ по „чадом своим“ имели своим источником, как указала В. П. Адрианова-Перетц, апокрифическое „Слово на рождество Христово о пришествии волхвов“. И в „Сказании“ эти чтения появились, по-видимому, уже под влиянием Летописной повести».⁷¹

⁷¹ Там же. с. 123.

То, что Мамай мог сравниваться с ехидной в одном произведении независимо от другого, как мне представляется, не подлежит сомнению. Остановимся теперь на описании скорби «жены» по «чадом своим». В пространной летописной повести после сообщения о переправе великого князя через Оку говорится о туге и плаче в Москве и во всех русских землях, когда там узнали об этом. Далее этот мотив развивается вставкой из «Слова на рождество Христово» — «и слышано бысть...». В «Сказании о Мамаевом побоище» приведенный выше отрывок о плаче земли обозначает следующее: в ночь накануне боя великий князь с воеводой Дмитрием Волынцем выезжает в поле, и Дмитрий Волынец «испытывает приметы» — гадает, чем окончится битва. Он ложится на землю и, «приниче к земли десным ухом на долгъ час», прислушивается. Встав, Волынец горестно вздыхает и лишь после долгих уговоров великого князя сообщает ему, что он слышал два плача земли: «...едина бо съ страна, аки нѣкаа жена, напрасно плачуцися о чадѣх своихъ еллинскимъ гласом, другаа же страна, аки нѣкаа девица, единою възопи велми плачевнымъ гласом, аки в свирель нѣкую, жалостно слышать велми» (с. 40). Перед нами цельный, самостоятельный поэтический образ, в котором обе его части тесно связаны. Почему же мы должны искать источник лишь нескольких слов, означающих определенное конкретное действие («плачуцися о чадах своих») и входящих в одну из частей этого цельного поэтического пассажа, в каком-то другом тексте? В одном случае (в летописной повести) — риторический, заимствованный образ, в другом — глубоко лиричный, оригинальный. Сопоставляя совпадающие словосочетания в двух произведениях в широком смысловом и стилистическом контексте, в который входят эти словосочетания, мы убеждаемся, что у нас нет оснований видеть в данном случае зависимость текста «Сказания» от пространной летописной повести. Перед нами чисто формальное, случайное совпадение отдельных слов в близких по ситуации (плач), но совершенно разных по смыслу и содержанию отрывках текста.

Все шесть рассмотренных примеров не могут являться свидетельством текстуальной зависимости «Сказания» от пространной летописной повести. Я бы сказал более того: все они свидетельствуют как раз о другом, а именно о том, что непосредственной текстуальной связи между «Сказанием» и пространной летописной повестью нет, несмотря на бесспорное совпадение во многом обоих произведений. Если бы автор одного из этих памятников обращался к тексту другого как к своему источнику, то в столь больших по объему текстах, какими являются «Сказание» и пространная летописная повесть, непременно имелись бы значительные текстуальные совпадения. О том, что это должно было быть именно так, свидетельствуют вставки в «Сказание» из «Задонщины»: мы без труда обнаруживаем значительные по объему и близкие по тексту совпадения между «Сказанием» и «Задонщиной». Когда же мы сравниваем «Сказание» с пространной летописной повестью, то поражает почти полное отсутствие текстуальных совпадений между этими произведениями при бесспорной общей близости между ними. В этой связи за-

служивают особого внимания высказывания А. А. Шахматова о характере взаимоотношений памятников Куликовского цикла.

А. А. Шахматов отмечал близость «Сказания» и летописной повести, но он же, завершая свой отзыв на труд С. К. Шамбинаго, писал, что тому «не удалось доказать ни влияния Летописной повести на Поведание Софония («Задонщину», — Л. Д.), ни также происхождения Сказания из Повести».⁷² Именно отсутствие текстуальных совпадений между «Сказанием» и пространной летописной повестью привело А. А. Шахматова к заключению, что «дошедшие до нас произведения, посвященные Мамаеву побоищу, не могут быть сведены к одному общему типу, к одному родоначальнику, в виде той или иной повести».⁷³

А. А. Шахматов писал: «Куликовская битва вызвала появление нескольких произведений: мы указывали на Летописную Повесть, официальную реляцию и Слово о Мамаевом побоище. Дальнейшая история сюжета состояла в эволюции не одного какого-либо из этих произведений, а во взаимном их влиянии, с одной стороны, и самостоятельном развитии Летописной Повести и Слова, с другой».⁷⁴ «Слово о Мамаевом побоище», по предположению А. А. Шахматова, — еще одно поэтическое произведение о Куликовской битве, до нас не дошедшее. По гипотезе А. А. Шахматова, к этому «Слову» обращались и автор «Задонщины», и автор «Сказания». Как считал А. А. Шахматов, «Слово» в целом было близко к «Сказанию», «на нем основывается большая часть Сказания».⁷⁵ Гипотеза А. А. Шахматова подтверждений не нашла и, по существу, принята не была. Однако уже сам факт выдвижения этой гипотезы таким ученым, как А. А. Шахматов, заслуживает самого пристального внимания. Текстологические наблюдения, сделанные над памятниками Куликовского цикла уже после работы А. А. Шахматова, все больше подтверждают сложность взаимоотношений между памятниками, посвященными Мамаеву побоищу. И, может быть, гипотеза А. А. Шахматова была несправедливо забыта, и, лишь пользуясь ею, можно будет удовлетворительно объяснить всю сложность текстологических соотношений этих произведений древнерусской литературы.

«Сказание о Мамаевом побоище» А. А. Шахматов датировал первой четвертью XVI в., но основной источник «Сказания» — гипотетическое «Слово о Мамаевом побоище», по его мнению, было создано не позже конца XIV в. Независимо от того, признаем мы или нет существование «Слова о Мамаевом побоище», характер текстологических соотношений «Сказания» и пространной летописной повести таков, что мы, не имея возможности непосредственно возводить «Сказание» к пространной летописной повести или же пространную летописную повесть к «Сказанию», должны признать, что оба произведения пользовались каким-то общим

⁷² Шахматов. Отзыв, с. 192.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же, с. 193.

⁷⁵ Там же, с. 190.

источником или несколькими общими источниками, которые наиболее полно отразились в «Сказании». И у нас есть основания утверждать, что в большинстве подробностей и деталей «Сказания» исторического характера, не имеющих соответствий в пространной летописной повести, перед нами не поздние домыслы, а отражение фактов, не зафиксированных другими источниками.

«Сказание о Мамаевом побоище» — книжно-риторическое произведение и по всему характеру своему и по стилю, это произведение с ярко выраженной церковно-религиозной окраской. Но было бы неверно только в этом видеть характерные признаки данного памятника древнерусской литературы. Если бы «Сказанию» были присущи только эти черты, оно не пользовалось бы такой популярностью у древнерусских читателей и не вызывало бы к себе такого интереса у читателей нашего времени. Книжная риторика, характеризующая исключительно высокое литературное мастерство автора произведения, не заслоняет реальных подробностей великой битвы, решившей судьбу русского народа. Эти реальные подробности излагаются увлекательно, сюжетный характер произведения заставляет читателя сопереживать тому, о чем он читает в «Сказании», с волнением следить за развертывающимися перед ним событиями. Наряду с многочисленными молитвами, цитатами и примерами из книг священного писания, наряду с морализирующими рассуждениями автора, в «Сказании» немало поэтических картин, эпических в своей основе эпизодов, заимствований из поэтической «Задонщины», метафор, эпитетов и сравнений, уходящих своими корнями в устное народное творчество. И книжно-риторическая и поэтическая стихи в «Сказании» предстают не в механическом соединении, а в тесном переплетении, что делает «Сказание» одним из интереснейших литературных памятников Древней Руси.

В соответствии с древнерусским литературным этикетом, требовавшим изображения каждого персонажа как идеального представителя своего класса или сословия, изображаются в «Сказании» и главный герой — великий князь московский Дмитрий Иванович, и все остальные участники событий 1380 г. Дмитрий Донской рисуется как смиренный христианин, прежде всего помышляющий о боге. Этим автор хочет не только подчеркнуть христианскую добродетель своего героя, но и показать его морально-этическое превосходство над врагами — над возгордившимся и вознесшимся в своих помыслах Мамаем, над изменниками Олегом Рязанским и Ольгердом Литовским. Но, и это автор прекрасно знал и понимал, не смиреномудрие и молитвы обеспечили победу Дмитрия Донского, а его государственная мудрость и воинский талант. И автор «Сказания» подробно описывает все действия великого князя, сумевшего сплотить вокруг себя русских князей, организовать большое и сильное войско, принять такие решения, которые привели к победе.

Дмитрий Иванович призывает всех русских князей бороться за православную веру. В этом обращении он называет своих сподвижников «гнездом» Владимира Киевского, образ которого, в соответствии с окра-

ской всего памятника, рисуется с церковно-религиозных позиций. Владимир просветил Русскую землю святым крещением и заповедал всем русским князьям «ту же вѣру святую крѣпко дръжати и хранити и поборати по ней» (с. 30). Но самая суть этого эпизода «Сказания» заключена в последних словах обращения князя московского: «Азь же, братие, за вѣру Христову хочу пострадати даже и до смерти» (с. 30). Князь московский изображался как продолжатель дела, начатого Владимиром Киевским, как преемник киевских князей. Все русские князья — потомки киевских князей, но старший среди них — великий князь московский, и поэтому именно он напоминает русским князьям об их великом предке и имеет право сказать, что стоит на страже того дела, которое было начато Владимиром Киевским.

Подчеркивая кротость и смирение своего героя, автор «Сказания» достаточно выразительно описывает полководческий талант Дмитрия Донского, его воинскую отвагу. Узнав, что на него идет Мамай, великий князь московский принимает энергичные меры: созывает князей в Москву, рассылает по Русской земле грамоты с призывом идти на битву против Мамаю, посылает в поле «сторожи», «уряжает» полки и призывает воинов сражаться насмерть с врагом. Показав великого князя как полководца, автор рисует его личную доблесть и мужество. Перед началом битвы Дмитрий Донской переодевается: свое великокняжеское одеяние он отдает любимому боярину Михаилу Бренку, а на себя надевает боевые доспехи, чтобы биться с врагом наравне со всеми, как простой воин.

Сподвижников Дмитрия Донского, русских князей, выступивших вместе с ним против Мамаю, автор «Сказания» изобразил беззаветно преданными своему господину, все они готовы умереть за великого князя московского. В период создания «Сказания» вассальная зависимость одного князя от другого определялась термином «брат» — старший и младший, независимо от кровных отношений между этими князьями. Так, Владимир Андреевич — князь серпуховской — в «Сказании» все время называется братом великого князя, и хотя автор имеет в виду и родственные отношения между этими князьями (они — двоюродные братья), тем не менее основной смысл слова «брат» — обозначение феодальных отношений: Владимир Андреевич — младший, подчиненный князю московскому «брат». Всех русских князей великий князь московский называет «братьями», они же его, в том числе и Владимир Андреевич, — или великим князем, или государем, или господином.

Большое место в «Сказании» занимает рассказ об Ольгердовичах — сыновьях литовского князя Ольгерда, пришедших на помощь к великому князю московскому. Согласно «Сказанию» Андрей и Дмитрий Ольгердовичи идут к московскому князю, утаиваясь от отца. На самом деле в 1380 г. и Андрей и Дмитрий состояли на службе у великого князя московского и от Ольгерда им таиться было не нужно: как мы знаем, его не было уже в это время в живых. Ольгердовичи идут на помощь к Дмитрию Ивановичу, чтобы бороться против «нечестивого» Мамаю за христи-

анскую веру — так трактует этот эпизод автор «Сказания». Такая трактовка подвига Ольгердовичей имела глубокий идейный смысл, усиливала сюжетную остроту произведения. Ольгердовичи выступают против отца, что противоречит евангельским заповедям. Но борьба Руси с Мамаем являлась святым делом, и во имя этой борьбы даже дети были вправе нарушить свою покорность родителям.

Святость борьбы московского князя с силами Мамаю подчеркивалась и еще одним эпизодом произведения. Вместе с воинами на Куликово поле пошли иноки Троицкого монастыря Пересвет и Ослябя. Согласно монастырским уставам монахи не имели права выступать с оружием на поле брани. Но Пересвета и Ослябю благословляет и отправляет на Куликово поле сам Сергей. Битва на Куликовом поле — это святое, общерусское дело, в котором должны принимать участие все.

Красочно, с большой любовью описывает автор «Сказания» русское войско как единую, сплоченную, грозную силу. После переправы через Дон происходит «учрежение» — расстановка воинских отрядов. После того как полки были «установлены», великий князь с князьями и воеводами выезжает «на высоко мѣсто», и его взору предстает русское воинство: «...и увидѣвъ образы святых, иже суть въображени въ христьянскихъ знамениихъ, акы нѣкїи свѣтилници солнечнии свѣтящесе въ врѣмя вѣдра; и стязи ихъ золоченыя ревуть, просьтирающесе, акы облаци, тихо трепещуци, хотять промолвити; богатыри же рускые и их хоругови, акы живи пашутся, dospѣхы же русскихъ сыновъ, акы вода въ вся вѣтры колыбашесе, шоломы злаченыя на главахъ ихъ, акы заря утреняя въ врѣмя ведра свѣтящесе, яловци же шоломовъ ихъ акы пламя огненное, пашется» (с. 39). После этого автор говорит, что «умилено» и «жалостно» смотреть на такое собрание русского воинства и что все воины «равнодушныи (т. е. единодушны, — Л. Д.) единъ за единого, другъ за друга хочеть умрети» (с. 39).

Наряду с общей характеристикой всего русского войска приводятся имена и отдельных, наиболее отличившихся простых, неизвестных нам по другим источникам людей. Данный факт представляет для нас особый интерес, так как на основании этих, хотя и очень скудных, сведений «Сказания о Мамаевом побоище» мы можем утверждать, что в битве на Куликовом поле принимали участие самые различные слои населения.

Мамай — враг Русской земли изображается автором «Сказания» как полная противоположность Дмитрию Донскому. Если Дмитрий смирен и во всех его действиях отражается проявление божьей воли, то Мамай — воплощение непомерной гордыни и высокоумия, в его поступках проявляется воля дьявола: «...от навождения дьяволя въздвижесе князь от вѣсточныа страны, имянемъ Мамай...» (с. 25).

Оба союзника Мамаю, Олег Рязанский и Ольгерд Литовский, изображены в «Сказании» с определенной долей иронии как коварные, но неразумные предатели. Рассказывая о честолюбивых замыслах этих неудачливых союзников Мамаю, автор восклицает, что они рассуждают, «акы несмыслени младые дѣти» (с. 27). «Многоразумный» Ольгерд, доверив-

пись Олегу Рязанскому, оказался посрамленным. Автор «Сказания» особенно старается подчеркнуть ограниченность и тупость рязанского князя, о котором он в самом начале говорит, что «скудость же бысть ума въ главѣ его» (с. 26). Скудоумие Олега Рязанского помешало ему увидеть возросшую мощь Москвы. Узнав о том, что московский великий князь выступил против Мамаю, Олег восклицает: «Азъ чаях по преднему, яко не подобаетъ русскимъ княземъ противу вѣсточнаго царя стояти» (с. 35). Это признание рязанского князя, согласно мысли автора, должно не только показать «скудость ума въ главѣ его», но и подчеркнуть, что при великом князе московском Дмитрие Ивановиче установился иной, новый характер отношений Руси с Ордой.

Героический характер битвы, изображенной в «Сказании», обусловил обращение автора произведения к устным преданиям и легендам о Мамаевом побоище. Многие эпизоды «Сказания» по самой сути своей носят эпический характер, хотя в них и следует видеть эпическое осмысление действительных фактов: разведка в ночь накануне боя — то, что в современной тактике называется рекогносцировкой, — передана как «испытание примет» Дмитрием Боброком Волынским; единоборство Пересвета как богатырский поединок, и т. п.

Влияние устной народной поэзии на «Сказание о Мамаевом побоище» можно обнаружить и в использовании его автором отдельных изобразительных средств, восходящих к приемам устного народного творчества (битва — пир, врагов побивают, как траву косят, воины — соколы и т. п.). Но в «Сказании» все эти словосочетания и формулы предстают в тесном переплетении с приемами книжной риторики, как единый цельный поэтический образ: «Единомыслии же друзи высѣдоша из дубравы зелены, аки соколи искупеныя урвалися от златыхъ колодиць, ударилися на велика стада жировины, на ту великую силу татарскую; а стязи их направлены крѣпкимъ вѣведомъ Дмитреемъ Волынцемъ: бяху бо, аки Давидови отроци, иже сердца имуща аки лвовы...» (с. 45); «Сынове же русские, силою святого духа и помощьюъ святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба, гоняще, сѣчаху их, аки лѣс клоняху, аки трава от косы постилается у русскихъ сыновъ под конские копыта» (с. 45).

Показательно в этом отношении использование в «Сказании» символа народно-эпического творчества — «битва — пир», который в тексте объединяется с религиозно-риторическим образом «смертная чаша». В. П. Адрианова-Перетц показала, что соединение фольклорного образа «битва — пир» с религиозным образом «смертная чаша» вообще характерно для древнерусской литературы. В этой связи она пишет: «Украшенное заимствованиями из „Задонщины“ „Сказание о Мамаевом побоище“ нередко пользуется образом битвы — пира и смерти в бою — чаши, причем сопровождает слово „чаша“ то книжным эпитетом „смертная“, то перенесенными из „Задонщины“ — „медвяная, поведеная“». ⁷⁶ Великий князь на-

⁷⁶ Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.—Л., 1947, с. 112.

кануне боя обращается к воинам с такими словами: «...ужо бо гости наши приближаются... утрѣ бо нам с ними пити общую чашу, между събою поведеную, ея же, друзи мои, еще на Руси възделѣша» (с. 39). Начало этой цитаты построено на эпическом образе «битва — пир»: враги названы гостями, вторая же ее половина строится согласно религиозной символике «смертной чаши». Но эпический, народно-символический характер этого образа преобладает, и в дальнейшем, в тех случаях, когда автор снова возвращается к мстиву «битва — пир», символика библейской «смертной чаши» исчезает. После поединка Пересвета с ордынским богатырем Дмитрий говорит: «Сэ уже гости наши приближилися и ведутъ промеж собою поведеную, преднии уже испиша и весели быша и уснуша» (с. 43). Волынец, удерживая русских воинов от преждевременного выезда из засады, обращается к ним с такими словами: «...будетъ ваше врѣмя коли утѣшитися, есть вы с кѣм възвеселитися!» (с. 44). В этих примерах преобладает эпический, народно-символический характер образов.

Ряд устно-эпических по своему характеру эпизодов передан в «Сказании» в книжно-риторической манере. Рассказывая о прощании жен с мужьями, уходящими из Москвы, автор памятника приводит плач великой княгини. Плач этот основан на народной традиции устного причитания, но в «Сказании» он передается в форме молитвы. Противник Пересвета, ордынский богатырь, сравнивается с библейским Голиафом, а Пересвет, идя на единоборство, призывает Осляблю: «...моли бога за мя» (с. 43).

В тесном объединении в пределах единой поэтической фразы устно-эпических по своему характеру оборотов с книжно-риторическими образами и словосочетаниями заключается стилистическое своеобразие «Сказания о Мамаевом побоище». Следует отметить, что при последующих редакционных переработках «Сказания» отдельные эпические по своей природе эпизоды сближаются со своей эпической первоосновой.

Большой поэтичностью прсникнуты картины природы в «Сказании». Природа в «Сказании» одушевлена, она выступает как сила, сочувствующая русским.

Автор красочно изображает поведение зверей и птиц накануне боя. В какой-то мере здесь отразилась реальная действительность, но все же главная цель чисто поэтическая: передать настроение тревожности, напряженности и настороженности перед сражением. Кроме того, это описание символизирует кровопролитность предстоящего боя. Данный символ в письменной древнерусской литературе имеет своими истоками устную поэзию.

Одухотворение природы с наибольшей силой проявилось в рассказе об испытании примет Дмитрием Боброком Волынским. Перед боем Дмитрий Волынец припадает ухом к земле и слышит, как плачет земля. Этот образ плачущей земли окрашен большой человечностью и гуманностью. Земля, на которой сейчас произойдет кровопролитная битва между русскими и ордынцами, горюет о гибели людей.

Автор «Сказания» еще раз говорит о земле как о живом существе: «И в то врѣмя, братье, земля стонеть велми, грозу велику подаваючи на востокъ полны до моря, а на запад до Дунаа, великое же то поле Куликово прегигающеся, рѣкы же выступаху из мѣсть своихъ, яко николи же быти толиким людем на мѣстѣ томъ» (с. 41). Без сомнения, образ стонущей и плачущей земли — это не просто механически употребленная поэтическая гипербола, а продуманная картина с глубоким смыслом. Земля олицетворяет собой мирный труд: ведь воины, которые сейчас начнут биться, это простые труженики, дети земли, которую они обрабатывают и которая питает их своими плодами. И вот вместо мирного труда предстоит жестокое сражение на матери-земле, и поэтому она плачет и стонет. Уже само употребление этих слов говорит о желании автора подчеркнуть горе и страдания, постигшие людей.

Окончание вышеприведенной цитаты представляет собой гиперболическое описание Куликова поля, на которое пришло огромное войско. Здесь литературный образ особенно отчетливо выступает в слиянии поэтической метафоричности с реальностью. Вышедшие из берегов реки символизируют предстоящее кровопролитие, но сам же автор переводит этот символический образ в реальный план: реки вышли из берегов потому, что на небольшом пространстве собралось огромное число воинов.

Наряду с метафорическим изображением природы в «Сказании» встречаются и чисто реалистические картины, создающие образ вполне реального пейзажа. Эти места в памятнике проникнуты глубоким чувством, мягкостью и лиризмом. Таково, например, описание утра в день битвы: «Приспѣвшу же, месяца септевриа въ 8 день, великому празднику Рождеству святыа богородица, свитающу пятку, въсходящу солнцу, мгляну утру сушу...» (с. 41). Или картина ночи накануне боя: «Осѣни же тогда удолжившися и деньми свѣтлыми еще сияючи, бысть же въ ту ноць теплота велика и тихо велми, и мраци роснии явишася» (с. 40).

Выше уже отмечалось, что одним из источников «Сказания о Мамаевом побоище» была «Задонщина». Сравнительный анализ текстов «Сказания» и «Задонщины» свидетельствует об обращении к «Задонщине» и автора «Сказания», и последующих редакторов и переписчиков этого произведения. Автор «Сказания о Мамаевом побоище» включил в свой текст отдельные отрывки из «Задонщины». Он заимствовал из «Задонщины» слова о том, что русские князья — «гнездо» Владимира Киевского, к «Задонщине» восходит фраза «Сказания» о стуке и гrome на Москве от воинских доспехов («Ту же, братие, стук стучить...»), заимствованием из «Задонщины» является фраза о солнце, освещающем путь великому князю московскому, в описании выезда русского войска из Москвы, из «Задонщины» вставлены слова о горе Русской земли после битвы на Калке в плач великой княгини. (Судя по различным редакциям «Сказания», в последнюю из перечисленных вставок из «Задонщины» входили и слова о 160 годах, прошедших с битвы на Калке до Мамаева побоища). Помимо непосредственных вставок из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище» много эпизодов, в которых автор перерабатывает текст

«Задонщины», создает самостоятельные композиции по мотивам ее, использует отдельные слова, обороты, образы своего поэтического источника. Такого рода переделки и переработки текста «Задонщины» можно обнаружить в следующих эпизодах «Сказания»: описание движения русского войска по дороге из Москвы в Коломну и сбор русских сил под Коломной, описание грозных предзнаменований природы, описание русского войска накануне дня битвы, картина ночи перед битвой и «испытание примет» Дмитрием Волынцем, описание битвы, рассказ о выезде засадного полка. Многие из этих эпизодов рассматривались выше при характеристике литературных особенностей самого «Сказания». И это не случайно: не только отдельные слова и образы из «Задонщины», не только самостоятельные переработки текста ее, но и отдельные отрывки из «Задонщины» органически входят в окружающий их контекст и становятся неотъемлемой частью уже текста собственно «Сказания о Мамаевом побоище», ибо все эти вставки, заимствования и вариации на темы «Задонщины» сделаны с большим поэтическим чутьем, уместно и продуманно.

Сопоставление текстов, заимствованных из «Задонщины» в «Сказание», с сохранившимися списками «Задонщины» показывает, что автор «Сказания о Мамаевом побоище» пользовался более ранним и более близким к первоначальному тексту «Задонщины» списком этого произведения, чем все дошедшие до нас списки.

В дальнейшем при составлении новых редакций и вариантов произведения авторы их вновь обращались к «Задонщине». Особо примечателен в этом отношении Печатный вариант Основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище». Составитель этого варианта к уже имевшимся заимствованиям из «Задонщины» добавил новые, перерабатывал первоначальные вставки, сверяя их с имевшимся у него текстом «Задонщины». Автор этого варианта «Сказания» располагал таким текстом «Задонщины», в котором имелось много индивидуальных особенностей, присущих только списку «Задонщины» *К-Б*, но вместе с тем это был полный список памятника, а не то сокращение его, которое сделал Ефросин. Таким образом текст «Сказания» в Печатном варианте свидетельствует о том, что у Ефросина был полный список «Задонщины», из которого он взял, сократив, лишь первую половину произведения.

Сравнительный анализ различных редакций и вариантов «Сказания о Мамаевом побоище» со всеми списками «Задонщины» дает не только представление о характере соотношения «Сказания» и «Задонщины», но, как можно было убедиться из сказанного выше, уточняет наши представления и о самом тексте «Задонщины». ⁷⁷

⁷⁷ Подробно и специально соотношение текстов «Сказания о Мамаевом побоище» и «Задонщины» и проблема данных текстов «Сказания» для решения вопроса о первоначальном тексте «Задонщины» рассмотрены в статьях: *Дмитриев Л. А.* Вставки из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений. — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла, с. 385—439; *Демкова Н. С.* Заимствования из «За-

«Сказание о Мамаевом побоище» создавалось в эпоху, когда человеческий характер еще не стал предметом изображения писателя. В соответствии с требованиями древнерусского литературного этикета, как уже отмечалось выше, герой выступал не как индивидуальная личность, а как идеальное воплощение тех черт, которыми он должен был бы обладать, будучи идеальным представителем своего класса. Именно так, как мы могли убедиться, изображаются центральный герой произведения, Дмитрий Донской, и все остальные персонажи. Но все же в рамках этой схематичности и этикетности дают себя знать и черточки личностно-человеческого начала. В изображении великого князя это сказывается в описании его эмоций в различных ситуациях. Узнав о готовящемся походе на Русь Мамаю, великий князь «велми опечалися» (с. 28). Когда до него дошло известие о союзе с Мамаем рязанского и литовского князей, то Дмитрий Иванович «наплънися ярости и горести» (с. 29). Услышав от Сергия Радонежского предсказание победы, он «обвеселися сердцемъ» (с. 31). Когда великий князь прощается с плачущей женой на виду у всего народа, то он «самъ мало ся удръжа от слезъ, не дав ся прослезити народа ради» (с. 33). В определенной степени индивидуальные черты характера (правда, очень схематичные и обобщенные) можно отметить в изображении антиподов великого князя московского — Мамаю, Олега Рязанского, Ольгерда Литовского. Эти черты «Сказания» придавали ему особую живость, заостряли читательский интерес к произведению.

О большом интересе средневековых читателей к «Сказанию о Мамаевом побоище» прежде всего свидетельствует многочисленность списков его. Изменения, вносимые в текст «Сказания» его переписчиками, как мелкие, так и крупные, указывают на то, что это произведение на протяжении многих десятилетий жило активной жизнью.

Мы можем проследить, как те или иные образы, эпизоды в «Сказании» со временем осложнялись новыми деталями, подробностями эпического характера. Посмотрим, как изменялось в нем описание противника Пересвета. В основном списке Основной редакции «Сказания» ордынский богатырь характеризуется так: «...подобенъ бо бысть дрѣвному Голиаду: пяти сажень высота его, а трех сажень ширина его» (с. 43). В некоторых списках «Сказания» различных редакций, генеалогически не связанных с Основной редакцией, слов о том, что Голиаф пяти сажень в высоту и трех сажень в ширину, нет. На основании этого можно предположить, что и в авторском тексте памятника говорилось лишь о том, что противник Пересвета был подобен древнему Голиафу. Но уже в очень раннее время появилась потребность конкретизировать описание этого персонажа, дать более яркое определение его внешности, которое строилось по принципу контраста: непомерная величина ордынского богатыря и обычный человеческий облик Пересвета. В более

поздний период литературной жизни «Сказания о Мамаевом побоище» образ противника Пересвета стал ассоциироваться у читателей и переписчиков этого произведения с былинным образом Идолища поганого. В некоторых списках мы встречаем уже такое описание ордынского богатыря: «Таврул татарин приметами уподобился древнему Гольяду: высота того татарина трех сажен, а промеж очей локоть мерный» (список конца XVII в., БАН. 21.10.17). И уж совершенно как Идолище поганое рисуется он в списке XVII в. ГИМ, Уваровское собр., № 802: «Трею сажень высота его, а дву сажень ширина его, между плеч у него сажень мужа добраго, а глава его, аки пивной котел, а между ушей у него стрела мерная, а между очи у него, аки питии чары, а конь под ним, аки гора велия».

Поскольку оба упомянутых списка относятся к XVII в., то можно предположить, что такое описание появилось в «Сказании» под воздействием устного народного творчества в XVII столетии. Приведем для сопоставления описание Идолища поганого в былине:

Идолищо нечестивый:
Голова у него с пивной котел,
В плечах косая сажень,
Промеж бровми доброва мужа пядь,
Промеж ушми калена стрела.⁷⁸

Подобного рода эволюция образов «Сказания о Мамаевом побоище» может быть прослежена и на других примерах. Особенно характерно это явление для тех мест памятника, которые наиболее близки к эпическому творчеству, — рассказа о посольстве Захарии в Орду, описания битвы, плача великой княгини и т. п.

В свою очередь и «Сказание о Мамаевом побоище» оказало влияние на устное народное творчество. Можно предположить, что оно наложило свой отпечаток на былинку «Илья Муромец и Мамай»,⁷⁹ а также на одну из записей былины о Сухмане.⁸⁰ Непосредственно на материале «Сказания о Мамаевом побоище» создана сказка «Про Мамаю безбожного», записанная А. Харитоновым в Шенкурском уезде Архангельской губернии и напечатанная в сборнике сказок А. Н. Афанасьева.⁸¹ Кроме того, «Сказание о Мамаевом побоище» оказало влияние и на такие памятники древнерусской литературы, как «Казанская история», «Иное сказание», «Повесть об азовском осадном сидении донских казаков».

⁷⁸ Тихонравов Н. С., Миллер В. Ф. Русские былины старой и новой записи. М., 1894, с. 23 (из рукописи XVIII в.).

⁷⁹ См.: там же, № 8.

⁸⁰ См.: Шамбинаго С. К. Исторические переживания в старинах о Сухане. — В кн.: Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909, с. 503—515; Соколов Б. М. Непра в русском эпосе. — ИОРЯС, 1919, т. XVII, кн. 3—4.

⁸¹ См.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах, т. 3. М., 1957, № 317, с. 36—42.

* * *

О популярности «Сказания о Мамаевом побоище» в средние века как «четьего» произведения, привлекавшего читателей и своей сюжетностью, и тем, что это был рассказ о важнейшем в истории Руси героическом событии, свидетельствует не только уже отмечавшееся выше обилие списков произведения и многообразие его редакций и вариантов, но и то, что до нас дошло довольно много рукописей «Сказания» с миниатюрами. В настоящее время известно девять лицевых списков «Сказания»: один из них — иллюстрированный список Киприановской редакции, восемь — иллюстрированные списки варианта У Основной редакции.

В 60—70-х гг. XVI столетия создается иллюстрированный вариант Никоновского летописного свода — Лицевой летописный свод. Этот грандиозный памятник русского летописания и древнерусского искусства состоит из десяти больших книг. Шесть из них охватывают события русской истории с 1114 по 1567 г. И только в этих шести книгах более 10 000 миниатюр — подробнейшая иллюстрированная история Древней Руси.⁸² Во втором томе так называемого Остермановского (или Древнего, или Царственного) летописца (БАН, 31.7.30), представляющего собой одну из книг Лицевого летописного свода, находится текст «Сказания о Мамаевом побоище», проиллюстрированный 191 миниатюрой.⁸³ Иллюстрации к «Сказанию» в Лицевом летописном своде — часть всех миниатюр свода. Естественно поэтому, что они отражают те тенденции и приемы миниатюристов, которые присущи всему Лицевому летописному своду как произведению изобразительного искусства XVI в. Как таковые они неоднократно являлись предметом специального изучения.⁸⁴

Иного характера и иного происхождения (они никак с миниатюрами Лицевого летописного свода не связаны) миниатюры, которыми проиллюстрированы восемь списков варианта У Основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище». По целому ряду стилистических особенностей миниатюр и текстуальным совпадениям семь из восьми лицевых списков «Сказания» делятся на две группы, условно обозначаемые как группы Архаическая и Северная. В первую входят списки: ГБЛ, Му-

⁸² Тома Лицевого летописного свода хранятся в рукописных отделах нескольких библиотек Советского Союза — ГПБ, БАН и ГИМ.

⁸³ Текст «Сказания» в Лицевом летописном своде — вариант Киприановской редакции. По сравнению с основным текстом Киприановской редакции в этом варианте есть несколько дополнений, источником которых послужила пространная летописная повесть.

⁸⁴ См.: Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания. М., 1965. Отдельные миниатюры из Лицевого летописного свода воспроизводились неоднократно, в том числе и те из них, что относятся к «Сказанию». Факсимильное издание миниатюр из Лицевого свода к «Сказанию» см.: Повесть о Куликовской битве. Текст и миниатюры Лицевого свода XVI века. Л., 1980. Здесь же см. статью Д. С. Лихачева «Куликовская битва в миниатюрах XVI века».

зейное собрание, № 3155 (кон. XVII в.); ГИМ, собр. Барсова, № 1798 (нач. XVIII в.); ГИМ, собр. Уварова, № 999^a (кон. XVII в.). Во вторую: ГБЛ, Музейное собр., № 3123 (кон. XVII в.); ГИМ, собр. Уварова, № 1435 (кон. XVII в.); ГИМ, собр. Музейское, № 2596 (нач. XVIII в.); ГБЛ, собр. Прянишникова, № 203 (1894 г.).

Ко всем миниатюрам Архаической группы, за исключением двух, в сходных местах текста имеются параллельные миниатюры в списках Северной группы. По исполнению, по самому характеру рисунков миниатюры Архаической и Северной групп лицевых списков «Сказания» представляют собой разные произведения. Но вместе с тем они связаны между собой не потому, что иллюстрируют один и тот же текст, а потому, что в основе их явно виден один и тот же источник, подвергшийся переработке. Прежде всего, единый источник обнаруживается в совпадении содержания миниатюр, в том, что эти совпадающие миниатюры и в той и другой группе находятся в одинаковом текстовом обрамлении. Общность источника видна и в характере изображения на миниатюрах обеих групп великого князя Дмитрия Ивановича Донского и его брата Владимира Андреевича Серпуховского: они всюду предстают как некий двуединый образ — «на одно лицо», в сходных позах. Храмы, городские стены, строения по-разному изображаются в миниатюрах Архаической и Северной групп, но все эти аксессуары встречаются в миниатюрах одной группы только тогда, когда они изображены в миниатюрах и другой группы. Очень часто рисунки в обеих группах совпадают и композиционно: в расположении персонажей, в их позах, в направлении движения и т. п.

Таким образом, можно безусловно говорить о едином источнике миниатюр для обеих групп лицевых списков «Сказания». Необходимо отметить, однако, что внутри самих групп имеются различия в миниатюрах по разным спискам этих групп, и возникает вопрос: каково взаимоотношение между вариантами миниатюр внутри Архаической группы с вариантами Северной группы? Сопоставление миниатюр подтверждает общность происхождения их в обеих группах, но не их непосредственную связь друг с другом: через какие-то утерянные промежуточные списки все перечисленные выше лицевые списки «Сказания» восходят к единому архетипу.

Кроме названных выше есть еще один лицевой список «Сказания о Мамаевом побоище» конца XVII в. — Лондонский. Он находится в Отделе рукописей Британского музея в Лондоне.⁸⁵ И по тексту «Сказания» и по характеру исполнения миниатюр Лондонский список

⁸⁵ Hill E. A British museum illuminated manuscript of an early russian Literary work. An encomium to the grand prince Dimitri Ivanovich and to his brother prince Vladimir Andreyevich the tale of the battle of the Don in the year 6889. Сообщение на IV Международном съезде славистов в Москве Е. Ф. Хилл (Англия). Один вновь обнаруженный лицевой список древнерусского памятника. Cambridge, 1958.

ближе к спискам Архаической группы. Однако есть случаи, когда миниатюры Лондонского списка ближе по композиции и содержанию к миниатюрам Северной группы, чем к Архаической. Вместе с тем может быть отмечено несколько случаев, когда миниатюры и Архаической и Северной групп, совпадая между собой, отличаются от параллельных миниатюр Лондонского списка. Это дает основание прийти к заключению, что между общим источником миниатюр всех известных нам лицевых списков «Сказания о Мамаевом побоище» (архетипом лицевого текста «Сказания») и протографами Архаической и Северной групп лицевых списков «Сказания» находился такой список, в котором имелись изменения в миниатюрах по сравнению с архетипом лицевого «Сказания о Мамаевом побоище». Изменения эти нашли отражение и в Архаической и в Северной группе, но не отразились на миниатюрах Лондонского списка. Таким образом, на основании анализа особенностей миниатюр известных нам лицевых списков «Сказания» мы убеждаемся в том, что Лондонский список «Сказания» наиболее близок из всех сохранившихся лицевых списков к первоначальному списку лицевого «Сказания», к которому в конечном счете восходят миниатюры всех известных в настоящее время лицевых списков памятника (кроме, разумеется, миниатюр Лицевого летописного свода). По характеру изображения деталей, стилистическим особенностям миниатюр Лондонского списка лицевого «Сказания» историки искусства Древней Руси пришли к заключению, что оригиналом для них служили миниатюры значительно более раннего времени, чем время датировки Лондонского лицевого списка, — не позже конца XV—начала XVI в.⁸⁶

В Лондонском лицевом списке «Сказания о Мамаевом побоище» 64 миниатюры, из них 14 встречается только здесь. Остальные 50 имеют параллели в других лицевых списках «Сказания». В свою очередь в остальных лицевых списках «Сказания о Мамаевом побоище» есть немало миниатюр, отсутствующих в Лондонском списке. Часть из них приходится на отрывки текста, утерянные в настоящее время в Лондонском списке (список дефектный — во второй половине текста листы перепутаны и часть листов утрачена). Сравнительное сопоставление миниатюр по всем лицевым спискам «Сказания» говорит о том, что в общей сложности на сюжет «Сказания о Мамаевом побоище» по тексту варианта У Основной редакции имеется 98 миниатюр. Возможно, некоторые из этих миниатюр принадлежат творчеству тех копиистов, которые иллюстрировали тот или иной лицевой список: копиист мог по образцу остальных миниатюр создавать и свои собственные. Не менее вероятно, однако, что все эти миниатюры были уже в первоначальном виде ли-

⁸⁶ См.: IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. Т. I. Проблемы славянского литературоведения, фольклористики и стилистики. М., 1962, с. 169—173. (Выступления по докладу Е. Ф. Хилл О. И. Подобедовой, Д. С. Лихачева, В. Ф. Ржиги). См. также: *Лихачев Д. С.* Текстология на материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, с. 427—428.

цевого «Сказания», а дошедшие до нас списки повторили не все эти миниатюры. Вероятнее всего, их было больше, чем имеется сейчас в Лондонском списке — может быть, 98 миниатюр или более того.⁸⁷

Несмотря на то что до нас не дошел первоначальный лицевой список «Сказания о Мамаевом побоище», мы на основе сохранившихся поздних и разнообразных интерпретаций этого первоначального списка можем убедительно говорить, что миниатюры первоначального лицевого списка «Сказания» отличались мастерством исполнения, их было много и они исчерпывающе отразили все перипетии сюжета этого произведения.

В настоящем издании воспроизведено 8 миниатюр к «Сказанию» из Лицевого летописного свода, 6 миниатюр из Лондонского списка и 2 миниатюры из списка ГБЛ, Музейное собрание, № 3155.⁸⁸

⁸⁷ Более подробно о лицевых списках «Сказания о Мамаевом побоище» см.: *Дмитриев Л. А.* 1) Миниатюры «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРЛ, т. XXII. М.—Л., 1966, с. 239—263; 2) Лондонский лицевой список «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРЛ, т. XXVIII. Л., 1974, с. 155—179.

⁸⁸ Полное воспроизведение миниатюр этого списка «Сказания» (часть из них в цветных таблицах) см. в кн.: *Сказание о Мамаевом побоище. Лицевой список конца XVII века.* Вступ. статья Л. А. Дмитриева. Л., 1980 (Альбом изд-ва «Художник РСФСР»).

Р. П. Дмитриева

ОБ АВТОРЕ «ЗАДОНЩИНЫ»

В научной литературе давно утвердилось мнение о том, что «Задонщина» была написана Софонием рязанцем.¹ В настоящее время этого мнения никто не оспаривает, предпринимаются только попытки найти дополнительные сведения, которые помогли бы уяснить творческую биографию писателя. В. Ф. Ржига посвятил Софонию как автору «Задонщины» специальную статью, в которой собрал все данные, могущие иметь отношение к биографии Софония.² Тем не менее к характеристике творчества писателя ничего не прибавилось, единственным произведением, приписываемым ему, остается только «Задонщина».

Однако с достаточным ли основанием атрибутируется Софонию «Задонщина»? Из шести сохранившихся списков «Задонщины» имя Софония как автора ее упомянуто в заглавии по двум спискам. Если к подобного рода сведениям подходить формально, то с таким же успехом Софония можно считать и автором «Сказания о Мамаевом побоище». Дело в том, что в заглавии ряда списков «Сказания» Основной редакции Софоний тоже назван как автор. Эта рукописная традиция приписывать Софонию или «Сказание», или «Задонщину», безусловно, имеет под собой какие-то основания и заставляет признать, что Софоний рязанец как автор связан с темой Куликовской битвы. Однако следует ли считать Софония автором именно «Задонщины»?

Как известно, «Задонщина» дошла до нас в малом количестве списков, причем в некоторых из них представлены только отрывки текста. Текст «Задонщины» по всем спискам неустойчив, в каждом списке имеются индивидуальные, довольно существенные отличия, которые во многих случаях не позволяют решить вопрос, какой же текст был в их общем оригинале. Сохранившиеся списки принадлежат одной редакции, хотя и делятся на два извода, возникших в результате переписки. Излагаемые ниже наблюдения относительно причастности Софония к «За-

¹ Лишь Ф. И. Буслаев вскользь высказывал мнение, что «Задонщина» «не принадлежит самому Софонию, а только у него заимствована», см.: *Буслаев Ф. И.* Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861, стб. 1324.

² *Ржига В. Ф.* О Софонии рязанце. — В кн.: Повести о Куликовской битве. Изд. подгот. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959, с. 401—405.

донщине» строятся с учетом результатов текстологического изучения этого произведения.³ При упоминании списков «Задонщины» сохраняются общепринятые условные обозначения их: 1) ГПБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 9/1086 — *К-Б*; 2) ГИМ, собр. Музейское, № 2060 — *И-1*; 3) ГИМ, собр. Музейское, № 3045 — *И-2*; 4) ГБЛ, собр. Ундольского, № 632 — *У*; 5) ГИМ, собр. Синодальное, № 790 — *С*; 6) БАН, 1.4.1 (собр. Жданова) — *Ж*.

Имя Софония как автора «Задонщины» упомянуто в заглавии двух списков — *К-Б* («Писание Софония старца рязанца») и *С* («Сказание Сафона резанца»). Эти списки отличаются рядом общих чтений от остальных, чем и определяется причастность их к одному изводу. В число этих чтений входят и упоминания о Софонии. В другом изводе, к которому относятся остальные списки, о Софонии в заглавии не говорится. Следовательно, или в нем исключили это упоминание, или его не было в оригинале. На основании сохранившихся списков «Задонщины» трудно судить, каково было заглавие в оригинале, так как в каждом из списков имеются свои особенности, не повторяющиеся в остальных.

Более существенной нам кажется связь Софония с «Задонщиной» по другой линии. Дело в том, что имя его в трех списках упомянуто в самом тексте «Задонщины». Берусь утверждать, что это упоминание о Софонии находилось, по всей видимости, в оригинале или по крайней мере в первоначальном тексте дошедшей редакции.⁴ Привожу соответствующие отрывки «Задонщины» по спискам, сохранившим упоминание о Софонии.

У: Аз же помяну резанца Софония и восхваляю песнеми гусленными словесы сего великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимире Андреевича, а внуки святаго великаго князя Владимире Киевского. И пение князем руским за веру христианьскую.

И-1: И я же помяну Ефония ерея резанца в похвалу песньми и гусленными и буяни словесы и сего великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимире Ондреевича, правнука тех князей, зане же отпало мужьство их и пение их и князем руским за землю Рускую и за веру крестьянскую.

С: И здеся помянем Софона резанца, сего великаго князя Дмитрея Ивановича и правнука святаго князя Володимера Киевского и

³ Дмитриева Р. П. Взаимоотношение списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.—Л., 1966, с. 199—263.

⁴ Чтобы согласовать упоминание имени Софония в самом тексте «Задонщины» с атрибуцией ему этого произведения, исследователи объясняют сообщение о Софонии в самом тексте как правку более позднего редактора. См.: Соловьев А. В. Автор «Задонщины» и его политические идеи. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, с. 183; Творогов О. В. О композиции вступления к «Задонщине». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. с. 531.

брата его Володимера Андреевича, их же помянем и похвалим гуслеми и песнеми и буйными словесы, заню же отпало было мужество князем руским.⁵

В списках *И-2* и *Ж* из-за неполноты текста данные отрывки отсутствуют. В списке *К-Б* это место, как и в ряде других случаев, было сознательно переработано. Редактор *К-Б*, считая автором «Задонщины» Софония, естественно, исключил упоминание его имени в самом тексте, так как это упоминание противоречило сообщению заглавия, и присоединил окончание предложения к предыдущему тексту о том, каким князьям Боян пел славу: «...первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичю и Святославу Ярославичю, Ярославу Володимеровичю, восхваляя их песни и гуслеными буйными словесы на русскаго господина князя Дмитриа Ивановича и брата его князя Володимера Ондреевича, зане же их было мужество и желание за землю Русьскую и за веру христианьскую».⁶

Содержание этого отрывка текста во всех списках недостаточно четкое, но в данном случае важно подчеркнуть, что фраза «помяну (помянем) резанца Софония» читалась в общем оригинале всех этих списков, так как отсутствие ее в трех из шести объясняется или дефектностью списков (*И-2*, *Ж*), или сокращением (*К-Б*).

Если признать упоминание о Софонии в самом тексте «Задонщины» принадлежащим оригиналу, то это означает, что Софоний не мог быть ее автором. Последний ссылается на него как на своего предшественника.

Правильность этого логического заключения подтверждается наблюдениями совсем иного рода. Дело в том, что предложение с упоминанием имени Софония тесно связано с контекстом всего отрывка, в котором говорится о Бояне. Само построение предложения о Софонии «Аз же помяну резанца Софония» (*У*)⁷ говорит о каком-то сопоставлении или противопоставлении.

Разберемся сначала в том, почему же в «Задонщине» понадобилось говорить о Бояне. Безусловно, эта тема в «Задонщине» возникла только благодаря «Слову о полку Игореве». При своем обращении к «Слову о полку Игореве» автор «Задонщины» не только заимствует отдельные выражения и обороты, но и сопоставляет и противопоставляет некоторые ситуации «Слова» применительно к своему сюжету. В отрывке, относящемся к Бояну, в «Задонщине» использован достаточно большой фрагмент текста «Слова». Обращение к «Слову» в данном случае было определено сходной ситуацией. Автор «Слова о полку Игореве» во вступ-

⁵ Тексты «Задонщины». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла, с. 536, 541, 551.

⁶ Тексты «Задонщины», с. 548. О нечеткости и нелогичности этого отрывка сказано в статьях О. В. Творогова «О композиции вступления к „Задонщине“» (с. 531) и Р. П. Дмитриевой «Взаимоотношение списков „Задонщины“...» (с. 252—253) в кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла.

⁷ Ср. в *И-1* — «И я же помяну Ефония ерея резанца», в *С* — «И здесь помянем Софона резанца».

лении, вспоминая о Бояне как о знаменитом предшественнике, противопоставил ему свой стиль повествования. На мысль использовать эту тему вступления «Слова о полку Игореве» автора «Задонщины» натолкнуло его собственное положение как писателя, подобное автору «Слова»: он тоже имел поэтический образец своего предшественника. Поэтому он вслед за автором «Слова», заимствуя его фразеологию, говорит: «И рцем таково слово: Лудчи бо нам, брате, начати поведати иными словесы от похвальных сих и о нынешних повестех похвалу (в *И-1* — от полку, — *Р. Д.*) великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича, а внуки святаго великаго князя Владимира Киевскаго. Начаша ти поведати по делом и по былинам» (*У*).⁸ Собственно, здесь полностью повторена идея вступления «Слова о полку Игореве» в изложении, очень близком оригиналу. Была произведена только замена имени князя Игоря Святославича именами Дмитрия Донского и Владимира Серпуховского. И далее автор «Задонщины» продолжил в той же последовательности, как и в «Слове», пересказ вступления, где говорилось о Бояне. Однако в его изложении содержание значительно упростилось, он лишь сообщил о Бояне как о певце времени первых киевских князей и назвал его «горазным гудцем». Автор «Задонщины» исключил образную характеристику творчества Бояна, которая была дана в «Слове». Он только подчеркнул, что Боян писал в песенной манере. Это было ему важно, так как и он, как автор «Слова о полку Игореве», имел предшественника, писавшего «гусленными словесы». Об этом он и сообщает сразу же следом за упоминанием о Бояне. Слова («Аз же помяну»), которыми начинается предложение о Софонии, были определены предыдущим текстом о Бояне. Содержащийся в этих словах намек на противопоставление относится как к автору «Слова о полку Игореве», так и к Бояну.

Таким образом, упоминание имени Софония в самом тексте «Задонщины» не может быть вставкой какого-то редактора, а безусловно принадлежит автору. Автор «Задонщины» задумал написать свое произведение в подражание «Слову о полку Игореве», и поэтому только он мог включить в свой текст упоминание о Бояне, а следовательно, и известие о Софонии тоже должно принадлежать ему, поскольку имена Бояна и Софония находятся в «Задонщине» в тесной логической связи. Напомним, что автор «Задонщины» усматривает известную общность в их творческой манере. Из всего этого следует, что автора «Задонщины» нельзя отождествлять с Софонием рязанцем, и в таком случае имя автора «Задонщины» для нас остается неизвестным.

Этот вывод заставляет внести некоторые коррективы в наше представление об истории создания «Задонщины». Рассматривая предложе-

⁸ Тексты «Задонщины», с. 535. Ср. в «Слове о полку Игореве»: «Не лѣпо ли нѣ бѣшеть, братие, начати старыми словесы трудныхъ повѣстии о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича! Начати же ся тѣи пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню» (Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 1. А—Г. М.—Л., 1965, с. 15).

ние, в котором говорится о Софонии, как принадлежащее оригиналу, следует признать, что автор «Задонщины» воспользовался не только «Словом о полку Игореве», но также неизвестным нам произведением Софония. Как уже отмечалось выше, текст «Задонщины» неустойчив и часто недостаточно ясен; это касается и предложения с упоминанием Софония. В нем есть местоимение «сего» (в списках У, И-1, С). Его обычно относят к имени Дмитрия Донского — «сего великаго князя Дмитрея Ивановича».⁹ На мой взгляд, его надо связывать со словом «словесы» и относить к имени Софония. Автор «Задонщины» хотел сказать, что словами Софония он восхвалит князя Дмитрия Донского и Владимира Серпуховского. Ближе всего такому истолкованию авторского текста список У. Таким образом, сам автор «Задонщины» сообщает, что он воспользовался произведением Софония или как источником или как образцом. Что собой представляло это произведение? Исходя из слов автора «Задонщины», можно только сказать, что Софоний рязанец писал произведения в поэтическом жанре («песнями, гусленными словесы»). Судя по упоминаниям имени Софония в заглавии «Задонщины» и «Сказания о Мамаевом побоище», его произведение являлось похвалой Дмитрию Донскому и Владимиру Серпуховскому.

Эти выводы о Софонии и его связи с «Задонщиной» не противоречат, а скорее подтверждают гипотезу А. А. Шахматова, высказанную в его рецензии на исследование С. К. Шамбинаго.¹⁰ В результате текстологических наблюдений над произведениями всего цикла, посвященного Куликовской битве, А. А. Шахматов пришел к выводу, что в «Задонщине» и «Сказании о Мамаевом побоище» использован общий источник, условно названный им «Словом о Мамаевом побоище».¹¹ Этот источник, по мнению А. А. Шахматова, представлял собой поэтическое изложение описания Куликовской битвы, был «отзвуком старого дружинного эпоса».¹² Приведенные выше в данной статье доводы в пользу того, что автор «Задонщины» воспользовался каким-то поэтическим произведением кроме «Слова о полку Игореве», согласуются с выводом А. А. Шахматова, построенным на иной системе серьезных доказательств. Кстати, надо заметить, что общепринятого мнения о принадлежности «Задонщины» Софонию А. А. Шахматов не подвергал сомнению. Таким образом, для вывода о зависимости «Сказания о Мамаевом побоище» и «Задонщины» от третьего произведения А. А. Шахматовым не привлекались сведения самой «Задонщины».

⁹ Тексты «Задонщины», с. 536, 541, 551 (И-1 — «и сего великаго князя Дмитрея Ивановича»). Именно так трактует содержание этого предложения В. Ф. Ржиги; см. изданный им текст «Задонщины»: «И я же восхваляю песнями и гусленными и буйными словесы и сего великаго князя Дмитрея Ивановича, и брата его, князя Владимира Ондреевича...» (Повести о Куликовской битве, с. 10).

¹⁰ Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго: «Повести о Мамаевом побоище». СПб., 1906. — Отчет о двенадцатом присуждении премий митрополита Макария. СПб., 1910, с. 79—204.

¹¹ Там же, с. 180—181.

¹² Там же, с. 190.

Соображения, высказанные А. А. Шахматовым о той среде, где было написано гипотетически восстанавливаемое им «Слово о Мамаевом побоище», не противоречат нашему выводу о Софонии как авторе не дошедшего до нас поэтического произведения, скорее даже усиливают аргументацию в пользу этого. Собранные к настоящему времени сведения о биографии Софония полностью согласуются с воссозданной А. А. Шахматовым обстановкой, в которой было написано первое поэтическое произведение о Куликовской битве.

По мнению А. А. Шахматова, «Слово о Мамаевом побоище» было написано при дворе серпуховского князя Владимира Андреевича в среде служилого сословия.¹³ Не буду повторять аргументацию, приведенную в работе А. А. Шахматова, дополню ее только одним небольшим наблюдением. Во всех списках «Задонщины» в заглавии наряду с именем Дмитрия Донского называется Владимир Андреевич. Исключением является список Ж, где в заглавии князя не упоминаются, — «Сказание о донском бою». Заглавие в «Сказании о Мамаевом побоище» неустойчиво, но в списках «Сказания», где Софоний назван его автором, постоянным оказалось упоминание имени Владимира Андреевича вслед за Дмитрием Ивановичем.¹⁴ Краткая запись XV в. в рукописи ГИМ, собр. Синодальное, № 836 (л. 137), имеет ту же особенность: «Сее слово съставлено именемъ Софониа резанца о великом кнези Дмитрии Ивановиче и брате его Василя¹⁵ Ондреевиче и о всех князех русских, како билисе беаше за Доном за свою велику обиду с поганым царем Мамаемъ».¹⁶ Это постоянство сочетания в заглавии имени Софония и одновременно Дмитрия Донского и Владимира Серпуховского в списках двух произведений на одну и ту же тему, видимо, и отражает их общий источник, в котором наряду с Дмитрием Донским прославлялся Владимир Серпуховской. Отмечу, кстати, что только в «Задонщине» называется Серпухов среди городов, где происходят сборы в поход русского войска. В «Сказании о Мамаевом побоище» упоминается другой город Серпуховского княжества — Боровск.

Сохранились исторические свидетельства о поддержании Владимиром Серпуховским политических и родственных связей с литовскими

¹³ Там же, с. 180—181.

¹⁴ Списки «Сказания о Мамаевом побоище» с упоминанием в заглавии имени Софония: ИРЛИ, собр. Северодвинское, № 333; Ленинградское отд-ние Института истории АН СССР, собр. Лихачева, № 13; ГПБ. F.IV.228; ГПБ, Q.XV.70; БАН, 16.17.22; БАН, 16.13.2. Включенный в текст «Сказания о Мамаевом побоище» в списке ГБЛ, собр. Румянцева, № 378, плач русских жен сопровождается ссылкой на «Задонщину», которая озаглавлена так же, как в списке С (см.: Дмитриев Л. А. Вставки из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище» как показатели истории текста этих произведений. — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла, с. 430).

¹⁵ Так в ркп.

¹⁶ Издан текст: Седельников А. Д. Где была написана «Задонщина»? — Slavia, Praha, 1930, roč. IX, seš. 3, s. 526.

князьями, особенно с Андреем Ольгердовичем.¹⁷ Трое из активных участников Куликовской битвы, по сведениям «Задонщины» и «Сказания о Мамаевом побоище», — Владимир Андреевич, Андрей Ольгердович и Дмитрий Волынец — вместе в 1379 г. совершили удачный поход на Трубчевск и Стародуб, в результате которого Дмитрий Ольгердович Брянский отъехал служить Дмитрию Донскому.¹⁸ Собранные вместе исторические факты позволили А. А. Шахматову искать автора «Слова о Мамаевом побоище» среди лиц, окружавших Владимира Андреевича и связанных с братьями Ольгердовичами и воеводой Дмитрием Михайловичем Волынцем.¹⁹ И это предположение А. А. Шахматова в известной мере согласуется с некоторыми свидетельствами о Софонии. Как известно, в заглавии к краткому отрывку, помещенному в Тверском сборнике под 1380 г., Софоний назван брянским боярином.²⁰ В. Ф. Ржига не придавал значения сведениям этого источника, ссылаясь на то, что он — поздний.²¹ Мне кажется, что сообщение о Софонии в Тверском сборнике не является позднейшей выдумкой, если учесть некоторые детали содержания «Задонщины». В ней большое внимание уделено эпизоду с Пересветом и Ослябей, причем о Пересвете упомянуто, что он брянский боярин. Все это подтверждает возможность близости Софония с кругом лиц служилого сословия, выехавших из западных земель.

Таким образом, гипотеза А. А. Шахматова о не дошедшем до нас «Слове о Мамаевом побоище» и о том, что написано оно было при дворе серпуховского князя Владимира Андреевича человеком из окружения литовских князей Дмитрия Ольгердовича и Андрея Ольгердовича, не противоречит нашему заключению о Софонии как предшественнике автора «Задонщины». Он как очевидец сражения или как человек, получивший сведения от участников сражения, смог написать свое произведение, которым затем воспользовался автор «Задонщины».

Что собой представляло это произведение? А. А. Шахматов восстанавливаемое им «Слово о Мамаевом побоище» считал произведением поэтическим, содержание которого полнее всего передало «Сказание о Мамаевом побоище».²² Не рашаюсь высказывать определенного мнения об этом заключении А. А. Шахматова. Однако, как уже говорилось выше, сочинение Софония, которым воспользовался автор «Задонщины», действительно относилось к поэтическому жанру. В связи с этим хочу высказать предположение о том отрывке поэтического текста, который сохранился

¹⁷ Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго..., с. 181; Соловьев А. В. Автор «Задонщины» и его политические идеи. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, с. 187.

¹⁸ ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, с. 200—201.

¹⁹ Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго..., с. 181.

²⁰ «А се писание Софония резанца, брянского боярина...» (ПСРЛ, т. XV. М., 1963, стб. 440).

²¹ Ржига В. Ф. О Софонии рязанце, с. 403. А. Д. Седельников, доказывая псковское происхождение «Задонщины», известия о Софонии в Тверском сборнике не учитывал (Седельников А. Д. Где была написана «Задонщина»? с. 535—536).

²² Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго..., с. 190.

в Тверском сборнике под 1380 г. и который озаглавлен как «Писание» Софония рязанца. Судя по заглавию, этот текст должен относиться или к «Задонщине», или к «Сказанию о Мамаевом побоище». Привожу его полностью: «В лето 6888. А се писание Софония рязанца, брянского боярина, на похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Володимеру Андреевичу. Ведомо ли вам, рускым государям, царь Мамай пришел из Волжиа, стал на реце на Воронеже, а всем своим улусом не велел хлеба пахати. А ведомо мое таково, что хочет ити на Русь, и вы бы, государи, послали его пообыскати, тавы ли то он туто стоит, где его мне поведати!».²³

Этот текст не принадлежит ни «Задонщине», ни «Сказанию о Мамаевом побоище», но в то же время он, с одной стороны, перекликается с началом «Задонщины» в списках У, Ж, С,²⁴ с другой — он явно связан со следующим текстом «Сказания о Мамаевом побоище»: «И доиде же до усть реки Вороножа и распусти всю силу свою и заповеда всем татаром своим, яко: „Да не пашете ни един вас хлеба, будите готовы на русскыя хлебы!“». ²⁵ Отрывок, включенный в Тверской сборник, слишком мал, чтобы сделать определенный вывод. Можно только высказать осторожное предположение: не служил ли отрывок Тверского сборника источником для двух других произведений, не является ли он действительно сочинением Софония рязанца, о чем сообщается в заглавии? В пользу этого предположения свидетельствует и то, что в нем наблюдается некоторая ритмическая организованность текста.

Обращу внимание еще на одну деталь. В рукописи Тверского сборника вслед за процитированным текстом было приписано киноварью, но потом зачеркнуто следующее: «Тем же всем суженое место между Доном и Днепром, на поле Куликове, на реце на Непрядве, а положили главы своа за землю Рускую и за веру христианскую. А мы пойдем в свою отчину, в землю Залескую, к славному граду Москве, и сядем на своем великом княжении, чести есмя себе добыли и славнаго имяни. Конец».²⁶ Не принадлежат ли и эти слова Софонию? Имеются они и в «Задонщине», и в «Сказании о Мамаевом побоище». Относительно «Сказания» можно говорить вполне определенно, что данный отрывок не принадлежит автору «Сказания», а заимствован или из «Задонщины», или у Софония. Дело в том, что в «Сказании о Мамаевом побоище» только здесь единственный раз употребляется географический термин Залесская земля, в то время как в «Задонщине» он используется постоянно. Поэтому мо-

²³ ПСРЛ, т. XV, стб. 440; цитирую по рукописи: ГПБ, собр. Погодина, № 1414, л. 160 об. Этот же текст включен в другой список Тверской летописи: ГИМ, собр. Музейское, № 288-б, см.: Демкова Н. С. Заимствования из «Задонщины» в текстах распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла, с. 441—442.

²⁴ У — «Ведомо нам, брате, у быстрого Дону царь Мамай пришел на Рускую землю, а идет к нам в Залескую землю» (Тексты «Задонщины», с. 535).

²⁵ См. с. 26 настоящей книги.

²⁶ ПСРЛ, т. XV, стб. 440.

жно считать, что он или введен автором «Задонщины», или был заимствован из произведения Софония.²⁷

Таким образом, исходя из содержания самой «Задонщины», следует признать, что Софоний не был ее автором; последний ссылается на Софония как на поэта или певца своего времени, творчеству которого он склонен был подражать. Имя Софония как писателя упоминается в рукописях (начиная с XV в.) только в связи с произведениями на тему Куликовской битвы. Следует признать, что автор «Задонщины» воспользовался двумя поэтическими произведениями — сочинением Софония и «Словом о полку Игореве».²⁸ Вывод о Софонии как об авторе не дошедшего до нас поэтического сочинения о Куликовской битве вполне согласуется с гипотезой А. А. Шахматова об общем источнике «Задонщины» и «Сказания о Мамаевом побоище», названном им «Словом о Мамаевом побоище». Гипотеза А. А. Шахматова, серьезно аргументированная текстологическими наблюдениями, должна учитываться при решении многих еще не решенных проблем в изучении произведений Куликовского цикла.

²⁷ Возможно, отрывок «Задонщины» о бегстве Мамаю в Кафу тоже является прямым заимствованием из сочинения Софония. На его стилистическую обособленность в составе «Задонщины» обратила внимание В. П. Адрианова-Перетц и склонна была возводить его к какому-то устному источнику (*Адрианова-Перетц В. П. «Задонщина». Текст и примечания. — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, с. 221—223*). А. А. Шахматов включал этот отрывок в состав «Слова о Мамаевом побоище» (*Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго... , с. 183—184*).

²⁸ А. А. Шахматов считал, что между «Словом о полку Игореве» и «Словом о Мамаевом побоище» были общие жанровые черты: «Происхождение Поведания Софония («Задонщины», — *Р. Д.*) из Слова о Мамаевом побоище доказывает, мне кажется, что последнее содержало черты, роднившие его со *Словом о полку Игореве*. И быть может, составитель Слова о Мамаевом побоище своими прямыми заимствованиями из Слова о п. *Игореве* подал составителю Поведания мысль обратиться к *Игоревой* песне для полной переработки сюжета на основании источника, уже послужившего делу воплощения его в письменный образ» (*Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго... , с. 190—191*).

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Древнерусские тексты «Задонщины», краткой и пространной летописных повестей, Основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» передаются в книге современным шрифтом с сохранением ѣ и љ во всех случаях, в соответствии с написаниями рукописей, і замѣняется «и», оу — «у», ж, љ — «у», «я», ѡ — «о», е — «ф», з — «кс», ѡ — «пс». В публикации текстов Киприановской и Распространенной редакций «Сказания» и печатного варианта Основной редакции ѣ замѣняется «е», љ сохраняется в середине слов.

К опубликованным древнерусским текстам под цифровыми обозначениями приводятся текстуальные примечания. Принципы отбора этих примечаний разъяснены ниже, в текстологическом комментарии к каждому из публикуемых текстов.

«ЗАДОНЩИНА»

В настоящее время известно шесть списков «Задонщины» и две кратких выписки из «Задонщины» в служебной Минее XVI в. Последнюю научную публикацию всех списков «Задонщины» см. в кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.—Л., 1966, с. 535—556 (подготовка текстов Р. П. Дмитриевой).

1. Список Ундольского (условное обозначение — У) — ГБЛ РО, собр. Ундольского, № 632. Сборник, написанный полууставом, сер. XVII в., л. 169 об.—193 об.: Слово о великом князе Дмитрее Ивановиче и о брате его князе Владимире Андрѣевиче, яко побѣдили супостата своего царя Мамаю. Впервые «Задонщина» стала известна по публикации этого списка в 1852 г.: Слово о великом князе Дмитрее Ивановиче и о брате его князе Владимирѣ Андреевиче, яко победили супостата своего царя Мамаю. Сообщено В. М. Ундольским. Предисловие И. Д. Беляева. — ВОИДР за 1852 г. М., 1852, кн. 14, отд. II «Материалы», с. I—XIV, 1—8.

2. Список Исторический первый (условное обозначение — И-1) — ГИМ РО, собр. Музейское, № 2060. Сборник, написанный полууставом, конца XVI—начала XVII в., л. 213—224 об.: В лето 6887. Похвала великому князю Дмитрию Ивановичю и брату его князю Владимиру Ондрѣевичю, внегода победиша пособьем божиим поганого Мамаю съ всѣми его силами. В начале, на л. 213—215, включен отрывок из пространной летописной повести о Куликовской битве, начальной части текста «Задонщины» нет. Текст «Задонщины» по этому списку впервые издан в 1947 г.: Ржигя В. Ф. Слово Софония-рязанца о Куликовской битве («Задонщина»). С приложением текста Слова Софония и 28 снимков с текста по рукописям Гос. исторического музея XVI в. М., 1947, с. 60—99. (Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та, т. XLIII. Кафедра русской литературы).

3. Список Исторический второй (условное обозначение — И-2) — ГИМ РО, собр. Музейское, № 3045. Сборник, написанный полууставом, конца XV—начала XVI в., л. 70—73 об. Заглавия нет, отрывок текста без начала и конца. Текст «Задонщины» по этому списку впервые издан в 1947 г. в названной в описании предыдущего сборника работе В. Ф. Ржиги, с. 45—59.

4. Список Ждановский (условное обозначение — *Ж*) — БАН РО, № 1.4.1. Сборник, написанный скорописью, второй половины XVII в., л. 30 об.—31. Заглавия нет. Небольшой отрывок начальной части Задонщины. Текст «Задонщины» по этому списку впервые издан в 1903 г.: *Срезневский В. И.* Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки Академии наук в 1902 г. СПб., 1903, с. 99.

5. Список Кирилло-Белозерский (условное обозначение — *К-Б*) — ГПБ РО, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 9/1086. Сборник книгописца Ефросина, монаха Кирилло-Белозерского монастыря, написанный полууставом в период с 70-х по 90-е гг. XV в. Текст «Задонщины» написан рукой Ефросина, л. 123—129 об. (по старой пагинации — 122—128 об.): Писание Софония старца рязанца, благослови отче: Задонщина великого князя господина Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимера Ондрѣевича. Ефросиновский список «Задонщины» представляет собой сокращенную переработку первой половины «Задонщины». Текст «Задонщины» по этому списку впервые издан в 1859 г.: *Варлаам, архимандрит.* Описание сборника XV столетия Кирилло-Белозерского монастыря. — Учен. зап. Второго отделения Академии наук, СПб., 1859, кн. V, с. 57—60.

6. Список Синодальный (условное обозначение — *С*) — ГИМ РО, собр. Синодальное (бывшее Патриаршее), № 790 (по описанию Т. Н. Протасьевой № 739).¹ Сборник, написанный белорусской скорописью XVII в., л. 36 об.—42 об.: Сказание Сафона резанца, исписана руским князем похвала, великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его Володимеру Ондреевичу. Текст «Задонщины» по этому списку впервые издан в 1890 г.: *Смирнов А.* 3-й список Задонщины по Синодальному скорописному сборнику XVII века. — Рус. филол. вестник, т. XXIII, № 2, Варшава, 1890, с. 277—288.

7. Выписки из «Задонщины» — ГПБ РО, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 382/639. Минея служебная на декабрь месяц, XVI в., л. 1. Выписки скорописью сделаны на первом, чистом листе сборника. Впервые опубликованы в 1966 г.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.—Л., 1966, с. 556.

Все шесть списков «Задонщины» представляют текст одной редакции памятника, но разные изводы этой редакции: один извод — извод Син.: списки *К-Б* и *С*, другой извод — извод Унд.: все остальные списки. Список *К-Б* — сокращенная переработка извода Син., список *С* — поздний, сильно искаженный и в окончании сильно переработанный список извода Син. В изводе Унд. самый полный список извода — *У*, но это список середины XVII в., в нем встречается много поздних чтений, имеются некоторые повновения и добавления в тексте. Самый ранний список извода Унд. — *И-1*, в ряде случаев здесь встречаются более ранние чтения, чем в списке *У*, однако в *И-1* нет начала памятника. Список *И-2* — отрывок (в нем нет ни начала, ни конца текста в значительном объеме). Список *Ж* — текст только вступления к «Задонщине», да и то не в полном объеме и со значительными искажениями.

Сравнительный анализ списков показывает, что искажения и переделки первоначального текста имелись уже в том протографе, к которому восходят все дошедшие до нас списки, к этому прибавлялись ошибки и переосмысления в каждом отдельном списке. Такой характер списков «Задонщины» заставляет прибегать к реконструкции текста произведения, ибо каждый список сам по себе не может дать сколько-нибудь полного и четкого представления о том, каким было это произведение в своем первоначальном виде. Разумеется, мы, с большей или меньшей степенью вероятности, можем реконструировать лишь текст того протографа, к которому восходят все имеющиеся списки. Но этот реконструированный текст все же будет ближе к первоначальному тексту произведения, чем каждый отдельный список.

¹ Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). Составила Т. Н. Протасьева. Ч. 1. М., 1970.

За основной список в публикуемой реконструкции «Задонщины» взят список У. Все изменения и исправления делались только по данным остальных списков, учитывались также вставки из «Задонщины», имеющиеся в текстах «Сказания о Мамаевом побоище». Исправления и добавления в список У вносились по таким принципам: 1) восстанавливались и изменялись все чтения списка У, которые в других списках были ближе к «Слову о полку Игореве», 2) менялись поздние чтения списка У в том случае, если более ранние чтения в других списках совпадали в изводах Унд. и Спн., 3) восстанавливались некоторые чтения, сохранившиеся в одном из списков, которые могли быть опущены или изменены в остальных списках независимо друг от друга (критерием в данном случае служили общие тенденции «Задонщины» и литературные особенности этого произведения).

Разумеется, как и всякая реконструкция, публикуемый текст «Задонщины» — в определенной степени текст искусственный. Но в основе его лежит реально дошедший до нас список памятника — У, а ко всем (без исключения) внесенным в этот список изменениям приводятся под цифровыми обозначениями обоснования этих изменений по данным всех списков, где имеется соответствующее место.

1, ¹ Так в Ж; в С што ж деи; в У нет. ² Так в Ж и С; в У преславная. ³ Так в Ж; в С славнаго; в У с равнаго. ⁴ В У поминаюты; в Ж поминаю вы. ⁵ В У доб. Собѣ бы чаем пороженных и воскормленных; в Ж доб. А собѣ бы чая пожженных вскормленных. ⁶ Так в И-1 и С; в У от. ⁷ Так в И-1 и С; в У и о. ⁸⁻⁹ В У похвалу; в И-1 от полку; в С а полку. ¹⁰ Так в К-Б и С; в И-1 вѣща; в У вещаннаго. ¹¹ Так в К-Б; в И-1 Боинаго; в У боярина; в С нет. ¹²⁻¹³ Так в К-Б; в И-1 боюн; в С бо деи похвалы вещи буйныи; в У боярин. ¹⁴ Так в К-Б, С и И-1; в У пояша. ¹⁵ Так в И-1; в К-Б и У славу; в С похвалу. ¹⁶⁻¹⁷ Так в И-1; в К-Б первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичю и Святославу Ярославичю; в С первому князю рускому на земли Киевской Рурику, великому князю Володимеру Светославычу; в У первому князю киевскому Игорю Бяриковичю и великому князю Владимире Всеславьевичю Киевскому и. ¹⁸ Так в К-Б и И-1; в У нет. ¹⁹ Так в К-Б; в И-1 и буйни; в У нет. ²⁰ Так в И-1 и С; в У 170. ²¹ Так в И-1; в С крепостею; в У крѣпкою крепостью. ²² Так в И-1; в У и С наполнися. ²³ Так в И-1; в С полти ся; в У воеводы. ²⁴ Так в И-1 и С; в У день. ²⁵⁻²⁶ Так в К-Б; в И-1 синии небеса; в С сымьныя небеса; в У синее небеса. ²⁷ Так в С; в И-1 снесет; в У снесеть. ²⁸ Так в И-1 и С; в К-Б половетция, в У Полотское. ²⁹ Так в И-1, С и К-Б; в У в трубы. ³⁰ Так в К-Б и С; в И-1 и У в бубны. ³¹ Так в К-Б, И-1 и С; в У Дунаю. ³² Так в И-1 и С; в К-Б колоколи; в У в колоколы. ³³⁻³⁴ Так в К-Б; в И-1 святой Софѣи, а ркучи; в С святое Софеи, рекут; в У Софѣи премудрые, а ркут. ³⁵ Так в К-Б и С; в И-1 пособе; в У посопь. ³⁶⁻³⁷ Так в соответствующей вставке из «Задонщины» в Летописной редакции «Сказания о Мамаевом побоище»; в известных списках «Задонщины» нет. ³⁸⁻³⁹ Так в И-1; в С на пособѣ; в У нет. ⁴⁰ Так в К-Б; в И-1 ркучи; в У ркут; в С нет. ⁴¹ Так в И-1 и С; в У Дуная. ⁴² Так в И-1 и С; в У рекше. ⁴³ Так в И-1 и С; в У поедем. ⁴⁴⁻⁴⁵ В У и И-1 нет; в К-Б укупимь землямь диво; в С учинить имам диво. ⁴⁶ Так в К-Б и И-1; в С память; в У на память. ⁴⁷ Так в К-Б, И-1 и С; в У рекше. ⁴⁸⁻⁴⁹ Так в К-Б и С; в У и И-1 нет. ⁵⁰ Так в И-1; в К-Б выщекотала; в С выщектали; в У пощекотал. ⁵¹ В У полѣводцы; в И-1 полковидцы. ⁵² В К-Б поють; в С нечистых кочаны; в У и И-1 нет. ⁵³ Так в К-Б; в И-1 возлелияны; в У злачеными; в С нет. ⁵⁴⁻⁵⁵ Так в К-Б; в С коней воскормлены, с коленых стрел воспоены; в У и И-1 нет. ⁵⁶⁻⁵⁷ Так в И-1; в К-Б Едиментовы; в С есмо Гедымонтавы; в У мы Доментовы. ⁵⁸⁻⁵⁹ Так в К-Б; в И-1 борзья своя комони; в С на борздья кони; в У добрые кони своя. ⁶⁰ Так в К-Б; в С сопием; в И-1 изобьем; в У нет. ⁶¹⁻⁶² Так в С; в К-Б брате, шеломомь своимь воды быстрого Дону; в И-1 шоломы мечи; в У нет. ⁶³ Так в К-Б и С; в У а; в И-1 нет. ⁶⁴⁻⁶⁵ Так в К-Б; в С то ти, брате, не стук стучит, ни гром гримит; в У что, брате; в И-1 нет. ⁶⁶ Так в К-Б и И-1; в У великая силная; в С нет. ⁶⁷⁻⁶⁸ Так в С; в К-Б Ивана Дмитриевича; в И-1 нет; в У Пмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича.

⁶⁹ Так в И-1; в К-Б гремять; в С гримят; в У громят. ⁷⁰ Так в И-1 и К-Б; в С считы; в У щиты московскими. ⁷¹⁻⁷² Так в К-Б; в И-1 борзьи конони, а мои готовы; в С кони, а мои подеманы; в У доброй конь, а мой готов — осѣдлан. ⁷³ Так в И-1; в С 70 тысячъ; в У 7000; в К-Б нет. В соответствующей вставке из «Задонщины» в варианте У Основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище»: семьдесят тысячъ. ⁷⁴⁻⁷⁵ Так в И-1; в С возвеша сильные ветри; в К-Б всташа силнии вѣтри; в У возвияли. ⁷⁶⁻⁷⁷ Так в К-Б; в У и И-1 по морю; в С нет. ⁷⁸ Так в К-Б; в И-1 прилѣлѣяшася; в У прилѣяша; в С нет. ⁷⁹ Так в И-1; в К-Б велику; в У и С нет. ⁸⁰ Так в И-1; в У них же. ⁸¹ Так в И-1; в К-Б выступи; в У выступали; в С нет. ⁸² Так в С; в И-1 трепещуть; в У трепѣщутся; в К-Б пашють. ⁸³ Так в К-Б; в У сильные; в И-1 силнии; в С сильния. ⁸⁴ Так в И-1; в К-Б молньи; в С молния; в У молыньи. ⁸⁵⁻⁸⁶ Так в К-Б; в У, И-1 и С нет. ⁸⁷ В У Напрядѣ; в И-1 Направдѣ; в С Непрадене; в К-Б нет. ⁸⁸ В У Напрядѣ; в И-1 Напрвдѣ; в С и К-Б нет. ⁸⁹ Так в И-1; в С воскрипели; в У скрипѣли; в К-Б нет. ⁹⁰ Так в И-1 и С; в У телеги; в К-Б нет. ⁹¹ Так в И-1 и С; в У а идут. ⁹² Так в И-1 и С; в К-Б хинела; в У хиновѣ поганьи. ⁹³⁻⁹⁴ Так в К-Б и С; в И-1 в Руськую землю; в У к Руской земли. ⁹⁵⁻⁹⁶ Так в И-1; в С но Мечи, хотят поити; в У хотят на Мѣчи поступити в; в К-Б нет. ⁹⁷⁻⁹⁸ Так в К-Б, И-1 и С; в У и то. ⁹⁹ Так в К-Б, И-1 и С; в У тогда. ¹⁰⁰ Так в И-1; в К-Б гоготаше; в У возгоготали; в С возгагатали.

II, ¹⁻² Так в К-Б; в И-1 крылы въслескаша; в С возплескали крылами своими; в У восплѣскаша крылами своими. ³⁻⁴ В К-Б То ти не гуси гоготаша, ни лебеди крылы въслескаша; в И-1 ни гуси возгоготаша; в С не гуси ж то возгоготали; в У нет. ⁵ Так в К-Б; в У и И-1 воеводы; в С воеводство. ⁶ Так в И-1; в С облаки; в К-Б оболока; в У облак. ⁷ Так в С; в И-1 летаютъ; в У лѣтят; в К-Б нет. ⁸ Так в И-1; в У и С костѣх; в К-Б часто. ⁹ Так в И-1 и С; в К-Б брешють; в У бряшут. ¹⁰ Так в И-1; в К-Б тогда же; в С то ти; в У то. ¹¹⁻¹² Так в К-Б; в С ястреби и соколи и белоозерстии кречеты; в И-1 соколы, белозерския ястребы; в У соколи бѣлозѣрстии и ястреби. ¹³ Так в И-1; в С отривахуся; в У хваруются; в К-Б нет. ¹⁴⁻¹⁵ Так в С; в К-Б позвонять своими; в И-1 возлетѣша под синии небеса, возгремѣша; в У возлѣтѣша под синее небеса, возгремѣша. ¹⁶⁻¹⁷ Так в С; в К-Б, У и И-1 нет. ¹⁸⁻¹⁹ Так в К-Б и в соответствующей вставке из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище»; в У, И-1 и С нет. ²⁰ Так в И-1; в С ясная; в У нет. ²¹ Так в И-1; в К-Б встоцѣ; в С востак; в У восток. ²² Так в К-Б; в И-1 ослабѣй; в С услобѣй; в У ослаблявай. ²³ Так в И-1; в У нет; в К-Б и С окончание этой фразы представляет иное по смыслу чтение, но с сохранением слова «наша»: «вои наши отнимають»; «нашу дружину побиваютъ». ²⁴ Так в И-1 и С; в У говорит; в К-Б нет. ²⁵⁻²⁶ В И-1 сами себѣ есмя два брата; в С сами есмо себе два брата, сынове есмо велико князя Ивана Данилевалча Каметы; в У сами есми; в К-Б нет. ²⁷ Так в И-1 и С; в У от; в К-Б нет. ²⁸ Так в С; в И-1 и У уставлены; в К-Б нет. В соответствующей вставке из «Задонщины» в Печатном варианте «Сказания о Мамаевом побоище» велми крепцы. ²⁹ В У свѣдана; в И-1 нам свѣдома; в С ведомоя; в соответствующей вставке из «Задонщины» в Печатном варианте «Сказания о Мамаевом побоище» (удалцы) сведоми. ³⁰⁻³¹ Так в И-1; в С кони борздыя; в У добрые кони; в К-Б нет. ³²⁻³³ В У нет; в И-1 Молвяше: поганьи путь имъ знаемъ велми, а перевозки имъ изготовлены; в С А дороги нам сведома, а перевозки в нас в нас втавлены; в К-Б нет; в соответствующей вставке из «Задонщины» в Печатном варианте «Сказания о Мамаевом побоище» А дорога им велми сведома, берези им по Оце изготовлены. ³⁴ Так в И-1; в С христианскую; в У крещеную; в К-Б нет. ³⁵⁻³⁶ Так в К-Б; в С ястреби и соколи и белоозерстии и кречеты; в И-1 соколѣ и кречеты; в У соколы и кречаты. ³⁷ Так в К-Б и С; в У о; в И-1 нет. ³⁸⁻³⁹ В У — лѣбѣдѣдиные; в К-Б на гуси и на лебеди; в С сосильныя и на лебединыя; в И-1 нет. ⁴⁰⁻⁴¹ Так в С; в К-Б, И-1 и У нет. ⁴²⁻⁴³ Так в К-Б и в соответствующей вставке из «Задонщины» в Печатном варианте «Сказания о Мамаевом побоище»; в И-1 копии хараужничьными; в У копьѣ фараужными; в С кафыи фразскими. ⁴⁴ В У Напрядѣ; в И-1 Направдѣ; в С Непродене; в К-Б чет. ⁴⁵⁻⁴⁶ Так в И-1; в С Кликнула Диво по всим землям Руским, велит грозна по-

слушати. Шибла слава; в К-Б Воды возпиша вѣсть подаваша по рожнымъ землямъ; в У И кликнули быша Дивы в Руской земли. А глава шибла. ⁴⁷ Так в С; в У ли; в И-1 и К-Б нет. ⁴⁸ Так в И-1; в С ко; в У х. ⁴⁹ Так в С; в И-1 Кафы; в У Сафѣ; в К-Б нет. ⁵⁰ Так в И-1; в С турком; в У Которнову; в К-Б нет. ⁵¹⁻⁵² Так в И-1; в С што Ру; в У и; в К-Б нет. ⁵³ В У Напрядѣ; в И-1, С и К-Б нет. ⁵⁴ Так в И-1; в С гримит; в У загремѣли. ⁵⁵ Так в И-1 и С; в У удалцы; в К-Б нет. ⁵⁶ Так в И-1; в С доспехи; в У сильные доспѣхи; в К-Б нет. ⁵⁷ В К-Б возрыкають; в И-1 и У возгремѣли; в С возрули. ⁵⁸ В У Дунаю; в И-1, С и К-Б нет. ⁵⁹⁻⁶⁰ Так в И-1; в У и; в С и К-Б нет. ⁶¹ Так в И-1; в У Дунаю; в С и К-Б нет. ⁶²⁻⁶³ Так в И-1 и С; в К-Б Микулу Васильевича; в У нет. ⁶⁴ Так в С; в У нет; в И-1 вѣспѣти. ⁶⁵ В И-1 борзе; в С борздом; в К-Б вѣщемъ; в У добрѣ. ⁶⁶ В У посвѣльчивает; в И-1 посвѣчиваше; в С посвещаючи. ⁶⁷ Так в И-1 и С; в У Дуная; в К-Б нет. ⁶⁸ Так в И-1 и К-Б; в У твоему; в С нет. ⁶⁹ В У Напряде; в И-1, К-Б и С нет. ⁷⁰⁻⁷¹ Так в К-Б и С; в У едины; в И-1 однѣ. ⁷² Так в И-1 и С; в У труппи; в К-Б нет. ⁷³ Так в С; в И-1 человѣческаго; в У человѣчския; в К-Б нет. ⁷⁴⁻⁷⁵ Так в И-1; в У и жалостно в то врѣмя баше. ⁷⁶⁻⁷⁷ В У Микулина жена Васильевича Федосья да Дмитреева жена Марья; в К-Б жена Микулина Мария; в С Микулина жена Марья; в И-1 Микулина жена Васильевича да Марья Дмитриева; в И-2 Федосья Микулина жена Васильевича да Марья Дмитриева жена Вольтинского. ⁷⁸ В У доб. стоя; в И-1, И-2, С этого добаеления нет. ⁷⁹ Так в К-Б и И-1; в С рекучы; в У ркут; в И-2 нет. ⁸⁰ В У доб. А Марья про сьвоего господина тоже рекла; в И-1, И-2, С и К-Б этого добавления нет. ⁸¹ Так в И-1; в С Настасья; в У, И-2, К-Б нет. ⁸²⁻⁸³ Так в И-2; в И-1 плакася, а ркучи; в С плакашеса рано, а рекучы; в У плакахуся и рече. ⁸⁴ В У доб. нету; в И-2 дсб. его нѣт; в И-1 и С этого добавления нет. ⁸⁵ Так в И-1 и С; в И-2 припахну; в У примахнули; в К-Б нет. ⁸⁶ Так в И-1, И-2 и С; в У ним; в К-Б нет. ⁸⁷ Так в И-1; в У, И-2 поломянные; в С поломяныя. ⁸⁸ Так в И-2; в И-1 носящу; в С и У носяше. ⁸⁹ Так в И-1; в У ссѣдша; в С изседоша; в И-2 сподоша. ⁹⁰ Так в И-1; в И-2 борзых; в С борздых; в У добрых; в К-Б нет. ⁹¹ В У Напряде; в И-1, И-2, С и К-Б нет. ⁹²⁻⁹³ Так в И-2; в И-1 А уже Диво кличетъ под саблями татарскими; в С Вжо, брате, Диво кличетъ под шаблею татарскою, а тым богатырем слава и честь и вечная память от бога милость; в У и К-Б нет. ⁹⁴⁻⁹⁵ Так в И-1; в С Не щурове рано воспели в Коломных городах но заборолех но воскресение Христово на Акыма и Анны днесь. То ти быша не щурове рано воспели; в И-2 Ту ни галици ни щуровѣ вѣспѣли жалостные пѣсни у Коломны на заборолах на вѣскресение на Якимов и Аннинъ день. То ти были ни щуровѣ, ни галици воспѣли; в У И. ⁹⁶ Так в И-2; в С рекучи; в У ркутъ; в И-1 нет. ⁹⁷⁻⁹⁸ Так в И-2; в И-1 а ркучи; в У и ркут; в С нет. ⁹⁹ Так в С; в И-1 и И-2 запрудити; в У запрудить. ^{100-III, 1} Так в И-2; в И-1 а Дон шлемомъ вычерпати, а Мечю труппы татарскими запрудити; в С и шеломы ичерпати, а реку Мечну труппы татарскими зоградити; в У нет. ² Так в И-2; в И-1 Направдѣ; в С Непрядене; в У Напрядѣ. ³ Так в И-1, в И-2 и в С; в У князь великий. ⁴⁻⁵ Так в И-2, И-1 и С; в У нет. ⁶ Так в И-2; в С посвещаючи; в И-1 посвѣчиваше; в У посвѣльчивает; кроме того, в У здесь доб. а скакаша со всем своим войским. ⁷⁻⁸ Так в И-2; в И-1 Гремят мечи булатныя; в С Гримят мечы булатныя; в У И загремѣли мечьми булатными. ⁹⁻¹⁰ В У туто; в И-1 что ти есть еси; в И-2 то еси; в С то ты есть. ¹¹⁻¹² Так в С; в У железна забрала; в И-1 желѣзная забрала; в И-2 железла заборона. ¹³⁻¹⁴ Так в И-1; в И-2 князь великий, с своими великими плѣтки, не потакай лихим королникомъ; в С Брате княже великий Дмитрей, не оставай и з своими великими полки, не слухай измеников сромотников; в У и свои полки понужай коромолщикам. ¹⁵⁻¹⁶ Так в И-1 и И-2; в У и С поля. ¹⁷⁻¹⁸ Так в И-1; в И-2 И не уставай, князь великий Дмитрий Иванович; в С Не оставай, брате княже Дмитрею, и с своими воеводы и з сильными бояры; в У нет. ¹⁹⁻²⁰ Так в И-2; в И-1 отлетѣша на быстрый Донъ, то тѣ не орлѣ полетѣша за быстрый Донъ; в У полѣтели. И. ²¹⁻²² Так в И-1; в И-2 за Донъ; в У и. ²³⁻²⁴ Так в И-2; в У мѣдвяна чара; в И-1 медвеная чаша. ²⁵⁻²⁶ Так в И-2; в И-1 поля наступает; в У наступает на рать силу татарскую. ²⁷ Так в И-1; в И-2 грѣмят; в У и гремят. ²⁸ В У доб. бусорманы; в И-1 и И-2 этого добавления нет. ²⁹ Так в И-2; в И-1 назад; в У вся;

в С нет. ³⁰ Так в И-1; в И-2 сыновѣ; в У князи и бояры и воеводы и все великое войско; в С нет. ³¹ В У доб. бусорманов; в И-2 этого добавления нет. ³² В У доб. без милости; в И-1 и И-2 этого добавления нет. ³³⁻³⁴ Так в И-1 и И-2; в У и С нет. ³⁵ В У доб. загремѣли; в И-1 доб. к земли; в И-2 этого добавления нет. ³⁶ Так в И-1; в И-2 деручи; в У доруши; в С нет. ³⁷ Так в И-2; в И-1 ркучи; в У ркуче; в С глаголюще. ³⁸ Так в И-1, И-2 и С; в У брвать. ³⁹ Так в И-2 и С; в И-1 выдати; в У видать. ⁴⁰⁻⁴¹ Так в И-2; в И-1, У и С нет. ⁴² В У хаживать; в И-2 хоживати; в И-1 ходити; в С нет. ⁴³ Так в И-1 и И-2; в У людей. ⁴⁴ Так в И-1 и И-2; в У прашивать; в С нет. ⁴⁵ Так в И-1 и И-2; в У востона; в С нет. ⁴⁶ Так в И-1 и И-2; в У покрыша; в С нет. ⁴⁷⁻⁴⁸ Так в И-2; в И-1 уныша бо царемъ их хотѣние и похвала на Рускую землю ходити; в У бо сердца их, хотение князем и похвала Руской земли ходити; в С Се ж погиге царей наших веселие и величество и радость и похвала на Рускую землю и з радостью ходити. ⁴⁹ В И-1 иже; в И-2 и У наше; в С нет. ⁵⁰⁻⁵¹ Так в И-1; в И-2 камки и насычевы вѣзут женам своим; в С и камки, носечи, серебро и злато; в У нет. В окончании Печатного варианта во вставке из «Задонщины» везучи в землю Рускую уюсы и насычи. ⁵² Так в И-2; в И-1 вѣзнеся; в У воснеся. ⁵³⁻⁵⁴ Так в И-1; в У по всей земли, а на поганых татар промчя злых бусорманов хула и пагуба. ⁵⁵ Так в И-1; в У земли. ⁵⁶ Так в И-1; в У текук грозы. ⁵⁷⁻⁵⁸ Так в И-1; в У И князь великий своею храбростию и дружиною Мамай поганого побил за землю за Рускую и за вѣру крещеную. ⁵⁹ В У доб. на землю; в И-1 этого добавления нет. ⁶⁰ Так в И-1; в У отскока. ⁶¹ У доб. взвыл; в И-1 этого добавления нет. ⁶² Так в С; в И-1 Кафы; в У Хафѣсте. ⁶³⁻⁶⁴ Так в И-1; в У по задѣнеш и нам от земли Руской. ⁶⁵⁻⁶⁶ В У Уподобился еси милому младенцу у матери своей; в И-1 Намъ земля подобна ест Руская милому младенцу умрети, его же мати тешитъ, и рать лозою казнит, а добрая дѣла милуютъ его; в С нет. ⁶⁷⁻⁶⁸ В И-1 на полѣ Куликовѣ, на рѣчки Направдѣ; в У нет. ⁶⁹ В У Напрядѣ. ⁷⁰⁻⁷¹ Так в И-1; в У нет. ⁷² В У Дуная. ⁷³ В У доб. стоя. ⁷⁴ Так в И-1; в У государь. ⁷⁵ Так в И-1; в У 8. ⁷⁶⁻⁷⁷ Так в И-1; в У Слава тебѣ, господи боже нашъ, помилвалъ насъ. ⁷⁸ В У Напрядѣ; в И-1 Направдѣ.

КРАТКАЯ ЛЕТОПИСНАЯ ПОВЕСТЬ

Краткая летописная повесть издается по тексту Рогожского летописца. Рогожский летописец входит в состав сборника историко-канонического содержания: ГБЛ, ф. 247, собр. Рогожского кладбища, № 253, 40-х гг. XV в., полуустав разных почерков, л. 246—363 об., краткая летописная повесть на л. 335 об.—337 об. Издано: ПСРЛ, т. XV, изд. 2-е, вып. 1. Рогожский летописец. Пг., 1922, стб. 139—141. К тексту Рогожского летописца приводятся смысловые и стилистические разночтения по тексту Симеоновской летописи: БАН 16.8.25, первая половина XVI в., полуустав, л. 251—255. Издано: ПСРЛ, т. XVIII. Симеоновская летопись. СПб., 1913, с. 129—131.

¹⁻² Так в Сим., в Рог. О войнѣ и о побоищѣ, иже на Вожѣ. ³ В Сим. доб. и. ⁴ В Сим. нет. ⁵ В Сим. нет. ⁶ В Сим. нет. ⁷ В Сим. быша. ⁸⁻⁹ В Сим. другая вестъ. ¹⁰ В Сим. доб. реки. ¹¹ В Сим. исполнишася. ¹² В Сим. потонуша. ¹³ В Сим. и. ¹⁴ В Сим. князми. ¹⁵ В Сим. нет. ¹⁶ В Сим. храбровашася. ¹⁷ В Сим. доспехы. ¹⁸ В Сим. князи. ¹⁹ В Сим. с. ²⁰ В Сим. нет. ²¹ В Сим. прииме. ²² В Сим. доб. и. ²³ В Сим. послал. ²⁴ В Сим. доб. и. ²⁵ В Сим. събра. ²⁶ В Сим. умышльшу. ²⁷ В Сим. конев. ²⁸ В Сим. доб. взя. ²⁹ В Сим. Рязаньскую. ³⁰ В Сим. койже.

ПРОСТРАННАЯ ЛЕТОПИСНАЯ ПОВЕСТЬ

Пространная летописная повесть издается по Строевскому списку Новгородской IV летописи — ГПБ, собр. Погодина, № 2035, последняя четверть XV в., каллиграфический полуустав двух почерков. пространная летописная повесть на

л. 210 об.—222. Этот список был принят за основной при издании Новгородской IV летописи: ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1. Пг., 1915, с. 311—320; вып. 2. Л., 1925, с. 321—325. Ошибочные написания отдельных слов в Строевском списке (Ст) исправляются по другим спискам Новгородской IV летописи, которые были использованы при издании этой летописи: Синодальный, 1544 г. — С (ГИМ, Синод. собр., № 152); Фроловский, XV—XVI вв. — П (ГПБ, F.IV.235); Академический, первая половина XVI в. — А (БАН, 16.3.2); Голицынский, первая половина XVI в. — Г (ГПБ, Q.XVII.62); Новороссийский, последняя четверть XV в. — Н (БАН, Текущие поступления, № 1107).

¹ В Ст бобоищи. ² Так в АГНП, в Ст доб. трусно. ³ Так в АГС, в Ст половецкую. ⁴ Так в НП, в Ст ясыи. ⁵⁻⁶ Так в АГП, в Ст нет. ⁷ Так в АГНПС, в Ст доб. и. ⁸ В Ст лювницѣх. ⁹ В Ст И и (в этом месте конец одной и начало другой строки). ¹⁰ В Ст первоначальное написание подвижися переправлено на подвижеса. ¹¹ В Ст горьскаа. ¹² В Ст лстиво (слово в конце строки). ¹³ В Ст отлоченному. ¹⁴ Так в АГНП, в Ст семь. ¹⁵⁻¹⁶ Так в НП, в Ст на иже. ¹⁷ В Ст нет. ¹⁸ В Ст доб. и с погаными. ¹⁹⁻²⁰ Так в Н, в Ст на веселую. ²¹ В Ст безание. ²² В Ст аще. ²³ В Ст доб. и. ²⁴ В Ст господѣ. ²⁵ В Ст еда. ²⁶ Так в АГПС, в Ст призри. ²⁷ Так в АГ, в Ст 100 000 и 100 000. ²⁸ Так в АГНПС, в Ст полтора. ²⁹ В Ст дру. ³⁰ Так в АГН, в Ст нет. ³¹ Так в АГНПС, в Ст поостру. ³² Так в НПС, в Ст его. ³³ Так в АГ, в Ст отступившему. ³⁴ Так в АГНП, в Ст нет. ³⁵ Так в АГН, в Ст горкъ. ³⁶ Так в А, в Ст дыхание. ³⁷ В Ст граги. ³⁸ В Ст приложи. ³⁹ В Ст предложи. ⁴⁰ В Ст приложилъ. ⁴¹⁻⁴² Так в АГНПС, в Ст то аще. ⁴³ Так в АГ, в Ст половци. ⁴⁴ Так в АГ, в Ст събщатися. ⁴⁵ В Ст въздохновѣ. ⁴⁶⁻⁴⁷ Так в АГП, в Ст силици. ⁴⁸ Так в АГНПС, в Ст сердца. ⁴⁹ Так в АГНПС, в Ст с сыны. ⁵⁰ Так в АГПС, в Ст Гергия. ⁵¹ Так в АГП, в С инопленикъ. ⁵² В Ст вивше. ⁵³ Так в АГНПС, в Ст невидомою. ⁵⁴ Первоначальное написание тотарския переправлено на тотарский. ⁵⁵ В Ст Тороский. ⁵⁶⁻⁵⁷ Так в Г, в Ст Иванъ сыны Анкифовичи. ⁵⁸ Так в НП, в Ст нет. ⁵⁹ Так в АГНП, в Ст благоволение. ⁶⁰ Так в АГНПС, в Ст защител. ⁶¹ Так в АГНПС, в Ст мышцею. ⁶² Так в АГНП, в Ст от. ⁶³ Так в АГНПС, в Ст Олердович. ⁶⁴ В Ст побѣжде. ⁶⁵ Так в ГПС, в Ст Ягалом. ⁶⁶ Так в АГНП, в Ст стрепетааху. ⁶⁷ Так в АГП, в Ст ними. ⁶⁸ Так в АГНП, в Ст нет. ⁶⁹ Так в АПС, в Ст обидящих. ⁷⁰ Так в АГНПС, в Ст великаго. ⁷¹ Так в АГ, в Ст забрашася. ⁷² Так в АГНПС, в Ст сквоже. ⁷³ Так в АГНПС, в Ст змозѣ. ⁷⁴ Так в АГПС, в Ст смущеса. ⁷⁵ Так в А, в Ст уже. ⁷⁶ Так в ГН, в Ст них. ⁷⁷ Так в АГНП, в Ст испедше. ⁷⁸ Так в АГН, в Ст ними.

СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ

ОСНОВНАЯ РЕДАКЦИЯ

Текст Основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» публикуется по рукописи ГПБ О.IV.22: Сборник конволют на 90 л., полуустав, XVI в., л. 19—90. Водяные знаки рукописи дают основание датировать ее второй четвертью XVI в. Преобладающая филигрань в рукописи — перчатка с короной, как определил В. М. Загребин (которому мы, пользуясь случаем, приносим глубокую благодарность), по контуру, размерам филиграни, соотношению ее с вержерами и понтюзо, полностью совпадает с водяным знаком по указателю Брике, № 1138 (*Briguet C. M. Les filligranes. Paris, 1907*), который датируется 1528—1529 г. Текст «Сказания» по этому списку издан: Шамбинаго С. К. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906. Приложение. Тексты, с. 38—73; Повести о Куликовской битве. Изд. подготовили М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959, с. 43—76. В публикуемый в настоящем издании текст Основной редакции «Сказания» внесено 6 исправлений явных описок списка (все они оговорены под соответствующими цифровыми обозначениями) и отмечены все исправления и изменения, сделанные в самой рукописи писцами.

¹ В ркп. оскрънити, позже над словом надписана буква в. ² В ркп. первоначальное Олгордь переправлено на и Волгирдь. ³ В ркп. первоначальное Олгордь переправлено на Волгирдь. ⁴ В ркп. первоначальное Олгорда переправлено на Волгирда. ⁵ Первоначальное Олгорду переправлено на Волгорду. ⁶⁻⁷ В ркп. переправлено из первоначального своему недругу. ⁸ В ркп. сначала было написано патерикъ, на поле сделано исправление пророкъ. ⁹ В ркп. частица ли надписана над строкой. ¹⁰ В ркп. первоначальное Олгордь переправлено на Волгирдь. ¹¹ В ркп. первоначальное Олгордь переправлено на Волгирдь. ¹² В ркп. первоначальное Олгордь переправлено на Волгирдь. ¹³ В ркп. из-за переноса слова с одной строки на другую дважды написана буква «с» Ус-спение. ¹⁴ В ркп. из-за переноса слова с одной строки на другую дважды написана буква «с» множес-ство. ¹⁵ В ркп. слово поганым было написано дважды, потом одно из них зачеркнуто. ¹⁶ В ркп. первоначальное рука переправлено на рана. ¹⁷ В ркп. слово очи написано на поле со знаком вноски в текст. ¹⁸ В ркп. слово недописано высо. ¹⁹ В ркп. первоначальное Олгорду переправлено на Волгирду. ²⁰ В ркп. первоначальное Олгордь переправлено на Волгирдь. ²¹ В ркп. первоначальное Олгордь переправлено на Волгирдь. ²² В ркп. первоначальное Олгордовичи переправлено на Волгирдовичи. ²³ В ркп. первоначальное Олгордом переправлено на Волгирдом. ²⁴ В ркп. первоначальное Ольгордовичъ переправлено на Вольгирдовичъ. ²⁵ В ркп. первоначальное к переправлено на в. ²⁶ В ркп. из-за переноса слова с одной строки на другую дважды написана буква «с» ос-ставляють. ²⁷ В ркп. первоначальное Олгордовичи переправлено на Волгирдовичи. ²⁸ В ркп. иным почерком на верхнем поле, над строкой в этом месте приписано слово яко. ²⁹ В ркп. первоначальное Олгорда переправлено на Волгирда. ³⁰ В ркп. первоначальное Олгордовичи переправлено на Волгирдовичи. ³¹ В ркп. первоначальное Олгордовичи переправлено на Волгирдовичи. ³² В ркп. первый слог написан дважды момолю, потом лишний слог зачеркнут. ³³ В ркп. первоначальное милость переправлено на молитвы. ³⁴ В ркп. дважды повторен слог на из-за переноса слова из одной строки в другую на-надѣмся. ³⁵⁻³⁶ В ркп. слова и славити написаны на поле со знаком вноски в строку. ³⁷ В ркп. слово недописано въ. ³⁸ В ркп. сначала было написано часть, а потом исправлено на честь. ³⁹ В ркп. сначала было написано они, а потом исправлено на ови. ⁴⁰ В ркп. первоначальное Холопищевъ переправлено на Холопичевъ. ⁴¹ В ркп. к нет. ⁴² В ркп. первоначальное Дмитрей переправлено на Дмитрие. ⁴³ В ркп. первый слог на написан над строкой. ⁴⁴ В ркп. пятьдеся.

СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ

КИПРИАНОВСКАЯ РЕДАКЦИЯ

Текст Киприановской редакции «Сказания о Мамаевом побоище» публикуется по рукописи БАН 32.14.8: Патриарший список Никоновской летописи, полуустав, третья четверть XVI в., л. 428—446. Издание Киприановской редакции «Сказания» см.: ПСРЛ. Т. XI. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1897, с. 46—69 (фототипическое переиздание этого тома ПСРЛ — М., 1965).

¹ Испр.; в ркп. мяше. ² Испр.; в ркп. Нукулы. ³ Испр.; в ркп. убьень. ⁴ Испр.; в ркп. брате.

СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ

РАСПРОСТРАНЕННАЯ РЕДАКЦИЯ

Текст Распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» публикуется по рукописи ГПБ Q.XVII, 223: Сборник различного содержания на 365 л., скоропись конца XVII в., л. 281—336 об. Исправления ошибочных написаний

рукописи, если это особо не оговаривается в приводимых ниже примечаниях, сделаны по списку Распространенной редакции «Сказания» ГПБ, собр. Погодина, № 1414: Тверская летопись, скоропись нач. XVII в., л. 180—197. (Здесь текст «Сказания» — приложение к летописи, им заканчивается рукопись). Издание Распространенной редакции «Сказания» по списку ГПБ, собр. Погодина, № 1414 см.: Повести о Куликовской битве. Изд. подготовили М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959, с. 111—162.

I, ¹ В ркп. Батыи. ²⁻³ В ркп. иных тывает. ⁴ В ркп. нет. ⁵ В ркп. неста. ³⁻⁷ В ркп. которые род их красен довлеют видети тихо и безмятежно. ⁸ В ркп. перевезуся. ⁹⁻¹⁰ В ркп. нет. ¹¹ В ркп. велеумну. ¹² В ркп. нет. ¹³ В ркп. крупную. ¹⁴ В ркп. паче. ¹⁵ В ркп. сице. ¹⁶⁻¹⁷ В ркп. властем. ¹⁸ В ркп. Се. ¹⁹ В ркп. качая. ²⁰ В ркп. нет. ²¹ В ркп. их. ²² В ркп. хощу. ^{22a} В ркп. улееете. ²³ В ркп. нет. ²⁴ В ркп. как. ²⁵⁻²⁶ В ркп. нет. ²⁷ В ркп. вашим. ²⁸ В ркп. века. ²⁹ В ркп. нет. ³⁰⁻³¹ В ркп. злато же имам. ³² В ркп. приложися. ³³ В ркп. ти. ^{33a} В ркп. нет. ³⁴ В ркп. нет. ³⁵ В ркп. отрокш. ³⁶ В ркп. нет. ³⁷ В ркп. безначальный. ³⁸ В ркп. сотвори. ³⁹ В ркп. нет. ⁴⁰ В ркп. мыслил. ⁴¹ В ркп. нет. ⁴² В ркп. послал. ⁴³⁻⁴⁴ В ркп. в Русь и отпув. ⁴⁵ В ркп. нет. ⁴⁶⁻⁴⁷ В ркп. нет. ⁴⁸ В ркп. дажилися. ⁴⁹ В ркп. 6989. ⁵⁰ В ркп. Темский. ⁵¹ В ркп. все. ⁵² В ркп. нет. ⁵³ В ркп. доб. им. ⁵⁴⁻⁵⁵ В ркп. утерян лист. Текст дается по списку ГПБ, Погод. собр., № 1414 с привлечением данных из других списков этой редакции «Сказания». ⁵⁶ В ркп. с нами. ⁵⁷⁻⁵⁸ В ркп. ранами. ⁵⁹⁻⁶⁰ В ркп. нет. ⁶¹⁻⁶² В ркп. нет. ⁶³ В ркп. нет. ⁶⁴⁻⁶⁵ В ркп. нет. ⁶⁶ В ркп. нижними. ⁶⁷⁻⁶⁸ В ркп. за мала рать. ⁶⁹ В ркп. христианину. ⁷⁰ В ркп. мало. ⁷¹ В ркп. берегу. ⁷²⁻⁷³ В ркп. пособием. ⁷⁴ В ркп. повеле. ⁷⁵ В ркп. нет. ⁷⁶⁻⁷⁷ В ркп. нет. ⁷⁸⁻⁷⁹ В ркп. нет. ⁸⁰ В ркп. нет. ⁸¹ В ркп. полки. ⁸²⁻⁸³ В ркп. юрьевским. ⁸⁴ В ркп. Юрьевич. ⁸⁵ В ркп. Серкозович. ⁸⁶ В ркп. Мелина. ⁸⁷ В ркп. им. ⁸⁸ В ркп. нет. ⁸⁹ В ркп. уруком. ⁹⁰ В ркп. от. ⁹¹ В ркп. гуча. ⁹²⁻⁹³ В ркп. привод им. ⁹⁴ В ркп. доб. ми. ⁹⁵ В ркп. повторено есть. ⁹⁶⁻⁹⁷ В ркп. нет. ⁹⁸ В ркп. с. ⁹⁹ В ркп. пу. ¹⁰⁰ Так в Осн. ред., в ркп. тайны.

II, ¹ Так в Лет. ред., в ркп. Сергия. ² В ркп. Петр. ³⁻⁴ В ркп. нет. ⁵⁻⁶ В ркп. нет. ⁷ Так в Осн. ред., в ркп. ст. ⁸ В ркп. укаряют. ⁹ В ркп. нет. ¹⁰ В ркп. отверзающе. ¹¹⁻¹² В ркп. нет. ¹³ В ркп. доб. князь. ¹⁴ В ркп. доб. именем. ¹⁵⁻¹⁶ В ркп. волонец. ¹⁷ В ркп. ини. ¹⁸⁻¹⁹ В ркп. нет. ²⁰ В ркп. муже. ²¹ В ркп. творя. ²² В ркп. проиде. ²³ В ркп. нет. ²⁴ В ркп. пивше. ²⁵⁻²⁶ В ркп. своих обоих. ²⁷ В ркп. князь. ²⁸ В ркп. нет. ²⁹⁻³⁰ В ркп. нет. ³¹ В ркп. про себя. ³² В ркп. И. ³³ В ркп. рече. ³⁴ В ркп. им. ³⁵⁻³⁶ В ркп. якоже да. ³⁷ В ркп. животворному. ³⁸ В ркп. презыватися. ³⁹ В ркп. возвед. ⁴⁰⁻⁴¹ В ркп. нет. ⁴²⁻⁴³ В ркп. ним. ⁴⁴ В ркп. моги. ⁴⁵ В ркп. победы. ⁴⁶ В ркп. доб. князь. ⁴⁷ В ркп. середовым. ⁴⁸⁻⁴⁹ В ркп. отводит. ⁵⁰ В ркп. Севолож. ⁵¹ В ркп. преданники. ⁵² В ркп. обаполым. ⁵³ В ркп. всем. ⁵⁴ В ркп. мнением. ⁵⁵ В ркп. Мечю. ⁵⁶⁻⁵⁷ В ркп. столь множество падоша трупия. ⁵⁸ В ркп. езера. ⁵⁹⁻⁶⁰ В ркп. совершишася. ⁶¹ В ркп. нет. ⁶² В ркп. оба. ⁶³ В ркп. о. ⁶⁴ В ркп. его. ⁶⁵⁻⁶⁶ В ркп. облак христианских. ⁶⁷ Так в Лет. ред. «Сказания», в ркп. задела. ⁶⁸ Так в Лет. ред. «Сказания», в ркп. начанаем. ⁶⁹ В ркп. нет. ⁷⁰⁻⁷¹ В ркп. нет. ⁷² В ркп. нет. ⁷³ В ркп. з запада. ⁷⁴ В ркп. Волонец. ^{74a} В ркп. земныя. ⁷⁵ В ркп. доб. и с. ⁷⁶ В ркп. всед. ⁷⁷ В ркп. Он. ⁷⁸ В ркп. тем. ⁷⁹ В ркп. по. ⁸⁰ В ркп. коня. ⁸¹ В ркп. Брянского. ⁸² В ркп. Брянской. ⁸³ В ркп. от. ⁸⁴ В ркп. нет. ⁸⁵ В ркп. Кофа. ⁸⁶ В ркп. поставивше во.

СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ

ОСНОВНАЯ РЕДАКЦИЯ, ПЕЧАТНЫЙ ВАРИАНТ

Текст издается по рукописи ГПБ XVIII в. F.IV.228 (л. 1—20). Разночтения и исправления приводятся по рукописям ГПБ: ОЛДП, F.50 XVIII в., л. 184—225 об.; О XV 70 XIX в.; собр. Погодина, № 1626 нач. XIX в., 63 л.

¹ В ркп. ослабу. Испр. по Погод. 1626. ^{1а} В ркп. всеветлый. Испр. по F.50, Q.XV.70, Погод. 1626. ² В ркп. подружу. Испр. по Погод. 1626, Q.XV.70. ³ На полях ркп. доб. вкуче. ⁴ На полях ркп. доб. и виде. ^{4а-4б} На полях ркп. доб. не исправлен пред ним. ⁵ На полях ркп. доб. грехов. ^{5а} На полях ркп. доб. примирити. ⁶ В ркп. не скончается. Испр. по F.50. ⁷ В ркп. Быстыя. Испр. по Погод. 1626, Q.XV.70. ⁸⁻⁹ В ркп. карсоломской сандомской. Испр. по F.50, Q.XV.70. ^{9а} В ркп. Ролен. Испр. по F.50, Q.XV.70, Погод. 1626. ¹⁰ На полях ркп. доб. неделный. ¹¹ В ркп. суху. Испр. по F.50, Q.XV.70. ¹² На полях ркп. доб. даждь. ¹³ В ркп. нетленных. Испр. по Q.XV.70. ^{13а} На полях ркп. доб. да не. ¹⁴ В ркп. насвещнице. Испр. по Q.XV.70, F.50, Погод. 1626. ¹⁵ На полях ркп. доб. кийждо. ¹⁶ В ркп. провождаху. Испр. по F.50. ¹⁷ На полях ркп. доб. востока. ¹⁸ В ркп. нет. Доб. по Q.XV.70. ^{18а} На полях ркп. доб. шипши. ¹⁹ На полях ркп. доб. во здравии. ²⁰ На полях ркп. доб. купцов. ²¹ На полях ркп. доб. купца. ²² На полях ркп. доб. медовые или с медом. ²³ В ркп. диво. Испр. по Погод. 1626. ²⁴ В ркп. нет. Доб. по Q.XV.70. ²⁵ В ркп. Кверке. Испр. по Q.XV.70. ²⁶ В ркп. на вочаны. Испр. по Погод. 1626. ²⁷ На полях ркп. доб. каждому. ²⁸ На полях ркп. доб. не приткнется. ²⁹ На полях ркп. доб. кийждо. ³⁰ На полях ркп. доб. разслабися. ³¹ На полях ркп. доб. гневатися. ³² На полях ркп. доб. поведасте. ³³ На полях ркп. доб. погубил. ³⁴ В ркп. имеют. Испр. по Погод. 1626, Q.XV.70. ³⁵ На полях ркп. доб. сердчати. ³⁶⁻³⁷ В ркп. нет. Доб. по Погод. 1626, Q.XV.70. ³⁸⁻³⁹ В ркп. нет. Доб. по Погод. 1626, Q.XV.70. ⁴⁰ В ркп. них. Испр. по F.50, Погод. 1626, Q.XV.70. ⁴¹ В ркп. нет. Доб. по Погод. 1626, Q.XV.70. ⁴²⁻⁴³ В ркп. нет. Доб. по Погод. 1626. ⁴⁴ В ркп. князи. Испр. по Погод. 1626, Q.XV.70. ⁴⁵ В ркп. берегу. Испр. по Погод. 1626, F.50. ^{45а} В ркп. Ивановича. Испр. по F.50, Погод. 1626, Q.XV.70. ⁴⁶ В ркп. им. Испр. по Погод. 1626, Q.XV.70, F.50. ⁴⁷ На полях ркп. доб. поможет. ⁴⁸ В ркп. противных. Испр. по Погод. 1626. ⁴⁹ На полях ркп. доб. коркают. ⁵⁰ На полях ркп. доб. прилетеша, слетешася. ⁵¹ В ркп. погибель и. Испр. по Q.XV.70. ⁵² В ркп. одолеют. Испр. по Q.XV.70, Погод. 1626. ⁵³ На полях ркп. доб. бо. ⁵⁴⁻⁵⁵ В ркп. примите ту свойску. Испр. по Q.XV.70. ⁵⁶⁻⁵⁷ В ркп. слышите, братие. Испр. по Погод. 1626, F.50. ⁵⁸⁻⁵⁹ В ркп. огненные зари снимахуся. Испр. по F.50. ⁶⁰ В ркп. от человек. Испр. по Погод. 1626, Q.XV.70. ⁶¹⁻⁶² На полях ркп. доб. неделному. ⁶³⁻⁶⁴ В ркп. нет. Доб. по Q.XV.70. ⁶⁵ В ркп. перебегающася. Испр. по F.50. ⁶⁶ В ркп. вычный. Испр. по F.50, Погод. 1626, Q.XV.70. ⁶⁷ В ркп. Брянска. Испр. по Погод. 1626. ⁶⁸ На полях ркп. доб. како. ⁶⁹⁻⁷⁰ На полях ркп. доб. за словеса ваша. ⁷¹ В ркп. предут. Испр. по Погод. 1626. ⁷² На полях ркп. доб. изыде. ⁷³ В ркп. опако. Испр. по Q.XV.70. ⁷⁴ На полях ркп. доб. кийждо. ⁷⁵ В ркп. стрегнуша. Испр. по Q.XV.70, Погод. 1626. ⁷⁶ В ркп. рывающася. Испр. по Погод. 1626. ⁷⁷ В ркп. от него. Испр. по Q.XV.70, Погод. 1626. ⁷⁸ В ркп. и. Испр. по Q.XV.70, Погод. 1626. ⁷⁹ На полях ркп. доб. нападаша. ⁸⁰⁻⁸¹ В ркп. нет. Доб. по Погод. 1626. ⁸² На полях ркп. доб. свежия, непритомленные. ⁸³ В ркп. ошибочно Андрей. ⁸⁴ На полях ркп. доб. скоро. ⁸⁵ На полях ркп. доб. постигох. ⁸⁶ На полях ркп. доб. наложиша. ⁸⁷ В ркп. трубу. Испр. по Погод. 1626, Q.XV.70. ⁸⁸ На полях ркп. доб. разсеявшася. ⁸⁹ В ркп. Бренска. Испр. по Q.XV.70, Погод. 1626. ⁹⁰ В ркп. разумел. Испр. по Q.XV.70, Погод. 1626. ⁹¹ На полях ркп. доб. агарянский или татарский. ⁹² На полях ркп. доб. буду. ⁹³ На полях ркп. доб. погребсти. ⁹⁴⁻⁹⁵ На полях ркп. доб. в дома своя.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОММЕНТАРИЙ

Комментируемое слово или отрывок текста отмечаются звездочкой. Статьи комментариев соотносятся с древнерусскими текстами произведений, но звездочка ставится и в соответствующих местах переводов. Слова и понятия, встречающиеся в разных произведениях, комментируются только один раз, при первом их упоминании. Однако и в последующих произведениях звездочки при этих словах также ставятся.

ЗАДОНЩИНА

Стр. 7. *Дмитрий Иванович Донской* (12 октября 1350—19 мая 1389) — великий князь московский с 1359 г., с 1362 г. — и великий князь владимирский, сын Ивана Ивановича Красного, внук Ивана Даниловича Калиты. В 1367 г. вступил в брак с Евдокией, дочерью суздальского князя Дмитрия Константиновича. В 1367 г. при нем был построен каменный кремль в Москве. В 1368 и 1370 гг. отразил нападение на Москву литовского князя Ольгерда. В 1375 г. возглавил поход союзных князей на Тверь, в результате которого тверской князь должен был признать старшинство московского великого князя и обязался совместно с ним выступать против Золотой Орды. В 1378 г. в битве на реке Воже Дмитрий Иванович нанес поражение ордынским отрядам, которые под руководством золотоордынского воеводы Бегича пошли на Русь. В 1380 г. — Куликовская битва — первое сокрушительное поражение золотоордынского войска: после Куликовской битвы Дмитрий Иванович и получил прозвище «Донской». В 1382 г. на Москву «изгоном» совершил набег хан Тохтамыш. Из-за огромных потерь на Куликовом поле и внезапности нападения Тохтамыша великий князь московский не смог организовать обороны города и ушел на север собирать войско. И все же Тохтамышу только обманом удалось захватить Москву. Время княжения Дмитрия Донского ознаменовалось усилением роли Москвы как центра, объединяющего вокруг себя княжества Северо-Восточной Руси и возглавляющего борьбу с Ордой. Дмитрий Иванович передал по завещанию Великое княжение Владимирское и Московское старшему сыну Василию без санкций Золотой Орды как «свою отчину». Похоронен в Архангельском соборе Московского кремля. Подробную сводку летописно-документальных биографических сведений о Дмитрии Донском см.: *Экземплярский В. А.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г., т. 1. СПб., 1889, с. 93—124.

Владимир Андреевич (1353—1410) — двоюродный брат Дмитрия Донского, князь серпуховской и боровский. Ему принадлежала по наследству «треть» Москвы, т. е. часть города и третья часть доходов от московских пошлин. Впервые участвовал в военном походе с Дмитрием на Переяславль против Дмитрия Константиновича суздальского, когда великому князю московскому было 12 лет, а ему 9. В 1371 г. женился на дочери великого князя литовского Ольгерда Елене. Владимир Андреевич принимал самое активное участие в большинстве военных мероприятий и походов Дмитрия Донского. Сыграл большую роль, командуя засадным полком, в Куликовской битве. Во время нашествия на Москву Тохтамыша в 1382 г. силы

Владимира Андреевича разбили отряд Тохтамыша под Волоколамском, после чего войска Тохтамыша ушли из пределов русских земель. В 1408 г. Владимир Андреевич возглавлял оборону Москвы во время нашествия Едигея. Владимир Андреевич носил прозвище «Храбрый», иногда древнерусские источники называют его и «Донским». Подробную сводку летописно-документальных биографических сведений о Владимире Андреевиче Серпуховском см.: *Экземплярский В. А. Великие и удельные князья Северной Руси...*, т. 2. СПб., 1891, с. 293—305.

Мамай — при хане Бирдибеке (1357—1359) занимал самую высшую военно-административную должность в Золотой Орде — был беклярибеком (беклярибеку подчинялся верховный суд, он ведал внешней политикой государства, был высшим военачальником). Был женат на дочери Бирдибека. После смерти Бирдибека в истории Золотой Орды наступил период «замятни» — разгорелась междоусобная борьба за ханский престол. Мамай не мог стать ханом, так как не был чингисидом — прямым потомком Чингисхана, но уже при хане Бирдибеке он стал основной политической фигурой в Орде и по существу ханы являлись его марионетками. В 60-е гг. XIV в. «Золотая Орда раскололась на две враждующие части, границей между когорыми стала Волга. Районы между Волгой и Доном, Северный Кавказ, Причерноморские степи и Крым находились под властью Мамаю и его марионетки» (*Егоров*, с. 190—191). В 70-е гг. Мамаю удалось «объединить под своей властью всю территорию Золотой Орды западнее Волги вплоть до Днепра» (там же, с. 196). В борьбе за верховную власть во всей Золотой Орде Мамай несколько раз захватывал Сарай ал-Джедид (Новый Сарай) — столицу Золотой Орды того времени, находившуюся на левом берегу Волги. Как считает В. Л. Егоров, «не исключено, что с 1380 г. Мамай начал править от своего имени, не прикрываясь больше подвластными ханами» (там же, с. 208). Потерпев поражение на Куликовом поле, Мамай бежал в свою Орду и собирался вновь выступить против великого князя московского, но завладевший к этому времени левобережьем Волги хан Тохтамыш выступил против Мамаю и разбил его. Мамай бежал в Крым, в Кафу (современная Феодосия), и был там убит (в 1380 г.).

Микула Васильевич — Николай Васильевич Вельяминов, сын последнего московского тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова, коломенский воевода, свояк великого князя московского Дмитрия Ивановича (его жена Марья Дмитриевна — сестра жены Дмитрия Донского). В «Сказании о Мамаевом побоище» говорится, что он с коломенскими силами во время сражения находился в передовом полку. Погиб в Куликовской битве. Он назван четвертым среди убитых на Куликовом поле в пергаменном Синодике. Подробные сведения о роде Вельяминовых см.: *Веселовский*, с. 211—229. Тысяцкий — военачальник, возглавлявший городское ополчение (тысячу). В Москве тысяцкий назначался князем из числа знатных бояр. В XIV в. должность тысяцкого стала наследственной, закрепившись за семьей Вельяминовых. После смерти Вас. Вас. Вельяминова в 1374 г. должность тысяцкого была упразднена.

... в *Зальскую землю*. — В Киевской Руси Залесской землей назывались владения Владимиро-Суздальского княжества, так как по отношению к Киеву они находились за «великим лесом», занимавшим страну вятичей и тянувшимся от Брянска к Воронежу. Позже так стало именоваться и княжество Московское.

... в *полунощную страну — жребия Афетова*. — В библейской книге «Бытие» рассказывается, что во время всемирного потопа бог спас за праведную жизнь Ноя с семьей. После потопа земля была разделена между сыновьями Ноя Симом, Хамом и Иафетом (Афетом). С легенды о разделении земли между тремя сыновьями Ноя начинается «Повесть временных лет»: «По потопа три сынове Ноеви разделиша землю... И яся вѣсток Симви... Хамови же яся полуденьная страна... Афету же яшася полунощныя страны и западныя... Сим же и Хам и Афет, разделивше землю, жребьи метавше, не преступати никому же вѣ жребий братень, и живяхо кождо вѣ своей части» (Повесть временных лет, ч. 1. Текст и перевод. Подгот. текста Д. С. Лихачева. М.—Л., 1950, с. 9—10). В число «полунощных стран и западных», доставшихся по жребию Иафету, входила Русь, поэтому народы, населявшие ее, считались согласно библейской генеалогии потомками Иафета.

...на восточную страну — жребий Симова... — См. предыдущий комментарий. Симу по жребию достались восточные земли, поэтому восточные народы — потомки Сима.

Хиновя. — Слово это встречается только в «Слове о полку Игореве» и в «Задонщине» и значение его недостаточно ясно. Вероятнее всего — обобщенное наименование восточных народов, кочевников.

...поганые татаровя, бусурмановя. — В Древней Руси словом «поганые» обозначались народы неправославного вероисповедания, и современной оценочно-эмоциональной окраски это слово тогда не имело. Басурман (бусурман, бесурменин) — «нехристь», «мусульманин». Татарами в Древней Руси называли население Золотой Орды. В современной науке принят термин «монголо-татары». Приводим характеристику этнических наименований «татары» и «монголо-татары» из последней работы по этой теме: «Монголо-татары — это искусственное этническое наименование, появившееся в трудах историков спустя столетия после исчезновения средневековых монгольских государств. Словосочетание это механически соединило два названия одного и того же народа. Первая часть — монголы — хорошо известна по ряду древних источников, из которых следует, что этноним „монголы“ применялся как самоназвание ряда центральноазиатских племен, объединенных Чингисханом в единое государство. Вторая часть — татары — представляет собой название тех же самых монголов, утвердившееся в XIII в. в Китае и довольно быстро распространившееся за его пределами. Проникновению именно этого названия в Европу и его повсеместному распространению скорее всего способствовали хорошо налаженные в средневековье торговые связи с Востоком. Видимо, купцы и были первыми информаторами европейского населения о появлении на исторической арене новой грозной опасности — „татар“. Русские летописные источники по отношению к населению Золотой Орды всегда употребляли только одно обозначение — татары. В западноевропейских источниках также фигурирует исключительно это же название, хотя Рубрук особо пояснял, что сами основатели Улуса Джучи предпочитали, чтобы их называли монголами. Появление же формы „монголо-татары“ относится уже ко времени начала научного изучения и осмысления истории государственных образований, связанных с Чингисидами. Попытки ликвидировать кажущееся несоответствие между хорошо известным названием „монголы“, „Монголия“ и постоянно встречающимися в средневековых источниках „татары“, „Татария“ и привели к появлению странного по своему содержанию, но внешне примиряющего историко-географические традиции средневековья и новейшего времени словообразования „монголо-татары“» (Егоров, с. 177, примеч. 7).

...на реку на Каяль... — Каяла — река, на которой князь Игорь, герой «Слова о полку Игореве», потерпел поражение в битве с половцами в 1185 г. Какая это река, до сих пор не выяснено. Кроме «Слова» название реки Каялы встречается еще только в летописной «Повести о походе Игоря» и в «Задонщине». Этимологию слова «Каяла» толкуют по-разному. Согласно одной из гипотез это слово следует возводить к глаголу «каяти» — жалеть, оплакивать. Таким образом значение этого названия не географическое, а символическое, т. е. Каяла — река плача, река скорби.

...а от Калатских рати... — Имеется в виду Калкская битва — первое столкновение русских с монголо-татарами в 1223 г. на небольшой степной реке Калке (ныне Кальчик), впадающей в Сурожское (Азовское) море. Русские силы потерпели в этой битве сокрушительное поражение. Калкская битва предшествовала монголо-татарскому нашествию, которое началось в 1237 г. Все древнерусские источники начинают отсчитывать время монголо-татарского владычества на Руси со времени злополучного сражения на Калке.

...а внуки святого великого князя Владимира Киевского. — Т. е. потомки великого князя киевского Владимира I Святославича (ум. в 1015 г.), при котором на Руси было принято христианство (в 988 г.). Поэтому Владимир I Святославич считался святителем Руси, и все русские князья, ведущие свой род от Владимира I, подчеркивали, что они его потомки и наследники.

... *Бояна, горазна гудца...* — Боян — имя певца, который создавал свои поэтические произведения до автора «Слова о полку Игореве». Имя это встречается только в «Слове о полку Игореве» и «Задонщине». В «Слове о полку Игореве» перечисляются князья, которым Боян пел свои «славы»; из этого перечня видно, что он жил во второй половине XI—начале XII в. Автор «Задонщины», вероятно всего, знает о Бояне только из «Слова о полку Игореве». Судя по тексту «Слова», Боян сопровождал пение своих «слав» игрой на гуслиях. Автор «Задонщины» называет его «гудцом», т. е. играющим на «гудке»; гудок — музыкальный инструмент типа скрипки с тремя струнами. «Гудец» могло означать и вообще «музыкант».

Стр. 8. *Игорь Рюрикович* — князь, княживший в Киеве с 912 по 945 г. (был убит древлянами), фактический родоначальник династии Рюриковичей. Был женат на Ольге. Дед Владимира I Святославича.

Ярослав Владимирович — Ярослав Мудрый (ок. 978—1054), великий князь киевский, сын Владимира I Святославича. После длительной борьбы с братьями Ярослав объединил под своей властью почти все древнерусские земли. Время его княжения ознаменовалось политическим укреплением Киевской Руси, высоким развитием культуры, поэтому он и был прозван «Мудрым». Автор «Слова о полку Игореве» перечисляет князей, при которых Боян жил и которым пел песни-славы (с 20-х по 80-е гг. XI в.). Автор «Задонщины» называет наиболее знаменитые имена киевских князей (с начала X по середину XI в.) — Игоря, Владимира, Ярослава.

Аз же помяну резанца Софония... — См. статью Р. П. Дмитриевой «Об авторе Задонщины» (с. 360—368 наст. изд.).

А от Калатские рати до Мамаева побоища 160 лѣт. — От Калкской битвы (1223 г.) до Мамаева побоища (1380 г.) прошло не 160, а 157 лет. Академик М. Н. Тихомиров высказал предположение, что эта ошибка в исчислении лет объясняется тем, что «Задонщина» была написана в 1383 г. (автор, высчитывая годы, ошибочно просчитал их до того времени, когда он писал свое произведение), см.: Тихомиров М. Н. Древняя Москва. М., 1947, с. 203.

... *в польь Половецкое!* — Как в летописях, так и в древнерусских литературных памятниках земли, занимаемые монголо-татарами, по аналогии с более древним периодом истории Руси, назывались Половецким полем, а монголо-татары — половцами.

Коломна — город в 100 км на юго-восток от Москвы, в месте впадения в Москву-реку реки Коломенки. Опорный пункт в борьбе Москвы с ордынцами. К Москве Коломна была присоединена в 1301 г. (до этого входила в Рязанское княжество). По Оке, южнее Коломны, проходила граница между Московским и Рязанским княжествами.

Серпугов (Серпухов) — укрепленный опорный пункт южной окраины Московского княжества. Расположен на реке Оке, западнее Коломны. Иван Калита отдал Серпухов в удел своему младшему сыну Андрею, отцу Владимира Андреевича. В 1374 г. Владимир Андреевич заложил в Серпухове дубовую крепость — «град Серпухов дубов».

Звонять колоколы вѣчныя в Вѣликом Новгородѣ, стоят мужи новгородцкие у святыя Софии... — Святая София (1045—1050 гг.) — патрональный храм Новгорода Великого. Около Софийского собора в новгородском кремле собиралось новгородское вече. Второе место сбора веча находилось на противоположном берегу реки Волхова — на Торговой площади.

... *выехали посадники из Великого Новагорода...* — Посадники — правители Новгорода, избиравшиеся на вече из представителей наиболее богатых и знатных семей. О приходе новгородцев на Куликово поле рассказывается и в некоторых редакциях «Сказания о Мамаевом побоище» (в Распространенной редакции «Сказания» — см. с. 86—89 — имеется большой рассказ о помощи новгородцев Дмитрию Донскому). Новгородские летописи об участии новгородцев в Куликовской битве ничего не сообщают, но в Синодике 1552—1560 гг. церкви Бориса и Глеба в Новгороде имеется такая запись: «... и в полону скончавшихся братии нашей

и в поганском языке, и на Дону избенных братии нашей при велицем князе Дмитрие Ивановичи...» (см.: *Шляпкин И. А.* Синодик 1552—1560 г. Новгородской Борисоглебской церкви. — В кн.: Сборник Новгородского общества любителей древности, вып. 5. Новгород, 1911, с. 7).

...а с ними 7000 войска... — Цифровые обозначения участвовавших в Куликовской битве войск как в «Задонщине», так и в других памятниках Куликовского цикла носят гиперболизированный характер.

...на реки на Мечи, между Чуровым и Михайловым... — Меча — правый приток Дона, южнее Куликова поля. В «Книге Большому чертежу» (географическом описании русских земель XVII в.) называется Быстрой Мечей, современное название — Красивая Меча. Чурово и Михайлово — названия каких-то урочищ.

...и земли Литовской дву братом Олгордовичем, Андрью и брату его Дмитрию... — На стороне Дмитрия Ивановича в битве на Куликовом поле участвовали сыновья великого князя литовского Ольгерда, братья союзника Мамая, литовского князя Ягайла, Андрей и Дмитрий. Оба этих князя находились на службе у великого князя московского. Андрей Ольгердович, старший сын Ольгерда, с начала 40-х гг. XIV в. был князем в Полоцке как подручник отца, но когда, после смерти в 1377 г. Ольгерда, великокняжеский престол занял Ягайло, Андрей лишился Полоцкого княжения, бежал в Псков и был посажен на княжение там. На Куликово поле он пришел с псковскими отрядами. Погиб в 1399 г. в битве на реке Ворскле, во время похода великого князя литовского Витовта против Темиркутлуя. Дмитрий Ольгердович, второй сын Ольгерда, еще при жизни отца владел Брянском и Трубчевском. В 1379 г. сдал Трубчевск Дмитрию Донскому, и московский князь дал ему во владение Переяславль-Залесский. Так же, как и брат, погиб в битве на Ворскле в 1399 г.

Дмитрий Волынский — Дмитрий Михайлович Боброк Волынский — сын литовского князя на Волыни Кориата-Михаила Гедиминовича. Выехав из Литвы, он был сначала тысяцким у нижегородского князя, а затем перешел на службу к Дмитрию Донскому, у которого был воеводой. Был женат на сестре Дмитрия Донского Анне. Талантливый полководец. Принимал участие во всех походах Дмитрия Донского. Во время Куликовской битвы вместе с Владимиром Андреевичем руководил действиями засадного полка. (См. также: *Веселовский*, с. 285—286).

Стр. 9. ...сынове Олгордовы, а внуки есмь Едимантовы, а правнуки есмь Сколомендовы. — Ольгерд (Альгирдас) — великий князь литовский (1345—1377). См. о нем в статье В. Т. Пашуто «Историческое значение Куликовской битвы», с. 273—277 наст. изд. Русский летописец, сообщая о смерти Ольгерда, посвятил ему специальную некрологическую статью: «В лето 6835 (1377) умре князь великий Олгерд Гедиминович Литовский, зловерный, безбожный, нечестивый, и седе по нем сын его менший именем Ягайло на княжении на великом, обладаа всею землею Литовскою... Во всеи же братии своей Олгерд превзыде властью и саном, понеже пива и меду не пиаше, ни вина, ни кваса кисла, и великоумство и воздержание себе приобрете, крепку думу от сего и мног промысл притяжав и таковым коварством многы страны и земли повоева и многы грады и княжения поимал за себе и удержа себе власть велику, тем и умножися княжение его, яко же ни един же от брата его створи, но ни отец его, ни дед его тако прослыл» (Рогожский летописец. — ПСРЛ, т. XV. Изд. 2-е, вып. 1. Пг., 1922, стб. 117). *Едимант* — Гедимин (Гедиминас), великий князь литовский с 1316, в 1341 г. убит при осаде немецкой крепости Баербург. Его политику по расширению владений Великого княжества Литовского, борьбе с немецкими рыцарями и захвату западнорусских земель продолжил сын Ольгерд. *Сколоменд* — кто имеется в виду под этим именем, не ясно, может быть, князь литовский Скирмонт (ум. в 70-х гг. XIII в.), но он не был предком Гедимина.

...испием шелоном воды... — Традиционный древнерусский образ захвата неприятельской земли: зачерпнуть шлемом и испить воды из реки, протекающей по вражеской территории, — значит покорить врага.

Силица — короткое метательное копьё, дротик.

... *боеданы бусорманские*. — Байдана — доспех типа рубахи из металлических колец длиной до колен с короткими (до локтей) рукавами.

Черленые (червленые) щиты — щиты, окрашенные черленью, яркой розово-красной краской, которая делалась из особого насекомого — червеца.

Непрядва — западный приток Дона, ограничивает с севера Куликово поле. Куликово поле находится в верховьях Дона, в пределах современного Куркинского района Тульской области.

Руская земля, то первое еси как за царем за Соломоном побывала. — Эта фраза, вероятнее всего, связана с такой фразой «Слова о полку Игореве»: «О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси!» («О Русская земля! Ты уже за холмом»; шоломя — гора, холм). Автор «Задонщины» не мог не знать слова «шоломя»; таким образом, либо он располагал текстом «Слова», где было иное написание этого слова, не понятое им, либо он по-своему переосмыслил этот отрывок «Слова о полку Игореве». *Соломон* — создатель храма в Иерусалиме. Соломон является олицетворением мудрости, с его именем связано много легендарных преданий, как библейских, так и апокрифических, в том числе широко бытовавших и в древнерусской письменности.

Кречет — хищная птица из семейства соколиных, более крупная, чем соколы, светлой (белой) или темной (серовато-бурой) окраски.

... *рвахуся от златых колодиць ... обриваху шевковыя опутины*... — *Колодка* — приспособление для соколиной охоты. Вл. Даль в своем «Толковом словаре живого великорусского языка» дает такое описание этого приспособления: «Брусок с двумя стойками и насестью, на которой держат ловчую птицу, привязывая ее должиком». *Должик* — ременные путы (опутины). Поэтизируя этот образ, автор «Задонщины» называет колодки золотыми, а путы — шелковыми.

... *звонечи злачеными колокольи*... — На ловчую птицу надевались колокольчики. В «Уряднике сокольникового пути» XVII в. (документе, регламентирующем церемониал царской соколиной охоты) в разделе об урядении соколов сказано: «И начальные емлют с стола наряд: 1-й Парфеней, возьмет клобучек, по бархату червчетому шит серебром, с совкою нарядною; 2-й, Михей, возьмет колокольцы серебряные позолочены; 3-й, Левонтей, возьмет обнасцы и должик тканые з золотом волоченым...», см.: «Изборник». (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969, с. 571.

Стр. 10. ... *а Борисъ и Гльбъ молитву воздают за сродники своя*. — Борис и Глеб, сыновья Владимира I Святославича, после смерти отца (1015 г.) были убиты по приказу своего брата Святополка (он получил в Древней Руси прозвище Окаянного), который захватил великокняжеский стол в Киеве и стал уничтожать возможных соперников. Против Святополка боролся Ярослав Владимирович, который в битве на реке Альте в 1019 г. окончательно разбил Святополка и сел на великокняжеский стол в Киеве. При Ярославе его братья Борис и Глеб были канонизированы — признаны святыми. Это были первые русские святые, считавшиеся покровителями Русской земли и русских князей. Русские князья, потомки Владимира I Святославича, всегда особо подчеркивали свое родство с ним и святыми Борисом и Глебом.

... *и крѣпцы бысть князи бѣлозѣрстии Федор Семеновичъ, да Семен Михайловичъ*... — В Куликовской битве участвовали белозерские князья Федор Романович и его сын Иван, оба погибли. Имя Семена Михайловича названо среди убитых на Куликовом поле и в «Сказании о Мамаевом побоище», и в летописных повестях. Названы белозерские князья Федор, сын его Иван и Семен Михайлович в перечне убитых на Куликовом поле и в пергаменном Синодике. Федор и Иван названы в Синодике первыми: «Князю Федору Белозерскому и сыну его Ивану, убиенным от безбожного Мамаю, вечная память».

... *Тимофей Волуевичъ*... — Воевода, сын боярина Василия Акатьевича. Имя Тимофея Волуевича названо среди убитых на Куликовом поле в упомянутом выше Синодике XIV—XV вв.: в тексте записано «Тимофею Васильевичу», а на полях сделано примечание — «Валуевичу». В пространной летописной повести про него сказано: «Тимофей Васильевич Акатьевич, наречаеми Волуй». Второе отчество

«Акатьевич» — от имени деда Тимофея — Акатий. Акатий был родоначальником боярского рода, получившего впоследствии фамилию Валуевых. (См. также: *Веселовский*, с. 230—231, 235, 474).

... *Андрѣй Серкизовичь*... — Андрей Иванович Серкизов, сын ордынского царевича Серкиза (Черкиза). Серкиз выехал на Москву к великому князю Дмитрию Ивановичу в 70-х гг. XIV в., крестился, получив при крещении имя Ивана. От него пошел род бояр Старковых. Андрей Иванович Серкизов назван среди убитых на Куликовом поле в пергаменном Синодике. (См. также: *Веселовский*, с. 57, 397—398, 408).

... *Михайло Ивановичь*... — Воевода, сын боярина Ивана Акинфевича, назван в числе убитых на Куликовом поле в пергаменном Синодике. (См. также: *Веселовский*, с. 54, 496, 498).

Кинжалы фряские — кинжалы фряжские, т. е. итальянские: фрягами в Древней Руси называли итальянцев и вообще иностранцев.

Хоругвь — знамя, стяг. В данном контексте имеет и прямое значение — войсковое знамя, и переносное — отряд, войсковая единица.

Копия харалужныя — в «Слове о полку Игореве» харалужными названы мечи. «Харалужные» — вероятно, булатные (это слово встречается только в «Слове о полку Игореве» и в «Задонщине»). В. Ф. Ржига предполагает, что «харалужный» произошло от узбекского слова «хараблик» — гибель, разрушение, т. е. мечи гибельные, несущие гибель (см.: *Ржига В. Ф.* Восток в «Слове о полку Игореве». — В кн.: «Слово о полку Игореве». Сборник статей. Гослитмузей. М., 1947, с. 169—189).

Кликнуло Диво... — В «Слове о полку Игореве» — Див. Что означает это слово и в «Слове о полку Игореве» и в «Задонщине», неясно, и толкование его значения носит предположительный характер. Большинство исследователей считают, что Див — какое-то мифическое существо. Обзор существующих по этому вопросу точек зрения см. в кн.: *Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»*. Вып. 2. Д—Кошье. Л., 1967, с. 29—31.

... *к Жельзным Вратам*... — Топоним «Железные Ворота» обозначал название нескольких географических пунктов. Здесь, вероятнее всего, имеется в виду Дербент (в настоящее время город в Дагестанской АССР), носивший в древности название «Железные Ворота» (Темир-Капы), так как это была крепость, закрывавшая узкий проход между западным берегом Каспийского моря и Кавказскими горами. Следует отметить, что уже в XV в. Дербент находился в упадке. Железными Воротами называлась также (это название сохранилось до наших дней) теснина в среднем течении Дуная.

... *и къ Караначи*... — Вероятно, имеется в виду город Орнач, который упоминается и в летописях. Но единого мнения о том, что это за город, нет. Н. М. Карамзин считал, что этот город находился в устье Дона. Но, может быть, так назывался в древнерусских летописях Ургенч — столица Хорезма, уничтоженная в 1388 г. Тимуром. Г. Н. Моисеева обратила внимание на то, что венецианский космограф Фра-Мауро, посетивший Нижнее Поволжье в начале XV в., на своей карте обозначил город Орнач и рядом с названием этого города (в итальянской транскрипции «Organsa») «нарисовал надгробие и приписал: „Sepulcrum real“ — „в действительности могилы“. Следовательно, город Орнач в конце XIV в. перестал существовать» (*Моисеева Г. Н.* К вопросу о датировке Задонщины. — ТОДРЛ, т. XXXIV. Л., 1979, с. 225). На основании упоминания Орнача в «Задонщине» Г. Н. Моисеева приходит к заключению, что это произведение было написано еще во время существования Орнача, т. е. до конца XIV в.

Кафа. — Во второй половине XIII в. генуэзцы основали в Феодосии (городе на берегу Черного моря, существовавшем с середины VI в. до н. э.), которая находилась под властью монголо-татар, торговую факторию Кафу. Кафа в XIV—XV вв. стала важнейшим центром торговли между Западом и Востоком.

... *и к Торнаву*... — Тырново, город на реке Янтре (в настоящее время город Велико-Тырново в Болгарии), с XII в. столица Второго Болгарского царства, во второй половине XIV в. — столица Тырновского царства. Один из крупнейших государственных и церковных центров средневековья. В 1393 г. город Тырново был

захвачен турецким султаном Баязидом и разгромлен. С захватом и разгромом Тырнова турками Тырновское царство прекратило свое существование.

... *ко Царюграду...* — Царьград — Константинополь — столица Византийской империи, основан имп. Константином в 330 г., находится на европейском берегу пролива Босфор. Древняя Русь была тесно связана с Царьградом и в государственном и в культурном отношении. В 1453 г. Царьград был захвачен турками и стал столицей Османской империи, получив название Стамбул.

... *на Рожество святый богородицы* — 8 сентября.

Пересвет. — В «Сказании о Мамаевом побоище» рассказано, что при посещении великим князем московским Дмитрием Троицкого монастыря игумен монастыря Сергей отправил с ним сражаться против Мамаю двух иноков — Пересвета и Ослябю (см. наст. изд., с. 34). В «Сказании» про Пересвета и Ослябю говорится, что оба они были известными воинами. Поединком Пересвета с татарским богатырем началась Куликовская битва. Все сведения о Пересвете ограничиваются данными памятников Куликовского цикла. Согласно «Задонщине» Пересвет — брянский боярин. В летописных повестях и в «Сказании» названо второе имя Пересвета — Александр. В Распространенной редакции сказано о нем: «чернец — любочанин».

Стр. 10—11. ... *на суженое мѣсто привели.* — Привели на место суда. Сражение, поединок трактовались в Древней Руси как «божий суд»: «по божьему изволению» побеждал правый. В данном случае под «божьим судом» подразумевается поединок Пересвета с татарским богатырем.оборот «суженое мѣсто» можно понимать и как обозначение места, на котором суждено погибнуть.

Стр. 11. *И молвяше Ослябя чернецу...* — В «Сказании», как и в «Задонщине», Ослябя назван братом Пересвета и указано его имя — Андрей. Возможно, что об Ослябе идет речь в летописной записи о посылке с дарами посла из Москвы в Константинополь: «Послаша в Царьгород много серебра в милостыню с черньцом Родионом Ослебятем, иже преже был боярин Любутьскы» (ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, с. 228). В летописи эта запись помещена под 1398 г. Из текста «Задонщины» явствует, что Ослябя на Куликовом поле не погиб.

... *чаду моему Яякову...* — В некоторых вариантах Основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» в числе воинов, посланных в поле в первом сторожевом (разведывательном) отряде, называется Яков Ослябятев. В «Задонщине» по Кирилло-Белозерскому списку в перечне убитых на Куликовом поле назван «Яков Ослебятин».

... *плакаша... на забралах...* — Забрало — деревянная галерея, идущая по верху крепостной стены. На забралах во время осады города неприятелем располагались воины, держащие оборону города.

... *Ондрыева жена Марья...* — Имеется в виду жена воеводы Андрея Серкизовича.

... *Михайлова жена Оксинья...* — Имеется в виду жена воеводы Михаила Ивановича.

... *щурове рано въспѣли...* — Щур — певчая птица из семейства вьюрковых, величиной со скворца. Птицы эти особенно много поют в мае, сидя на вершине куста или выступающей ветви дерева.

... *на Ажима и Аннинъ день.* — 9 сентября.

Стр. 12. ... *«Господи боже мой, на тя уповахъ, да не постыжуся в еѣж, ни да посмѣют ми ся враги моя мнѣ».* — Цитата из Псалтири, Пс. 24, ст. 2.

... *а выхода нам у руских князей не прашивати.* — После установления монголо-татарского ига на Руси в русские селения и города были посланы даруги, ведавшие сбором дани, и военачальники, наблюдавшие за местным населением, — баскаки. Со временем эта система была отменена, и выплатой дани, размеры которой устанавливались по заранее заключенному договору, стали ведачь князья. Дань, собираемая князем и отправляемая в Орду, называлась «выходом».

Камка — парча, плотная шелковая ткань, прошитая золотыми или серебряными нитями.

Насычеве — значение слова неизвестно.

Стр. 13. *Моляше же ему фрязове...* — Здесь «фряги» — генуэзцы.

... орда Зальская. — Здесь «орда» в значении — «земля», «княжество».

Батый — хан, сын хана Джучи, внук Чингисхана. Продолжил захватнические войны отца и деда. Он возглавил поход монголо-татар в Восточную Европу в 1236—1243 гг. В 1237—1240 гг. произошло завоевание Руси Батыем, и с этого времени началось монголо-татарское владычество. При Батые возникла Золотая Орда — монголо-татарское феодальное государство, образовавшееся в результате захватнических войн Чингисхана и его преемников. Столицей Золотой Орды стал город Сарай-Бату (Старый Сарай) на левом берегу Волги близ Астрахани. Умер Батый в 1255 г.

Нъчто гораздо упилися... — Этот образ восходит к поэтике устного народного творчества: битва — пир, убитые на этом пиру — погибнуть в бою.

И стал... Дмитрей Ивановичь... на костяхъ... — Выражение «стать на костях» означало окончание битвы и победу того, кто «вставал на костях».

... Михайло Александровичь... — С. Б. Веселовский предполагает, что Михаил Александрович был боярином князя серпуховского Владимира Андреевича (см.: *Веселовский*, с. 489—490).

КРАТКАЯ ЛЕТОПИСНАЯ ПОВЕСТЬ

Стр. 14. *... фрязы и черкасы и ясы...* — Фрязы — фряги (см. примеч. к с. 13); черкасы (черкесы) и ясы (осетины) — народности Северного Кавказа.

... приидоша отъ Орды... — В виду имеется Золотая Орда. См. примеч. к с. 13 к имени «Батый»; см. также статью В. Т. Пашуто «Историческое значение Куликовской битвы» (наст. изд., с. 262—264).

... поганый родъ измалтеский. — Потомки измаильтян. Согласно библейской легенде (книга «Бытие»), сын патриарха Авраама от наложницы Агари, служанки жены Авраама Сарры, — Измаил был родоначальником различных арабских племен. Поэтому в древнерусских произведениях кочевые народы называли измаильтянами (потомки Измаила) или агарянами (потомки Агари).

... побиени бысть на рѣцѣ на Вожь... — Имеется в виду битва на реке Воже (притоке Оки в пределах Рязанского княжества) в 1378 г. В этой битве великий князь московский Дмитрий Иванович наголову разбил золотоордынского воеводу Бегича, который был послан Мамаем с войском на Московское княжество.

Ягайло — сын великого князя литовского Ольгерда (см. примеч. к с. 9), после смерти отца в 1377 г. стал великим князем литовским. После Кревской унии 1385 г. Литвы и Польши в 1386 г. Ягайло вступил в брак с польской королевой Ядвига. Литовские феодалы находились в оппозиции к унии. Поэтому Ягайло в 1392 г. передал власть в Литве, а в 1401 г. и титул великого князя литовского Витовту. Королем польским, под именем Владислава II Ягелло, был до своей смерти в 1434 г. (является родоначальником династии Ягеллонов). В 1380 г. заключил союз с Мамаем, но его силы запоздали к месту битвы на Куликовом поле. Во время Грюнвальдской битвы в 1410 г. с войсками Тевтонского ордена командовал союзной польско-литовско-русской армией.

Половци — см. примеч. к с. 8 к словам «... в полѣ Половецкое!».

Агаряны — см. выше примеч. к словам «... поганый род измалтеский».

Стр. 14—15. *Феодоръ Романович Бѣлозерский, сынъ его князь Иванъ Феодоровичь...* — См. примеч. к с. 10, к словам «... и крѣпцы бысть князи бѣлозѣрстии...».

Стр. 15. *Михайло Бренков.* — В «Сказании о Мамаевом побоище» назван Михаилом Андреевичем Бренком и подробно рассказано о его роли на Куликовом поле. Во время битвы на нем была одежда великого князя, и он находился под великокняжеским знаменем. Погиб в сражении. С. Б. Веселовский о нем пишет: «Некоторые летописи называют его боярином, но, очевидно, это слово здесь не означает боярского чина. Судя по всему, Бренко был худородным любимцем великого князя, и ни его родители, ни потомки не входили в состав боярства... ни о предках, ни о потомках Бренка мы ничего не знаем» (*Веселовский*, с. 498).

Лев Морозов — воевода, сын боярина Ивана Мороза, назван в числе убитых на Куликовом поле в пергаменном Синодике. В других редакциях «Сказания» ошибочно именуется Мозырев, Мазырев. (См. также: *Веселовский*, с. 198, 482, 498).

Семен Мелик — боярин, воевода великого князя московского, от него вели свой род бояре Милюковы. Командовал третьим разведывательным сторожевым отрядом, отправленным в поле во время движения войск, после переправы через Оку (см. наст. изд., с. 34—35). Назван в числе убитых в пергаменном Синодике. (См. также: *Веселовский*, с. 492, 498, 508).

Олег Рязанский — великий князь рязанский Олег Иванович (1350—1402), неоднократно вступал в сделки с Ордой, заботясь о безопасности своего княжества (Рязанская земля граничила с ордынскими владениями и с Московским княжеством). Как правило, эта политика не спасала Рязанскую землю от ордынских погромов. Заключив союз с Мамаем во время Куликовской битвы, Олег тем не менее непосредственного участия в сражении не принимал. После победы Дмитрия Олег Рязанский бежал из своего княжества и в 1381 г. должен был заключить невыгодный для себя договор с Дмитрием Донским. В 1386 г. Олег заключил мирный договор с великим князем московским, скрепленный родственными отношениями: сын Олега Рязанского Федор женился на Софье Дмитриевне — дочери Дмитрия Донского.

... *Токтамышъ изъ Синей Орды*. — Токтамыш, потомок хана Джучи. Одержав победу над Мамаем, воцарился в Золотой Орде. В 1382 г. совершил стремительный набег на Русь и обманом (обещав осажденным москвичам мир) захватил Москву, подвергнув город страшному разгрому. Умер в 1406 г. *Синей Ордой* древнерусские книжники называли Ак-Орду (Белая Орда), которая находилась на территории нынешнего Казахстана и Западной Сибири.

... *сръгошася на Калках*. — Видимо, на реке Калке.

Улус — владение, земля, подвластная золотоордынскому хану.

... *сѣде на царствѣ Волжском*. — Т. е. занял ханский престол в Новом Сагае — столице Золотой Орды (см. также примеч. к с. 7 к имени «Мамай»).

Киличей — посол, знающий язык той страны, в которую он направлялся.

ПРОСТРАННАЯ ЛЕТОПИСНАЯ ПОВЕСТЬ

Стр. 16. ... *бессермены, и армены, и фрязи, черкасы, и ясы, и буртасы*. — См. примеч. к с. 7 и 14. Здесь, возможно, бессермены не общее наименование — басурмане (мусульмане), но обозначение народов Волжской Болгарии; армяне жили в разных местах Средней Волги; буртасы — так назывались племена, жившие на правом берегу Волги в ее среднем течении. Все эти земли входили в состав Золотой Орды.

... *мнѣвъ себѣ аки царя*. — См. примеч. к с. 7 к имени «Мамай».

... *тѣмныя своа князи поганыя звати*. — «Темные князи» — темники — высшие военачальники, командовавшие «тьмой» — десятью тысячами всадников. Возможно, что здесь имеет значение и игра слов — темные, мрачные князья.

Яко же рече Христосъ: «От нас изыдоша и на ны быша». — Здесь использована цитата из Нового Завета (I Иоан., II, 19: «От нас изыдоша, но не беша от нас...»), где речь идет об «антихристах», которые явятся в «последние времена» и ополчатся на христиан.

... *на Семень день*. — В день памяти Симеона Столпника, 1 сентября.

Стр. 17. *Сыроядцы* — те, кто ест сырое мясо, дикари, варвары.

Яко же пророкъ рече... съкрушатся. — Цитата из Псалтири, переданная не совсем точно. Ср.: «Меч извлекоша грешницы и напругоша лук свой низложити убога и нища, заклати правыя сердцем. Меч их да внидет в сердце их и луци их да сокрушатся» (Пс. 36, ст. 14—15).

Иде къ зборней церкви матери божии Богородици. — Имеется в виду Успенский собор в московском Кремле, основанный в 1326 г. митрополитом Петром. В 1475—1479 г. на месте старого Успенского собора, заложенного Петром, был

построен архитектором Аристотелем Фиораванте новый Успенский собор, сохранившийся до наших дней.

«О, господи... крестьяньском». — Эта часть молитвы Дмитрия Ивановича основана на цитатах из Псалтири и богослужебных книг. Ср.: «Кто есть царь славы? Господь силен и крепок, господь силен в брани...» (Пс. 23, ст. 8); «Кто есть царь славы? Господь сил, той есть царь славы» (Пс. 23, ст. 10); «Ты бо еси бог наш и мы люди твои» (Часослов. Тропарь 6-го гласа из Великого повечерия); «Ты страшен еси, кто противится тебе» (Пс. 75, ст. 8).

«Господи, в помощь мою вонми!... И да постыдятся и посрамляются...». — Цитата из Псалтири (Пс. 69, ст. 1—2).

Стр. 18. ...*выхода просити, како было при Чанибь цари...* — Значение слова «выход» — см. примеч. к с. 12. *«При Чанибь цари»* — т. е. при хане Золотой Орды Джанибеке (был ханом с 1342 по 1357 г.). Видимо, после смерти Джанибека (существует версия, что он был убит своим сыном Бирдибеком), когда в Орде начались внутренние распри и власть ее над Русью ослабела, объем выплачиваемой русскими князьями дани уменьшился. Поэтому Мамай и требует выплаты дани в объеме, установленном при хане Джанибеке.

Святополк — см. примеч. к с. 10 к словам «...а Борисъ и Глѣбъ молитву воздают...». В древнерусской письменности образ Святополка Окаянного был символом предателя.

...*да не ркут невѣрнии: «Гдѣ есть богъ ихъ?».* — Цитата из Псалтири. Ср.: «Да не когда рекут языци: где есть бог их» (Пс. 78, ст. 10).

«Кто богъ велий, яко богъ нашъ? Ты еси богъ, творяй чудеса, — единъ!». — Стих из Псалтири (Пс. 85, ст. 10), получивший распространение как «Великий прокимен» (особое песнопение в торжественных праздничных богослужениях).

...*иде к Пречистый и къ епископу Герасиму...* — «Пречистая» — коломенский собор Успения богородицы. Коломенским епископом в 1380 г. был Герасим.

...*ста у Окъ на усть Лопастны...* — Вблизи места впадения в Оку реки Лопасни находилась переправа через Оку.

Тимофей Васильевич — см. примеч. к с. 10, к имени «Тимофей Волуевич».

...*за недѣлю до Семеня дни...* — 24 августа: «Семен день» — день памяти Симеона Столпника, 1 сентября.

...*у великой княгинь у Евдокьи...* — Женой Дмитрия Донского (с 1367 г.) была суздальская княжна Евдокия (Авдотья) Дмитриевна, дочь суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича. От брака с Евдокией Дмитрий Донской имел 12 детей — 8 сыновей и 4 дочери. Евдокия пережила мужа на 18 лет (ум. в 1407 г.).

...*у сыновъ своих, у Василья и у Юрья и у Ивана...* — Василию было в 1380 г. 9 лет. После смерти Дмитрия Донского Василий Дмитриевич стал великим князем московским (ум. в 1425 г.). Юрию в 1380 г. было 6 лет. Иван родился в 1380 г.

...*Феодора Одрѣевича.* — В 1380 г. было два боярина с именем Федор Андреевич. В. Ф. Ржига и М. Н. Тихомиров считали, что в виду имеется боярин Федор Андреевич Кошка, родоначальник Романовых (см.: Повести о Куликовской битве. Изд. подгот. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959, с. 240). С. Б. Веселовский отождествляет это имя с боярином Федором Андреевичем Свибло (см.: Веселовский, с. 498). Федором Андреевичем Свибло называют это лицо и составители именного указателя к Никоновской летописи (см.: ПСРЛ, т. XIV, вторая половина. Пг., 1918, с. 128).

Стр. 19. ...*Рахиль же есть рыдание крѣпко...* — Рахиль — символический образ плачущей по погибшим детям матери. Образ этот восходит к библейской «Книге пророка Иеремии» (XXXI, 15): «Так говорит господь: голос слышен в Раме, вопль и горькое рыдание; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться о детях своих, ибо их нет».

...*за два дни до Рожества святыя богородица.* — Т. е. 6 сентября (рождество богородицы отмечается церковью 8 сентября).

Сергий — основатель Троицкого монастыря в лесах, окружавших небольшой древнерусский город Радонеж (отсюда *Сергий Радонежский*), на реке Кончуре (в 70 км на северо-восток от Москвы, в настоящее время — Троице-Сергиева лавра в г. Загорске Московской обл.). Пользовался огромной популярностью среди различных слоев населения, играл большую роль в политической и церковной жизни всей Руси. Поддерживал политику великого князя московского по объединению русских княжеств вокруг Москвы. Благословение Сергием великого князя московского на борьбу с Мамаем имело важное идеологическое значение и придавало походу Дмитрия значение общерусского священного дела. Умер в 1392 г., еще при жизни почитался как святой.

«Сии на кольсницях, а сии на коньх, мы же во имя господа бога нашего призовем»... — Цитата из Псалтири (Пс. 19, ст. 8).

«Покажи ми славу... льпотами...» — Перефразировка текста молитвы «На великое освящение воды» из Требника (ср.: «...тебе трепещут умные силы, тебя славит луна, тебе присутствуют звезды, тебе работают источники, ты простер еси небо яко кожу, ты утвердил еси землю на водах, ты оградил еси море песком, ты дыханием воздух излил еси. Ангельские силы тебе служат, архангельстии лица тебе кланяются, многоочитые херувимы и шестикрылые серафимы окрест стояще и облетающе страхом непреступныя твоя славы покрываются...»).

...яко же помиловал еси слугу своего Моисеа... и столпу огненому повъльль еси ити пред ним, и морьския глубины на сушу преложи... — В библейском рассказе об исходе израильских племен из Египта говорится, что идущим по пустыне в Обетованную землю израильтянам бог указывал путь «днем в столпе облачном... а ночью в столпе огненном». Перед преследуемыми фараоном израильтянами расступилось Черное (Красное) море, а когда они прошли по морскому дну, то воды морские вновь сомкнулись и потопили войска фараона (Исход, гл. XIII—XIV).

Стр. 20. *Огоспожинъ день* — день рождества богородицы назывался в быту *Госпожин день*, *Госпожинки*.

...мъглане бо было бѣаше того от утра до третьяго часа. — В Древней Руси часы отсчитывались только днем, начиная с восхода солнца, в зависимости от времени года, таким образом, обозначение часов менялось. Временисчисление в сентябре 1380 г. соотносится с теперешним в такой последовательности: 1-й час дня соответствует 6 ч. 30 м.; 2-й — 7 ч. 30 м.; 3-й — 8 ч. 30 м.; 4-й — 9 ч. 30 м.; 5-й — 10 ч. 30 м.; 6-й — 11 ч. 30 м.; 7-й — 12 ч. 30 м., и т. д. Эту особенность древнерусского счета времени следует учитывать и во всех последующих случаях, когда в текстах называются часы событий.

«Господи, что ся умножишася... противляхся им». — Две цитаты из Псалтири, соединенные вместе. Первая передается неточно (ср.: «Господи, что ся умножиша стуждающийи ми, мнози востают на мя...» — Пс. 3, ст. 2), вторая — точно: «Вси язъци обыдоша мя, именовем господним противляхся им» (Пс. 117, ст. 10).

...яко же есть писано: «Гдѣ трупи, ту и орли». — Цитата из Евангелия (ср.: «Идеже аще будет труп, тамо соберутся и орли» — Мф. XXIV, 28).

...наѣха... на поганого царя Теляка, нареченаго плотнаго дѣвола Мамаа... — Смысл данного отрывка недостаточно ясен. Можно предположить, что здесь идет речь о хане Тюляке, одном из марионеточных ханов Мамаея (см. примеч. к с. 7 к имени «Мамай»). В Львовской летописи под 1378 г. помещен текст ханского ярлыка, в котором говорится: «Тюляково слово Мамаевою дяденою мыслью...» (ПСРЛ, т. XX, 1-я половина, СПб., 1910, с. 198). Однако есть и иное объяснение слова «теляк». В тюркских языках это слово означает — «зайка, бормотун», и тогда в рассматриваемом контексте его можно толковать как оскорбительное прозвище Мамаея (см.: Егоров, с. 208—209).

...рече слово псаломское: «Братѣ, богъ намъ — прибѣжище и сила». — Цитата из Псалтири (Пс. 45, ст. 1).

Стр. 21. *...не помянуша, яко мученици глаголаху другъ къ другу: «Братие, потерпим мало: зима яра, но рай сладокъ, и страстен меч, но сладко въпчание».* — Воины, погибающие в жестоком бою, сравниваются с мучениками: имеются в виду

сорок мучеников севастиийских, брошенных в ледяное озеро за исповедание веры, но не отрехшихся от Христа; цитируемые здесь слова — перефразировка стихир сорока мученикам севастиийским, ср.: «... люта зима, но сладок рай, болезнен лед, но сладкое восприятие» (Минея за март, служба на 9 марта, первая стихира «Терпяще настоящая»). Подобная перефразировка использована и в службе Сергию Радонежскому: «... люты скорби, но сладок рай, болезнены труды, но присносушно восприятие» (Минея за сентябрь, служба на 25 сентября, стихира на великой вечерне «Терпя нынешняя»).

... *воина Георгия и славнаго Дмитрия*... — Имеются в виду святые, считавшиеся покровителями воинов на брани, — Георгий Победоносец и Дмитрий Солунский.

... *архистратиг Михаил*. — Архистратиг (греч.) — главный воевода, полководец, здесь архангел Михаил — главный воевода, вождь небесного воинства.

... *гнаша содомлянь*... — По библейской легенде, жители города Содома — содомляне вели порочную жизнь и были за это уничтожены богом (Бытие, гл. 13, 14, 19). Здесь этим презрительным именем названы ордынцы.

... *Феодоръ Торусский*... — В поздних летописях Федор Тарусский назван в числе убитых под Белевым в 1438 г. В пергаменном Синодике XV в. в перечислении убитых на Куликовом поле этого имени нет. Вероятнее всего, перечень убитых в Пространной летописной повести о Мамаевом побоище — позднего происхождения, с добавлением имен людей, в Куликовской битве участия не принимавших.

... *брат его Мъстиславъ*... — По другим источникам это имя неизвестно.

Дмитрий Монастырев. — Боярин Дмитрий Александрович Монастырев был убит не на Куликовом поле, а в 1378 г. в битве на реке Воже. Его дочь была женой Семена Мелика (см.), погибшего на Куликовом поле. (См. также: *Веселовский*, с. 57, 58, 375—377).

Стр. 22. *Иван Александрович* — кто имеется в виду, неизвестно.

Лев Мозырев — искаженное написание имени Льва Морозова, см. примеч. к с. 15.

Дмитрий Мининич — боярин Дмитрия Ивановича, был убит не на Куликовом поле, а раньше, в 1368 г., в бою на реке Тросне во время набега на Москву Ольгерда Литовского. (См. также: *Веселовский*, с. 237—238, 242, 474).

... *десницею своею защитил его, и рукою крепкою и мышцею высокою*... — Две цитаты из Псалтири, одна приблизительная (ср.: «... спаси десницею своею» — Пс. 52, ст. 7; Пс. 107, ст. 7; Пс. 137, ст. 7), другая точная (Пс. 135, ст. 12).

«*Не на лукъ бо мой... лгяща въ день*». — Три соединенные вместе цитаты из Псалтири — Пс. 43, ст. 7; Пс. 90, ст. 9—11 и Пс. 90, ст. 5.

«*Нъ милосердъ бо есть богъ чловъколюбецъ: не до конца прогнъвается на ны, ни въ вьки враждуетъ*». — Неточная цитата из Псалтири (ср.: «Щедр и милостив господь, долготерпелив и многомилостив, не до конца прогневается, ни же во век враждует» — Пс. 144, ст. 8).

Стр. 23. ... *яко же еси уставил слугъ своему Моисею, и древнему Давыду, и новому Костянтину, и Ярославу... на оканнаго... Святополка*. — Моисей — библейский пророк, предводитель израильских племен, выведший их из Египта в Синайскую пустыню. Во всех трудных ситуациях Моисею помогал бог. Давид — полупоупендарный царь Израильско-Иудейского государства (конец XI в.—ок. 950 г. до н. э.). В Библии рассказывается, что Давид, когда он был еще юным и пас стада своего отца, победил в единоборстве филистимлянского исполина Голиафа, поразив его камнем из пращи (I Царств, гл. XVII). *Новый Константин* — имеется в виду римский император Константин Великий (285—337 гг.), ведший победоносные войны и признавший христианство официальной государственной религией Римской империи. *Ярослав* — о нем см. примеч. к с. 8, здесь имеется в виду победа Ярослава над Святополком.

... *ити изгоном*... — неожиданно быстрым набегом.

СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ

ОСНОВНАЯ РЕДАКЦИЯ

Стр. 25. ...въ прежняя врѣмена Гедвону над мадиамы...— По библейскому преданию, за грехи евреев на Израиль в течение семи лет совершали опустошительные набеги соседние племена, в том числе и племя мадиамлян. Когда однажды к Израилю подошли многочисленные отряды мадиамлян, израильтянин Гедвон во главе небольшого отряда напал ночью на врагов и всех их перебил (Суд., гл. VI, VII).

...Моисию над фараоном.— См. примеч. к с. 19 к словам «...яко же помиловал еси слугу своего Моисеа...».

Еллин — язычник, неправославный.

...поревъновавъ второму Юулиану Отступнику...— Юлиан (Флавий Клавдий Юлиан) — римский император (с 361 по 363 г. н. э.). Он выступил против христианской религии, возродив эллинистическое язычество. Христианские проповедники, как современные ему, так и более поздние, резко выступали против Юлиана, прозвав его Отступником. Юлиан погиб от вражеской стрелы в одном из своих походов на персов.

...какъ взялъ Киевъ и Владимирь...— Нашествие Батые на Русь началось с захвата Рязани в декабре 1237 г., а в феврале 1238 г. был захвачен и разгромлен Владимир (до этого были покорены Москва, Коломна, Суздаль). Киев был взят и разрушен в конце 1240 г.

...и великого князя Юрья Дмитриевича убилъ...— Имеется в виду Георгий (Юрий) Всеволодович Владимирский. Юрий Всеволодович, сын Всеволода-Дмитрия Юрьевича Большое Гнездо (поэтому по отчеству Юрия могли называть и Всеволодовичем, и Дмитриевичем), великий князь владимирский, погиб в битве с полчищами Батые на реке Сити (приток р. Мологи, в настоящее время впадает в Рыбинское водохранилище, в 50 км на восток от Рыбинска) 4 марта 1238 г.

...и въ Володимерь въселенскую церковь златоверхую разграбилъ.— Имеется в виду владимирский Успенский собор, заложенный в 1158 г. князем Андреем Боголюбским и перестраивавшийся после пожара в 1185—1189 гг. Захватив Владимир, монголо-татары подвергли город разрушению и разграблению. Успенский собор, на хорах которого укрылись от захватчиков великокняжеская семья и другие знатные жители города, был завален изнутри и снаружи хворостом и подожжен. Успенская церковь названа «вселенской» не в терминологическом значении этого слова — главная церковь всего православного мира (такого значения Успенский владимирский собор никогда не имел). Слово «вселенская» здесь значит — самая великая на Руси (и по значению и по величине), главный собор Русской земли. Не случаен и эпитет «златоверхая». Вот что, в частности, пишет об Успенском соборе Н. Н. Воронин: «Успенский собор... занял наиболее выгодную точку городского рельефа и как бы господствовал над городом и ширью окружающего ландшафта. Его золотой купол был виден с далеких лесных высот, которыми шла дорога от Муром... Подобно исполинскому богатырю в золоченом шлеме стал новый собор над владимирской кручей» (Воронин Н. Н. Владимир. Боголюбово. Суздаль. Юрьев-Польской. М., 1974, с. 37).

...Иерусалимъ плъненъ бысть Титомъ Римскимъ и Навходнасором царемъ вавилонским...— Навуходносор (Набукудурриусур) II, царь Нововавилонского (Халдейского) государства (604—562 гг. до н. э.), в 587 г. захватил Иерусалим и разрушил его. Римский император Тит Флавий Веспасиан в то время, когда он еще был главнокомандующим войсками своего отца Веспасиана, в 70 г. н. э., во время Иудейской войны 66—73 гг., взял Иерусалим, разрушил город и его храм.

Стр. 26. ...нача глаголати къ своим еулпатамъ и ясаулом...— Алпауты — вельможи, феодалы; есаулы — приближенные к хану лица, выполняющие его ответственные поручения.

И доиде же до исть рѣкы Вороножа...— Воронеж — левый приток Дона. По-

видимому, здесь было место сбора сил Мамай, в непосредственной близости от русских земель. До Куликова поля от этого места немногим более 200 км.

...на своего служебника... — Словом «служебник» выражается подчиненность русских князей золотоордынским ханам.

...град мой Коломну за себя заграбилъ. — На самом деле Коломна отошла от Рязани к Москве в 1301 г.

Стр. 27. ...ово к Вильнь... — Вильна (совр. Вильнюс) была основана в 1323 г. отцом Ольгерда, великим князем литовским Гедимином, и являлась столицей Великого княжества Литовского.

...ово к Резани... — После разгрома Батыем в 1237 г. стольного города Рязанского княжества Рязани этот большой по тем временам город постепенно пришел в упадок, и в середине XIV столетия столица княжества была перенесена в город Переяславль-Рязанский (современная Рязань). В настоящее время на месте Старой Рязани находится городище на высоком берегу реки Оки, в 50 км юго-восточнее современного города Рязани (Переяславль-Рязанский был переименован в Рязань в 1778 г.).

Ярлык — жалованная грамота. Русские князья и митрополиты получали ярлыки у татар на княжение, владение землями и т. д. Слово это могло иметь значение — грамота, письмо.

О таковых бо пророкъ рече... ямы. — Один из вариантов распространенного в средневековой письменности изречения, восходящего к библейской «Книге Притчей Соломоновых» (гл. XXVI, ст. 27 и гл. III, ст. 29) и к Псалтири (Пс. 7, ст. 11). Сравни другой вариант того же изречения в Распространенной редакции (с. 75) и печатном варианте Основной редакции (с. 105).

...древний Иерусалимъ пльнилъ, яко же и халдѣи. — Подразумевается пленение и разгром Иерусалима Навуходоносором (см. примеч. к с. 25). Халдеи — семитские скотоводческие племена, обитавшие на окраинах Вавилонии. Здесь подразумеваются народы Нововавилонского государства вообще.

Стр. 28. О таковых бо пророкъ... масличнъ. — Сильно измененная цитата из Ветхого Завета. Этот же образ — дикое и культурное растения, символизирующие язычество и христианство, встречается и в Новом Завете (Рим. XI, 24).

Глаголет бо премудрость... досажениа и поносъ. — В библейской «Книге Премудрости Соломона» содержатся многочисленные рассуждения о путях праведных и неправедных. В данном случае — обобщенное выражение мысли всей книги в одном афоризме.

И ставъ пред святою иконсю господня образа... — Нерукотворный Спас — изображение лика Христа на убрусе (плате) — особо почитаемый тип иконы Христа; по преданию, он сам «запечатлел» свой образ на полотне для царя Авгаря. Не случайно в данном эпизоде называется эта икона: 16 августа (т. е. во время подготовки к Куликовской битве) — празднование в честь Спаса Нерукотворного. Кроме того, Нерукотворный Спас выступал как боевое знамя, он был изображен на главном знамени великого князя и, может быть, на знаменах полков.

Сътвори ми, господи... яко Иезекию... — Езекия — 13-й иудейский царь. На четырнадцатый год царствования Езекии ассирийский царь Сеннахирим хотел захватить Иерусалим. Езекия обратился к богу с молитвой, прося его защитить Иерусалим от нападения Сеннахирима. Бог через пророка Исаяю известил Езекию, что молитва услышана и Сеннахирим не войдет в город и не причинит ему никакого вреда. По божьему повелению в стан ассирийцев, подошедших к Иерусалиму, ночью пришел ангел и поразил 185 тысяч ассирийских воинов. Сеннахирим ушел от Иерусалима (IV Царств, гл. XIX).

«На господа уповах — и не изнемогу». — Цитата из Псалтири (Пс. 25, ст. 1).

...в Боровескъ... — Боровск — город юго-западнее Москвы на реке Протве. При Владимире Андреевиче входил в состав Серпуховского удельного княжества.

Киприан — митрополит всея Руси с 1375 по 1406 г., по происхождению болгарин, церковный политик, стремившийся к укреплению церковного единства между Великой и Малой Русью (находившейся во власти Польши и Литвы). Киприан был поставлен патриархом Филофеем в Константинополе «в митрополита Киев-

ского и всея Руси», но в Москву он прибыл только в 1380 г., уже после Куликовской битвы, а в 1382 г. он был снова изгнан из Москвы и его заменил Пимен. О том, почему в «Сказании» Киприан называется в числе участников событий 1380 г., см. статью Л. А. Дмитриева «Литературная история памятников Куликовского цикла» (с. 339—340 наст. изд.).

Стр. 29. ...*господь грѣдым противится, а смиренным благодать дает.* — Цитата из Библии, встречающаяся там трижды: Притч. III, 24; I Петр. V, 5 и Иак. IV, 6.

Тако же случися иногда Великому Василию в Кесарии: егда злый отступникъ Иулианъ, идый в прѣсы... — Василий Великий (329—379), каппадокийский архиепископ, уроженец Кесарии, один из «отцов церкви». Кесария — столица Каппадокии (государство в центральной части Малой Азии, с I в. н. э. — римская провинция, затем входило в состав Византийской империи). Иулиан — Юлиан-Отступник, см. примеч. к с. 25.

...*господь посла на него въина своего Меркуриа...* — Меркурий Кесарийский — византийский святой-воин, покровитель Кесарии.

...*Захарию Тютъшова...* — В других списках «Сказания» — Тютчев. О посылке даров к Мамаю с тем, чтобы «умилостивить» его, сообщает только «Сказание о Мамаевом побоище». Вероятнее всего, этот эпизод восходит к литературной традиции, а не является отражением реального факта. Подобный сюжет встречается в «Повести о разорении Рязани Батыем», где великий князь рязанский посылает своего сына с дарами к Батыю, «яко [так как] нечестивого подобает утоляти дары». Старинный дворянский род Тютчевых, к которому принадлежал поэт Ф. И. Тютчев, возводил свою родословную к Захарию Тютчеву, и согласно родословным преданиям Захарий Тютчев ходил послом от Дмитрия Ивановича к Мамаю. В печатном варианте Основной редакции он назван Захария Кошков.

...*умбюща языкъ половецъскый...* — Т. е. знающий татарский язык.

Нъ суди, господи, по правдѣ моей, да скончается злоба грѣшныхъ. — Сокращенная цитата из Псалтири (ср.: «Господь судит людям: Суди ми по правде моей и по незлобе моей на мя. Да скончается злоба грешных, и исполниши праведнаго» — Пс. 7, ст. 9—10).

...*что ради умножышяся на мя стужающеи ми.* — Цитата из Псалтири (Пс. 3, ст. 1).

Нынѣ же обыдоша... противися имъ. — Соединение нескольких цитат из Псалтири (ср.: «Обыдоша мя пси мнози» — Пс. 21, ст. 7; «Вси языци обыдоша мя и именем господним противляхся им» — Пс. 117, ст. 10—11; «...суетно и тщетно поучаются» — Пс. 2, ст. 1).

...*Родиони Ржевѣскаго...* — Правнук князя Федора Федоровича Ржевского, известного по летописным записям нач. XIV в. (см.: Долгоруков П. Российская родословная книга, ч. 4. СПб., 1857, с. 29).

...*Аньдрѣя Волосатаго...* — В Родословной книге о роде дворян Волосатовых сказано: «Предок их, Андрей Волосатово, находился воеводою в войсках Димитрия Донского, в битве Куликовской, 8 сентября 1380 года» (Долгоруков П. Российская родословная книга, ч. 4. СПб., 1857, с. 350).

Василий Тупик. — По другим источникам это имя неизвестно.

Яков Ослябгев. — См. примеч. к с. 11 к имени «Ослябя» и к словам «чаду моему Иякову».

Тихая Сосна. — Река Сосна, приток Дона, течет в направлении с запада на Восток. По этой реке шла передовая линия русской обороны от татар, на нее посылались разведывательные отряды. В разных редакциях «Сказания» называется по-разному: Тихая Сосна, Быстрая Сосна, Сосна. Можно думать, что в первоначальном тексте называлась просто Сосна и уже позже появились разные варианты. Бассейн этой реки в конце XIV в. был относительно заселенным. Здесь находилось Елецкое княжество, разоренное в 1395 г. Тимуром и после этого надолго запустевшее. Если Мамай расположился в устье реки Воронеж, то его разведывательные отряды как раз должны были доходить до района реки Сосны и севернее ее. Да и самое движение войск Мамаю, если принять во внимание, что

встреча с ним произошла в районе Куликова поля, должно было проходить через Сосну. О том, что через эту реку проходили какие-то старые дороги, по которым ордынцы продвигались на Русь, свидетельствует запись «Книги большому чертежу» (XVII в.): «А ниже Луковца пала в Сосну река Хвоцна, от Ливен верст с пол 30 [т. е. 25]; а на устье Хвоцны брод на Сосне, ходят татаровя в Русь» (Книга Большому Чертежу. М.—Л., 1950, с. 81).

Стр. 30. ...на мясопустъ святыа богородица». — Мясопуст — время, в которое по церковному уставу нельзя есть мясную пищу. Здесь имеется в виду Успенский пост (с 1 по 15 августа).

Климентий Полянин. — По другим источникам это имя неизвестно.

Иван Святослав Свесланин. — По другим источникам это имя неизвестно. В разных редакциях «Сказания» это имя называется по-разному: Иван Святослав (Киприановская); Иван Всеслав (Распространенная); Иван Связлов (печатный вариант Основной редакции).

Григорий Судок. — По другим источникам это имя неизвестно. Но в боярских и дворянских родословцах фамилия Судокых встречается. В разных редакциях «Сказания» это имя называется по-разному: Григорий Судок (Киприановская и Распространенная); Григорий Садык (печатный вариант Основной редакции).

...осени ожыдаеть. — Эти слова можно толковать двояко: осень как время года или же «осень» — дань, выплачиваемая русскими князьями ордынским ханам. Возможность второго толкования подтверждается другими списками «Сказания», где в этом месте читается — «осени требует», а кроме того, такое толкование может подкрепляться и Пространней летописной повестью, где говорится, что Мамай потребовал от великого князя московского «выхода... како было при Чанибѣ цари» (см. примеч. к с. 18).

...гнъздо есмь князя Владимира Святославича Киевъского, ему же откры господь... яко же оному Еустафию Плакидъ... — Русские князья подчеркивали свое происхождение от «святителя» Руси Владимира I (см. примеч. к с. 7). Владимир Святославич сравнивается с византийским святым, великомучеником Евстафием Плакидой. Согласно легенде язычнику Евстафию Плакиде, полководцу римского императора Траяна, было чудесное видение, ниспосланное от бога, после которого Евстафий крестился вместе со всем семейством. «Сказание об Евстафии Плакиде» было хорошо известно в Древней Руси и пользовалось большой популярностью.

...рече бо господь: «Аще кто постражеть, имени моего ради, то въ будущий въкъ сторицею въсприиметь животъ вѣчный». — Несколько измененная цитата из Нового Завета (ср.: «Всяк, иже оставит дом, или братию, или отца, или мать, или жену, или чада, или села имени моего ради, сторицею примет и живот вечный наследит» — Мф. XIX, 29).

...на Успение святыа богородица... — 15 августа.

...князь Андрѣй Кѣмъскый, князь Глѣбъ Каргополской, и андомскыа князи... — Мелкие удельные княжества Кемское, Карголомское (в «Сказании» ошибочно называют Каргопольским) и Андомское (Андожское) входили в состав Белозерского княжества и существовали только в конце XIV—начале XV в. Имена Андрея Кемского и Глеба Карголомского, кроме «Сказания», в других источниках не встречаются. В этом случае, как и в целом ряде других, «Сказание» сообщает сведения о лицах, неизвестных по другим историческим источникам.

...приидоша же ярославскыа князи... князь Андрѣй Ярославскый, князь Романъ Прозоровскый, князь Левъ Курбъскый... — Уделы князей Прозоровских и Курбских входили в состав Ярославского княжества. Перечисленные имена известны только по «Сказанию».

...князь Дмитрей Ростовскый... — По другим источникам это имя неизвестно.

Стр. 31. ...поеде к живоначалной Троици... — Троицкий монастырь Сергия Радонежского.

Литургия — основное богослужение христианской церкви, во время которого происходит евхаристия («приношение великой жертвы тела и крови Христовой»),

моление о живых, поминовение усопших и причащение. Литургия совершается ежедневно утром, в просторечии называется обедней.

...память святых мученикъ Флора и Лавра. — 18 августа.

...вънецъ сиа побѣды носити... — Сергей этими словами предрекает победу Дмитрию и то, что он в битве не погибнет, — здесь имеется в виду смертный венец.

...повель воду освящати с мощей святых мученикъ Флора и Лавра. — Освящение воды производится троекратным погружением в воду креста (по определенному чину, текст которого помещен в Требнике) так, чтобы вода стекала с креста. В кресты, служащие для водосвятия, часто помещались частицы мощей. В данном случае в связи с тем, что водосвятие происходило в день памяти святых Флора и Лавра, видимо, был использован крест с частицами мощей Флора и Лавра.

...дать великому князю крестъ Христовъ — знамение на чель. — Это место можно понимать по-разному: 1) что игумен осенил его крестным знаменем, т. е. перекрестил своей рукой или крестом, 2) что он произвел елеопомазание, т. е. нанес знак креста елеем на лоб.

И дать имъ... оружие нетльнное — крестъ Христовъ нашытъ на скымах... — Схима — монашеское одеяние, в которое облачались монахи, принявшие схиму — высшую монашескую степень, знаменующую полное отречение от жизни. Частью схимы как одеяния является куколь: «Черного цвета головное покрывало, принадлежность великой схимнической одежды. Он похож на общемонашеский клобук с тем различием, что устрояется остроконечным кверху и украшается пятью крестами, вышитыми из шнуров красного цвета, расположенными на челе, на груди, на обоих плечах и на спине» (Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь. М., 1900, с. 274).

...ста в церкви святых Богородица... — В Успенском соборе, см. примеч. к с. 17, к словам «Иде къ зборней церкви...».

Стр. 31—32. «Господи боже нашъ... славу твою». — Молитва Дмитрия Ивановича состоит из прямых цитат из Псалтири (например, Пс. 37, ст. 5 и Пс. 34, ст. 1—2) и из отдельных псаломских выражений и словосочетаний.

...приступи къ чудотворному образу... юже Лука евангелистъ, живъ сый написа... — Владимирская икона божьей матери. Согласно преданию — копия с иконы, написанной евангелистом Лукой. Привезена из Византии в Киев в XII в., затем перенесена Андреем Боголюбским из Киева во Владимир. По летописным данным, икона Владимирской божьей матери переносилась из владимирского Успенского собора в московский Успенский собор в 1395 г., когда ожидалось нашествие Тамерлана. Но можно предполагать, что эта икона приносилась в Москву и в 1380 г. перед выступлением против Мамаю. Н. Н. Воронин отмечает, что в 1395 г. икона находилась в Москве временно (см.: Воронин Н. Н. Владимир. Боголюбово. Суздаль. Юрьев-Польской. М., 1974, с. 21). В настоящее время эта икона — памятник искусства нач. XII в. — находится в государственной Третьяковской галерее в Москве.

...нетльнную своєю ризою покрый насъ... — «Нетленная риза» — покров пресвятой богородицы. Предание о покрове (покрывале, омофоре), которым богородица защищает молящийся народ во время бедствий и особенно во время войны, восходит к легенде об Андрее Юродивом, который во Влахернском храме в Константинополе видел богородицу, стоящую на воздухе и покрывающую народ своим омофором (покрывалом, платком). В память об этом установлен праздник 1 октября — Покров пресвятой богородицы. На Руси этот праздник особенно почитался, и молитва к богородице о покрове (о защите с помощью «нетленной ризы») непременно совершалась перед выходом на войну и в часы народных бедствий.

...противу безбожных печенъгъ... — Здесь монголо-татары отождествляются с еще более ранними, чем половцы, кочевыми племенами печенегов, совершавшими набеги на русские земли.

...прииде къ гробу блаженнаго чудотворца Петра митрополита... — Петр был митрополитом всея Руси с 1305 по 1326 г. Деятельность Петра была тесно свя-

зана с политикой московского великого князя Ивана Калиты (деда Дмитрия Донского), направленной на усиление и рост Москвы. После смерти Петра митрополитья кафедра перешла из Владимира в Москву, что имело большое значение для выдвижения Москвы на первое место среди остальных русских княжеств. Петр был погребен в заложенной им самим в 1236 г. в Москве первой каменной церкви Успения святой богородицы (в Успенском соборе). Вскоре после смерти Петр был канонизирован — официально признан святым. Он считался святым покровителем Москвы.

... и рука грѣшника да не погубитъ нас. — Выражение «рука грешника» восходит к Псалтири (Пс. 70, ст. 4; Пс. 81, ст. 4; Пс. 96, ст. 10; Пс. 139, ст. 4). Слово «грешный» (соответствующее греческому *πονηρός*) в славянских переводах ветхозаветных текстов очень часто обозначает «дьявол» (синоним — «лукавый»).

... и посла... въ Фроловъския врата и в Никольские и в Констанътино-Еленския... — Фроловские — ныне Спасские ворота Кремля; Никольские ворота, выходящие в сторону Красной площади, называются так и ныне; Константино-Еленинские ворота, которые назывались также Тимофеевскими, в настоящее время не существуют.

... поиде въ церковь... архистратига Михаила... — Архангельский собор в Кремле. В 1380 г. на том месте, где сейчас находится Архангельский собор, построенный в 1505—1508 гг., стояла каменная церковь того же названия, сооруженная при Иване Калите и служившая княжеской усыпальницей.

Стр. 33. ... и княгини Владимерова Мариа... — Имеется в виду жена князя Владимира Андреевича Серпуховского, но на самом деле ее звали Еленой, она была дочерью Ольгерда Литовского. Возможно, Мария — второе ее имя, в других источниках не зафиксированное.

... аще богъ по нас, то кто на ны! — Это выражение, очень часто встречающееся в памятниках древнерусской литературы, восходит к гимнологии, ср.: «Аз эсмь с вами и никтоже на вы» — кондак на Вознесение.

... ис камня града Москвы... — При Дмитрие Ивановиче в 1366—1367 гг. был построен каменный кремль из белого камня (отсюда название Москвы «белокаменная»). Постройка каменного кремля имела исключительно важное политическое и военно-стратегическое значение.

... на Брашеву дорогою... Болвановъскою дорогою... на Котель дорогою. — «Писцовая книга XVI в. определяет положение волости Брашева: она была расположена на левом берегу притока реки Москвы — реки Нерской и реке Суханке, притоке реки Нерской. Брашевская дорога начиналась от юго-восточной оконечности города и шла мимо Николо-Угрешского монастыря и далее по левому берегу Москвы до „красного“, т. е. красивого, Боровского перевоза. Последний находился у Боровских холмов, близ впадения реки Пахры в Москву. Далее Брашевская дорога, видимо, шла по правому берегу Москвы до Коломны и, может быть, совпадала с Рязанской дорогой. Болвановская дорога начиналась от урочища Болвановье за Яузой, где существовала церковь Николы на Болвановке. Далее она шла мимо Андроникова монастыря и, по-видимому, сходилась с Брашевской дорогой у Боровского перевоза. По этой дороге татары возили болвана (басму) в Москву, и русские войска выходили навстречу татарским. Третья дорога на Коломну, „великая и широкая“, шла от южной оконечности города до ручья Котел, впадавшего в Москву-реку, и далее раздваивалась: одна дорога — „Ордынская“ — шла на Серпухов, вторая — „Рязанская“ — на Коломну» (Бегунов, с. 487—488).

... и сяде на урундуць... — Рундук — лавка в виде ларя с подъемным сиденьем.

Стр. 34. ... поимъ с собою... гостей сурожанъ... — Сурожанами назывались купцы, торговавшие с богатым колониальным генуэзским городом на берегу Черного моря в Крыму — Сурожем (современный Судак).

... Василю Капицу... — Академик М. Н. Тихомиров считает этого купца-сурожанина родоначальником Ермолиных. Он пишет: «О начале рода Ермолиных можно судить по тем прозвищам, которые носил Дмитрий Ермолин. Его прозывали

по деду Васкиным («от московских великих купцов, нарицаем Ермолин Васкина»). Известно было, что отец Дмитрия Ермола постригся в Троицком монастыре... до 1426 г. Пострижение в монастырь обычно обозначало конец мирской карьеры и совершалось на склоне лет. Следовательно, деятельность Ермолы надо относить к началу XV в., а вернее к еще более раннему времени — концу XIV столетия... Отцом Ермолы, как мы видели, был некий Васка, или Васька, т. е. Василий, родовое имя, сохранившееся у Ермолиных и позже. В списке гостей-сурожан, взятых Дмитрием Донским в поход против Мамаю, показан на первом месте Василий Капица (или Капца), которого предположительно можно считать родоначальником Ермолиных» (Тихомиров, с. 152—153).

...Сидора Олферьева... — По другим источникам это имя неизвестно.

...Константина Петунова... — В Киприановской редакции и в варианте У Основной редакции названо только имя — «Костянтин». В Летописной редакции прозвище этого Константина — «Волк», в Лондонском списке Летописной редакции и в Распространенной редакции — «Болк», в печатном варианте Основной редакции — «Болков». По другим источникам это имя неизвестно.

...Козму Коверю... — Как полагает М. Н. Тихомиров, купеческий род Ховриных «начался от Кузьмы Коверя (Ковыря, Ковря, Коверя), названного... в числе гостей-сурожан, современников Дмитрия Донского» (Тихомиров, с. 155). В Забелинском варианте Основной редакции «Сказания» прозвище Козмы — «Ховрин».

...Семена Онтонова... — «Названный в Сказании о Мамаевом побоище Симеон Онтонов считался одним из крупнейших и богатейших купцов» (Тихомиров, с. 151). Этому купцу, родившемуся якобы по пророчеству Сергия Радонежского, посвящено чудо «О Семине Онтонове» в одной из редакций «Жития» Сергия. В начале этого чуда читаем: «Ин некий муж от великих купець и славных господствующему граду Москве Семенон именовъ» (Тихонравов Н. Древние жития Сергия Радонежского. М., 1892, отд. 2, с. 90). В печатном варианте Основной редакции назван Семеном Коротоносом.

...Михаила Саларева... — В Древней Руси была известна купеческая династия Саларевых, историю которой в XVI в. проследил В. Е. Сыроечковский: *Сыроечковский В. Е. Гости-сурожане*. М., 1935. В Летописной редакции «Сказания» вместо «Саларев» — «Сараев». В печатном варианте Основной редакции назван Михайлом Коротоносом.

...Тимофья Весякова... — По поводу этого имени М. Н. Тихомиров пишет: «Меньше известно о Тимофее Весякове, хотя „Весяков двор“ стоял в Китай-городе поблизости от Богоявленского монастыря во второй половине XV в. Вероятно, он чем-нибудь выдавался среди других окружающих его строений» (Тихомиров, с. 151).

...Димитриа Чернаго... — По другим источникам это имя неизвестно.

...Дементиа Саларева... — Как и Михаил Саларев, в некоторых редакциях и вариантах «Сказания» этот купец назван Сараевым, а имя его обозначено — «Дмитрий». Видимо, имеется в виду второй представитель купеческого рода Саларевых.

...Ивана Шиха... — «Потомков еще одного гостя-сурожанина, ходившего против татар с Дмитрием Донским, Ивана Шиха, мы найдем во второй половине XV в. Это Андрей Шихов, один из кредиторов князя Юрия Васильевича» (Тихомиров, с. 151). В печатном варианте Основной редакции назван Иваном Шахом.

...на красном перевозъ в Боровъсць. — См. примеч. к с. 33 к словам «...на Брашеву дорогою...».

...на память святого отца Моисиа Мурина. — 28 августа.

Северка — небольшая река в 12 км на север от Коломны, приток Москвы-реки.

Архиепискупъ же Геронтей... — В 1380 г. коломенским архиепископом был Герасим. Геронтий был архиепископом Коломны в 1453—1473 гг. В первоначальном тексте «Сказания», вероятнее всего, имя коломенского архиепископа не называлось, и лишь позже в различных редакциях и вариантах памятника его стали называть по имени, допуская при этом ошибки. В нескольких вариантах Основной редакции (в частности, в вариантах У и Михайловского) имя коломенского архиепископа не обозначено. В Распространенной редакции, в печатном варианте Основной редакции и в Лондонском списке Летописной редакции «Сказания»

коломенский архиепископ назван Евфимием. В остальных списках Летописной редакции и в Киприановской редакции, скорее всего под влиянием летописной повести о Куликовской битве, его имя — Герасим.

Живоносный крест — крест с вделанными в него частицами креста, на котором был распят Христос.

...и молитву сътвори «Спаси, боже, люди своя». — Тропарь кресту, входящий во все крестопоклонные службы, а также «молитва на литии», входящая в ежедневное богослужение. Этот тропарь обычно поют при молениях к кресту с упованием защиты.

...на поле к Дивичю. — Местность около Девичьего монастыря под Коломной.

...по заутренни... — Заутреня, или утреня, — часть ежесуточного богослужения; исполняется утром, перед литургией, или вечером вместе с вечерней в составе всенощной. На утрене читается Евангелие и каноны.

...Гльба Брянского. — Это имя известно только по «Сказанию о Мамаевом побоище», причем в Распространенной редакции он назван Глебом Друцким, а в печатном варианте Основной редакции — Глебом Каргопольским. Возможно, здесь спутано имя, и следует читать «Роман Брянский». Князь Роман Михайлович Брянский (в самом конце XIV—нач. XV в. наместник великого князя литовского Витовта в Смоленске) участвовал в 1375 г. в объединенном походе русских князей под главенством великого князя московского против тверского князя Михаила Александровича. В Летописной повести о Куликовской битве по списку Дубровского Новгородской IV летописи Роман Михайлович Брянский назван в числе воевод засадного полка (ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2. Л., 1925, с. 486).

...Дмитрей Всеволож, да братъ его Владимиръ Всеволожъ... — «Во времени вел[икого] кн[язя] Дмитрия относится, несомненно, выезд Всеволожей, сыновей Александра-Всеволода Глебовича Смоленского. По родословцам, у кн[язя] Александра было четыре сына, из которых Иван Большой остался в Смоленске, а его братья Дмитрий, Владимир и Иван Меньшой, от которого пошла ветвь Заболотских, выехали на Москву. Дмитрий и Владимир на Куликовом поле занимали очень видное место, они командовали передовым полком. Выезд их предположительно можно отодвинуть лет на двадцать перед этим — в 60-е годы XIV в., когда политика Ольгерда относительно смоленских княжат заставляла многих из них бежать» (Веселовский, с. 491).

...Иванъ Квашня Родивоновичъ... — Представитель старого боярского рода. Иван Квашня, единственный сын боярина Родиона Несторовича, один из ближайших и преданных бояр великого князя московского Дмитрия Ивановича, был свидетелем при составлении первых двух духовных грамот Дмитрия Донского. Умер в 1390 г. (см. также: Веселовский, с. 263, 265—268).

...Данило Бьльгуть... — В эпоху Куликовской битвы жил Александр Белеут. С. Б. Веселовский пишет о нем: «Единственный сын Одица Александр Белеут был, несомненно, боярином и выдающимся человеком последней четверти XIV в.» (Веселовский, с. 292). Но в «Сказании» Белеут назван Данилой и говорится, что он воевода Владимира Андреевича. В Киприановской редакции «Сказания» этот воевода назван Данилой Белоусом. Имея в виду бояр, переходивших на службу к удельным князьям, С. Б. Веселовский писал: «Переход на службу к удельным князьям, как правило, был безвозвратной деградацией рода. Этим объясняется то, что в источниках XIV в. упоминается много бояр и слуг кн. Владимира Андреевича, и в большинстве случаев мы не можем найти для них места ни в одном роде из числа тех, которые попали в родословцы и Бархатную книгу» (Веселовский, с. 490). Можно высказать такое предположение: в «Сказании» назывался воевода Владимира Андреевича, родовое прозвище которого (Белоус?) было близко по звучанию к фамилии хорошо известного рода бояр Белеутовых, и в более позднее время переписчики «Сказания» называли его Белеутом. (В XVI в. жил Данила Петрович Белеут. См.: Веселовский, с. 301).

...Константинъ Конановъ... — В пергаменном Синодике к основному списку убитых в сноске иным почерком, чем основной, приписано имя Константина Конановича. Говоря о том, что для многих бояр Владимира Андреевича невозможно

найти места в родословцах (см. предыдущее примечание), С. Б. Веселовский в качестве примера среди других приводит имена Даниила Белоуса и Константина Конановича (см.: *Веселовский*, с. 490).

... *Феодоръ Елецкый*... — «Сын князя Ивана Титыча Козельского, родоначальник рода Елецких князей. В 1395 г. при взятии г. Ельца Тимуром он попал в плен» (*Бегунов*, с. 498). В Киприановской редакции «Сказания» назван Федором Белецким.

... *Юрьи Мещерскый*... — «Сын князя Федора, потомок выходца из Большой Орды князя Ширинского Бахмета, сына Усейнова, пришедшего в Мещеру в 1198 г., родоначальник рода князей Мещерских. Родословные сообщают, что „князь Юрьи был на Дону; пришел из Мещеры к великому князю Дмитрию Ивановичу своим полком“, „... и убили его на Дону“» (*Бегунов*, с. 498).

... *Андрѣй Муромскый*... — Это имя известно только по «Сказанию о Мамаевом побоище».

Стр. 35. ... *Игнатѣя Креня, Фому Тынину, Петра Горьскаго, Карна Олексина, Петрушу Чюрикова*... — Из перечня этих имен по другим источникам известен Петр Горский — родоначальник дворянского рода Горских (см.: *Прокудин-Горский М.* Петр Горский, один из участников Куликовской битвы. — Русская старина, т. 29. СПб., 1880, с. 441—442).

... *Петра Гугниваго*... — Легендарная личность. Древнерусские книжники считали Петра Гугнивого (древнерусское слово «гугнивый» значит «гнусавый», «косноязычный») основателем католицизма.

И збудетъ на мнѣ реченное господомъ: «Аще рабъ, вѣдаа законъ господина своего, преступитъ, бѣенъ будетъ много». — Цитата, не совсем точная, из Нового Завета (ср.: «Той же раб, ведевый волю господина своего и не уготовася, не сотворив по воли его, биен будет много» — Лк. XII, 47).

... *тѣ пожретъ мя земля жива, аки Святоплѣка*... — В «Сказании о Борисе и Глебе» и в рассказе «Повести временных лет» о борьбе со Святополком Окаянным Ярослава Мудрого говорится, что после поражения на реке Альте в 1019 г. Святополк обезумел и ему казалось, что его все время преследуют. Гонимый «гневом божьим», он бежал, пока не умер. И до сих пор, говорилось в этом рассказе, от могилы Святополка «исходит смрад злой».

... *сѣвокупи литвы много и варягъ, и жемоти*... — Варягами в Древней Руси назывались скандинавы, в более широком смысле — северные и западные народы вообще; жемоть (жмудь) — литовское племя.

Одоев — город на левом берегу реки Упы, в 140 км на северо-запад от Куликова поля.

Стр. 36. ... *князь Андрѣй Полотскый и князь Дмитрей Брянскый, Олгордовичи*... — См. примеч. к с. 8, к словам «... и земли Литовской дву братом Олгордовичем...».

... *ненавидими были, мачехи ради*... — Андрей и Дмитрий — сыновья от первой жены Ольгерда Марии Ярославны (дочь витебского князя). Вторая жена Ольгерда (с 1349 г.) — Ульяна (дочь великого князя тверского Александра Михайловича). Вражда, конечно, объяснялась не вопросами вероисповедания, как трактует автор «Сказания», а семейными отношениями, борьбой за власть: Ольгерд передал великокняжеский престол в Литве старшему сыну от Ульяны — Ягайлу, а не более старшим сыновьям от Марии Ярославны. В Распространенной редакции (см. с. 90) и в печатном варианте Основной редакции (см. с. 114) названо имя мачехи Ольгердовичей — Анны и сказано, что благодаря ей они приняли христианство.

Намъ, брате, подобаеъ святое писание сѣврѣшити, глаголющее: «Братие, въ бѣдахъ пособиви бывайте!». — Здесь использована цитата из библейской «Книги Притчей Соломоновых» (ср.: «Братия же в нуждах полезни да будут» — Притч. XVII, 17).

... *яко же евангелистъ Лука... спасетъся!*... — Цитата из Нового Завета — Лк. XXI, 16: «Предани же будете и родители, и братию...» и «Претерпевый же до конца, той спасен будет» — Мк. XIII, 13 и Мф. XXIV, 14.

...придоша... ис Сьверы — Т. е. из Северной земли. В Северскую землю входили Брянск, Путивль и окружающие эти города земли.

Стр. 37. ...яко же иногда Иосифъ съ Веньямином... — Образ радостной встречи братьев после длительной и насильственной разлуки, восходящий к библейскому сюжету (Бытие, гл. XLIII—XLV).

Березуй — какое-то селение недалеко от Куликова поля. Ниже говорится, что Березуй находился в двадцати трех поприщах от Дона, т. е. в пределах около 25—30 км.

...порукашяся, яко иногда вълсви Ироду... — Сюжет евангельского рассказа: Ирод просил волхвов, идущих поклониться родившемуся Христу, рассказать ему на обратном пути все о новорожденном. Получив во сне известие о том, что Ирод собирается убить младенца-Христа, волхвы вернулись иным путем, обманув Ирода (Мф. гл. II).

«Въистинну ревнители есте праотца нашего Авъраама, яко тѣй въскорь Лоту поможе... — Этот образ, как и многие другие сравнения в «Сказании», взят из Библии: однажды на Содом напали враги и увели в числе пленных Лота, племянника Авраама. Авраам, узнав об этом, с вооруженным отрядом рабов бросился в погоню, освободил Лота и всех пленников (Бытие, гл. XIV). В апокрифе об Аврааме рассказывается, что он был вынужден бежать от отца, который заставлял его поклоняться идолам (с этим связано сравнение с ним Ольгердовичей).

...ревнители... князю Ярославу, яко тѣй отмсти кровь брата своея... — Имеется в виду борьба Ярослава Мудрого со Святополком Окаянным.

Поприще — древнерусская мера длины несколько большая, чем один километр.

Кузьмина гать — селение на реке Цне, на восток от Куликова поля.

Стр. 38. ...Ярославъ, перевезеса рѣку, Святоплѣка побѣди, прадѣд твой князь великий Александръ, Неву-реку перешед, короля побѣди... — Первая битва Ярослава со Святополком произошла в 1016 г. на Днепре у Любеча. Войска три месяца стояли друг против друга по обеим сторонам реки, не решаясь начать бой. Наконец Ярослав перешел реку, напал на Святополка и одержал победу. Александр Невский во время битвы со шведами на Неве (в 1240 г.), когда он наголову разбил силы шведского короля, Эрика Эриксона, которыми командовал зять короля Биргер, перед битвой перешел реку Ижору, впадающую в Неву.

...погыбе память их с шумом... — Цитата из Псалтири (Пс. 9, ст. 7).

Гусин брод... — Брод через Дон со стороны движения к Куликову полю войск Мамай.

Стр. 39. Яловци — небольшие флажки (лоскутки ткани), прикрепленные к верхней племени.

...даруй... яко Константину побѣду... — Имеется в виду Константин Великий, римский император с 306 по 337 г. ведший успешные победоносные войны с франками и готами. Был причислен православной церковью к лику святых.

...покори под нозь его врагы Амалика... — По библейскому преданию, племя амалекитян (родоначальником этого племени был некий Амалик) напало на израильтян во время их перехода через пустыню. Несмотря на свое численное превосходство амалекитяне не смогли одолеть израильтян, так как последним помогал бог (Исход, гл. XVII).

...яко же иногда кроткому Давиду... — Имеется в виду библейский рассказ о единоборстве Давида с исполином Голиафом (I Царств, гл. XVII).

Подобно есть Александра царя макидоньскаго вѣиньству... — Великий полководец древности Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.) пользовался большой популярностью у древнерусских книжников. Об Александре Македонском в Древней Руси знали из «Александрии» — переводного памятника, широко бытовавшего в древнерусской письменности.

...мужеством бысть Гедеоновы снузницы... — Снузницы — всадники. В библейском рассказе о Гедее (этимология этого имени — отважный воин) рассказывается об освобождении Гедеем по божьему изволению израильтян от набегов мадианитян. Из огромного числа воинов, пожелавших пойти вместе с Гедеем против мадианитян, после ряда испытаний осталось 300 самых храбрых и сильных

воинов. С этим отрядом всадников Гедеон разбивает огромную армию мадианитян (Суд., гл. VII).

Черное знамя. — Вопрос о цвете великокняжеского знамени является спорным. Какого цвета было это знамя? На одних миниатюрах к «Сказанию» в Лицевом летописном своде знамя нарисовано красным, а не черным (а в тексте в этом месте дважды написано «черное знамя»), на других оно рисуется зеленым. Миниатюрист не руководствовался текстом, раскрашивая миниатюры, и мы не можем судить о действительном цвете флага по миниатюрам. По вопросу о цвете великокняжеского знамени существуют разные мнения. Часть ученых считает, что оно было красным. Возможно, что в протографе было написано «чер[м]ное», т. е. «красное», и выносное надстрочное *м* было потеряно последующими переписчиками. Однако ни в одном из известных списков ни одной из редакций «Сказания о Мамаевом побоище» нет такого разночтения. В 1907—1910 гг. работала специальная комиссия, имевшая целью исследовать вопрос о цвете русского государственного флага. Комиссия не пришла к единому мнению, хотя часть ученых (Д. А. Самоквасов и др.) высказалась за черный цвет. Черным считал великокняжеский флаг и академик М. Н. Тихомиров. По-видимому, окончательное решение данного вопроса — это задача специального исследования, которое еще не проведено.

Стр. 40. ...ночь приспъ свѣтоноснаго праздника Рождества свѣтѣа богородица. — Т. е. ночь с 7 на 8 сентября.

Поистинь бо рече пророкъ: «Ночь не свѣтла неверным, а вѣрным просвѣщена». — Данные слова не являются цитатой из пророческих книг. Н. А. Мещерский сообщил следующее. Эти слова восходят к воскресной службе 7-го гласа, которую можно найти в Октоихе — это ирмос 5-й песни канона (ср.: «Ночь не светла неверным, Христе, верным же просвещение в сладости словес твоих, сего ради к тебе угренюю, воспеваю твое божество»). Высчитав с помощью пасхалии день пасхи в 1380 г. (25 марта) — а от этой точки идет счет времени церковного года, можно удостовериться, что на 8 сентября приходилась суббота 7-го гласа. Из этого следует такой вывод: участники битвы, несомненно, совершили богослужение перед битвой, и этот ирмос был пропет, и ассоциировался с той картиной утра, которую участники события могли наблюдать.

Фома Кацибѣй. — Это имя известно только по «Сказанию о Мамаевом побоище». В Распространенной редакции он назван Фомой Халцыбеевым, в печатном варианте Основной редакции — Фомой Хаберцыевым.

Стр. 41. ...приидоша два юноши... — Борис и Глеб (см. примеч. к с. 10).

...яко же Моисию на Амалика... — См. примеч. к с. 39, к словам «...покори под нозѣ его врагы Амалика...».

...прѣвому Ярославу на Святоплѣка... — Имеется в виду битва Ярослава Мудрого со Святополком Окаянным на реке Альте в 1019 г., закончившаяся победой Ярослава.

...князю Александру на хвалящегося короля римскаго... — В «Житии Александра Невского» говорится, что «король части Римскаго от полунощныя страны» (т. е. шведский король), услышав о доблести и мужестве Александра Ярославича, решил: «Пойду и пленю землю Александрову». «Шатався безумием» и «загордевся», он «прииде в Неву» и послал сказать Александру, что «се есмь уже зде, пленяя землю твою». Александр пошел на Неву и разбил шведов.

Стр. 42. ...въображены страсти Христовы... — Крест с изображением на нем распятого Христа.

...в немъ же бѣ живоносное дрѣво... — То есть частица креста, на котором был распят Христос (см. примеч. к с. 34, к словам «Живоносный крест»).

...греческому царю Константину... — Константин Великий — см. примеч. к с. 23. В данном случае имеется в виду легенда о явлении Константину креста. В 312 г. Константин пошел в Италию против имп. Максенция; силы его были слабы в сравнении с силами врага, он стал отчаиваться в успехе и пришел к мысли о высшей помощи. В полдень в ясном небе Константин и его войско

увидели крест с надписью «Сим побеждай» (*Успенский Ф. И.* История Византийской империи, т. I. СПб., 1913, с. 80).

... *хльбець пречистыа богородица...* — Богородичная просфора. Просфора (греч. *προσφορά* — приношение) — хлеб, употребляемый при совершении таинства евхаристии. Всего в литургии участвуют пять просфор, из них вторая называется богородичной, потому что из нее вынимаются частицы в честь богородицы.

... *память сътворити, якоже Леонтий царь Феодору Тирону...* — Это место можно объяснить лишь предположительно. *Леонтий царь* — по-видимому, византийский император Лев VI Мудрый (866—912 гг.), который, помимо всего прочего, известен как гимнограф, с его именем связаны некоторые церковные песнопения, в частности стихиры из Постной Триоди (в некоторых рукописях сохранились надписания, т. е. указания на автора песнопения Льва Деспота). *Феодор Тирон* — христианский мученик при императоре Диоклетиане (240—316 гг.). Память Феодора Тирона празднуется в первое воскресенье великого поста, когда начинаются службы по Триоди. Возможно, что какие-то стихиры службы Феодору Тирону сочинены Львом Деспотом (но в известных нам рукописях не сохранилось надписаний), и таким образом можно понять слова о том, что император Лев увековечил память мученика Феодора Тирона. Слово «тирон» заимствовано из греческого языка и означает «воин».

Арефа. — Христианский мученик VI в. В легенде об Арефе рассказывается, что при византийском императоре Юстиниане и эфиопском царе Елезвое в земле Омиритской (в южной Аравии) воцарился нечестивый царь Дунаан, который начал гонения на христиан. Арефа́ был князем и воеводой, в момент начала гонений он был глубоким старцем 95 лет и пользовался огромным авторитетом среди населения. За отказ отречься от веры Арефа был подвергнут мучениям и затем казнен. Вместе с ним подверглись публичной казни 4252 его единомышленника-христианина. (Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Дмитрия Ростовского, кн. 2. М., 1904, с. 528—553, 24 октября).

Стр. 43. ... *подобень бо бысть дръвнему Голиаду...* — То есть Голиафу — библейскому исполину, побежденному в единоборстве Давидом.

... *шелом архангельскаго образа...* — Куколь, см. примеч. к с. 31 к словам «И дасть имъ... оружие нетлѣнное...».

Стр. 45. ... *нача призывати боги свои: Перуна и Салавата, и Раклиа и Гурса...* — Автор «Сказания», желая подчеркнуть «идолопоклонство» Мамаю, то, что он язычник, называет в числе богов Мамаю и древнерусских языческих богов — Перуна и Гурса (искажение имени Хорс). Что за боги Салават и Раклий, неизвестно.

... *своего пособника Махмета.* — Имеется в виду Магомет, основатель ислама.

Стр. 46. *«Аще пастырь пораженъ — и овцы разыдутся».* — Слегка измененная цитата, неоднократно встречающаяся в Библии (Захар. XIII, 7; Мф. XXVI, 31; Мк. XIV, 27).

Стефан Новосильский. — Это имя известно только по «Сказанию о Мамаевом побоище».

Феодор Сабур. — Это имя известно только по «Сказанию о Мамаевом побоище». В Киприановской редакции «Сказания» назван Феодором Зовом.

Григорий Холопищев. — Это имя известно только по «Сказанию о Мамаевом побоище». В Киприановской редакции «Сказания» назван Феодором Холоповым.

... *дръвний Ярославъ, новый Александръ...* — Дмитрий Иванович сравнивается с Ярославом Мудрым и Александром Невским.

«Сий день сътвори господь, върадуемся и възвеселимся, людие!». — Неточная цитата из Псалтири (ср.: «Сей день, его же сотвори господь, возрадуемся и возвеселимся в онь» — Пс. 117, ст. 24). Этот псаломский стих широко известен как стих к пасхальным стихирам, исполняющийся в пасхальных службах. Таким образом, радость от победы в Куликовской битве уподобляется радости Христова воскресения.

«Сий день господень веселитесь, людие! Велий еси, господи, и чюдна дѣла твоа суть: вечеръ въдворится плач, а заутра — радость!» — Соединенные вместе три цитаты: 1) из стихиры службы рождества богородицы, 2) из молитвы на великое освящение воды, 3) из Псалтири — Пс. 29, ст. 6.

Стр. 47. ... древнему Авису подобенъ... — Любимый воевода персидского царя Дария Авис, чтобы спасти от окончательного поражения Дария, решил убить Александра Македонского, жертвуя ради этого своей собственной жизнью. Только благодаря счастливой случайности покушение Ависа на Александра Македонского не увенчалось успехом. Александр Македонский, сказав Авису, что тот «по своей воле сегодня умер» за своего господина, даровал ему жизнь. Рассказ о покушении Ависа на Александра Македонского встречается только в сербской «Александрии», пользовавшейся большой популярностью в Древней Руси; античные источники о покушении на Александра Македонского Ависа ничего не сообщают.

... пѣсни пояху, ови поаху богородичныи, друзии же — мученичныи, инии же — псалом, то есть христианское пѣние. — Воины пели псалмы и тропари (церковные песнопения) — богородичные (посвященные богородице), мученические (посвященным мученикам). Могли быть и другие тропари, например воскресные, троичные, крестные и т. п.

Стр. 48. ... и, потаивъ свое имя, прибѣже въ свою землю... — Отсюда и до конца в «Сказании о Мамаевом побоище» идет вставка (более поздняя, чем основной текст «Сказания») из Пространной летописной повести.

СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ

КИПРИАНОВСКАЯ РЕДАКЦИЯ

Стр. 49. Даниил Пронский. — В Летописной повести о битве на реке Воже сообщается о его участии в этом сражении с ордынцами.

Якоже сотворил еси надо князем Олгом Рязанским... — Имеется в виду набег на Рязанское княжество войск Мамаю в 1379 г. в отместку за поражение на Воже. Рязанская земля во время этого набега подверглась жестокому разгрому.

Стр. 51. ... не помянуша реченнаго: «Аще сотвориши зло... — свержет». — Два изречения, являющиеся перефразировкой библейских цитат: Притч. III, 29 («Не соплетай на друга своего зла»), Притч. XXVI, 27 («Изрываяй яму искреннему впадеса в ню»), Псалтирь, Пс. 7, ст. 16 («Ров изры и ископа и падет в яму, юже сам содела»).

... и Антиох, царь Антиохийский... — Антиох IV Епифан, царь государства Селевкидов (175—163 гг. до н. э.). Разорил Иерусалим в 168 г.

Стр. 52. ... якоже царь Александръ Македоньский победи Дариа, царя Перскаго, и Пора, царя Индейскаго... — Дарий III (336—330 гг. до н. э.), царь персидский; Пор, полупоупендарный царь небольшого государства в Пенджабе (втор. пол. IV в. до н. э.). О победе Александра Македонского над Дарием и Пором подробно повествовалось в «Александрии» — популярном в Древней Руси переводном памятнике.

Ни помянуша реченнаго господем: ... погубит». — Цитата из Евангелия (Мф. XIV, 26).

... еще при животе Алексее. — Алексий был митрополитом всея Руси с 1354 г. по 1378 г. Киприан (см. примеч. к с. 28) был поставлен в Царьграде на русский митрополичий стол еще при жизни Алексия, с условием, что он займет русскую митрополию после смерти Алексия. После смерти митрополита Алексия началась борьба за митрополичий престол между Киприаном, Митяем (см. след. примеч.) и Дионисием Суздальским. Эта борьба окончилась только в 1381 г. победой Киприана.

... хотяше князь великий Дмитрей Митяа... — Митяй (в монашестве Михаил), печатник (т. е. канцлер) и духовник великого князя московского Дмитрия Ивановича, претендент на всероссийский митрополичий престол, ставленник великого

князя. По желанию великого князя Митяй отправился в Царьград для поставления в митрополиты, но в пути уже вблизи Царьграда умер. О церковно-политической борьбе за митрополичий престол, в центре которой стоял Митяй, рассказывается в древнерусской «Повести о Митяе» (см. об этом в кн.: Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. Л., 1978).

Пимин же, архимандрит Переславский, з Гориць... — Пимен, архимандрит переяславского Горицкого монастыря, один из соперников Киприана в борьбе за митрополию. Воспользовавшись благоприятными обстоятельствами: внезапной смертью Митяя, в свите которого Пимен прибыл в Царьград, и тем, что все было приготовлено для поставления митрополита, — Пимен был поставлен по инициативе русских послов константинопольским патриархом в митрополиты на Русь без ведома великого князя. После возвращения из Царьграда в Москву Пимен был отстранен, а в Москву был приглашен из Киева митрополит Киприан. Пимен был сослан в Чухлому. После нашествия на Москву Тохтамыша Киприан был изгнан, а на митрополию возвращен Пимен. Умер он в 1389 г.

Стр. 53. ... *Феодора, игумена Симановскаго...* — Феодор, архимандрит Симонского монастыря, духовник великого князя после Митяя, один из участников церковно-политической борьбы за митрополичий престол, сторонник Киприана.

И прииде Киприан из Киева на Москву... И се по мале прииде весть о нашествии окаяннаго Мамаа. — На самом деле Киприан был призван в Москву уже после Куликовской битвы.

Посла же и к брату своему к великому князю Михаилу Александровичу Тферскому... — Михаил Александрович, великий князь тверской, был соперником московского князя в борьбе за великое княжение, но к моменту Куликовской битвы он уступил первенство Москве, передал ярлык на великое княжение Дмитрию Ивановичу Московскому, и между ними наступило примирение (поэтому летописец называет его братом).

Иван Всеволодович Холмский — в других редакциях «Сказания» о его участии в Куликовской битве не сообщается.

На тебе убо возвергох печаль мою... — В своей молитве Дмитрий Иванович использует новозаветный (I Петр. V, 7) и псаломский (Пс. 54, ст. 23) текст.

Многи убо скорби праведным... обретших ны зело. — В своей речи митрополит Киприан использует три цитаты из Псалтири, совершенно точно, не изменяя даже местоимения, с чем и связана несогласованность в лицах в данном отрывке. См.: Пс. 33, ст. 2; Пс. 117, ст. 18 и Пс. 45, ст. 1.

...просяще выхода, как было при царе Азбяке и при сыне Азбякове Чянибеке... — Азбяк — хан Золотой Орды Узбек с 1313 по 1342 г., при нем государственной религией Золотой Орды был признан ислам. О сыне Узбека Джанибеке см. примеч. к с. 18.

Стр. 54. *«Будите мудри, яко змис, и цели, яко голубие».* — Цитата из Евангелия (Мф. X, 16).

Стр. 55. *Ивана Святослава* — см. примеч. к с. 30 к имени «Иван Святослав Свесланин».

Григориа Судока — см. примеч. к с. 30 к имени Григорий Судоков.

Стр. 57. *Сидор Елферьев* — см. примеч. к с. 34 к имени Сидор Олферьев.

Константин см. примеч. к с. 34 к имени Константин Петунов.

Кузма Коверя — см. примеч. к с. 34 к имени Кузма Ковря.

Стр. 58. *Данило Белоус* — см. примеч. к с. 34 к имени Данило Белеут.

Феодор Белецкий — см. примеч. к с. 34 к имени Феодор Елецкий.

Стр. 60. *Дмитрей Боброков* — см. примеч. к с. 8 к имени Дмитрий Волынский.

Стр. 62. ... *на реце Чюре Михайлове...* — См. примеч. к с. 8 к словам «... на реки на Мечи, между Чюровым и Михайловым».

...два юноши светлы... — Т. е. Борис и Глеб (см. примеч. к с. 10).

...да не поперут святла пси... — Сильно сокращенная цитата из Евангелия (ср.: «Не дадите святая псом, не пометайте бисер ваших перед свиньями, да не поперут их ногами своими» — Мф. VII, 6).

Стр. 64. ...*противу татарьскаго богатыря Темиръ-мурзы...* — Это имя противника Пересвета называется только в Киприановской редакции «Сказания». Есть списки «Сказания», в которых противник Пересвета именуется Таврулом.

Стр. 67. ...*единому имя Феодор Зов...* — См. примеч. к с. 46 к имени «Феодор Сабур».

...*а другому имя Феодор Холопов...* — См. примеч. к с. 46 к имени «Григорий Холопищев».

Стр. 68. *«Велий еси, господи, и чюдна дела твоя, и ни едино есть слово доволно к похвалению чудес твоих!»*. — Цитата из Требника («Молитва на великое освящение воды»).

Убьени же быша нарочитыи и велицыи и удалые зело, их же имена суть сия... — Следующее за этой фразой перечисление погибших на Куликовом поле совпадает, почти полностью, с соответствующим перечислением в Пространной летописной повести (см. примеч. к с. 15 и 21—22). Но в Киприановской редакции «Сказания» вместо одного имени «Михайло Иванов сын Акинфович» получилось два лица — «Михайло и Иван Акинфовичи» (такое осмысление одного имени встречается и в списках самой Пространной летописной повести). Дважды упоминается в перечне Киприановской редакции белозерский князь Феодор: сначала с отчеством «Романович» (как он назван в Пространной летописной повести), а затем — «Феодор Семенович» (как это имя передано в «Задонщине» и в Основной редакции «Сказания»). Сверх перечисленных в Пространной летописной повести имен в Киприановской редакции «Сказания» названы — Иван Михайлович, Андрей Шуба и Тарас Шатнев. Из этих трех лиц об Андрее Шубе С. Б. Веселовский пишет, что в нем «можно видеть с некоторой вероятностью родственника боярина кн. Владимира Андреевича, Акинфа Федоровича Шубы» (*Веселовский*, с. 498). Два других имени известны только по Киприановской редакции «Сказания».

Стр. 70. ...*молебное совершиша...* — Т. е. отслужили молебен. Молебен — особое богослужение, совершаемое по разным поводам — в данном случае благодарственный молебен. Первоначально слово «молебен» относилось только к молебной службе божьей матери («Канон молебен...»), а потом были составлены молебны и другим святым.

Стр. 71. ...*печи понафида и служити обедня по всех по них избьенных*. — Панихида — заупокойная служба; обедня (литургия) — см. примеч. к с. 31. За литургией обязательно происходит поминовение усопших.

СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ

РАСПРОСТРАНЕННАЯ РЕДАКЦИЯ

Стр. 73. ...*первому отступнику Батыеву и новому Ульяну возревноваша*. — См. примеч. к с. 25 к словам «...поревъновавъ второму Иулиану Отступнику...». В рукописи ошибка, следует читать «Батыю».

Стр. 75. *«Въскую шаташася языцы и без ума поучишася тщетных, царие и князи...»*. — Неточная цитата из Псалтири (Пс. 2, ст. 1—2); стих 2 обрывается (цитата только названа, а не приведена полностью — текст был общеизвестен).

Баргаш — посол Ольгерда Литовского к Мамаю. В других редакциях «Сказания» это имя не встречается.

О таковых бо пророк рече: «Да не помысли суседу своему зла, да не постигнет тебе кончина». — Вольный пересказ цитат из «Книги Притчей Соломоновых» — Притч. III, 29 и XXVI, 27.

Давид же ясно глаголет в книзе псаломстей: «Изры, ископа яму, впадется сам в ню». — Цитата из Псалтири (Пс. 7, ст. 16).

Стр. 76. *О таковых убо написа блаженный Лука... и коснии умом*. — Цитата из «Деяний апостолов» (VI, 51), переданная неточно и с добавлениями. Ссылка на Луку неверна.

О сих же есть писано... неплодной. — См. примеч. к с. 28.

Стр. 76—77. *О таковых пророк рече... общуются*. — См. примеч. к с. 28.

Стр. 78. *Обыдоша мя пси... возлюби*. — Речь митрополита состоит из прямых цитат из Псалтири и из отдельных заимствованных оттуда слов и выражений — ср.: Пс. 21, ст. 17; Пс. 49, ст. 15; Пс. 117, ст. 10; Пс. 10, ст. 7.

Стр. 79. ... *Якова Ондреевича Усатого*. — В Основной редакции — Андрея Волосатого (см. примеч. к с. 29). По-видимому, произошла контаминация с упомянутым выше именем Якова Андреевича Ослябятова.

... *Ивана Всеслава*. — См. примеч. к с. 30 к имени «Иван Святослав Свеславич».

... *Григорья Судока*. — См. примеч. к с. 30 к имени «Григорий Судоков».

Стр. 80. ... *Тауз салтан*. — Боевой клич одного из тюркских племен.

Перваго князя Козымбаём зовут... ключник царев. — Имена татар, посланных от Мамаю с Захарией Тютчевым, в других редакциях не упоминаются и не встречаются в других источниках; достоверность их проверить нельзя. Условно также упоминание русских придворных должностей (постельник, конюший, ключник).

Стр. 81. ... *яко же Плакиде Стратилату*. — Т. е. Евстафию Плакиде (см. примеч. к с. 30 к словам «... гнѣздо есмя князя Владимира... Еустафию Плакидѣ»).

Яко же пишит Евангелие... последний день. — Пересказ цитаты из Евангелия (Мф. XIX, 29).

Стр. 85. ... *Сидора Алферева*. — См. примеч. к с. 34 к имени «Сидор Олферьев».

... *Константина Болка*. — См. примеч. к с. 34 к имени «Константин Петунов».

... *Козму Ковырю*. — См. примеч. к с. 34 к имени «Козма Ковря».

... *Дмитрея Сараева*. — См. примеч. к с. 34 к имени «Дементей Саларев».

Епископ же Еуфимий. — В 1380 г. коломенским епископом был Герасим. См. примеч. к с. 34 к словам «Архиепискупъ же Геронтей...».

Стр. 86. ... *Варлама чюдотворца*. — Варлаам Хутынский, основатель новгородского Хутынского монастыря, умер в 1192 г. Канонизирован в 1461 г., местное почитание его как святого известно с XIII в.

... *архиепископом Великого Новаграда и Пскова Еуфимием*. — Здесь допущен анахронизм: в 1360—1388 гг. архиепископом новгородским был Алексей, «из ключарей Софийского собора». Архиепископ Евфимий I умер в 1429 г.; архиепископ Евфимий II — 1429—1458.

Тогда же быша на Москве гости новгородския с таваром: Микула Новгородец, Иван Васильевъ Усатый, Дмитрий Ключков. — Имена новгородских купцов, сообщивших в Новгород о Мамаевом нашествии, по другим источникам неизвестны.

Стр. 87. *И избраша шесть воевод храбрых... Хромого*. — Имена новгородских воевод, приведших новгородское ополчение к Дмитрию Донскому, по другим источникам неизвестны.

Стр. 88. ... *на дворнице святого Николы*. — Имеется в виду «Ярославов двор», расположенный на правом берегу Волхова, центром которого является церковь Николая Чудотворца.

Стр. 89. ... *князь Глеб Друческий*. — В Основной редакции Глеб Брянский — см. примеч. к с. 34.

Иван Родионович. — См. примеч. к с. 34 к имени «Иван Квашня Родивоновичь».

Данила Белаус. — См. примеч. к с. 34 к имени «Данило Белеут».

Константинович. — Ошибочное написание, следует читать — Константин Конанович (см. примеч. к с. 34).

Стр. 94. ... *Дмитрей Боброков*. — См. примеч. к с. 8 к имени «Дмитрий Волинский».

... *богатыри руские, аки живы пашутся, бывшая на плащаницах воображени*. — Порча текста. Этот отрывок можно осмыслить лишь приблизительно. По-видимому, здесь речь идет о знаменах, на которых были какие-то изображения.

Стр. 95. ... *Фома Халцубеев*. — См. примеч. к с. 40 к имени «Фома Кацибей». ... *два юноши светлы*. — Т. е. Борис и Глеб (см. примеч. к с. 10).

Стр. 96. *Не могут обрезании человецы*. — Обрезанные, т. е. иудеи или мусульмане; здесь, вероятно, — нехристиане.

Стр. 98. ... *от стреляния пицального*. — Пицаль — огнестрельное артиллерийское оружие, применялось в XV—XVI вв., а в строевом бою — еще позднее.

СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ

ОСНОВНАЯ РЕДАКЦИЯ, ПЕЧАТНЫЙ ВАРИАНТ

Стр. 103. ... *начат завидети первому Батыю и второму безбожному Батыю*. — Порча текста. Следовало бы читать — «прежнему Батыю, второму Юлиану Отступнику».

Стр. 104. ... *алпаутом, князем и улином*. — Алпаут — см. примеч. к с. 26. Улан — (тюркс. оглан) — член ханской семьи у татар, лицо княжеского рода.

Стр. 106. ... *в Городце*. — Ошибка. Должно быть — в Боровце.

Стр. 106—107. ... *именем Захарию Кошкова*. — См. примеч. к с. 29 к имени «Захария Тютчев».

... *Якова Андреева сына Усатого*. — См. примеч. к с. 79.

... *Климонта Послянинова*. — См. примеч. к с. 30 к имени «Климентий Полянин».

... *Ивана Связлова*. — См. примеч. к с. 30 к имени «Иван Святослав Свесланин».

... *Григорья Садыка*. — См. примеч. к с. 30 к имени «Григорий Судокон».

Стр. 108. ... *якоже оному Стратилату*. — Т. е. Ефстафию Плакиде (см. примеч. к с. 30 к словам «... гнѣздо есмя князя Владимира... Еустафию Плакидѣ»).

Во святом бо Евангелии... во оном веце. — См. примеч. к с. 30. В тексте порча: вместо «постраждет за имя» должно быть или «за имя мое», или «за мя».

... *князь Лев Серповский*. — В других редакциях «Сказания» здесь упоминается князь Лев Курбский (см. примеч. к с. 30). Возможно, что это простая ошибка, а может быть, имелся в виду князь серпейский.

Стр. 112. ... *Сидора Алфериева*. — См. примеч. к с. 34 к имени «Сидор Олферьев».

... *Константина Болкова*. — См. примеч. к с. 34 к имени «Константин Петунов».

... *Козму Коверю*. — См. примеч. к с. 34 к имени «Козма Ковря».

... *Семена Коротоноса*. — См. примеч. к с. 34 к имени «Семен Онтонов».

... *Михаила Коротоноса*. — См. примеч. к с. 34 к имени «Михаил Саларев».

... *Ивана Шаха*. — См. примеч. к с. 34 к имени «Иван Ших».

... *Дементья Сараева*. — См. примеч. к с. 34 к имени «Дементий Саларев».

... *князя Глеба Каргополскаго*. — См. примеч. к с. 34 к имени «Глеб Брянский».

Стр. 113. ... *Данило Белоус*. — См. примеч. к с. 34 к имени «Данило Белеут».

Стр. 114. ... *«Господи владыко живота моего»*. — Начало молитвы Ефрема Сирина из Постной Триоди.

Стр. 115. ... *и Северу свою, яже есть в полше видеши*. — Текст испорчен, истолкованию не поддается.

... *на месте реченном Березе*. — Березуй — см. примеч. к с. 37.

... *ревнителю отца нашего Авраама и Исаака и Иакова*. — Авраам — см. примеч. к с. 37. Исаака и Иакова — в данном случае употреблено шаблонное словосочетание, не нужное здесь по смыслу.

... *тайны Лотовы вскоре испытав*. — См. примеч. к с. 37 к словам «Въистинну ревнителю есте праотца нашего Авъраама...».

... *на память убиения князя Бориса Владимировича*. — Здесь ошибка: 5 сентября — память убиения Глеба Владимировича. См. примеч. к с. 10 к именам «Борис и Глеб».

Стр. 117. ...*Гедеоновых соузниц*... — Надо читать «свузниц», т. е. всадников. См. примеч. к с. 39.

...*уже алистора из работы извед*. — Здесь текст испорчен, смысл его можно понять только по аналогии с другими редакциями. Значение слова «алистор» неизвестно.

Стр. 118. ...*Фома Хаберцыев*... — См. примеч. к с. 40 к имени «Фома Кацибей».

Стр. 119. ...*чюдо архистратига Михаила*... — 6 сентября — праздник «Чюдо архистратига Михаила в Хонех». Возможно, что с этим связано упоминание в этом эпизоде о «чуде Михаила».

Стр. 120. *Оленгий* — т. е. Леонтий (см. примеч. к с. 42).

...*Иустинианом Омиритом царем*. — Имя царя, при котором пострадал мученик Арефа (см. примеч. к с. 42), указано здесь неправильно: омиритским царем, мучившим Арефу, был Дунаан, а не Юстиниан — император Византийской империи (518—627 гг.), царствовавший в это же время.

Стр. 122. ...*погирцы*... — Греч. потир — чаша; церковный сосуд в форме кубка, обычно из драгоценного металла, чаша, из которой производится причащение.

Стр. 124. *Сабур* — см. примеч. к с. 46 к имени «Феодор Сабур».

...*рече псалом... радость*... — Цитата из 29-го псалма, ст. 8, сопровождается заголовком, которым снабжен 29-й псалом в служебной псалтири — «песнь обновления дому Давидову».

Сия же суть имена их:... — За этими словами следует перечень убитых на Куликовом поле. Он в основном совпадает с теми перечнями, которые есть в Пространной летописной повести и в других редакциях сказания (см. примеч. к с. 15, 21—22). Некоторые имена даны в другой форме: Михайло Каргаша Иванович, Дмитрий Мичень. Дважды упоминается одно и то же лицо: Тимофей Васильевич (см. примеч. к с. 10 к имени «Тимофей Волуевич»), он же Волуй Окатьевич. Из неупомянутых выше лиц — Василий Порфирьевич и Григорий Ослябя (это, по-видимому, не Сергиев монах Андрей Ослябя — потому что, судя по «Задонщине», Андрей Ослябя в Куликовской битве не погиб).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абдуллах, хан 278
 Авгарь, царь, библия 393
 Авдотья см. Евдокия
 Авис, персонаж «Александрии» 47, 171, 226, 404
 Авраам, пророк, библия 17, 37, 84, 92, 110, 115, 141, 161, 209, 217, 235, 240, 387, 401, 408
 Агарь, библия 387
 Агафоник, мученик 109, 234
 Агриппина, дочь Ольгерда, великого князя литовского 274
 Адам, библия 62, 188
 Адрианова-Перетц В. П. 283, 309, 311, 314, 320, 329, 344, 350, 368
 Азбелев С. Н. 283
 Азбук см. Узбек
 Акатий, родоначальник боярского рода Валучевых 385
 Аким см. Иоаким
 Акинф Федорович Шуба, боярин 303, 406
 Аксиныя см. Ксения
 Александр Белеут, боярин 399
 Александр-Всеволод Глебович, князь смоленский 399
 Александр Македонский 39, 52, 163, 177, 401, 404
 Александр Михайлович, князь тверской 400
 Александр Невский 38, 41, 46, 65, 67, 70, 93, 96, 100, 116, 119, 124, 162, 165, 171, 190, 192, 196, 218, 221, 225, 244, 249, 268, 331, 401—404
 Алексий, архиепископ новгородский 407
 Алексий, митрополит всея Руси 52, 177, 266, 278, 404, 407
 Альгирдас см. Ольгерд Гедиминович Литовский
 Амалик, библия 39, 41, 94, 119, 219, 244, 401, 402
 Андрей (Ондрей), князь кемский 30, 56, 82, 108, 155, 181, 207, 233, 377, 395
 Андрей, князь муромский 34, 58, 89, 113, 159, 183, 214, 238, 400
 Андрей, князь прозоровский 30, 56, 108, 155, 181, 233, 395
 Андрей Боголюбский, великий князь суздальский 392, 396
 Андрей Волосатый, воевода 29, 55, 87, 154, 180, 213, 394, 407
 Андрей Иванович, князь серпуховской 382
 Андрей Ольгердович, князь полоцкий 8—10, 17, 36—38, 45, 59, 60, 90—94, 114—116, 132—134, 141—142, 160—163, 170, 185, 215—219, 239—242, 274, 282, 284, 299, 303, 318, 329, 330, 348, 349, 366, 376, 383, 400, 401
 Андрей Ослябя см. Ослябя Андрей
 Андрей Рублев 259, 287, 315, 321
 Андрей Серкизович (Андрей Иванович Серкизов, Серказ) 10, 15, 22, 34, 58, 68, 89, 113, 125, 134, 138, 146, 159, 183, 194, 214, 238, 250, 302, 385
 Андрей Шихов 398
 Андрей Шуба 68, 194, 406
 Андрей Ярославский см. Андрей, князь прозоровский
 Анна, княгиня 90, 114, 215, 239, 400
 Анна, праведная 11, 135, 316, 373, 386
 Анна, сестра Дмитрия Донского 383
 Антиох (IV) Епифан, царь государства Селевкидов 51, 176, 404
 Антоний, мученик 274
 Араб-шах, хан 280, 282
 Арефа, мученик 42, 97, 120, 167, 222, 246, 403, 409
 Арсений Грек 261
 Афанасьев А. Н. 355
 Афет см. Иафет
 Ахмед-хан, хан 289
 Ачиц, князь, конюший Мамая 80, 205
 Ашурков В. Н. 290, 297

- Бартяш (Бартяж, Бортеш), посол к Мамаю от князя Ольгерда Литовского 75, 76, 200, 201, 336, 337, 406
 Батура Р. К. 264, 273, 281, 282
 Батый (Бату), хан 13, 16, 25, 26, 28, 50, 73, 77, 103, 106, 111, 137, 140, 149, 150, 152, 175, 198, 202, 228, 231, 237, 255, 256, 263, 314, 377, 387, 392, 394, 406, 408
 Баязид, султан турецкий 386
 Бегич, воевода Мамаю 281, 379, 387
 Бегунов Ю. К. 283, 397, 400
 Белеут см. Александр Белеут, Данило Белеут, Данило Петрович Белеут
 Белеутовы, боярский род 399
 Беляев И. Д. 369
 Бира Ш. 286
 Биргер, правитель Швеции 401
 Бердибек, хан 380, 389
 Блок А. А. 290
 Боброк см. Дмитрий Михайлович Боброк Волынский
 Борис, князь суздальский 274
 Борис, св. 10, 21, 35, 40, 41, 45, 46, 62, 66, 67, 89, 95, 96, 99, 100, 113, 115, 118, 119, 123, 124, 133, 145, 159, 165, 169—171, 187, 191, 192, 214, 220, 221, 224, 225, 238, 241, 244, 248, 250, 316, 331, 350, 384, 389, 400, 402, 405, 408
 Борисов Н. С. 287
 Бортеш см. Бартяш
 Босворт К. Э. 264
 Боян 7, 131, 311, 319, 321, 362, 363, 382
 Бренков Михаил Андреевич см. Михаил Андреевич Бренков
 Брике Ш.-М. 375
 Буганов В. И. 335
 Буслаев Ф. И. 312, 360
 Валугеы см. Василий Акатьевич, Тимофей Волугевич
 Варлаам, архимандрит 370
 Варлаам Хутынский, св. 86, 211, 407
 Василий, сын великого князя Дмитрия Ивановича 18, 30, 58, 85, 111, 142, 158, 183, 210, 237, 258, 259, 340, 341, 379
 Василий Акатьевич, боярин 58, 183, 384
 Василий Васильевич Вельяминов, московский тысяцкий 267, 380
 Василий Великий, архиепископ кападокийский 29, 54, 78, 106, 153, 179, 203, 231, 394
 Василий Капица, сурожский купец 34, 57, 62, 85, 112, 158, 183, 187, 210, 237, 397, 398
 Василий Порфирьевич 125, 250, 409
 Василий Тупик 29, 30, 55, 79, 107, 154, 180, 204, 232, 233, 394
 Вассиан, архиепископ ростовский 295
 Васюк Сухоборец 283
 Вельяминовы см. Василий Васильевич Вельяминов, Николай Васильевич Вельяминов
 Вениамин, библ. 37, 91, 115, 161, 216, 240, 401
 Вернадский Г. 268
 Веселовский С. Б. 295, 303, 380, 383, 385, 387—389, 391, 399, 400, 406
 Весяков Тимофей см. Тимофей Весяков
 Витаутас, сын Кейстутиса 281
 Витовт, великий князь литовский 273, 341, 383, 387, 399
 Владимир, князь дорогобужский 303
 Владимир Андреевич (Ондреевич), князь серпуховской и боровский 7, 8, 10—13, 16, 17, 23, 25, 28—35, 38, 39, 41, 44—46, 49, 53—58, 60, 62, 65—71, 77, 79, 82—85, 89, 91, 93, 94, 98—103, 106—113, 115, 117, 118, 122—124, 126, 127, 131—137, 140—142, 147, 149, 152—159, 161, 163, 165, 168—171, 174, 178, 181—183, 185, 188, 190—194, 196, 202, 204, 206—211, 214, 216, 218, 219, 223—228, 231—238, 240, 242, 243, 247—249, 252, 258, 266, 274, 276, 282, 285, 293, 309, 310, 316, 317, 319, 325, 343, 348, 357, 361—367, 369, 371, 379, 380, 382, 387, 393, 397, 399, 406
 Владимир Всеволож (Всеволодович, Всеволодич), князь 34, 43, 58, 63, 89, 97, 112, 159, 167, 183, 188, 214, 223, 238, 399
 Владимир I Святославич, великий князь киевский 7, 8, 10, 25, 30, 70, 81, 108, 131, 132, 134, 154, 196, 206, 233, 316, 347, 348, 352, 361, 363, 371, 381, 382, 384, 395
 Владислав II Ягелло см. Ягайло
 Волосатовы, дворянский род 394
 Волосатый см. Андрей Волосатый
 Волуй Окатьевич см. Тимофей Волугевич (Васильевич)
 Вольгорд литовский см. Ольгерд Гедиминович Литовский
 Воронин Н. Н. 392, 396
 Всеволод (Дмитрий) Юрьевич Большое Гнездо, великий князь владимирский 392
 Всеволожи, княжеский род 399
 Гедеон, библ. 25, 39, 94, 103, 117, 149, 163, 219, 228, 243, 392, 401, 402, 409
 Гедмин (Гедымонт, Едиман, Едимент, Едимонт, Жидимонт, Домент), вели-

- кий князь литовский 8, 133, 273, 290, 325, 371, 383, 393
- Георгий (Юрий) Всеволодович, великий князь владимирский 25, 74, 103, 149, 198, 228, 392
- Георгий Победоносец, св. 21, 145, 391
- Георгий (Юрий) Святославич, князь смоленский 273
- Герасим, архиепископ коломенский 18, 57, 58, 70, 142, 183, 195, 389, 398, 399, 407
- Геронтий, архиепископ коломенский 34, 158, 398
- Глеб, князь брянский, воевода 34, 58, 89, 159, 183, 214, 303, 399, 407, 408
- Глеб, князь карголомский и андомский (каргопольский и цыдонский) 30, 56, 82, 108, 112, 155, 181, 207, 233, 395, 408
- Глеб, св. 10, 21, 35, 37, 40, 41, 45, 46, 62, 66, 67, 89, 92, 95, 96, 99, 100, 113, 118, 119, 123, 124, 133, 145, 159, 162, 165, 169—171, 187, 191, 192, 214, 217, 220, 221, 224—226, 238, 244, 248, 250, 316, 331, 350, 384, 389, 400, 402, 405, 408
- Глеб Друцкий (Друческий, Дрютцкий) см. Глеб, князь брянский
- Голиаф (Голиад, Галиад, Гольяд), библ. 43, 64, 96, 98, 117, 119, 121, 167, 189, 221, 223, 242, 244, 246, 351, 354, 355, 391, 401, 403
- Голицын Н. С. 297
- Голубцов И. А. 265
- Гонгор Д. 286
- Горские, дворянский род 400
- Горский А. В. 370
- Горский Петр см. Петр Горский
- Греков Б. Д. 286
- Греков И. Б. 270, 340
- Григорий Капустин 47, 125, 172, 250
- Григорий Ослябя 125, 250, 409
- Григорий Судоков (Судаков, Судок, Садук) 30, 55, 79, 107, 154, 181, 204, 233, 395, 405, 407, 408
- Григорий Холопищев (Холопичев) 46, 66, 100, 124, 170, 192, 225, 249, 376, 403, 406
- Григорий Цамблак 261
- Гридя Хрулев 283
- Гурс (Гурк) см. Хорс
- Давид, царь, библ. 22, 23, 39, 45, 64, 94, 96, 99, 117, 119, 122, 124, 146, 147, 163, 169, 189, 219, 221, 224, 242, 244, 248, 250, 350, 391, 401, 403, 406, 409
- Даль В. И. 384
- Даниил, князь пронский 49, 174, 281, 404
- Даниил, митрополит московский и всея Руси 335, 336
- Даниил Александрович, князь московский 65, 190
- Данило Белеут (Белаус), воевода 34, 58, 89, 113, 159, 183, 214, 238, 399, 400, 405, 407, 408
- Данило Константинович Белаус (Белоус) см. Данило Белеут
- Данило Петрович Белеут 399
- Дарий, царь персидский 47, 125, 171, 226, 250, 404
- Дементий Саларев (Дмитрий Сараев), сурожский купец 34, 57, 85, 112, 158, 183, 210, 237, 398, 407, 408
- Демкова Н. С. 333, 353, 367
- Джанибек (Чанибек, Чаниб, Чянибек), хан 18, 53, 142, 179, 278, 282, 330, 389, 405
- Джучи, хан 263, 381, 387, 388
- Диоклетиан, император римский 403
- Дионисий Суздальский, претендент на митрополичий престол 404
- Дмитриев Л. А. 283, 307, 311, 332, 333—335, 338, 342, 353, 359, 360, 365, 375, 377, 389, 394
- Дмитриева Р. П. 308, 311, 361, 362, 369, 382
- Дмитрий (Митяй) см. Митяй
- Дмитрий, князь ростовский 30, 56, 82, 108, 155, 181, 207, 233, 395
- Дмитрий Александрович Монастырев, боярин 21, 68, 125, 146, 193, 250, 303, 391
- Дмитрий Волынский см. Дмитрий Михайлович Боброк Волынский
- Дмитрий Всеволож (Всеволодич, Всеволодович), князь 34, 43, 58, 63, 89, 97, 112, 121, 159, 167, 183, 188, 214, 223, 238, 246, 399
- Дмитрий Данилович Заверяжский, воевода новгородский 87, 213
- Дмитрий Ермолин, купец 397, 398
- Дмитрий Иванович (Донской), великий князь владимирский и московский 7—18, 20, 23—30, 32—34, 36—38, 46—62, 64—95, 97, 98, 100—117, 119, 120, 123—127, 131—144, 147, 149—155, 157, 160—163, 171—177, 179—182, 184—187, 189—192, 194—220, 222, 223, 225—243, 245, 249—252, 255, 257, 258, 265—268, 270—272, 274—282, 284, 285, 287, 289, 290, 293—295, 297—299, 302, 305—307, 309—311, 313, 314, 316—318, 320—327, 329—331, 337—340, 342—344, 347—351, 354, 357, 361—367, 369—372, 379, 380, 382, 383, 385—391, 394, 396—400, 403—405, 407

- Дмитрий Ключков, купец новгородский 86, 211, 407
 Дмитрий Константинович, князь суздальско-нижегородский 379, 389
 Дмитрий Минин (Мининич, Мяннич, Мишень), боярин 22, 68, 125, 146, 194, 250, 303, 391, 409
 Дмитрий Михайлович Боброк (Боброков) Волынский, князь 8, 10, 33, 40, 41, 44—46, 60—62, 65, 94, 95, 99, 101, 117—119, 122, 124, 132, 134, 163—166, 168, 169, 171, 186—188, 190, 191, 219, 220, 224, 225, 242—244, 247, 248, 250, 282, 285, 292, 293, 345, 350, 351, 353, 366, 376, 377, 383, 405, 407
 Дмитрий Ольгердович, князь Брянский 8—10, 17, 36—38, 45, 59, 60, 90—94, 114—116, 132—134, 141, 142, 160—163, 170, 185, 215—219, 239—242, 282, 284, 300, 303, 318, 329, 330, 348, 349, 366, 383, 400, 401
 Дмитрий Ростовский, св. 403
 Дмитрий Сараев см. Дементий Саларев
 Дмитрий Солунский, св. 21, 145, 391
 Дмитрий Черный (Дмитрей Черной), сурожский купец 34, 57, 85, 112, 158, 183, 210, 237, 398
 Долгоруков П. 394
 Дунаан, царь омиритский 403, 409
 Дьяченко Г. 396
- Евдоким, праведный 55, 180
 Евдокия (Авдотья, Евдокея), великая княгиня 18, 33, 37, 58, 84, 85, 92, 110, 111, 115, 127, 142, 157, 161, 183, 184, 209, 210, 217, 236, 241, 252, 263, 378, 389
 Евстафий, мученик 274
 Евстафий Плакида, великомученик 30, 108, 154, 206, 233, 395, 407, 408
 Евфимий, архиепископ коломенский 85, 89, 211, 214, 399, 407
 Евфимий, архиепископ новгородский и псковский 86, 88, 112, 211, 212, 213, 237, 407
 Евфросинья Ярославна, жена героя «Слова о полку Игореве» Игоря Святославича 317
 Егоров В. Л. 264, 286, 380, 381, 390
 Едигей (Храбрый), князь татарский 259, 288, 341, 342, 380
 Едимант (Едимент, Едимонт) см. Гедимин
 Езекия, библ., царь иудейский 28, 77, 106, 152, 202, 231, 393
 Елезвой, царь эфиопский 403
 Елена, дочь великого князя литовского
- Ольгерда, жена Владимира Андреевича 33, 157, 274, 379, 397
 Елецкие, княжеский род 400
 Епифан Кореев, боярин 16, 141, 330
 Епифаний Премудрый 259, 315, 321
 Ермола Васкин, купец 111, 398
 Ермолин см. Дмитрий Ермолин
 Ермолины, купеческий род 397
 Еффоний резанец см. Софоний Рязанец
 Ефрем Сирийский, сирийский богослов, учитель церкви 408
 Ефросин, монах Кирилло-Белозерского монастыря 308, 313, 353, 370
- Жданов И. Н. 370, 371
 Жидимонт см. Гедимин
 Жуковский В. А. 290
- Заболотские, княжеский род 399
 Заверяжский см. Дмитрий Данилович
 Заверяжский
 Загребин В. М. 375
 Захарий Тютчев (Тутчев, Тютышов), посол к Мамаю от великого князя Дмитрия Ивановича 29, 54, 78—81, 107, 153, 179, 203—205, 232, 336, 337, 355, 394, 407, 408
 Захария, пророк, библ. 37, 92, 115, 162, 217, 241, 403
 Захария Кошков см. Захарий Тютчев
- Иаков, библ. 115, 240, 408
 Иаков Ослябятев см. Яков Ослябятев
 Иафет, сын Ноя, библ. 7, 131, 314, 316, 327, 380
 Иван, сын великого князя Дмитрия Ивановича 18, 142, 389
 Иван Акинфович см. Михаил Иванович Акинфович
 Иван Александрович 22, 68, 125, 146, 194, 250, 391
 Иван Большой, старший сын Александра Всеволода Смоленского 399
 Иван (III) Васильевич, великий князь московский 259, 265, 268, 270, 289, 295
 Иван Васильевич, воевода 87, 213
 Иван (IV) Васильевич Грозный 280
 Иван Васильевич Усатый, купец новгородский 86, 211, 407
 Иван Всеволодович Холмский 53, 178, 405
 Иван Всеслав см. Иван Святославич
 Свесланин
 Иван (I) Данилович Калита, князь московский, великий князь владимирский 65, 190, 265, 372, 379, 382, 397

- Иван (II) Иванович Красный, великий князь московский и владимирский 379
- Иван Квашня Родионович см. Иван Родионович Квашня
- Иван Меньшой, сын Александра-Всеволода Смоленского 399
- Иван Михайлович, князь 68, 193, 303, 406
- Иван Мороз, боярин 388
- Иван Родионович Квашня, воевода 34, 58, 89, 113, 159, 183, 214, 238, 399, 407
- Иван Связлов см. Иван Святославич Свесланин
- Иван Святославич Свесланин (Иван Все-слав, Иван Святослав, Иван Связлов) 30, 55, 79, 107, 154, 181, 204, 233, 395, 405, 407, 408
- Иван Титыч Козельский, родоначальник княжеского рода Елецких 400
- Иван Федорович, сын Федора Семеновича, князя белозерского 15, 21, 68, 125, 138, 146, 193, 250, 302, 384, 387
- Иван Ших (Шых, Шах), сурожский купец 34, 57, 85, 112, 158, 183, 210, 237, 398, 408
- Игнатий Крень 35, 59, 89, 113, 159, 185, 214, 138, 400
- Игорь Рюрикович, великий князь киевский 8, 131, 362, 371, 381, 382
- Игорь Святославич, князь новгород-северский, герой «Слова о полку Игореве» 310, 313—315, 317, 320, 326, 328, 363
- Иезекия см. Езекия
- Иеремия, пророк, библ. 329, 389
- Измаил, сын пророка Авраама, библ. 387
- Иисус Христос 16, 28, 30—32, 35, 36, 39, 41, 42, 53, 54, 56, 57, 60, 63, 64, 67, 70, 71, 77, 79, 83, 86, 87, 94, 106, 108—110, 114, 116, 117, 119, 120, 140, 152, 160, 161, 163, 164, 166, 167, 178, 179, 181, 182, 185, 190, 192, 195, 196, 202, 204, 208, 209, 212, 219, 243, 245, 329, 331, 344, 388, 391, 393, 395, 396, 399, 401—403
- Иловайский Д. И. 294
- Илья Муромец, фольклорный персонаж 355
- Индюк, князь, ключник Мамаю 80, 205
- Иоаким (Аким, Яким), праведный 11, 135, 316, 373, 386
- Иоанн, евангелист 388
- Иоанн, мученик 274
- Иоанн Предтеча (Креститель) 112, 238
- Иосиф, библ. 37, 91, 115, 161, 216, 240, 401
- Ирод, царь, библ. 37, 91, 115, 161, 216, 240, 401
- Исаак, библ. 115, 240, 408
- Исайя, пророк, библ. 393
- Иуда Искарот 18, 142, 331
- Иулиан см. Юлиан
- Ишжамц Н. 286
- Казакова Н. А. 268
- Казимир Великий, король польский 274
- Каменцева Е. Н. 292
- Капустин см. Григорий Капустин
- Карамзин Н. М. 385
- Карасев А. В. 297
- Карп Олексин (Александров, Александрович) 35, 37, 59, 89, 92, 113, 115, 159, 162, 185, 214, 217, 238, 241, 400
- Кейстутис, брат Ольгерда 273, 274, 276, 281
- Киприан, митрополит московский и всея Руси 28, 31, 37, 52—54, 56, 58, 63, 70, 71, 77, 78, 83, 92, 106, 107, 109, 115, 152, 161, 177—183, 188, 195, 196, 202, 203, 208, 217, 231, 240, 261, 267, 270, 278, 323, 335, 336, 338—341, 393, 404, 405
- Кирпичников А. Н. 283, 292
- Климентий Полянин (Климент Поленин, Климонт Послянинов) 30, 55, 79, 107, 154, 181, 204, 233, 395, 408
- Клосс Б. М. 335
- Ключевский В. О. 355
- Ключков см. Дмитрий Ключков
- Кодрат, апостол 70, 195
- Козма Ковря (Кузьма Коверя, Ковыря, Ховрин, Ховря), сурожский купец 34, 57, 85, 112, 158, 183, 210, 237, 398, 405, 407, 408
- Козымбай, князь, постельник Мамаю 80, 205, 407
- Колават см. Салават
- Коммо Ш. 286
- Кондрат см. Кодрат
- Кононов см. Константин Кононов
- Константин Болк см. Константин Петунов
- Константин Великий, император римский 23, 39, 42, 70, 94, 96, 117, 120, 147, 163, 166, 196, 219, 222, 242, 245, 391, 401, 402
- Константин Кононов (Конанов, Кононович, Конанович) воевода 34, 58, 113, 159, 183, 238, 303, 399, 400, 407
- Константин Петунов (Болк, Болков), сурожский купец 34, 57, 85, 112, 158, 183, 210, 237, 398, 405, 407, 408
- Кореев см. Епифан Кореев
- Кориат-Михаил Гедиминович, князь литовский 383
- Косточкин В. В. 283

- Ксения (Аксинья, Оксинья), жена воеводы Михаила Ивановича 11, 135, 386
- Кузьма см. Козма
- Куприн В. 301
- Кучкин В. А. 265
- Кучма В. В. 296
- Лавр, св. 31, 56, 82, 108, 109, 155, 181, 207, 208, 234, 396
- Лазарь, князь сербский 255
- Лев, князь курбский 30, 56, 82, 108, 155, 181, 207, 233, 395, 408
- Лев Иванович Морозов (Мозырев, Мазырев), воевода 15, 22, 68, 139, 146, 194, 302, 388, 391
- Лев (VI) Мудрый (Лев Деспот), император византийский 403
- Лев Серповский см. Лев, князь курбский
- Леонтий (Левонтий), сокольничий 384
- Леонтий (Олентий), царь 42, 97, 120, 167, 222, 246, 403, 409
- Леопольд О. 319
- Лихачев Д. С. 307, 308, 312, 313, 315, 316, 320, 321, 356, 358, 380
- Лихачев Н. П. 365
- Лот, библ. 37, 92, 115, 161, 217, 240, 401, 408
- Лука, евангелист 32, 36, 52, 57, 83, 91, 110, 114, 160, 177, 182, 209, 216, 235, 240, 396, 400, 406
- Лупц, мученик 109, 234
- Лурье Я. С. 308
- Луцкий Е. 297
- Любарт (Дмитрий) Гедиминович, князь литовский 274
- Людовик, король венгерский 274
- Маврикий Стратег (Псевдо-Маврикий), византийский писатель 296
- Магомет (Махмет, Махомет), основатель ислама 45, 99, 123, 169, 224, 248, 403
- Макарий, митрополит московский 309, 364
- Максенций (Максентий), император римский 117, 242, 402
- Мамай, правитель Золотой Орды 7—9, 13—30, 35, 36, 38, 43, 45, 48—56, 58, 59, 63, 65, 66, 68, 70—81, 84, 86, 87, 90, 92, 98, 99, 102—107, 110, 113, 114, 121, 123, 125, 131—133, 136—154, 159, 160, 163, 167, 169—181, 184, 189, 191, 193, 195, 197—205, 209, 211, 212, 215, 217, 218, 223—225, 227—232, 235, 239, 246, 248, 249, 251, 256—258, 264, 266, 277—282, 284, 285, 287, 294, 295, 300—302, 305—307, 309, 315, 317, 318, 320—324, 327, 328, 330, 331, 333, 335—338, 340, 342—344, 347—350, 354, 355, 365, 367, 369, 374, 380, 383, 384, 386—390, 393, 394, 396, 398, 401, 403—407
- Мария (Марья), жена воеводы Андрея Серкизовича 11, 135, 386
- Мария, жена воеводы Николая Васильевича Вельяминова 11, 135, 373
- Мария, жена князя Владимира Андреевича см. Елена
- Мария, княгиня ростовская 267
- Мария дева, богоматерь 18, 20, 79, 142, 144, 204
- Мария Ярославна, княжна витебская 273, 400
- Марк, евангелист 400, 403
- Марков А. 333
- Маркс К. 281, 313
- Масловский Д. 296, 297
- Матвеева Г. С. 286
- Матфей, евангелист 329, 390, 400, 401, 404, 405, 407
- Менгу-Тимур, хан 268
- Меркурий Кесарийский, св. 29, 54, 78, 106, 153, 179, 203, 232, 394
- Мерперт Н. Я. 268
- Мещерские см. Федор Мещерский, Юрий Мещерский
- Мещерский Н. А. 402
- Микула Васильевич см. Николай Васильевич Вельяминов
- Микула Новгородец, купец новгородский 86, 211, 407
- Милюковы, боярский род 388
- Мингалев В. С. 342
- Минин см. Дмитрий Минин
- Митяй (Дмитрий), архимандрит спасский 52, 53, 177, 178, 266, 267, 278, 339, 404, 405
- Михаил, архистратиг 32, 57, 84, 110, 119, 145, 157, 182, 209, 236, 244, 390, 409
- Михаил Акинфович см. Михаил Иванович Акинфович
- Михаил Александрович, боярин 13, 47, 69, 102, 126, 137, 172, 194, 227, 251, 387
- Михаил Александрович, князь тверской (тферской) 53, 178, 272, 273, 277, 279, 280, 405
- Михаил Андреевич, боярин см. Михаил Александрович, боярин
- Михаил Андреевич Бренков (Бренок), воевода 15, 22, 41, 46, 47, 63, 65, 66, 68, 96, 100, 101, 119, 124, 125, 139, 146, 166, 170, 171, 188, 190, 192—194, 221, 225, 226, 245, 249, 250, 285, 293, 299, 302, 303, 348, 377, 387

- Михаил Васильевич, воевода 47, 171
 Михаил Иванович Акинфович (Окинфович), воевода 10, 15, 22, 68, 134, 138, 146, 194, 302, 303, 375, 385, 406
 Михаил (Михайла) Каргаша Иванович 125, 250, 409
 Михаил Коротынос см. Михаил Саларев
 Михаил Львович, воевода новгородский 87, 213
 Михаил Саларев (Сараев), сурожский купец 34, 57, 85, 112, 158, 183, 210, 237, 398, 408
 Михей, сокольничий 384
 Моисеева Г. Н. 310, 385
 Моисей, библ. 23, 25, 41, 96, 103, 119, 143, 147, 149, 165, 221, 228, 244, 331, 390—392, 402
 Моисей Муриц, св. 34, 57, 85, 112, 158, 183, 211, 237, 398
 Монастырев см. Дмиртий Александрович Монастырев
 Морозов см. Лев Иванович Морозов
 Мстислав Тарусский, князь 21, 68, 125, 146, 193, 250, 303
 Мухаммед-Булак, хан 278
- Навуходоносор II, царь Нововавилонского (Халдейского) государства 25, 50, 51, 74, 104, 149, 175, 176, 198, 392, 393
 Назаревский А. А. 310
 Назаров В. Д. 281
 Насонов А. Н. 286
 Настасья 373
 Нацагдорж III. 286
 Невоструев К. И. 370
 Некомат, купец 267
 Николай Васильевич Вельяминов, воевода коломенский 7, 10, 11, 15, 22, 34, 43, 47, 55, 58, 63, 68, 89, 97, 101, 113, 121, 125, 131, 134, 135, 138, 146, 159, 167, 172, 180, 183, 188, 193, 194, 214, 223, 226, 238, 246, 250, 373, 380
 Новосельцев А. П. 264
 Новосильский см. Стефан Новосильский
 Ной, библ. 7, 131, 380
- Оксинья см. Ксения
 Олег Иванович Рязанский, великий князь рязанский 15—18, 23—30, 35—37, 48—51, 54, 55, 58, 59, 69, 74—79, 86, 89—92, 102—107, 113, 114, 116, 126, 139—142, 147, 150—154, 159, 160, 162, 173—176, 179—181, 184, 185, 195, 199—204, 211, 214—217, 227—233, 238—241, 252, 281, 282, 305, 321, 323—325, 330, 331, 338, 343, 344, 347, 349, 350, 354, 388, 404
 Олентий см. Леонтий, царь
 Олферьев см. Сидор Олферьев
 Ольга, княгиня киевская 382
 Ольгерд (Альгирдас, Волгорд, Волгирд, Олгорд) Гедиминович Литовский, великий князь литовский 9, 26, 27, 29, 30, 35, 37, 48, 74—76, 78, 79, 86, 89, 90, 92, 102, 104, 105, 107, 113, 114, 116, 126, 150, 151, 153, 154, 159, 160, 162, 173, 199—201, 203, 204, 211, 214, 215, 217, 227, 230, 232, 233, 238, 239, 241, 252, 270, 273—277, 279, 281—284, 290, 329, 333, 338—340, 347—349, 354, 376, 379, 383, 387, 391, 393, 399, 400, 406
 Ольгердовичи см. Андрей Ольгердович, Дмитрий Ольгердович
 Ослебя Родион см. Родион Ослебя
 Ослябя (Андрей), монах Троице-Сергиева монастыря 11, 31, 43, 56, 57, 64, 83, 109, 121, 125, 135, 155, 168, 181, 182, 189, 208, 234, 246, 250, 349, 366, 386, 409
 Ослябя Григорий см. Григорий Ослябя
 Ослябятев Яков см. Яков Ослябятев
 Османы, династия турецких султанов 264, 269
 Остроумов Н. 294, 295
 Оськин Г. И. 297
- Павлов П. Н. 288
 Параска П. Ф. 264
 Парфений (Парфеней), сокольничий 384
 Пахомий Серб 261
 Пашуто В. Т. 264, 268, 269, 274, 275, 281, 289, 340, 383, 387
 Пересвет (Александр), монах Троице-Сергиева монастыря 10, 11, 15, 22, 31, 43, 47, 56, 57, 64, 68, 71, 83, 98, 101, 109, 121, 125, 134, 135, 139, 146, 155, 167, 171, 172, 181, 182, 189, 193, 196, 208, 223, 234, 246, 250, 285, 296, 302, 349, 350, 351, 354, 355, 366, 386
 Перун, языческий бог 45, 99, 123, 169, 224, 248, 403
 Петр, митрополит всея Руси 32, 39, 46, 49, 52, 55, 57, 60—63, 66—71, 84, 110, 117—124, 156, 165, 171, 174, 177, 180, 182, 185—188, 191, 193—196, 209, 226, 235, 243, 250, 335, 388, 396, 397
 Петр Горский 35, 37, 59, 89, 92, 113, 115, 159, 162, 185, 214, 217, 238, 241, 400
 Петр Гугнивый, легендарная личность 35, 90, 113, 159, 215, 239, 400

- Петр Чюриков (Чириков) 35, 89, 113, 159, 214, 238, 400
 Петунов см. Константин Петунов
 Пимен, архимандрит переяславский, митрополит московский 52, 127, 177, 178, 252, 267, 394, 405
 Пимен Отходник (Отшельник) 31, 156
 Плакида см. Евстафий Плакида
 Погодин А. 288
 Погодин М. П. 367, 374, 376—378
 Подобедова О. И. 356, 358
 Полянин см. Климентий Полянин
 Пор, полулегендарный древнеиндийский царь 52, 177, 404
 Потин В. М. 269
 Приселков М. Д. 267, 273—278, 323
 Прокудин-Горский И. 400
 Пропп В. Я. 287
 Протасьева Т. Н. 370
 Прохоров Г. М. 267, 275, 339, 405
 Псевдо-Маврикий см. Маврикий Стратег
 Путилов Б. Н. 287
- Разин Е. А. 297
 Раклий, языческий бог 45, 99, 123, 169, 224, 248, 403
 Рахиль, библ. 19, 143, 327, 329, 344, 389
 Ржевские см. Родион Ржевский, Федор Федорович Ржевский
 Ржига В. Ф. 311, 317, 358, 360, 364, 366, 369, 375, 377, 385, 389
 Родион Несторович Квашня, боярин 399
 Родион Ослебя 386
 Родион Ржевский, правнук князя Федора Федоровича Ржевского 55, 79, 107, 154, 180, 204, 232, 394
 Роман, князь прозоровский 30, 56, 82, 108, 113, 155, 181, 207, 233, 238, 395
 Роман, претендент на митрополичий престол 278
 Роман Михайлович, князь брянский 399
 Романовы, династия русских царей 389
 Рублев Андрей см. Андрей Рублев
 Рубрук В. 381
 Румянцев Н. П. 365
 Рус см. Хорс
 Рыбаков Б. А. 280
 Рылеев К. Ф. 290
 Рюрик, князь 362, 371
- Сабур см. Федор Сабур
 Салават (Колават, Салман), языческий бог 45, 99, 123, 169, 224, 248, 403
 Саларевы, купеческий род 398 см. также Дементий Саларев, Михаил Саларев
- Салман см. Салават
 Салмина М. А. 283, 302, 322, 323, 325, 327—329, 332, 342, 344
 Самоквасов Д. А. 402
 Сарра, библ. 387
 Сафаргалиев М. Г. 286
 Сафонович Феодосий 334
 Свесланин см. Иван Святославич Свесланин
 Свидригайло Ольгердович, князь литовский 325
 Святополк (Окаянный), сын Владимира Святославича 18, 23, 28, 35, 38, 41, 77, 90, 93, 96, 106, 114, 116, 142, 147, 152, 159, 162, 165, 202, 215, 218, 221, 231, 239, 241, 331, 343, 384, 389, 391, 400—402
 Святослав Всеволодович, великий князь киевский 313
 Святослав Ярославич, великий князь киевский 362, 371
 Седельников А. Д. 365, 366
 Семен Иванович, князь 63, 188
 Семен Коротынос см. Семен Антонов
 Семен Мелик (Меликов), воевода 15, 22, 34, 38, 47, 59, 63, 68, 89, 93, 101, 113, 116, 117, 125, 139, 146, 159, 162, 163, 171, 185, 188, 193, 194, 214, 218, 226, 238, 242, 250, 302, 388, 391
 Семен Михайлович, князь белозерский 10, 15, 21, 30, 56, 68, 82, 108, 125, 134, 138, 146, 181, 193, 207, 233, 250, 302, 384
 Семен Антонов (Антонов), сурожский купец 34, 57, 62, 85, 112, 158, 183, 187, 210, 237, 398, 408
 Сеннахарим, царь ассирийский, библ. 393
 Сенька Быков 283
 Сергей Радонежский, игумен Троицкого монастыря 19, 31, 35, 38, 42, 43, 46, 47, 49, 56, 57, 59, 63, 64, 66, 68, 70, 71, 82, 92, 96—98, 100, 108, 109, 113, 115, 120, 121, 124, 143, 155, 156, 159, 161, 162, 166, 167, 168, 171, 172, 174, 181, 182, 184, 188, 189, 191, 193, 195, 196, 207, 208, 217, 222, 223, 226, 234, 239, 241, 245, 246, 250, 257, 266, 267, 278, 288, 306, 331, 338, 349, 354, 386, 390, 391, 396, 398
 Серкиз (Черкиз), ордынский царевич 385
 Серкизов см. Андрей Серкизович
 Серов В. А. 290
 Сидор Олферьев (Алферев, Елферьев, Алфериев, Алферов), сурожский купец 34, 57, 85, 112, 158, 183, 210, 237, 398, 405, 407, 408
 Силфен П. Г. 286

- Сим, сын Ноя, библ. 7, 131, 316, 380, 381
 Симеон Столпник, преподобный 16, 18, 140, 142, 388, 389
 Скирмонт, великий князь литовский 9, 133, 383
 Сколоменд см. Скирмонт
 Соловьев А. В. 310, 311, 361
 Соломон царь, библ. 9, 133, 316, 384, 393, 400, 406
 Соундрс Д. 286
 Софоний (Софроний, Сафон) Рязанец 8, 103, 132, 228, 310, 311, 315, 317, 360—370, 382
 Софья, дочь Дмитрия Донского 388
 Сперанский М. Н. 274
 Срезневский В. И. 370
 Срезневский И. И. 309, 328
 Старковы, боярский род 385
 Стефан (Степан) Новосильский (Новоселской), князь 46, 66, 100, 123, 124, 170, 191, 225, 249, 298, 403
 Стратилат см. Евстафий Плакида
 Строев П. М. 374, 375
 Строков А. А. 297
 Судокон см. Григорий Судокон
 Судоконны, дворянский род 395
 Сухан (Сухман), фольклорный персонаж 355
 Сыроечковский В. Е. 398
 Сырохожа, посол Мамаю 279
- Таврул см. Темир-мурза
 Тамерлан см. Тимур
 Тарас Шатнев 68, 194, 406
 Татищев В. Н. 291, 293, 294, 297—304
 Творогов О. В. 283, 317, 361, 362
 Теляк см. Тюляк, хан
 Темир-Аксак см. Тимур
 Темир-Кутлуй, хан 341, 383
 Темир-мурза, воин Мамаю 64, 189, 406
 Тизенгаузен В. Г. 299, 300
 Тимофеев С. П. 312
 Тимофей Васильевич см. Тимофей Волуевич
 Тимофей Весяков, сурожский купец 34, 57, 85, 112, 158, 183, 210, 237, 398
 Тимофей Волуевич (Васильевич, Волуй), воевода владимирский и юрьевский 10, 11, 15, 18, 22, 34, 43, 47, 58, 68, 89, 101, 113, 125, 134, 135, 139, 142, 146, 159, 167, 171, 183, 184, 193, 194, 214, 226, 238, 250, 281, 302, 303, 384, 389, 409
 Тимур (Тамерлан) 258, 282, 288, 294, 295, 299, 300, 310, 339, 341, 385, 394, 396, 400
- Тит Флавий Веспасиан, римский император 25, 50, 51, 74, 148, 175, 176, 198, 392
 Тихомиров М. Н. 269, 280, 283, 292, 301, 302, 309—311, 360, 375, 377, 382, 389, 397, 398, 402
 Тихонравов Н. С. 398
 Тохтамыш (Тактамыш), хан 15, 23, 24, 48, 71, 72, 125, 139, 148, 173, 197, 251, 258, 282, 286, 288, 299, 305, 308, 310, 323, 341, 379, 380, 388, 405
 Трауцеттель Р. 286
 Траян Марк Ульпий, римский император 395
 Тюляк (Теляк), хан 20, 144, 390
 Тютчев Захарий см. Захарий Тютчев
 Тютчев Ф. И. 394
 Тютчевы, дворянский род 394
- Узбек (Азбьяк), хан 53, 179, 405
 Улу Мухаммед, хан 288
 Ульяна, вторая жена Ольгерда Литовского 400
 Ундольский В. М. 361, 369, 370—374, 398
 Урай, князь татарский 80, 205
 Урланис Б. Ц. 282
 Успенский Ф. И. 403
- Федор, сын Олега Рязанского 388
 Федор Андреевич Кошка, боярин 18, 58, 142, 183, 389
 Федор Андреевич Свибло, боярин 389
 Федор Белецкий см. Федор Елецкий
 Федор Елецкий (Белецкий), князь 34, 58, 89, 113, 159, 214, 238, 400, 405
 Федор Зов см. Федор Сабур
 Федор Иванович, князь белозерский см. Федор Семенович, князь белозерский
 Федор Мещерский, князь 400
 Федор Романович, князь белозерский см. Федор Семенович, князь белозерский
 Федор Сабур 46, 67, 100, 124, 170, 171, 192, 225, 249, 403, 406, 409
 Федор Семенович (Федор Иванович, Федор Романович), князь белозерский 10, 14, 21, 30, 46, 56, 66, 68, 82, 100, 108, 124, 134, 138, 146, 154, 170, 181, 192, 193, 207, 225, 233, 249, 250, 302, 384, 387, 406
 Федор Тарусский (Торуский), князь 21, 68, 125, 146, 193, 250, 303, 332, 375, 391
 Федор Федорович Ржевский, князь 394
 Федор Холопищев (Холопов) см. Григорий Холопищев
 Федоров-Давыдов Г. А. 264, 286

- Федосья, жена воеводы Тимофея Волуевича 11, 135, 373
 Феогност, митрополит московский 278
 Феодор, архимандрит Симоновского монастыря (игумен Симоновский) 53, 178, 405
 Феодор Тирон, св. воин, герой апокрифического сказания 97, 120, 167, 222, 246, 403
 Феодорит, претендент на митрополичий престол 278
 Феофан Грек 259, 261
 Филофей, патриарх константинопольский 277, 393
 Флораванти Аристотель 389
 Флор, св. 31, 56, 82, 108, 109, 155, 181, 207, 208, 234, 396
 Флоря Б. Н. 290
 Фома Кацибей (Хецибеев, Хаберцыев, Берцыев, Халпыбеев) 40, 41, 45, 62, 95, 100, 118, 123, 165, 170, 187, 220, 244, 248, 402, 408, 409
 Фома Михайлович Красный, воевода новгородский 87, 213
 Фома Тынин 35, 59, 89, 113, 159, 185, 214, 238, 400
 Фра-Мауро, венецианский космограф 385
 Франке Г. 286
- Хам, сын Ноя, библия 380
 Харитонов А. 355
 Хворостинин И. Ф. 334
 Хилл Е. Ф. 357, 358
 Ховрины, купеческий род 398
 Холопищев см. Григорий Холопищев
 Холмский см. Иван Всеволодович Холмский
 Хорс (Гурс, Гурк, Рус), языческий бог 45, 99, 123, 169, 224, 248, 403
 Хрулев Гридя см. Гридя Хрулев
 Хубилай, хан 263
 Хулагу, хан 263
- Чагатай, хан 263
 Чаниб см. Джанибек
 Черепнин Л. В. 264, 265, 280, 283
 Черный Дмитрий см. Дмитрий Черный
 Чингисхан, основатель и великий хан Монгольской империи 255, 263, 286, 381, 387
- Шамбинаго С. К. 302, 309, 312, 322, 332—334, 342, 346, 364, 366, 368, 375
 Шапорин Ю. А. 290
- Шахматов А. А. 309, 332, 333, 335, 336, 346, 364—366, 368
 Шевырев С. П. 312
 Шеридан-ад-дин Йезди 299, 300
 Шихов см. Андрей Шихов
 Шляпкин И. А. 383
 Шпулер Б. 268, 286
 Шуба см. Акинф Федорович Шуба, Андрей Шуба
- Щусев А. В. 290
- Эдигей см. Едигей
 Экземплярский В. А. 379, 380
 Энгельс Ф. 281
 Эрик Эрикссон, шведский король 401
- Юлиан (Иулиан) Отступник (Флавий Клавдий Юлиан), римский император 25, 29, 54, 73, 78, 105, 149, 153, 179, 198, 203, 231, 392, 394, 406, 408
 Юрий (Георгий), сын великого князя Дмитрия Ивановича 18, 30, 58, 85, 111, 142, 158, 183, 210, 237, 389
 Юрий Васильевич, князь дмитровский 398
 Юрий Захарьевич Хромой, воевода новгородский 87, 213, 407
 Юрий Мещерский, князь 34, 58, 89, 113, 159, 183, 214, 238, 303, 400
 Юрий Святославич см. Георгий Святославич
 Юрка сапожник 283
 Юстиниан (Иустиниан), византийский император 120, 246, 403, 409
 Ючас М. А. 270, 271, 281, 284
- Явнутис, великий князь литовский 273
 Ягайло (Владислав II Ягелло), великий князь литовский 16—19, 22, 50, 51, 54, 55, 59, 60, 70, 103, 138, 140—143, 146, 147, 175, 176, 180, 181, 184, 185, 195, 228, 270, 273, 278, 281, 282, 284, 286, 301, 333, 338—340, 383, 387, 400
 Ягеллоны, польская королевская династия 387
 Ядвига, польская королева, жена великого князя литовского Ягайла 387
 Яким см. Иоаким, праведный
 Яков Андреевич Усатый 79, 107, 204, 232, 407, 408
 Яков Ослябьев (Иаков Ослебятин) 11, 29, 43, 135, 154, 168, 394, 407

Якубовский А. Ю. 286

Ярослав Владимирович, великий князь
киевский (Ярослав Мудрый) 8, 23, 37,
38, 41, 46, 67, 70, 92, 93, 96, 100, 115,
116, 124, 132, 147, 161, 162, 165, 171,
192, 196, 217, 218, 221, 225, 240, 241,
249, 362, 382, 384, 391, 400—403

Ярославна см. Евфросинья Ярославна

Batura R. см. Батура Р. К.

Briquet Ch.-M. см. Брике Ш.-М.

Commeaux Ch. см. Коммо Ш.

Dlugosii Y. 277

Franke H. см. Франке Г.

Hill E. см. Хилл Е. Ф.

Perry M. 271

Sanders G. G. см. Соундрс Д.

Silfen P. H. 271

Spuler B. см. Шпулер Б.

Vernadsky G. см. Вернадский Г.

Wallenbank G. W. 271

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- БАН** — Библиотека Академии наук СССР (Ленинград).
Бегунов — Бегунов Ю. К. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.—Л., 1966.
Веселовский — Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
ВИ — Вопросы истории.
ВОИДР — Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете.
ГБЛ — Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
ГВН_иП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова.
ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва).
ГПБ — Государственная Публичная Библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
ДДГ — Духовые и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.
Егоров — Егоров В. Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой. — В кн.: Куликовская битва. Сборник статей. М., 1980.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.
ИпОРЯС — Известия по русскому языку и словесности Академии наук.
НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.
ОЛДП — Общество любителей древней письменности.
Пергаменный Синодик — рукописный пергаменный Синодик XIV—XV вв. ГИМ, Синодальное собрание, № 667.
ПЛ — Псковские летописи.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
РИБ — Русская историческая библиотека.
РО — Рукописный отдел.
Тихомиров — Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XIV—XV веках. М., 1957.
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.
LUB — Liv-Esth- und Curländisches Urkundenbuch.
SRP — Scriptorum Rerum Prussicarum.

СРАЗАНИЯ И ПОВЕСТИ
О КУЛИКОВСКОЙ БИТВЕ

Утверждено к печати
Редколлегией серии «Литературные памятники»
Академии наук СССР

Редактор издательства *Е. А. Гольдич*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *Г. А. Бессонова*
Корректоры *О. И. Буркова* и *А. И. Кац*

ИБ № 8643

Сдано в набор 27.02.81. Подписано к печати 29.12.81.
М-43633. Формат 70×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 26¹/₂
+1 печ. л. на меловой бумаге. Усл. печ. л. 32.17. Уч.-изд.
л. 33.4. Тираж 30000. Изд. № 7966. Тип. зак. 160.
Цена 4 р. 50 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, 1
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12